

Янтарина Танжерина

Драконий
денть

На молодого короля Кайнира II совершено покушение, расследование которого монарх поручил могущественному и таинственному Драконьему Ордену. Следы ведут к одному из трёх герцогских родов, могущих претендовать на трон Юнгирода. В деревню Кайдарах, расположенную близ родового гнезда герцогов, прибывает магесса, взявшаяся, по требованию короля, искать доказательства вины Файханасов. С первых же дней Айриэннис приходится вступить в противостояние с неизвестным магом, натравливающим нечисть на простых людей.

Примечание: для тех, кто читал эту книгу ранее на СИ, поясняю: это два первых романа цикла «Драконий Орден», объединённые, дабы не разбивать детективную историю.:) В оформлении обложки использована картина Дж. Эткинсона Гримшоу.

Янтарина Танжеринова

Драконий день

Цикл: Драконий Орден

В тексте есть: детективное фэнтези, драконы и маги, сильная героиня

*«Не буди спящего дракона,
и он тебя не проклянёт.»*

Девиз Драконьего Ордена

Начало 3-го Летника 1374 года от У.Д. (Ухода Драконов), королевство Юнгирод

— Глянь, чароплётка!..

— Откуда она, а? Не было ж никого на дороге, я только-только глядел...

— А конь у ней дрянной!..

— А посох-то, посох! Здоровенный какой. Таким ка-ак приложит...

— Ага, тебя по спине, ежели без спросу полезешь!..

Вот-вот, усмехнулась про себя Айриэннис. У неё всегда иллюзии качественные получались. И иллюзорным посохом по спине можно запросто приложить, если нужда возникнет. А то и огнём плюнуть. Окинув неприязненным взглядом группку галдящей деревенской ребятни, копошившейся в пыли до её эффектного появления, Айриэ въехала в деревню. Собственно, сие эффектное появление из ниоткуда вовсе даже не планировалось — Айриэ, задумавшись о своём, попросту забыла вовремя снять с себя дорожный «отвод глаз».

По северным меркам стояла жара; было сухо и пыльно, хотя к ночи должна была разразиться гроза, Айриэ чуяла это безо всякой магии. Начался последний летний месяц, через пару декад похолодает, но и сейчас ночи дарили измученным зноем северянам их обожаемую прохладу. Айриэннис ни жарой, ни холодом было не напугать, а нынешнюю погоду она почитала приятно тёплой и ласковой. Ещё бы воздух не был таким сухим и колким, царапающим горло. Впрочем, это легко лечится чем-нибудь приятно освежающим, дайте только добраться до местной таверны.

Кайдарах был деревней не то чтобы сильно богатой, но вполне зажиточной. Те, кто хотел и умел работать, имели крепкие дома, здоровую, холёную скотину и ухоженные огороды — как почти в любом селении в герцогстве Файханас. Герцоги хорошо заботились о своих людях и землях, прекрасно понимая, что с довольных жизнью подданных доход всегда выше, чем с несчастных и обобранных своими же правителями. Герцогство входило в состав небольшого королевства Юнгирод на северо-западе Аэданира и занимало примерно треть его территории.

О дорогах герцоги тоже заботились: все мало-мальски крупные тракты были замощены булыжниками. Мощёной была и довольно широкая центральная улица Кайдараха, по которой сейчас цокали копыта невзрачного коня «чароплётки». Впрочем, переулки никто не мостил, и на пересечении одного из них с центральной улицей после недавних дождей образовалась огромная лужа, не успевшая высохнуть. В луже лежала абсолютно довольная жизнью чёрная свинья — таких впечатляющих размеров, что Айриэ только головой уважительно покачала. Ну и зверюга!..

Свиньи составляли изрядную статью доходов герцогства: здешние крестьяне испокон

веку откармливали свиней особыми травками и желудями, отчего их мясо становилось нежным, ароматным и исключительно вкусным. Копчёная файханасская свинина с можжевелевым дымком славилась на весь материк. Особенно уважали здешнее мясо гномы из соседнего Фиарштада, скупая едва ли не половину всех производимых в герцогстве копчёностей.

Немногочисленные встретившиеся по дороге крестьяне смотрели на приезжую с умеренным любопытством, больше интересуясь собственными делами. Очевидно, сказывалась близость к родовому гнезду Файханасов, расположенному всего в трёх милях от Кайдараха: насмотрелись здесь на всяких диковинных гостей. Подумаешь, путешествующий маг, эка невидаль. К иллюзорному посоху местные не приглядывались или попросту не знали, что означает венчающая палку драконья голова с оскаленной пастью. Кстати, не будь посох иллюзией, давно бы исколотил свою хозяйку по правой ноге, до чёрно-багровых кровоподтёков. А так висел себе и висел в иллюзорных же петлях, никому не мешая — ни магу, ни лошади.

Впереди справа показалась таверна — крепкое, недавно подновлённое строение со свежеекрашенной вывеской. Название было весьма немудрёным — «Свиная голова», а изображалась на вывеске такая счастливая, довольная жизнью чёрная свинья, что Айриэ невольно задумалась, а не послужила ли моделью для портретика та хавронья из лужи. Похожа была точь-в-точь.

Свинок было жаль. Они вели действительно счастливую, безмятежную жизнь — от рождения и до самого ножа мясника. Жили, можно сказать, полноценно и с пользой. Не всякому человеку дано, хе-хе. И бедные свинки знать не знали, ведать не ведали, что над их головами постепенно сгущаются тучи. Впрочем, это увидят разве что праправнуки нынешних подсвинков.

Айриэ окинула взором уходящий вдаль ряд добротных домов и уже серьёзно подумала, что будет, действительно, очень жаль, если весь Юнгирод и герцогство Файханас в частности изменится к худшему. Не самое плохое местечко, не самые плохие люди здесь обитают. А значит, надо постараться и сделать всё, чтобы успеть вовремя распутать, рассосать набухший над головами здешних обитателей «узел». Для того, собственно, она сюда и приехала. Маг из Драконьего Ордена, ха!

Завернула к таверне, спешила и сунула поводья своего неказистого савраски мальчишке, крутящемуся у коновязи под навесом. Велела обиходить лошадь и сунула медную монетку авансом. В дверях таверны едва не столкнулась с выходящим оттуда красавчиком-менестрелем, кудрявеньким, как юный барашек. Правда, взгляд у «барашка» получился на диво цепким и внимательным, а в глубине глаз вспыхнула мгновенная искра чисто мужского интереса. Хм, в её нынешнем облике смотреть было особо не на что: угловатая, почти мальчишеская фигура, узкие плечи, узкие бёдра, узкое вытянутое личико с тонкими губами и чуть впалыми щеками. Невысокая шатенка лет под тридцать, с прямыми, жёсткими волосами до плеч и глазами цвета ореховой скорлупы. Впрочем, если Айриэннис не ошиблась, в жилах бронзоволового менестреля имелась, как минимум, четверть эльфийской крови, а следовательно, он видит не только внешность, но и суть. Ну, разглядеть её истинную сущность у мальчика вряд ли получится, а всё прочее... пусть смотрит, не жалко.

Однако же забавная встреча. Что здесь делает этот относительно юный менестрель? Эльфы тоже почувствовали неладное? Они могут, вот только разругать ситуацию у них вряд

ли получится, разве что сюда явится половина обитателей Альтинала и примется старательно «лечить мир» своей магией. Неплохо бы, только местные обитатели это вряд ли оценят... На самом деле, эльфы по-настоящему сильны только на своей исконной земле. Вне Альтинала их магия действует не настолько эффективно, особенно по сравнению с драконьей. Но этого мальчика могли послать как наблюдателя — должны же эльфы знать, что происходит. Надо будет к нему присмотреться повнимательнее.

В таверне почти никого не было — середина дня, местные заняты уборкой урожая и хозяйственными делами. Только двое заезжих купцов за столиком неторопливо беседовали, цедя холодное пиво из запотевших, лаково блестящих деревянных кружек. За соседним столиком расположились их охранники, угощаясь тем же самым и хлебом с ломтями копчёного мяса. В помещении было чуть сумрачно, особенно после залитой солнцем улицы, но довольно чисто.

Хозяин торчал за стойкой и заинтересованно уставился на новую посетительницу, намётанным глазом оценивая её вид, наряд и платёжеспособность. Наряд у неё тоже был весьма неказистый: тёмно-серые штаны из так называемой «троллевой кожи», простая белая рубаша с закатанными рукавами, да лёгкие сапоги. Одежду Айриэ зачаровывала лично: от грязи и износа, от жары и холода, сапоги — от промокания. Гораздо больше одежды хозяину сказал уверенный взгляд посетительницы и властная манера держаться, выдававшая, что это не простая полунищая наёмница, а нечто большее. Айриэ уселась и небрежно кивнула хозяину, коротко глянув на потемневшую от времени и пролитых напитков деревянную поверхность стойки, усеянную хлебными крошками и украшенную мокрыми кругами — следами кружек. Стойка, повинувшись заклинанию очистки, заблестела, а крошки и кружки испарились. Сидевшие тут же трапезничающие мухи успели взлететь к потолку с раздражённым жужжанием.

— Чего изволите, мэора? — Голос хозяина, распознавшего в посетительнице мага, преисполнился почтительности.

— Холодного пива, лучше тёмного. И косицу копчёного сыра.

— Сию минуту, мэора!

Пиво оказалось весьма недурным — умный хозяин не рискнул наливать магу дешёвое или, того хуже, разбавленное. Лениво прихлёбывая холодненькое и отщипывая от косицы узкие полоски сыра, Айриэ потихоньку приходила в благодушное настроение.

— Повтори, — велела она, протягивая хозяину пустую кружку, и похвалила: — Хорошее у тебя пиво.

— А то, мэора! — приосанился низенький лысенький хозяин, сразу показавшись выше и значительнее. — Моё-то пиво брат их светлости изволили похвалить, когда наемдни сюда заглянули. Я вам из того же бочонка нацедил, не сомневайтесь, мэора маг! Я ж вижу, кто особого отношения требует.

— О как! — прищёлкнула языком Айриэ. — Говоришь, сам брат герцога сюда заглядывает? И часто?

Свести знакомство с владельцем здешнего края необходимо, но лучше, если всё будет выглядеть случайностью. Если кому-то из Файханасов потребуются услуги мага, получится совсем хорошо. Пусть герцоги ищут мага, а не наоборот. Впрочем, она и не сомневалась, что приглашение в замок последует рано или поздно. Время пока терпит. Надо осмотреться для начала, а уже потом начинать охоту.

— Да когда как, — охотно поддержал разговор хозяин. — Рингиры Файханасы здесь,

почитай, каждую декаду показываются — когда по делам мимо проезжают, то ко мне заворачивают горло промочить. Знают уважаемые рингиры, что я для них всегда держу бочонок-другой хорошего пива. У меня даже гномье светлое имеется, из самого Фиарштада. Так что ежели мэора желает...

— В другой раз, — зевнула Айриэ, — мне пока двух кружек достаточно. Скажи-ка лучше, любезный хозяин, а нельзя ли у тебя комнату снять? Может, на пару декад, а может, и месяц, уж как получится.

— Я комнаты не сдаю — шумно тут по вечерам бывает, зачем же уважаемым клиентам мучиться? А вот зять мой постоянный двор держит. Хороший, чистый, спокойный, и кормят там преотменно — моя дочка сама за кухарками приглядывает, — с гордостью поведал хозяин таверны. — Вот там-то вы и можете комнату снять, мэора маг. Живите в своё удовольствие, сколько вам угодно будет. А ежели скажете, что вы от папаши Брэддора, то зять вам и цену немного скостит.

— Ну, спасибо, папаша Брэддор, — хмыкнула магесса. — Не конкурируете, выходит, с зятем?

— Да зачем же, мэора? — неподдельно удивился хозяин. — Умные люди по пустякам не лаются, а вместе выгоду ищут, тем более не чужие всё ж. Дочка моя любимая замуж вышла — я и помог молодым постоянный двор открыть. Гриллод — мужик с головой, толковый, да дочку мою любит. И руки у него не из задницы растут, чего ж с таким ругаться?

— И то правда, — снова хмыкнула Айриэ, на сей раз одобрительно.

Как не по-людски рассуждает, прелесть просто. Люди обычно как раз-таки с роднёй больше всего и враждуют. Хоть с кровной, хоть со всякими зятьями-тёщами и кто там у них ещё бывает. А тут... будто гнома слушаешь. Вот и ещё один крохотный аргументик в пользу необходимости защиты здешних земель...

— Так что вы, мэора... — хозяин глянул вопросительно, желая узнать имя собеседницы.

— Зови меня Айнура.

Этот её образ, в очередной раз вытщенный из небытия, всегда звали Айнурой, пусть так и остаётся. Капельку похоже на собственное, родное имя, которое в Акротосе знать никому не нужно. Пускай довольствуются «рабочими», к тому же все эти вымышленные имена давно перестали быть чужими. Просто ещё одна грань её природы, ещё один штрих, добавленный к истинному облику.

— ...вы, мэора Айнура, не сомневайтесь: у Гриллода с Тайрой вам понравится, уезжать не захотите. — Хозяин поскрёб блестящую от пота лысину, по которой ползала назойливая муха, и добавил: — А ежели пожелаете пивка хорошего или чего покрепче — милости прошу ко мне. У Гриллода вино к столу подают, но публика там «чистая», всё чинно-благородно. Веселиться ко мне ходят, мэора, так что и вы заглядывайте, не побрезгуйте.

— Загляну, — пообещала Айриэ. — Смотрю, у тебя тут даже менестрель выступает? В дверях с ним столкнулись.

— Да, это мне изрядно повезло, — довольно крикнул Брэддор и взмахнул рукой, на сей раз сгоняя муху с носа. — Тианор этот на лютне бренчит знатно, а уж поёт — заслушаешься. У нас с ним уговор до праздника Урожая: он у меня в таверне выступает не меньше пяти раз в декаду, а захочет чаще — милости просим, хоть каждый вечер. Посетителей он здорово привлекает, Тианора послушать нарочно заходят. И даже сам герцог и рингиры Файханасы вроде как довольны остались, в замок к себе менестреля зазывали. Он у их светлости уже

играл не единожды на пирах.

Тоже Файханасов проверяет? Интересно, что этот мальчик накопал...

— А скажи мне, папаша Брэддор, нет ли тут у вас какой работы для мага?

— Да нет вроде, — с сомнением в голосе отозвался хозяин. — Разве чего по мелочи — вроде курей от мора заговорить, так то вам, наверно, не по чину. Вы ж важная мэора, что вам наши деревенские заморочки. У нас тут свой колдун...ой, маг то бишь, имеется, их светлостью к нашей округе приставлен.

— Маг, говоришь? — наострила уши Айриэ.

Вот мага-то нам и надо. Правда, неизвестно, тот ли это маг, но проверить необходимо.

— Ага, молодой ещё, но ничего так... колдовать умеет. Он этот, как его, ар...артек... артехватор, во! Ну, лампы там магические заряжает, шкафы холодильные чарует, чтоб еда не портилась, и всякое такое по мелочи. Герцог наш его к себе частенько зовёт, в замке чего-то колдовать. Их светлость с нас налоги берёт как полагается, за мага этого тож, но сделал такое послабление: пять штук колдовских штучек в год на одну семью маг бесплатно зачаровывает, а остальное — за плату.

— Повезло вам с герцогом, — рассеянно заметила магесса, дожёвывая остатки сыра.

Артефактор, говорите?.. Ну, может, и так, самой смотреть надо. Хотя на маге не написано, что он умеет, а что нет. И умение накладывать проклятья, тем более такие изошрённые, как то, которым одарили Кайнира, никак не распознаешь, пока маг сам себя не выдаст. Однако накладывали-то проклятие не просто на человека (попробуй, прокляни короля, когда на нём защита, да и охранники-маги рядом имеются), а на некий предмет, который, собственно, и должен был нанести королю вред. Корррявое Равновесие, неужели след? Или пустышка?

— Вот что, любезный хозяин, — магесса решительно стукнула пустой кружкой о стойку, прерывая верноподданнические славословия в адрес герцога. — Поеду-ка я к твоему зятю на постоянный двор ... где он, говоришь, находится? Ага, понятно... Чудненько. А ты, уж не сочти за труд, если спрашивать местные будут, скажи, что я маг. И если нужда возникнет в чём-нибудь посерьёзней, чем подзарядка светильников, пусть смело обращаются. Мне работа нужна. Вашему местному магу я не конкурент, пусть не боится и не обижается. Я к нему как-нибудь в гости загляну, объясню, что хлеб у него отбивать не намерена.

— Скажу, мэора, конечно, меня ж всё одно про вас спрашивать будут, — ухмыльнулся хозяин. — У нас народец не то чтоб сильно любопытный, но интересоваться будут всенепременно.

— Кстати, я — драконий маг. Слыхал о таких?

— Ох ты ж!.. Богини всемилостивые!.. — выпучил глаза хозяин. — Неужто из самого Драконьего Ордена, которому наш король покровительствует?.. Так вы, мэора Айнура, выходит, боевой маг?

— И боевой тоже, — улыбнулась она уголком рта. — У таких, как я, талантов много, а существуем мы для того, чтобы помогать людям. Это наш девиз!

Сахарный и белый. Аж зубы слипаются от сладости.

— Мы берём с людей посильную плату, остальное Ордену платит король. Мы, драконьи маги, призваны уничтожать зло и враждебную людям нечисть. Этим и занимаемся, как завещали нам Ушедшие Драконы.

Слезу, что ли, пустить?.. От большого умиления. Однако же язвы не язвы, а Драконий

Орден — прикрытие неплохое. Да и нужная для этого мира сила. Человеческих магов надо учить пользоваться собственной магией, иначе эти неосторожные глупцы сами не заметят, как раскачают мир. Нарушат Равновесие, да так, что никакие драконы не помогут спасти Акротос, даже если вдруг появятся здесь в изрядном количестве. Этот мир и пятерых драконов разом уже не выдержит. Вот одного — можно... если осторожно.

Уже существует три так называемых Драконьих Академии под патронажем Ордена, а постепенно их станет больше. Обязательный минимум для обучения — пять лет, всё это время обучение бесплатное. Для желающих и дальше совершенствоваться в магических искусствах, но не имеющих возможности платить за обучение предусмотрены так называемые королевские контракты: выпускник Драконьей Академии обязуется пять лет отработать на благо королевства там, куда его отправят.

Впрочем, на Аэданире существовало примерно полтора десятка Магических Школ, также занимавшихся обучением детей, имеющих магические способности, и где точно так же предлагали королевские контракты тем, кто не мог оплатить обучение. Ибо по закону, принятому ещё несколько столетий назад, все, в ком проснулся магический дар, обязаны научиться контролировать свою силу — под руководством наставника-мага. Пять лет обязательного бесплатного обучения (готовившего слабеньких знахарей и «бытовиков») и пять лет платного, но уже добровольного. Закон этот действовал в каждом из человеческих королевств Аэданира и за его соблюдением строго следили: необученный маг представлял собой нешуточную опасность для окружающих.

Главное отличие Драконьих Академий было в том, что там юных магов обучали не просто владению магией, но умению видеть и чувствовать силовые линии, которыми пронизан мир. Человеческие маги, особенно в прошлом, часто рвали магическую оболочку мира, ибо не умели по-другому брать энергию для заклинаний. Только грубо и насильно, спутывая нити, вырывая клочья силы, оставляя зияющие прорехи, которые затягивались с большим трудом. Это также вело к нарушению всемирного Равновесия, угрожало Акротосу нестабильностью и катастрофами. А уж если присовокупить к этому такие милые человеческие качества, как зависть, склочность, воинственность, неумение жить в ладу с теми, кто хоть немного от них отличался или, упасите выдуманные богини, в чём-то превосходил... получалось совсем невесело.

Выпускники Драконьих Академий хотя бы умели не вредить миру, а некоторые, наиболее способные, даже становились членами Ордена и приносили пользу в меру своих сил. Айриэннис знала пятерых человеческих магов, которые научились «лечить мир» почти так же эффективно, как эльфы, и это было настоящим чудом. Давало Акротосу надежду на то, что он останется уютным для жизни местом, а не превратится через несколько тысячелетий в жуткое место, где все воюют со всеми — в мир без магии, в мир внутренней пустоты...

— Хорошо, папаша Брэддор, значит, договорились? Если узнаешь, что где-то есть для меня работёнка — сообщи. А это — в качестве моей ответной услуги!

Айриэ могла сделать всё необходимое, не пошевелив и бровью, однако для пускания пыли в глаза вызвала несколько безвредных искорок и заставила их покружиться под потолком таверны, а потом потрещать и исчезнуть. Вместе с назойливыми мухами.

— Ик... что это?.. — икнул напуганный хозяин, едва удержавшись от того, чтобы не спрятаться под стойкой.

— Я тебя от мух избавила, — мило улыбнулась магесса, кладя на стойку пару

серебряных «коронок». — Можешь не благодарить, я в любом случае собираюсь сюда вернуться. Без мух у тебя будет уютнее.

— Аг-га! — с усилием подтвердил Брэддор, снова почёсывая лысину. Без мухи. И вдруг широко ухмыльнулся: — А я вам всё равно спасибо скажу, мэора Айнура! И с меня гномье пиво, когда придёте.

— Идёт! Кстати, чтоб ты знал, заклинание действует пару месяцев, а к тому времени уже похолодает, мухи в спячку впадут.

Уходя, Айриэ поймала внимательные взгляды купцов, явно прикидывавших, а не может ли им пригодиться неожиданно объявившийся в деревне маг. Может, клиенты у неё скоро появятся, это было бы кстати. Нет, на самом деле Айриэ в деньгах не нуждалась. Она представила себе лица кое-кого из Гномьего банка при известии о том, что их давняя клиентка собирается зарабатывать себе на жизнь «заговариванием курей от мора» — и проглотила короткий смешок. Но дело в том, что ей требовалось вести себя как обычный маг из Драконьего Ордена. Пусть их мало, пусть их обычаев никто толком не знает, пусть о них ходят разнообразнейшие слухи (изрядную долю которых Айриэ сама же и запустила) — но слухам надо соответствовать. Если она отправится к тем же гномам и возьмёт денег на текущие расходы, об этом может узнать кто не надо. И насторожится, а зачем нам это? Пусть лучше она выглядит этаким идеалисткой с авантюрным уклоном, как и весь Драконий Орден. Мол, мы — существа относительно безобидные, никому не мешаем, за большой выгодой не гонимся, работаем за гроши, в большую политику не лезем, надеемся сделать мир лучше.

На случай нужды в деньгах у Айриэннис в поясе были защиты пара десятков золотых монет, а пояс, разумеется, качественно заколдован от воровства. В общем, стоять у Лунного храма с протянутой рукой ей точно не грозило, но всё равно, лучше создать видимость легального заработка. Маги имели право заниматься своей профессиональной деятельностью в любом королевстве Аэданира, однако простые маги обязаны были отчислять некий ежегодный сбор в казну того государства, где они практиковали. Иное дело — драконьи маги. Они были освобождены от любых налогов, кроме разве что пошлины за въезд в тот или иной город. Им традиционно покровительствует корона, зато и отказаться от выполнения королевской просьбы иной раз бывает почти невозможно. Дабы не обострять отношений. Впрочем, юнгиродский король давно приучен к тому, что грязными делишками Орден не занимается, но вот если всё в рамках закона... Эта просьба была таковой, вдобавок совпала с целями самого Ордена и её, Айриэннис, в частности. «Узел» существовал на самом деле, и навис он над территорией герцогства Файханас. В причинах его возникновения ещё следовало разобраться и проверить, виновно ли в этом недавнее покушение на короля или что иное. И как с этим связан род Файханасов.

На первый взгляд, всё было ясно. Очередного человека одолел очередной приступ жажды власти. Правда, в Юнгироде уже больше трёх веков не случалось насильственной смены династии — Доронниры правили в достаточной степени мудро, чтобы не нарваться на острое недовольство подданных. А заговорщиков, как правило, удавалось вычислить вовремя. Помимо земель, входивших в королевский домен, территория Юнгирода делилась на три относительно самостоятельных герцогства — Файханас, Сэйбаон и Торбиан, тем не менее, подчинявшихся короне. В Юнгироде понимали, что лучше уж оставаться пусть небольшим, но зато независимым королевством, чем разбежаться на три отдельных герцогства, которые скорее рано, чем поздно, будут поглощены соседями — Дилианией или

Лиандрией.

У короля Кайнира II пока не было наследников. Если бы покушение было успешным и король умер, в стране началась бы грызня за власть между тремя герцогскими родами. Или, возможно, не началась — если тот, кто готовил покушение, заодно хорошо продумал свои дальнейшие действия и успел бы вовремя взять власть в королевстве. Зная людей, впрочем, Айриэннис не была бы так в этом уверена, особенно если припомнить иные, нелепые до абсурдности покушения из других времён и эпох. Но, как бы то ни было, почти все из рода Файханасов тогда находились в столице, Юнгире, как и большинство местной знати. Покушение пришлось на празднование Начала Лета — горячее, шальное, суматошное времечко, когда все безудержно веселятся, а королевский дворец переполнен гостями, прибывшими на Большой Летний Бал.

Потом ищейки короля старательно пытались найти виновника покушения, но слабые, практически уничтоженные следы вроде бы вели и к Сэйбаонам, и к Торбианам, и к Файханасам, особенно к последним. Тем не менее, чётких доказательств причастности Файханасов к покушению не нашли, а довольствоваться подозрениями Кайнир не желал. Быть может, потому что до сих пор верил человеку, который в юности заменил ему отца — герцогу Рольниру Файханасу. В общем, король обратился за помощью в расследовании покушения к Ордену и весьма настоятельно рекомендовал представить ему веские доказательства вины герцога. Бude таковые отыщутся. Всё следовало держать в строжайшей тайне, дабы сам герцог даже не понял, что оказался под подозрением.

Для себя вопрос с виновностью Файханасов Айриэ уже решила. Скорее всего, «узел» образовался именно поэтому. Чаша переполнилась, так сказать. В конце концов, измена никогда и нигде не считалась благим деянием, а Равновесие она сильно нарушала. Ещё сильнее нарушал его имевший какое-то отношение к герцогам маг, использовавший то грязное, очень грязное заклинание, едва не стоившее жизни Кайниру. Не будь Айриэннис связана данным королём обещанием, она бы всё выяснила за декаду. Если бы понадобилось, вырвала правду силой, уж ей бы подозрений хватило, чтобы начать действовать. Хотя некоторую осторожность следовало соблюдать, иначе это приведёт к нарушению Равновесия уже ею самой, что чревато катастрофой. Что же, будем искать потребованные королём доказательства, корррявое Равновесие!..

Подходя к навесу, где стоял её конь, Айриэ услышала дикий вопль. В два прыжка достигнув коновязи, магесса увидела скорчившегося мальчишку — того самого, кому поручила заботу о своём саврасом. Мальчишка увидел её и в ужасе отпрянул. Он побелел как кусок творога; в широко распахнутых глазах стояли слёзы, но плакать не решался, слишком был напуган. Правую руку он прятал за спину и кусал губы от боли.

— Та-ак, — зловеще протянула Айриэ, мгновенно оценив обстановку. — Ты, бестолочь мелкая, разве не знаешь, что вещи магов без спросу трогать нельзя?

Мальчишка отчаянно замотал головой, потом закивал; пыльные, слипшиеся от пота волосы летали туда-сюда в такт судорожным движениям той части тела, которой положено думать.

— Куда ты полез? — мрачно поинтересовалась магесса. — В сумку?

— Н-нет, мэора, — сипло выдавил из себя мальчишка. — Посох тронул. Дракон... он такой красивый... Я... я его коснулся, а он огнём плю-у-унул... руку обжёг...

Любитель прекрасного нашёлся, чтоб тебя приподняло и шлёпнуло! Он не удержался и всхлипнул, но тут же до крови прикусил губу, со страхом глядя на магессу и ожидая

неминуемой кары. Да уж, разъярённый маг может сгоряча и в зайчика превратить, а то и вовсе в слизня какого.

— А ну, смотри мне в глаза! — приказала Айриэ. — Ты точно только хотел посмотреть посох? Не воровать полез, а?

Смаргивая слёзы с ресниц, он уставился прямо в глаза и упрямо заявил:

— Я посмотреть дракона... Я не вор!..

Мальчишка не врал. Его счастье, не то остаться бы ему с ожогами и, возможно, с искалеченной рукой. Воровства Айриэ крепко не любила и потакать вора не собиралась.

— Руку покажи, — уже миролюбиво велела она. — Да показывай, не бойся. Вылечу я тебя.

На ладони вздулись огромные волдыри, пальцы мальчишки тоже покраснели. Да уж, не буди спящего дракона... Целительство никогда не было её сильной стороной, даже когда Айриэннис была доступна **вся** её магия, а не жалкие крохи, как сейчас. Но ожоги от собственного огня лечить намного проще. Айриэ просто **попросила** забрать назад причинённый вред и осторожно подула на обожжённую ладонь.

— Ну вот и всё, — заявила она довольно.

Мальчишка, вытаращив глаза, уставился на свою неповреждённую руку и, кажется, даже забыл, что нужно дышать. Хмыкнув, Айриэ достала из кошелья серебряную «коронку» и вручила мальчишке.

— Н-но... мэора маг... за что же? Ведь я же...

— За работу, — серьёзно сказала она. — Ты коня моего накормил и напоил, вижу. Иначе мой красавец тут бы уже всё разнёс в ярости. Так что монету ты заработал честно, держи. И, надеюсь, урок ты запомнишь: вещи мага без спросу не трогают. Никогда.

Мальчишка с жаром закивал, зажав монету в кулаке, и утёрся рукавом рубахи, размазав грязь по улыбающейся физиономии.

Постоялый двор и впрямь оказался неплох, Айриэ понравилось. Чистое, относительно новое здание из светлого дерева, уютные номера, окна застеклены дорогими, зачарованными на прочность стёклами и украшены простенькими, но приятными глазу занавесками. Всё мило, просто и по-домашнему. И кормили вполне прилично: Тайра, весёлая кареглазая дочка папаши Брэдора, частенько сама становилась к плите, а готовить она умела и любила, как выяснилось из её же слов и подтвердилось опытным путём. Её муж Гриллод, добродушный великан с копной рыжеватых волос и гулким басом, обожал и свою жёнушку, и двоих отпрысков, и постоялый двор, в который вкладывал душу.

Первый клиент Айриэ нашёлся в тот же вечер. Один из купцов, которого магесса приметил в таверне, действительно надумал обратиться с просьбой. Жил он на том же постоялом дворе и, явившись, не стал ходить вокруг да около, а прямо за ужином подсел за столик Айриэ и попросил найти вора. Купец подозревал кого-то из своих семерых охранников в том, что они потихоньку таскают товары из повозок и продают их налево. Дело оказалось простейшим, а вором — племянничек купца, которого дядюшка никогда бы не заподозрил. Парень, как выяснилось, любил азартные игры, но азартные игры не любили его. Он часто проигрывал, а денежки, выдаваемые дядей на карманные расходы, чересчур быстро иссякали. Айриэннис, смешно сказать, даже к магии не пришлось обращаться. Племянничек сам себя выдал страхом и бегающими глазками, когда понял, кого именно нанял дядя для расследования пропажи товаров. Весьма недовольный исходом дела купец, тем не менее, честно заплатил обещанную золотую «корону», вздохнул и пошёл учить племянничка уму-разуму. Наутро тот щеголял фингалом под глазом и уныло почёсывал спину, по которой прошлась дядюшкина плеть.

Как и собиралась, Айриэ на другой день выспросила, где обитает местный маг, и отправилась с визитом вежливости, благо предлог был хороший. Маг жил и столовался в Кайдарaxe, у одинокой, нестарой ещё вдовы, которая явно смотрела на постояльца как на свою собственность и рьяно, как наседка, готова была защищать от посягательств. Статная, крепкая, как наливное яблочко, вдовица враждебно уставилась на завернувшую во двор магессу, десятым нюхом учуяв угрозу для своего обожаемого подопечного. А то и для себя лично.

— Отдыхает мэор Мирниас, — угрюмо пробурчала она. — Позже зайдите.

«А лучше и вовсе никогда», — явственно читалось во взгляде. Айриэ так легко отступить не собиралась.

— Да ведь уже давно за полдень, — невинно заметила она. — Пора бы мэору и проснуться... если не хочет обед пропустить.

— Не пропустит, уж я всегда мэора накормлю, в любое время, когда ему будет угодно, — заверила вдова и набычилась ещё больше. Даже засопела угрожающе.

— Вот что, уважаемая, давайте-ка, ступайте к мэору Мирниасу и скажите, что я желаю его видеть, — непререкаемым тоном заявила Айриэ, которой надоело быть объектом вдовой ревности.

Послушалась как миленькая, куда бы она делась. Маг появился минут через десять — тощий, высоченный, заспанный и отчаянно зевающий. Светло-русые волосы были мокрыми и висели сосульками — видно, маг пытался проснуться с помощью холодной воды, но не

слишком успешно. Маг был до неприличия молод, лет двадцати с небольшим, и выглядел совершенно безобидным. Что отнюдь не заставило Айриэ снять с него подозрения — внешность ещё ни о чём не говорит.

— Вы хо-о-о-тели меня видеть? — зевнул маг, пытаясь сфокусировать взгляд на визитёрше. — Простите, не выспался, поздно лёг... то есть скорее рано.

— Колдовать много пришлось? — сочувственно осведомилась Айриэ.

— Вроде того, — пробормотал маг и содрогнулся, бросив затравленный взгляд на курятник, в котором скрылась вдовица. — Я Мирниас Сидейон. У вас ко мне какое-то дело, мэора?

— Позвольте представиться, мэор Мирниас, я ваша коллега. Меня зовут Айнура.

И показала левую руку с перстнем, надетым ради этого визита. Перстень был серебряным, с изображением такой же головы дракона, как на иллюзорном посохе. Посох был откровенно бутафорским, члены Ордена таскали эту орясину исключительно для того, чтобы производить впечатление на окружающих. Как очень заметный отличительный знак — принадлежности к избранным, ха! Айриэ же, благо таланты позволяли, нагло ограничивалась иллюзией. А перстень был артефактным: являлся накопителем магической энергии плюс был способен выдать три огненных плевка. Иногда в критической ситуации это здорово выручало. У странствующих магов жизнь беспокойная...

Перстенёк парню явно был знаком. Он разом проснулся и взглянул на посетительницу с куда большим уважением.

— Так вы — из Драконьего Ордена? Редкая гостья для нашего захолустья.

— Везде люди живут, — пожалала плечами Айриэ. — А где есть люди, часто заводится опасная нечисть. И в самом глухом захолустье порой встречаются такие монстры, что волосы дыбом встают.

— Ну, это не про наше сонное болотце, — пренебрежительно махнул рукой парень и вежливо пригласил гостью в свои комнаты.

У мага имелась крохотная гостиная, она же рабочий кабинет, а позади виднелась дверка — очевидно, ведущая в спальню. Обычная сельская комнатка с простой деревянной мебелью и пёстрыми плетёными половичками на полу. Кое-где на стенах висели пучки трав, старательно служа пылесборниками; на столе валялись разбросанные труды по магии, бумаги и гномья чернильная ручка-самописка, также покрытые тонким слоем пыли. Было заметно, что к ним редко прикасаются — очевидно, излишней склонностью к занятиям науками Мирниас не страдал.

— Прошу вас, устраивайтесь, мэора Айнура, — указал маг на стул и чуть смущённо извинился: — Прошу прощения за обстановку, у нас тут всё очень просто, без изысков.

— Ну что вы, мэор, пустяки, я привыкла во время своей бродячей жизни довольствоваться малым, — слегка усмехнулась Айриэ. — У вас же здесь вполне уютно.

Мирниас скривился, будто от зубной боли.

— Ох уж этот мне деревенский уют, — пробормотал он. — Мэора, желаете чего-нибудь выпить?

— Нет, благодарю вас. Собственно, я только зашла познакомиться и заверить вас, что не намерена перебегать вам дорогу и отнимать ваших клиентов. Я собираюсь задержаться в Кайдаре на какое-то время и поработать здесь по специальности.

Мирниас выдавил горький смешок:

— Мэора Айнура, прошу вас, не надо издеваться. Я же понимаю, кто я — и кто вы. В

ваш Орден берут только сильных магов. А я... что там скрывать, я — середнячок, если не сказать хуже. Моих способностей хватает только на то, чтобы осчастливливать крестьян бытовыми заклинаньями.

— Вы здесь по королевскому контракту?

— Да. Мне ещё четыре года отрабатывать. — В его голосе явственно слышалась тоска. — Мне кажется, я с ума сойду, если ещё раз услышу «про курей и поросей», которых надо заговаривать от болезней и прочих напастей.

— Хм, свинки здесь знатные, было бы жаль, если бы с ними случилась неприятность. Копчёная свинина — достояние Файханаса. Вы должны радоваться, что помогаете его сохранять, — невинно улыбнулась магесса.

— Всё-таки издеваетесь... Ну что ж, имеете право. Вы — сильный маг, так посмейтесь над жалким неудачником. — На щеках парня вспыхнули красные пятна.

— Ну-ну, не кипятитесь, молодой человек! Я просто пошутила, — примирительно сказала Айриэ. — Я не собиралась вас задевать. Не мне вам рассказывать, что вы делаете нужное дело. И в любом случае, вы отработываете королевский контракт. По собственному, кстати, желанию: сомневаюсь, что кто-то заставлял вас продолжать учёбу. Сами решили, сами теперь и долги отдавайте. Как взрослый человек, а не...

«...разнюнившийся мальчишка», — мысленно окончила она фразу, но вслух произносить не стала. И так он уже волчком смотрит. Она действительно не собиралась портить отношения с... хм, коллегой, но выслушивать нытьё ленивого юнца?!. Корявое Равновесие! Будто не знал, на что идёт, подписывая контракт. Надеялся на тёплое местечко, а его «сослали» в деревню и теперь мальчик зол на весь мир? Тогда как виновник его нынешнего положения один-единственный: в зеркале может увидеть, когда туда заглянет. Кто этому юнцу мешает заниматься, а? Книжки есть, времени в деревне навалом. Между прочим, даже изначально слабенькие человеческие маги могут развить собственный дар, если будут усердно тренироваться. Существует комплекс специальных упражнений на развитие магического резерва. Чем больше резерв, тем сильнее маг. Да, долго и нудно, да, тяжело и выматывающе, но если тебя не устраивает нынешнее положение — трудись. Ныть всякий дурак умеет, дурное дело нехитрое.

Разумеется, всё это могло быть маской, скрывающей под собой опасного противника. Где-то же был тот маг, что изготовил проклятый амулет, едва не сгубивший юнгиродского короля. Если маг желает скрыть свою силу, её величину никак не определишь. Судить можно только по творимым магом заклинаниям. Но, по правде говоря, Айриэннис слабо верилось, что этот безобидный нытик может представлять опасность. Скорее всего, он тот, кто есть на самом деле: не очень сильный и довольно-таки ленивый маг, не желающий работать над собой, чтобы добиться большего.

— Вы, мэор Мирниас, за какие дела обычно берётесь? — вежливо поинтересовалась Айриэ, пояснив: — Я к тому спрашиваю, чтобы, действительно, вам ненароком дорогу не перебежать. А то невежливо как-то получится.

— А, чем хотите, тем и занимайтесь, — угрюмо отмахнулся «коллега». — Не мне, жалкому неумёхе, обижаться.

— Прекратите! — не сдержалась Айриэ. — К чему это самоуничижение? Я через какое-то время уеду, а вы как выполняли ваши обязанности, так и дальше будете. Хозяин таверны, к слову, вас хвалил. Я так понимаю, вы — неплохой артефактор?

Мирниас неопределённо пожал плечами.

— Ну, накладывать на предметы «бытовые» заклинания у меня вроде бы неплохо получается... но это же ерунда! Подумаешь, великое умение, — кисло сказал он.

— А вам что, подвигов захотелось? — насмешливо хмыкнула Айриэ.

— Силёнок не хватит, — криво улыбнулся молодой маг. Глаза его были тоскливыми.

— А что, вам кто-то мешает тренироваться? Многочисленные обязанности, быть может? Отсутствие нужных знаний? Так читать, я думаю, вы всё-таки обучены. А нужные знания — вон там, третья книга сверху. Труд магистра Лоннира. Дерзайте.

Небрежно кивнув на прощание, Айриэннис удалилась. Скорее всего, этот парень не тот, кого она ищет, но окончательно снимать подозрения с него пока рано. О другом маге в здешних краях никто пока не говорил, но это не значит, что его нет. Надо осторожно спрашивать местных, вдруг кто-нибудь что-то слышал.

Поспрашивать крестьян под видом поиска заработка не получилось. Через пару домов от обиталища мага Айриэ столкнулась с давешним менестрелем. Молодой красавчик рассиялся так, будто с ним произошло нечто на редкость прекрасное.

— Мэора магесса! Счастлив, что встретил вас. Позвольте составить вам компанию?

— Ну составляйте, — милостиво разрешила Айриэ, оглядывая миленького барашка с бронзовыми кудряшками. — Мэор Тианор, если не ошибаюсь?

— Тианориннир, если быть точным, — учтиво поклонился менестрель, придерживая висевшую за плечом лютню. — Тианор — это по-человечески, дабы не заставлять окружающих испытывать сложности с запоминанием и произношением эльфийского имени. Но вы можете звать меня как вам будет угодно, прекрасная мэора.

На «прекрасную» Айриэ скептически хмыкнула и вздёрнула левую бровь, ожидая продолжения.

— Мэора Айнура, я слышал, вы принадлежите к некоему весьма интересному ордену? — вкрадчиво осведомился менестрель.

— Вести в деревне разносятся быстро, — заметила Айриэ. — Имя и род занятий вам уже известны. Цель приезда ещё не выяснили?..

— Только если вы сами пожелаете о ней поведать, — мурлыкнул Тианориннир, интимно склоняясь к уху магессы и щекоча шею своим горячим дыханием. — Можно только мне и на ушко... я никому вас не выдам... ни единой деревенской кумушке...

Вот правильно эльфы стараются плодить как можно меньше подобных полукровок. Ни то ни сё — ни человек, ни эльф, а не пойми бери что получилось. Чистокровный эльф давно бы уже изложил суть дела вместо плетения словесных кружев и сладострастного сопения в ухо, а это дитятко поразвлечься решило. Дурачится, разумеется, только с какой целью? Человеческое чувство юмора не вовремя разыграло или ещё что?

Эльфа магесса спросила бы прямо, что ему удалось выяснить касаясь «узла» и причин его возникновения. Человека она бы живенько поставила на место и разом отучила бы от дурной привычки флиртовать, когда собеседница явно не расположена выслушивать ненужные глупости. А с этим недоразумением что прикажете делать? Не обращать внимания и ждать, пока ему надоест резвиться. Тоже тактика. В конце концов, она же не девственница нещупаная, чтобы шарахаться прочь.

Айриэ всего лишь позволила себе чуть заметно поморщиться, обозначив таким образом своё неодобрение. Реакция, к её некоторому удивлению, последовала незамедлительно:

— Насколько я понимаю, вам не нравится моя маска? О, как интересно!.. — захлопал глазками барашек. Ресницы — чёрные, длинные, густые, чуть загибающиеся кверху —

порхали бабочками. А взгляд был совсем не дурашливый — внимательный такой, умный. — Но вы же почему-то подумали, что мне понравится ваша. Отвечаю любезностью на любезность, только и всего.

— А кто вам, мой милый юноша, дал полномочия смотреть **сквозь** мою маску? — приподняла брови магесса.

— Ведь я же наполовину эльф. — На его щеке появилась очаровательная ямочка. — Видеть сквозь иллюзии — мой дар...ну или проклятие, как посмотреть.

Мальчику придётся огорчиться... и свыкнуться с мыслью, что бывают такие иллюзии, которые окажутся ему не по зубам. Вслух Айриэ этого не сказала, но он и так, похоже, понял.

Выводил её из себя намеренно, дабы посмотреть, даст ли маска трещину. Да вот досада, не вывел... Но и незаметно, чтобы сильно огорчился по сему поводу.

Наверняка увлекательная беседа продолжилась бы, но их довольно-таки бесцеремонно прервали. По соседнему проулку с гиканьем и свистом промчались несколько всадников на породистых скакунах. Промчались, распугивая кур и свиней, разбрызгивая грязь, с чавканьем летевшую из-под копыт. Вылетев на мощёную центральную улицу всадники, скорее всего, повернули бы к замку, но предводитель, щегольски одетый юноша в тёмно-синем бархатном берете, заметил менестреля и резко осадил коня, безжалостно дёрнув поводья.

— Любезный Тианориннир, — чуть манерно растягивая слова, заговорил юноша, милостиво кивнув в ответ на поклон менестреля. — Надеюсь видеть вас в замке сегодня вечером. Мы с друзьями устраиваем вечеринку.

Юноша, как и его конь, был породистым, очень. Файханас, вне всякого сомнения. Семейный высокий лоб и ястребиный нос, глаза небесной голубизны и подвитые русые волосы, решительно выдвинутый вперёд подбородок. Похож на старого герцога, которого Айриэ видеть доводилось, правда, не в её нынешнем образе, так что узнавание магессе никоим образом не грозило. Юношу её особа не заинтересовала совсем: скользнул безразличным взглядом, наверняка посчитав заурядной наёмницей, не стоящей его высочайшего внимания. Это Айриэ устроило как нельзя более: привлечь внимание кого-то из Файханасов всё-таки следовало своими профессиональными качествами, а не нынешними весьма скромными внешними данными. Эх, ей бы какое-нибудь громкое деяние совершить... Неужели не найдётся в герцогских владениях подходящей нежити, которую следовало бы ликвидировать? При таком-то маге здесь что угодно могло завестись, от кладбищенских гулей до личей.

— Мэор, это будет честь для меня, — вновь поклонился менестрель. — Я с величайшим удовольствием спою и сыграю для вас и ваших уважаемых друзей.

Друзья одарили менестреля одобрительными репликами, и группка молодёжи умчалась к замку, поднимая по дороге клубы пыли: прошедший ночью грозовой ливень смочил землю, но исправно греющее солнце уже успело всё качественно подсушить. Неслись они по обочине, так что пыли было много.

— Наследник его светлости, мэор Орминд, — пояснил менестрель, подтверждая догадку Айриэ.

— Я так и поняла. Будете услаждать слух молодёжи? Хорошее дело.

Менестрель неопределённо пожал плечами и вдруг предложил:

— Мэора Айнура, хотите, представлю вас сыну герцога? Ведь вы — маг-наёмник, я правильно понимаю? То есть, как и всякий член вашего Ордена, оказываете магические

услуги там, где это потребуется. Его светлость мог бы заплатить больше, чем жители этой деревни. Думаю, работа в замке для вас найдётся.

Хм, а мальчик-то произнёс это с таким нарочитым подтекстом, особенно последнюю фразу, что просто нельзя было не обратить внимания. Интересно, что он имеет в виду? Намекает, что в замке что-то нечисто и следует проверить лично? Так проверим, дайте срок.

— Благодарю за любезное предложение, мэр Тианориннир, но пока я им не воспользуюсь. Мне хочется поработать в округе, на свободе. Мы, драконьи маги — вольные птицы, за большими заработками не гонимся. Если мои услуги понадобятся его светлости, думаю, мне дадут это понять. А навязываться мне бы не хотелось.

— Ваше право, мэра, — улыбнулся полукровка. Раздосадованным он не выглядел.

— Кстати, а что, мэр, разве у герцогов в замке нет собственного мага?

— Насколько мне известно, нет. Говорят, года три назад прежний маг умер — несчастный случай. С тех пор собственного мага в Файханас-Маноре не держат. Мелкие магические услуги оказывают приезжие маги-наёмники либо же контрактник, мэр Мирниас. Он проживает здесь, в Кайдарахе.

— Да, с ним мы уже познакомились. Хм, несчастный случай, говорите?

— Так ведь сложно назвать счастливой случайностью то, что вами закусывает голодный упырь, — заметил менестрель. — А с прежним герцогским семейным магом именно это и произошло. Так говорят, меня самого здесь тогда не было.

— Возможно, маг был слабый, — предположила Айриэ.

— Возможно, — не стал спорить Тианориннир, — хотя зачем бы герцоги держали десять лет в качестве семейного мага неумёху и слабака? Ведь в столице они легко могли нанять первоклассного специалиста. Впрочем, как я уже сказал, я об этом знаю с чужих слов. Если вас интересует погибший маг, спрашивайте у очевидцев, мэра Айнура. А вас я приглашаю завтра вечером в «Свиную голову». Сегодня я выступаю в Файханас-Маноре, но завтра буду развлекать местных в таверне. Надеюсь, мэра, вы не откажетесь послушать мою игру?

Ресницы вновь затрепетали, тёмно-янтарные глаза смотрели пылко и вместе с тем чуточку насмешливо. Айриэ усмехнулась в ответ:

— Не откажусь. Думаю, я в любом случае неплохо проведу время. Пиво у папаши Брэйдора отличное.

Пел менестрель хорошо. Пожалуй, даже слишком хорошо для человеческой деревеньки Кайдарах, чьи жители, привыкшие к музычке попроще, едва ли могли в должной мере оценить мастерство Тианориннира. Тем не менее, полуэльф выкладывался на все сто — наверное, как и его эльфийские родичи, просто не мог лгать песней. Айриэннис искренне наслаждалась красотой его игры и пения, когда он изредка исполнял эльфийские баллады. Когда, чтобы порадовать собравшуюся публику, он переходил к привычным для крестьян человеческим плясовым и частушкам, просто переключалась на потребление гномьего светлого пива, хотя честно отдавала должное мастерству менестреля. Айриэ подозревала, что сегодня в таверне звучало непривычно много эльфийских песен, что косвенно подтвердило удивление папаши Брэйдора по поводу репертуара Тианора. Что ж, она ничего не имеет против такого знака внимания со стороны полуэльфа. Услаждает слух.

Через какое-то время менестрель сделал перерыв, спеша промочить натруженное горло поднесённым пивом. К столику Айриэ подошёл кто-то из местных и пробасил:

— Мэра колдунья дозволит присесть?

Крестьянин выглядел внушительно и добротно. Средних лет, круглолицый, с румянцем во всю щёку, коротко стриженный и начинающий седеть. Рубаха с вышитым воротом из тонкого полотна и щегольской пояс тиснёной кожи говорили о достатке и солидности. Скорее всего, хозяин одной из кайдарахских ферм.

Айриэ согласно кивнула и уточнила:

— Я — маг. Магесса, если угодно. — Именоваться «колдуньей» ей не нравилось.

— Прощения просим, мэора маг, — поправился крестьянин. — Меня Нарвасом звать. Слышал я, что мэора работу ищет по своей, колду... магической части?

Нарвас смотрел с хитрецей и вместе с тем несколько смущённо, будто заранее опасался, что ему откажут.

— А у вас есть что мне предложить, брай Нарвас?

— Да вроде как, — с некоторым сомнением отозвался потенциальный клиент, явно не уверенный в том, что ему стоит излагать свою проблему заезжей магессе. Потом крякнул, решился и подозвал подавальщицу. — Дозволите вас пивком угостить, мэора?

— Благодарю, мне хватит. — Айриэ болтнула остатками пива в кружке. Она действительно не любила выпивать больше двух кружек подряд.

— Ну как знаете, мэора маг, а я выпью... Да, так вот, дело-то моё вроде как простое, но... нечистое. Вы только не гневайтесь прежде времени, мэора маг, выслушайте, сделайте милость. А то я намедни мэору Мирниасу было заикнулся, так он меня к свиням собачьим послал.

Айриэ насмешливо фыркнула, но заверила фермера, что непременно выслушает и гневаться не станет. Несколько успокоенный Нарвас продолжил:

— Я, мэора, как многие у нас, свинок держу и скажу не хвалясь, дело идёт отлично. Ферму я от отца унаследовал, да сам сложа руки никогда не сидел, вот и водится в карманах серебро, да и не только оно. — Нарвас многозначительно посмотрел на магессу, давая понять, что клиент он платёжеспособный. — Есть у меня преотменный хряк-производитель, рыжий, породистый, хороших кровей. За поросятами от него люди в очередь выстраиваются. Держу я его в отдельном сарайчике, на окнах там решётки, на дверях замок — самолично каждый вечер запираю. Не то чтоб у нас воровство часто случалось, его светлость герцог за порядком следит и простой люд защищает. Но всё ж-таки и самому надо голову на плечах иметь, а на дверях — запоры крепкие, тогда и порядок будет. — Он отхлебнул пива, утёр ладонью мокрые губы и продолжил: — То есть я к тому веду, что к хряку ночью никто попасть не мог, решётки и замки целые. Но эдак с декаду назад прихожу это я утром дверь отпереть да хряка в загон выпустить и вдруг вижу: рыжий мой забился в дальний угол, дрожит и выходить отказывается, а на соломенной подстилке веноч невестин лежит. Девки на выданье у нас такие плетут, непременно из белых цветов, да в праздник Начала Лета на женихов гадают, в воду венки бросают. Пригляделся я, значит, к венку, а он не простой: цветы хоть и белые, да невиданные, таких у нас не сыскать. Колокольцы на тонюсеньких стеблях, каждую жилку на просвет видать. Да вдобавок мокрые они, будто только-только из воды выловленные, и бледной зеленью отливают, тиной да тленом пахнут. Собака со мной была, так она было в дверь сунулась, да вдруг отпрянула, завыла коротко, хвост поджала и удрала прочь. А хряк ни в какую не выходил из сараюхи, пока я веноч убрать не приказал. И не иначе как сами Лунные богини-то меня надоумили приказать, чтоб веноч тот не руками, а палкой подцепили, унесли со двора да сожгли вместе с палкой. Я, правда, на нечисть тогда не думал, просто порчи опасался.

Айриэ вопросительно приподняла брови, честно стараясь скрыть насмешливые огоньки в глазах. Порча, которую попытались наложить на элитного хряка, впечатляла... масштабами злодейства. О, пасторальная жизнь!.. Магесса умиленно вздохнула. Нарвас пояснил:

— Мало ли, кому и где я дорожку перешёл. Люди-то разные бывают. Откуда ж мне знать, может, кто чёрным колдовством балуется, да и решил вот мне гадость сделать... Нет, мэора, я ни на кого рукой указать не могу, но веночек-то в запертом сарае не сам появился. Да не единожды, а три ночи подряд! Потом стихло всё, а может, потому, что я батракам приказал караулить ночью по очереди возле сараюхи. Три ночи они просидели, всё тихо было, и я велел бросить это — подумал, что надоело тому шутнику веселуху устраивать. Да и не подействовала порча ни на кого. Может, потому, что хватило у меня ума подброшенного венка не касаться и своим не позволять. Он, мэора, прям тошноту вызывал, до дрожи его не хотелось трогать. Грязный он будто, веночек этот, да тленом пахнет, как... как с утопленницы снят или навроде того.

— А потом что? — поторопила Айриэ фермера, увлечённого описанием своих переживаний.

— А потом — хуже стало, мэора, — угрюмо ответил Нарвас. — Как только караульных убрали, в сарае браслет невестин появился. Из речного жемчуга, самого простенького, у нас такой невесте на свадьбу одевать положено, а после — когда первенец на свет появляется, да при именовании каждого из детей в Лунном храме. И браслет этот тоже мокрый был, сохнуть не желал, а уж воняло от него — будто точно с разложившегося трупа снят.

Крестьянина передёрнуло, он поскорее присосался к кружке, стремясь запить неприятные воспоминания. Айриэннис лениво размышляла, какая нечисть тут может развлекаться. Наверное, Нарвас, фигурально выражаясь, плюнул в ближайший водоём, вот эта русалкина родня и ополчилась на любимого хозяйского хряка. Нечисть, скорее всего, относительно безобидная и просто мстит, но проверить придётся.

— Вот, мэора магесса, я решил, что караульных сажать без толку, да и бояться стали люди-то. Две ночи после того тихо было. Хряк мой спокойно себя вёл, не пугался, ел за двоих. Да только не отвязалось от меня это лихо проклятое. В сарае на соломе фата невестина лежала, тоже мокрая и с гнилостным духом.

Айриэ представила себе хряка в фате, жемчужном браслете и с веночком на голове — и подавилась остатками пива. Пока она смеялась-откашливалась, утирая слёзы, Нарвас на удивление серьёзно переживал приступ весёлости, одолевший магессу. Потом усмехнулся криво, устало и как-то даже испуганно, хотя за последнее Айриэ не поручилась бы.

— Я и сам знаю, мэора, что дурак-дураком выгляжу. Когда я с этим к мэору Мирниасу подкатился, он меня и послал, слушать не захотел. Да только с сыном у меня теперь, кажись, неладно. — Нарвас вздохнул. — Сам не знаю, нечисть ли в том виновата, но... судите сами, мэора маг. Мой младший, десять годков ему, позавчера с приятелями своими подрался. Ну, то дело обычное, мальчишкам без драк никак не обойтись. Да только сын работу ему порученную не выполнил, а с этим у меня строго. Я своих с малолетства к труду приучаю, мне лодырей-белоручек не надобно. Так вот, младший мой в числе прочих дел должен каждый вечер домой большую корзину ряски приносить, очень её свинки и куры уважают, да и на пользу им такой корм. А в тот день, как я говорил, мальчишка с дружкой подрался, те корзину ему сломали, и явился мой парень домой пустой, порученную работу не выполнив, да ещё пытался скрыть от меня всё. Ну, я ему крапивой всыпал за всё хорошее, да велел

наутро с петухами встать и топтать за ряской. В общем, чуть засветлело, пошёл сынок как миленький куда велено, к мельнице то бишь. Там, недалеко от мельницы, у нас пруд старый имеется — большой, глубокий, в жару не пересыхает. Караси водятся, да ряской его летом всегда густо затягивает. Купаться там не купаются, вода стоячая да вонючая, а у нас речка чистая рядом; на ней, к слову, мельница и стоит.

Фермер допил пиво, но заказывать ещё кружку не стал. Помолчал немного и продолжил рассказ:

— Сын мой ряски-то набрал, как ему было велено, да только повстречался он кое-с-кем на пруду, и встреча та, боюсь, дорого ему встала. А может, просто совпало всё так, а мальчишка простуду подхватил или ещё какую хворь... В общем, вчера поутру заметил я, что сын мой будто замороженный ходит, никого вокруг не замечает, отвечает невпопад. А потом вдруг уселся в уголке и дрожмя дрожать начал, будто от холода. Я к нему с расспросами подступился, ну он и поведал, что на рассвете на берегу пруда видел деву белую, полупрозрачную, без одежды, с прекрасным лицом. Дева косу длинную, мокрую распустила, песню нежную пела, да и сушила волосы будто, а они всё не сохли. Мальчишку моего она углядела, поманила к себе рукой, тот возьми и подойди. Говорит, не хотел идти, боязно было, а сил противиться не нашлось. Вот дева-то эта на него как глянула глазами своими зелёными, бездонными, как омуты — будто душу вынула. Протянула она ему веночек точно такой, как хряку моему подбросили. — Айриэ честно старалась сдержать хрюканье и сидела с каменным лицом. — Да только вспомнил Бакас в последний миг, что я велел такие венки сжигать, не касаясь до них, и руку отдернуть успел. Веночек на землю шлёпнулся, а дева как осерчает! «Всё равно моим будешь!» — крикнула, топнула ножкой белой, да исчезла, как не бывало её. А потом смотрит сынок мой, а на лугу, на траве — следы девичьи, маленькие, блестящие, будто ледяные, искрятся на солнце, но не тают. Он возьми и ткни в такой след пальцем. Говорит, ледяной он и вправду, холод сразу будто до сердца дошёл, да там и угнезвился. А след взял и рассыпался мелким крошечком, а потом вовсе истаял. И веночек вместе с ним. А на мальчишку будто сон колдовской наяву напал. Так и ходит со вчерашнего. А нынче ночью Бакас метаться начал, кричать, что тонет и выбраться из воды не может. Чуть взаправду не захлебнулся, это в доме-то, на втором этаже.

Айриэ, честно признаться, пребывала в некотором недоумении. Не то чтобы она досконально знала всю местную водяную нечисть, но о такой слышать вроде бы не доводилось. Если уж кто из нечисти детей или взрослых сманивает, то, во-первых, по ночам, а не когда уже рассвело. Во-вторых, сманивают сразу, затаскивают жертву в воду — и всё, поминай как звали. В третьих, нечисть, запавшая на хряка и вознамерившаяся сделать того своей невестой... это, как минимум, нетрадиционная нечисть. Если, конечно, всё это не шуточки какого-нибудь недоброжелателя Нарваса, как тот и предположил вначале. А всё прочее — фантазии. А мальчишка простудился, бывает, вот и привиделось от жара что-то кошмарное.

Магесса вполуха слушала менестреля и лениво размышляла, стоит ли соглашаться проверить самой, что случилось у Нарваса, или же последовать примеру коллеги Мирниаса. Впрочем, хочешь не хочешь, а проверить она должна. Мало ли что...

— Я, мэора магесса, боюсь, что парень мой сегодня опять во сне тонуть будет... да уже и не выплывет, — вдруг тихо признался Нарвас, и Айриэ внимательно взглянула на него. Похоже, он, рассказав о своей проблеме, внезапно проникся её серьёзностью. То есть не то чтобы совсем уж внезапно, просто до сего момента бодрился и старательно гнал от себя

тоскливые мысли, до последнего надеясь на чью-то злую шутку. Не получилось. Да ещё и её, Айриэ, тревогой заразил. — Вы мне не откажете, мэора?.. Я заплачу, хорошо заплачу, только согласитесь глянуть, что там такое. Помогите, мэора...

— Вы мальчика целителю показывали? Есть в Кайдарахе кому болезни лечить?

По крайней мере, небольшой храм в деревне имеется, а значит, должны быть и Лунные сёстры. Их способности к лечению болезней скромные, профессиональный маг-целитель намного сильнее, но магов мало, а жриц — гораздо больше. Их вера предписывает им заниматься лечением и утешением всех страждущих.

— Бабка-знахарка приходила, позвал её сегодня моего Бакаса посмотреть. Она его травками напоила, пошептала — Бакасу вроде легче стало, жар спал малость. Да только мне отчего-то боязно стало. Вот как вам рассказал, так и понял разом, что боюсь, как бы ночью за ним нечисть не пришла. Следа её мой сын всё ж-таки коснулся... Вдруг она, тварь эта, теперь власть над ним имеет?

— Хорошо, брай Нарвас, я попробую вам помочь. Едем сейчас. Вы далеко живёте?

— Да не, тут близко, моя ферма на окраине деревни. И бричка у меня есть, я вас мигом домчу.

Айриэ подошла к стойке расплатиться с хозяином за вторую кружку гномьего светлого, но папаша Брэддор только руками замахал — мол, это «за мух». То бишь за избавление от них. Видно, оценил нынешнее безмушьё. Вежливо дождавшись, пока сидевший тут же у стойки менестрель допoeт очередную песню, поблагодарила его за доставленное удовольствие. Причём совершенно искренне, мастерство Тианориннира заслуживало всяческих похвал. По-эльфийски миндалевидные глаза менестреля засияли тёмным золотом от удовольствия.

— Рад, мэора Айнур, что сумел доставить вам несколько приятных минут. Надеюсь, вскоре мне вновь удастся развлечь вас своей игрой. Приходите, я буду ждать, — попросил он, бросая пылкий взгляд из-под пушистых ресниц. — Обычно я выступаю здесь через день, если, разумеется, вдруг не понадобится в Файханас-Маноре.

Выйдя во двор, Айриэ знаком велела давешнему любопытному мальчишке подвести её лошадь и привязала Шоко к задку повозки клиента. Сидевший в своей свежевыкрашенной, чистенькой бричке Нарвас сжимал в руках поводья ухоженного гнедого мерина. Он с заметным сожалением, смешанным с недоумением, окинул взглядом неказистого, тощего, но толстоногого савраску с жиденскими гривой и хвостом. Такого конька в плуг запрячь ещё куда ни шло, но чтобы уважаемая мэора, да вдобавок маг, не побрезговала верхом сесть... Хмыкнув про себя, магесса не стала развеивать недоумение Нарваса. На самом деле её тонконогий, стройный красавец был тёмно-игрневым: довольно редкого тёмно-шоколадного окраса со светло-рыжей гривой и волнистым хвостом чуть более яркого оттенка. Но дело даже не в масти, а изумительной сообразительности, выносливости и быстроте жеребца, которого пришлось замаскировать. Такой конь стоил дорого, слишком дорого для простого бродячего мага, перебивающегося случайными заработками. Конечно, легко можно было объяснить появление такого коня подарком какого-нибудь благодарного клиента, спасённого от страшной опасности, но куда проще было воспользоваться мороком. Как уже упоминалось, в иллюзиях Айриэ была мастером высшего класса.

Дом и хозяйственные постройки у Нарваса производили впечатление такой же добротности, как сам хозяин. Солидно, чисто, просторно; в хлевах сыто похрюкивают многочисленные свиньи; трое батраков неторопливо доделывают последние вечерние дела; пара женщин загоняет кур в курятник, а долговязый подросток ходит и активизирует магические светильники: становится темновато, а ночью на освещении двора у Нарваса явно не экономят. Из трубы мыльни струится дымок, а из-за неплотно прикрытых дверей слышится плеск воды, гомон молодых мужских голосов, смешки и подначивания: соседняя дверь, судя по всему, ведёт в женскую половину мыльни, оттуда доносятся взвизги и задорные выкрики в ответ.

— Батраки после работы моются, — пояснил Нарвас, заметив взгляд магессы, и усмехнулся: — Девки за перегородкой, всё слышать, но ничего не видеть.

— И много их у вас, батраков? — зачем-то спросила Айриэ.

— Десяток постоянных, да ещё почти столько же временных, до праздника Урожая нанятых. Времечко-то горячее, уборочная.

Магесса рассеянно кивнула, рассматривая подбежавших хозяйских псов — тёмно-серых с рыжими подпалинами, поджарых и мускулистых, с умным взглядом. Они было залаяли на чужачку, однако тут же умолкли, повинувшись хозяйской команде, и только бдительно принюхивались. Из коровника вышла дородная, румяная женщина с полным подойником. Заметив приехавших, она тут же передала подойник вышедшей следом батрачке, и торопливо подошла, вытирая руки о передник. Следом подтянулся долговязый подросток, занимавшийся светильниками. Судя по внешнему сходству с Нарвасом, хозяйский сын. Он с интересом рассматривал диковинную гостью и не выглядел хоть сколько-нибудь обеспокоенным, в отличие от женщины, в которой нетрудно было угадать хозяйку фермы.

— Ну что, Нарвас, привёз?.. — В голосе женщины затаённая надежда густо мешалась со страхом, лоб избородили тревожные морщинки, а в глазах застыло чуть ли не затравленное выражение.

— Привёз, Трина. Мэора Айнура милостиво согласилась посмотреть, что тут у нас творится.

— Вы поможете моему Бакасу, мэора? — Женщина просительно вглядывалась в лицо магессы; потом, спохватившись, поспешно, но почтительно поклонилась.

— Я постараюсь, брайя, — кивнула Айриэ в ответ, не спеша раздавать пустые обещания. — Как мальчик?

— Хуже ему опять стало, — всхлипнула женщина, нервно кусая губы. — Вот как бабка Фенра над ним пошептала — полегчало, а к вечеру жар опять поднялся. Только муж со двора выехал, так и поплохело Бакасу. Сидит, горит, трясётся весь, а ни меня, ни сестры вовсе не замечает и на оклики не отзывается. Травки, что бабка Фенра ему заварила, правда, пьёт, но толку с тех травок!.. — Женщина безнадёжно махнула рукой. — Колдовство это, мэора, вот что я вам скажу. Самое что ни на есть чёрное колдовство! Порчу на моего сыночка навели.

— Всё может быть, — вежливо согласилась магесса, не собираясь вступать в дискуссию с расстроенной матерью. — Посмотрим. Я не целитель, зато в магических проклятиях разбираюсь неплохо. Показывайте, где мальчик.

Магессу провели в дом, на первом этаже которого традиционно располагались

кладовка, хозяйские мыльни, кухня и просторная общая столовая с длинным столом — у Нарваса, судя по всему, батраки садились за стол вместе с хозяевами. Две служанки резво металась между кухней и столовой, сноровисто накрывая стол к ужину. Из столовой наверх вела лестница — на второй этаж, где находились хозяйские спальни.

В небольшой, но уютной комнатке, чьи стены были обшиты панелями из светлого дерева и увешаны пёстрыми ковриками, на кровати, поджав под себя ноги, сидел темноволосый мальчишка с конопушками на носу и зябко кутался в кусачее шерстяное одеяло. Рядом на краешке кровати примостилась девочка постарше с такими же тревожными глазами, как у матери. На Айриэ девчонка посмотрела с неожиданной неприязнью и брезгливо поджала губы.

— Вот, Бакас, посмотри, кого к тебе отец привёл, — стараясь говорить бодро, сообщила Трина. — Это настоящая магесса, она враз тебя вылечит.

Мальчишка не отреагировал ни на вошедших в комнату, ни на слова матери, всё так же безучастно глядя перед собой. Зато девчонка вдруг прошипела со злобой, вскакивая на ноги и делаясь похожей на взъерошенного задиристого воробушка:

— Не след всемилостивых богинь гневить! Магия — зло! От неё все беды наши, и Бакас от колдовской порчи страдает! Откуда вам знать, что эта хуже не сделает? Она, небось... Аййй!..

Мать, проворно подскочив к доченьке, наградила ту увесистым шлепком пониже спины. Девчонка, взвизгнув, схватилась за пострадавшее место, а мать грозно посулила:

— Раскрой ещё мне рот, соплюха! Твоего совета забыли спросить!.. — И чуть испуганно гостье: — Вы, мэора Айнура, простите её, не гневайтесь на дурочку. Молю, не уходите!..

— Да я и не собираюсь, — усмехнулась Айриэ. — Я не настолько пуглива, не переживайте.

Однако юная противница магии на этом не успокоилась, хотя и отошла на всякий случай подальше от грозящей шлепком тяжёлой материнской рученьки:

— Лунные богини нам и судьи и заступницы, а магия — чёрная сила, богомерзкая! Светлых жриц надо к Бакасу позвать, они его вылечат, а если это не в силах сестёр, так в Светлолунный мир его достойно проводят... Аййй!..

На сей раз вздорной девице прилетело от отца, и куда крепче. Да и сама она явно сообразила, что несёт что-то не то. Экая фанатичка растёт, с ума сойти. Ох уж этот подростковый максимализм... Бедные родители.

— Ну и много ему помогли твои богини? — лениво поинтересовалась у девчонки Айриэ, кивая на «пятилунник», болтавшийся на шее мальчишки. Такие кругляши на цепочке с вычеканенными стилизованными изображениями пяти лун обычно носили последователи Лунных богинь.

— Если бы вера его была достаточно крепка — помогли бы! — с истовой убеждённостью заявила девчонка.

— А если недостаточно, то так ему и надо, что ли? — приподняла брови магесса, подсаживаясь к пациенту и беря того за руку, чтобы проверить ауру. — Или пускай умрёт, лишь бы его злобный чёрный маг в моём лице не вылечил?

— Н-нет... — запинаясь, пробормотала девица, напряжённо следя за магессой. Ну точно задиристая воробиха, готовая героически сражаться за своего птенчика. Внезапно её рыжеватые бровки горестно изломались, глазки налились влагой, и она прошептала, чуть ли не всхлипывая:

— Я за душу Бакаса боюсь. Ваше колдовство её погубит...

— Боюсь тебя разочаровать, деточка, но до сих пор моя магия ещё ни одной души не «погубила», — рассеянно поведала магесса, тщательно вглядываясь магическим взором в ауру мальчишки. — Вот тел — это да, немало, только не человеческих, а всё больше нежити и нечисти. Где ты только такого бреда наслушалась, про душу?

— Выпорю!.. — грозным шёпотом пообещал Нарвас, яростно уставившись на доченьку.

— Не стоит, брай Нарвас, ваша дочь действует из добрых побуждений и всего лишь защищает брата, — усмехнулась Айриэ и уже серьёзно посоветовала девчонке: — Только на будущее запомни, деточка: не стоит оскорблять того, кто пытается помочь тебе или твоим близким. Неблагодарность — скверное качество. Такого твои богини точно не одобряют.

Девчонка густо покраснела, а магесса добавила с ласковой улыбочкой:

— И злить магов тоже не стоит. Не все такие терпеливые, как я — могут ведь и заклинанием угостить.

Через комнату метнулась маленькая, аккуратненькая молния с раздвоенным кончиком и ударила точно в нацеленное место.

— Айййййййй!

За пострадавшую попку девчонка держалась уже обеими руками, кидая на магессу ненавидящие взгляды. Однако урок она, кажется, усвоила и ротик держала закрытым. Навоевалась, видно.

Нарвас хмыкнул скорее одобрительно, чем нет, а его жена и вовсе проговорила тихо, но отчётливо:

— Так тебе и надо! Скажи спасибо мэоре за науку.

— Беда нам с ней, мэора, — извиняясь за дочь, пояснил фермер. — Вбила себе в голову, коза, что хочет к Лунным сёстрам податься, жрицей стать. Ну, я ей запретил до шестнадцати лет об уходе в храм думать — авось за три-то года дурь из головы поыветрится. Глядишь, найдёт себе мужа, деток заведёт, как все нормальные девки делают. Старшая наша уже год как замужем, и удачно. Скоро первого внука нам подарит.

— Поздравляю, — рассеянно откликнулась Айриэ, которая как раз в эту секунду нащупала в магической ауры мальчишки — багровой, тревожно пульсирующей — чужеродную ниточку, тянущуюся куда-то за пределы фермерского дома.

Определённо, это оно. Проклятие, самое настоящее — из арсенала той магии, которую в Акротосе именуют Запретной. Это и наложение проклятий, и вызов демонов и прочих чуждых этому миру сущностей, и некромантия, причём самой грязной разновидности, когда платой за заклинание является не твоя кровь и боль, как поступают честные некроманты, а чужая, взятая насильно.

Снять это дурацкое проклятие с мальчишки для мага её уровня и возможностей не составит труда, однако гораздо важнее выследить злоумышленника. И уничтожить, разумеется. Следовательно, из детёныша придётся сделать приманку. Риск невелик, в общем-то, просто нужно соблюдать осторожность.

Прикрыв глаза и сосредоточившись, магесса попыталась проследить магическим зрением за направлением нити проклятия, но увы. Нить очень быстро истончилась и потерялась в липкой тёмной дымке. Айриэ почти физически ощутила, как влажная пелена оседает сверху, мешая восприятию, и чуть отступила, чтобы собраться и одним рывком прорвать пелену. Но чужое сторожевое заклятие успело ударить раньше, да с такой силой, что не ожидавшая подобного Айриэ на некоторое время оглохла и ослепла в магическом

смысле. Впрочем, телу тоже досталось — по нему волна за волной прокатывалась острая, режущая боль, никак не желая успокаиваться. Выброшенная из магической оболочки мира, Айриэ некоторое время не владела телом, неловко съехав на пол с кровати и сжавшись в комок под ногами у встревоженного фермера и его домочадцев.

М-да, если бы не лёгкий щит, без которого Айриэ никогда не совалась проверять чужие заклятия, была бы сейчас тут одна полудохлая магесса и трупик: мальчишке наверняка тоже прилетело бы отдачей. Шипя от боли, Айриэ кое-как поднялась на ноги, взглядом отогнав сунувшегося было помочь Нарваса.

— Проклятие ударило, — коротко пояснила она в ответ на испуганные вопросы фермера и его супруги.

Силён, скотина. Но ничего, теперь Айриэ предупреждена. Щит будет ставить настоящий, боевой, как против самых мощных заклятий. Всё, больше никакой беспечности; маг играет всерьёз, ответим тем же.

Отдышавшись и смахнув с ресниц невольнo выступившие слёзы, Айриэ вновь под села к мальчику. Взяла безвольную руку, чуть сжала, пытаюсь достучаться до его сознания, затуманенного чужой недоброй силой.

— Бакас, услышь меня и откликнись! — Приказ был подкреплён сгустком магической силы, но мальчишка долго не отзывался. Пришлось раз за разом посылать небольшие импульсы, пока наконец Бакас не разлепил потемневшие, запёкшиеся губы:

— Я слышу...

Голос был едва слышен, взгляд мальчишки остался всё таким же пустым, но, очевидно, полностью разбудить пациента и не получится. Ладно, отклик есть, будем работать дальше. Магесса руками опустила веки мальчика и заставила того улечься на постель.

— Спи, Бакас, — велела она.

— Я не могу, — вялым, безжизненным голосом возразил пациент. — Я боюсь спать, утону...

— Не бойся, мальчик. — Айриэ сжала почему-то горячие, несмотря на озноб, ладошки, посылая волну прохладной, освежающей уверенности. — Вспомни, ты ведь умеешь плавать!

Чтобы деревенский мальчишка да не умел, если рядом река имеется!.. Главное, чтобы он помнил об этом в своём нынешнем, навязанном проклятием сне.

— Умею. — В безжизненном голосе послышались нотки удивлённой радости. — Я хорошо плаваю!

— Вот видишь, — с фальшивой, но так необходимой сейчас пациенту бодростью откликнулась магесса. — Что же ты трусишь? Окажешься в воде — плыви, как привык, и ничего не бойся. Я помогу выбраться на берег.

Хвала Равновесию, помогло. Мальчишка заметно расслабился и задышал ровнее. А магесса, недобро ухмыльнувшись, осторожно тронула ниточку проклятия, навешивая на неё неприятный магический сюрприз в качестве ответного подарочка. Как только маг потянется к Бакасу, получит в лицо заклинанием. Серьёзное на эту ниточку не подвесишь, но и это неплохое, ибо воздействует не только на магическое, но и на физическое зрение. Если повезёт, мага завтра можно будет опознать по красным, слезящимся глазам и распухшей физиономии. Избавиться от последствий заклинания можно разве что с помощью эльфийской магии, а к ней доступа у неизвестного мага точно не имеется.

— Брай Нарвас, пока всё, вы можете идти. Я посижу с мальчиком этой ночью. Думаю, проклятие снимем, если только маг сунется сегодня проверять и завершить начатое. — Глаза

магессы хищно сверкнули. — Уж я голубчика прижму...

— Маг? — растерянно мигнул фермер.

— Чёрный колдун, — использовала Айриэ более близкое для народа понятие. — Запретной магией балуется, сволочь.

Фермер с женой дружно охнули, получив подтверждение своих опасений, а девчонка, побледнев, схватилась за пятилунник на шее и забормотала молитвы.

— Да за что ж он на нас ополчился, мэора? — испуганно спросила Трина.

— Поймаю — спрошу, — с угрозой пообещала Айриэ.

Фермер передёрнул плечами и, ухватив жену за рукав, повёл на выход — вспомнил о просьбе магессы удалиться. Спыхватившись, спросил от дверей:

— Мэора, не угодно ли вам отужинать с нами? Окажите нам честь...

— Нет, благодарю, сейчас не хочу. Вот утром с удовольствием с вами позавтракаю, если пригласите, — подмигнула магесса, стараясь подбодрить подавленных родителей мальчишки. — Я сейчас прогуляюсь... ради удовлетворения естественных потребностей. Дочь ваша пусть тоже на ночь здесь останется. А мне кресло или хотя бы стул поудобнее принесите, больше ничего не нужно. Надо будет, девчонку пошлю.

Айриэ посетила уединённую комнатку рядом с мыльней и вышла во двор, с удовольствием вдохнув полной грудью остывший от дневного жара вечерний воздух. Под окнами дома росли пахучие ночные фиалки, резеда и душистый табак, сейчас щедро отдававшие свои ароматы, медленно плывшие по усадьбе.

Судя по всему, Мирниас оправдывал своё звание талантливого артефактора и делал качественные амулеты — уничтожители запаха скотного двора. Свиным навозом в Кайдарахе не пахло ни днём, ни ночью, хотя немалой заслугой тут являлось соблюдение чистоты хозяевами скотины. Навоз, как успела заметить Айриэ, регулярно убирали из хлевов, предварительно присыпая для уничтожения запаха торфом, привозимым с болот. Амулеты уничтожали остатки запаха, а смешанный с торфом навоз складывали на телеги и ежедневно вывозили на поля. Неудивительно, что урожаи в здешних краях всегда были щедрыми, а вкус овощей — выше всяческих похвал. Это вам не ядовитыми алхимическими порошками землю посыпать, якобы для увеличения урожая. Здешние крестьяне на уловки и красочные обещания ушлых алхимиков не велись, землю порошками не травили, почвенные микроорганизмы берегли (хотя едва ли подозревали об их существовании), зато имели здоровую землю и, главное, здоровых себя самих. Айриэ в который раз одобрительно хмыкнула в адрес жителей герцогства и подданных короля Кайнира вообще. Определённо, это королевство нравилось ей с каждым днём всё больше.

Подумав, Айриэ зашла на конюшню, проведать Шоко. Разумеется, о коне магессы позаботились, хотя обихаживавший коней батрак смотрел на саврасого доходягу с жалостью. Айриэ, усмехнувшись, протянула любимчику пучок мяты и душицы, нащипанных с грядок Трины. Ароматные травы конь обожал и полакомился с удовольствием. Подумав, Айриэ велела не запирасть коня в деннике и оставить приоткрытой дверь конюшни. Если понадобится, Шоко в один момент окажется рядом. Отсутствие седла и поводьев для Айриэ не проблема. Шёпотом сообщив коню, что хозяйка с ним сделает, если обнаружит в огородке Трины, Айриэ со спокойной совестью удалилась. Шоко презрительно фыркнул, но послушаться не посмеет, без спроса конюшню не покинет. Её связь с конём, разумеется, усилена магически, но Шоко и сам очень умный, многое понимает безо всякой магии.

Вернувшись, Айриэ обнаружила в комнате принесённый массивный стул с прямой

высокой спинкой, пару стёганных покрывал и гору подушечек. Оставила одну и покрывало, остальное, не церемонясь, спихнула на пол. Подумав, перетащила стул поближе к окну и распахнула створки. В комнате было душно, а мальчишка всё равно будет мёрзнуть, ему хоть жаровню рядом поставь. Это холод магический, его лучше теплом человеческого тела гнать.

— Эй, лунная дева! — насмешливо окликнула магесса девчонку, приткнувшуюся на краешке кровати брата. — Раздевайся и ложись к нему, обхвати его руками. Хоть польза от тебя будет.

— Вы бы, мэора, лучше окно притворили, — угрюмо посоветовала девица, глядя исподлобья на противницу и не спеша подчиняться. — Бакас и так мёрзнет, а вы...

— А ну цыц! — прикрикнула Айриэ всё так же насмешливо. — Разговорилась, деточка! Делай, что велено. Ему человеческое тепло нужно, живое, ясно тебе? А свежий воздух гораздо полезнее этой духотени. И кто только придумал, что несчастные больные должны жить в безвоздушном пространстве?..

Девчонка, сопя от злости, разделась до нательной рубахи и юркнула под одеяло к братцу, бережно прижав мальчишку к себе.

— А теперь что? — шёпотом спросила она.

— А теперь спите оба до утра, а я буду бдеть... вполглаза.

Пару часов вздремнуть можно смело, а дальше видно будет. Маг наверняка явится этой ночью. Скорее всего, не лично, а пошлёт свою «водяную нечисть». То ли сотворил кого, то ли вызвал из так называемых Нижних миров, там разберёмся. Тем более маг должен был почуять подозрительную активность вокруг попавшего под проклятие мальчишки, и теперь просто не может не проверить, что там такое приключилось и чем ему это грозит.

Проснувшись, Айриэ встала со стула, размяв затёкшие мышцы, и прислушалась. Всё было спокойно, Кайдарах спал: дело было уже за полночь, по внутренним ощущениям. Где-то вдруг засвистел сильно припозднившийся соловей. Сдурела птичка, дело к осени, детей надо на крыло ставить, а у него любовная дурь в голове бродит. Словно застыдившись, соловей выдал несколько неуверенных трелей и затих.

Айриэ высунулась в окно и осмотрелась. Луны сияли себе в небе, их загораживала крыша фермерского дома, поэтому неясно было, какие из пяти бегали сегодня по небосклону. Легчайший ветерок освежал совсем немного; с северо-востока напозлали лёгкие пятнышки облаков, ласково укутывая звёзды пушистыми одеяльцами.

Вот по окраине деревни промчалась тёмная тень, с шумом и сопением, сопровождаемая возмущённым брёхом собак: скорее всего, сорвавшийся с привязи дворовый пёс наслаждается неожиданной свободой и заодно дразнит своих собратьев, нагло оставляя метки возле их владений. Вскоре всё опять стихло, пёс умчался куда-то в сторону мельницы.

Детёныши, уткнувшись друг в друга, мирно сопели на кровати. Бакас дышал ровно и больше не дрожал. Айриэ бесшумно прошлась по половичкам туда-сюда, рассеянно полюбовалась пейзажем за окном и вновь устроилась на стуле, прикрыв глаза. Она не засыпала, оставаясь на границе сна и яви. Если что, очнётся от полудрёмы мгновенно, как только услышит подозрительный шум, или запущенное вечером сторожевое заклятие почует чью-то магическую активность рядом с хозяйкой.

Ночь ползла и ползла медлительной улиткой, никак не желая заканчиваться. Хмурый, заспанный рассвет неохотно отмыл небо до мутного розово-серого цвета. Когда внизу в кухне загремела сковородками кухарка, рассвело уже окончательно, и солнечные лучи пробивались сквозь льнущий к земле молочно-белый туман. Деревня и окрестные фермы

просыпались, готовясь к новому дню, а магесса, злая и не выспавшаяся, угрюмо размышляла, что проклятый маг не явился и теперь ей предстоит дежурить ещё одну ночь, скрючившись на стуле. Нет, можно было, конечно, приказать принести вторую кровать или хотя бы тюфяк, но тогда есть риск заснуть слишком крепко и потерять драгоценные секунды на то, чтобы очнуться от сна.

Недовольные размышления Айриэ прерывались хлопаньем дверей и ленивыми разговорами батраков снизу, со двора. А потом вдруг кто-то заорал — коротко, хриплым со сна басом. Крики стихли, сменившись ядрёной руганью. Как это водится у людей, упоминалось самое святое: детородные органы и секс с чужой мамой. Зачем оно им, особенно в настоящий момент, батраки простодушно не задумывались. Айриэ, впрочем, тоже. Подскочив к окну, высунулась по пояс, пытаясь понять, что так взволновало работников Нарваса. Сам хозяин, ссутулившись, стоял возле открытой двери сарая; там же сгрудились батраки — некоторые ещё босые и в одних штанах — и боязливо заглядывали внутрь. Из употреблённых слов к Всеобщему языку принадлежали лишь предлоги, междометия и одно-единственное: «Убили!..»

— Что там, мэора?

Обернувшись, Айриэ наткнулась на испуганный, недоумевающий взгляд девчонки, крепко вцепившейся в край одеяла. Бакас не проснулся, только нахмурился и перевернулся на бок, пробормотав что-то сквозь сон. А потом вдруг забарахтался, забился, раскрывая рот, будто погрузился в воду и никак не может вдохнуть. «Пльви! Ты умеешь!» — яростным шёпотом выдохнула ему в ухо магесса, посылая немного силы. Помогло, Бакас успокоился и сделал несколько движений руками, будто грёб, вырываясь из воды назад к свету и воздуху. Пара минут — и парнишка снова задышал размеренно, спокойно. Осторожно тронув проклятие, Айриэ убедилась, что её сюрприз ушёл по назначению. Наверное, маг сейчас судорожно пытается избавиться от невыносимого жжения в глазах, а значит, ему не до мальчишки. Можно пока сходить проверить, что там стряслось в сарае.

— Я вниз, а ты сиди тут с братом. Никуда не уходи! — распорядилась магесса и поспешила во двор.

Оказалось, элитного хряка всё-таки настигло проклятие. Его утопили... в собственной крови. Пришедший выпускать рыжего Нарвас вместо радостно хрюкающего мужа своих свинок обнаружил фарш, иначе и не скажешь. В сарайчике остро пахло кровью и свиными внутренностями, буквально размазанными по полу. Несчастливого хряка зачем-то безжалостно покромсали на куски и оставили валяться в луже крови. Длинные, глубокие борозды от когтей виднелись на косяке и внутренней стороне двери, однако и замок, и решётки на окнах, на первый взгляд, были целыми. Оглянувшийся Нарвас заметил Айриэ и сипло спросил, пряча подрагивающие руки в карманы штанов:

— Это кто же тут поработал, мэора, как думаете? Давешняя нечисть или...

Договорить ему не дали. Сверху, из раскрытого окна комнаты Бакаса, донёсся пронзительный девчоночий визг, сменившийся жутковатым бульканьем.

— Внизу, под окнами кто-нибудь караульте! — похолодев, рывкнула Айриэ работникам и понеслась вверх, прыгая через две ступеньки. Сзади грузным медведем топотал Нарвас. Однако Трина из своей спальни успела первой. Ворвавшись в комнату Бакаса, она испустила сначала яростный вопль, потом закричала горестно, надрывно:

— Бакас!.. Тирия, доченька!..

Смятая постель была пуста, на подоконнике виднелся чуть смазанный кровавый след

огромной лапы, а Трина рыдала, прижав к себе дочь. На горле девочки была рваная рана, по белой рубашонке быстро расплывалось багровое пятно.

Подскочив к окну, Айриэ увидела во дворе удирающую здоровенную страхолюдину, левой не то лапой, не то ручищей прижимавшей к косматому бурому боку безвольно висящего мальчишку. Тварь неслась на длинных задних ногах, а правой передней отмахнулась от пытавшихся её задержать работников. Блеснули длинные чёрные когти — раза в два длиннее медвежьих, и один из батраков отлетел прочь с глухим вскриком, шмякаясь на землю. Остальные сами шарахнулись в стороны, и монстр, прижав к голове короткие треугольные уши, рванул в сторону реки, однако напоследок обернулся и торжествующе, насмешливо рыкнул на вопящих ему вслед людей. На голове твари криво сидел веночек невесты из бледно-зеленоватых колокольчиков. Глаза твари слезились, нос был бесформенно-уродливым, распухшим, так что Айриэ поняла, кому достался подвешенный на мальчишкино проклятие ответный сюрприз. Жаль, что не магу, было бы проще.

Айриэ оглушительно свистнула, подзывая Шоко, и, поколебавшись, всё-таки решила потерять ещё несколько драгоценных секунд. Иначе шансов у девчонки не будет... Подбежала, кидая заклинание стазиса. Пару часов продержится, а к тому времени Айриэ надеялась вернуться. Крикнула Трине:

— Девчонку заклинаниями не лечить, не то умрёт! Я для неё время заморозила на два часа.

— В постель её можно, мэора? — робко спросила заплаканная мать.

— Да! — рывкнула магесса и выбежала вон.

Внизу у крыльца уже ждал умница Шоко. Двинув рукой, сняла с него иллюзию: нужна быстрота, некогда жалкую клячу изображать. Ухватила за длинную светло-рыжую гриву и забросила себя на спину жеребца, срываясь с места. Улепётывавшая через скошенный луг к реке тварь ещё была видна вдалеке; надо догнать, иначе мальчишке конец. Его, скорее всего, утащат под воду, повинувшись приказу мага, и плевать, что нечисть вроде бы должна бояться текучей воды. Не везде и не всегда, а эта тварь, спокойно бегавшая при свете солнца и действовавшая чересчур разумно, скорее всего, имела искусственное, магическое происхождение. А управлял ею маг — издали, из своего безопасного гнёздышка. Знать бы ещё, хогрош это или доренг...

Стиснув тёмно-шоколадные бока коленями и держась за гриву, Айриэ мчалась, кусая губы с досады и ругая себя на все корки. Да-а, провели её знатно, как зелёного новичка, а не опытного мага с более чем сто пятидесятилетним опытом. Тварь, повинувшись приказу, под утро растерзала несчастного хряка и затаилась поблизости, дожидаясь неизбежного переполоха при обнаружении зверски убиенного производителя. После чего проникла в комнату мальчишки и утащила того с собой, попутно отмахнувшись когтями от пытавшейся защитить брата девчонки. А магесса послушно носилась вверх-вниз по лестнице, как и задумал таинственный маг. Талантливый наш, счёт к тебе растёт, думала Айриэ, сжимая зубы от злости.

Шоко, драгоценный ты мой, мчись, быстрее, ещё быстрее!.. С каждым мигом они настигали тварь; конь делал всё возможное, получив мысленный приказ хозяйки, и почти летел по лугу, едва касаясь стройными ногами короткой, выжженной солнцем травы. Река уже совсем рядом, но к твари они приблизились настолько, что Айриэ смогла запустить вслед обездвиживающее заклинание. Если мальчишку и заденет, хуже ему не станет, а

боевыми нельзя, убьёшь спасаемого...

Первое заклинание ушло впустую — пронеслось над самой макушкой твари, но Айриэ тут же ударила снова, по мощным задним ногам. Есть!.. Тварь споткнулась, сделала несколько шагов на подгибающихся ногах и... выправила бег, с лёгкостью стряхнув чужое заклинание. Да Корррявое Равновесие же, что это за самородок такой попался?.. Шипя от ярости, Айриэ навесила на парализующее заклинание «липучку», препятствующую противнику избавиться от последствий магического удара. Какое-то время маг провозится, позволив догнать тварь, которая была уже почти на берегу.

Бурый косматый монстр наконец грохнулся и яростно задёргал спутанными магией ногами, стараясь освободиться. Проклятый венчик каким-то чудом продолжал висеть на башке твари, и не думая падать. Мальчишка лежал рядом, не шевелясь и уткнувшись лицом в траву. Айриэ, подсказав, запустила молнией в спину твари, но по-прежнему приходилось осторожничать из-за Бакаса. Сейчас бы мощным файерболом залепить — так, чтобы только выжженное пятно осталось... Посылая вторую молнию в злобно взывшую от боли тварь, Айриэ поняла, что таких заклинаний потребуется с десятков. Магические создания живучи, убить их непросто. Мечом из «лунного серебра» получилось бы намного быстрее, но где же его сейчас возьмёшь. У Айриэ с собой был только кинжал в ножнах, который она всегда носила на поясе.

Увы, маг всё-таки оказался очень сильным. Он освободил своего ручного монстра от чужой магии слишком быстро, но, видимо, его сохранность была для мага важнее украденного неизвестно зачем мальчишки. Более не обращая внимания ни на свою добычу, ни на магессу, истерзанный, шатающийся бурый устремился к реке. Очередная молния пролетела мимо, ибо тварь вильнула в сторону; вздымая фонтаны брызг, успела нырнуть и скрылась под водой. Ударивший мигом позже файербол с шипением выбросил вверх столб пара и бесславно угас.

Коррявое Равновесие тебе в глотку! Ушла, зараза такая, теперь не догонишь. Ладно, мага и его игрушку изловим потом, пока важнее заняться обоими детёнышами. Перевернув Бакаса, убедилась, что он относительно цел, только поцарапан, однако по-прежнему без сознания. Проклятие никуда не делось, но висело на совсем тонюсенькой нити, почти не подпитываемой силой чёрного мага. Ладно, из мальчишки приманку больше не сделаешь, маг не такой глупец, чтобы снова пытаться сюда лезть. А значит, пора убирать из ауры Бакаса чужую грязную силу. Вот тебе и никакого риска...

Развевая мерзкое проклятие, Айриэ проверила собственный магический резерв и убедилась, что сил ещё достаточно. Запас к тому же восстановится быстро, драконий маг — это вам не простой человеческий. Эх, если бы у неё не была заблокирована большая часть возможностей, мага бы удалось выследить за несколько минут. Раскинула бы большую поисковую сеть, поворожила немного, потом открыла бы портал прямо к месту обитания чёрного гада... Снова эх. Тяжко вздохнув, Айриэ приказала себе не облизываться на сверхмогущество. В день равноденствия всё решится так или иначе, а пока поиграем по человеческим правилам. Пожалуй, так даже забавнее.

Освобождённого от чуждой силы мальчишку удалось разбудить, просто потрянув за плечи. Открыв мутноватые серые глаза, Бакас непонимающе таращился на магессу, потом вдруг заулыбался, сморщив конопатый нос:

— А я вас помню, мэора, вы мне выплыть помогали. Я вас видел, только будто сквозь туман. Спасибо вам, вы меня спасли!..

Маленькая приятность, спасённый испытывает благодарность к спасительнице. Тогда стоит воспользоваться случаем и полечить ушибы и ссадины мальчишки, заодно избавив его от слабости и упадка сил. Из него, в том числе и по вине Айриэ, будем честны, столько жизненных сил выкачали, что в себя долго приходить будет. Справедливости ради надо бы вернуть хоть часть.

Целительская магия Айриэ имела одну особенность: необходимо было, чтобы исцеляемый испытывал приязнь к магессе, хотя бы лёгкую, иначе бесполезно, почти не подействует. Айриэ и так-то не слишком хорошо умела исцелять, она была скорее боевым магом. Помогала кровь — своя собственная. Кольнув палец кинжалом, она заставила удивлённого мальчишку слизнуть капельку. По малолетству тот отвращения никакого не испытывал, воспринимая это скорее как игру.

Сосредоточившись, Айриэ осторожно потянула за кончик свисающей из спутанного «узла» силовой нити, потом аккуратно обрезала, получив нужное количество силы. Пропустила грязно-серую нить через себя, очищая, выжигая мерзость собственным огнём. Нить силы выходила наружу очищенная, сверкающая. Здесь, в мире магии, всё виделось не так, как в реальности; образы рисовало скорее воображение мага, а также его сила, хотя собственные законы этого места также влияли на восприятие.

По телу мальчишки пронеслась целительная энергия, и он радостно встрепенулся, ощупывая мгновенно исчезнувшие синяки и царапины. А потом неожиданно ойкнул и схватился за живот в районе солнечного сплетения:

— Жжёт! И свербит, ой, не могу так!.. Мамочка!..

Он согнулся, прижимая к себе ладони, но боль отступила так же внезапно, как и нахлынула. Осенённая неприятной догадкой, магесса проверила ауру мальчишки и подавила смехок. Поздравь себя, Айриэннис, в этом мире твоими стараниями только что стало одним магом больше. Ну вот надо же было наткнуться именно на того, в ком имелся латентный дар!.. Он бы и дальше оставался скрытым, спящим, если бы Айриэ не вздумалось зачем-то лечить мальчишку очищенной от скверны силовой нитью. Почистила магическую оболочку мира, называется. Да послала бы в Бакаса импульсом собственной силы, дар и не пробудился бы, а теперь что прикажете делать? Мальчишке придётся учиться, хотя силы в нём совсем немного. Жил бы себе в своей деревне дальше, свинок разводил, а Айриэ взяла и исковеркала ему судьбу.

— Ты, Бакас, оказывается, маг. Теперь поедешь в столицу, учиться в Магической Академии.

— Правда? Ух ты, вот здорово!.. — Конопатый нос снова наморщился, серые глазёнки восторженно засверкали.

А может, и не исковеркала. Пожалуй, такому на ферме стало бы тесновато со временем, взгляд вон какой умненький. И жажда приключений вроде бы наличествует, так что, быть может, оно и к лучшему.

Подсадив мальчишку на коня, Айриэ вскочила сама и тронула шоколадные бока каблуками. Надо было возвращаться, там девчонка в стазисе лежит, и неизвестно ещё, удастся ли её вылечить: у неё магесса добрых чувств точно не вызвала. А рана слишком большая, Лунные жрицы с такой не справятся, разве что, вот именно, «в Светлолунный мир достойно проводят».

Увидев въезжающую в ворота магессу, Нарвас бросился навстречу. Ухватил мальчишку, снимая с коня, с силой притиснул к себе и накрепко зажмурился:

— Живой!.. — Спустил сына на землю, взберишил ему тёмные вихры и велел, скрывая дрожь в голосе: — Беги наверх, матери покажись... Мэора, век благодарен буду!..

Магесса только отмахнулась — не стоит, мол, и спрыгнула на землю. Важным, значительным тоном изрекла: «Стань прежним!» — и поводила руками над конём, возвращая привычную иллюзию. Пусть народ думает, что она нарочно зачаровала коня, чтобы догнать нечисть, а теперь сняла чары. Шоко, уже явно собиравшийся покрасоваться перед кайдарахскими кобылицами, возмущённо покосился на гадкую хозяйку и фыркнул.

— Не дуйся, Шоко, скоро все местные кобылки твоими будут, обещаю, — насмешливо пробормотала Айриэ и уже громко, нарочито бодро обратилась к Нарвасу: — Проклятие с мальчика снято, не переживайте. А дочери вашей я помогу. И вот ещё что... уж простите, брай Нарвас, так получилось, что моя магия разбудила в Бакасе спящую силу. Он тоже маг, как оказалось.

— Вон оно как! — удивился фермер. — Кто бы мог подумать!

— Вы же знаете, мальчика по закону обязательно следует учить управлять своей силой. Ему нужен наставник, как можно скорее, пока не натворил бед нечаянно.

Нарвас вздохнул, почесав в затылке:

— Ну что ж теперь поделаешь... Отвезу парнишку в Юнгир, к колдунам в ихнюю академию. Через полдекады поедем, мне тут с делами надо разобраться маленько. Зато выучится, свой колдун, ну... то бишь, маг в Кайдарахе будет. Мэор-то Мирниас уедет, как королевские пять лет отработает.

— Вы учтите, брай Нарвас, у мальчика дар не слишком сильный, но я бы всё равно посоветовала учить его не пять, а десять лет. Не обязательно самим платить, можно и по королевскому контракту. После получения диплома Бакас автоматически получит личное дворянство, а если послужит королю — то с правом передать потомкам.

— Так это мы моего парня только через пятнадцать лет дома увидим, — несогласно нахмурился фермер.

— Да почему же? Пусть Бакас подаст прошение отработать королевский контракт в родных местах, — пожала плечами магесса. — В таких случаях руководство Академии охотно идёт навстречу выпускникам.

— Хорошо, мэора Айнура, там посмотрим. До этого ещё дожить надо, — мудро заметил Нарвас. Вспомнив, спросил: — Мэора, а с хряком-то что делать? Я пока велел ничего там не трогать — подумал, может, вам надо посмотреть чего, по магической части. Да и боязно, вдруг тоже какую заразу подхватишь, как мой Бакас?

— Замечательно, спасибо, брай Нарвас! Обязательно посмотрю, там наверняка магический след остался. И не переживайте, после я всё очищу, больше никто не пострадает. И вот ещё что, брай, прикажите-ка послать за Мирниасом, — попросила Айриэ, злорадно улыбнувшись. — Пусть тоже посмотрит, ему полезно. А я пока к девочке.

Уверенности в успехе Айриэ вовсе не испытывала, однако решительно двинулась наверх, в комнату Бакаса. Девчонку перенесли на постель брата и больше не трогали, как было велено. Заплаканная Трина покрывала поцелуями недовольно уворачивающегося сына.

— Вы поможете Тирии, мэора? — От надежды, горевшей в глазах женщины, Айриэ сделалось не по себе.

— Я постараюсь. Рана слишком большая... а я не целительница.

— Мэора Айнура, молю вас! Мы для вас что угодно сделаем, только помогите!.. — Трина, стиснув ладони в молитвенном жесте, тянула их к магессе, будто к Лунным богиням

обращалась.

— Не надо, брайя, — поморщилась магесса, чувствуя себя почти виноватой. — Я и без ваших просьб сделаю всё, что смогу. А вы пока сходите, поговорите с мужем насчёт мальчика, вам есть что обсудить.

Выпроводив страдающую мать и любопытно таращившегося мальчишку, магесса села и мрачно уставилась на пациентку. Как прикажете лечить эту воинственную соплячку, если она по отношению к Айриэ прямо-таки ненавистью пыхала, как дракон — пламенем? Рана на шее выглядела скверно, тварь чудом не разворотила когтем трахею. Заживить, может, и получилось бы, но необходимо, чтобы девчонка, пусть ненадолго, испытывала положительные эмоции по отношению к магессе, а как этого добьёшься?.. И заклинание стазиса потихоньку истончалось, времени осталось совсем мало. Надо лечить, хочешь — не хочешь. К тому же, будем справедливы, девица пострадала из-за беспечности Айриэ. Так что надо исправлять причинённое зло: делать долги Айриэннис очень не любила.

Так, что бы такое придумать?.. Не снимая стазис, Айриэ осторожно привела девчонку в сознание, однако не до конца. То есть постаралась сделать так, чтобы та пока воспринимала действительность медленно, заторможенно, сквозь наведённый магический дурман. Кажется, братишку девица любит и искренне за него волнуется, а значит, можно попробовать это использовать.

— Эй, девочка... э-э-э, Тирия, ты слышишь меня?

— Да, а кто это? — хрипло и сонно, не открывая глаз, откликнулась девица.

— Я — та, кто помогла твоему брату Бакасу.

— Бакас!.. Его украли страшная тварь!.. — Глаза девчонки распахнулись, она тревожно уставилась на магессу.

— С ним всё в порядке, не волнуйся, малышка, — ласково зажурчала магесса, про себя давась от щедро добавленной в голос сладости. — Я его спасла, тварь больше не тронет мальчика.

Девица благодарно заулыбалась: то ли не узнала магессу спросонья, то ли всё простила за спасение братца, неважно. В любом случае, этот момент Айриэ сочла наиболее подходящим и молниеносно сняла стазис, одновременно бросая заклинание лечения на страшноватую рану, из которой снова брызнула кровь. Девчонка дёрнулась и захрипела от боли, а магесса полоснула себя кинжалом по левой ладони. Здесь капелькой не обойдёшься, девице пришлось сделать несколько глотков, хотя она едва ли представляла себе, что пьёт. Вскоре «лунная дева» расслабилась и заснула. Айриэ тоже впору было упасть и отключиться: в лечение девицы пришлось вбухать столько сил, что на это ушёл почти весь магический резерв. Зато рана затянулась, всё получилось!

Ох, корявое Равновесие, калечить проще, чем лечить, но собственные ошибки исправлять надо. Хмыкнув, Айриэ потянулась к «узлу» и позаимствовала ещё кусок спутанной, запачканной грязноватой магией силовой нити. Очищенная, та немного подпитала резерв самой магессы и заживила ранку на ладони, но большая часть ушла к девчонке: убрать уродливый, бугристый рубец с шеи. Остался только тонкий след, который окончательно исчезнет примерно через декаду.

Встав и устало подвигав плечами — мышцы сводило от напряжения, магесса уныло подвела итоги. М-да-а-а... Ничья... с отчётливым привкусом поражения. Хорошо хоть, обоих детёнышей удалось спасти. Пострадали они исключительно оттого, что Айриэ не приняла мага всерьёз. Теперь следовало действовать гораздо осторожнее.

Недоумевающий и ещё более заспанный, чем при первой встрече, Мирниас появился, когда Айриэ обследовала двор в поисках магических следов. Пострадавшего батрака, пытавшегося остановить тварь, унесли к Лунным жрицам: раны не были слишком опасными, сёстры справятся с лечением.

— Что-то случилось? — сонно хлопая ресницами, спросил Мирниас и, спохватившись, поздоровался, заодно пытаясь скрыть зевок: — Доброе утро, мэора Айнура-а-а!

— И вам того же, — небрежно кивнула Айриэ. — Вас-то мне и надо... коллега. Случилось, ещё как случилось. Идите-ка сюда, полюбуйте.

Притащенный в сарайчик Мирниас оторопело уставился на бранные останки, размазанные по полу, позеленел, сдавленно булькнул и выбежал во двор. Выйдя следом, Айриэ со злорадством любовалась, как юнец шумно извергает из себя вчерашний ужин. Позавтракать-то он вряд ли успел, слишком быстро появился. Ну, ему же легче.

Посматривавший с брезгливой жалостью старшенький Нарваса принёс магу воды в ковше, полил на руки. Мирниас умылся и прополоскал рот, кивком поблагодарив подростка. Подойдя к магессе и стараясь не смотреть в сторону сараюшки, помялся, раскраснелся, но всё-таки сипло признался:

— Я к таким... кровавым зрелищам не привык. Простите за слабость, мэора Айнура. Что там такое стряслось?

— Небрежность ваша стряслась, мэор, — безжалостно сообщила магесса.

— Вы о чём? — непонимающе нахмурился юнец, покрутив тощей шеей. С намокших кончиков волос на его щёки напоззали капли воды, и он нетерпеливо отёр их ладонью, будто отмахнулся от чего-то.

— Мирниас, это же вы отказались проверить слова брая Нарваса, хотя он просил о помощи!

— Да ведь этот фермер какую-то чушь нёс, про хряка и невесту, — сконфузившись, пробормотал Мирниас. Его скулы и уши прямо-таки пламенели. — Я думал...

— Надо было не думать, потому что вам явно нечем было в тот момент! — рывкнула Айриэ. — Вы маг на королевской службе! Вы обязаны проверять все такие происшествия, как бы нелепо они ни выглядели! Вы, кроме того, обязаны защищать живущих рядом людей и не имеете права отказываться рассматривать случаи подозрительной магической активности. Какой из вас маг, если вы ведёте себя как безответственный юнец? О подвигах ему мечтается, ноет он, что ему, видите ли, скучно в сонном болоте, а заведшегося здесь чёрного мага проморгал. Из-за вашей беспечности могли погибнуть двое детей, а может, и ещё кто-то из обитателей фермы!

Ну, допустим, детёныши пострадали, главным образом, из-за неё самой, но об этом магесса скромно умолчала. Распекая сопливого мага, Айриэ преследовала две цели. Во-первых, сбить с толку Мирниаса и дать понять, что она его не подозревает, если окажется, что злоумышленник — всё-таки он. Нет, это крайне сомнительно, но мало ли. Тошнило его качественно, не притворялся, но, может, маг потому и пакостил издали, с помощью управляемой им нечисти, что был слишком брезглив?.. Ну а если Мирниас невиновен в убийстве хряка, то сей разнос пойдёт ему только на пользу. В конце концов, Айриэннис ничего не выдумала, Мирниас действительно находился на королевской службе и обязан был

проверять все подозрительные случаи, а не отмахиваться от просьбы Нарваса. Мало ли кому что показалось, лучше перебдеть, чем прозевать появление опасной нечисти и допустить гибель людей. Как минимум, сопляк получил бы плату за вызов, и не имел ни малейшего права воротить нос. Это Айриэ могла выбирать, она-то никому, кроме себя, не служит.

Мирниас ненавидяще уставился на магессу, попеременно то бледнел, то краснел, стискивая кулаки, но молчал. Да и что он мог сказать? Пожалуйся на него Айриэ хоть местному герцогу, юнца моментально выгнали бы отсюда. А на нём висит долг короне — оставшиеся четыре года по контракту или огромная неустойка, выплатить которую парню явно будет затруднительно, на человека богатого он не похож. Найти новое место уволенному за нежелание выполнять свои обязанности магу будет нелегко, к тому же он обязан трудоустроиться или выплатить долг короне в определённый срок. Дважды уволенного без вариантов ждёт долговая тюрьма, где тоже придётся отрабатывать своими магическими талантами, но на значительно менее комфортных условиях.

Правда, Айриэ пока что жаловаться на Мирниаса не планировала, хватит с него нагоняя. Но сам Мирниас об этом знать не мог, поэтому покорно дождался окончания нотации. Глубоко дыша и пытаясь сдержать ярость, выговорил, глядя в сторону:

— Благодарю, мэора... за указание на мои ошибки! Позвольте спросить, что вы намереваетесь делать дальше? И не могу ли я оказаться вам чем-нибудь полезным?

Сразу видно, от чистого сердца, даром что со скрежетом зубовным, предлагает худой мир, который лучше, да. Впрочем, пусть повернется рядом, авось и сгодится на что-нибудь. Предупредила:

— Учтите, Мирниас, я собираюсь обследовать сарайчик со свиным фаршем. Можете побыть со мной, но если вам трудно и тянет блевать, лучше уберите сразу.

— Я выдержу, — напряжённо, сквозь зубы ответил он.

Ну-ну, уязвлённое самолюбие ему в помощь. Равнодушно пожав плечами, магесса отправилась в сарайчик. Она добросовестно изучила останки хряка и возможный путь проникновения твари. Увы, утешительного ничего не имелось. Стало окончательно ясно, что тварь, будучи магической, двигалась по ниточке проклятия, по ней проникала в сарай и только там воплощалась, согласно задумке своего создателя. Чтобы наложить проклятие на хряка, магу достаточно было, например, скормить что-нибудь заранее зачарованное — кусок хлеба, яблоко, да что угодно. Естественно, злоумышленнику не обязательно было кормить хряка собственноручно, но, с другой стороны, он мог, проходя мимо загончика, незаметно уронить туда отравленное лакомство.

Айриэ размышляла вслух — специально, ради слегка позеленевшего, но мужественно державшегося Мирниаса, и тот не подвёл, выдав ещё версию:

— А может, он тварь эту свою просто подослал к загону, яблочко подбросить. Раз она магическая и дневного света не боится...

— Вот-вот, запросто, — мрачно поддакнула магесса. — Следовательно, бесполезно пытаться выяснить, каким путём был злодейски проклят покойный элитный хряк. Зачем нужны были эти веночки с браслетами, я не представляю, но, может, это у нашего неизвестного мага чувство юмора такое затейливое.

— А этот ф-фарш зачем? — нервно сглотнул юнец.

— Чтобы отвлечь одну слишком самоуверенную магессу, — ещё мрачнее поведала Айриэ в приступе самокритичности. — Кстати, Мирниас, ловите магическую картинку. Хотя бы будете знать, с чем столкнётесь, если вдруг доведётся.

Айриэннис извлекла из собственных воспоминаний изображение твари, и на фоне дощатой стены сарая появилась чёткая, цветная магическая картинка. Мирниас внимательно её рассматривал, запоминая.

— В жизни не видел ничего подобного, — признался он недоумённо.

— Аналогично, хотя я постарше вас буду, — усмехнулась магесса. — Но этот монстр — шгучный экземпляр. Его выдумал наш таинственный маг — тот, который тварью управлял. Точнее, он выдумал облик монстра, способ же создания подобных... магических питомцев изобретён ещё в древности. К счастью, почти забыт, но крупницы сведений нет-нет да и всплывают непрошено.

— Он очень талантлив, выходит, — со странными нотками в голосе протянул Мирниас.

— Не без этого. Мирниас, эта тварь может оказаться относительно безобидным доренгом, который не питается ничем, кроме магической силы своего хозяина. Доренги не слишком агрессивны, они были задуманы скорее как защитники. А вот если это хогрош... тогда скверно. Хогроши агрессивны, и им нужна свежая кровь раз в несколько дней. Значит, он будет охотиться.

— На кого?

— Хороший вопрос. Хогрошу, чтобы поддерживать жизнь, достаточно крови животных, но он будет сильнее, если попробует человеческую.

— Вот же мохнатая орочья задница!.. — ругнулся Мирниас. — Кто он, этот маг, как вы думаете, мэора Айнура? И зачем ему этот... жестокий фарс?

— Кто — понятия не имею, но рассчитываю найти. Помните, к какому Ордену я принадлежу? Раз уж я здесь оказалась в тот момент, когда наш маг... счёл нужным проявиться, то теперь найти его — моя задача. Вам, Мирниас, вовсе не обязательно участвовать.

— Потому что я слабак и дал повод заподозрить себя в трусости? — Он вскинул голову, раздувая ноздри, однако попытка выглядеть величественным провалилась. Айриэ трудно было впечатлить позами и гримасами.

— Потому что вы — хороший артефактор, а можете стать ещё лучше, — совершенно спокойно ответила она. — И для вас будет полезнее заниматься тем, что у вас получается. Впрочем, если вас снедает жажда приключений, можете остаться. Если не смогу вас больше выносить, вы об этом узнаете первым.

— Благодарю, мэора, за столь лестное мнение. — Долговязый маг старался быть саркастичным, но получалось плоховато, смотрелся он скорее забавно. И голосок обиженно срывался.

Но магессе было не до обид тощего юнца. Она размышляла, что предпринять дальше. Пожалуй, надо бы наладить контакты с местными речными обитателями. Русалки должны знать хотя бы, куда делась нечисть и где именно она выбралась из воды.

— Мирниас, вы как, с местными русалками дружите?

— Что? — вытаращился он. — 3-зачем? Они же враждебны магам. То есть заклинанию призыва подчиняются как миленькие — куда им деться от древнего договора, но зато потом... На любой приказ носом крутят и посылают откуда пришёл. Дружить ещё с этими... полурыбинами.

— Ну да, что это я, в самом деле, — устало выдохнула Айриэ. — Русалки — безусловное зло, ибо смеют нагло защищать свой дом от посягательств людей и магов. Ладно, не забивайте себе голову ненужными сведениями. Лучше скажите, вы не слышали, чтобы в

Кайдарaxe имелся кто-нибудь с зачаточными магическими способностями? Кроме той бабки-знахарки, которую приглашали лечить сына Нарваса?

— Нет, не слышал, — в задумчивости наморщил лоб Мирниас. — Бабка Фенра — единственная. Кстати, говорят, её давным-давно обследовали маги и даже не сочли нужным обучать владению даром, настолько он слабенький. Знахарка умеет только лечить, да и то совсем немного. Но травы знает замечательно, её отвары и мази помогают безо всякой магии.

— Больше никого?

— Нет. В Кайдарaxe я был единственным магом... до вашего приезда, — криво улыбнулся он. — Так что я тут — самый подозрительный. Не меня ли ищете, мэора?

— Вам виднее, — отмахнулась Айриэ от его попытки пошутить.

— Что, этим неизвестным магом действительно может оказаться любой?

— Теоретически — да. Единственное, что я могу сказать с уверенностью, — это мужчина, по магическому следу чувствуется.

Мирниас немедленно сунулся проверить и кисло сообщил:

— А я бы его пол не определил. Потому что у меня силёнок мало?

— Потому что у нашего неизвестного — способности значительно выше средних. К тому же, не переживайте, далеко не каждый маг способен что-то определить по оставленному чужому следу. У меня это природный талант, моих заслуг тут нет.

— Мэора Айнура, но ведь этот маг не может быть необученным? То есть он же непременно должен был окончить одну из магических академий?

— Ну окончил, и что дальше? Мы же не знаем, где и когда. Допустим, учился не в Юнгироде, а где-то ещё. Сюда прибыл вообще под видом обычного человека и ни разу не выдал, что владеет магией. Вот и скажите мне, Мирниас, как вы определите, что маг — это маг, если он не колдует у вас на глазах? И о дипломе своём скромно молчит? Вот то-то и оно, что никак. Вы не знаете, кстати, кого-нибудь подходящего? Поселился в Кайдарaxe недавно — скажем, в течение последнего года. Возможно, имеет дворянское происхождение, но не обязательно.

— Нет вроде бы, — с сомнением протянул молодой маг. — Я никого подходящего не припоминаю. Но я вообще не очень хорошо знаю местных жителей. Вы лучше хозяина таверны спросите, вот уж кладёшь всяческих местных новостей.

— А среди обитателей Файханас-Манора? — рискнула спросить Айриэ, хотя, в общем-то, не следовало подавать идею, что она может подозревать кого-либо из герцогской семьи.

— Кузены его светлости живут в замке постоянно. Ещё есть друзья мэора Орминда — приезжают, уезжают, гостят, порой месяцами. А что, мэора Айнура, вы всерьёз думаете, что это кто-то из замка? — с любопытством поинтересовался Мирниас.

— Нет, что вы, я просто на всякий случай интересуюсь, — безмятежно откликнулась магесса. — Ну ладно, здесь мне больше делать нечего. Я к реке, побеседовать с русалками. Вы со мной, Мирниас?

— Если не возражаете, мэора. Только я пешком...

— Что же вы коня не взяли?

— У меня его нет. — Молодой маг постарался сказать это небрежно, но уши предательски покраснели. Отметив про себя довольно потёртую одежду Мирниаса, Айриэ пришла к выводу, что он, скорее всего, сидит без денег. Обычная история, наделал долгов во время учёбы — книги там всякие, редкие компоненты для зелий, студенческие шалости и

прочее. Теперь почти всё невеликое жалование контрактника уходит на оплату долгов. А крестьяне имеют обыкновение оплачивать работу мага натурой, поэтому голодным он сидеть не будет, но денег на лошадь накопит не скоро.

— Ну ничего, поедете со мной, тут же недалеко.

Подошедший Нарвас услышал их разговор и понятливо отправил сына оседлать коня магессы. Айриэ, вспомнив об обещании прибраться, запустила обычное заклинание очистки, уничтожившее «фарш» и следы крови. Только магии пришлось использовать гораздо больше обычного. Проклятие, наложенное на хряка, в сущности, перестало действовать в момент его смерти, а остаточный след вскоре должен был развеяться. Так что новому обитателю сараюшки, равно как и его хозяевам, ничто не угрожало, но наглядности ради магесса использовала «фокусы из репертуара бродячего цирка», как она это именовала: клубы зелёного дыма и вспышки света, якобы очистившие сарайчик от «зла». Фермер и батраки уважительно покивали, Мирниас едва слышно хмыкнул. Нарвас дождался, когда дым развеется, и с благодарностями протянул магессе мешочек с монетами. Та, прикинув вес на ладони, развязала кошель и отсчитала себе пяток золотых «корон», остальное решительно вернула хозяину:

— Вы переплатили, брай Нарвас, мои услуги столько не стоят.

— Но как же, мэора Айнура...

— Драконьему Ордену золото даёт король, с людей мы берём небольшую плату, — напомнила Айриэ официальную версию. На самом деле, Орден содержал себя сам, зарабатывая деньги разнообразными, вполне легальными способами. Не хватало ещё от властителей зависеть: если понадобится, Драконий Орден диктует им свою волю, а не наоборот. Магесса подмигнула искренне огорчённому фермеру: — Давайте, брай, вы мне лучше копчёного мяса пришлёте — к Гриллоду на постоянный двор.

— Сделаем в лучшем виде, мэора! — повеселел Нарвас.

— Мэора Айнура, вы уверены, что ваш конь выдержит двоих? — с сомнением осмотрев саврасое недоразумение, спросил Мирниас. — Может, я лучше пешком? Тем более что я с лошадьми не очень...

— Полезайте в седло, я впереди сяду, — недовольно приказала Айриэ, первоначально намеревавшаяся устроиться в седле сама, а мага посадить сзади. Но если грохнется по дороге, проблем будет больше. Ей-то что, она удержится. Ухватив поводья, распорядилась: — Держитесь за меня как следует, что вы жеманитесь, Мирниас? Женщину никогда за талию не брали? Не хватало мне, чтоб вы свалились по дороге.

Долговязый юнец сдавленно пробормотал что-то неприветливое; его длинные пальцы сжались на тонкой талии магессы, однако держался он всё равно скованно, напряжённо. Неужели так лошадей боится? Чему только этих юнцов в Магической Академии учат...

Оказавшись снова на берегу, Айриэ спустилась к воде и, погрузив пальцы в воду, послала заклятие призыва. Примерно через четверть часа из воды появилась русалка: зеленоглазая, с зеленоватыми шелковистыми волосами до талии, с роскошными крепенькими грудками — естественно, ничем не прикрытыми. Мирниас с большим интересом уставился на русалочьи богатства, несмотря на давешние рассуждения о «полурыбинах». Мокрый хвост с силой шлёпнул по воде, его обладательница недовольно прищурилась:

— Кому тут из сухопутных так утопнуть не терпится? Я солнца не люблю, за призыв днём и впрямь ведь утопить могу...

— Я тебе не обычный человек, чтоб мне водоросли на уши вешать. — Угрозы водяной девы оставили магессу совершенно равнодушной. — Солнце тебе ничем не мешает. А у меня дело есть, потому и призвала. Некогда мне вечера ждать, след исчезнет.

— С чего ты взяла, что я тебя вообще слушать буду?

Русалки традиционно считались нечистью, не слишком дружественно относящейся к людям, но на самом деле были практически безобидными. Развлекались светлыми летними ночами с молодыми парнями, но никого против воли с собой не тащили. Другое дело, какой же нормальный мужчина устоит перед хоть и мокрой, но весьма привлекательной особой, недвусмысленно желающей поразвлечься? Русалки честно возвращали мужчин наутро — живых, но хорошо отлюбленных. Дело в том, что своих мужчин у них не имелось, так что сексуальное удовлетворение совмещалось с заботами о продолжении рода. И не от всех мужчин русалки могли зачать, так что попыток приходилось делать немало... ко взаимному удовольствию. Русалки первыми никогда не нападали, и если не причинять им вреда, никого утопить не пытались, вопреки распространённому мнению. Впрочем, злые слухи о русалках ходили по вине ревнивых человеческих женщин, мужчины-то скромно помалкивали и только блаженно жмурились, с благодарностью вспоминая молодость и жаркие летние ночки.

Маги — не все, правда, а только самые разумные — с русалками старались не ссориться, но водяные девы их всё равно встречали не слишком приветливо. Заклинание призыва заставляло русалку против воли бросать все дела и мчаться на зов, а свободолюбивым зеленоволосым девам принуждение было не по нраву. Хотя сотрудничество с магами приносило русалкам ценнейшие для них амулеты — очистители воды. Дело в том, что русалки могли жить только в кристально чистой воде, но вынуждены были держаться поближе к человеческим поселениям. А там, где живут люди, вода, увы, редко бывает по-настоящему чистой, вот поэтому русалкам приходилось пользоваться амулетами.

— Так я не задаром поговорить хочу. Пять очистителей заряду, идёт? Каждый не меньше года проработает.

Русалка недоверчиво прищурилась:

— С чего это вдруг такая щедрость?

— Мне нетрудно, а вам приятно. Я настроена на взаимовыгодное сотрудничество, — благодушно поведала Айриэ, ничуть не покривив душой.

— А взамен что попросишь?

— Ничего, что вы бы не могли выполнить. И успокойся, чешуек ваших и волос мне не нужно. Просто сведения, ничего больше. — Чешуйки и волосы русалок считались редкими и ценными компонентами некоторых магических зелий. Из-за них-то маги, главным образом, и сотрудничали с водяной нечистью, которая чешуйки отдавать не любила, даже за заряженные амулеты. — Давай, неси очистители, заряду их тебе... авансом.

— А не боишься, что обману? — захохотала зеленоволосая.

— Напугала ёжика приспущенными штанишками! — насмешливо хмыкнула магесса. — А то я не знаю, что русалкам самоуважение дороже.

— Много знаешь, — буркнула зеленоволосая, но в голосе звучало одобрение, а вовсе не порицание.

— Меня, кстати, можешь называть Айнурой. А к тебе как обращаться, русалочка?

— Хм, не та ли Айнура, что помогла моей родне из озера Брайхан, что возле

Юнгира? — Прозрачные зелёные глазищи впервые смотрели по-настоящему приветливо, даже, пожалуй, с уважением.

— Было дело, — не стала отпираться магесса. В начале лета ей довелось ловить в озере Брайхан поселившегося там монстра, успевшего убить трёх русалок и пятерых людей. Дело происходило, кстати, неподалёку от летней резиденции герцогов Сэйбаон. Что никоим образом не говорило о причастности Сэйбаонов, хотя точно так же не доказывало и обратное. — Я смотрю, в воде новости разносятся быстро.

— Я — Таллани, — представилась русалка и заявила: — Я буду иметь с тобой дело, но пришла ты в очень неподходящей компании. Значит так, я сейчас сплаваю за амулетами, а когда вернусь, чтобы вот его и духу здесь не было. При нём разговаривать не стану.

Мирниас, в которого русалка невежливо ткнула пальцем, зло сощурился и опять запламенел ушами.

— Что он тебе сделал? — удивилась магесса.

— Не мне, одной из нас. Он знает, — презрительно процедила русалка.

— Послушай, Таллани, поищи, пожалуйста, магический след, оставленный одной тварью, а то он совсем скоро развеется, — попросила Айриэ. — Сможешь проследить, куда ведёт?

— Это той твари, за которой ты недавно гналась? Смогу, конечно.

— А кто тварью управлял, может, сумеешь сказать?

— А вот это не в моих силах, уж извини, Айнура. Даже если вон этот управлял, — насмешливо глянула она на молодого мага, — и то не опознаю. Всё, пусть убирается, хватит ему у нашей реки торчать!

Айриэ развела руками:

— Слышали, Мирниас? Уж не обессудьте. В конце концов, вам виднее, что вы с русалками не поделили, но это было крайне недальновидно.

— Вашего совета я не спрашивал! — грубо огрызнулся маг и, круто развернувшись, зло зашагал прочь.

Немедленно выкинув вздорного юнца из головы, Айриэ занялась проблемами гораздо более важными. Как сообщила Таллани, тварь выбралась из воды возле мельницы. Больше никакой ценной информации магессе не перепало, если не считать показанного русалкой удобного для купания местечка.

Прижимая к себе заряженные очистители, русалка напоследок посоветовала, загадочно улыбнувшись:

— Поговори с мельничихой. Тебе будет интересно. И поможет найти то, что ты ищешь.

Плеснула хвостом и была такова. А магесса, в задумчивости постояв на солнцепёке и послушав крики местной ребятни, купавшейся на мелководье чуть выше по течению, решительно повернула в противоположную сторону, к мельнице, чья буровато-красная черепичная крыша возвышалась вдалеке над прибрежными плакучими ивами. Подошедший сзади Шоко ткнулся хозяйке в плечо: мол, а я на что? Усмехнувшись и легонько потрепав коня по бархатному носу, магесса всё-таки взобралась в седло, и Шоко неторопливо потрусил к мельнице. Не доезжая ярдов ста до старого, но крепкого, по-гномы добротно выстроенного сооружения, магесса вновь спешила и заткнула поводья за луку седла. Шоко можно было совершенно спокойно отпускать бродить вокруг, никуда он от хозяйки не денется, а чужого к себе вообще близко не подпустит. Иногда Айриэ казалось, что, даже не будь между ними магической связи, Шоко хватало бы природного ума, чтобы быть

достойным, надёжным спутником странствующего мага.

— Жди здесь, никуда не уходи, — приказала коню магесса, оставляя его посреди лужайки с сочной молодой отавой, а сама двинулась к мельнице. Вокруг никого не было видно, мельников двор был пуст и безлюден, но глазастая магесса заметила на противоположном берегу какое-то движение в кустах. Подумав, не стала окликать хозяев, а перешла реку по мосткам у запруды и бесшумно двинулась в лесок, где заметила две фигуры, выделявшиеся своими светлыми одеждами в зеленоватом полумраке, среди высоких замшелых стволов.

Молодая женщина — тоненькая, в белой крестьянской блузе и длинной, но лёгкой голубовато-серой юбке; её светловолосый спутник — в белой рубашке с закатанными рукавами и тёмно-зелёных штанах, заправленных в высокие сапоги. Крестьяне по летнему времени чаще носят опорки, да и портки у них обычно свободные, болтающиеся, а не плотно сидящие на бёдрах. Простолюдинка и дворянин (вероятно, один из Файханасов) на тайном свидании? Дело житейское, но русалочка намекала на что-то интересное. Пойти подслушать, что ли? Не слишком приятное занятие, по правде говоря...

Лениво двинувшись в ту сторону, где скрылась парочка, Айриэ не озаботилась даже набрасыванием «отвода глаз». Она и так умеет бесшумно ходить по лесу, не хуже эльфов, да и близко подходить не станет. Только послушает немного, о чём беседуют влюблённые — вдруг русалка права, это окажется чем-то полезным. Чужие интрижки Айриэ, признаться, волновали мало, да и вообще, женщина была слишком молода. Вряд ли это мельникова жена, скорее уж дочь: виденному мельком в деревне мельнику было лет пятьдесят, не меньше.

Свидание проходило на маленькой полянке, светлые одежды просвечивали сквозь густую зелень. Ближе магесса подходить не стала: остановилась, как только слова стали ясно различимыми. Девушка говорила совсем даже не кокетливо, скорее чуточку устало и чересчур серьёзно для легкомысленного свидания посреди пронизанного солнцем леса. Выговор у неё был чужой для этих мест — похоже на то, как говорят уроженцы Лиандрии или севера Картивии. Мужской голос был очень молодой, приятный, без заносчивости и высокомерия, хотя его собеседница, вне всякого сомнения, была гораздо ниже по положению. Видимо, юноша был очарован гораздо сильнее, чем она — им.

— ... нет, мэор, прошу вас...

— Ну что ты, Зари? Не бойся, глупенькая, я никогда не сделаю то, что тебе будет неприятно.

— Я знаю, мэор, вы хороший... Только...

— Ну что, Зари, что ты?.. Ну, возьми же цветок, не бойся! Тебе ведь понравилось?

— Он красивый, мэор... спасибо... Только не для меня...

— Да почему же, глупышка? Ты такая же красивая, как эта роза!

Голос девушки дрогнул от сдерживаемого смеха, но и кокетливость в нём наконец послышалась:

— Ну вы и скажете, мэор, прямо уж! Да где же вы во мне красоту разглядели-то?

— Может быть, я просто очень внимательно рассматривал? — Мужской голос нежно мурлыкал; ещё немного — и собеседница неизбежно уступит, куда она денется.

Но внезапно молодая женщина воспротивилась, будто разом стряхнув с себя наваждение:

— Нет, мэор, пустите, прошу вас! Простите меня, простите, но я не могу!.. Я мужа люблю... И мне пора... мне домой надо, а ещё трав собирать...

В ответе прозвучала некоторая досада, но не более того. «Мэор» не рассердился на отказ простолоудинки.

— Как хочешь, Зари. Что с тобой поделаешь, ступай. Или, может быть, тебе помочь?

— Нет, мэор, я сама наберу, благодарствую.

Юноша вздохнул:

— Хорошо, иди тогда. А завтра придёшь? В это же время!

— Мэор, зачем?.. Не мучьте вы меня, не могу я!.. Ну ладно, приду, только... зря вы это...

Айриэ, наслушавшись любовного лепета по самое горлышко, бесшумно и быстро отступила к реке. Вскоре к мельнице прошла молодая женщина, держа в руках пучок какой-то зелени. На мостках у запруды женщина остановилась, поднесла к носу яркий цветок и на некоторое время замерла, вдыхая аромат. Потом размахнулась и безжалостно бросила цветок в воду. Видимо, это была подаренная роза, и от улики очень благоразумно, хотя не без колебания, избавились.

Забавно, какие тут страсти кипят. Неужели это всё-таки была мельничиха? Пока что верная жена, но мельник был в летах, пухленький и румяный как свежесвеженный хлебушек, и лысоватый вдобавок. Не сравнить с юным «мэором», который умело подтачивал добродетель молодой женщины. Скоро, наверное, эта крепость падёт, но Айриэ-то какая разнища? Чем это может помочь найти таинственного мага, она пока не видела.

Стало совсем жарко, и Айриэ решила совершить омовение. Немного выше по течению от мельницы, имелось спокойное, укромное местечко, указанное русалкой. По обоим берегам росли высокие ивы, полоскавшие в воде изящные ветви. Течение здесь было совсем сонное, незаметное, будто убаюканное тишиной и прохладной, густой тенью. Дно оказалось чистым, песчаным, без мути, а глубина и ширина реки — вполне достаточной, чтобы хорошо поплавать.

Скинув с себя всё, вплоть до белья, Айриэ с наслаждением окунулась в зеленоватую прохладу. Никто не нарушал её уединения, кроме снующих над водой сверкающих стрекоз, да стыдливо, робко распевających в ивах птичек. Их песенки были совсем незамысловатые, но какие-то мятно-освежающие, чудесно гармонировавшие с таким ленивым днём, истекающим летней жарой, которая уже потихоньку подходила к неизбежному концу.

Айриэннис полностью расслабилась, поддавшись царившей вокруг безмятежности. Наверное, поэтому он смог появиться настолько внезапно. Тоже, видимо, умел ходить по-эльфийски бесшумно... Айриэ ненадолго отвела глаза от берега, а когда повернулась, то возле её вещей стоял юноша, раздвинув тонкую завесу ивовых ветвей. Айриэ нащупала ногами дно и выпрямилась, хладнокровно рассматривая пришельца, стоявшего от неё в нескольких ярдах. С её обнажённой груди стекали капли воды, что заставило юношу сглотнуть и почти не моргая, уставиться на магессу с таким восхищением, что непонятно становилось: что он там такого необычного мог увидеть?

Юноша был тоненький, изящный, чуть выше шести футов, с гривой из золотистых, слегка вьющихся волос, длиной до середины шеи, и открывавших высокий лоб. Скулы немного резковаты, глаза большущие, серые, но медленно потемневшие до серо-лилового цвета, какими бывают иногда облака на закате или перед грозой. Взгляд юноши выражал самые различные эмоции, от ошеломления до восхищения, но, самое главное, он был **живым** и отражал внутренний мир, который у этого человека, вне всякого сомнения, был богатым, несмотря на явную молодость. Людей с пустыми глазами, которых никогда не

озаряли подлинные эмоции и искренняя улыбка, Айриэ откровенно не любила. Именно взгляд побудил её быть непривычно снисходительной и придержать свой злой язык, спокойно дожидаясь реакции незнакомца.

На вид он казался не старше двадцати и чем-то неуловимо напоминал герцога Рольнира Файханаса, а потому был несомненным представителем этого славного рода. Одет он был в белую рубашку с воротом на шнуровке, тёмно-зелёные штаны и высокие сапоги. Выходит, это и есть тот пылкий кавалер, что недавно пытался соблазнить симпатичную мельничиху? Когда он заговорил, сомнения Айриэ рассеялись: голоса она запоминала хорошо.

— Прошу прощения, мэора, за неподобающее поведение. Я, было, принял вас за русалку.

— Как видите, я не она, — пожалла плечами магесса, выбираясь из воды на берег. Юноша с усилием заставил себя вежливо отвести глаза, и она щедро позволила: — Да смотрите, кто вам не даёт. Меня вы никоим образом не стесните.

Признаться, она рассчитывала, что юнец покраснеет до ушей и в ужасе сбежит. А он взял и воспользовался разрешением. Правда, скулы всё-таки чуть заметно порозовели, но больше никаких признаков смущения в нём не обнаружилось. Наглости тоже не наблюдалось, только немного сексуального вожделения и искреннее восхищение, а ещё задумчивость и что-то такое в глазах, что трудно поддавалось определению. Впрочем, магесса к детальному анализу не стремилась: его личное дело, что хочет, то и чувствует.

— Благодарю вас, мэора, и с радостью воспользуюсь вашим разрешением, — не сразу ответил он. Его глаза уже смеялись.

Однако же хм-м-м... мальчик, определённо, начал ей нравиться, и Айриэ твёрдо решила в его присутствии поменьше кусаться и язвить. Естественность и непринуждённость, а ещё искренность — неподражаемый коктейль, его надо смаковать медленно и с наслаждением. Покусать можно и кого другого, теща свой, в общем-то, гадкий (Айриэ это честно признавала) характер.

Активировав заклинание просушки, магесса быстро обсохла, оставив волосы чуть влажными, так прохладнее. Юноша дождался, пока магесса оденется, и только тогда учтиво наклонил голову:

— Позвольте представиться, мэора, Фирниор Ниарас, двоюродный племянник герцога.

— Айнура, странствующий маг, — коротко представилась она.

Глаза юноши расширились:

— Насколько мне известно, лишь самые могущественные маги пользуются одним именем, без фамилии.

— Если я напишу нетленный труд по магии, я обязательно подпишу его именем и фамилией, — заверила его магесса. — Но в повседневной жизни мне хватает и этого. А теперь позвольте откланяться, рингир Ниарас.

— Вы уже уходите, мэора? — кажется, искренне огорчился он. — Надеюсь иметь счастье лицезреть вас в Файханас-Маноре.

— Если его светлости или кому-то из обитателей замка понадобятся мои услуги, буду рада. Насколько мне известно, у герцога нет личного мага?

Ей показалось, при этом вопросе в глазах юноши промелькнула тень, он чуть нахмурился.

— Нет, мэора Айнура, мы обходимся услугами кайдарахского мага-контрактника, мэора Мирниаса Сидейона. Он «бытовик»-артефактор. Но если его светлости понадобится что-тс

особенное, он наверняка обратится к вам. Как долго вы планируете пробыть в Кайдарахе?

— Примерно месяц. Если понадобится, я живу на постоялом дворе брая Гриллода, — сообщила Айриэ, нисколько не сомневаясь, что самому герцогу уже известно о появлении в его владениях драконьего мага и месте его проживания.

Магесса отправилась к мельнице. Во дворе дома мельника на сей раз находилась девушка лет шестнадцати или постарше, и Айриэ окликнула её. Хозяин оказался дома, и на мельнице немедленно поднялся маленький переполох: гостья была невиданная, редкостная, и хозяевам не хотелось ударить в грязь лицом.

— Не надо суеты ради меня, брай, — попросила магесса хозяина. — Мне бы только холодненького чего-нибудь выпить — сидру, например. Жарко сегодня.

— Это да, мэора, — мельник степенно качнул лысеющей макушкой, поддерживая разговор и одновременно делая рукой знак жене и дочери принести требуемое. Подумал и почесал свой мясистый нос с крупными, тёмными порами, выдав глубокомысленно: — Но скоро уж зной спадёт, дело-то к осени.

Увлечательная беседа о погоде продолжалась, пока жена мельника не принесла не то из погреба, не то из холодильного шкафа запотевший кувшин. Следовавшая за ней по пятам девушка доставила кружки. Крутившийся возле стола круглоглазый мальчишка любопытно тарацился на гостью и едва не вышиб из рук мельничихи кувшин, за что схлопотал от отца подзатыльник и горестно зашмыгал носом, размышляя — зареветь или нет.

— Не тронь его, Нэйс, — попросила мельничиха и, поставив кувшин на стол, притянула к себе мальчика. — Он ведь не хотел ничего дурного, правда, Ройби?

— Я нечаянно, Зари, прости! — Мальчишка улыбнулся и, как котёнок, ткнулся мачехе головой в бок.

— Зари, ты о нашей уважаемой гостье забыла, — с притворной грозностью напомнил мельник, но видно было, что он не сердится по-настоящему.

Мельник с улыбкой и даже с каким-то умилением смотрел на хлопоты своей юной жены. Её никак нельзя было назвать красивой: невысокая, худенькая, серенькая мышка с остреньким носиком и мышиною же цвета волосами. Улыбалась она робко, быстро, открывая неровные, выступавшие вперёд передние зубы. Но зато когда улыбка медленно докатывалась до глаз — голубых в жёлтую крапинку, казавшихся чересчур большими для такого маленького личика — то вокруг будто солнышко начинало сиять. Неяркое, тёплое и очень ласковое, сумевшее согреть и немолодого мельника, и неродных детей, смотревших на свою юную мачеху с обожанием.

Пожалуй, Айриэ могла понять, почему юный, довольно симпатичный Фирниор Ниарас так заинтересовался этой, казалось бы, невзрачной малышкой. Он смотрел внутрь и видел то настоящее, что скрыто в этой тихой, доброй девочке. Но ловить тут юноше, пожалуй, было нечего. Зари действительно любила своего некрасивого, лысеющего и немолодого супруга, хотя это казалось невероятным. Впрочем, Айриэннис на своём веку повидала многое, чтобы сейчас удивляться неподдельной нежности, с какой Зари относилась к мельнику. Значит, было за что, и это в её глазах явно перевешивало молодость и привлекательность блестящего, богатого и щедрого мэора из герцогской семьи. Айриэ неожиданно поймала себя на мысли, что ей будет искренне жаль, если неосторожный юноша своим капризом разрушит это тихое, ласковое, но такое удивительно настоящее счастье.

Выпив кружку холодного, вкусного сидра, с добавленными свежими листьями мяты и монарды, магесса с удовольствием похвалила хозяйку. Жена мельника вспыхнула от удовольствия:

— Благодарю, мэора, рада, что вам мой сидр приглянулся. Я для мужа делала, это его любимый, с мятой.

Мельник ласково усадил жену рядом с собой, чмокнул в гладко причёсанную макушку, а Зари улыбнулась застенчиво и притулилась головой к плечу мужа, пряча покрасневшее личико. Потом, окончательно засмуцавшись, убежала на кухню и загремела там посудой, а через некоторое время вместе с дочкой мельника вышла во двор.

— Давно вы женаты? — из вежливости поинтересовалась магесса.

— Да три года уж, — с удовольствием ответил мельник и вдруг помрачнел. — Я мою Зари у её тётки перекупил. Та, дрянь бессердечная, таверну с постоянным двором держала, а Зари у неё с утра до ночи надрывалась, посетителей обслуживая. Да, видно, упырихе старой мало показалось, хотела девчонку посетителям продать. Кто, мол, больше, заплатит, тому и девственность её достанется. А я как раз в той таверне остановился, увидел такое дело, ну и... не смог мимо пройти. Зари там стояла, сжавшись, как мышка напуганная, только глазищи в пол-лица сверкают да слёзы катятся. Моя-то дочка немногим младше... В общем, наорал я на упыриху старую, отсыпал ей десяток золотых «корон», да и забрал Зари с собой. Дело в Лиандрии было, я туда по наследственным делам ездил. У нас бы герцог такого непотребства ни в жизнь не допустил — чтоб девчонками, как рабынями, торговали.

Айриэ сочувствующе хмыкнула, чтобы поддержать разговор. Хотя в общем и целом была согласна. Вот то-то и оно, управлять своими землями герцог Файханас умел превосходно. Не выбери он такой неприглядный способ избавиться от короля Кайнира и не увеличь тем самым нестабильность магической оболочки мира, Орден, скорее всего, не стал бы вмешиваться. Цинично, но практично. Просто потому, что драконьих магов ничтожно мало, на всех не хватит, а Айриэннис и вовсе тут одна такая... Однако Запретная магия — то, что без внимания не оставишь, слишком большую опасность она несёт для всего Акротоса. Маги, способные использовать эти грязные заклинания, к счастью для этого мира, рождались редко, даже не каждое столетие. Но любого чёрного мага необходимо было выследить и уничтожить как можно скорее.

Усмехнувшись смущённо, мельник продолжил:

— Я тогда уже несколько лет как вдовел, но хозяйку новую в дом брать не хотел. А Зари, думал, служанкой будет, потом замуж за кого-нибудь пристроим. Я-то стар для неё слишком... а она, вишь, меня выбрала. Да не ради денег, она и тогда от моих подарков отнекивалась, и сейчас обновок с побрякушками не просит. Так как-то оно у нас само сладилось, Зари — она же как котёнок ласковый, доверчивый. Ей не золото с серебром ценно, а доброе отношение. За то и полюбила, говорит... Детям моим если не матерью, так сестрой старшей стала, они в ней души не чают. Повезло нам с ней, мэора, она ж как солнышко в дом наш вошла.

Айриэ кивнула, а мельник, спохватившись, извинился:

— Совсем заболтал я вас, мэора, а ведь вы, наверно уж, не мои рассказы послушать пришли. Простите, что докучаю. У вас какое-то дело ко мне, мэора?

— Да не то чтобы дело, спросить хотела, брай мельник, а не замечали вы в последнее время ничего необычного? Слышали, что на ферме брая Нарваса случилось?

— Был я с утра в лавке, так там об этом лишь и треплются. И каждый своё рассказывает, а толком-то никто ничего не знает. Но вы-то, мэора, лучше всех знать должны...

Айриэ коротко рассказала о случившемся и добавила:

— Та тварь, что Бакаса похитила, ушла под воду, а вынырнула, судя по магическому

следу, где-то возле вашей мельницы. Вот я и хочу спросить, не видели вы ничего... странного?

Мельник насупился и снова почесал нос, на сей раз чуть ли не с ожесточением.

— Вы, мэора, уж не меня ли, часом, подозреваете, что я эту тварь прикормил, да на людей спускаю?

— Да богини с вами, брай, и в мыслях не было! — замахала руками магесса.

— А-а, — чуть подобрел мельник, — а то я уж подумал... У людей же, сами знаете, про мельников всегда куча баек припасена. И с нечистой-то силой мы знаем, и колдовские дела всякие на мельницах творятся... тьфу!

— Брай, а знаете, сколько баек про магов рассказывают, ещё почище тех, что про мельницы сочиняют? — усмехнулась Айриэ. — И ничего, живём как-то. Если все глупости, что люди от нечего делать придумывают, близко к сердцу принимать, так и жить некогда будет!

— Ваша правда, мэора. Пусть их болтают, — хохотнул мельник. — Ну а касаясь вашего вопроса, так не видел я ничего странного. Но если уж, как вы говорите, нечисть начала среди бела дня шастать, злые времена наступят.

— Нечисть я выслежу и уничтожу, но ещё больше хочется побеседовать с её хозяином, — прищурилась магесса. — Знать бы ещё, кто он... Вы как, брай, не знаете случайно, кто в Кайдарахе может магией баловаться? Ничего такого не слышали?

— Разве что про меня брешут, я уж говорил, — криво улыбнулся мельник. — А так не слышал, мэора. Знахарка у нас, так она сроду людям вредить не думала, всю жизнь только добро от неё и видели. Лечит она больных травками, да слабенькими заговорами, вот и всё колдовство. Ну а про мэора Мирниаса сами знаете, наверно.

— Ну и как он вам? — с любопытством спросила магесса.

— Ну как... — неопределённо покряхтел мельник, трогая нос. — Он у нас, конечно, всего год живёт, но видно, что человек вроде неплохой. Молодой ещё, так это пройдёт. Не сказать, чтоб он сильно усердствовал в работе, но магические штуки заряжает, они исправно работают, а чего ещё от мага надо? А про то, чтоб он каким чёрным колдовством баловался, так я не слышал, да и кто другой — навряд ли.

— А что прежний маг, который герцогам служил?

— Магистр Стейриг? Так он умер, года три уж как. Но маг был хороший, сильный, только вот перед деревенскими немного нос задирал, не на всякую работу соглашался. Как же, сам из благородных, да ещё герцог наш его чуть не за родню свою держал, оно и понятно. Раньше-то, в молодости, мэор Стейриг, говорят, немало всякой нечисти истребил — на севере Дилиании, в болотном краю порезвился. А у нас тут, богини миловали, спокойно было до сих пор. Мэор Стейриг герцогам долго служил, лет десять. А потом завёлся какой-то упырь в старом герцогском склепе — опасный, говорят, особенно если б ему в силу войти дали. Мэор упыря того убил, раньше чем люди пострадали, но и сам жизнь геройски положил. Про упыря-то и узнали потом только, когда маг погиб, а его светлость мэора Стейрига героем объявил.

Мельник помолчал и помялся, словно размышляя, рассказывать дальше или нет. Магесса его не торопила, рассчитывая, что так мужчина быстрее решится.

— Так, мэора, вроде всё гладко да складно выходит. Да только служила в замке племянница моей покойной жены, кухарке помогала. И вот сказывала девка матери своей, будто нечисто в замке что-то. В подвалах древних под замком, куда слугам хода нет, вой

иногда раздаётся по ночам, а то и крики нечеловеческие... Оно, конечно, может, это всё девка придумала, или просто со страху померещилось чего, в коридорах-то тёмных. Ну или подшутил кто, из озорства.

— Всё может быть.

— Ну да, мэора. Только слышал я те рассказы, и сдаётся мне, девка верила в то, что говорила. А ещё, всё там одно к одному, мэор Стейриг часто запирался где-то в тех подвалах. Говорили, мол, своими колдунскими опытами занимается, чтоб, значит, лучше герцогу служить и защищать замок в случае нужды. Мастерство, дескать, повышал.

— И что, он сам монстров создавал, чтобы потом уничтожать... для тренировки? — невинно осведомилась магесса.

— Да нет, мэора, о таком никто не болтал, — неохотно признал мельник. — У нас раньше нечисть по Кайдараху днём не бегала. Вот в давние времена, да, было дело, если сказки не врут, а потом повывели, редко какие твари страшные появляются. Да только знаете что, мэора, ведь если так подумать, то вроде неоткуда тому упырю в склепе завестись было. Ладно б, умер кто недавно, да не просто, а дурной смертью, тогда да. А так всё тихомирно было, мы ж о том упыре вообще задним числом узнали. Он никого не убил, никого не порвал... собаки какие разве бродячие пропадали, так кто ж их считает? Откуда же мэор Стейриг о нечисти узнал? Заранее, что ли, угадал? Так после смотритель кладбищенский, который заодно и за герцогским склепом фамильным приглядывает, говорил, что ничего, мол, не видал и не слышал. Ни на кладбище, ни в самом склепе. Кому и знать, как не ему.

— А погибшего мага где нашли?

— Так в склепе же герцогском. Упырь его сильно порвал, но лицо почти не тронул, так что мага сразу признали. Крови там было немало... ну и упырь дохлый рядом валялся. Сам я не видел, — поспешил отговориться мельник, — рассказывали. Смотритель кладбищенский и рассказал, мы с ним в таверне у папаши Брэйдора любим посидеть порой, поболтать. Его светлости доложили, он сам всё осмотрел, да наследнику показал. А после прислал солдат гарнизонных, они всё там подчистили, мага вынесли, да и похоронили тут же на кладбище. Сам герцог речь прочувствованную сказал — мол, погиб мэор как герой, но защитил людей от страшного упыря. Вот на том дело и кончилось, а нового мага в замок так и не позвали.

Размышляя об услышанном, магесса потихоньку двинулась в деревню. Шоко двигался неторопливо, разленившись на жару, и хозяйка его не понукала. Хм, таинственные звуки и завывания в замковых подвалах — дело такое, не обязательно происходившее в реальности, особенно если о них рассказывает юная дева с богатым воображением. Это в том случае, если у племянницы мельника имелось богатое воображение. А если девушка говорила правду, то в наличии у мага специально оборудованной лаборатории для опытов нет ничего странного, равно как и в доносящихся оттуда странных звуках. В конце концов, магистр мог разрабатывать сторожевые заклинания — «пугалки» и прочие, вот вам и источник завываний.

С другой стороны, Стейриг мог быть искомым магом, если бы не маленькая загвоздка. Собственную смерть можно, конечно, инсценировать, но подделать собственный труп сложнее. Если бы магесса услышала о том, что лицо убитого магистра пострадало от когтей монстра, то это было бы совсем другое дело. Можно было бы выстроить гипотезу о том, что прежний герцогский маг притворился погибшим и теперь укрылся где-нибудь в замке (да вот хоть в тех же древних подвалах) и продолжает верно служить Файханасам. Но сложность тут в том, что она труп иллюзию не набросишь. И наложенная при жизни иллюзия тоже

слетит после гибели, так что для инсценировки смерти магистру Стейригу требовался бы двойник. Ну и зачем тогда, спрашивается, такие сложности, если можно было взять любого человека, похожего на мага телосложением, и изуродовать трупу лицо? Мол, упырь порвал, и точка.

Надо будет потом ещё поспрашивать осторожно, хоть того же кладбищенского зрителя, он-то очевидец тех событий, а не пересказчик чужих слов. Но чутьё подсказывало магессе, что этот путь неверный. Зачем бы зрителю лгать в таком вопросе? Попросили? Если, скажем, его светлость велел... Или всё значительно проще, старый маг действительно погиб и похоронен три года назад, а сейчас действует кто-то другой.

Айриэ отправилась в таверну и просидела там несколько часов, охотно вступая в разговоры с любопытствующими селянами, под различными предлогами заскакивавшими к папаше Брэддору. Если до обеда крестьяне ещё занимались уборочными работами, то в послеобеденное время нечисть одержала безоговорочную победу. Точнее, не она сама, а утренние события на ферме Нарваса. Взбудораженные кайдарахцы ни о чём другом и не говорили, кроме как о нападении наглой нечисти. Айриэ это было только на руку, благо она спокойно могла расспрашивать жителей деревни. Впрочем, получив массу ненужных сведений обо всём, что когда-либо происходило или, по мнению кайдарахцев, **могло бы** происходить, магесса уже не была так довольна.

В общем и целом сегодняшний улов сводился к следующему: про затаившегося и пакостящего людям мага никто не слышал, хотя, вон, у Борласа жена, говорят, ведьма... На свою тещу посмотри, трепло, вот уж кто ведьма настоящая... А ты вообще дурак! И твоя жёнушка кузнецу на Празднике Начала Лета глазки строила!.. Это ты со зла языком треплешь, что она на тебя, пузана, смотреть не захотела, а моя супружница мне верность блюдёт... А про мельника что думаете? Подозрительный он, живёт на отшибе, да жену свою любит... а чего там любить, спрашивается? Ни кожи, ни рожи... А мельничиха-то покойная и вовсе зимой на метле летала совсем даже голая — и не мёрзла. Не, я сам не видал, зато кум мой сказывал... И да здравствует его светлость герцог, пусть богини даруют ему долгие лета и крепких внуков!..

В общем, чем больше пива было выпито, тем красочнее становились «гипотезы». Иного, впрочем, магесса и не ждала, хотя, что скрывать, надеялась, вдруг да и проскользнёт в словах жителей деревни что-нибудь полезное. Маг маскировался настолько хорошо, что о нём никто не слышал. Впрочем, оно и неудивительно, учитывая специфику его магии и то, что он был заочно приговорён к смертной казни, как только использовал своё первое «запретное» заклинание. Магу, естественно, помогали Файханасы, но чтобы взять их за горло и заставить признаться, придётся немного подождать.

Айриэннис, чтобы не огорчить короля Кайнира и не заставить его разочароваться в Драконьем Ордене, пришлось изображать бурную деятельность и ехать добывать доказательства виновности герцога. Впрочем, пожить немного на природе, в таком приятном месте, и развлечься игрой в прятки с неизвестным магом тоже было весьма неплохо. Магессе нравились такие игры, иногда. Просто сидеть и ждать осени было бы невероятно скучно, а значит, будем развлекаться.

Сам король, безусловно, не порадовался бы, узнав, что дело его жизни и смерти — всего лишь игра для магессы. Впрочем, Айриэ не имела в виду ничего оскорбительного для юнгиродского короля, а про развлечение, разумеется, никогда не сказала бы вслух. Она хорошо относилась к молодому монарху и взялась помогать не из ложного чувства долга, но

потому, что хотела помочь.

Кайнира едва не убило некое затайливое проклятие — порождение извращённого ума. Неизвестный пока маг сделал примерно так: поймал и замучил до смерти беременную женщину, скорее всего, ожидавшую первенца. При этом нерождённый плод с соблюдением определённых ритуалов убивали прямо в утробе, пока сама мать была жива. После чего медленно и мучительно умерщвлялась женщина, а её дух и дух нерождённого маг привязывал к некому предмету, не давая развеяться и влиться в энергетическую оболочку мира, как происходит со всеми умершими. В данном случае предметом была щётка для волос, украденная, а затем подброшенная обратно в опочивальню короля Кайнира. Слугу, который, очевидно, выполнил это за некое вознаграждение, а потом внезапно пропал из дворца, так и не нашли. Вероятнее всего, его труп сбросили в реку, чтобы оборвать след, ведущий к магу. Удалось выяснить лишь, что слуга был родом из герцогства Торбиан и в далёкой юности служил тамошним герцогам, но это ещё ни о чём не говорило.

Непосредственно накануне бала король решил добавить последний штрих в свой и так безупречный облик, и схватился за щётку, приглаживая волосы. Дело в том, что его величество, как раз недавно сменивший фаворитку, ещё не наигрался новой игрушкой и был весьма пылок. Чтобы не портить костюм и причёску — как свой, так и его дамы — король перед выходом всего лишь позволил себе страстный поцелуй, но шаловливые пальчики фаворитки чуточку растрепали тщательно уложенные волосы Кайнира. Король оцарапался о миниатюрный шип, торчащий из подброшенной слугой щётки, но даже не заметил этого, поглощённый мыслями о бале и грядущих развлечениях. На щётке для волос осталось крохотное пятнышко крови Кайнира, что и послужило активацией проклятия. Это заодно говорило о том, что магу хорошо известно о привычках короля. Тот не любил лишних «нянек», одеваться и причёсываться предпочитал самостоятельно, без помощи слуг.

После бала король должен был почувствовать себя плохо, потом слёг бы в постель и скончался от неизвестной болезни за три дня. Всё бы так и произошло, но Кайниру повезло, даже дважды. Первая удача состояла в том, что он с юных лет понял все выгоды дружбы с Драконьим Орденом. Его отец драконьих магов недолюбливал и общался весьма холодно: собственное самолюбие не позволяло смириться с абсолютной независимостью Ордена от королевской власти. Не говоря уже о возмутительной, с точки зрения старого короля, манере магов держаться с ним на равных. Никаких тебе знаков почтения, низких поклонов и «вашего величества». На «вы» и по имени, вежливо, как с равным, а такое не всякий король потерпит, хоть бы и только в разговорах наедине. Надо сказать, этим члены Драконьего Ордена, во-первых, давали понять монархам, что никакая власть абсолютной не является и ненавязчиво напоминали о собственной независимости. Орден жил по принципу «мы не трогаем, пока не трогают нас». И ещё: «нам не нужна власть, но власти над собой мы не потерпим». Ну, а во-вторых, это был своеобразный тест на «разумность», и Кайнир в своё время сдал его блестяще. Потому и получил помощь незамедлительно.

Один из драконьих магов, постоянно живший при королевском дворе, осмотрел Кайнира, когда тот почувствовал странное недомогание, и заподозрил неладное. К слову, простые маги и даже целители терялись в догадках, не понимая, что вызвало болезнь. Будь там эльф, тот бы сразу определил проклятие из арсенала Запретной магии, однако помочь королю всё равно не смог бы. Но эльфа там не имелось, зато, как уже говорилось, был маг, относительно недавно окончивший Драконью Академию и отличавшийся пытливым умом, наблюдательностью и отсутствием глупого гонора. Быстро поняв, что здесь требуется опыт,

каким сам он пока не обладал, молодой маг обратился к Высшим Магистрам Ордена. А те известили Драконниар — точнее, Совет Наблюдателей. Поскольку Айриэннис совсем недавно бывала в Юнгире (и ещё нескольких королевствах, но это к делу не относится), ей предложили разобраться с тамошними событиями. Она дала согласие, и появилась в юнгиродской столице — правда, в другом облике, не нынешнем.

Второе, в чём несказанно повезло Кайниру, это то, что бал состоялся накануне дня летнего солнцестояния. Король почувствовал себя плохо ночью, когда уже наступили следующие сутки. День, особый для некоторых магов, к коим относилась и Айриэннис. Благодаря дню солнцестояния она сумела прибыть в Юнгир очень быстро и с обидной для придворных целителей лёгкостью справилась с королевской болезнью. После чего магесса лично изготовила королю защитный «драконий» амулет, чтобы защитить от Запретной магии. В Акротосе о ней чуть ли не два с половиной столетия не слышали...

Проклятие не успело нанести вреда Кайниру, однако и выяснить по остаточному магическому следу, кто же это такой затейник, Айриэ сразу не удалось. Равно как и королевским дознавателям, но уже по следам обычным, оставленным в реальном мире.

Пустившись в воспоминания, Айриэ отрешилась от происходящего в таверне, но сразу очнулась, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. Через три столика от неё сидел, очевидно, недавно появившийся человек в чёрно-зелёном мундире герцогской гвардии, с вышитым серебряным ястребом Файханасов на левом плече. Судя по нашивке, командир гвардейцев. Уже в годах, с обильной сединой в каштановых волосах, крепкий, подтянутый и слегка настороженный. Взгляд был изучающий, открытый, и Айриэ спокойно ответила тем же. Человек чуть дёрнул правым уголком рта, поднялся со своего места и, прихватив кружку, подошёл к её столику.

— Мэора Айнура. — Вежливо склонил голову в приветствии. — Позвольте присесть и немного поболтать? Доррош Паурен, капитан гвардейцев Файханас-Манора.

— Прошу, — приветственно взмахнула кружкой Айриэ, указывая на пустующий стул напротив.

Любопытно. Проявляет рвение самостоятельно — а он кажется достаточно умным для этого — или всё же выполняет приказ герцога, которого насторожило появление драконьего мага?

— Мэора, разрешите вас угостить?

— Нет, капитан, благодарю, — в очередной раз отказалась магесса, выслушавшая за сегодня таких предложений десятка полтора, не меньше. Да если бы она со всяким желающим угостить выпила хоть по кружке пива, она бы впервые в жизни нализалась до скотского состояния. Однако же пить магесса умела, прекрасно зная меру. Смягчая отказ, одарила капитана чуточку извиняющейся улыбкой: — Боюсь, я теперь несколько дней не захочу пива. Местные жители так добры и гостеприимны...

Капитан Паурен усмехнулся понимающе и не стал звать хозяина, хотя тот услужливо крутился неподалёку, бдительно поглядывая на важных клиентов.

— Тогда, мэора, с вашего разрешения, мы немного побеседуем. Если не возражаете, я бы попросил вас поставить «полог тишины». Не то чтобы я собирался сказать нечто секретное, просто его светлость не любит посвящать в свои дела всех подряд.

Согласно кивнув, магесса активировала заклинание.

— Я поставила «глушитель». Теперь любопытствующие, как бы они ни старались, расслышат только неясный гул наших голосов, не сами слова. На мой вкус, «полог» — это

немного чересчур для обычного, несекретного, — подчеркнула она, — разговора в таверне.

— Как скажете, мэора, — не стал спорить Паурен. — Итак, во-первых, его светлость герцог Файханас уполномочил меня передать вам, что рад приветствовать в своих владениях драконьего мага и что он приказал своим людям оказывать вам всяческое содействие.

— Содействие? — с притворным изумлением расширила глаза магесса. — Но... в чём, собственно? Ах, то есть, прошу вас, пожалуйста, передайте его светлости мою благодарность, но, боюсь, я не совсем понимаю... Ведь я — всего лишь странствующий маг, что бродит по дорогам королевства и помогает людям решать вопросы магического характера. Вообще, насколько я поняла, ваше герцогство — очень спокойное, мирное место, здесь не работать — отдыхать хочется. Что я, собственно, и намереваюсь сделать, тем более на дорогах сейчас слишком жарко и пыльно. Останусь здесь до Праздника Начала Осени или чуть дольше, изредка буду заниматься милыми деревенскими проблемками.

— Ну, я бы не назвал «милой проблемкой» то, чем вы, мэора Айнура, занимались сегодня на ферме Нарваса, — приподнял брови капитан. Брови были густые, мохнатые и седеющие, получилось очень выразительно. — Насколько мне известно, там едва не случилась трагедия. Его светлость заботится о благополучии тех, кто называет себя его подданными, и естественно, его крайне встревожило произошедшее.

— Нарвасу и его детям больше ничто не угрожает. Кстати, вы знаете, оказывается, младший сын фермера имеет магический дар. Мальчика необходимо как можно скорее отправить в столицу, его отец поедет туда через несколько дней. Но мальчику нужно выправить необходимые бумаги.

— Да, мэора, я доложу его светлости, и секретарь герцога займётся этим незамедлительно. Завтра же бумаги доставят Нарвасу. Однако же вопрос с нападением нечисти не решён. Вы сами, насколько мне известно, утверждаете, что нечисть была науськана неизвестным магом.

Хороший властитель всегда знает, что происходит в его владениях. Уже и разговоры магессы с местными жителями до герцога успели донести, не прошло и нескольких часов. Впрочем, если бы Айриэ намеревалась скрыть информацию о затаившемся маге-злоумышленнике, она бы молчала. Капитан меж тем продолжал:

— Нападение на мирных жителей — преступление, этот маг должен быть пойман и примерно наказан. Его светлость надеется, что вы, мэора, займётесь этим делом, потому и распорядился оказывать вам всяческое содействие. Вам нужно только сообщить в замок, что требуется подмога, людей вам предоставят.

А ещё хороший властитель всегда показывает, что заботится о подданных. И неважно, что маг резвится в деревне с его же подачи. Зачем, кстати? Чтобы запугать жителей и показать, как сильно они зависят от защиты Файханасов? Или же герцог не настолько хорошо контролирует собственного мага? Хотя в любом случае было бы подозрительно, если его светлость, зная о маге-преступнике и ловящей его «мэоре Айнуре», не предложил бы магессе помощь.

— Я очень признательна герцогу за это. Впрочем, мне не кажется, что дело настолько серьёзное, — с намеренным пренебрежением ответила Айриэ. — Думаю, справлюсь своими силами. Какие-то у этого злодея намерения несерьёзные, вы не находите? Сглазить элитного хряка, потом порубить его же в мелкий фаршик... Да, он пытался похитить мальчика посредством своего ручного монстра, однако же мне думается, это было сделано из-за того, что маг узнал о магическом даре Бакаса. Возможно, хотел взять себе ученика, особенно если

это колдун-самоучка. Отщепенцам необходимы соратники и помощники, а кто подходит на эту роль лучше собственного ученика?

Вот в чём Айриэ была уверена, так это в том, что «маг-враг» никоим образом не смог бы учуять в Бакасе наличие скрытых магических способностей. Слишком слабый дар, и если бы не её собственная кровь, мальчишка так и прожил бы жизнь обычного селянина. Но ей хотелось дать понять герцогу, что она не считает неизвестного мага серьёзным противником. И уж тем более никоим образом не подозревает его в связях с Файханас-Манором.

— Думаю, этот тип просто безумец. Бывают заклинания и зелья, которые воздействуют на психику мага не лучшим образом. Человек умный воздержится от их употребления, понимая, что ни могущество, ни продолжительность жизни с их помощью не увеличишь. По крайней мере, надолго, чтобы это хоть как-то оправдывало риск потерять рассудок. Мне представляется, что наш злоумышленник из этих несчастных. Обычно они очень хитры и способны умело скрываться, но, как правило, достаточно безобидны. Рано или поздно он себя выдаст, и я его поймаю. Однако если мне понадобится помощь его светлости, я её с благодарностью приму, — заверила гвардейца Айриэ.

— Мэора Айнура, обращайтесь в любой момент. Второе, что просил передать его светлость мэор Рольнир — это приглашение посетить Файханас-Манор. Герцог желал бы лично обсудить с вами вопрос о преступном маге. Разумеется, он не ждёт, что вы прибудете сегодня — у вас была тяжёлая ночь и весьма насыщенное утро, и его светлость понимает, что вам необходим отдых. Однако будет весьма рад, если вы сочтёте возможным посетить его завтра или в любой другой удобный для вас день.

— Пожалуйста, передайте герцогу, что я благодарю его за оказанную честь, — учтиво ответила магесса, — и непременно приму его приглашение в самое ближайшее время.

— Что вы, мэора Айнура, его светлость просил подчеркнуть, что это ваш визит — честь для него. Его светлости хорошо известно об особом положении драконьих магов, — очень серьёзно ответил капитан Паурен.

Да, а также это известно его доверенному воину, отметила про себя Айриэ. Насчёт герцога она и не сомневалась, тот занимал слишком высокое положение в королевстве, чтобы не знать подобных вещей. В десяти королевствах Аэданира драконьи маги стояли выше любых законов. Они подчинялись только самому Ордену — точнее, Высшим Магистрам. Ну, была ещё сама Айриэннис... хм, на особом положении, но это к делу не относится. Драконьи маги были неподсудны никому из властителей и неприкосновенны. За вред, нанесённый любому из членов Ордена, драконьи маги брали страшную цену. Им не нужно было разыскивать виновника: за них это делало так называемое «ответное проклятие», медленно и мучительно убивавшее того, кто напал на драконьего мага. За убийство мага уничтожался вдобавок весь род преступника и все, кто был ему дорог или любил его. Если мага убивали чужими руками, «ответное проклятие» неотвратимо настигало и исполнителя, и заказчика. Когда Драконий Орден только был основан, больше двух столетий назад, то естественно, нашлись недоверчивые, решившие проверить магов на прочность. Получилось очень наглядно и убедительно. После полной и весьма мучительной гибели нескольких знатных семейств, по глупости связавшихся с наёмными убийцами, больше никому не захотелось повторять их ошибки. По всем королевствам Аэданира (а может, и по Стайфарру, кто там этих серпентесов разберёт) гуляла фразочка: «Не буди спящего дракона, и он тебя не проклянёт».

Представителям самых знатных дворянских родов было известно об особости и неприкосновенности драконьих магов. Короли знали намного больше, но их обязывала молчать особая магическая клятва, так что Орден мог не опасаться разглашения своих тайн. Так что, даже окажись сам герцог искомым магом, во что магесса не верила, Айриэ могла не бояться посещения Файханас-Манора. И в герцогских землях ей, в сущности, ничего не грозило, даже подстроенный несчастный случай. Ибо проклятие сработает при любом раскладе, его не обманешь, как дознавателей, мнимой непричастностью, лживыми показаниями свидетелей или фальшивым алиби. Нет, герцог не настолько глуп, чтобы пытаться навредить магессе и рисковать собой и родом. Другое дело, что и помогать он не станет. На словах — сколько угодно, и даже воинов своих даст, хоть всех до единого. А мага-преступника — укроет, особенно если это член семьи; тайно мешать Айриэннис герцогу никто не запретит.

Командир герцогских гвардейцев вроде бы сказал всё, что поручил его господин, однако медлил уходить. Хмурясь, взбалтывал остатки пива в своей кружке и смотрел так, будто в этом занятии имелось нечто чрезвычайно интересное. Мохнатые брови сошлись на переносице, губы были плотно стиснуты, пока наконец капитан, будто решившись, не поднял глаза на магессу:

— Мэора Айнура, я хотел бы поговорить с вами по личному вопросу.

— Я слушаю вас, капитан, — подбодрила его магесса.

— Это касается моей дочери, мэора. Ей всего шесть, и она... плохо себя чувствует.

— И её болезнь не из тех, с которыми может справиться целитель? — предположила она.

— Да, мэора. Видите ли, мне кажется, что... девочку прокляли, сглазили или как это называется, я в магии не разбираюсь. Хотя, возможно, я ошибаюсь, но замковый целитель почти уверен, что это не простая болезнь.

— Хорошо, я посмотрю, — согласилась Айриэ, про себя прощаясь с мечтами об отдыхе. Ладно, может, ей повезёт и это ненадолго. — Едем.

— Прямо сейчас? Но вам ведь надо отдохнуть, мэора Айнура, — неуверенно возразил он, но было понятно, что на самом деле капитан сильно опасается, что магесса откажется ехать.

— Я не настолько сильно устала, — вежливо ответила Айриэ. — Куда ехать? В замок?

— Благодарю вас, мэора!.. Нет, не в замок, я отправил дочь с женой к родне. Опасался, что это может быть опасно для обитателей Файханас-Манора. — В последней фразе магессе почудилась лёгкая нотка лжи, хотя она могла и ошибиться. Она же не эльфийка, чтобы безошибочно чуют ложь. А капитан пояснил: — Моя жена — простого сословия, да я и сам имею только личное дворянство, его светлость пожаловал за службу. Так вот, отец моей жены — бывший торговец, он ушёл на покой и приобрёл небольшую ферму в окрестностях Кайдараха. До неё ехать с полчаса...

— Тогда вперёд, капитан! — Айриэ развеяла «глушитель» и оставила на столике пару серебряных «коронок», чего с лихвой хватило бы на оплату и её, и капитанского пива, однако гвардеец неуступчиво добавил несколько медяков от себя. Впрочем, его дело.

Ферма была расположена среди живописных зелёных холмов в уютной долине, перечёркнутой серебристой лентой узенькой речушки, а точнее, ручья. Бывший торговец с супругой приобрели ферму скорее для души, а не для заработка, ну и чтобы иметь к столу свежие продукты и овощи. За несколькими коровами, птицей и огородом ухаживали наёмные работники, а пожилая чета просто тихо наслаждалась жизнью, да ждала визитов любимых дочери и внуков — у Пауренов имелся ещё сын постарше.

Супруга капитана оказалась женщиной значительно моложе своего мужа, полноватой, симпатичной, с быстрыми жестами и речью. Она выглядела бодрой и оживлённой — очевидно, ради дочери и своих родителей, но её весёлость явно отдавала наигранностью.

Вежливо поздоровавшись с обитателями фермы, магесса попросила провести её к девочке. В светлой комнатке со стенами, обитыми тканью с какими-то весёленькими цветочками, всё выглядело мирным и радостным. В креслице у окна, обложенная пледами, подушками и игрушками, сидела девчушка, румяная и пухленькая, с тёмными волосами, завивающимися крупными кольцами. Картинка была настолько сладенько-умилительной, что у магессы немедленно запершило в горле и захотелось водички с лостренским лимоном. Бабушка девочки, шедшая впереди, уже начала что-то говорить внучке, когда внутри Айриэ взвыло её родовое чутьё. Под всеми масками и личинами всегда остаётся что-то, внутренняя суть, которая делает эльфа — эльфом, человека — человеком, а дракона — драконом.

Девчушка лепетала что-то в ответ и тянулась рукой к большой кукле, сидевшей перед ней на маленьком столике. Кукла была очень дорогой — пожалуй, даже слишком дорогой для людей среднего достатка, какими являлись родные девчонки. Хотя, безусловно, любящие родственники могли бы потратиться, если бы чадушко сильно возжелало игрушку. Кукла была добротной гномьей работы, с фарфоровым личиком и гибкими конечностями, с роскошным персиковым платьем и причёской придворной дамы. Такие игрушки внешне выглядели хрупкими, но на самом деле были зачарованы так, что не ломались и не пачкались, что бы милые детки с ними ни творили. Естественно, подобные куклы были очень дорогими, дарили их обычно детям знатных и богатых родителей, кто мог позволить себе подобные траты.

И не было бы Айриэннис ни малейшего дела до игрушек девчонки, если бы не вышеупомянутое чутьё, уловившее опасность чуть раньше, чем проснулось подлое заклинание, впихнутое в куклу всё тем же з-затейником, чтоб его Равновесие на атомы расплыло! Благодаря чутью заклинание сформировалось на кончиках пальцев едва ли не раньше, чем Айриэ успела сообразить, что происходит. Огненный шар, небольшой, но очень мощный, ударил в злосчастную куклу, от чего та на миг вспыхнула, посылая во все стороны волны жара, а потом медленно осыпалась хлопьями пепла на обуглившийся столик. Чёрное заклинание чуть-чуть не достроилось и бесславно развеялось, так и не успев дотянуться до намеченной жертвы. Девчонка затрясла своей пухлой рукой, обожжённой до красноты, и разразилась отчаянным рёвом, прямо-таки захлёбываясь от боли и обиды.

Магесса на всякий случай рявкнула: «Стоять! Уже всё в порядке!» — чтобы обезопасить себя от действий встревоженных родственников, могущих подумать, будто она намеревалась причинить вред их драгоценному чадушко. Айриэ быстро метнулась к девчонке и залечила ожоги, вновь забрав назад зло, причинённое её собственным огнём. Увы, даже избавившись

от боли в руке, девчонка реветь не перестала: надо думать, потеря любимой куклы была прямо-таки невосполнимой. Морщась от пронзительного рёва, магесса хмуро кивнула капитану, неизвестно каким чудом всё-таки удержавшемуся от нападения. Видимо, помнил об «ответном проклятии», уже хорошо. Вот что значит военная выучка, приятно иметь дело с таким человеком. Однако ярость Паурена выдавали стиснутые кулаки и напряжённый, рычащий голос, когда он процедил сквозь зубы:

— Жду объяснений, мэора.

— Дождётесь, не переживайте. В конце концов, я вам дочь спасла, — проворчала магесса устало. Ох, какие же мерзкие существа эти дети, особенно когда ревут!.. Пронзительный рёв вызывал головную боль. — Слушайте, чем бы её заткнуть, а?..

Чуть расслабившийся капитан кивнул жене, та кинулась с утешениями, вызвавшими, кажется, ещё больший поток слёз и противных завываний.

— Это её любимая кукла, у Бэлли никогда такой раньше не было, — хмуро пояснил Паурен, которому вопли дочери, кажется, тоже особого наслаждения не доставляли.

Недружелюбно покосившись на девчонку, магесса сдалась и распорядилась:

— Принесите какую-нибудь из её игрушек, лучше сломанную и старую. Не хватало ещё, чтобы она громче разоралась, потеряв что-то любимое, у меня и так уже голова раскалывается.

Требуемое моментально принесла любящая бабуля: нечто обтрёпанное, кудлатое — не то мишка, не то пёсик. Плевать, хоть крокодил. Прикрыв глаза, Айриэ сосредоточилась и создала иллюзию. Окружающие, включая наконец-то заткнувшуюся капитанскую доченьку, зачарованно уставились на дивное творение. Кукла получилась наподобие погибшей от фэйербола, только с золотыми волосами, нежным прекрасным личиком и глазами, как цветущий иссоп — густо-синими, большими, чуточку лукавыми. Платье было в тон глазам, нечто серебристо-синее, затейливое, с кружевами — подсмотренное на недавнем королевском балу в Юнгире, ибо сама Айриэ платьями не интересовалась и изобразить что-то оригинальное не смогла бы под страхом смертной казни. Последним штрихом стала собственная кровь: надрезав палец своим кинжальчиком, магесса позволила капле крови бесследно впитаться в куклу. Ну, вроде готово, заклинание достроилось. Пожалуй, вышло не хуже, чем у гномов. Удовлетворённо хмыкнув, Айриэ сунула куклу онемевшей от восторга девчонке:

— Держи, она твоя. Только не реви больше. — Не слушая благодарных и восхищённых визгов, какими решила одарить магессу девчонка, пояснила её изумлённым родственникам: — Это иллюзия, но очень качественная. Можете не бояться, она лет двадцать продержится. И можете быть уверены, на эту куклу никакое проклятие не наложишь. А теперь, капитан, я бы хотела побеседовать с вами о случившемся. Наедине.

Капитан Паурен вежливо пригласил магессу пройти в гостиную, прочие остались в комнате девчонки.

— Итак, что же случилось, мэора Айнура? — спросил капитан, едва они устроились в креслах, обитых бледно-жёлтой полосатой тканью. Гостиная была отделана в золотистых тонах, поэтому казалась залитой солнечным светом, хотя и находилась в тени, с северо-восточной стороны дома. — Прошу простить, если я был непозволительно груб, но пожалуйста, поймите меня, мэора, я очень люблю дочь и просто испугался за неё.

— Я всё понимаю, рингир, не беспокойтесь, — заверила его Айриэ. — А теперь скажите мне, в чём же заключалась болезнь девочки? Кстати, не переживайте, сейчас с ней

всё в порядке. Повезло, что я успела вовремя.

— Некоторое время назад Бэлли стала выглядеть... больной. Нет, мэора, я понимаю, по ней не скажешь — щёчки румяные, не похудела, не побледнела. Но мы-то с женой видели: она стала быстро уставать, перестала бегать и прыгать, почти не смеялась, очень плохо спала — ей начали сниться кошмары. Выходит, я был прав, дочь сглазили...

Заклинание из арсенала Запретной магии, наложенное уже знакомой рукой. Оно медленно и неотвратно убивало детёныша, по капле высасывая из него жизнь. Самое подлое заключалось в том, что заклинание работало очень медленно, но резко активировалось, как только рядом с девчонкой (и куклой) оказался бы маг. Что, собственно, и произошло недавно. Если бы к девчонке пригласили мага-целителя, он получил бы детский трупик, едва зайдя в комнату. К счастью для капитанского семейства, Айриэ была боевым магом с отменной реакцией и превосходным чутьём на опасность, поэтому успела раньше. Она поведала капитану, какой опасности избегла его дочь.

— Богини Лунные, да если бы мы только могли предположить, что дело в ней... — простонал капитан, побледнев. — Главное, Бэлли не расставалась с этой проклятой игрушкой! Кто же знал...

— Как давно кукла появилась у девочки? Мне нужно знать, каким образом было наложено проклятие, — пояснила магесса. — А главное, кто это сделал...

— Я не знаю, мэора. Не помню, откуда кукла... — сосредоточенно сдвинул брови капитан, якобы пытаясь припомнить, но тут уж Айриэ безошибочно почуяла ложь.

Он что-то скрывал и, скорее всего, это было связано с кем-то из Файханасов. Паурен, в конце концов, клялся герцогу в верности, и если кто-то из герцогской семьи поступил с дочерью капитана подобным образом, то капитан должен вначале обратиться за защитой к своему господину, как требует вассальная клятва, а не вмешивать посторонних. И только в том случае, если герцог откажется покарать обидчика, Паурен получает нечто вроде морального права мстить самостоятельно. Можно спорить на что угодно, герцог откажется наказывать виновника и даже просто искать его, если оный капитану неизвестен. Паурен может подозревать, но не знать точно. А Рольнир Файханас, скорее всего, просто откупится от капитана чем-нибудь, деньгами там или должностью.

— Капитан, возможно, ваша супруга помнит лучше? — приподняла брови магесса. — Или мы можем спросить у самой девочки.

— Хорошо, я сейчас позову жену, — сдался капитан, поскольку не мог же он отказываться отвечать на вопросы магессы и запрещать это своим домочадцам.

Вернулся он почти мгновенно, так что, если и успел дать жене инструкции касемо того, что отвечать магессе, то совсем короткие. Женщина уселась в кресло, бросая быстрые взгляды на мужа, который отошёл к окну и уставился на клумбы с цветами.

— Брайя, откуда у девочки эта кукла? Если муж вам не сказал, то именно в игрушке причина болезни вашей дочери. На неё было наложено смертельное проклятие, которое я уничтожила в последний момент.

Женщина ахнула, испуганно расширив глаза, и прикрыла рот задрожавшими пальцами.

— Мэора, спасибо вам!.. Да благословят вас Лунные богини!.. — Она всхлипнула. — Если бы наша Бэлли пострадала...

— Брайя Паурен, кукла, — терпеливо напомнила магесса.

В глазах женщины стоял запоздалый страх за дочь и что-то ещё, трудно поддающееся определению. Она медлила, снова метнув быстрый взгляд на, казалось, окаменевшую спину

мужа, молча смотрящего в окно.

— Куклу дочке подарили, мэора. Игрушка слишком дорогая, мы бы себе не могли такую позволить...

— Кто подарил?

Женщина быстро поправилась:

— Я не так сказала, мэора... Куклу ей отдали... Бэлли была очень благодарна, и мы тоже.

— Хорошо, кто отдал? — Айриэ начинала злиться.

Да что же такое, каждое слово из неё хоть клещами вытаскивай! Можно подумать, они не хотят, чтобы преступный маг, едва не убивший их дочь, понёс наказание. Хотя, если им известно, кто он, или они хотя бы подозревают... Тогда, вполне возможно, они действительно не хотят поимки мага. И предпочтут принять компенсацию от герцога — не ради выгоды, но ради безопасности, как своей собственной, так и дочери.

— Понимаете, мэора, моя Бэлли — она такая резвая девчушка, непоседа, за ней прямо не уследить. И ещё она любит ходить хвостиком за замковой челядью, и помогать экономке, и, главное, пугаться у всех под ногами. — Жена капитана слабо улыбнулась. — Ну, со слугами ей общаться, может, и не стоило бы, всё-таки дочь командира гвардии, однако мы не снобы и не видим в этом ничего плохого... А уж общение с мэорой Кландирой, экономкой, и вовсе — честь для девочки. Экономка — дальняя родственница его светлости, женщина почтенная и благовоспитанная, такой пример для нашей Бэлли. Она очень благосклонно относится к нашей дочке, даже учит её попутно ведению домашнего хозяйства. Но, простите, мэора магесса, я отвлеклась, — виновато затараторила женщина, нарвавшись на выразительный взгляд Айриэ. — В общем, в тот день, с декаду назад или больше, мэора Кландира наводила порядок, разбирая какой-то старый хлам, а Бэлли снова увязалась сзади. И где-то углядела эту проклятую куклу, буквально вцепилась в неё, отказываясь расстаться. Просто дочка слишком маленькая, она не понимала истинной стоимости игрушки. Разумеется, мэора Кландира никогда бы не позволила себе распоряжаться герцогским имуществом. О том, чтобы подарить куклу Бэлли, и речи быть не могло. Однако случилось так, что экономке позволили отдать игрушку девочке. Мэора Кландира сама заверила нас с мужем, что всё в порядке, Бэлли может оставить себе куклу.

— Кто позволил экономке отдать куклу? — медленно и предельно кротко спросила Айриэ, глядя в глаза женщине.

Та замялась, кусая губы, в очередной раз спросила совета у мужниной спины (что она там видит, хотелось бы знать?..), но решила хранить верность Файханасам до конца.

— Меня ведь при этом не было, мэора магесса... Это был кто-то из родственников его светлости.

С иронией покосившись на чуть расслабившуюся капитанскую спину, Айриэ сказала довольно добродушно:

— Как вам будет угодно, узнаю у экономки. Не переживайте, капитан, я понимаю ваше щекотливое положение.

Паурен стремительно обернулся:

— Мэора, я вам действительно благодарен и искренне желал бы помочь, но...

— Ни слова больше. Я всё равно найду этого затейника. А сейчас пойдёмте к девочке, я хочу её осмотреть, на всякий случай. Вдруг там какая-нибудь остаточная магия найдётся, мало ли что.

Осмотрев детёныша, Айриэ убедилась, что от грязной магии в ауре девочки следов не осталось, но зато слабость и упадок сил преследовали бы её ещё с месяц. Предотвратить это можно было неким зельем, и Айриэ, слегка поморщившись, всё-таки пересилила собственную лень. Сказала капитану:

— Рингир, чтобы ваша дочь окончательно выздоровела, ей необходимо принять одно снадобье. Я его изготовлю, завтра к вечеру пришлите кого-нибудь к Гриллоду.

Отмахиваясь от благодарностей родных девочки, Айриэ обозначила сумму своего гонорара в пять золотых «корон». Выспросив, где именно живёт старая знахарка, отправилась туда, мечтая лишь поскорее добраться до своей комнаты и отдохнуть.

На деле бабка Фенра оказалась не такой уж и старой, очень бодрой и крепкой пожилой женщиной, явно проводившей много времени на свежем воздухе и тренировавшей организм долгими пешими прогулками. Сбор целебных трав — дело, полезное не только для пациентов, но и для самого сборщика. Айриэннис интересовало, где растёт некое растение, которого ей не хватало для зелья, и она подумала, что уж местная знахарка должна это знать. На вопрос знахарки, чего изволит благородная мэора, та спросила:

— Знаете, уважаемая брайя, где в окрестностях Кайдараха растёт лизиаллиния? — Наткнувшись на непонимающий взгляд — всё же знахарка была самоучкой, откуда ей знать эльфийские названия — поправилась: — Лиловый шишкоцветник, я хотела сказать.

— А-а, мэора, вот вы о чём!.. — сообразила знахарка. — Его ещё «духогоном» кличут, за то, что дух нечистый от больного отгоняет и злые помыслы, если кто порчу надумал наложить. А какой шишкоцветник вам нужен, свежий или сухой? А то у меня есть засушенный, возьмите.

— Да нет, брайя, мне его собственноручно надо собирать, это для одного зелья. Иначе не подействует.

Понятливо кивнув, знахарка объяснила:

— На той стороне реки его много. Вот как у мельницы через мостки у запруды на тот берег перейдёте, так и идите прямо с полмили. Там хорошие леса, с полянами, где много травок целебных растёт, я часто хожу. И лиловый шишкоцветник есть. Он сейчас ещё не весь отцвёл, легко найдёте. А то, хотите, мэора, я вас сама провожу?

— Да нет, спасибо, сама найду, пожалуй, — отказалась Айриэ, вновь вступая в поединок с ленью. На сей раз та победила, и магесса решила отложить поход в лес до завтрашнего утра.

Задав между делом несколько вопросов знахарке касавшего неизвестного мага и уже ожидаемо не получив никаких ценных сведений, магесса решительно направилась в сторону постоянного двора.

Достигнув желанной цели, магесса попросила Тайру принести еду в её комнату и с наслаждением посетила мыльню. Поскольку ей отчего-то захотелось нежности и сладости, выбрала сегодня бутылёк жидкого мыла с запахом ванили. Айриэ питала слабость к хорошему жидкому мылу, а лучшее в Акротосе делали, разумеется, гномы. Эльфийское было бы ещё восхитительнее, но эльфы обеспечивали только себя, а гномы, в отличие от них, делали мыло на продажу.

У Гриллода женская и мужская мыльни для постояльцев располагались на первом этаже, внутри каждой имелись отдельные закутки для мытья, чтобы постояльцы не стесняли друг друга. Воду закачивали и грели недавно установленные гномьи магическо-механические устройства — предмет особой гордости хозяина. Втайне Гриллод мечтал

оборудовать индивидуальные мыльни с ваннами в каждом номере, но прекрасно понимал, что это роскошь, недоступная для обычного деревенского постоялого двора.

— Ну, может, дети мои начнут, а внуки продолжат, — вздыхал он. — Вот смотрите, мэора Айнура, я ведь как рассуждаю? Само собой, потратился я на эти гномьи штуkenции изрядно, долги ещё лет пять отдавать буду. Но зато уже сейчас экономлю на дровах. Ни покупать их не надо, ни колоть, ни носить. И печи топить не требуется без конца — нагревательные камни тепло дают, и воду из колодца не таскать, то есть слуг надо меньше и платить им, стало быть, придётся куда как меньше. В итоге оно выгоднее получается...

Благоухая нежным ванильным мылом, жмурясь от удовольствия и приятнейшего ощущения чистоты, Айриэ поужинала тушёным мясом с пряными травами и рисом. Трапезу дополнил ломоть свежеспечённого хлеба с копчёной свининой: Нарвас уже постарался выразить благодарность. Тайра сказала, фермер обещался пополнять запасы раз в несколько дней всё время, пока магесса собирается жить в Кайдарахе. Прихлёбывая чай с молоком (без молока Айриэ этот напиток принципиально не употребляла, а сахар в нём просто не выносила), магесса думала, что гномы не зря любят местные копчёности, есть за что. Свинина вкусно пахла можжевелевым дымком, от одного запаха слюнки текли, а как она нежно ублажала вкус!.. Не-е-е-ет, решено окончательно, на защиту здешних свинок и их хозяев Айриэннис встанет грудью и никому не позволит их обидеть!.. Свиньи — животные священные, потому что вкусные. И чистоплотные, в отличие от некоторых. Завершив ужин большим пирожным с заварным кремом и слизав с губ последние капельки чая с молоком, Айриэннис пришла в благодушнейшее настроение.

Повалявшись в постели с книжкой (Айриэ всегда старалась путешествовать в компании облегчённого магией сундучка с парой десятков книг), магесса поняла, что невыносимо хочет спать. Хотя не было ещё и девяти вечера, она обычно ложилась гораздо позже, но сказывались предыдущая бессонная ночь и весьма насыщенный событиями день.

Деактивировав магический светильник, Айриэ прикрыла глаза и блаженно закачалась на волнах сна. Увы, сон оказался до неприличия коротким, потому что некоторое время спустя какому-то... неумному типу вздумалось распевать любовные серенады в саду под окном. Окна комнаты Айриэ, находившейся на втором этаже, как раз и выходили в сад, откуда доносились неуместные вопли. Нет, само пение было вполне качественным и даже вовсе профессиональным, но любовная баллада — дурацкая, и певцу она от души пожелала, чтоб того приподняло и шлёпнуло. Натягивая на ухо одеяло, Айриэ попыталась снова уснуть, но тут проклятый певун перешёл к конкретике, и выяснилось, что серенада предназначена именно ей. Во всяком случае, слова: «Сойди ко мне, прекрасная Айнура!» — не допускают двойного толкования, не правда ли? Вряд ли у Гриллода проживает ещё одна дама с таким же именем.

Сопя от злости, Айриэ сбросила с себя одеяло. Спала она, как всегда, обнажённой, а если уж мёрзла, предпочитала одежде в постели ещё одно тёплое одеяло или живую грелку. Натянула на плечи рубашку: если устраивать стриптиз, так не бесплатно же! Пение дурного менестреля она достойной оплатой не считала. Магесса ринулась к окну, как... разъярённый дракон, и высунулась наружу. В залитом лунным светом саду ожидаемо обнаружился Тианор с лютой и несколько зрителей. Если считать по головам, в том числе торчащим из окон, набиралось не меньше десятка.

— Любезный Тианориннир, вам напомнить девиз моего Оррдена? — с рычащей ласковостью спросила магесса.

Менестрель поперхнулся и пение прекратил, но зато снова рассиялся и разулыбался.

— Моя дорогая мэора Айнура, только не говорите мне, что я вас разбудил! Нет мне прощения!

— Вот я в вас сейчас файерболом кину, тогда и прощу... посмертно, — мрачно пообещала Айриэ. — Какого орка лысого вы у меня под окнами разорались?

— Мэора, я вас обожаю и хотел выразить свои чувства песней! — с придыханием сообщил менестрель, для пущей убедительности и выразительности прижав руку к груди.

— Мэор, я вас не обожаю и хотела бы выразить свои чувства боевым заклинанием! И если вы сию же минуту не уберётесь прочь, моё выражение чувств вас настигнет, гарантирую.

Совершенно не думая пугаться, проклятый полуэльф заулыбался ещё восторженнее.

— Вы так горячи, Айнура! Я просто с ума схожу от таких женщин!

Вместо ответа Айриэ послала ему под ноги небольшой файербольчик. Тот взорвался с грохотом, но реакция у менестреля была отличная, он успел вовремя отскочить. Зрителей заметно поубавилось, а те, что остались, старательно делали вид, что они любуются цветочками в лунном свете и вообще дышат воздухом перед сном.

— Прекрасная Айнура, ну дайте же мне слово молвить! — как ни в чём не бывало продолжил ломать комедию Тианор. — Не будьте столь жестоки к несчастному менестрелю, что воспылал к вам искренней страстью!

— И надолго? — лениво поинтересовалась Айриэ.

— Что надолго? — не понял поклонник.

— Воспылал надолго или на сегодняшний вечер?

— Снизойдите же ко мне, прекрасная Айнура, и мы обсудим этот вопрос, а также множество других, не менее захватывающих, — мурлыкнул менестрель, тряхнув кудряшками, красиво переливавшимися в лунном свете.

— Если я снизойду — в сад, вы, мэор, научитесь летать. Увы, ненадолго. Но чтобы перелететь через ограду, вам хватит.

Правду сказать, разговор начал Айриэ забавлять, раз уж она всё равно проснулась. Интересно знать, зачем Тианору понадобилось устраивать сие представление?

— Вы безжалостны, о дама моего сердца! Позвольте же тогда мне подняться до недостижимых высот!

— В мою комнату, что ли?

— Да, моя несравненная!

— Ну лезьте, — разрешила магесса, ставя локти на подоконник, водружая на руки подбородок, и с интересом приготовилась наблюдать за процессом.

— Иду, моя Айнура!..

Тианориннир, закинув лютию за спину, неожиданно наклонился и принялся шарить в кустах. Вскоре он извлёк довольно большой, но кривоватый букет роз — словно ломали стебли наспех, торопясь, пока не застучал садовник. Оно и неудивительно, в здешних краях розы росли лишь в герцогском саду, а садовник его светлости, по слухам, был свиреп аки дракон, сидящий на куче золота. Хотя зачем дракону сидеть в пещере и охранять сокровища, Айриэ и предположить не могла. На такое даже её бурной фантазии не хватало. К слову, за всю жизнь ей ни разу не довелось встречать такого... свихнувшегося дракона, и она подозревала, что и не встретит.

Вернувшись от мыслей о драконах к наблюдению за менестрелем, она обнаружила, что

Тианор смело подошёл к стене и так и намеревается подняться к даме по стене, проигнорировав садовую лестницу. Лёгкую заминку вызвал букет. «Если посмеет взять его в зубы и облизывать, получит своим венником по морде», — лениво подумала магесса. Однако полуэльф оказался более находчив. Сноровисто скрепив букет оторванной от костюма ленточкой и привязав к людне за спиной, менестрель начал восхождение. В общем-то, лезть было всего ничего, а у Тианора явно имелся богатейший опыт в деле проникновения в покои своих пассий именно через окна. Так что он, используя как опору раму и ставни окна на первом этаже, легко вскарабкался, подтянулся и вскоре оказался сидящим на подоконнике рядом с любезно подвинувшейся магессой.

— А вот и я, моя красавица! — обжёг он горячим дыханием ушко Айриэннис.

— Ну и что с вами делать прикажете? — поинтересовалась охмуряемая «красавица». —

Отлюбить хорошенько и вышвырнуть в окно?

— Вы действительно способны на такую жестокость?

— И не на такую тоже!

— Дайте же мне шанс! — взмолился менестрель, окончательно влезая в комнату.

Вспомнив про букет, менестрель распутал ленточку и вручил цветы даме. Розы оказались душистыми, благородного оранжевого оттенка с розовыми переливами.

— Садовник вас побьёт. Лопатой и граблями. И не жалко вам герцогских роз? Зачем было кусты обдирать? — насмешливо спросила Айриэ.

— Там ещё много осталось! Не мог же я явиться к даме без букета.

— К даме — нет, а я здесь при чём?

— Но это же именно вас я соблазняю! — возмутился полуэльф. — Могли бы хоть немного пойти мне навстречу и притвориться, что поддаётесь.

— Зачем? — приподняла брови магесса, запихнув розы в кувшин с водой для умывания. — Чтобы повысить вашу самооценку записного сердцеда? Без моих восторгов прекрасно обойдётесь.

— Чтобы сделать приятное себе, прежде всего. Мы ведь ведём любовную игру и...

— Это вы играете, — зевнула магесса. — А мне лень. Я, между прочим, спать хочу, а вы мне мешаете.

— До чего же вы вредная и кусачая, мэора! — печально поникнув, менестрель опустил на стул.

Насмешливо хмыкнув и ни капельки не впечатлившись очередным притворством, Айриэннис захлопнула окно и поставила «полог тишины». Сказала уже серьёзно:

— Ну, мальчик, наигрался? Давай теперь выкладывай, что тебе от меня понадобилось.

Глуповатый барашек моментально преобразился в умного молодого мужчину, которого не портили даже пышные бронзовые кудряшки: взгляд, ироничный и внимательный, скрашивал первое поверхностное впечатление.

— У меня действительно к вам дело, мэора Айнур.

— Слушаю. И давай на «ты»... воздыхатель.

— Как скажешь, о несравненная! — Янтарные глаза насмешливо сверкнули, но голос менестреля стал серьёзным. — Айнур, я хотел спросить: ты в Кайдарахе из-за этого «узла»?

— Ты можешь его видеть?

— Не очень хорошо, — поморщился Тианоринир. — Мои способности к эльфийской магии слишком слабые, чтобы я чётко видел силовые нити мира. А уж пользоваться ими у меня вообще получается через раз. Я не маг, одно название только. Бытовые заклинания

вроде чистки одежды получаются, волосы там подсушить, себя подлечить, и то приходится у деревьев энергию брать, чтобы восстанавливаться.

Чувствовалось, что рассказывать ему об этом неприятно, но, видимо, решил, что откровенность в данном случае важнее задетого самолюбия. Знает, с кем лучше не хитрить: ложь Айриэ определит, и доброго сотрудничества уже не получится.

— «Узел» есть, и его надо распутывать, — подтвердила Айриэ.

— А причины его возникновения ты уже выяснила? — Видя, что она медлит отвечать, спросил, давая понять о собственной осведомлённости: — Это ведь кто-то из герцогской семьи?

— Или из тех, кто им верно служит.

— Ну да... И ты здесь, чтобы это выяснить, разумеется. Это ведь как-то связано с... недавней болезнью короля? — с намёком спросил полуэльф.

О покушении на Кайнира знали те, кому по должности положено знать. Для всех прочих это была болезнь, от которой короля вылечили маги. Но слухи, само собой, ходили, причём самые разнообразные.

— Болезни королей много с чем связаны, — туманно ответила магесса, не спеша делиться сведениями.

— Айнура, мне известно, что это было покушение, — прямо сказал Тианор. — Естественно, не мне одному. Ты же не думаешь, что подобную информацию можно было сохранить в тайне? Три герцога имеют своих осведомителей среди королевских дознавателей, да и прочие значительные фигуры при юнгиродском дворе тоже.

Ещё бы Айриэ об этом не знала! Естественно, все трое — Файханас, Сэйбаон и Торбиан — интересовались причинами королевской болезни и последующим расследованием, причём делали это, не особо скрываясь. Ибо как раз отсутствие подобного интереса с головой выдавало виновного. Герцог Рольнир Файханас был слишком умён, чтобы допустить подобную нелепую ошибку. Наоборот, он постарался, чтобы интерес его шпионов заметили те, кому положено. Как бы ни был умён Кайнир, для него это стало ещё одним крохотным зёрнышком на той чаше весов, где лежала предполагаемая невиновность Файханаса. Умом-то король всё понимал, но сердце кричало и требовало доверия к человеку, которого Кайнир любил, как отца. Пока время терпело, пока ещё король мог позволить себе эту сознательную наивность, требуя чётких доказательств вины герцога. Как уже говорилось, Айриэ собиралась потакать Кайниру только до дня осеннего равноденствия.

— Айнура, ты здесь, потому что думаешь о причастности рода Файханас к покушению?

— Думать мало, столь серьёзные обвинения должны быть хорошо обоснованы.

— Этим ты и занимаешься? Розыском доказательств? — И предложил: — Мы могли бы стать союзниками, Айнура.

— Ты послан Альтиналем? — спросила магесса, с любопытством ожидая, что ответит мальчик.

— Меня попросил отец. Эльф, — уточнил он.

— И давно ты сюда приехал?

— Почти полтора месяца назад. В герцогство — два месяца назад. Пожил немножко там, немножко сям, решил перебраться поближе к родовому замку герцога — его светлость хорошо платит. Я ведь бродячий менестрель, — подмигнул он, — я песенками себе на жизнь зарабатываю. А также собираю всевозможные слухи и сплетни. Самые интересные передаю отцу. Я не расследую покушение, я просто помогаю... по-родственному.

— Ясно, дело хорошее, — согласилась магесса добродушно. — Думаю, мы вполне можем объединиться. И делиться друг с другом некоторыми сведениями.

— А ещё нам просто необходимо стать любовниками, — мурлыкнул он, перебираясь к сидящей на краю постели магессе. — Для правдоподобия. Сможем свободно встречаться, не вызывая подозрений в сговоре против его светлости.

— Если будешь ухаживать так топорно, как сегодня, вызовешь подозрения в здравости собственного рассудка.

— Почему это? — деланно обиделся менестрель. — Всем вокруг известно, что я хулиганистый шалопай, но при этом невероятно обаятельный. Я люблю шумные, озорные ухаживания, если дама того стоит. Айнура, ты — один из самых лакомых кусочков в округе, я просто не мог на тебя не клюнуть! Сама посуди: молодая, умная, симпатичная, вдобавок ты — маг из самого таинственного ордена, оваянного столькими слухами и легендами.

— К тому же простолюдинки менее интересны, а охотиться в герцогских владениях опасно, — насмешливо добавила магесса.

Менестрель показательно вздохнул и продемонстрировал ямочки на щёчках и подбородке:

— Сорванные герцогские розы мне легко простят, но за поцелуй, сорванный с уст женщины из рода Файханасов, я платить не готов. Боюсь, уж очень высокой окажется цена. Я, конечно, «мэор», но исключительно потому, что отец — эльф, а эльфы по положению в обществе приравнены к титулованным дворянам. На деле же я — безродный бродячий музыкант, не имеющий ни денег, ни титула. Я знаю своё место, и его светлость это устраивает. Но мы сейчас не о герцоге, а о тебе, о моя обаятельная магесса. Прошу, не хмурься так скептически, я же наполовину эльф, я способен понять, что это — не твоё настоящее лицо. Но неважно, каков твой истинный облик. Ты всегда загадочная и притягательная, тебя окутывает аромат тайны, ты в моих глазах — просто обворожительна!

Сделав сей вывод (интересно, кого он больше убеждал, себя или даму?), менестрель придвинулся ещё теснее и собрался нежно обнять Айриэ.

— Руки мыл?

Менестрель снова поперхнулся и ошалело уставился на магессу.

— Тианориннир, ты по стене лез? Лез, — вкрадчиво напомнила Айриэ. — А она, между прочим, грязная. А я, наоборот, только помылась. И вообще, не люблю, когда по мне невымытыми руками шарят.

Менестрель открыл было рот, но слов не нашёл и со стуком его захлопнул. Обиженно взглянув на магессу, гордо прошествовал к рукомойнику в углу. У Гриллода такие стояли в каждом номере; вода из раковины по общей трубе выводилась наружу, с задней стороны дома. По утрам служанки приносили постояльцам два кувшина, с тёплой и холодной водой для умывания. Правда, Айриэ ненавидела мыть лицо и руки тёплой водой, поэтому неизменно требовала воды похолоднее, лучше и вовсе прямо из колодца. По вечерам же она предпочитала вымыться целиком, посетив мыльню.

— Надеюсь, теперь мои руки достойны прикоснуться к вашему телу, мэора? — чуточку обиженно, но большей частью насмешливо осведомился менестрель.

Ну и чудненько, что мальчик не стал дуться, это говорит о его уме. Хотя в уме Тианора магесса и не сомневалась. Да и не такой уж мальчик, он явно старше, чем выглядит.

— Иди сюда, сейчас проверим, — сверкнула зубами Айриэ. — Только ещё один момент проясним...

Ей никоим образом не грозила опасность обзавестись нежеланным потомством ни от эльфа, ни от человека, но упоминать об этом она не собиралась.

— Противозачаточное заклинание на меня наложено, я за этим слежу, — понятиливо откликнулся менестрель.

— Человеческое или эльфийское?

— А какая разница? — непонимающе взмахнул длинными ресницами полукровка.

Назывались так эти заклинания не по школе магии — оба могли использоваться как человеческими, так и эльфийскими магами — а по способу предохранения. Люди как-то больше предпочитали первый, когда мужское семя делалось стерильным, а эльфы — второй, когда семя мгновенно и незаметно уничтожалось... хм, при появлении.

Айриэннис ответила абсолютно честно:

— Терпеть не могу, когда в меня впрыскивают посторонние жидкости.

Ответом ей был долгий, печальный взгляд тёмно-янтарных глаз.

— Умеешь же ты весь романтический настрой с мужчины сбить, — наконец грустно вымолвил Тианор.

— Уже не хочется? — сочувственно поинтересовалась Айриэ. — Ну ничего, тогда давай спать ложиться. Я умираю от усталости.

Полуэльф секунду смотрел на неё с непередаваемым выражением, потом расхохотался, громко и искренне.

— Айнура, ты меня специально доводила, да? Проверяла... на терпеливость?

Проверяла, а как же. Наличие ума и чувства юмора у потенциального любовника — дело, конечно, хорошее, хотя и не сказать, чтобы обязательное. Но раз уж Айриэ собралась провести с ним долгое время, аж больше двух декад подряд, то пусть будут.

— Кстати, к вопросу о противозачаточном заклинании... У меня человеческое.

— Уже нет, — хладнокровно уведомила его магесса, скидывая с плеч рубашку. — Действуй.

Действовал он умело и весьма, весьма приятно. Давно ей здесь такого хорошего партнёра не попадалось. Всё потому, что спала она, в основном, с людьми, больше никого подходящего и не подворачивалось. Эльфы, к примеру, любовники почти что идеальные, но ведь сидят, заразы, по своим лесам — попробуй, излови и отлюби. У людей же надо постараться, чтобы найти тонко чувствующего мир вокруг себя, эмоции и желания партнёрши. Не каждый десятый и даже не каждый двадцатый сможет. Полукровка в этом отношении оказался гораздо лучше, хотя тоже не без недостатков. Впрочем, в силу своего гадкого характера, усмехнулась про себя Айриэ, она в каждом найдёт к чему придраться, было бы настроение. А справедливость требовала признать, что Тианориннир хорош, очень хорош... м-м-м, надо его поощрить и приласкать как следует... чтобы голову потерял... Играем, милый мальчик, играем...

Когда, наигравшись всласть, они немного отдохнули и выровняли дыхание, Тианор вспомнил о делах. Правда, с заметным усилием: взгляд ещё долго оставался затуманенным, изящные пальцы шаловливо шарили по телу магессы, а слова подбирались с некоторым трудом.

— Э-э-э, Айнура, я тебя хотел попросить... нет, не забыл, просто хотелось ещё разок тебя поцеловать... Да помню я!.. Понимаешь, мне письма надо получать — желательно, втайне. Прости, сейчас объясню чётче... отвлекаться от тебя не хочется, — честно признался он. — Так вот, Айнура, я тебе говорил, что отправляю собранные любопытные слухи и

факты о Файханасах и о том, что делается в их владениях. Ну и ответы получаю, само собой... точнее, сначала я получаю письмо, потом отправляю ответ. Мне присылают магических «письмоносцев», многоцветных, а для простого бродячего менестреля это несколько подозрительно. Сразу наводит на мысли о шпионстве, а нас, менестрелей, и так в нём традиционно обвиняют.

Тианор усмехнулся. Что скрывать, из менестрелей порой получались почти идеальные шпионы, но далеко не каждый был способен этим заниматься. Люди творческие — народ особый, чувствительный, мараться шпионством не всякий захочет. Правда, бывает так, что выбора не остаётся, но у Тианора, похоже, не тот случай.

— Я не профессиональный шпион, вообще это дело не люблю и согласился только потому, что попросили, я говорил.

— Охотно верю.

— Если честно, я ужасно боюсь попасться.

— В чём? — приподняла брови магесса. — В краже тайных документов, в подделке печатей, в передаче тайных сведений об обеденных пристрастиях герцога злобному соседнему королевству?

— Не смешно, — кисло сказал он и поёрзал в постели, будто под него хлебная крошка попала. — Я, правда, боюсь, хотя ничего такого вроде бы не делаю. Подумаешь, болтаю со служаночками или пью с герцогскими гвардейцами, они ребята компанейские.

— Ну вот видишь, сам признаёшь, что не занимаешься ничем предосудительным.

— Да, а герцог или его сыночек ненаглядный иной раз так посмотрят... будто всего меня насквозь видят. Впрочем, сыночек вряд ли, это он просто отца копирует и фамильный взгляд с прищуром тренирует, а вот его светлость — человек умный и проницательный. В общем, не хотелось бы вызвать его подозрения и потом отвечать на разные неприятные вопросы. Трусоват я для шпионской деятельности, как оказалось, — с кривоватой улыбочкой признался он и даже слегка покраснел. — А эти проклятые «письмоносцы» способны доставить мне проблемы. Мы договорились переписываться раз в пять дней, если нет ничего срочного. Если случится что-то непредвиденное, так у меня с собой несколько заготовок «письмоносцев», сам я их создавать так и не научился. Несколько раз мне специально присылали розовенькие, надушенные «письмоносцы», якобы от моей слегка заброшенной дамы сердца. Я же ветреный и непостоянный.

Менестрель лукаво улыбнулся, отчего на щеках опять заиграли ямочки. В последнее время среди знатных дам появилась новая мода: «письмоносцы», которыми они пользовались, были разноцветными, чаще пламенно-красными или романтично-розовыми, вдобавок магические конвертики можно было ароматизировать собственными духами.

— Я старался получать такие письма в присутствии других людей. У нас оговорено примерное время прибытия «письмоносца», так что я в эти моменты сидел со своими гвардейскими приятелями или находился в таверне. Надушенные письма хорошо получать изредка, но если они будут приходить регулярно, то это уже подозрительно. В остальное время я уходил куда-нибудь в лес, чтобы никто не мог увидеть, как ко мне прилетает «письмоносец». Живу я в деревне, снимаю комнату у пожилой пары. Они люди неплохие, но ужасно любопытные и сплетничать обожают, так что про мои письма на другой день пол-Кайдараха знало бы. Вот поэтому я хотел попросить тебя о помощи, Айнура. Если я буду получать «письмоносцы», когда нахожусь у тебя, это никого не удивит. Все будут думать, что письма приходят к тебе. Ты же маг, такой способ переписки для тебя — обыденность, а

не дорогая экзотика, как для меня. Ты как, не возражаешь?

— Да пожалуйста, мне не жалко. Когда следующее письмо?

— Завтра около пяти вечера. Так что, если тебя это не стеснит, я снова нанесу тебе визит. Буду в четыре, дождусь «письмоносца» — и в «Свиную голову», петь.

— Если вздумаешь опять верещать у меня под окнами, испепелю, — любезно предупредила его Айриэ.

— Ка-а-ак, тебе не понравилась самая модная в этом году любовная песенка? Да её и при дворе поют! Дамы в восторге, между прочим! — шутливо возмутился менестрель. В его глазах прыгали весёлые золотистые искорки.

— Вот пусть и дальше восторгаются. Без меня, — категорично отрезала магесса и потянулась погасить магический светильник.

— Айнура, любовь моя, а ты не хочешь ещё разок... — начал было менестрель ласково-насмешливо, но был безжалостно прерван.

— Завтра утром. Если буду в настроении.

Ответом ей послужил нарочито тяжкий вздох любовника, но его рука бережно обвила талию магессы и притянула даму поближе. Отодвигаться Айриэ было лень, так она и уснула.

На следующий день Айриэ отправилась к мельнице, опять оставив Шоко пастись на берегу реки. Мельник был дома и занят своим непосредственным делом. Возле мельницы стояли три телеги, нагруженные мешками с зерном, которые несколько работников таскали на самый верх мельницы. Зерно по жёлобу сыпалось вниз, на жернова, откуда, уже в виде муки, просеивалось и шло по другому жёлобу на нижний этаж, в подготовленные мешки. Во дворе крутилась дочка мельника, которой магесса приветственно махнула рукой. Лесок на другой стороне был зелен, свеж и спокоен, даруя желанную прохладу после пыльной, залитой солнцем дороги.

Бродила она по лесу больше часа: лизиаллиния нашлась далеко не сразу, да и торопиться было некуда, зелье готовится недолго. В лесу было сухо, но приятно пахло разогретой смолой и вереском. Набредя на кусты ежевики, Айриэ с радостью освежилась кисловатыми тёмно-фиолетовыми ягодами. Из грибов попадались разве что мумифицировавшиеся на корню сыроежки, а жаль: магесса не побрезговала бы самолично насобирать грибочков, чтобы потом отдать Тайре, приготовить на ужин. Но грибов теперь не будет до осени, пока землю как следует не промочат обильные, частые и короткие осенние дожди.

Шла Айриэ неторопливо и, по привычке, бесшумно. Поэтому её не услышали, а она уловила два голоса, мужской и женский, и только теперь вспомнила, что юный ухажёр мельничихи уговаривался встретиться на другой день. Поняв, что вышла к вчерашней полянке, Айриэ решила обойти парочку по широкой дуге: вчера их разговоров наслушалась, а вмешиваться в чужие дела она не намеревалась. Однако в женском голосе вдруг прорезалась тревога, перешедшая в откровенный испуг:

— Нет, мэор!.. Не-е-е-т!.. Да пустите же меня, что вы сегодня?..

Хмыкнув, Айриэ всё-таки решила подойти ближе и раздумывала, стоит ли вмешиваться, или мельничиха справится своими силами.

— Нет, мэор, я сказала же, что люблю мужа! Я думала, вы добрый, а вы... Уходите, я сюда больше не приду! Вы мне не нужны!..

— Ну нет, милая, не так быстро! — В мужском голосе слышалась откровенная злость. — Сначала подарить мне поцелуйчик, потом катись куда хочешь, мышь несчастная!

— Нет!..

— Что ж, как хочешь... дорогуша. Ты сама выбрала. Ты ещё пожалеешь об этом!..

Айриэ только диву давалась. Куда делся вчерашний приятный мальчик? Голос принадлежал, несомненно, юному Фирниору, но вот злобные, угрожающие, крайне неприятные интонации магессу откровенно удивили. На чистую, честную злость он явно был способен, на злобу — не должен. По крайней мере, Айриэ вчера так показалось. Ну и перепады настроения случаются порой у юношей!..

Затрещали кусты, мужские тяжёлые шаги удалились вглубь леса, женские лёгкие ножки почти побежали к мельнице. Выждав некоторое время, магесса также перебралась через реку, и выбросила из головы все эти мельничные страсти.

Вечером она отдала готовое зелье присланному за ним мальчишке — наверное, сыну капитана. Велела передать его отцу совет оставить девочку пожить пока у бабушки с бабушкой, на ферме. Впрочем, она почти не сомневалась, что Паурен и сам сообразит

держат дочь вдали от замка.

Наутро магесса решила наконец посетить владельца здешнего края, и около полудня прибыла в Файханас-Манор. Принимали её по-королевски, герцог встречал дорогую гостью на ступенях у парадного входа, во внутреннем дворе замка.

Родовое гнездо древнего семейства было выстроено не на века даже — на тысячелетия. Несмотря на то, что войны теперь случались редко, мощные крепостные стены, ров и подъёмный мост поддерживались в идеальном порядке. С развитием боевой магии такие укрепления перестали играть важную роль: осада подобного замка не заняла бы много времени, заклинания разрушили бы даже эти мощные, высокие стены. Но использование боевой магии во время войн было строго ограничено Магическим Куполом — советом сильнейших магов Акротоса. Чтобы получить разрешение Купола на использование боевых заклинаний массового поражения, требовались очень веские основания. А войско, прибегнувшее к несанкционированной помощи боевых магов, ждала встреча с разъярённым Магическим Куполом и уничтожение командиров, отдавших приказ. Самых проштрафившихся магов, разумеется, тоже убивали. К счастью, в своё время основатель Драконьего Ордена сумел донести до человеческих магов опасность использования мощных боевых заклинаний массового поражения, ибо это «раскачивало» мир и сильно нарушало Равновесие.

Что касается Файханас-Манора, то сам замок был построен, кажется, ещё при драконах: стены и все постройки укреплены гномьей магией, не позволявшей им ветшать. Везде был идеальный порядок; старый герцог не терпел в своих людях расхлябанности и пренебрежения обязанностями.

«Мэору Айнуру» с почётом препроводили в парадную гостиную и угостили превосходным выдержанным лостренским вином. Рольнир Файханас был вежлив и любезен, оказавшись на редкость приятным собеседником. Выглядел он внушительно — высокий, чуть погрузневший с возрастом, с благородным профилем, так и просившимся быть запечатлённым на монетах. Бледно-голубые глаза смотрели пронзительно и чуточку хищно, по-ястребиному. Он держался просто, но величественно и даже, пожалуй, по-королевски.

Отдав минимальную дань вежливой светской болтовне, он перешёл к делу, лично пообещав магессе свою поддержку. Герцог был не только воином, но и отменным политиком, он давно научился превосходно лгать. Пытаясь уловить в его словах ложь, Айриэ наткнулась на некий барьер, не дававший понять, что герцог чувствует на самом деле. Причём барьер был ни в коем случае не магического свойства, но щитом, созданным силой духа этого незаурядного человека. Что бы он ни чувствовал, посторонних впускать в свой внутренний мир он явно не собирался. Это вызывало уважение, и Айриэннис признала за ним право сохранить свои тайны в неприкосновенности. Существовала, конечно, ментальная магия, но использовать её против чьей-либо воли означало опустить себя до уровня того подлового неизвестного мага... и серьёзно нарушить Равновесие заодно, а этого Айриэ делать было нельзя.

— Так что, мэора Айнура, если у вас возникнет нужда в чём-либо, смело обращайтесь. Сделаю всё, что смогу, — сказал герцог. — Например, если вам, мэора, потребуется быстрота передвижения, все лошади из моих конюшен в вашем распоряжении. Прошу вас, выбирайте любую, за исключением личных коней членов моего семейства.

Айриэ оценила тактичность его светлости. Он ни единым словом не коснулся сомнительного умения магессы выбрать себе лошадь, равно как его отменно вышколенные

слуги не позволили себе ни одного косо́го взгляда в сторону невзрачного савраски.

— Мэор Рольнир, благодарю за столь щедрое предложение. Но мой конь изменён магически, и если понадобится, может обогнать любого породистого скакуна.

— Ах вот оно что... Понимаю, мэора. — Герцог вежливо склонил голову и более к теме лошадей не возвращался. — Но если есть что-то ещё, чем я могу помочь, я и мои люди к вашим услугам. Не скрою, мэора, меня очень беспокоит сложившаяся ситуация. Мне не нравится, что кто-то позволяет себе нападения на моих подданных. Я клялся защищать этих людей.

Вот здесь он не лгал, ему это действительно сильно не нравилось. Возможно, герцог счёл «шалости» мага вызовом своей власти или же просто ощущал вину за то, что не мог удержать его в узде. Похоже, он чувствовал ответственность за людей, живших на его землях, и заботился об их защите, как и подобает хорошему правителю. Но чёрный маг, резвившийся у него под боком, скорее всего, не мог считаться психически нормальным. Магом в той или иной степени уже овладело безумие: неизбежная плата за использование Запретной магии. Удержать безумца от новых «шуточек» герцогу будет крайне сложно, но ради его же подданных Айриэ надеялась, что Рольниру Файханасу это удастся.

В дверь вежливо стукнули пару раз, она распахнулась, и в гостиную стремительно ворвался стройный, легконогий, порывистый юноша, в котором магесса узнала Орминда Файханаса.

— Отец, ты передал, чтобы я зашёл к тебе, как только вернусь.

Герцог с затаённой гордостью представил своего наследника. Как говорили, сына он очень любит и, пожалуй, балует больше всех прочих, во что охотно верилось: была в юноше некоторая, едва заметная капризность. Внешне герцог был строг и суров, но вряд ли мог скрыть от сына любовь, чем тот беззастенчиво пользовался. То, что герцог не прощал ни себе, ни брату, ни кузенам, Орминду частенько сходило с рук. В столице поговаривали, что некоторые выходки герцогского наследника и его дружков были злыми и даже жестокими, но его светлость редко останавливал сына. Считал, что молодёжи нужно перебеситься, а затащенной в постель против своей воли служанке или нёсшему поднос с едой слуге, которому подставили подножку, можно просто хорошенько заплатить «за обиду». Иногда герцог терял терпение, и Орминду доставалось за свои шалости. Громкий разнос и чистка конюшен ненадолго охлаждали пыл наследничка, но вскоре он вновь принимался за старое.

Орминд был единственным сыном герцога. Его жена давно умерла: случился выкидыш, и второй сын герцога так и не появился на свет, а герцогиня потеряла слишком много крови. Герцогиня Файханас, находившаяся тогда в своём приморском поместье, гуляла вдоль моря и, оступившись, упала с невысокого обрыва. Всё происходило на глазах троих доверенных слуг, однако пока герцогиню подняли и доставили в ближайший Лунный храм, она успела истечь кровью. Герцог долго оплакивал любимую жену и так и остался вдовцом; его сыну было в то время лет шесть — семь.

— Итак, мэора Айнура, как я уже говорил, мне очень не нравится происходящее, — продолжил герцог. — Это нападение на фермера и его свинью представляется мне на редкость глупой выходкой.

Орминд Файханас презрительно скривил уголок своих красиво очерченных губ: очевидно, разделял мнение герцога о происшествии на ферме.

— Однако глупая выходка легко могла окончиться трагедией, — заметила магесса. — Жизнь двоих детей Нарваса подверглась опасности.

Герцог едва заметно поморщился.

— Прошу вас, мэора, если сможете, постарайтесь найти этого злоумышленника.

— Приложу все усилия, — заверила магесса. — Используя Запретную магию, он поставил себя вне закона и подписал себе смертный приговор.

— За убийство кабанчика? — насмешливо вскинул брови наследник герцога, сидевший на подлокотнике кресла и беззаботно болтавший ногой.

— Нет, мэор, за то, что науськал на незащищенных людей свою ручную нечисть, — серьезно ответила магесса. — И за наложенное на детскую куклу смертельное проклятие, едва не убившее дочь капитана Паурена.

— Что? — резко подался вперед герцог. — О чём вы говорите, мэора Айнура?

Айриэ коротко пояснила. Герцог метнул грозный взгляд на наследника и спросил так, что, кажется, воздух в гостиной наполнился колкими, стылými льдинками:

— Орминд?.. Почему я впервые об этом слышу?.. Выслушать ежедневный доклад было поручено именно тебе!

Наследник заметно поёжился, будто ему за ворот рубашки насыпали ледяного крошева.

— Отец, я... Извини, я просто не счёл это важным... Подумаешь, какая-то девчонка, кукла... Глупости всякие.

— Не счёл это важным? — медленно переспросил герцог, сдвинув брови и прищутив глаза. — Не счёл важным?! Нападение на дочь моего капитана — это неважно, по-твоему? Глупости, значит? Хорошо, вечером я с тобой поговорю как следует. Попрошу быть в моём кабинете после ужина! А сейчас ступай чистить конюшни. Два дня!

— Отец!.. — возмущённо вскинулся юноша. — За что? Я не...

— Три дня! — непререкаемо заявил герцог, и его сын счёл за лучшее промолчать. Кипя от возмущения, он коротко поклонился гостье и выскочил вон. Дверь с грохотом захлопнулась, выразив всю глубину негодования наследника.

— Мальчишка легкомысленный! — буркнул Рольнир Файханас. — Простите, мэора.

— Ничего страшного, герцог. Воспитываете наследника?

— Пусть поухаживает за лошадьми, это всегда полезно, — неохотно усмехнулся Файханас, словно заставляя себя.

Магесса по просьбе герцога вкратце рассказала о случившемся с девочкой. Айриэннис показалось, будто он расстроен гораздо сильнее, чем желал бы показать гостье. Впрочем, неудивительно, ведь едва не пострадала дочь капитана герцогской гвардии, а это уже нападение на своего. А тут ещё сынок любимый напортачил, да подвернулся под горячую руку, за что и получил. Айриэ могла только надеяться, что неизвестного мага ждёт крайне неприятный разговор, и хорошо бы герцогская выволочка оказалась действенной. Преступного мага она так или иначе поймаёт, но лучше бы он сидел тихо и больше не пытался вредить исподтишка. Ведь на самом деле в нападениях не было особого смысла и цели. Или она, Айриэ, их просто не видела. Мог ли маг быть настолько безумным, что нападал попросту от скуки? Развлекался, вынужденный сидеть на герцогской цепи? Неплохо бы его светлости сделать эту цепь покороче...

— Мэора Айнура, возможно, вы сочли бы для себя удобным поселиться в Файханас-Маноре, пока преступник не будет пойман? Прошу вас, будьте моей гостьей, — пригласил герцог радушно.

Интересно, он просто хочет держать магессу в поле зрения и заодно пытаться повлиять на ход «расследования» или сделал это приглашение вынужденно, чтобы не давать повода

для подозрений? Что ни говори, а даже для герцога — это честь, принимать у себя столь важную гостью. Не предложить ей приют было бы странно и, пожалуй, несколько неучтиво. Что ж, предложение заманчивое, но соглашаться она всё-таки не стала. Возможно, позже, поближе к Празднику Начала Осени, можно будет под вежливым предлогом напроситься пожить в замке, а пока она предпочитает сохранить свободу действий.

— Мэор Рольнир, я благодарю вас, но мне сейчас всё-таки удобнее жить в Кайдарахе. Быть может, маг чем-то себя выдаст, и я сумею наконец его поймать.

— Полагаете, это кто-то из жителей деревни? — Герцог цепко, со знаменитым файханасовским прищуром смотрел на магессу, будто пытался понять, что же она думает на самом деле.

— Возможно, герцог. Мне кажется, что да, — поспешила она дать понять, что обитателей замка подозревать и не думает. Неизвестно, впрочем, поверил ли Файханас. — Однако у меня нет ни малейшего представления о том, кто это может быть. А у вас не имеется каких-либо соображений по данному вопросу?

Герцог отрицательно покачал головой, и магесса продолжила:

— Знаете, мэор, я даже рада, что случай привёл меня в ваши владения. Правда, я намеревалась всего лишь спокойно пожить в сельской местности и насладиться вкусом знаменитой копчёной свинины, а вышло, что приходится охотиться на неизвестного преступника. Зато люди смогут получить защиту настоящего боевого мага, а это стоит испорченного отдыха, согласитесь. Ведь, насколько я поняла, мэор Мирниас — человек мирный, боевой магией практически не занимается: не его профиль. Он хороший артефактор, и вам с ним повезло, но сейчас вашим людям требуется боевой маг вроде меня.

— Именно так, мэора Айнура. Замечательно, что случай привёл вас в моё герцогство. — Интересно, ей показалось или герцог чуточку выделил слово «случай», не сумев сдержаться? А он мирно продолжил: — Что же, мэора, я понимаю ваше желание держаться поближе к предполагаемому месту обитания преступника, и не стану более настаивать на вашем переселении в Файханас-Манор. Но, смею надеяться, уж отобедать с нами вы не откажетесь?

— Спасибо, мэор Рольнир, с удовольствием принимаю ваше приглашение.

Следовало познакомиться с прочими Файханасами, и обед — как раз удобный случай для этого. Вдобавок, да простит её Тайра, простые, сытные блюда на постоялом дворе, безусловно, хороши, но хотелось для разнообразия полакомиться чем-нибудь эдаким. Например, Айриэ ужасно соскучилась по морепродуктам, которых в Кайдарахе не отыщешь, даром что герцогство владело обширным куском побережья. Рыбу любили на побережье, но чем дальше от моря, тем меньше «сухопутные» жители ценили его дары. Но уж к герцогскому столу морепродукты наверняка доставляли — в магических холодильных шкафах, водружённых на повозки, что позволяло сохранить улов свежим.

Припомнив ещё кое-что, магесса обратилась с просьбой к хозяину замка:

— Герцог, если не возражаете, я бы хотела побеседовать с вашей экономкой. Она может знать что-то о той кукле, на которую было наложено проклятие.

Герцог окаменел; лицо застыло, взгляд сделался жёстким. Это продолжалось несколько томительных мгновений, пока наконец он не спросил отрывисто:

— Почему вы думаете, что экономка знает об этом?

— Девочка утверждает, что получила куклу в подарок. Ваша экономка при этом присутствовала.

— Вот как?

— Да, герцог. Я бы хотела знать, каким путём кукла попала в замок. Ибо проклятие на неё накладывал тот же маг, который резвился на ферме Нарваса. К сожалению, куклу пришлось уничтожить, чтобы спасти девочку, однако я уверена в своей правоте. Магический почерк или, если хотите, манера использовать заклинания — те же самые.

— Вот как, — медленно повторил Файханас. Прозвучало это почти угрожающе, но на магессу впечатления не произвело. — Что ж, я прикажу позвать сюда мэору Кландиру.

— Мэор Рольнир, я бы хотела поговорить с вашей экономкой наедине. Прошу прощения за прямоту, но мне вы будете мешать. При вас экономка неизбежно будет чувствовать себя скованно, а в более свободной обстановке может сказать больше. И дополнить рассказ некой крохотной, но немаловажной деталью, которая поможет мне взять верный след. Пожалуйста, я настаиваю, — нахально заявила магесса, честно глядя в глаза герцогу. Пусть попробует возразить.

Он не решился, понимая, что не может столь откровенно препятствовать скорейшему выявлению истины. Скрывая недовольство, сказал:

— Я понимаю, мэора, ваши мотивы, хотя предпочёл бы знать, что делается в моём замке. Достаточно и легкомысленной небрежности, допущенной моим сыном. Разумеется, я в любом случае узнал бы о случившемся с семьёй капитана, но мой наследник должен уметь отличать важные сведения от пустяков, действительно не стоящих внимания будущего правителя герцогства. Теперь я возьму расследование этого случая под свой личный контроль. Но если вы так желаете, мэора Айнура, вы, разумеется, можете поговорить с экономкой без меня. Однако я попрошу вас по окончании разговора передать ей, чтобы она незамедлительно шла ко мне.

Айриэ кивнула в знак того, что выполнит его просьбу, а он позвонил слуге. Вскоре тот явился, и герцог велел проводить мэору магессу к экономке.

Пройдя широким коридором, стены которого украшали весьма неплохие картины художников разных эпох, они со слугой вышли в холл. Там, о чём-то глубоко задумавшись, стоял Фирниор Ниарас. Почему-то он показался магессе выглядящим чуть старше, чем при первой встрече: скорее всего, виноваты в этом были тени, что залегли под его глазами, и чересчур серьёзный вид. Юноша не обращал внимания на вошедших, пока они не подошли совсем близко. Он медленно поднял глаза и вдруг вспыхнул радостной, какой-то солнечной улыбкой, узнав магессу.

— Мэора Айнура!.. Как я рад вас видеть!.. — Он быстро поклонился и смотрел, не отрываясь. Чувствовалось, действительно рад; глаза так и сияли, постепенно меняя цвет на серо-лиловый.

— Взаимно, мэор Фирниор, — вежливо ответила Айриэ, с некоторым удивлением обнаружив в себе желание улыбнуться в ответ, уж очень заразительно и искренне это вышло у Фирниора.

— Мэора, если желаете, я покажу вам замок.

— Благодарю, как-нибудь в другой раз, — отказалась магесса. Ох, мальчик, знал бы ты, сколько она уже этих замков за свою долгую жизнь перевидала... — Мне нужно поговорить с экономкой.

— Я провожу вас, мэора, — предложил Фирниор и, дождавшись её кивка, отпустил слугу.

По дороге он развлекал магессу светской болтовнёй; обрадовался, узнав, что она остаётся на обед, и вообще всячески флиртовал, но так легко и ненавязчиво, что умудрился

ни разу не вызвать раздражения магессы. Поэтому она не стала одёргивать этого хорошенького щеночка Файханасов и снисходительно позволяла за собой ухаживать.

Экономка отыскалась в столовой, где надзирала за слугами, накрывавшими на стол. Она оказалась невысокой, худенькой, но очень величественной дамой средних лет, с фамильным ястребиным профилем и высоким лбом. Она носила строгое тёмно-синее платье с белоснежными кружевными воротником и манжетами и не менее строгое выражение лица, соответствующее занимаемой ею ответственной должности. Вежливо проведя магессу в одну из небольших гостиных и усадив в кресло, сама встала перед ней и чинно сложила руки на животе. Мэора Кландира всем видом выражала готовность отвечать на вопросы, коль скоро так было угодно пожелать его светлости.

— Мэора Кландира, присаживайтесь, прошу вас, — магесса указала на другое кресло.

Любопытно, что, имея дворянское происхождение и будучи родственницей Файханасов, экономка держится нарочито скромно и подчёркивает своё подчинённое положение. Экономка, разумеется, не ровня хозяевам и их гостям, это нечто вроде средней прослойки между господами и слугами, наряду, скажем, с женой капитана герцогских гвардейцев. Очевидно, у них свой кружок общения, куда могут входить также гувернантки и учителя, если они имеются в замке.

— Благодарю, мэора Айнура. — Экономка с достоинством опустила в кресло и выжидательно наклонила голову.

— У меня к вам несколько вопросов, мэора Кландира. Насколько я понимаю, вы родственница герцога?

— Достаточно дальняя, мэора. Я — дальняя кузина его светлости, можно выразиться так. — Экономка позволила себе сдержанную улыбку.

— Итак, мэора, мои вопросы будут касаться дочери капитана Паурена. Вы знаете, что девочка заболела? Её жизнь была в опасности, и только чудом девочка осталась в живых.

— Бэлли? Ах, нет!.. — вскрикнула Кландира, прижимая руку к сердцу. — Простите мою несдержанность, мэора, но мы все здесь очень любим маленькую Бэллиану и волновались о её здоровье.

— Сейчас с ней всё в порядке, Бэлли уже поправляется, — успокоила её магесса.

— Но что же случилось? Девочка не выглядела больной, скорее уставшей, но капитан решил увезти её к дедушке с бабушкой, на их ферму.

— Это я и хочу выяснить. Видите ли, мэора Кландира, болезнь девочки связана с некой куклой гномьей работы.

— Кукла в виде придворной дамы в платье персикового цвета? Но как она может быть связана с болезнью? — удивилась экономка. — Это же обычная детская игрушка. Да, она дорогая, но у многих девочек из знатных семей имеются подобные.

— Тем не менее, она несла в себе смертельную угрозу. Насколько я знаю, мэора Кландира, вы присутствовали, когда кукла перешла к девочке. Пожалуйста, расскажите мне, как это случилось.

Экономка побледнела:

— Мэора магесса, но вы же не думаете, что я... Я не могла бы причинить девочке вред! Это просто игрушка!..

— Это не просто игрушка, но я прошу вас рассказать мне, как она попала к дочери капитана, — с нажимом повторила Айриэ. — Я пока ни в чём вас не обвиняю.

— Хорошо, мэора. — Женщина постаралась взять себя в руки. — В тот день Бэлли, как

всегда, сопровождала меня. Ей нравится мне «помогать», я поручаю ей несложную работу. Бэлли — прелестное дитя, я привязалась к ней, как к родной... Я вдова, и своих детей у меня нет, — пояснила она со слабой улыбкой. — Так вот, в тот раз я занималась уборкой в старой игровой комнате мэри Юминны, младшей дочери брата его светлости, мэра Эстора. Периодически там необходимо поддерживать порядок, эту комнату держат для маленьких гостей замка, ибо сама мэри Юминна давно выросла. Итак, я разбирала игрушки, кое-что следовало выбросить или отдать деревенским детям. Сейчас девочек подходящего возраста в замке нет, у кузена его светлости мэра Нэрбиса Ниараса двое маленьких сыновей. Я не знаю точно, в какой момент это произошло, но я вдруг обнаружила, что Бэлли, увлечённо копавшаяся в старых игрушках, держит ту самую куклу. Девочке игрушка очень понравилась, у неё подобных, разумеется, никогда не было. Она буквально вцепилась в куклу и, хотя я велела оставить игрушку в покое, наотрез отказалась это сделать. Я даже растерялась немного, Бэлли обычно была очень послушна, а тут в неё будто некий нечистый дух вселился. Она кричала и плакала, топала ногами — словом, устроила настоящую истерику.

Экономка усмехнулась чуть смущённо, будто каким-то образом несла ответственность за девчонкины капризы. Айриэ на её месте хорошенько рывкнула бы на капитанскую доченьку, чтобы той вопить неповадно было. Впрочем, магесса детей, мягко говоря, недолюбливала и подозревала, что её воспитательные методы не встретили бы одобрения у обладателей родительского инстинкта.

— Я не помнила, чтобы когда-либо раньше видела именно эту игрушку, хотя что-то подобное у юных мэри Файханас всегда имелось. Безусловно, это была слишком дорогая вещь, чтобы я могла ею распорядиться по собственному усмотрению. Если бы речь шла о каком-нибудь старом меховом зайце, я бы просто отдала его девочке, не ставя в известность его светлость. Но здесь и речи быть не могло, чтобы отдать столь дорогую игрушку чужому ребёнку, не принадлежащему к семье Файханас. Девочке предстояло понять, что не все капризы могут — и должны — исполняться. Однако случилось так, что мимо проходил член семьи его светлости, и уж у него, разумеется, было полное право распорядиться игрушкой. Он услышал крики и плач, зашёл к нам и, выяснив, в чём дело, сказал: «И столько шума из-за какой-то куклы? Конечно же, пусть девчонка забирает её себе!» Так что, как видите, мэра Айнура, кукла перешла к девочке на законных основаниях, если можно так выразиться.

— И кто же это был? — подалась вперёд магесса.

— Мэр Фирниор Ниарас.

Приводя себя в порядок в отведённой ей комнате, Айриэннис размышляла. Был ли Фирниор искомым магом? Верилось с трудом. Он, пожалуй, слишком солнечный для этого. Хотя ей тут же припомнилось его вчерашнее злобное шипение на мельничиху, и магесса уже не знала, что и думать. Люди — существа загадочные, попробуй пойми, что у них в душе творится...

Поскольку все гостевые покои в замке были оборудованы ванными комнатами, Айриэ с удовольствием быстренько освежилась под душем. Удобно, что одежда благодаря заклинанию оставалась чистой, хотя подумалось, что выглядит она, пожалуй, скромновато для обеда в герцогском замке. Ну, это дело поправимое. Парочка «иллюзорных» заклинаний, и магесса щеголяла в обтягивающих брючках из светло-серой, словно бы светящейся, так называемой «жемчужной» замши. Простая белая рубашка теперь выглядела золотистой туникой из очень дорогого «паутиного» шёлка, доставляемого гномами с соседнего материка, Стайфарра, населённого свирепыми серпентесами. Тонкую талию подпоясывал

узорчатый тёмно-золотистый пояс, а короткие, аккуратные ногти покрывал слой лака с янтарно-золотистыми переливами. Вздохнув, взглянула на свои унылые, прямые волосы до плеч и поняла, что этот образ ей поднадоел. Взмах — и причёска стала по-мальчишески короткой, с задорно торчащими «пёрышками». Часть прядок теперь поблёскивала тёмным золотом. Надо будет потом закрепить иллюзию причёски, а то эта рассчитана на сутки.

Иллюзии были удобны тем, что в реальности Айриэ оставалась в своей собственной, лёгкой одежде. В замшевых брючках по летней жаре и свариться недолго, а так ей удобно, окружающим — приятно.

В дверь раздался деликатный стук, потом прозвучал голос Фирниора:

— Мэора Айнур, позвольте войти?

И не лень ему было узнавать, где её разместили?.. Хмыкнув, магесса позволила. Юноша вошёл — и застыл, только глаза сделались большими-большими. Ну что он удивляется, спрашивается? Никогда магов не видел, что ли? На простенькую иллюзию, которой она сейчас воспользовалась, способен любой выпускник Магической Академии, даже, наверное,

Очнувшись, Фирниор выдохнул хрипловато:

— Мэора, вы невероятно хороши!.. Позвольте проводить вас в столовую? Гонг к обеду вот-вот прозвучит.

— Провожайте, — милостиво позволила магесса, опираясь на предложенную руку.

В холле они наткнулись на владельца замка. В глазах герцога отразилось явное одобрение изменений, появившихся в облике магессы. Рольнир Файханас небрежно кивнул юноше:

— Спасибо, Фирио, дальше я сам займусь нашей гостьей. Мэора Айнур, прошу! Вы выглядите обворожительно, я просто сражён!

Юноша чуть сдвинул брови, но никак не оспорил самоуправство двоюродного дядюшки, хотя явно не был в восторге. Что ж, соблюдение субординации дисциплинирует молодых людей и идёт им на пользу. Сменив кавалера, магесса величественно прошествовала в столовую и была представлена собравшимся там обитателям Файханас-Манора.

Сидя за столом и вкушая, главным образом, вожделенные морепродукты, Айриэннис поддерживала светский разговор и рассматривала членов семейства Файханас.

Эстор Файханас был очень похож на своего старшего брата. Как говорили, он всегда и во всём поддерживал герцога, был ему предан и не завидовал его титулу. Особенной братской любви между ними не наблюдалось, скорее, это было взвешенное, основанное на разумности и доверии партнёрство. Эстор вёл себя сдержанно, ел и пил умеренно, на магессу поглядывал с некоторым любопытством, но без опаски, явно не считая достойным противником. Либо вообще не противником, хотя бы на данный момент.

Его супруга, мэора Альдарра, была лукава и смешлива, несмотря на свой почти пожилой возраст, охотно поддерживала застольную беседу и умело сглаживала периодически намечающиеся столкновения между сотрапезниками. Её младшая дочь, та самая мэори Юминна, очень на неё походила — жестами, привычками и улыбками, только была на добрых три десятка лет моложе. Также из женщин за столом ещё сидела супруга герцогского кузена, Синтиона Файханаса, который вместе с сыном отсутствовал по делам.

Другой кузен его светлости, Нэрбис Ниарас, был представителем боковой ветви рода. Раз в три-четыре поколения дочь Файханасов выдавали за наследника Ниарасов, и два семейства всегда были очень тесно связаны не только узами кровного родства и вассалитетом, но и общностью интересов — торговых, политических и прочих. Нэрбис

значительно больше походил на герцога, чем Фирниор, являясь обладателем фамильного носа и резких, хищных черт лица. Он был тёмно-русый с обильной проседью на висках, хотя едва ли достиг сорокалетия. Его серо-голубые глаза поочерёдно останавливались на сотрапезниках, будто он постоянно анализировал их застольные реплики и делал для себя некие выводы. Выводы, впрочем, были большей частью благоприятными, однако стоило взгляду коснуться его старшего сына, как на лбу Нэрбиса ненадолго проявлялась вертикальная морщинка, а глаза тут же переходили на другого сотрапезника. Говорил он также немного, предоставляя прочим развлекать гостью и самих себя обсуждением талантов повара, погодных явлений и веяний придворной моды.

Его супруга была женщиной высокой и статной, белокожей, с лебединой шеей, с длинными, но очень изящными руками и гордым взглядом. Она равно дарила внимание всем сотрапезникам, кроме своего старшего сына, на которого вообще старалась не смотреть. Впрочем, это было бы незаметным, если бы Айриэ специально не вглядывалась в каждого из присутствующих за столом и не отмечала про себя малейшие нюансы их поведения. Что интересно, Фирниор мало походил на отца и не имел никаких общих черт с матерью, что давало повод усомниться в его родстве с мэорой Эльдией. Впрочем, очень может быть, что Нэрбис был женат вторым браком, таких подробностей касаясь членов семьи герцога Айриэ не помнила.

Самым же любопытным было, что никто в разговоре не коснулся причин и целей пребывания магессы в родовых землях Файханасов, равно как не обсуждались недавнее происшествие на ферме Нарваса. Это было в своём роде весьма показательно. Айриэннис не стала сама поднимать данную тему, поскольку ничего полезного это не принесло бы. Разве что лишний раз подтвердило бы умение аристократов «держаться лицо» и скрывать свои чувства от посторонних, в чём магесса и так не сомневалась.

В общем и целом следовало признать, что обед у герцога прошёл не совсем уж бесполезно (особенно с учётом того, что она славно полакомилась подкопчёнными мидиями, креветками и восхитительной запечённой рыбой). Она познакомилась с большинством Файханасов, хотя и не получила почти никаких зацепок относительно выяснения личности преступного мага. На первый взгляд, почти все Файханасы были довольно-таки приятными людьми, а что скрывалось под их внешней оболочкой, в милой застольной беседе не выяснишь.

Рольнир Файханас после обеда весьма радушно приглашал магессу задержаться и погостить ещё, но она вежливо отказалась и уведомила герцога, что вскоре уедет, однако сначала немного побродит по окрестной территории — вдруг, мол, удастся узнать что-либо связанное с её расследованием. Уточнять, что именно, магесса не стала, а герцог из деликатности не спрашивал. Заверив, что коня её приводить не нужно, до конюшен она доберётся сама, Айриэ заметила, что мэор Рольнир едва ощутимо напрягся при слове «конюшни». Однако тут же расслабился и любезно заявил, что Файханас-Манор в её полном распоряжении. На том они и распрощались.

По правде говоря, Айриэ и сама не знала, что собирается искать. Она больше намеревалась помаячить для вида в саду и возле хозяйственных построек, поболтать со слугами, не то чтобы действительно надеясь выяснить что-то важное — скорее, поиграть на нервах неизвестного мага. Должна же она создавать видимость бурной деятельности. А то как-то даже обидно: обитатели замка восприняли появление её персоны на редкость буднично и даже беззаботно. Хоть бы кто встревожился, кроме разве что самого герцога, да

и тот свою обеспокоенность умело прятал.

— Мэора Айнура, вы решили прогуляться по саду? Буду очень рад составить вам компанию!

Магесса едва подавила стон. Опять этот неутомный щеночек! А она-то надеялась, что избавилась от юноши, исчезнувшего куда-то сразу после обеда.

— Пожалуйста, примите сей скромный дар! Я его собственноручно составлял! — Тёмно-серые глаза смеялись.

Фирниор протягивал ей букет роз. Оранжевых с розовыми переливами, да. Впрочем, этот букет смотрелся куда более благородно: аккуратный, дополненный перистой зеленью и белыми жемчужинками гипсофилы, перевязанный шёлковой лентой в тон. Айриэ поднесла букет к лицу, чтобы скрыть ухмылку. Интересно, на ободранных кустах ещё хоть что-то осталось?

— У вас неплохо получилось, — милостиво признала она. — Так и быть, проводите меня до конюшни.

Они двинулись неспешно, прогулочным шагом. Юноша непринуждённо болтал, рассказывая что-то из славной истории замка, она же рассеянно поддакивала и осматривалась, но не заметила ничего, что заставило бы встрепенуться её чутьё. Кажется, ищейка из неё никакая, ну и ладно.

Может, маг теперь немного притихнет, ибо Айриэ была практически уверена, что взбешённый нападением на дочь Паурена герцог устроит своему кудеснику весёлую жизнь. А что Рольнир Файханас, хоть и прекрасно владел собой, но был именно взбешён, она нисколько не сомневалась.

— Фирниор, послушайте, вы помните ту куклу? — решила она спросить в лоб, безжалостно прерывая рассказ об осаде замка тысячелетней давности.

— Какую куклу, мэора? — непонимающе захлопал он своими тёмными стрельчатыми ресницами, не будучи в силах так сразу переключиться с героических деяний на девчачьи глупости.

— Которую вы разрешили забрать дочери капитана Паурена.

Он остановился и нахмурился, пытаясь напрячь память — либо же умело притворяясь, что вспоминает.

— Это было больше декады назад. Экономка наводила порядок в старой детской, что ли, а девчонка была при ней. Раскапризничалась из-за дорогой гномьей куклы, ну, вспоминаете? В конце концов, это же вы там присутствовали, не я!

— А-а, теперь припоминаю! — просветлел Фирниор. — Действительно, было. Эта девчонка так противно визжала... Разумеется, я разрешил ей забрать игрушку, у кузин таких с десятков, к тому же они давно уже выросли. Сейчас всё равно некому играть в куклы, в замке только двое детей, мои единокровные братья.

А, выходит, её догадка насчёт второй жены его отца верна, мимоходом отметила магесса и спросила:

— А вы знаете, откуда эта кукла появилась?

— Ну, как и все прочие, наверное, — неуверенно ответил Фирниор. Он задумчиво растопырил пальцы левой руки и потянулся пригладить волосы, от чего они ещё больше растрепались. — Из лавки с игрушками. В столице, скорее всего, покупали. Если честно, я понятия не имею, мэора.

Зачем магесса задавала ему эти вопросы, юноша не любопытствовал. Возможно, из

простой деликатности, но могло быть и так, что он и сам всё прекрасно знал. Или не могло?.. Ох, нелегка сыскная работа... как выяснилось опытным путём. Не то чтобы Айриэ никогда раньше не занималась чем-то подобным, просто последний раз случился очень давно и не здесь, в почти уже забытом прошлом.

Возле конюшен, куда они наконец дошли, им навстречу попался хмурый, недовольный наследник, катящий здоровенную тачку с навозом. Выходит, его светлость не так уж и балует сына, раз на самом деле периодически воспитывает физическим трудом. Орминд охотно воспользовался случаем оставить тачку и отвесил язвительный комплимент:

— О, вы значительно похорошили со времени нашей последней встречи, мэора!

— Зато вы стали попроще, — спокойно ответила Айриэ. — Вам это, пожалуй, на пользу.

Орминд, облачённый в затрапезного вида рубаху и штаны, зло вспыхнул. Явно разозлён из-за чрезмерной, как он считает, отцовской кары, а тут ещё магесса подвернулась, из-за которой всё и случилось.

— Не будет ли угодно прекрасной мэоре, чтобы я привёл её дивного коня? — осведомился он издевательским тоном, отвешивая преувеличенно почтительный поклон.

— Будет, — мирно отозвалась Айриэ, не обращая внимания на его злость.

— О, сию секунду, мэора! Особенно если ваш кавалер соизволит пойти со мной и помочь.

— Пойдём, Орминд! — тоже вполне добродушно откликнулся Фирниор, очевидно, давно приученный к язвительности и капризам кузена.

Когда они появились, Орминд вёл в поводу Шоко, Фирниор — тонконового вороного красавца с лоснящимися боками. Наследник кривил рот в злорадной улыбочке, на щеках его кузена играли желваки: видимо, Орминд удачно съязвил, дабы поднять себе настроение. Подойдя, герцогский сынок небрежно сунул магессе повод и брезгливо заметил:

— Будь я на вашем месте, мэора, я бы побоялся сесть на такого одра.

— Ничего, мэр Орминд, видимо, я гораздо храбрее! — невозмутимо отпарировала магесса и потрепала Шоко по шее.

Фирниор, скармливавший яблоко своему коню, едва слышно фыркнул. Порывшись в карманах, нашёл ещё одно и протянул Шоко. Тот не стал ломаться и взял яблоко, аккуратно пощекотав губами ладонь юноши.

— Зато он умный и славный, — искренне заявил Фирниор и потянулся погладить коня. Его кузен только презрительно скривил губы, но промолчал, снова взявшись за тачку.

«Ты тоже ничего», — выражал весь вид Шоко, с небывалой снисходительностью принимавшего ласку от чужого человека. И даже укусить не попытался, вот чудеса-то.

Вспомнив, что держит в руке несчастные розы, магесса секунду поколебалась — не выбросить ли, но передумала и принялась пристраивать букет в седельную сумку. Просто представилось почему-то, каким злорадством вспыхнут глаза герцогского сына, да и Фирниора обижать не хотелось. Пожалуй, от юнца может быть польза. Надо его расспросить о родственничках, вдруг да проболтается о чём-нибудь интересном.

— Вы собрались на прогулку, Фирниор? Тогда давайте после подъёмного моста наперегонки до реки! — Магесса удобства ради сбросила иллюзию с одежды, вернувшись к привычным лёгким рубашке и штанам.

— Хорошо, мэора! — глаза юноши загорелись азартом.

Они мчались сначала по дороге, вздымая клубы пыли, примерно с полмили — мимо полей пшеницы и ржи, потом ещё немного до зелёных кустов на берегу, через скошенный во второй раз луг. Река была всё та же, Мельничная, плавно извивавшаяся вокруг Кайдараха. От реки к замку тянулся канал, питавший крепостной ров. Наверняка тоже гномы ещё в стародавние времена делали: копали вручную, потом укрепляли заклинаниями — чтобы не мелел, не заиливался, не «цвела» в нём вода.

Пришли к кустам почти голова в голову, вороной отстал на пару ладоней. Иллюзию с Шоко магесса не снимала, иначе нечестно, какой смысл соревноваться. Шоко никакой скакун не догонит, но когда он был в облике савраски, то из-за магических и физических законов был вынужден подстраиваться под «иллюзорные» короткие, толстые ноги, снижавшие его скорость.

Давая разгорячённым коням остыть, они немного поехали по берегу шагом, со смехом обсуждая скачку, потом спешили, устроившись в тени густых кустов. Айриэ, как всегда, отпустила Шоко бродить на свободе, только заткнула поводья за седло, чтобы не болтались. Конь тут же потянулся к воде, рядом пристроился вороной, привязанный хозяином к кустам. Взгляд магессы зацепился за грустные розы, торчащие из седельной сумки, и Айриэ решила дать им шанс. Щедро окунув букет в воду, она положила его на траву рядом с собой.

Айриэ с Фирниором разлеглись в тени на травке, отдыхая. Магесса лениво полюбопытствовала:

— Фирниор, почему вы не стали предлагать мне фору?

— Мэора Айнур, я сначала хотел, но... Пусть ваш конь выглядит заведомо хуже моего, и любому другому в подобной ситуации я бы, разумеется, дал фору — зачем мне нечестная победа? — пожал он плечами. — Но мне показалось, что вы знали что делали, когда выбирали себе лошадь. Если вы ездите на этом саврасом, значит, у вас есть на то основания. Дело не в бедности и не в отсутствии вкуса, как подумал было Орминд. И ведь я оказался прав!

Он лукаво улыбнулся и перекатился на живот, подперев щеки кулаками.

— Вам не откажешь в разумности, — усмехнулась магесса. — Ну, а теперь расскажите мне что-нибудь интересное — например, об обитателях замка. Какие они?

— Файханасы — древний род, влиятельный и могущественный, но это вы наверняка знаете. Мой двоюродный дядюшка был дружен с отцом нынешнего короля и едва не стал регентом после его смерти, но большинство членов Королевского Совета решили, что шестнадцать лет — возраст достаточный для того, чтобы надеть корону и нести полную ответственность за королевство. Однако его величество Кайнир сделал герцога своим ближайшим советником и, как говорят, дядюшка заменил королю умершего отца. Я был тогда слишком мал, чтобы это хорошо помнить, а потом мы стали реже бывать в столице и чаще жили в Файханасе. Но я помню, как его величество запросто заезжал в гости в наш городской особняк в Юнгире, да и в Файханас-Маноре, случалось, гостил. — Фирниор подумал и добавил: — Мэор Рольнир кажется строгим и даже суровым, но он всегда справедлив. Он умеет приказывать, а его люди очень ему преданы. Поэтому он сейчас так расстроен тем, что происходит — ведь его светлость обещал защиту всем, кто живёт на его земле и платит ему налоги.

— А его наследник? — любопытствовала Айриэ. — Язвительный и не слишком любезный молодой человек, как мне представляется.

— Что язвительный, так это точно, — рассмеялся Фирниор. — У Орминда злой и колючий язык, но на самом деле он лучше, чем кажется. Просто он сегодня раздражён из-за ссылки на конюшню, он не слишком любит чистить стойла и ухаживать за лошадьми.

— А что, часто приходится?

— Да когда как. В общем, мы — я, Орминд, раньше ещё и Койдир — иногда развлекаемся чисткой конюшен, если его светлость бывает чем-то недоволен, — смущённо признался он. — Койдир — это другой мой кузен, сын дядюшки Синтиона, ему двадцать пять. Они с дядюшкой оба отсутствуют, занимаются делами имения, за которое отвечают. Вообще у нас никто не живёт в праздности: женщины ведут замковое хозяйство, мужчины заняты делами герцогства. Его светлость, как он говорит, не терпит бездельников.

— Весьма разумный подход, — заметила Айриэ. — А ваша остальная родня?

Он послушно принялся рассказывать, давая краткую характеристику каждому члену семейства и иногда добродушно иронизируя в адрес родственников.

Дядюшку Эстора полностью удовлетворяет роль правой руки его светлости: прав почти столько же, а обязанностей и головной боли не в пример меньше. К герцогскому титулу младший брат не стремился и никогда не давал повода заподозрить себя в зависти. С его светлостью Эстор, бывает, спорит и даже ругается, но, можно, сказать, по-дружески — не по злобе.

Тётушка Альдарра — преданная супруга и отменная хозяйка; до женитьбы Орминда замковое хозяйство ведёт она, и ждёт не дожждётся, когда можно будет передать бразды правления молодой хозяйке. Правда, Орминд пока что о женитьбе думать не желает, но если его светлость решит, то кто станет спрашивать кузена? Женится и будет преданным супругом.

Кузина Юминна — девушка неплохая, хотя порой излишне насмешливая. Сейчас она немного дует на родителей: на Большом Летнем Балу должны были объявить о её помолвке с представителем семейства Сэйбаонов, однако в последний момент обе стороны решили повременить с этим до зимы. Кстати, т-с-с, мэора, это секрет, но вы Юминну немного раздражаете. Девушка сама желала бы обладать вашими смелостью и независимостью, однако опасается прослыть неженственной и вынуждена изображать паиньку. И вашим брючкам она отчаянно завидует, ведь девушкам из хороших семей позволено носить брюки только при прогулке верхом или в путешествиях, но никак не за обедом. Юминна интересуется магией и всякими зачарованными предметами, так что порой даже снисходит до бесед с мэором Мирниасом. Не смотрите так насмешливо, беседы весьма благопристойные и всегда в присутствии компаньонки кузины.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дядюшка Синтион и Койдир много времени проводят в разъездах по всему герцогству, представляя интересы его светлости. Оба не любят долго жить на одном месте, тем более в древнем Файханас-Маноре, который они за глаза именуют фамильным склепом.

— А вы и ваши родители? Расскажите мне семейные тайны? — чуть поддразнивая, улыбнулась Айриэ.

Вот как раз о семейных тайнах он рассказывать не станет, усмехнулся он про себя. Даже ей.

Айнура будоражила воображение и дразнила пряным, чуточку резковатым и невероятно

притягательным ароматом загадочности. С такими женщинами Фирио ещё не сталкивался. Магессам позволялось многое — точнее, а кто бы им мог запретить вести себя так, как хочется? Независимость суждений, гордый нрав, смелость и решительность, право быть самими собой, а не наряженными по чьему-то вкусу куколками дорогого стоили. Наверное.

Айнура могла отпугнуть своей резкостью и неженственностью, но стократ сильнее Фирио притягивали её необычность, экзотичность даже, и нечто ещё, скрытое глубоко внутри её существа. Неуловимая загадка — как бабочка, чуть мазнувшая крылышками по раскрытой ладони и ускользнувшая раньше, чем он собрался её поймать. Только лёгкая пыльца на коже осталась — пыльца, незаметно отравившая его желанием извлечь тайну на яркий солнечный свет. Хотя подспудно он понимал, что не ко всем тайнам следует приближаться, от иных лучше держаться на безопасном расстоянии, иначе бабочкой рискуешь стать ты сам. Мотыльком пустоголовым, вьющимся над свечой.

Фирниору, быть может, хватило бы силы воли держаться подальше от этой яркой, независимой личности, пока он не успел отведать ядовитой радости общения с ней. Однако существовала просьба его светлости — для него равносильная приказу: «Будь рядом с нашей гостьей, если сможешь, но никогда не навязывайся». Интересы рода требовали присмотра за опасным противником, каковым являлась магесса. Нет, Фирио не обольщался касаясь своих способностей — шпионить он не умел, да и не стал бы, но герцог ничего не делал зря. Возможно, его светлость решил, что Фирниор просто сумеет отвлечь магессу от того, что ей видеть не полагается, или же планировал нечто иное. В любом случае, Фирио надлежало сделать то, о чём его просили.

Магесса расспрашивала об обитателях замка, Фирио отвечал, стараясь непринуждённой болтовнёй развлечь собеседницу и при этом не сказать ничего, что могло бы нанести ущерб роду. А вот услышав вопрос о себе, он медлил, едва ли не впервые почувствовав желание рассказать всё как есть. Видимо, правду говорят, что постороннему человеку довериться легче, а носить всё в себе не так уж легко. Может быть, не будет вреда, если он поведаёт кое-что о крайне неудачном браке виконта Ниараса...

Без малого девятнадцать лет назад юный беззаботный красавчик Нэрбис Ниарас гостил у одного из своих друзей в герцогстве Сэйбаон. Кончался последний месяц осени, с неба периодически сыпался мокрый снег вперемешку с дождём. Когда Нэрбис отправился на верховую прогулку по окрестностям, его конь угодил ногой в какую-то яму, замётённую снегом, и упал. К счастью, любимый конь виконта не пострадал, чего не скажешь о его хозяине: тот успел спрыгнуть, но так неудачно, что повредил ногу. Виконта сопровождал лишь один слуга, а места были безлюдные: берег моря, скалы, заснеженные песчаные дюны и вересковые пустоши. Ближайшим местом, где виконту могли оказать помощь, было небольшое поместье рингира Биорса, куда виконт добрался с помощью слуги.

Целителя-мага в тех диких местах не имелось, а привезённые из ближайшего храма Лунные сёстры облегчили боль в распухшей ноге виконта и предписали ему полный покой в течение полдекады. О том, чтобы перевезти его хотя бы в дом друга, не могло быть и речи: слабенькое «лунное» заклинание могло развеяться и нанести ноге ещё больший вред. Виконту, не привыкшему к жизни в глуши, оставалось лишь тихо беситься от скуки и с тоской вспоминать о тех благословенных временах, когда маги умели делать исцеляющие амулеты, так называемые «лечилки». В позапрошлом веке случилось что-то такое (виконт не был силён в истории), что маги именовали «билтинским феноменом», из-за которого в Акротосе перестали нормально работать боевые и исцеляющие амулеты. Зато, словно бы в

качестве компенсации, начали рождаться сильные маги — и целители, и боевые.

Хозяин поместья, рингир Ойдир Биорс, радушно пригласил виконта оставаться столько, сколько ему будет угодно. Поместье было небольшим, но богатым. Отец старого рингира был морским капитаном на гномьем океанском корабле — из тех, что ходили на соседний материк Стайфарр за тамошними экзотическими товарами. Капитан Биорс успешно заботился о гномьих интересах, не забывая, впрочем, и о своих собственных. И в своё время сумел так порадовать юнгиродского короля шоколадом, кофе, паутинным шёлком и разными экзотами от серпентесов, что получил сначала личное дворянство, а после и право передать его потомкам. Его сын Ойдир с морем не ладил, предпочтя прожить спокойную и обеспеченную жизнь в своём уютном поместье. Ойдир сделал довольно удачные вложения в океанскую торговлю, что гарантировало пусть небольшую, зато стабильную выгоду: гномьи предприятия никогда не прогорали. Разумеется, Ойдир сумел бы многократно увеличить унаследованное состояние, если бы лично плавал за океан, однако странствия были ему решительно не по вкусу. Его сын пошёл в деда, и сейчас отправился в своё третье плавание на Стайфарр в качестве второго помощника капитана. Со старым Ойдиром оставались жена и семнадцатилетняя дочь Сэнфия.

Итак, виконт отчаянно скучал, хозяева всячески старались развлечь страдальца беседами и даже музицированием. Очевидно, от скуки всё и случилось: проведя в обществе юной Сэнфии несколько восхитительных часов, Нэрбис вообразил, что влюблён. Ему едва сравнялось двадцать, он был пылок, решителен и привык получать всё, что пожелает. К несчастью, девица была слишком добродетельна, и единственным способом получить желаемое оказался брак. Виконт к тому времени дошёл до такой стадии влюблённости, когда ему казалось, что сия любовь обречена быть вечной и что он решительно не может вообразить себе дальнейшей жизни без тихой, нежной, золотоволосой девушки с ласковыми серыми глазами.

Вторым несчастливym обстоятельством было то, что рядом с виконтом не оказалось умудрённых опытом советчиков, которые отговорили бы его от столь опрометчивого шага, как женитьба на девице не своего круга. Родители виконта уже скончались, а герцог наслаждался собственным семейным счастьем и не вмешивался в дела кузенов. Узнав о скоропалительной женитьбе Нэрбиса, его светлость ограничился письмом, в котором сдержанно высказал своё неодобрение, но и только. Всё равно поделаться ничего уже было нельзя.

Родители Сэнфии, надо сказать, тоже не слишком одобряли этот брак, несмотря на титул и высокое положение жениха. Однако они видели, что их дочь полюбила Нэрбиса, и это обстоятельство оказалось для них решающим. Через декаду после знакомства брак виконта Ниараса и Сэнфии Биорс был зарегистрирован мэром ближайшего городка: ждать долее Нэрбис не соглашался.

Родители давали за Сэнфией солидное приданое, вдобавок она получила неплохое воспитание, была нежна, послушна и ласкова, к тому же проявила редкостную твёрдость в вопросах добродетели, что и позволило молодому человеку считать, что девушка станет превосходной супругой для него. Увы, влюблённый виконт по молодости лет не учитывал такую мелочь, как весьма сомнительное происхождение Сэнфии, а следовало бы. То, что позволено простому рингиру, ну на крайний случай барону, никак не приличествует виконту, представителю древнего рода и кузену одного из знатнейших людей Юнгира. Женитьба на внучке простолюдина, какого-то морского капитана и торговца!.. Вышнее

общество сей брак единодушно осудило, но, впрочем, возложило вину отнюдь не на кузена герцога Файханаса, а на провинциальную ловкачку, обманом окрутившую наивного влюблённого юношу.

Новоиспечённая виконтесса Ниарас встретила весьма холодный приём при дворе, когда виконт, как полагалось, представил свою супругу его величеству. Да и сама Сэнфия ужаснулась, поняв, сколь огромная пропасть пролегает между ней и теми, кто считался ровней её супруга. Прямодушие, искренность высказываний считались глубоко провинциальными и вменялись ей в вину. Общество было безжалостно и не прощало ни единого промаха юной виконтессы, будь то неумение разбираться в веяниях моды, незнание стихов любимого придворного поэта или непонимание двойного, а то и тройного смысла «засахаренных гадостей», высказанных нарочито участливым тоном.

Сэнфия боялась шагу ступить без своего мужа, чтобы не наделать новых промахов, а юношу это поначалу весьма умиляло. К сожалению, недолго. Ибо он-то прекрасно понимал все завуалированные намёки, получил немало показного сочувствия и наслушался рассказов про сделанные его супругой ошибки. Вдобавок старый король, весьма недовольный этим браком, потерял терпение и ясно дал понять виконту, что «внучке простолюдина» при его дворе не место. Самому виконту также было настоятельно рекомендовано не показываться в столице в ближайшие несколько месяцев и оставаться в своём имении Мэй-Ниарас. Опала явилась для молодого человека настоящей катастрофой: кончается зима и приближаются весёлые новогодние праздники, а он вынужден будет сидеть в глуши, вместо того чтобы блистать на столичных балах!.. И всё из-за этой... добродетельной супруги!

Виконт был, мягко говоря, взбешён. Глухое раздражение поднималось в нём всякий раз при взгляде на несчастную супругу, чей образ в его глазах уже значительно потускнел. Игрушка начала приедаться. Последней каплей стало известие о беременности Сэнфии и о запрете посещать супружескую постель. Виконт отправился искать утешения в объятиях провинциальных вдовушек и нимало не озаботился тем, чтобы скрыть свои похождения от жены. Мнение Сэнфии его отныне не интересовало. Нэрбис постарался забыть о наличии у него законной супруги. Пусть сидит в имении, занимается хозяйством, вышивает, да что угодно, лишь бы пореже показывалась на глаза. В общем, мимолётное увлечение виконта прошло, но заплатить ему пришлось слишком дорого, причём он искренне считал себя единственным пострадавшим.

О чувствах бедной Сэнфии никто не думал. Юная женщина, которую «доброжелатели», тайно злорадствуя, просветили насчёт походов мужа, молча проливая слёзы в одиночестве, оплакивая свой неудавшийся брак. Она-то любила по-настоящему, в отличие от легкомысленного мальчишки, только игравшего в любовь. Впрочем, Сэнфия надеялась, что после рождения ребёнка муж отгадет и простит её мнимые прегрешения, особенно если она родит сына. Откуда же бедняжке было знать, что виконт готов был молить Лунных богинь о том, чтобы родилась дочь. Ибо в таком случае он, проживая отдельно от супруги, через пять лет мог тихо и благопристойно развестись, мотивируя это тем, что ему необходим наследник. Закон в таких случаях был на стороне мужчины. Девчонку он бы охотно отдал матери, по крайней мере, до тех пор, пока ей не исполнится шестнадцать. А после можно было бы подумать о замужестве дочери и заключить с кем-нибудь выгодный союз. Проклятье, ну зачем, зачем ему вообще пришло в голову перед свадьбой избавиться от противозачаточного заклинания?.. Надо же было так поглупеть от любви!..

Прошло несколько месяцев, и в конце весны герцог сообщил своему непутёвому кузену,

что ему разрешено вернуться ко двору, ибо король наконец смягчился. При условии, что «виконтесса-простолюдника» никогда не появится во дворце. Это как нельзя более устраивало Нэрбиса, и он умчался в Юнбир, оставив беременную супругу в родовом имении. Он весело отпраздновал Начало Лета и провёл следующие три месяца в гостях сначала в Файханас-Маноре, потом у нескольких друзей. Отметив, по традиции, Праздник Начала Осени в сельской местности, к началу нового светского сезона виконт вернулся в столицу, как и большинство дворян. Там его и застало известие о том, что в седьмой день осени виконтесса Ниарас родила сына.

Робко надеясь на примирение с мужем, Сэнфия написала ему ласковое письмо. Гордая тем, что родила мужу наследника, она предлагала назвать сына Фирниором, выкопав это имя в одной из древних хроник прервавшегося рода графов Мэй-Ниарас, от которого и пошли нынешние виконты.

Разочарование, обрушившееся на виконта, было слишком велико. Он-то уже успел убедить себя в том, что для него всё обойдётся благополучно, а теперь развод был возможен разве что в том случае, если виконтесса запятнает себя супружеской изменой. Ага, как же, дождёшься от неё такого подарка... Махнув рукой на свою загубленную судьбинушку, виконт с головой окунулся в развлечения, тем более что на его-то измены общество охотно закрывало глаза.

Ответил он на письмо супруги весьма нелюбезно, впрочем, послав ей какую-то дорогую побрякушку в подарок, ибо того требовали традиции. Имя сына его не слишком волновало, пусть будет, как предлагает Сэнфия, а появился виконт в Мэй-Ниарасе лишь следующим летом. К тому времени юная виконтесса уже поняла, что любовь мужа ей не вернуть. Да и как вернуть то, что и вовсе никогда не существовало? Внешне она смирилась со своим положением, опасаясь сделать хуже сыну, которого отец и так недолюбливал. Однажды просветил супругу, за что именно: ведь это Фирниору, с его нечистой кровью, предстояло стать наследником титула. Виконт к тому времени уже успел стать изрядным снобом, переняв взгляды его величества.

Фирио никогда не помнил свою мать весёлой или просто искренне улыбающейся. Бледные, бескровные губы с печально опущенными уголками, потухшие серые глаза, строгое тёмное платье — почти вдовий наряд, своеобразная месть охладевшему к ней супругу. Увы, того наряды опостылевшей жены не заботили вовсе: вдвоём они никуда не выезжали, званых ужинов не устраивали, так что пусть носит хоть мешковину, ему-то какое дело. Деньги у неё имелись: исправно выплачиваемое содержание и собственное приданое, до которого виконт и пальцем не дотронулся.

С Фирио мать была ласкова, проводила с ним много времени, рассказывала сказки об океанских чудовищах, злобных воинственных серпентесах и отважных морских капитанах. Когда мальчик немного подрос, вместо сказок появились истории из жизни. Мать, будто чувствуя, что ей недолго осталось, подробно и не единожды рассказывала о знакомстве с виконтом и своём скоропалительном замужестве, хоть эти рассказы были не слишком-то понятны мальчику. Это потом он, вспоминая, понял гораздо больше того, что Сэнфия Ниарас хотела сказать. Мать была откровенно несчастна; она, кажется, устала от жизни и тихо угасала, хотя тогда он, разумеется, был слишком мал, чтобы это понять. Она умерла, когда Фирио было девять. Простудилась во время очередной своей долгой прогулки в слякоть и дождь и запустила простуду; с пренебрежением отнеслась к непрекращающемуся кашлю, отказавшись вызвать целителя. Когда спохватились, было уже поздно, воспаление

лёгких быстро свело её в могилу. Она не хотела жить.

Отец никогда его не любил, это мальчик понимал с самого раннего детства, но упрямо тянулся к нему, надеясь хоть чем-то привлечь его внимание, вызвать одобрение — да просто улыбку, в конце-то концов! Увы, Фирио доставалось лишь безразличие, чаще всего смешанное с брезгливостью. Сын напоминал виконту о совершённой в юности ошибке, и ни робкие улыбки мальчика, ни его успехи в учёбе или фехтовании, не могли смягчить Нэрбиса. Его ужасало, что следующим виконтом Ниарас станет этот... правнук простолюдина, сын нежеланной женщины, заманившей его в ловушку неравного брака. Да-да, со временем виконт охотно снял с себя большую часть вины, переложив её, как нетрудно догадаться, на супругу, завлëкшую его в свои сети ласковыми телячьими взорами и дурацкой добродетелью. Что ей стоило уступить и отдаться ему, они бы мило провели время вместе и разошлись бы, как только всё наскучило. Подумаешь, за девственность она свою держалась, как будто эта самая девственность хоть что-нибудь стоит. Да, поначалу его эта старомодная, провинциальная скромность нравов умиляла, но надо же меру знать!..

В память Фирио врезался один случай. Был день похорон матери — бесконечный, холодный, серый и словно тоже заплаканный: с неба сыпался подмокший снег и таял на щеках, помогая прятать слёзы. Мальчик уже тогда ненавидел плакать на людях, и только порой, забившись куда-нибудь в уголок, позволял себе проявлять слабость. Вечером Фирио бродил как потерянный по опустевшему дому, и его как магнитом тянуло в столовую, где расположился отец. Мальчик понимал, что ему вряд ли обрадуются, но где-то в глубине души смутно надеялся найти у отца участие и поддержку.

Фирио хотел проскользнуть в столовую незамеченным, но у него не вышло. Отец в одиночестве сидел за столом, перед ним стоял кубок и кувшин с вином. В столовой был полумрак, и тени дрожали на стенах: комната освещалась единственным подсвечником с несколькими свечами, магические светильники не горели. Виконт поднял голову и сказал невыразительно:

— А, это ты. Возьми себе кубок и иди сюда, раз явился.

Ослушаться Фирниор не посмел. Подойдя к столику в углу, взял серебряный кубок, как у отца, потому что его маленького кубка, в который ему наливали несколько глотков лёгкого вина за ужином, не было. Виконт наполнил кубок до краёв и велел:

— Сядь и выпей. За твою мать!

Фирниор молча глотнул терпкого тёмно-красного вина и во все глаза уставился на отца. Тот не был пьян, умея во хмелю сохранять ясную голову, но вино развязало ему язык.

— Покойная виконтесса Сэнфия Ниарас... как звучит, а! — медленно протянул виконт, будто смакуя каждое слово. — Своей смертью твоя матушка оказала мне большую услугу.

Его глаза блестели в полумраке; нос с благородной горбинкой как никогда напоминал клюв хищной птицы.

— Верная супруга, преданная мать... мир её праху! — Прозвучало это как издёвка.

Фирио смущённо молчал, только изредка смачивал губы вином.

— Да-а, сегодня у меня праздник. Удивляешься? — искоса глянул на мальчика Нэрбис. — Так говорить не принято? Ничего, кто меня здесь услышит? Ты не в счёт, кому ты нужен... А я десять лет ждал свободы. Что твоей матери стоило завести себе любовника, а? Я бы с чистой совестью развёлся и вернул её родителям, вместе с приданым. Так нет же, эта ходячая добродетель предпочла возвышенно страдать...

Фирио молча уткнулся взглядом в кубок с вином; в эту минуту он ненавидел отца за

злые, несправедливые слова.

— Ну-ка, посмотри на меня! — приказал виконт, и мальчик нехотя подчинился. — Что волчком смотришь? Не нравится правду слышать? Ты слушай, тебе полезно. Я хочу, чтобы ты не питал никаких иллюзий. Твоя мать имела слишком низкое происхождение, чтобы быть достойной супругой одного из рода Файханасов, а ты — её сын. И мой, к моему величайшему несчастью. И почему только ты не родился девчонкой?..

Пальцы Фирио до дрожи стискивали кубок; губы тоже тряслись и, чтобы скрыть это, он сделал несколько поспешных глотков и раскашлялся, размазывая по лицу выступившие на ресницах слёзы. Виконт хмыкнул и, осушив свой кубок, заново наполнил его.

— Твоё происхождение позорит наш славный род. Моя юношеская глупость грозит обернуться бедой. Разве сможет такой, как ты, с честью носить столь славное имя? Ты ведь на Файханасов и не похож почти, весь в свою матушку уродился. Я с ужасом жду, что ты вот-вот откроешь в себе склонность к торговле, — едко заметил отец. — А дворяне не должны торговать, они должны служить королю и проливать свою кровь за королевство, если это потребуется. Но ты вряд ли на это способен... И вряд ли ты сделаешь мне такой же подарок, как твоя мать, и благопристойно скончаешься от какой-нибудь хвори.

Фирниор чувствовал, что ещё минута, и он позорно разревётся. В носу невыносимо щипало, злые слёзы жгли глаза, но пока он удерживал их, не давая пролиться. В отчаянии он опять припал к кубку и осушил до дна. В голове уже шумело, лицо отца то отдалялось, то приближалось, а тени на стенах устроили какую-то дикую пляску. Пришлось зажмуриться, а потом он, кажется, даже ненадолго провалился в сон — мутный и тяжёлый. Мальчик не мог открыть глаза — они тут же закрывались обратно, но услышал, как виконт позвал своего камердинера и приказал невозмутимо:

— Отнеси щенка в его комнату. Дай ему молока и проследи, чтобы выпил.

Фирио помнил, что его чуть не вытошнило, а потом он через силу глотал молоко и его не оставляли в покое, пока чашка не опустела. Комната кружилась, а постель под ним медленно покачивалась. Потом он уснул, а наутро у него даже голова не болела. Зато ныло где-то глубоко внутри, как только на память приходили жестокие и холодные слова отца. С тех пор он понял, что, пожалуй, может считать себя круглым сиротой.

А месяц спустя после смерти Сэнфии Ниарас пришло письмо от герцога, в котором он настоятельно приглашал кузена пожить в Файханас-Маноре. Потеряв супругу, герцог постепенно собирал в родовом гнезде всех членов семейства — очевидно, чтобы заполнить гулкую пустоту в замке и в собственной душе. Избавившись от неудобной жены, виконт Ниарас теперь тоже мог с полным правом вернуться в лоно семьи.

Фирниор не хотел ехать в Файханас-Манор и боялся этого, хотя из гордости старательно скрывал свой страх. Он был уверен, что ничего хорошего его там не ждёт. Если уж собственный отец хотел бы, чтобы он умер, то чего было ждать от грозного герцога?

Однако же его светлость встретил мальчика если не слишком радушно, то вполне спокойно и уж точно без поправок в низком происхождении. Об этом ни герцог, ни кузен Орминд впоследствии вообще ни разу не упомянули. А тогда, при первой встрече, герцог задал несколько вопросов, Фирио что-то отвечал, от волнения даже не запомнив, о чём его спрашивали. Потом мальчика отпустили, и он вышел, побоявшись слишком громко хлопнуть дверью. Из-за этого она осталась неплотно прикрытой, и до Фирио неожиданно донеслись голоса из кабинета герцога. Из любопытства он решился послушать, о чём говорят его светлость и виконт, раз уж подвернулась счастливая случайность.

Голос герцога сказал:

— Признаться, я опасался худшего. Но это неплохой материал, из которого можно вылепить что-то вполне достойное. Ещё не поздно взяться.

— Оптимист, — проворчал отец.

— А ты недалёковиден, Нэрбис. Зачем своими руками делать врага из собственного сына? Оттолкнуть его от себя легко, а ты попробуй сначала приручи, чтобы пользу роду приносил.

— Тебе легко говорить, Рольнир, это же не твой наследник, — ядовито заметил виконт. — Тебе он нужен, вот ты его и приручай.

Ответа герцога Фирио так и не услышал: позади него раздалось весьма неодобрительное покашливание и, испуганно повернувшись, мальчик обнаружил герцогского камердинера, строго и укоризненно смотревшего на него. Залившись краской до корней волос, Фирио последовал за камердинером в комнату, где ему отныне предстояло жить.

С кузеном Фирио познакомился в тот же день. Когда в его комнату без стука ворвался тоненький, высокий русоволосый мальчик и улыбнулся шальной, чуточку капризной улыбкой, сказав: «Ну здравствуй, я твой кузен Орминд», — Фирио понял, что обрёл своего кумира. Орминду было уже целых тринадцать лет, он был сильный, ловкий, смелый и дерзкий. К маленькому, обожающему его Фирио кузен относился с редкостной снисходительностью, позволяя собой восхищаться. Правда, порой кузен довольно зло высмеивал мальчика или безжалостно наставлял ему синяков деревянным мечом в учебном поединке, но Фирио никогда не обижался на него всерьёз. Даже если Орминд подбивал наивного мальчишку на рискованные шалости, сам ловко оставаясь в стороне. К тому же герцог был достаточно проницателен, чтобы понять, кто является тайным инициатором совершённых безобразий. Так что если Фирио ссылали на конюшни на пару дней, Орминду назначали четырёхдневное воспитание трудом. И ещё его светлость при этом непременно устраивал сыну разнос.

— Никогда нельзя делать врагов из своих собственных людей просто из глупого мальчишеского каприза, — втолковывал герцог насупленному наследнику, стоявшему перед ним навтыяжку. — Своих людей нужно беречь и ценить, тогда они пойдут за тобой в огонь и в воду. А Фирниор — твоя родня, он из твоего рода, хочешь ты этого или нет. Вам всю жизнь предстоит прожить бок о бок, он должен быть твоим союзником, а не врагом. Плодить врагов в собственном окружении глупо и недалёковидно, Орминд! Срывай своё дурное настроение на фехтовальных манекенах и не веди себя как сопливый мальчишка, пора уже вырасти! Ты — будущий герцог, ты должен уметь смотреть на много лет вперёд и просчитывать свои действия на несколько ходов, а не потакать собственным детским капризам!

Помогли отцовские внушения либо же Орминд действительно повзрослел, но зло задирать слабого младшего кузена он почти перестал. А на язвительные замечания Фирио быстро научился не обращать внимания, он же знал, что Орминд это не со зла, просто у него характер такой.

Прочие обитатели замка приняли нового члена семьи с царственной невозмутимостью. Если его светлость решил, так тому и быть. Особенной любви к мальчику никто не питал, но безразличности и презрения, как от отца, Фирниор по отношению к себе не видел, и ему этого хватало.

Не прошло и полугодя, как его отец снова женился, и на сей раз жена имела

подобающее происхождение. Графская дочь Эльдия Кальфарас охотно согласилась стать супругой виконта, несмотря на более низкий, чем у её отца, титул: положение герцогского кузена с лихвой всё искупало, в том числе и наличие сына от первого брака. Мэора Эльдия вскоре подарила супругу двоих сыновей, которым сейчас было семь и пять лет. Фирио чувствовал себя рядом с ними лишним и старался пореже попадаться на глаза отцу и мачехе, тем более что поселили его в другом крыле замка.

Фирио никогда не позволял себе всерьёз задумываться, было ли человеческое отношение к нему двоюродного дядюшки следствием плана по «приручению» или же нет. Юноша просто знал, что, если потребуется, для герцога и кузена Орминда он готов пойти на любые жертвы.

Далеко не сразу Фирниор осознал, что рассказал Айнуре гораздо больше того, что намеревался. Поняв, почувствовал острую досаду и скомкано окончил рассказ. Он давно уже сидел, обхватив руками колени, и упорно не поднимал глаз: на траву смотреть безопаснее, она тебя ответным взглядом не одарит и жалости не выкажет. Больше всего Фирио сейчас опасался, пожалуй, именно жалости, будто он нарочно плакался тут как сопливый мальчишка, чтобы его сочувственно погладили по головке и дали конфетку.

Магесса сидела рядом в такой же позе, как он, и молчала. Через какое-то время поднялась, подозвала своего чудного коня и порылась в седельной сумке — Фирио наблюдал за ней краем глаза. Вернувшись, плюхнулась опять на траву и сделала несколько глотков из фляги.

— Сидру холодного хотите? — спросила буднично.

Фирио кивнул и рискнул поднять глаза, принимая флягу. От желудка куда-то вниз ухнул холодный комок, щекотнув тревогой и растворяясь в мгновенно нахлынувшей радости: в ореховых глазах магессы было **понимание**. Не жалость и не равнодушие.

— Выходит, вам почти восемнадцать, Фирниор? — спокойно спросила Айнура. — Я думала, больше.

— Говорят, я выгляжу немного старше своих лет, — пожал он плечами. — Моё совершеннолетие — в седьмой день осени. Его светлость обещал устроить праздник, а потом мы вернёмся в столицу.

Охлаждённый закливанием сидр приятно пощипывал язык и нёбо. Вернув флягу владелице, юноша сидел рядом и молчал, а магесса улеглась, откинувшись на траву, и тоже, кажется, не испытывала потребности в болтовне.

Где-то на том берегу, скрытые зеленью деревьев, назойливо верещали птенцы-подростки — не то требуя еды от замотанных родителей, не то просто затеяв ссору. Ветерок изредка легонько теребил ветви ив, заставляя их издавать тихие вздохи. Было жарко, спокойно и безлюдно, пока на дороге не показался всадник, чей конь передвигался ленивой рысцей. Всадник заметил их лошадей и направился напрямиком к кустам, где укрылись от зноя Фирио и магесса. Та приподнялась на локте, всматриваясь в силуэт всадника.

— А, это Тианор, — зевнула она и томно, грациозно потянулась.

А Фирио почему-то ощутил сожаление, что сюда явился кто-то ещё, хотя, в общем-то, ничего не имел против полуэльфа, с которым был едва знаком.

— Айнура, а я тебя искал! — весело заявил менестрель, спешиваясь и наматывая поводья своего гнедого на ивовый ствол. Отвесил лёгкий поклон сыну виконта: — Моё почтение, мэор Фирниор.

Юноша ответил на приветствие, а Айриэ заметила:

— Теперь нашёл. И?

— А я-то питал робкую надежду, что ты мне обрадуешься, — проворковал менестрель ей на ушко, присев рядом и обняв её за плечи. — Я вот по тебе скучал, любовь моя... Кстати, тебе очень идёт новая причёска, ты стала ещё очаровательнее!

— Да мне вроде некогда было скучать, — невинно хлопая ресницами, ответила магесса. — Я чудесно провела время в Файханас-Маноре.

Скосив глаза, заметила, что Фирниор чуть прикусил губу и отвернулся, чтобы не мешать им ворковать. Почему-то юноша выглядел очень сердитым.

— О да, я вижу, Айнура, ты времени зря не теряла, — беззлобно рассмеялся менестрель, кивая на валявшийся в траве букет роз. — Обзавелась тайным поклонником? Миленькие цветочки. Но, надеюсь, ты помнишь, что я был в этом деле первопроходцем? Интересно, и почему именно этот сорт пользуется такой популярностью у кавалеров?

— Вот себя первого и спрашивай, — насмешливо посоветовала магесса. — Мне-то откуда знать? Я принимающая сторона... О, Фирниор, вы уже уезжаете?

— Да, мэора, мне пора, — кивнул юноша, избегая её взгляда. Отвязал своего вороного и влетел в седло, сухо пожелав на прощание: — Желаю приятно провести время!

— Тин, ты зачем мне мальчика спугнул? — Магесса проводила его взглядом, подавила очередной зевок и недовольно уставилась на менестреля.

— А зачем он возле тебя крутится? — вопросом на вопрос ответил любовник.

— Вообще-то мне решать, кто возле меня будет... крутиться, — заметила Айриэ.

— Так и знал, что ты это скажешь, — насупился менестрель и тряхнул своей кудрявой гривой. — А ревновать я что же, не могу, по-твоему?

— Не смейся! — фыркнула магесса. — Своих предыдущих пятьсот подружек ты тоже ревновал?

— Почему это пятьсот? — недовольно засопел Тианориннир.

— Названная мной цифра — это оскорбительно мало или оскорбительно много?

— Да откуда же мне знать, сколько их было? Я не считал!!! Но ревновал, да. Немножко и самых-самых особенных, — расплылся в плутовской улыбке менестрель.

— Тин, тебе сколько лет? — задумчиво спросила магесса. — Я вижу, что не двадцать пять, но всё-таки?

— Тридцать семь.

— А мне — лет эдак на сто двадцать побольше, — сказала абсолютную правду магесса, насмешливо вздёрнув бровь.

— Ха, уж не думаешь ли ты меня напугать? — рассмеялся Тианор. — Я же полуэльф, что мне твой возраст? Я и сам лет триста проживу, не старея. Так и помру молодым и красивым!

Он шутливо вздохнул и придвинулся ближе, накрыв губы Айриэ своими. Она позволила его шаловливому язычку немного поиграть с её собственным, потом решительно отстранила своего кудрявенького барашка:

— Не увлекайся, Тин. На кровати в номере гораздо комфортнее.

— Где твоя романтичность?.. — ещё более тяжко вздохнул менестрель, но послушно отодвинулся.

— Отродясь не имелось.

— Я это подозревал, — тихонько проворчал Тианориннир.

Два следующих дня прошли спокойно, лениво и расслабленно. По-прежнему было знойно и пыльно, и желание поиграть в ищейку растаяло, как кусок масла под горячим летним солнцем. Двигаться было лень, разве что до реки и обратно — искупаться и поваляться в тени старых плакучих ив.

Гриллод порой заказывал в столице разные деликатесы для богатых постояльцев, и поскольку припасы в зачарованных холодильных шкафах могли храниться довольно долго, то рано или поздно кому-нибудь сии лакомства пригодились. Гриллод в том числе заказал несколько сортов лучшего мороженого, ещё в начале лета, но спросом оно не пользовалось: у Файханасов имелись свои поставщики, для крестьян это было чересчур дорогое баловство, а солидные купцы, главные клиенты Гриллода, сладостями не увлекались. Мороженое всего-то раз и подавалось к столу для двух юных мэори, вместе с родителями бывшими проездом в Кайдарахе. Почти отчаявшийся скормить кому-нибудь холодное лакомство Гриллод предложил его магессе и неожиданно для себя встретил горячее одобрение. Хозяин постоянного двора, признаться, в глубине души питал опасение, что из него самого сосульку сделают — магесса порой бывала сурова. Но оказалось, что она нежно любит мороженое, и Гриллода если в чём и упрекнули, так в том, что не додумался предложить его раньше.

Айриэ, облизываясь в предвкушении, скупила все запасы мороженого в кладовых Тайры и готова была съесть его единолично. Правда, подобрев после третьей порции, великодушно поделилась с изнывающим полуэльфом, который мороженое тоже уважал. В общем, немаленький запас был уничтожен за два с половиной дня, но зато Айриэ относилась к окружающим с прямо-таки небывалым добродушием.

На третий день солнце нещадно палило уже с самого утра. Земля казалась раскалённой, как в южной пустыне; ни легчайшего дуновения, ни крошечного облачка в бледно-голубом, тоже словно полинявшем от зноя небе. К полудню стало ещё тяжелее дышать, а небо затянула белёсая, мутная пелена, через которую едва просвечивало желтоватое солнце. От зноя попрятались все — и собаки, одурело валявшиеся в тенёчке, и куры, вяло купавшиеся в пыли, и их хозяева, кто опрометчиво вышел с утра в поле. Птички по кустам не чирикали, даже пчёлы исчезли, нимало не интересуясь яркими цветами в палисадниках.

Айриэ, пообедав последней порцией мороженого и с сожалением вздохнув, решила высунуть нос на улицу. Раскалённый воздух опалил лицо нестерпимым жаром. У себя в номере магесса давно использовала охлаждающее заклинание, там было хорошо и комфортно. Неудивительно, что Тайра это оценила и, смущённо помявшись, попросила почтенную мэору магессу «заколдовать» весь постоялый двор, пообещав скинуть плату за проживание. Айриэ это было нетрудно и, недолго думая, она сотворила «холодильного духа». Заклинание работало по принципу магического «светлячка», отличаясь от него тем, что не следовало за магессой, а круглые сутки, как ему было задано, порхало по дому, легко проходя сквозь стены и охлаждая воздух. Постояльцы сначала отнеслись к причуде магессы нервно: и то сказать, трудно оставаться спокойным, когда к тебе в комнату врывается нечто, подозрительно напоминающее призрака, и обдаёт могильным холодом. Но вскоре новшество оценили и даже высказывали благодарность.

Вяло побродив по саду, магесса ретировалась обратно в дом. Встретив Гриллода, шедшего на кухню со стопкой тарелок в руках, предупредила:

— Скоро гроза будет и буря, скорее всего.

Ни на миг не усомнившись в словах магессы, Гриллод кликнул на помощь отпрысков и отправился убирать всё, что могло пострадать от буйства стихии. Через час стало ясно, что Айриэ была права: на северо-западе показались первые тучи, пока несерьёзные, но за ними шла настоящая буря, зародившаяся над океаном и нёсшаяся от самого побережья вглубь суши. Первые порывы ветра уже освежали лицо и пригибали макушки деревьев, когда во двор влетел Тианор и кинул поводья своего гнедого встревоженному конюху.

— Уф, еле успел! — Довольно улыбаясь, Тианор подошёл к стоявшей во дворе магессе, пристально смотревшей на небо. — Ты что делаешь? Любуешься?

— Да нет, хочу немного перенаправить ветер, а то будет слишком много разрушений.

— Что-о-о ты хочешь? — изумлённо переспросил менестрель. — Но как?.. Ты собираешься... управлять бурей?!. Это же невозможно!..

— Не собираюсь я ничем управлять, — нетерпеливо откликнулась магесса. — Я просто **попрошу**. Я слышу ветер, он слышит меня. Мы не враги, он откликнется и выполнит мою просьбу подняться чуть выше. Этого будет достаточно, чтобы дома и деревья в Кайдарахе уцелели.

— Ничего себе!.. — восхищённо выдохнул Тианор.

— А что, собственно, тебя удивляет? Эльфы на такое вполне способны.

— Так то эльфы, чистокровные. Про магов, слышащих стихии, я редко слышал. Или ты с эльфами в родстве? Я в тебе родню не учуял...

Айриэ не отозвалась, пусть думает что хочет. Тианориннир некоторое время наблюдал, потом спросил:

— А зачем тебе, Айнура? Ведь, если я правильно понимаю, тебя никто не нанимал сделать это? И никто не узнает, что ты избавила деревню от неприятностей? Даже спасибо не скажет?

— Ну и что? — рассеянно спросила Айриэ. — Я буду знать. Мне достаточно, собственно.

Полуэльф тихонько хмыкнул, потом встал сзади и осторожно обхватил её талию.

— Я не мешаю?

— Нет, — почти не слушая его, отмахнулась магесса, ибо ураганный ветер наконец достиг Кайдараха.

Весь вечер и полночи в вышине грозно завывал ветер, ливень то утихал, то принимался вновь, барабанил по закрытым ставнями окнам. Ветер **почувствовал** просьбу Айриэннис и прошёл выше, почти не задев постройки и деревья и лишь жёстко погладив их для острастки. Изредка выныривая из сна, Айриэ слышала шелест дождя, а под утро и он затих.

Разбудили Айриэ невыносимо рано, ещё и восьми, кажется, не было. В дверь забарабанили, и послышался встревоженный голос Тайры, зовущий магессу. Та недовольно откликнулась, и Тайра просунула голову в комнату:

— Мэора Айнура, там вас срочно спрашивают!

— Кто? — злобно поинтересовалась магесса, ненавидевшая, когда её будили, да ещё такую рань.

— Гвардеец его светлости, говорит, что от капитана Паурена — срочно, мол.

— Тьфу на него! Ладно, пусть поднимается и ждёт в коридоре, позову.

Тоже проснувшийся полуэльф протяжно зевнул и деликатно спросил:

— Айнура, мне уйти?

— Оставайся, если хочешь, какие тут могут быть тайны? — Хмурая, толком не проснувшаяся магесса принялась одеваться, потом подошла к рукомойнику и поплескала в лицо холодной водой. Помогло, бодрости заметно прибавилось.

Дождавшись, пока Тианор натянет штаны, открыла дверь и позвала:

— Заходите, любезный!

Гвардеец — усатый, плотненький и начинающий лысеть, поспешно вошёл и вытянулся перед магессой:

— Мэора Айнура, капитан Паурен просил вас оказать любезность и как можно скорее прибыть на мельницу!

— И к чему сия спешка?

— Мельничиха найдена мёртвой нынче на рассвете. В леске на том берегу. Говорят, нечисть её задрала!

— Корррявое Равновесие!.. — рывкнула Айриэ, слыша, как рядом ошеломлённо выругался Тианор, помянув мохнатые орочьи задницы.

На улице было хмуро, сыро, грязно и непривычно зябко, после недавней-то жары. Жирные тёмные тучи набухли, кажется, над самой землёй, сливаясь с висевшей в воздухе серой хмарью. Дождь периодически принимался моросить, будто его ночью мало вылилось. Айриэ благоразумно надела зачарованную от промокания кожаную куртку и надвинула капюшон на самый лоб. Увязавшийся с ней Тианориннир тихонько шмыгал озябшим, покрасневшим носом, нахохлившись в седле и пряча руки под плащом, одолженным у Гриллода.

Мрачный Паурен обнаружился возле мельницы. Там же толпилась кучка взбудораженных деревенских жителей, чьих ушей уже успела достигнуть сенсационная новость. Эдак скоро сюда весь Кайдарах сбежится! Капитан, впрочем, благоразумно поставил двоих гвардейцев у переправы на тот берег — отгонять любопытных. Пока ещё они до большого моста через реку доберутся и в обход через лес пойдут, да и погода не особенно располагает. Хотя бы половина назад повернёт. К тому же, вполне может быть, что капитан и там выставил охрану.

— Мэора Айнура, здравствуйте! Очень признателен за то, что вы сочли возможным уважить мою просьбу. Кажется, это опять ваш неизвестный маг.

— Маг как раз ваш, местный, — вежливо возразила Айриэ. — Впрочем, неважно. Чтс случилось? Жена мельника действительно мертва?

— Мертвее не бывает, — буркнул Паурен. — Нечисть её сильно когтями порвала, но лицо почти не тронуто. И венюк проклятый рядом валяется, так его разэтак!.. Белые цветы с зеленцой и... гнилые какие-то.

Видно было, что ему нестерпимо хочется выругаться похлеще, но из уважения к магессе он молча давился злостью и даже, пожалуй, некоторой растерянностью.

— Работник мельника сегодня в замок примчался примерно через час после того, как рассвело. Его светлость, впрочем, был уже на ногах, он вообще спит мало, и выслушал рассказ лично. Потом приказал мне с отрядом гвардейцев ехать к мельнице — всё осмотреть и после просить вас приехать, если подтвердится, что там маг душегубствовал, а не обычный бандит. Герцог подумал, что вы должны это видеть, раз уж этого мага ловите. Хотя за мэором Мирниасом тоже послали, на всякий случай.

— Его ждёт незабываемое зрелище... Ладно, показывайте. Где она? Ваш гвардеец сказал, что в лесу за мельницей.

— Да, мэора, прошу вас. А вы, мэор Тианориннир, что же, с нами желаете? Ну, если вам так угодно... — Едва заметно пожав плечами в ответ на причуду менестреля, капитан предупредил обоих: — Выглядит там всё... страшновато. Порвали её сильно.

— Не переживайте, рингир, я — боевой маг, и не такое видеть доводилось.

Они перебрались на тот берег и двинулись в уже знакомый Айриэ лесок. Капитан действительно догадался оцепить место, где нашли тело. Гвардейцы его светлости отгоняли прочь всех любопытных, чтобы убереечь следы.

— Хотя следов тех осталось... — скривился Паурен досадливо. — Её, похоже, ещё перед бурей убили или во время, не знаю уж, мэора. Может, вы своей магией больше увидите. Мельник говорит, она вчера днём в лес пошла, травы какие-то собирать. Буря же внезапно налетела, она могла не успеть вернуться, если ушла далеко. Собственно, мельник так и подумал, что она в лесу укрылась. Там вроде шалаш травницы имеется, насколько я понял. А встревожился Нэйс потом, когда она и вечером не вернулась. В ненастье искать смысла не было, он ночь дома промаялся, а едва начало светать, отправился с двумя работниками в лес. Ну и нашли... Оно всё неподалёку случилось. Да и мы уже на месте, мэора. Вон там следы, видите? Это мельник и работники, а вот здесь я и мои люди ходили, чтобы не затоптать.

Миновав расставленную в лесу цепочку молчаливых гвардейцев, вытянувшихся при виде командира, они дошли до места, где лежала бедная мельничиха. Зрелище действительно было не из самых приятных. Айриэ вспомнила, какие громадные когти были у твари, если тут, разумеется, поработала она. А работала усердно, с-сволочь. Не тот фарш, конечно, что остался от хряка, но рвали молодую женщину безжалостно, от горла до паха. Крови, наверное, было много, но ливень смыл большую часть, на обрывках одежды и на земле вокруг остались только расплывчатые бурые пятна. В широко распахнутых глазах Зари застыло выражение ужаса и боли, на левой щеке виднелась длинная рваная рана, будто нарочно прочерченная когтем. Рядом с телом лежал веночек невесты. Зачем он их оставляет? Из тщеславия, что ли? Этакая своеобразная подпись, лёгкая форма безумия?..

Следы, если они были, уничтожила непогода. Хотя если всё случилось перед бурей, то на сухой, твёрдой земле отпечатков обуви или лап твари и не осталось. Вокруг местами была примята трава, а кусты сломаны — очевидно, мельничиха пыталась убежать, а тварь с ней играла. Находился ли на месте преступления хозяин или он управлял тварью издали? Осмотревшись, Айриэ заметила чуть в стороне хорошо вытоптаный пяточок травы, словно кто-то стоял там довольно продолжительное время. Наблюдал за устроенным им самим представлением? А то, может, и целую речь толкнул, доморощенные злодеи порой склонны к театральности. Поговорить о своих великих деяниях нестерпимо хочется, да вот беда, не с кем, кроме разве что жертв...

Рядом резко выдохнул Тианориннир и тихонько выругался сквозь зубы. В ответ на вопросительный взгляд магессы пояснил:

— Я по остаточному следу чую над ней две смерти, не одну...

Магесса пристальнее взгляделась магическим взором:

— Корррявое Равновесие ему в глотку и повернуть три раза!.. Она ещё и беременна была — месяца три, а то и меньше.

Вот теперь Айриэ была почти уверена, что маг здесь был. Тварь загнала жертву для хозяина и держала, не давая уйти, пока маг читал нужные заклинания. Потом маг специальным ритуальным ножом умертвил эмбрион, за ним — мать и всласть «насосался»

энергии, полученной из боли и смерти. Хотя... странно получается. Айриэ в задумчивости прикусила губу. Что ни говори, а чтобы пополнить запасы магии, ему даже обычная крыса сгодится... ладно, несколько десятков замученных крыс. А женщина, да ещё беременная первенцем, для чёрного мага слишком редкий и лакомый кусочек, чтобы использовать его так бездарно. Ведь однажды маг уже сумел сотворить грязное проклятие, направленное на Кайнира, использовав смерть беременной. Неужели вчера была вторая попытка сотворить нечто подобное?.. Тогда почему в лесу, наспех, да ещё когда тебя вот-вот накроет бурей? На месте мага она бы переместилась в какое-нибудь подходящее место, ведь есть же у него логово, где он занимается Запретной магией?

Стоп. А это мысль. Айриэннис внимательнее огляделась вокруг, прикидывая, а не имеет ли она тут дело с инсценировкой? Что, если мельничиху заманили в убежище мага? Или её туда доставила тварь? Сильному хогрошу (а магесса почти уже не сомневалась, что это именно хогрош) ничего не стоит утащить на плече слабую женщину. Когда хлещет дождь и завывает ветер, а всё живое попряталось от буйства непогоды, условия для похищения прямо-таки идеальные. Магической твари ураган нипочём.

Итак, что мы имеем? Тело несчастной женщины лежит в лесу, но что, если его сюда подбросили и побрызгали землю кровью? Мол, остальное смыл дождь, да эта нескончаемая морось и на самом деле скоро остатки смоеет. Примять траву, сломать несколько ветвей, имитируя борьбу, — и сцена готова. Могло так быть? Могло, с очень большой вероятностью.

Айриэ взяла горстку земли из-под тела и попыталась магически определить, принадлежит ли вся кровь мельничихе или тут добавлена менее ценная для мага кровь какого-нибудь животного. Вряд ли маг стал разбрасываться драгоценной субстанцией, ведь кровь беременной — редкий, незаменимый компонент для иных чёрных ритуалов. Увы, её магия тут была бессильна: кровь оказалась слишком разбавлена дождевой водой, ничего нельзя было сказать наверняка.

Предположим, маг послал хогроша за мельничихой, каким-то образом зная, что она будет днём в лесу. Сам назначил встречу или знал о свидании?.. Кстати, тут и первый подозреваемый намечается — Фирниор с мельничихой тайком встречался. Правда, они недавно поссорились, но могли ведь и помириться. Или маг назначил встречу под этим предлогом. На память пришло злобное шипение Фирниора: «Ты ещё пожалеешь об этом!..» Разумеется, в запале чего только не скажешь, вплоть до обещания убить, но это же не значит, что каждый, кто такое ляпнул, непременно исполняет обещанное. Как правило, это способ выпустить пар, не более.

Так, о подозреваемых подумаем потом, а пока попробуем воссоздать действия преступного мага. Допустим, тварь принесла жертву в логово, маг спокойно провёл намеченный чёрный ритуал и зарядил некий амулет, тут и сомневаться особенно не стоит. «Маг-враг» у нас в таких делах уже опытный, наверняка учёл свои прежние ошибки и собирается предпринять что-то против Кайнира. Ничего, если попытается вновь получить королевскую кровь для ритуала, его ждёт неприятный сюрприз. Теперь Кайнира через кровь не проклянёшь, Айриэ об этом позаботилась, щедро поделившись с юнгиродским королём своей собственной. Благо кровь её, в некотором роде, особенная...

У Файханасов нет времени, после дня осеннего равноденствия им так и так возвращаться в Юнгир. Герцога, безусловно, насторожило появление Айриэ в его владениях, но метаться в панике он не собирается. У них имелось три месяца на подготовку нового покушения, и можно было спорить на что угодно, Файханасы использовали время с толком.

Айриэ поморщилась, ощутив, как у неё противно заняло внутри в предчувствии неприятностей.

Рядом деликатно кашлянул капитан Паурен, и Айриэннис очнулась от размышлений, осознав, что уже довольно продолжительное время с вдохновенным выражением любителю останками бедной женщины. Капитан, сам бледно-зеленоватый, смотрел с некоторым изумлением, и ясно было, что его мнение о нормальности некоторых магов подверглось сомнению. Откуда ему знать, что её подобным зрелищем не смутишь, хотя мельничиху, конечно, жаль. Тихая ласковая девочка, как тебя угораздило попасться этому выродку?..

— Её убила тварь, капитан. А управлял маг и, скорее всего, находился поблизости.

— Мэора, она что, и правда... беременна была? — кашлянув, сипло спросил Паурен.

— Да. Видите, и эльфийское чутьё мэора Тианориннира это подтверждает.

— Мэор владеет магией? — быстро взглянул на полуэльфа гвардеец.

— Нет, капитан, это так, эльфийское умение... вернее, половина от него. Я же полукровка, — слова Тианора прозвучали с горечью. — Что-то от отца унаследовал, но это ничтожно мало. Я не маг, увы.

— Понятно, мэор, — покивал капитан.

Он собирался сказать что-то ещё, но его неожиданно окликнул один из гвардейцев, и Паурен, извинившись, отошёл. Айриэ быстро проговорила, понизив голос:

— Тин, тебе не кажется, что её убили в другом месте, а ночью перенесли сюда? Посмотри внимательней, вдруг что заметишь.

— Я не поручусь, но, возможно, ты права, — через некоторое время ответил менестрель. — Проклятый дождь, он помог этому выродку... Но если и перенесли, то не ночью, раньше. Следов-то нет, а значит, маг был здесь, когда ещё земля не успела достаточно размокнуть. Мельник утром наследил сильно, да и наши отпечатки довольно заметны там, где нет травы и мха, сама видишь.

Айриэ медленно исследовала траву и кусты. Немного в стороне от вытоптанного пятачка что-то тускло блеснуло, и через секунду магесса держала в руках большую пуговицу из потемневшего серебра. На пуговице была выбита голова волка; такие любят нашивать на свои куртки наёмники — это и оберег, ибо нежить серебра не любит, и капитал на чёрный день. В общем, довольно обычная пуговица, найти по ней хозяина вряд ли удастся. Маг надел (возможно, для маскировки) такую куртку, следовательно, находился здесь уже во время бури. И крайне любезно потерял пуговицу, вот спасибо ему за подарочек. Жаль только, свои инициалы на ней не выбил, вот уж была бы любезность так любезность.

Тианор, заглядывая Айриэ через плечо, изучил пуговицу и задумчиво хмыкнул. Магесса, увидев, возвращающегося капитана, молниеносно спрятала пуговицу в карман и шепнула любовнику:

— Про то, что её могли убить не здесь, молчи!

— Само собой!

Капитан возвращался не один, а в сопровождении долговязого типа, надвинувшего на самый нос капюшон чёрной кожаной куртки. Долговязый увидел тело, которое раньше загоразивал Тианор, теперь отошедший в сторону, резко дёрнулся, капюшон слетел с его головы, и магесса узнала «коллегу». Мирниас сильно побледнел; у него, кажется, даже губы задрожали, но от тошноты он на сей раз удержался, только часто сглатывал.

— Это опять он, мэора? — бесцветно спросил Мирниас, с усилием отводя взгляд от тела. — Со своим ручным монстром, этим... хогрошем, как вы его назвали?

— Он. Я ведь говорила, тварь будет кормиться. А беременная женщина — это лакомая еда, теперь хогрош будет сильнее.

Рассказывать о своих выводах Мирниасу она не собиралась, маг пока ничем не заслужил доверия. Он услышит то же, что магесса будет говорить всем остальным, кроме Тианора, естественно.

— Что?.. Зари ждала ребёнка, а этот неизвестный ублюдок посмел поднять на неё руку?.. — Мирниас неверяще уставился на магессу и стиснул кулаки.

— Вы её хорошо знали?

— Зари? Д-да, неплохо, — судорожно дёрнув кадыком, ответил молодой маг. — Я иногда растения собирал здесь в лесу, для зелий, а жена мельника тоже сюда ходила. Она для знахарки травы искала. Она ведь такая славная была... как он мог, мэора?..

Магесса неопределённо повела плечом, понимая, что маг не ждёт ответа. Он провёл ладонью по лицу, стирая морось, и тут Айриэ обратила внимание на его куртку. На самую обычную, довольно потрёпанную куртку «наёмнического» фасона, с потемневшими серебряными пуговицами, украшенными волчьей головой. Третьей сверху пуговицы не было.

М-да-а, это, пожалуй, не хуже выбитых инициалов. Вот и подозреваемый номер два. С одной стороны, он сам признался, что ходил сюда за травами. С другой — в последние два месяца стояла жара, и куртка ему бы не понадобилась. Следовательно, потерять пуговицу раньше Мирниас не мог, разве что очень давно, а по ней не скажешь, что она пролежала в лесу долгое время, её бы мусором и всякой трухой уже присыпало. Однако же весьма удачный момент выбрала пуговица, чтобы оторваться от хозяйской куртки, ничего не скажешь. Поневоле закрадывалась мысль, что уж слишком это нарочитая улика. Интересно, а что на сей счёт поведает сам Мирниас? Впрочем, если он здесь и был вчера вечером, сомнительно, что его любезность простирается настолько далеко, чтобы признаться в этом.

— Мирниас, вы пуговицу потеряли.

Он рассеянно глянул на куртку:

— А-а, да, я утром заметил, когда одевался. Не знаю, как это она... вчера, что ли, когда в таверну ходил.

— О, вы вчера рискнули выбраться из дома? — приподняла брови магесса. — В такую-то погоду?

— Сразу, как только буря чуть поутихла. Дома тоскливо сидеть, в таверне веселее.

Любопытно. Мирниас специально ходил в таверну, чтобы создать себе алиби, пока его тварь относит труп в лес и добавляла живописных деталей в виде сломанных кустов? Хогроши достаточно разумны, чтобы справиться со столь сложным поручением, тем более хозяин может руководить действиями твари издалека. Допустим, после тварь вернулась за хозяином в условленное место и отнесла его в лес: должен же маг приглядеть за всем лично, припасённой кровью землю полить и прочее. У Мирниаса, кстати, лошади нет, а хогрош в иных случаях лучше лошади будет. Мирниас потерял пуговицу, но действительно не подозревал, что в лесу. Он не выказал ни малейшего беспокойства, когда Айриэ спросила про его пропажу. Что же, события могли развиваться и таким образом. Пока это всё только предположения, доказательств у магессы по-прежнему никаких. В конце концов, если рассмотреть другую возможность, пуговицу могли и подбросить на место преступления. К примеру, вчера в таверне срезали — у этого вечно заспанного ленивца целую куртку украсть можно, он и не заметит, не то что пуговицу. Если, конечно, растяпистость Мирниаса — не маска...

Поняв, что ходит в своих предположениях по кругу, Айриэ мысленно плюнула и бросила это бесплодное занятие.

— И что, Мирниас, много вчера таких смельчаков вроде вас собралось?

— Да нет, мэора, человек пять деревенских и трое гвардейцев из замка.

— Удивительно, что вообще кто-то пришёл, на радость папаше Брэддору, — хмыкнула магесса и кивнула магу: — Вы, Мирниас, если хотите, продолжайте поиски, а я уже всё осмотрела... Капитан, мы с мэором Тианоринниром пойдём с мельником побеседуем, а когда мэор маг закончит свои изыскания, можете уже убирать тело.

— Хоть прямо сейчас, нечего мне здесь искать, — глухо сказал Мирниас. — Магии тут нет, и вообще, я не дознаватель, чтобы на четвереньках ползать, следы выискивая.

— Так зачем же вы пришли? — любопытствовала Айриэ.

— Потому что его светлость счёл моё присутствие здесь необходимым, — ровно ответил Мирниас, старательно скрывая досаду. — К сожалению, я не вижу, как могу быть полезным в деле установления истины.

— Его светлости герцогу виднее, — веско заметил Паурен, легонечко одёргивая разговорившегося мага и заодно напоминая, кто, собственно, здесь главный. — А тело, мэора магесса, я пока убрать не могу. Его светлость изъявил желание осмотреть место преступления лично и скоро будет здесь. Он специально решил прибыть позже, чтобы не мешать вам.

— Я оценила его любезность, — заверила магесса. — Идём, Тианор!

Мельник находился дома — сидел за столом, потерянно уставившись в одну точку. Он ссутулился и будто разом постарел. Румянец исчез с ввалившихся, обвисших щек, морщины обозначились резче, а взгляд был потухший, как у старика. В уголке, обнявшись, тихонечко всхлипывали его дети.

— Как же это, мэора? — дрожащим голосом спросил мельник, увидев Айриэ. — У кого рука поднялась на нашу девочку? Она же солнышко наше... была.

Голос его сорвался, и он, как видно, не в первый раз за сегодняшнее утро, смахнул слёзы с покрасневших глаз.

— Найду ублюдка, — мрачно пообещала Айриэ, — и заставлю заплатить.

За такие р-р-развлеченьица поганый маг будет умирать долго — во имя Равновесия, чтобы уменьшить вред, который причинил миру.

— Вы знали, мэора, что Зари первенца ждала? — справившись с голосом, спросил мельник. — Она так и светилась вся, когда мне рассказывала...

Он опять утёр слёзы рукавом рубахи, потом нашарил в кармане скомканный носовой платок и с шумом высморкался.

— Брай Нэйс, расскажите-ка мне всё по порядку, — велела магесса, усаживаясь напротив. Тианор пристроился на другом стуле.

— Я уже капитану Паурену говорил... Ну, раз надо, слушайте, мэора Айнура. Зари моя в лес за травами почти что каждый день ходила. И для дома травы собирала, и для старой Фенры, знахарки, потому что та уж давно не девочка по лесу самой бегать, а моя Зари в растениях неплохо разбиралась. Вот знахарка и поручала травки собирать, за небольшую плату. Ну, Зари это не из-за денег делала, а потому что очень лес любила. Вот, значит, пошла она вчера опять за реку, как обычно, а я на мельнице занят был. К обеду Зари не вернулась, поели мы без неё, ну да это не в первый раз такое происходило. Бывало, она увлечётся, зайдёт далеко за какой-нибудь травкой особенной и не замечает, как время бежит, — с

улыбкой на дрожащих губах припомнил мельник и почесал покрасневший нос. — Потом буря налетела, да так внезапно, мы и ахнуть не успели. Я думал, Зари тоже не успела вернуться до ненастья и спряталась в шалаше знахарки. А непогода вовсю разгулялась, и мне так тревожно стало, я себе просто места не находил. Всё думал, как там наша девочка в холоде да сырости сидит, не заболела бы. Я уж не один раз в лес бежать порывался, да куда в бурю пойдёшь? Тем более я лес плохо знаю, заплутал бы в два счёта и Зари не помог. Я себя всё успокаивал, что, мол, она опытная, лес чувствует и вернётся, когда можно будет. Стемнело рано, а ночью я то спать пытался, то бегал из угла в угол. Ужасов себе всяких навоображал — и деревом-то её могло придавить, и заблудилась, и заболела да в горячке лежит там в шалаше. А то, чего на самом деле случилось, я и подумать не мог. Мы с работниками моими на рассвете пошли и недолго лес прочёсывали... Зари на ту полянку часто бегала и меня за собой всё пыталась таскать, нравилось ей там. Я, как увидел её там лежащую, думал, сам помру с горя... — закончил он сдавленным шёпотом и отвернулся.

Айриэннис задала мельнику ещё несколько вопросов, выспрашивая подробности, но ничего полезного из беседы не извлекла и прекратила мучить бедного вдовца. Ему и так несладко...

Выйдя из дома мельника, Айриэ обнаружила, что морось наконец-то прекратилась, но было по-прежнему сыро и зябко. Они с Тианором собирались вернуться на постоянный двор, но тут её позвали:

— Мэора Айнура!

Обернувшись на оклик, Айриэ увидела герцога, переходящего по мосткам у запруды на этот берег. Его сопровождали брат, Орминд и Фирниор. Они, конечно же, ехали верхом через большой мост и добрались до места по лесной дороге. Очевидно, они уже успели побывать в месте, где нашли мельничиху, а теперь герцог намеревался выслушать, что по сему поводу думает драконий маг.

Герцог выглядел хмурым и сосредоточенным, его брат крепко сжимал губы и изредка покачивал головой, будто не находя слов для того, чтобы охарактеризовать происшедшее. Орминд тоже был серьёзен, но особенной скорби в глазах не наблюдалось, да и потрясённым он не казался. Надо же, какой хладнокровный юноша. Зато Фирниор, единственный из всех, был искренне огорчён и расстроен. Лицо бледное, губы искусаны, мокрые волосы слиплись сосульками и лезли ему в глаза, отчего он часто мотал головой, отбрасывая их назад.

— Что скажете, мэора Айнура? — поздоровавшись, спросил герцог. — Это сделала та же тварь, с которой вы столкнулись на ферме Нарваса?

— Да, герцог, я в этом уверена. Это хогрош, полностью магическое создание, но питается оно, к сожалению, настоящей кровью. И со временем крови потребуется всё больше.

— Вы полагаете, тварь просто охотилась? — отрывисто спросил герцог, нахмурившись ещё сильнее.

— Да, мэор. В принципе, хогроши могли бы обходиться кровью животных — вот хоть свиной, к примеру, но нашему таинственному магу, похоже, нужен сильный... питомец.

— Вы думаете, нападения на моих людей продолжатся?

— Мне бы хотелось утверждать обратное, но будем реалистами, герцог. Тварь уже отведала человеческой крови, а для хогрошей это деликатес.

— Откуда вы это знаете, мэора? — с любопытством спросил Орминд Файханас.

— Так пишут в старых трактатах по магии. В библиотеках моего Ордена хранится немало редких древних книг, в том числе написанных ещё при драконах. О хогрошах я читала там, но мне очень и очень интересно, откуда о них узнал этот маг. Подобные знания никогда не находились в свободном доступе.

— Видимо, не все древние книгохранилища были одинаково надёжны, — вежливо заметил наследник герцога, а его дядюшка осуждающе покачал головой.

— Герцог, вы должны узнать ещё одно: здесь тварь получила сразу две жертвы, женщину и её нерождённого ребёнка, — сообщила магесса, внимательно отслеживая реакцию на свои слова.

Эстор Файханас выругался, Орминд присвистнул, герцог зло прищурил глаза, а Фирниор издал сдавленное восклицание и на миг крепко зажмурился, потом сказал, глядя себе под ноги:

— Дядюшка Рольнир, с вашего позволения, я пойду прогуляюсь немного.

Юноша побрёл куда-то вдоль берега Мельничной, опустив голову и путаясь сапогами в мокрой траве.

— Я принял решение, — сказал Рольнир Файханас, что-то сосредоточенно обдумывавший. — Теперь Кайдарах днём и ночью будет патрулировать десяток моих гвардейцев. Надеюсь, это поможет предотвратить новые нападения. Мэора Айнура, эту тварь можно убить простым оружием?

— Только зачарованным. Или серебряным. — А ещё лучше, если меч будет из «лунного серебра», только про него в этом мире, наверное, уже не помнят. — Раны от простого оружия хогрош залечит быстро, у него сверхъестественная регенерация, да и хозяин подлечит.

— В таком случае, мэора магесса, не возьмётесь ли вы зачаровать оружие моих солдат?

— Герцог, я бы посоветовала вам прибегнуть к услугам мага-артефактора. Я, разумеется, тоже могла бы, но всё-таки работа с предметами — не мой конёк. Каждый должен заниматься своим делом, и мэор Мирниас, думается мне, превосходно справится.

Трое Файханасов немного помялись, быстро переглянувшись между собой, потом Орминд озвучил то, что было у них на уме:

— Мэора Айнура, а что, если Мирниас и есть преступник? Тогда будет весьма опрометчиво поручить ему накладывать чары на оружие наших гвардейцев, согласитесь.

— А у вас есть какие-то основания предполагать, что Мирниас причастен к убийству? — встрепенувшись, спросила Айриэ. Интересно, что ей скажут...

— Будь у меня хоть малейшее доказательство его вины, Мирниас уже попал бы в пыточную! — отчеканил герцог.

Прозвучало сурово, очень. Айриэ восхитилась про себя и окончательно решила о пуговице не упоминать. Если долговязый маг виновен, она и так это выяснит, без герцогских палачей. А то и правда, оглушат бедного парня предательским ударом по голове, наденут антимагические кандалы и потащат в пыточную. Если герцог намерен сделать из Мирниаса жертвенного козлика, пусть подбросит ещё «доказательств». Если же он просто отвлекает внимание магессы от своей семьи, даже рискуя подставить своего прикормленного мага — это уже другой расклад. Тогда до пыточной не дойдёт, «злодея» убьют при попытке ареста. Это если Рольнир Файханас решит пожертвовать магом, спасая свою семью. Поживём — увидим...

— Вы же не станете отрицать, мэора Айнура, что Мирниас выглядит наиболее подозрительным, — рассудительно заметил брат герцога. — Он единственный известный маг в округе, появился у нас всего год назад. Любит слегка поплакаться на тему своих слабых магических способностей и злодейки-судьбы, забросившей его в глухомань на целых пять лет. Что, если это всего лишь удобная маскировка?

— Всё может быть, — кротко согласилась Айриэ. — Но даже если и так, мне думается, Мирниас не станет совершать глупость и намеренно делать негодное оружие. В конце концов, я в любой момент смогу его проверить.

— Думаю, вы не откажетесь, мэора Айнура? — полуутвердительно спросил герцог. — Замечательно, благодарю вас! В таком случае, я пришлю за вами, когда Мирниас закончит свою работу. А сейчас позвольте откланяться, мэора! Мэор Тианориннир, а вас я приглашаю послезавтра в Файханас-Манор. К мэоре Альдарре приезжают её давние подруги, и наши дамы устраивают тихий семейный вечер с музыкой.

— Благодарю за честь, ваша светлость! — почтительно поклонился менестрель. —

Прошу вас, передайте мэору Альдарре, что я непременно буду.

Файханасы, повинувшись жесту главы рода, направились к дому мельника, и Айриэ услышала, как герцог спрашивает:

— Твои действия, Орминд?

— Помимо выражения искренних соболезнований будущему подданному? — в голосе наследника проскользнула лёгкая ирония. — Думаю, мы должны выплатить Нэйсу компенсацию за погибшую жену. Это случилось на нашей земле, и мельник находился под защитой Файханасов.

— Правильно. Только ты забываешь, что мельник помимо супруги потерял и будущего ребёнка.

— А, правда, забыл. Прости, отец! Тогда платим за двоих и...

Дальше Айриэ уже не слышала. Герцог продолжает натаскивать наследника, дело хорошее, кто бы спорил... В задумчивости посмотрев на мутную реку, над которой ещё клубились остатки тумана, магесса решила:

— Пойду-ка я немного прогуляюсь, Тин. Ты меня не жди, возвращайся.

— Тогда я домой, — буркнул менестрель и чихнул. — Замёрз, как собака. Вечером навещу, любовь моя!

Фирниор обнаружился на берегу: сидел, нахохлившись, на поваленном дереве и смотрел на воду. Магесса с сомнением осмотрела осклизлый, мокрый ствол и желая присесть рядом не испытала. Встала так, чтобы видеть лицо юноши, и добродушно поинтересовалась:

— Что, Фирниор, не привыкли к трупам?

— А вы, мэора, считаете, что к трупам молодых симпатичных женщин, разодранных монстрами, можно **привыкнуть**? — странновато глянув на неё, ответил он вопросом на вопрос.

— Ох, привыкнуть можно к чему угодно, было бы желание... — вздохнула Айриэ. — Сей таинственный маг, видимо, затруднений морального характера не испытывает. По крайней мере, он без колебаний спустил своего ручного монстра на бедняжку Зари, и никакие угрызения совести его не остановили.

— А с чего вы взяли, мэора, что монстр ручной? — пристально взглянул ей в глаза Фирниор. — Разве он не может... иногда вырываться из-под контроля, например? Может, маг просто не справился с управлением тварью?

— Не обольщайтесь, Фирниор, хогрош без приказа хозяина не делает ничего. Он может требовать кормёжки, но кто станет пищей, выбирает всегда хозяин.

— Вам виднее, мэора, — вяло согласился юноша и длинно вздохнул, с силой потеряв лицо. — Зари, бедная девочка... жалко её.

— Вы хорошо её знали, Фирниор?

— Да, мэора. — Взглянул на неё, кривовато улыбнулся и вдруг признался: — Я думал, что был влюблён. Пол-лета на свидания бегал, в тот самый лес, где... Проклятье!..

Он яростно стукнул кулаком по раскрытой ладони правой руки и умолк. Айриэ не торопила, ей было интересно, что он поведает в приступе откровенности. Знать бы ещё, расчётливая она или наоборот.

— Я, когда Зари в первый раз встретил, и внимания-то не обратил... ну мышь и мышь, ничего же особенного. А потом, как улыбку её увидел, даже дыхание перехватило. Зари такая светлая была, сияла изнутри, и не нужно было ей никакой особенной внешней красоты. В общем, я, мэора, за ней ухаживать начал... ну так, немножко, вроде бы в шутку, а

потом увлѣкся всерьѣз. Я ведь, дурак, пытался её в себя влюбить... Не понимал тогда, что Зари — как птица доверчивая, крохотная, хрупкая. Такую нельзя обижать... нельзя пытаться поймать.

Он в растерянности запустил растопыренную пятерню в волосы и попытался их пригладить, отчего они вполне предсказуемо встали дыбом, как иголки у мокрого дикобраза. С неба снова посыпалась мельчайшая морось, противно оседая на лице стылой пеленой, и Айриэ решила вернуть к реальности, похоже, надолго задумавшегося юношу. Ему что, он скорби предаётся и ничего не замечает, а ей надоело мокнуть и хочется домой, в тёплую комнату. О!.. заклинание охлаждения не забыть уничтожить!.. А то постояльцы её саму охладят... до температуры трупа.

— Вы думали, что влюблены, Фирниор? А потом что же? Поссорились?

— Поссорились? — недоумѣнно взглянул на магессу очнувшийся Фирниор. — Ну что вы, мэора, мы с Зари ни разу в жизни не поругались. Как можно, она же такая славная была, язык не поворачивался её обидеть.

Айриэ с изумлением отметила про себя, что если бы не слышала его ссоры с мельничихой в лесу, то сейчас бы поручилась за то, что он говорит правду. Открытие неприятно царапнуло, как и всегда, когда она в очередной раз обманывалась в людях. Нет, особенных иллюзий касаясь людей Айриэ давным-давно не питала — ещё бы не хватало, в её-то возрасте. Но всё равно каждый раз было противно и чуточку грустно. Эльфам доверять можно, гномам можно, а людям... тьфу на них! Ладно, не на всех подряд и скопом, но как же мало ей встречалось людей, которым хотелось доверять!.. И ещё меньше — тех, кому действительно верить стоило. Но были ведь!..

С исследовательским интересом оглядев юного Фирниора, магесса постановила его из подозреваемых не вычѣркивать. Скорее наоборот, он выглядит подозрительно невинным — с учётом того, как виртуозно он, оказывается, умеет лгать и скрывать ядовитые шипы, прикидываясь пай-мальчиком.

— Нет, мэора, я Зари, к счастью, ни разу в жизни не обидел. Просто вдруг понял, что на самом деле я её не люблю. Так, глупости юношеские, — хмыкнул он. — Было, да сплыло.

— О, вы внезапно повзрослели? — вздѣрнула бровь магесса.

— Можно и так сказать. — Он хотел ещё что-то добавить, но только сжал губы и уставился на реку.

— Ребѣнок, надеюсь, был не ваш? — бесцеремонно осведомилась Айриэ.

— Вы что, мэора!.. — Он смотрел с потрясением и обидой. — Нет, конечно! Мы с Зари даже ни разу не переспали, она всё твердила, что мужа любит. А мне наших целомудренных свиданий вполне хватало, мы и целовались-то пару раз... Говорю же, если бы я её по-настоящему любил, то уж нашёл бы слова, чтобы её убедить. Или наоборот, нашёл бы в себе силы отпустить...

Айриэ сочувственно покивала и коротко распрощалась, оставив Фирниора скорбеть дальше. Она теперь не сказала бы, была ли скорбь показной или искренней, хотя до этого разговора готова была утверждать, что юноша горюет по-настоящему.

Вечером они с Тианором сидели, окутав комнату Айриэ «пологом тишины», и увлечѣнно обсуждали подозреваемых в убийстве мельничихи, а также всё, что стало известным о личности мага.

— Ты всё-таки думаешь, что это кто-то из Файханасов? — спросил полуэльф, развалившийся в кресле боком и закинувший ноги на подлокотник.

— Без ведома Рольнира Файханаса в этом герцогстве ничего не делается.

— Это понятно. Я имею в виду, маг — Файханас или просто наёмник?

— Дело слишком серьёзное, чтобы допускать участие в нём чужака. Всё-таки попытка Файханасов воссесть на престол — дело семейное. Наёмный маг не может не понимать, что в таком случае он — разменная медная «коронушка», и цена его жизни примерно столько же. Как только всё закончится, мага ликвидируют.

— А если он станет слишком ценным соратником, зачем лишать себя его услуг?

— А затем, что тогда вмешается Драконий Орден. Если смена правящей династии ещё могла бы сойти Файханасам с рук... при определённых условиях, то наём на службу чёрного мага, балующегося Запретной магией — никогда.

— Но он же не станет любезно сообщать всем вокруг, какими именно заклинаниями пользуется. Как раньше маскировался под обычного мага, так и дальше продолжит, — возразил Тианор, задумчиво покачивая носком сапога.

— Ордену достаточно и подозрения, уж поверь.

— Подозрительного мага ... профилактически уберут?

— Нет, профилактически проверят, в резиденции Ордена. Есть средства... и маги с особыми возможностями... — туманно высказалась Айриэннис и интригуяще замолчала.

В самом деле, как бы ни был Тианор хорош в постели и приятен в общении, это отнюдь не означало, что он получит доступ к тайнам Ордена. Пускай менестрель пока не знает, что магесса намерена разобраться с преступником здесь и почти сейчас. Осталось магу резвиться меньше двух декад...

— Айнура, а если маг об этом не знает? Что он — разменная монетка, а не ценный союзник? Герцог, безусловно, знает, он о вашем Ордене наслышан и понимает, что вы не оставите дело без последствий, однако готов принять возможные последствия. Или выигрыш для него, мага то есть, стоит предполагаемого риска?

— Выходит, что так. Впрочем, мага, как ослика, могли поманить очень большой и сочной морковкой. Вот представь, если он стал «мэором» совсем недавно, после получения диплома, а происходит из семьи простолюдинов, то будет ли для него ценным призом рука девушки из рода Файханасов? А герцог может счесть племянницу не слишком высокой ценой за обретение верного и такого могущественного союзника. Разумеется, его светлость не в восторге от возможности породниться с простолюдином, он этого не любит, как недавно выяснилось... но ради великого дела можно и поступиться некоторыми принципами.

— То есть ты всё-таки думаешь, что это Мирниас? — помолчав, спросил Тианор.

— Я рассматриваю возможности, — честно призналась Айриэ. — Пуговица сама по себе ни о чём не говорит, её могли и подбросить. Но если Мирниас — преступник, то в случае опасности разоблачения Файханасы им пожертвуют. Если станет членом семьи, то и защищать станут до последнего... а потом всё-таки пожертвуют, но с куда большим сожалением.

Тианориннир насмешливо фыркнул.

— Безусловно, ему от этого будет легче! Айнура, думаешь, если подберёшься к магу слишком близко, герцог и правда решит его убрать?

— Обставив дело как поимку преступника, — кивнула магесса.

— А если Мирниаса нам просто подсовывают для отвода глаз? Он мне не кажется подходящей кандидатурой на роль главного злодея, — с сомнением заметил полуэльф.

— Мне тоже, если честно, Тин. Просто из него, наверное, хотят сделать жертву, это мне представляется наиболее вероятным. Тогда из него под пытками вырвут «признание» и тоже убьют, чтобы не успел сболтнуть лишнего. Но всё это в том случае, если герцог почувствует себя в непосредственной опасности. До тех пор он не станет делать лишних телодвижений. Он умеет выжидать.

— А если маг — кто-то из его родичей, тоже не станет?

— Тогда тем более. Мне просто будут подбрасывать ложные ниточки, чтобы я бегала туда-сюда, как бестолковая ищейка, потерявшая след. А я не люблю глупо носиться. Я тоже умею ждать... и опыта у меня в этом побольше, чем у его светлости. Понимаешь, Тианор, герцогу нужно потянуть время.

— Осенью двор возвращается в столицу, и Файханасы тоже отбудут в Юнгир, — в задумчивости потеревил нижнюю губу менестрель. — Если до тех пор не найдёшь преступника, то что ты станешь делать?

— Преступника с таким же успехом можно выслеживать и в столице, — пожала плечами магесса, вновь намеренно вводя любовника в заблуждение.

Жаль, что доверие — слишком большая роскошь, которой она себе позволить не может... Противно лгать Тианору, магесса вообще ненавидела прибегать ко лжи, а приходилось куда чаще, чем ей хотелось бы.

— А если маг — Файханас, то кто именно, как думаешь, Айни?

— Вряд ли это сам герцог, а за остальных не поручусь. Подозрительным выглядит Фирниор Ниарас.

— Этот мальчишка? — чуть пренебрежительно удивился полуэльф. — Да ему восемнадцати нет! В начале осени отметит, его светлость уже интересовался, останусь ли я в его владениях до этого срока, чтобы петь на празднике.

— Этот мальчишка был влюблён в мельничиху, сам мне сказал. Я случайно слышала их ссору, Фирниор сильно злился, а мне потом заявил, что в жизни с Зари не ссорился.

— Ну, мало ли зачем он солгал. Может, самолюбие сильно пострадало, — хмыкнул менестрель. — Что-то он мне тоже особо подозрительным не кажется.

— А кто кажется? — полюбопытствовала магесса. — Сам что думаешь?

— Никто, пожалуй, — сосредоточенно сдвинул брови Тианориннир. — Файханасы выглядят такими милыми людьми... Я понимаю, что где-то рядом с нами находится этот выродок, нападающий на незащищённых детей и женщин, и может быть, мы с ним знакомы. Беседовали беззаботно о моде и погоде, а он в это время выбирал, кто станет следующей жертвой...

Менестреля передёрнуло, он вскочил и плеснул себе вина в кубок, жестом предложив Айриэ, но та отказалась.

— Зачем было тело таскать туда-сюда, Айни? Я почти уверен, что ты права, и убитую в лес перенесли. Для чего?

— Просто магу было удобнее всё проделать у себя. Там, где он втайне занимается чёрной магией. Ему же не просто убийство требовалось и не банальная кормёжка твари, хотя она свою долю крови получила, можно не сомневаться.

— А что требовалось? Ритуал?

— Наверняка. Накопители магии заполнить, например. Силы копит... для визита в столицу.

— Вот же мразь... Послушай, Айнура, откровенно не понимаю, зачем герцогу это

потребовалось. Он и так был вторым лицом в королевстве. Король его очень любит и доверяет, зачем ему заговор?..

— Разве ты не слышал, что в последнее время их отношения несколько омрачились? Герцог охладил к Кайниру, да и король уже несколько лет не гостит в Файханас-Маноре...

— Мне казалось, охлаждение отношений — всего лишь слухи. Впрочем, я при дворе не бываю, происхождением не вышел. В конце концов, моя мать была простолюдинкой.

— Кайнир гораздо разумнее своего отца, это тот отличался любовью к чистоте крови, — между делом заметила магесса. — Однако я тоже при дворе не бываю, не мне судить. А о мотивах герцога нужно спрашивать самого герцога.

— Интересно, каковы мотивы его решения насчёт патрулирования гвардейцами деревни? Мне показалось или его светлость действительно встревожен... излишней кровожадностью твари? Или это просто действия, которых его подданные вправе ожидать от своего господина?

— Герцог не желает недовольства подданных, это несомненно. Если он не предпримет никаких действий по их защите, это вдобавок будет выглядеть подозрительным. Но мне тоже представляется, что «развлечения» чёрного мага ему сильно не по вкусу. Рольнир Файханас до сих пор, насколько мне известно, старался избегать грязных методов.

— Затевая переворот, чистеньким остаться затруднительно, — резонно заметил менестрель.

— Видимо, этот вопрос перестал иметь для него первостепенную важность. Он больше не боится запачкаться. — Айриэ в задумчивости провела кончиками пальцев по левой щеке. Знать бы причины, толкнувшие герцога на измену королю, было бы гораздо проще. Но видимых причин как раз не имелось, а о скрытых его светлость, само собой разумеется, не распространялся.

— Айнура, что ты теперь планируешь делать?

— Ждать, — пожала она плечами.

— Чего? Следующей жертвы? — Менестрель глянул несколько недовольно.

— А у тебя есть предложения получше? — вздёрнула левую бровь магесса.

Тианориннир длинно вздохнул.

— Прости, Айни, я понимаю, что сейчас ничего сделать не получится, но как же бесит это чувство беспомощности! Нам навязывают это ожидание чьей-то смерти. Неужели ваш Орден не припас каких-нибудь тайных заклинаний, которые помогут выследить мерзавца? Про вас такое рассказывают... мол, ваша магия чуть ли не от самих драконов пошла...

— Тин, заклинания школы драконьей магии в Ордене известны и хранятся в строжайшей тайне. Драконы ушли из Акротоса, потому что мир не в состоянии был выдерживать их заклинания. Магическая оболочка истончилась, силовые нити перепутались и рвались от драконьих чар. Кое-что Орден применяет, но очень осторожно и при определённых условиях, понимаешь?

— До чего же теперь в Кайдарахе неуютно стало, — поёжился менестрель. — Честно говоря, едешь по улице и опасаясь, что на тебя эта страхолудина набросится. Я, конечно, не беременная дама, но в качестве пищи этому, как его, хогрошу любой годится, если я тебя правильно понял. Знаешь, Айнура, мне здорово не по себе. Я бы не побоялся сразиться с обычным зверем, но если эту тварь можно убить только магическим оружием, расклад получается невесёлый.

— Тианор, во-первых, не едь по деревне ночами. А во-вторых, сходи к кузнецу, закажи

хоть пяток серебряных болтов и обзаведись арбалетом, — спокойно посоветовала Айриэ.

— Я ведь в таверне через день пою — как, по-твоему, я смогу избежать позднего возвращения? — криво усмехнулся полуэльф. — Ночевать мне, что ли, у папаши Брэйдора? Это уже откровенной трусостью смотрится, не находишь? Я всё-таки не такой паникёр. А за совет насчёт арбалета спасибо, воспользуюсь. Амулетик какой-нибудь защитный не подаришь случайно? Ты же маг...

— Извини, амулеты — не моё дело, к артефактору сходи.

— Только не к Мирниасу, не доверяю я ему.

— Тианор, прости, если лезу не в своё дело, но разве твои эльфийские родственники не обеспечили тебя хорошим защитным амулетом? — осторожно поинтересовалась магесса. Она уже заметила, что к своей эльфийской половине крови менестрель относился настороженно и даже, кажется, с некоторой неприязнью.

Менестрель заметно напрягся и поморщился, будто лостренский лимон сжевал.

— Видишь ли, у меня с отцом отношения... сложные, скажем так. Одно время, в юности, я даже думал, что ненавижу его. Ну, потом я повзрослел и изменил мнение, но напряжённость осталась. У него ко мне претензий нет, кроме разве того, что я наполовину человек... но в этом он и себе самому не признается, не то что мне. А я до сих пор с трудом могу его простить за то, что он послушался мою мать и ушёл, когда она начала стремительно стареть. Он мог продлить ей жизнь и молодость лет до ста и, разумеется, так и сделал. Но мать очень хотела детей и сумела настоять на своём... Её старость — расплата за меня, ты знаешь.

Действительно, так и было. Эльфы, если уж влюблялись в людей, что случалось крайне редко, могли своей магией немного продлить срок человеческой жизни. Их возлюбленные жили около ста лет, оставаясь внешне молодыми, и тихо угасали без боли и страданий всего за несколько дней. Но если человеческая женщина рожала от эльфа, ускоренная регенерация переставала действовать. Хуже того, через пятнадцать — двадцать лет после родов такая женщина стремительно старела и умирала. Эльфийская магия больше не поддерживала её, это было необратимо.

— Ну вот... как я уже сказал, отец послушался и ушёл от нас. Тогда я понял, что он по-настоящему и не любил. Что ему человечка, бабочка-однодневка?.. Мать любила сильнее... Она умерла через год, а отец счёл нужным найти меня лет через десять. Нет, я понимаю, что глупо обижаться — он эльф, они чувствуют по-другому, но... Я бы на его месте, наверное, не бросил.

Айриэ не стала говорить, что если эльф ушёл, так это потому что просто не мог не почувствовать истинное желание своей возлюбленной. Если бы в глубине души она хотела, чтобы он остался до конца, то его бы никто не смог заставить уйти. Но что толку утешать расстроенного Тианора? Он давно взрослый, пусть сам разбирается.

Кайдарах насторожился. Весть о притаившемся где-то поблизости чёрном колдуне взбудоражила всю деревню. Жители опасались лишней раз выходить на улицу по вечерам, улицы пустели уже в сумерках, а все двери и окна накрепко запирались. При этом забывая или просто игнорируя то обстоятельство, что тварь без малейших затруднений пробиралась к хряку в запертый сарай. Правда, на хряка было наложено проклятие, которое и позволяло хогрошу проникать внутрь сарая, но кто мог поручиться, что маг не повторит этот трюк снова, уже с человеком?.. Днём было не так боязно, люди не без основания полагали, что тварь нападать не станет, хоть и не опасается солнечного света. Герцогские гвардейцы

исправно патрулировали деревню, и это обстоятельство встречало самое горячее одобрение её обитателей. Отряд, разбившись на три группы, медленно, шагом объезжал улицы Кайдараха и окрестные фермы.

Через пару дней Айриэ пригласили в замок, проверить работу артефактора. Магессу с пиететом проводили в комнату рядом с оружейной при гвардейских казармах, где обнаружился угрюмый Мирниас. Маг, съевшись, сидел на лавке в углу и даже не встал поприветствовать коллегу, ограничившись сухим кивком. На столе в центре комнаты лежали три меча — из тех, которыми обычно вооружают солдат. Мирниас выглядел изрядно уставшим и даже, пожалуй, измученным; лицо бледное, а на щеках пылали два красных пятна. В глазах его стыло недоброе выражение, а голос прозвучал неприязненно, когда он подбородком указал на стол:

— Ваша работа, мэора. Проверяйте.

— Вы случайно не заболели, Мирниас? — с умеренным любопытством поинтересовалась магесса, подходя к столу.

— Вам-то что за печаль? — грубо спросил он. — Лучше мечи осмотрите, мэора, чтобы потом разговоров не было.

Голос его прозвучал оскорблённо. Неудивительно, маг чувствует себя незаслуженно обиженным подозрениями его светлости. Ладно бы проверяли тайно, а то герцог, крайне неделикатно и с явным умыслом, пригласил магессу проделать это прямо на глазах у Мирниаса. Его светлость даёт понять Айриэ, что магу-контрактнику он не доверяет и ненавязчиво подводит её к мысли о необходимости следить за Мирниасом? Или долговязый маг всё-таки виновен, тогда он талантливо играет обиженного.

Коснувшись первого меча, Айриэ с трудом сдержала удивлённое восклицание. Работа была выполнена прямо-таки ювелирно. Да что там, она сама бы лучше не сделала, даже дома, где имелись все условия. С возросшим уважением магесса глянула на молодого артефактора. Тот сидел, прикрыв глаза ресницами, но нервно подёргивавшаяся щека и учащённое дыхание выдавали его напряжение.

Так называемое заклинание «серебряного клинка», позволяющее наносить нежити смертельные раны. Тончайшая вязь силовых линий оплетала весь меч, включая рукоять. Сложнейшее плетение было наполнено силой и хищно искрилось, если смотреть магическим зрением. Осторожно «подёргав» плетение собственной магией, Айриэ оценила прочность и надёжность крепления. Оно держалось намертво. И это наложено на готовый, давным-давно откованный меч!.. Артефактные мечи делались непременно двумя мастерами: кузнец-оружейник ковал, маг накладывал чары в процессе изготовления — постепенно, этап за этапом. Только тогда чары становились «вечными» и исчезали, лишь когда ломался клинок. Заклинания, наложенные на готовое оружие, не считались долговечными и, как правило, развеивались некоторое время спустя, особенно если клинок часто участвовал в битве. Здесь же Айриэ готова была поклясться, что «серебряный клинок» лёг навечно. Раньше меч в ржавую труху рассыплется, чем это заклинание истончится!..

— Ну, Мирниас, у меня нет слов, — честно призналась магесса. — Снимаю несуществующую шляпу. Вы настоящий мастер.

Светло-зелёные глаза глянули задиристо, но без прежней злости, а скулы медленно окрасились румянцем удовольствия. Старательно скрывая гордость от похвалы магессы, парень буркнул:

— Для чего наняли, то и сделал!

Айриэ усмехнулась. О да, обиженный недоверием маг сделал именно то, что от него требовали, зато как сделал!.. Безупречно, мастерски, и вообще оружию этому цены не было... если бы на него параллельно наложили заклинание прочности и самозаточки. Меч стал бы истинным произведением артефакторского искусства, но на грубом солдатском мече средненьких качеств шедевральное заклинание смотрелось издевательски. И Мирниас проделал это умышленно, не имея иных средств ответить на нанесённое герцогом оскорбление.

Два других меча были зачарованы столь же безупречно. Сколько же сил Мирниас в них вложил — неудивительно, что он выглядит настолько измученным. Айриэ вгляделась внимательнее.

— Корррявое Равновесие, Мирниас, да вы истощены! Вы что, опустошили резерв и потом позаимствовали собственной жизненной силы? С ума сошли?

— Неважно, мэора Айнур. Вас это не касается, — через силу проговорил долговязый маг. — Если убедились, что клинки зачарованы как нужно, идите, докладывайте его светлости. А я немного отдышусь и продолжу, меня ещё семь мечей дожидается.

В подтверждение своих гордых, независимых речей он поднялся со скамьи и хотел пройти в угол, где лежали остальные заготовки. Не сделав и двух шагов, этот герой начал заваливаться набок, и магессе пришлось его подпереть плечом, подтаскивая обратно к лавке.

— Сядьте и не прыгайте кузнечиком! — сердито велела Айриэ. — Чем вы, интересно, думали? Я понимаю, что большая часть соображалки была занята наложением чар, но хоть что-то должно было остаться? Он ещё чаровать собрался! Да вам теперь пару дней лучше о магии не думать, а то банально помрёте от магического истощения, глупец вы эдакий! Чему вас только в Академии учили, хотелось бы знать? Или вы лекции прогуливали, где как раз об опасности «сгореть» рассказывалось?

— Всё я помню, не волнуйтесь, мэора, — вяло огрызнулся маг, тяжело осев на скамью. — Я уж как-нибудь сам решу... на что и как мне тратить силы. С чего вдруг такая забота?

— Мне истинного таланта жалко, который может быть по глупости загублен хорохорящимся юнцом, — отпарировала магесса. — Поэтому не рыпайтесь и слушайте старших, иногда это полезно. Рот откройте и не шарахайтесь, я вас не домогаюсь, вы не в моём вкусе.

Подпитку магического резерва, как и обычное искусственное дыхание, удобнее всего было делать рот-в-рот. Только вместо вдуваемого в человека воздуха здесь тонкой струйкой вливалась магическая энергия. Поэтому, ухватившись за взлохмаченные светлые вихры мага, чтобы он не дёргался, Айриэ прижалась губами к его напряжённому, застывшему рту и приступила к лечению. Сила послушно потекла куда надо, заставив поблёкшую ауру артефактора потихоньку налиться радужными цветами. Немного подпитав отчего-то покрасневшего до корней волос Мирниаса, Айриэ милостиво позволила пациенту вырваться из своих когтей. Мирниас отпрянул и, тяжело дыша, злобно уставился на магессу.

— Я вас не просил!.. — вякнул он и закашлялся, подавившись собственным возмущением.

— Вас забыла спросить, — с ленивой угрозой откликнулась магесса. — Вы меня внимательно слушали, Мирниас? Никакой магии в ближайшие два дня, иначе сгорите как маг или вовсе с жизнью расстанетесь.

— Понял, не дурак, — проворчал юнец, избегая её взгляда и добавил неохотно: —

Спасибо, мэора.

— Да не за что, не за что. Отправляйтесь домой и отоспитесь как следует... Вы опять пешком?

— Ходить полезно! — Он с вызовом взглянул на Айриэ.

— Да кто бы спорил. Только не вам и не сейчас. Ладно, идёмте, отвезу вас, — с некоторым раздражением вздохнула она. — Шоко не привыкать таскать на себе ваше тощее тело.

Он с заметным усилием поднялся и, подхватив свою сумку, направился к выходу. Несколько раз его шатнуло, но на ногах удержался. Ауру Айриэ ему подпитала, теперь та начнёт восстанавливаться самостоятельно, а физические силы вернёт хорошая еда и крепкий сон.

Во дворе Айриэ заметила Эстора Файханаса и поставила его в известность, что магесса она забирает с собой.

— Но как же, мэора? — Брат герцога недоумённо приподнял брови. — Мэор Мирниас говорил, что готовы только три первых меча, остальное он зачарует после короткого отдыха...

— Мэор Мирниас изрядно переоценил свои силы! — отрезала магесса, прерывая начавшего что-то говорить молодого мага. — Ему можно возвращаться к работе не ранее, чем через два дня, я настаиваю. Пожалуйста, передайте вашему брату, что чары на трёх первых мечах превосходного качества. Мэор Мирниас весьма талантлив, но вложил много сил в заклинания, поэтому теперь ему требуется отдых. Остальное он сделает, когда восстановит силы. И не более чем по два меча в день, слышите меня, коллега?

Мирниас угрюмо кивнул, но спорить не пытался. Эстор Файханас учтиво поклонился и заверил, что всё передаст брату в точности. Айриэ подвели коня, она уселась спереди, а маг попытался взгромоздиться в седло, но не преуспел: слишком ослаб. Попросив одного из гвардейцев помочь Мирниасу, она дождалась, пока маг вцепится своими жёсткими пальцами в её талию, и пустила Шоко ровной рысью. Ей повезло, маг держался крепко и по дороге ни разу не свалился, хотя то и дело тяжело наваливался ей на спину.

Когда обратись, он, кажется, от слабости уже с трудом воспринимал окружающее и кое-как сполз на землю.

— Ну-ка, помогайте, брайя! — кивнула Айриэ подскочившей встревоженной вдовице. — Мэору Мирниасу магичить много пришлось, ему теперь в кровать надо. Два дня только спать, есть и посещать туалет, более никаких нагрузок, ясно?

— Да, мэора, всё сделаю! — закивала вдовица, поддерживая мага с другой стороны, и робко поинтересовалась: — А кормить чем лучше?

— Мясо, красное вино, ну и свежие помидоры с зеленью, — указала магесса на гряды с краснеющими плодами. — За вином к Гриллоду ходите, у него хорошее.

Мирниаса сгрузили на кровать, и вдовица помчалась готовить постояльцу обед.

— Ну, с раздеванием вы и сами справитесь, а я пошла, — кивнула магесса Мирниасу, и тут взгляд её упал на прикроватную тумбочку, где лежала книга картивианского магистра Артиана Лоннира с торчащими из неё закладками. — Смотрю, вы решили последовать моему совету? Одобряю и могу попутно дать ещё один. Если хотите увеличить резерв, через два дня начните интенсивно выполнять описанные в книге упражнения, пока вновь не опустошите все запасы магии. И так раз пять-шесть, потом перерыв на месяц. Но Равновесие вас избавит от дурацкой идеи заимствовать свою жизненную силу!

— Я понял, спасибо, мэора Айнура, — не прекословя, ответил артефактор, и Айриэ подумала, что, наверное, бедняге совсем худо, раз больше не хорохорится, поэтому поспешила оставить его в покое.

Следующий труп нашли в переулке, в той самой луже, где Айриэ некогда видела гигантскую чёрную свинью. Мужчина лежал лицом вниз, подвернув под себя скрюченную руку, а на земле расплывалось пятно грязно-бурой жижи, уже начавшей подсыхать. Солнце грело ещё по-летнему, буровато-серая корка подползала всё ближе к телу, расписывая землю некрасивым узором. Одежда мужчины, обильно усеянная серебристыми каплями росы, испускала лёгкий, едва заметный парок в бледно-жёлтых солнечных лучах. Земля в тех местах, где ещё стояли не высохшие после дождя грязные лужицы, была испещрена огромными, когтистыми следами. Похоже, хогрош нарочно исплясал всё вокруг, чтобы порадовать дознавателей количеством следов виновника преступления. Непременный веночек с гнилостным запахом с издевательской скромностью притулился рядышком.

Айриэ оказалась у трупа даже раньше капитана Паурена. Выяснилось, что он лично приказал в случае чего посылать за магессой одновременно с ним. Провинившийся десяток стражи угрюмо отгонял от тела толпившихся зевак. Деревенские были встревожены, но любопытство подогревало сильнее страха. Собралось две кучки людей — одна дальше в проулке, другая на центральной улице. Воссоединиться им не давали гвардейцы.

Велев одному из гвардейцев перевернуть тело, Айриэ хмуро уставилась на разодранные грудь и живот мужчины. Сердце наверняка было сожрано тварью — копаться в трупе магесса не намеревалась, но могла догадываться. Лицо тоже было сильно порвано когтями, но боязливо вытягивавшие шеи кайдарахцы своего соседа явно опознали. Айриэ подошла, окинула взглядом деревенских и поманила к себе седовласого, худого и жилистого мужчину, одетого в старую, явно рабочую, но опрятную одежду. Взгляд седовласого привлекал внимание житейской опытностью и лукавой хитринкой.

— Знаете его, брай? Хорошо, тогда идёмте со мной. Опознаете погибшего.

Седовласый, побледнев, осмотрел труп и нервно сглотнул, отвернувшись.

— Он это, мэора маг. Пайпуш, батрак мой... временный.

— Давайте-ка отойдём в сторонку, — заботливо предложила магесса, которой вовсе не улыбалось, чтобы фермера вывернуло наизнанку рядом с трупом. — Мне надо знать, кто он и где живёт... жил.

Отдышавшись немного, фермер хрипло представился:

— Я — Воллид Райнасар, мэора, сосед этого бедолаги. У меня ферма вон там, за деревней, а Пайпуш рядом жил, в конце этого проулка. У него жена и детей трое... я покажу где, если надо, мэора.

— Попозже, — кивнула магесса, — с его вдовой я обязательно побеседую. А пока расскажите, что за человек был.

— Пайпуш у нас с десяток лет как поселился, а родом он из Сайгары. Получил там какое-то наследство, продал домишко и подался к нам, потому что, вишь ты, наслышан был, что люди у нас в Юнгироде богато живут. Только не понял, что богатство с неба само ему в рот не упадёт, для этого потрудиться надо как следует. — В голосе седовласого слышалась явная насмешка, но не злая, а добродушно-снисходительная. — Непутёвый он был, мэора, вот что я вам скажу. Сам себе на пустом месте беды создавал. Вот казалось бы, появились у тебя деньги, так вложи ты их разумно, землю у его светлости арендуй и работай. Нет, не хотелось ему, вишь ты, в долги на всю жизнь влезать, потому что наследства на покупку

земли не хватало. Подумаешь, большое дело, ты будешь каждый месяц небольшую сумму отдавать, зато уже дети твои землёй владеть будут. Он корову, свиней и кур завёл, но породистых местных поросят покупать не стал. Додумался из своей Сайгары тощих беспородных хрюшек выписать, которые мало того хилые, так ещё и не заговорённые от мора. Говорили Пайпушу: потраться ты на мага, зато скотина здорова будет. Так нет, денег ему жалко было. «Авось не заболеют» — вот и весь разговор. Ну и ... доавоськался, дурень. Свины стояли скученно в тесных тёмных сараюхах, заболели да и передохли все от какой-то хвори. Кур хорьки да ястребы переловили, коровёнка чуть живая и доится изредка, а жена и голопузы его чумазые впроголодь сидят. Жалко мне их было, особенно жену его: по хозяйству одна надрывается, помощи от муженька не допросишься, да и детки... Из троих только средний правильный парень, я ему работёнку подбрасываю, да плачу едой или одежкой. Папашу его в батраки брал неоднократно, но это не работник, а горе одно. Всё из рук валится, всё тяп-ляп делается, инструмент ломает, а то напьётся и на работу не придёт, когда ты ждёшь и у тебя каждый летний денёк на счету, каждая пара рабочих рук... Начинаешь ругаться, а он тебе глазами изумлённо в ответ хлопает: «Да как же, Воллид, да ведь дождь к вечеру будет, зачем же траву косить, всё одно сено сгниёт...» Тьфу! Если лето дождливое, так у меня зимой скотина, что ли, должна без сена сидеть? Навесы на жердях давным-давно придуманы, скосил быстро, пока дождя нет, разложил тонким слоем, и высохнет сено как миленькое. А Пайпуш только мямлит: «Да у нас в Сайгаре так не делают, да я лучше подожду, пока погода установится, и высушу скошенное за два дня». А потом, вишь ты, у него коровёнка жрёт что попало и молоко у неё пропадает, даже если она каким чудом умудрится живого телёнка родить. А, что говорить, мэора!.. Сколько он мне кровушки попортил дуростями своими — не передать! Он и твари-то, небось, потому попался, что напился в таверне до полусмерти, да забыл, что ночами по деревне лучше не шастать. Мир его праху, в общем.

Воллид махнул рукой и неодобрительно покачал головой. Айриэ, правду сказать, слушала сей страстный монолог вполуха, заодно обдумывая, а не подбросили, случайно, и этот труп. По всему выходило, что могли. Допустим, поймали Пайпуша в этом переулке, когда пьяный домой возвращался, но если бы его тут убивали, он бы орал, а патруль непременно услышал бы.

— Желаю здравствовать, мэора, — услышала она пожелание, высказанное на редкость мрачным тоном. Обернувшись, увидела капитана Паурена и кивнула в ответ. Он тоскливо продолжил: — Всё-таки новый труп, мэора, лопухнулись мои орлы. Ну ничего, я с них половину месячного жалованья высчитаю по распоряжению его светлости, впредь будут бдеть получше!

— Вы в курсе, что это местный пьянчужка?

— Да, мэора Айнура, у нас Пайпуша многие знают, — брезгливо признался капитан. — Он всё-таки допился, а ведь предупреждали не раз... Спрошу своих, что они ночью слышали, хотя ясно и так, что ничего, иначе бы тварь ловить бросились... Его ведь ночью убили, мэора, как думаете? Спрошу ещё, когда он от папаша Брэддора ушёл, хотя сейчас народ в таверне долго не засиживается.

— Мне мэор Тианориннир говорил, что теперь «Свиная голова» закрывается намного раньше полуночи. Но пойдёмте, ваших людей опросим, вдруг всё-таки они что-то заметили. А вы, брай Воллид, пожалуйста, подождите меня, потом проводите к вдове Пайпуша.

Выяснить удалось только, что когда один из патрулей проезжал мимо таверны после

десяти вечера, на крыльце сидел изрядно набравшийся Пайпуш и орал песни. Примерно через час патруль был там снова, и таверна была уже закрыта, светильники потушены, и вокруг царила тишина. Нет, в переулок они не заглядывали, ездили только по центральной улице. Да и прошлая ночь была тёмной, лун было не видно за пеленой туч. Ещё видели на улицах возвращающегося домой мага и троих местных, больше никого.

В общем, Айриэ пришла к выводу, что поймали пьянчужку после десяти, когда он поплёлся домой. Хогрош стукнул его по голове кулачищем или палкой какой, вскинул на плечо и тихонько отправился к магу в логово, минуя патрули. А там «маг-враг» провёл тёмный ритуал — опять некий амулет силой напитывал? — и после велел твари подбросить труп обратно в переулок. Кровью землю опять полили... а кровь-то не человеческая, вот вам и доказательство. Айриэ подцепила пальцами немного кровавой жижи из-под трупа и, не обращая внимания на изумлённые взоры окружающих, провела быстрый магический анализ, на сей раз точно распознав присутствие свиной крови. Запустив заклинание очистки, чтобы избавиться от остатков грязи на руках, Айриэ попросила проверить наличие следов удара на голове пьянчужки. Как и ожидалось, под волосами на затылке наличествовала здоровенная шишка.

— Вот, поэтому он и не кричал, что его оглушили, — авторитетно заявила магесса. — Ваши люди и не могли ничего услышать.

Конечно, не могли, если убивали его в логове, но об этом капитану лучше не знать. Крепче спать будет.

— Ну что ж, капитан, здесь я всё осмотрела, пойду, побеседую с его вдовой. Может быть, она расскажет что-нибудь полезное.

На самом деле Айриэннис была уверена, что ничего полезного женщина ей не расскажет. Но раз ей полагалось изображать бурную деятельность по выявлению преступника, придётся тащиться к свежеиспечённой вдове. Махнула рукой болтавшему с приятелями фермеру, и они отправились к дому Пайпуша. Шоко послушно брёл следом, пощипывая пыльную придорожную траву.

Дом и двор прямо-таки кричали о нерадивости хозяина. Всё старое, покосившееся или прогнившее, крыша хлева зияет давнишней прорехой, ворота жутко скрипят, створка повисла на одной петле, вокруг горы хлама, грязи и каких-то объедков, над которыми тучами вились мухи. Во дворе обнаружилось трое худющих мальчишек с голодными глазами. Двое чумазых, с торчащими сальными патлами, третий выглядел умытым и причёсанным. Но в данный момент он стаскивал с себя рубаху, по которой спереди потёками стекала жидкая грязь. Перед ним стояло корыто с водой — очевидно, парень собирался самостоятельно выстирать старенькую, многократно заштопанную рубашку.

— Мать дома? — спросил фермер мальчишек, и старший, на вид лет двенадцати, бойко ответил:

— Да, дядька Воллид, с ней соседки сидят! — А средний добавил: — Она плачет, дядюшка Воллид. Нам про отца сказали уже...

Младший согласно хлопнул носом; у него единственного глаза были заплаканными, но сильно расстроенным и он не выглядел. Очевидно, особого горя потеря непутёвого папаши у сыновей не вызвала.

— Ясно, — кивнул фермер и хмуро поинтересовался у среднего: — Сиор, что с твоей рубахой?

— Упал, — ответил мальчишка, пряча глаза, а двое остальных злорадно захихикали.

— Упал, вишь ты, — прищурился Воллид и вдруг гаркнул грозно: — А ну, признавайтесь, поганцы, вы в Сиора грязью запустили? Ах вы, мелкие паршивцы, у вас отца убили, у матери горе, а вы ей ещё забот пытаетесь добавить? Развлекаетесь? Я вам покажу забавы! А ну, взяли вёдра немедленно и пошли таскать воду в мыльню! Чтоб через час вода грелась, а вы двое заодно и полы в доме выскребли!

— А чего вы тут распоряжаетесь, дядька Воллид? — неуверенно вякнул старшенький.

— Я сейчас хворостину возьму и объясню доходчиво, почему я распоряжаюсь и почему вы должны брать пример с Сиора и помогать матери! — обманчиво ласково проговорил фермер.

Старший и младший прониклись и уныло потупились, а средний сказал:

— Дядюшка, у нас в колодце вода дурная... Крыса там утопла, воду брать нельзя.

— Тогда ко мне за водой ходить будете, не так уж далеко, — нахмурился фермер и озабоченно спросил: — Крысу-то хоть выловили?

— Я выловил, дядюшка! — ответил Сиор. — Только вода-то уже загажена...

— А вот этому я могу помочь! — вмешалась Айриэ, до сих пор с любопытством наблюдавшая, как Воллид взялся наводить порядок. Что-то ей подсказывало, что у фермера к новоиспечённой вдовушке имеется свой интерес. Он выглядел, как человек, принявший некое решение и взявшийся воплощать его в жизнь, не откладывая дело в долгий ящик. — Сейчас воду заклинанием очищу, будет лучше прежней.

Она деловито подошла к колодцу, оценив и прогнивший, трухлявый сруб (наверное, прадеда предыдущего хозяина дома застал), и кое-как сделанный навес над ним — кривой и щелястый. Неудивительно, что туда крыса свалилась, дыр тут полно. Запустив заклинание очистки воды вглубь вонючего колодца, заметно попахивавшего тухлятиной, Айриэ добавила своих обычных «фокусов из репертуара бродячего цирка» для публики — в виде вспышек и светлячков. Это, как всегда, вызвало восторженные охи и ахи, но и цель была достигнута, вода полностью очистилась. С сомнением осмотрев старое, ржавое ведро на такой же цепи, магесса очистила и его, потом самолично покрутила ворот и подняла полное ведро наверх. Первая смело напилась из пригоршни и жестом предложила остальным последовать её примеру, сняв пробу.

— Отменная водица, тут отродясь такой не бывало! — с удовлетворением крикнул фермер. — Вот спасибо-то, мэора!

— Мэора маг, сколько мы вам должны? — тихо и очень серьёзно спросил Сиор, напряжённо сжимая пальцы.

— Да нисколько, парень, я для себя старалась. Очень водички захотелось! — подмигнула магесса.

В доме обнаружилась всхлипывающая на стуле женщина в окружении нескольких сочувствующих подруг. Фермер понятливо попросил всех лишних удалиться — мол, мэоре магу надо с вдовой поговорить.

Внутри дома было чисто, но убого: сразу было видно, что тут проживала беднота. Старый колченогий стол, скрипучие разномастные стулья, сундук в углу, криво висевшая полка с посудой да пара плетёных из тряпок половичков на полу, вот и вся обстановка. Печь с облупившейся побелкой, потолок закопчённый, из припасов — только пучки сухих трав на стенах да пара тощих крупяных мешочков.

Женщина была ещё не старая, но сморщившееся от рыданий лицо и сгорбленные плечи добавляли ей лет. Вдова оплакивала, как показалось магессе, не столько саму смерть

Пайпуша, сколько проблемы, которые она с собой несла. С таким муженьком женщине жилось несладко, но без него, одной с тремя детьми, скорее всего, станет намного хуже. Если нового мужа не найдётся... Подтверждая подозрения магессы, Воллид тихонько шепнул: «Полгода слова ей не скажу про это, а потом пусть идёт за меня замуж. Хватит, намыкалась, теперь поживёт нормально». Фермер подошёл и принялся утешать женщину с чуть грубоватой нежностью, так что становилось ясно, что планы по сватовству он лелеет не из выгоды. Что с таких бедняков возьмёшь, да и повесить себе на шею троих чужих мальчишек — удовольствие невеликое.

Переговорив с женщиной, Айриэ окончательно убедилась, что интересного она здесь не услышит. Пайпуш наверняка был случайно выбранной жертвой — что магу, что его ручному монстру без разницы, кого рвать. Теперь уже без разницы... Если «маг-враг» пытается зарядить некий тёмный амулет, а одной убитой мельничихи ему не хватило, то жертвы подойдут любые. Основа, сердцевина амулета уже заряжена, дальше можно просто подпитывать его силой, пока он не будет готов. Айриэ весьма интересовало, что это за амулет, но в любом случае, Файханасы воспользуются им только по приезду в столицу, на расстоянии ведь, по идее, не получится. Значит, пока можно было не особенно беспокоиться по сему поводу, а жертвы... жертвам не повезло, но их жизни будут отданы в защиту короля. Бо-о-ольшое утешение, да. С другой стороны, защищать короля — обязанность каждого подданного, так что смерть за него — это, безусловно, очень грустно, но справедливо и даже в некотором роде почётно... Айриэ зло фыркнула и помянула корявое Равновесие, вскакивая в седло.

Жаль, не получится обсудить всё с Тином. С беднягой менестрелем произошёл несчастный случай. В тот день, когда Айриэ впервые проверяла работу Мирниаса, Тианор вечером должен был развлекать супругу Эстора Файханаса и её подруг. Тогда он Айриэ не навещил, хотя намеревался, однако она нимало не встревожилась. В конце концов, он не обязан перед ней отчитываться. Однако на следующий день от него пришла записка, где он сообщил, что приболел и... просил не навещать его. Эту просьбу Айриэ проигнорировала и сразу же отправилась проведать болящего.

Менестрель обитал у пожилой семейной пары, в чистеньком, уютном домике, стоявшем в тихом зелёном переулке. Комнаты, где жил Тианор, сияли чистотой и порядком. Домашний уют и некую милую, тёплую душевность обстановке придавали множество подушечек, белоснежных кружевных салфеточек и пухленьких бежевых креслиц. Комната идеально подходила хозяйке дома — тоже пухленькой, опрятной, розовощёкой, приветливо улыбающейся старушке, но сам менестрель с его чересчур экзотичной для этого дома внешностью смотрелся несколько неуместно. Впрочем, ему самому обстановка, очевидно, нравилась или, по меньшей мере, не вызывала неприятия. Айриэ помнила, как он говорил, что его всё устраивает, кроме разве что вполне простительной страсти хозяев дома добродушно посплетничать обо всём, что происходило в деревне.

Бледный, обзаведшийся кругами под глазами менестрель полулежал в постели и страдальчески сморщился, едва Айриэннис вошла в его спальню.

— Айнура, ну я же просил! — простонал он и возвёл глаза к потолку. — Впрочем, мог бы и догадаться, что ты моей просьбы не исполнишь.

— Ну и чем тебе помешал мой визит? — с любопытством осведомилась Айриэ.

— Разумеется, вместо того, чтобы поинтересоваться **моим** здоровьем, ты спрашиваешь, почему **тебя** просили не приходить, — обиженно нахмурился Тианор и откинулся назад.

При этом его блестящие бронзовые волосы красиво и даже несколько картинно разметались по белоснежной наволочке, отделанной кокетливыми кружавчиками.

— Раз ты способен дуться, значит, дела твои не так уж плохи, — с насмешливой ласковостью заметила магесса и подтащила к кровати стул, чтобы устроиться с комфортом. — Что случилось, Тин?

— Глупейшая история. — Он смущённо отвёл глаза. — Я свалился с лестницы, представляешь? Но, умоляю, никому не рассказывай, иначе я стану посмешищем!

— С какой ещё лестницы? Только не говори, что тебя напоили на той вечеринке респектабельные дамы в возрасте!

Он издал сдавленный смешок, показывая, что оценил шутку.

— Нет, Айни, как ты могла подумать такое про уважаемую мэору Альдарру и её подруг! Да и я выпил всего пару бокалов вина. Нет, просто я зазевался, за что и поплатился. Это было очень больно, знаешь ли. — По его лицу пробежала тень. — Я сильно ушибся. Его светлость оказал мне гостеприимство и вызвал целителя. Я провёл ночь в замке, а сегодня меня доставили сюда в герцогской карете.

Что показательно, целителя-мага в замке тоже не держали. Как ни слаба целительская магия, почувствовать «коллегу», тайно колдующего где-то по соседству, способен даже слабый маг. Его светлость предпочёл не рисковать. Нынешний герцогский лекарь обладает разве что зачатками магии, упоминать смешно, а если случается что-то серьёзное, зовут целителя из соседнего города.

— Что там у тебя, давай посмотрю, — предложила Айриэ, но полуэльф поспешно отказался.

— Спасибо, Айнура, но не стоит. Целитель мне помог, а скоро я сам встану и подлечусь эльфийской магией. Не утруждайся, ты же сама говорила, что целительница из тебя паршивая. — Он снова с некоторым трудом выдавил смешок. — Не хочу, чтобы ты меня таким беспомощным видела... самолюбие страдает, знаешь ли. Пощади хотя бы его остатки.

— Ну, раз ты такой стеснительный, Тин, лечись сам, — безжалостно постановила магесса, не собираясь навязываться.

— Вылечусь, — заверил менестрель. — Ещё пару-тройку деньков в постели поваляюсь, отдохну заодно... За мной та-а-ак ухаживают! — Он мечтательно закатил глаза. — Даже болеть приятно — брайя Миранна, моя хозяйка, такая заботливая...

— Ага, так её сочувствие твою мужскую гордость не ранит! — поддразнила его Айриэ

— Она ведь мне не любовница, — усмехнулся Тианориннир в ответ и попросил уже серьёзно: — Айни, ты, правда, не навещай меня, не стоит. Я к тебе сам приеду, когда поправлюсь.

— Да пожалуйста! — любезно откликнулась Айриэ, нимало не задетая подобной просьбой. Пусть страдает в обнимку со своим самолюбием, ей не жалко. Утешать болящих и изображать сиделку она тоже не слишком любит, так что всё ко взаимному удовлетворению.

Возвращаясь от вдовы тем же переулком, магесса увидела, как тело убитого грузят на повозку подоспевшего могильщика, а Паурен отсчитывает тому деньги. Очевидно, пьянчужку похоронят за счёт его светлости, да и некая денежная компенсация вдове причитается.

— Мэора Айнура! — окликнул магессу капитан. — Не откажите в любезности посмотреть. У нас тут новая улика обнаружилась.

Он вытащил из кармана что-то, завернутое в платок, и продемонстрировал спешившейся

Айриэ.

— Вот, в пальцах Пайпуша зажато было. Сразу и не заметили, только когда тело внимательно осматривать стали. Что скажете, мэора?

Это оказалась небольшая прядь светло-русых волос, выдранная из чьей-то шевелюры. Волосы немного извалялись в грязи, но явно потому, что труп лежал в луже, да ещё его переворачивали.

— Волосы человеческие, это пока всё, что я могу утверждать, — повела плечом Айриэ, не торопясь высказывать свои соображения. Очередная подброшенная улика вроде той пуговицы?.. — В какой руке были волосы?

— В правой, она под телом оказалась... а, да вы ведь видели, мэора. Мои орлы тело в первоначальное положение вернули, потом обратно, пока я соображал, как именно всё произошло. Я не сразу и заметил, что у него пальцы скрючены, а в них зажато что-то. Подумал было, он твари клок шерсти выдрал, а оказалось, волосы...

— Следов мага здесь нет, — резонно заметила Айриэ.

— Может, тварь для этого и испрыгала тут всё вокруг, чтобы следы хозяина уничтожить, — не менее резонно возразил капитан. — Это улика, мэора, да какая! Волосы наверняка принадлежат убийце.

«И подозрительно похожи на лохмы артефактора», — кисло подумала Айриэ. Придётся чуть позже наведаться в замок, тем более Мирниас должен сегодня зачаровать очередную пару мечей. Возможно, герцог и правда собирается сделать из долговязого мага жертвенного козлика, надо проконтролировать и помочь бедняге, в случае чего. Точнее, немного нарушить планы его светлости, это важнее.

Магесса вернулась к Гриллоду и не торопясь, со вкусом позавтракала: её опять разбудили с утра пораньше сообщением о найденном трупе. Есть она не стала, сразу поехала смотреть, так что теперь следовало наверстать упущенное. Отведав омлета со свежей зеленью и кусочками бекона и запив всё парой чашечек превосходного крепкого кофе, магесса немного подобрела и решила ехать в замок прямо сейчас, не дожидаясь вечера. Что-то ей подсказывало, что волосы убитому Пайпушу подсунули не зря, и герцог намерен перейти к решительным действиям.

Она немедленно убедилась в своих подозрениях, прибыв в Файханас-Манор. В комнате рядом с оружейной, где работал Мирниас, магесса застала дивную картину. Посреди комнаты стоял Мирниас — как обычно, встрепанный, но неожиданно бледный, с каким-то загнанным выражением в глазах. Он с силой выкрикнул:

— Я этого не делал!.. — да так, что стёкла задребезжали.

Перед ним стоял преисполненный благородного негодования герцог, также присутствовали слегка злорадствующий наследник, невозмутимый Эстор Файханас и ещё один, незнакомый магессе типичный горбоносый представитель этого славного рода — очевидно, отсутствовавший в прошлый раз кузен Синтион. В качестве подкрепления здесь же находился капитан Паурен и трое его солдат, один из которых держал наготове антимагические наручники. И, кажется, вполне оправившийся от ушибов Тианор, вот уж совершенно непонятно почему. Герцог решил воспеть в веках героическую поимку злобного мага?..

— Мэоры, что здесь происходит? — осведомилась магесса, величественно влияя в комнату.

Ей показалось, что в глазах герцога проскользнула едва заметная досада, зато Орминд

поморщился вполне очевидно, по молодости лет не давая себе труда скрывать свои чувства. А Мирниас глянул с каким-то безнадежным отчаянием, похоже, даже не рассчитывая получить помощь.

— Мэора Айнура, рад вас видеть, — бесстрастно изрёк Рольнир Файханас, ничем, впрочем, своей радости не выказывая. — Вы прибыли удивительно вовремя и, надеюсь, окажете помощь в установлении истины. Капитан Паурен сказал, вы уже видели найденную улику. У него возникло предположение, что волосы цветом весьма похожи на волосы нашего уважаемого артефактора, и капитан поспешил сообщить мне о своих подозрениях. — Слово «уважаемого» герцог произнёс с откровенным презрением, и молодой маг судорожно дёрнулся, а уши его заалели. — Я решил немедленно установить истину, и настоятельно попросил мэора Мирниаса предоставить прядь своих волос для сравнения.

— Я и не отказываюсь это сделать, ваша светлость! — вскинул голову Мирниас. — Сравните сколько угодно, но я-то знаю, что невиновен в убийствах и не создавал никакой магической твари!

— К сожалению, молодой человек, это вопрос такого характера, что мы не имеем права принимать на веру ничьи слова, — веско заметил брат герцога. — Поэтому не дурите, подчинитесь и позвольте надеть на себя наручники, как вам было сказано.

— Я не думаю, что в подобной мере есть нужда, — вмешалась Айриэ, и теперь едва заметно скривился Эстор Файханас. — Не забывайте, я всё-таки боевой маг с немалым опытом и сумею, в случае чего, справиться с молодым «бытовиком».

Мирниас наградил её взглядом, далёким от благодарности, однако подтвердил:

— Я не собираюсь делать глупости. Пусть ваши солдаты срежут у меня прядь волос. Но даже если они и похожи по цвету, то светло-русых людей на свете немало! С чего вы взяли, что это именно мои?

Герцог не собирался удостаивать подозреваемого ответом, вместо этого кивнув одному из гвардейцев. Тот ножом безжалостно отхватил прядь волос Мирниаса и положил на стол, где на развёрнутом платке лежала вымазанная грязью улика.

Герцог, брезгливо искривив уголок рта, склонился над столом, сравнивая, и вскоре отошёл, уступая место прочим жажущим. Его родичи проделали то же самое, едва не сталкиваясь головами.

— На первый взгляд, волосы идентичны, — изрёк его светлость, с грозным прищуром глядя на мага.

Тот судорожно сглотнул и ответил чуть дрожащим голосом:

— Но это не мои, ваша светлость! В любом случае, Пайпуша я последний раз видел вчера вечером в таверне, и ушёл я раньше, это вам могут подтвердить.

— А кто вам мешал вернуться и подкараулить несчастного в переулке? Или послать свою ручную тварь? — возразил кузен герцога Синтион. — Или, предположим, вы стояли и смотрели, как питается ваш монстр, а Пайпуш каким-то образом вырвался, затеял борьбу и выдрал у вас клочок волос, чего вы в пылу схватки не заметили. Нет, мэор Мирниас, я пока не утверждаю, я всего лишь показываю, как могло быть.

— Такое развитие событий представляется мне вполне возможным, — согласился герцог. — Впрочем, у нас есть возможность узнать точно с помощью эльфийской магии. Мэор Тианориннир, прошу вас!

Тианор, с самого начала избегавший взгляда Айриэ, шагнул вперёд. Вид у него был невозмутимый и вполне безмятежный, но магесса успела приметить подрагивавшие кончики

пальцев. Менестрель немного нервничал. Опасался её реакции или возможного недовольства всесильного герцога?

— Герцог, могу ли я спросить, что вы намерены делать?

— Всё очень просто, мэора Айнура. Мэор Тианоринир с помощью эльфийской магии определит, принадлежат ли волосы, найденные у Пайпуша, нашему магу. Я бы предложил вам, мэора, также принять в этом участие, но, насколько мне известно, классическая магия не имеет заклинаний, подобных эльфийским.

Голос его светлости выражал лёгкое сочувствие и содержал отголосок некоего торжества. Думаете, утёрли нос выскочке из Ордена? Ну-ну.

— Отчего же, мэор Рольнир? Драконьи маги — несколько большее, чем обычные, классические. Нам известно немало тайн Ушедших, и мне как раз вспомнилось одно подходящее заклинание. Я вычитала его в древней книге, которая была написана ещё при драконах.

Спокойно подойдя к столу с другой стороны и развернувшись лицом к зрителям, магесса картинно простёрла руки над «образцами». Тианор, к слову, подозрительно охотно отступил назад и прямо-таки просветлел обликом. Магесса быстренько проверила волосы на сходство и убедилась в полной идентичности обеих прядок. Впрочем, раз уж его светлость счёл нужным затеять этот фарс, следовательно, можно было не сомневаться, что волосами Мирниаса он запасся. Как — дело техники, да и не особенно важно. Если Мирниас после наложения чар на мечи находился в обморочном состоянии, тут его, пожалуй, наголо остричь можно было, не то что аккуратно выдрать несколько волосков.

Айриэ чувствовала, что начинает злиться, и привычно успокоила начинающее бесноваться внутри пламя. Подождать совсем немного, всего-то одну декаду... Ещё не время снимать маски, как бы ни хотелось стать собой. Для неё носить эту искусственную оболочку поверх себя настоящей, поверх истинного облика — всё равно что дышать сквозь грязную тряпку. Как же хочется освободиться... вдохнуть полной грудью, рвануть вверх, свободно, не оглядываясь ни на что, кружиться в немыслимой для человеческого тела выси. Лететь навстречу ветру, обжигаясь о его холодное дыхание, и выдыхать пламя в ответ, а потом сливаться с ветром и парить в невесомости или стремительно нестись наперегонки с ним, на равных споря, кто выносливее. Обнимать землю раскинутыми крыльями, падая ей навстречу, танцевать под хлещущими струями грозового ливня, шагнуть в неистовствующее пламя огромного костра, ласкающего горьковатым дымом. Жить. Жить по-настоящему, всё сбросить, всё забыть, избавиться от чужого облика, смыть лишнее, ненужное, наносное... Быть собой, вот высший смысл существования. Быть собой, жить в ладу с собой, чувствовать Вселенную и отзываться на её ритм, танцуя при этом свой собственный танец. Все ошибки — только твои, все победы — только твои и тех, с кем захочешь их разделить. Отвечать лишь перед собой, и все принятые на себя долги — добровольные, иных не нужно. Стать пламенем, рванувшимся ввысь, выжигающим до серого пепла накопившуюся вокруг мерзость...

Стать!.. Пламенем!..

Жечь!.. До пепла!..

Неистовый позыв освободиться сотряс Айриэннис от макушки до носков запылившихся сапог. Кратчайший миг безмолвного ликующего крика, легчайший шлейф манящего запаха свободы — и всё угасло. Глубокий, медленный вдох — и внутренний огонь присмирел до поры, повинувшись её воле. Ждать. Тем слаще станет свобода, тем приятнее будет наконец-то

чувствовать по-настоящему, а не из-под наброшенной пыльной вуали, приглушающей восприятие...

Ну что же, герцог, хотели фарса — получите. Разноцветные искорки потанцевали и покружились над столом, потом его медленно окутало облако густо-фиолетового тумана. Вспышка бездымного фиолетового пламени — и туман словно растворился в нём, а над столом парил небольшой призрачный дракон. Его чешуя отливала чёрнёным серебром, а глаза казались океанами кипящего золота. Кто-то называл их совершенством, кто-то проклинал, а драконы просто были. Были собой. Этот крошечный фантом гордо выдохнул струю изумрудного пламени в собравшихся, отчего они испуганно отшатнулись назад. Не все, впрочем. С места не сдвинулся изумлённый, онемевший от восхищения полуэльф и неизвестно когда появившийся в комнате Фирниор. Последний бестрепетно шагнул к столу, не сводя потемневших серо-лиловых глаз с крошечного дракончика, и даже протянул руку, подставляя её под изумрудное пламя. Струя огня прошла сквозь его пальцы, не причинив вреда.

— Его можно... коснуться, мэора? — охрипшим, чужим голосом спросил юноша, с какой-то обжигающей тоской глядя на дракончика.

— Это фантом, Фирниор. — Айриэ позволила себе добавить в голос сожаления: порые юноши, пожалуй, пришёлся ей по нраву. — Вы ничего не почувствуете.

— Жаль...

Серебряный дракончик вдруг задорно улыбнулся и подмигнул Фирниору, а потом крутанулся в воздухе и завис над двумя прядками, поливая их своим изумрудным огнём. Волосы задымились и медленно засияли изумрудным же свечением. Потом свечение угасло; одна прядка окуталась багрово-красным полупрозрачным облачком, вторая — чернильно-синим. Дракончик ещё раз перекувырнулся и исчез, растворившись в эффектной фиолетовой вспышке.

Все присутствующие зашевелились, приходя в себя. Фирниор, сдвинув свои чёткие, прямые тёмные брови, неотрывно смотрел куда-то в угол, задумавшись о своём. Мирниас таранился на стол с видом человека, уговаривающего себя спокойно выслушать свой смертный приговор.

— И что всё это означает, мэора Айнура? — высокомерно приподняв брови и прищурив глаза-льдинки, осведомился его светлость.

— Свечение было разного цвета. Моё заклинание чётко выявило, что пряди волос принадлежат разным людям! — нагло солгала магесса и устремила безмятежный взгляд на владельца Файханас-Манора.

Попробуйте возразить, дорогой герцог. Заодно объясните, откуда у вас столь интересные сведения и кем является тот таинственный маг, которого вы так старательно прячете от королевского суда.

Видит Равновесие, герцогу очень хотелось возразить. И сдержался он невероятным усилием воли, но ярость, на миг исказившую лицо, скрыть не сумел или не хотел. Война так война. Пока тайная, но, возможно, дойдёт дело и до открытой схватки. По крайней мере, герцог явно на это надеялся, а пока спросил неестественно ровно:

— Скажите, пожалуйста, мэора Айнура, попытка мэора Тианориннира подтвердить или опровергнуть ваши слова не будет сочтена вами за оскорбление?

— Я несколько не возражаю, герцог, однако не думаю, что стоит утруждать мэора Тианориннира. Я уверена, его магия покажет то же самое, что выявило это древнее драконье

заклинание. — Айриэ продолжала смотреть Рольниру Файханасу в глаза так пристально, что это становилось почти вызовом. Почти. Они балансировали на грани открытой войны, но герцог выдержал, не сорвался, хотя магесса в глубине души, пожалуй, немного жалела об этом. Ей надоели притворство и маски, постыло липнувшие к коже.

— О да, ваша светлость, я думаю, мэора Айнура совершенно права! — поспешно откликнулся менестрель, которому, похоже, сильно не понравилась возможность оказаться тем слиточком железа, что плющат между молотом и наковальней. — Я ведь говорил, ваша светлость, моя магия полукровки слаба, мне доступны лишь некоторые заклинания, да и те работают очень уж прихотливо. Я не могу полностью поручиться, что моё заклинание сейчас сработает как должно. Зато мэора Айнура, будучи настоящим сильным магом, подобную гарантию даёт, и кто я такой, чтобы братья проверять её действия? С моей стороны это было бы непростительной дерзостью и самонадеянностью.

Герцог Файханас взглянул на менестреля с хищным прищуром, отчего тот вздрогнул, и сказал вполне мирно, хотя тон плохо вязался с тлевшей в глазах яростью:

— Что же, мэор Тианориннир, я признаю вашу правоту. И я молю мэору Айнуру простить моё недоверие обычного человека, плохо разбирающегося в магии. Я никоим образом не намеревался вас оскорбить, мне просто нужно знать наверняка, мэора. Согласитесь, это дело слишком серьёзное, чтобы надеяться на случайности.

— С моими заклинаниями случайностей не происходит, — заверила магесса, поймав взгляд Мирниаса, преисполненный горячей, изумлённой благодарности. — Я охотно прощаю вас, герцог, и понимаю, что вы не имели намерения меня оскорбить. Вы вправе принимать меры для защиты ваших людей. Я надеюсь, истинный виновник этих ужасных смертей вскоре будет найден.

— Это наше самое большое желание, мэора! — зло сверкнул небесно-голубыми глазами Орминд, а его отец величественно кивнул в знак согласия, пряча раздражение за каменным спокойствием.

— Просто замечательно, что наши желания совпадают, — добродушно ответила Айриэ, улыбнувшись самым благостным образом.

— Претензий к мэору Мирниасу у меня более не имеется, — всё тем же ровным тоном произнёс его светлость, намеренно не утруждая себя извинениями. Это было сделано не из высокомерия, а чтобы дать понять молодому магу, что подозрения с него сняты лишь временно и при малейшем намёке на его виновность быть ему жертвенным козлом.

Магесса готова была прямо-таки восхититься подобным цинизмом. И пообещала про себя, что станет по возможности расстраивать коварные планы герцога касаясь артефактора. Не то чтобы Айриэ было особенно жаль недотёпистого мага, однако же налицо имелась явная несправедливость, и исправить её было больше некому.

Мирниас, похоже, прекрасно понял, что оправдал его герцог «сквозь зубы», и вид имел гордо-оскорблённый. Увы, его холодность не могла соперничать с ледяным презрением истинного аристократа, а голос временами обиженно срывался:

— Ваша светлость, я брался выполнить определённую работу, и я это сделаю, если у вас не имеется возражений! Позвольте приступить? Или, возможно, желали бы задать мне ещё какие-либо вопросы?

Герцог и его брат синхронно повернули головы и одарили бедного артефактора такими уничтожающими взглядами, что тому впору было провалиться сквозь пол. Однако Мирниас только вспыхнул до кончиков ушей и заморгал.

— Приступайте... мэор, — холодно обронил герцог и отвернулся, чётче обозначив свою немилость.

Он раскланялся с магессой и первым вышел из помещения, подавая сигнал своим сопровождающим, а его брат поманил менестреля:

— Мэор Тианориннир, моя супруга просила вас зайти к ней, как только освободитесь.

Вскоре в комнате остались только Айриэ с магом, который длинно вздохнул, провёл дрожащей рукой по лицу и обессиленно рухнул на скамью.

— Спасибо вам, мэора Айнура, — бросил он измученный взгляд на магессу. — Если бы не вы...

— Пустое, Мирниас. Я не столько ради вас старалась, сколько ради очистки совести. Она бы меня загрызла, — пошутила Айриэ. Да и приятно было немножечко испортить настроение Файханасам.

— В таком случае, спасибо вашей совести, мэора. — Он пока был не в состоянии шутить и говорил ужасно серьёзно, будто на похоронах пятиюродной бабушки, оставившей крупное наследство. — Я её должник.

— Мирниас, если я вас не стесню, мне бы хотелось посмотреть, как вы работаете.

Он заметно смутился, но вежливо сказал, что она ничуть не помешает. Айриэ действительно было интересно понаблюдать. Его длинные тонкие пальцы порхали над мечом, с гениальной ловкостью выплетая сеть сложных чар. Красивый, идеальный узор чётко ложился на меч — чересчур серенький и обычный для подобного совершенства.

И только после того, как артефактор закончил работу, Айриэ заговорила о том, что её интересовало, предварительно установив магический «глушитель»:

— Мирниас, ваши волосы у герцога откуда, как думаете?

Молодой маг побелел как простыня:

— Как?.. В-вы что, хотите сказать, это всё же были мои?.. Но это не я, клянусь чем хотите!..

— Да верю я, не переживайте, — небрежно отмахнулась магесса, пытаясь успокоить запаниковавшего юнца. — Могу догадываться, вашу шевелюру слегка проредили, пока вы были без сознания.

— Здесь? — одними губами выговорил Мирниас, несмотря на «глушитель», опасаясь произносить подобное вслух.

— Или где-то ещё. Признаю честно, вы мне злодеем не кажетесь, Мирниас, поэтому я сочла нужным вам помочь. Не люблю, когда меня пытаются обмануть, а наш преступный маг именно это и намеревался сделать, подставив вас. На вашем месте я бы остереглась, его светлость, в отличие от меня, считает вас подозрительным.

— Я постараюсь быть осторожнее, — безрадостно пообещал артефактор, хотя и он, и Айриэ прекрасно осознавали, что это пустые слова.

Вечером Айриэ доставили подарок. Принёс его, как сообщила Тайра, слуга в герцогской ливрее. Корзинка с отборными деликатесами из морепродуктов и красивый, аккуратный букет роз всё той же оранжевой масти. Обнаруженная в корзинке записка была от юного Фирниора и гласила: «С огромной благодарностью за увиденное сегодня чудо». Там же имелась насмешливая приписка: «Мэора, пожалуйста, не переживайте за розы, там ещё много осталось!» Айриэ посмеялась и деловито проверила морепродукты на наличие ядов и проклятий. Мало ли что.

Явившийся Тианор не преминул высказать что-то язвительное по поводу роз, но его бурчание пропало втуне. Айриэ как раз лакомилась присланными дарами и в щедрости своей снизошла до того, чтобы предложить угощение любовнику.

— Спасибо, что-то не хочется, — кисло отказался менестрель. — А ты разве любишь морепродукты?

— По-моему, со времени нашего знакомства ты меня об этом уже в третий раз спрашиваешь, — заметила магесса. Смешно, юный Фирниор, выходит, наблюдательнее, раз сразу запомнил её вкусы.

— Да? Как интересно, — невпопад ответил Тианор, явно думая о своём.

— Тин, почему Файханас тебя привлёк для этого фарса с уликами?

— Его и спрашивай, — мрачно посоветовал полуэльф. — А меня просто поставили в известность, не предоставив возможности отказаться. Кстати, его светлость как-то чересчур много знает об особенностях эльфийской магии — хотелось бы поинтересоваться, откуда?..

— Наверняка его прикормленный маг подсказал.

— Чтоб он в гномью Кошмарную шахту провалился!.. — от души пожелал обозлённый менестрель. — Айни, какое счастье, что ты появилась так вовремя! Волосы были Мирниаса, да?

— Разумеется. Его светлость подготовился. Ты бы это подтвердил, и герцог с полным на то основанием потащил бы беднягу в пыточную.

— Подтвердил бы, — уныло признал менестрель. — Что мне ещё оставалось?

Ну да, дело житейское. В конце концов, было бы странно, если бы Тианор стал рисковать из-за совершенно чужого ему Мирниаса. Существовала нешуточная возможность того, что разъярённый герцог приказал бы отправить в пыточную обоих, признав Тианора сообщником преступника.

Айриэннис только одно было непонятно: что же такого произошло, что Файханасы начали торопить события? Видит Равновесие, она честно старалась не совершать лишних телодвижений. И пока не узнала никаких страшных тайн, компрометирующих знатное семейство.

Герцог со своими близкими собирается отбыть в столицу девятого числа первого Осенника. Король и его двор обычно возвращается в Юнгир третьего или четвертого. Ну и к чему спешка? Мага собираются подослать раньше? Но ведь, в случае удачного покушения, Файханасы должны находиться поблизости и успеть занять трон так, чтобы не прослыть узурпаторами, но — спасителями королевства от смуты. До столицы добираться два дня, особенно со скарбом, чадами и домочадцами...

Допустим, «преступника» разоблачают, совсем-совсем нечаянно позволив тому умереть

под пытками. Что потом? Герцог не может не понимать, что Айриэ это вряд ли удовлетворит. Она продолжит искать дальше. Или ему не это важно, а тоже необходимо для чего-то выиграть время? Чёрным магам дни равноденствия и солнцестояния не нужны, силу они тянут из боли и смерти жертв. Должен быть ещё какой-то неизвестный магессе фактор...

С другой стороны, если герцогу нужен жертвенный козлик прямо сейчас, Мирниаса взяли бы тихо, не устраивая показательного судилища и не привлекая посторонних, вроде того же Тианора. Вдобавок Рольнир Файханас не выглядел человеком, чьи планы серьёзно нарушены. Имелась всего лишь досада от неуместного вмешательства и наглой лжи магессы — лжи, уличить в которой Айриэ не представлялось возможным без того, чтобы не выдать самого себя. Оставалось сделать вывод, что фальшивый виновник герцогу всё-таки нужен, но острой необходимости в нём пока не имеется. Возможно, Файханасы подставят кого-то ещё, раз уж магесса так недвусмысленно взяла коллегу под свою защиту.

— Айнура, а что это сегодня было? — осторожно спросил менестрель. — Перед тем, как появился тот фантомный дракон. Красивая зверушка, кстати! У тебя был такой вид... как у древней воительницы, дикой и неистойвой. И глаза вдруг засветились зелёным золотом.

— Тианор, я ведь мастер иллюзий, — коротко напомнила она, ничего не объясняя. Однако же сильно её сегодня зацепило, если даже глаза на миг приняли настоящий цвет... Корявое Равновесие, до чего же ей надоела эта ровная, прохладная бесстрастность! Безликость почти. Неудивительно, что она едва не утратила контроль над собственной сущностью, упрямо пытающейся сбросить опостылевшие маски.

И неудивительно также, что ей сегодня хотелось любви неистойвой и бурной, а полуэльф отвечал на удивление вяло, без огонька, будто по обязанности даже, чем несколько её разочаровал. Но, поскольку магесса не планировала длить эту связь после отъезда из герцогства, высказывать какие-либо претензии смысла не было.

На следующий день Фирниор привёз дары лично, не доверив это дело слуге. Накануне Айриэ послала ему «письмоносца» с вежливой благодарностью. Надо полагать, сие юношу окрылило несказанно, раз привёз очередную корзину и букет сам.

— Мэора Айнура, не откажите в любезности принять мой скромный дар! — лукаво улыбаясь, играя ямочкой на щеке, попросил Фирниор.

— Фирниор, я вам очень благодарна, но право же, это лишнее!

— Пожалуйста, не отказывайте, мэора! Я ведь ещё за обедом заметил, что вам нравятся морепродукты, а больше вы их нигде не достанете, кроме Файханас-Манора. Поверьте, местные жители обладают массой достоинств, но любовью к дарам моря не отличаются.

— Что же, благодарю за щедрый дар, съем за ваше здоровье! — насмешливо улыбнулась магесса. — А розы бедные пожалейте, пусть лучше в саду цветут.

— Повинуюсь вашей воле, мэора! — Юноша озорно сверкнул глазами и пригласил её на прогулку.

Айриэ милостиво согласилась, ибо заняться всё равно было нечем. Они немного погоняли коней по окрестностям, а потом доехали до реки и дружно решили искупаться, пользуясь, наверное, последней в этом году возможностью. Не сегодня-завтра погода испортится, задуют холодные северные ветра с побережья, унося прочь накопленное тепло. Жара спадёт, ночи сделаются холодными, а почти осеннее солнце уже не сможет прогревать воду настолько, чтобы в ней было комфортно купаться. Сегодняшний же денёк был ещё полетнему тёплым, а Фирниор вообще утверждал, что жарким. Они кружным путём через мост

добрались до того удобного для купания местечка, которое Айриэ показала русалка.

Айриэ, дабы не травмировать нежную юношескую психику, осталась в нижнем белье, за неимением купального костюма, а Фирниор полез в воду в скромных полотняных штанишках до колен. Водичка оказалась бодряще-прохладной, они с удовольствием наплавались — до приятной усталости в мышцах.

Благодушие магессы простёрлось до того, чтобы подсушить заклинанием не только себя, но и спутника. После чего они блаженно растянулись в тени на травке, наслаждаясь тягучим, ленивым летним деньком. В такой день приятно любоваться сверкающими бликами на водной глади, слушать убаюкивающий шелест старых ив и наблюдать за ходящими в тёмно-зелёной глубине рыбинами. В такой день хочется забыть о злобных магах с их питомцами, об убийствах и расследованиях, о десятке предположений и подозреваемых. Даже если один из них валяется с тобой рядышком, всё равно хочется забыть, относиться ко всему миру благожелательно и, хм, человечно.

Прервали их отдых самым бесцеремонным образом. Из воды взметнулся фонтан серебряных брызг, вслед за которым вынырнула зеленоволосая красавица и звонко расхохоталась над вымокшим с головы до ног юношей. Магесса, обладая отменной реакцией, успела выставить щит, посему её одежда не пострадала.

— Айнура, я так и знала, что с тобой этот номер не пройдёт! — смешливо фыркнула русалка. — А Фирио опять попался!

— В который уж раз, — проворчал юноша, ничуть, впрочем, не разозлившись. — Лайли и Сэльми тоже так шутить любят...

— О, Фирниор, я смотрю, вас русалки за своего держат? — насмешливо вздёрнула левую бровь магесса. А что, ничего удивительного, юноша симпатичный, русалочки таких любят. Тем более, с женой мельника у них была любовь без физической близости, а юношеский темперамент своего требует.

— С Таллани мы давние и добрые знакомые, — ответил молодой Ниарас, с вызовом взглянув на Айриэ. Гадать о причинах сего странного взгляда она не собиралась.

— Подумаешь, со мной всего разок и было, зато с Лайли сколько... — прищурившись, томно протянула зеленоглазая.

— Не считал и тебе не советую! — Вот теперь юноша был заметно раздосадован и даже чуточку порозовел.

— Ой, да ладно, молчу-молчу! Я зачем вынырнула-то, Айнура, мне с тобой поговорить надо насчёт той твари. Мы тут у Старейших Матерей Текучих Вод спрашивали и...

— погоди, Таллани! — решительно прервала её магесса и обратилась к юноше: — Фирниор, надеюсь, вы нас извините, нам с русалкой надо поговорить наедине.

— Конечно, мэора!

Он, кажется, не чувствовал себя уязвлённым, послушно отойдя в сторону и усевшись в отдалении, спиной к ним, зато русалка взглянула недоумённо, захлопав длинными, чёрными с зеленоватым отблеском ресницами:

— Почему ты велела ему уйти? Фирио хороший, он никогда не обидит никого из наших!

— Зато некоторые из его родственников — могут, — заметила Айриэ, пытаясь коротко объяснить плохо разбирающейся в «сухопутных» делах русалке тонкости человеческих взаимоотношений. — Он подчиняется старшим и должен будет рассказать про наш разговор, если его спросят. А если он ничего не будет знать, то и навредить не сможет никак.

Существовала немалая вероятность, что этого щеночка Файханасов отправили

немножечко пошпионить, не зря же он возле неё крутится. Магесса поставила «глушитель» и спросила:

— Таллани, о чём ты хотела поговорить?

— Айнура, наши Старейшие Матери хранят много знаний об унесённом текущей водой.

Вы говорите — о былом, о прошлом. Раньше, очень давно, такие твари, как этот...

— Хогрош, — подсказала магесса.

— ... да, хогрош, уже появлялись в наших реках. Их создавали человеческие маги — чёрные, злые маги, питающиеся чужой кровью и болью. Рано или поздно эти хогроши начинали охотиться не только на суше, но и в воде.

— На вас?

— На нас, — кивнула Таллани, став непривычно серьёзной, а на дне её бездонных зелёных глазищ плескался страх. — Чёрным магам не приманить нас заклинанием зова, мы не подчиняемся, чуем зло и грязь. А чешуя наша и волосы, сама знаешь, какую ценность имеют. Да и смерть русалки чёрным магам сладка и желанна. Мы двое суток на суше умираем... задыхаемся, иссыхаем... медленно и мучительно...

Таллани содрогнулась и плеснула хвостом, словно отгоняя от себя призрак подобной смерти.

— Мы боимся, Айнура, — призналась она. — В первый день осени мы уйдём на глубину, в зимние убежища, и там нас уже никто не достанет. Но до тех пор мы почти беззащитны. Если пострадает кто-то из тех, кто сумел зачать нынешним летом... Мы, конечно, будем защищать наших сестёр, даже ценой собственной жизни, но мы не воины.

— Таллани, я попытаюсь его выследить.

— Пусть у тебя это получится! — от души пожелала русалка. — Но мы можем немного тебе помочь. Знаешь, что мы способны использовать «зов ундины»?

Особенность расы хвостатых водяных дев. Непреодолимый в своей притягательности зов-песня, одурманивающие чары, стряхнуть которые способен далеко не каждый. Так они подманивают к себе человеческих мужчин, не имея собственных для продолжения рода. Правда, русалки редко этим пользовались, предпочитая договариваться любовно. По слухам, «зов ундины» мог приманить любое живое существо, это не были любовные чары, а просто манок.

Таллани носила широкий узорчатый пояс с кармашками и теперь извлекла оттуда небольшую тростниковую свирель.

— Возьми, Айнура! Эту свирель зачаровали наши Старейшие Матери, вложив в неё самый мощный зов, на который хогрош не сможет не откликнуться. Этот зов только для него, больше никто не услышит. Ещё в древности наши предки нашли способ приманивать чёрных тварей и просили или нанимали мага убить их. Наши Старейшие заглянули в Омуты Памяти и узнали, как это делалось. Свирель твоя, но она способна сработать лишь один раз. Даже если ты не умеешь играть, свирель сама споёт нужную песнь, чтобы после умолкнуть навеки. Сделать ещё одну такую в ближайшее время мы не сможем, Матери потратили много сил, — чуть смущённо объяснила русалка. — Так что постарайся убить тварь сразу. Мне жаль, что больше мы ничем не можем тебе помочь.

— Вы и так помогли, спасибо за свирель, — искренне поблагодарила Айриэ. Это уже что-то. Быть может, действительно получится приманить хогроша и уничтожить его. — Где его звать? Это имеет значение?

— Где тебе удобнее, но желательно возле реки, магия-то наша, водная. Он услышит и

придёт, чары зова мощные. Маг-хозяин даже не поймёт, в чём дело и почему тварь вдруг перестала слушаться.

Ещё лучше. Можно будет уйти куда-нибудь в лес, подальше от деревни. Посмотрим, сработает ли свирелька, но если да, то убийство твари и насильственно оборванная связь с хозяином заставят того испытать немало неприятных минут.

— Сколько времени зов будет удерживать хогроша?

— Недолго. По-вашему минут десять или чуть больше. Он придёт и не сможет покинуть место, которое ты выберешь.

— А радиус действия какой?

— Что?.. — непонимающе хлопнула ресницами Таллани. — Как? Размер круга, в котором тварь будет чувствовать себя связанной зовом? Так бы сразу и сказала. Ярдов тридцать шириной в ваших сухопутных мерах. За пределы круга он не вырвется, пока на него действуют чары.

Магесса развеяла приглушающее звуки заклинание и крикнула Фирниору, что можно подойти. Она собралась уже попрощаться с Таллани, как вспомнила кое-что и решила прояснить непонятное:

— Скажи, Таллани, а что всё-таки у вас с Мирниасом произошло? За что ты на него злишься?

Русалка с силой шлёпнула хвостом по воде, взметнув тучу брызг:

— Не напоминай мне об этом плюхателе косоруком!..

Уточнять, почему молодой маг «плюхатель», да ещё и косорукий, Айриэ не стала, вместо этого спросив:

— Скажи толком, что он натворил? Я не просто так спрашиваю, я ведь чёрного мага ищу, сама знаешь. Мне любая зацепка пригодится. Я не думаю, что это Мирниас злодействует, но кто может сказать точно?

— Да дурак твой Мирниас, дурак заносчивый, и ничего он в женщинах не понимает, ни в наших, ни в сухопутных! — буркнула Таллани. — Он мне лично ничего не успел сделать, зато моей дочке единственной, Ильви, обиду нанёс. Она же у меня молоденькая совсем, наивная, первое лето как к людям вышла — и на тебе, на такого болвана бесчувственного сразу же повезло наткнуться. Обидел он мою девочку, говорю. Она плакала из-за этого негодяя так, что у меня сердце разрывалось! Пусть-ка теперь исправляет, что натворил, не то утоплю! Пусть не до смерти, но водицы заставлю наглотаться всласть, — мстительно пообещала рассерженная русалка. — А не я, так любая из наших постарается. Лучше ему к реке не подходить, так и передай!

— А что, он точно заслужил? — хмыкнула позабавленная кровожадностью Таллани магесса. Представила, как бедняга артефактор теперь до конца дней своих будет обходить реки и озёра десятой дорогой: русалки — народ мстительный, за своих горой стоят, а память у них долгая.

Подошедший Фирниор слушал русалку вроде бы бесстрастно, только брови сдвинулись и глаза заледенели. Однако, когда они, возвращаясь, приметили долговязую фигуру мага возле таверны, юноша учтиво распрощался со спутницей и решительно направил вороного туда. Айриэ ехала неторопливо и имела удовольствие наблюдать, как Фирниор, надменно вскинув голову, двумя-тремя хлесткими фразами заставил Мирниаса покраснеть и втянуть голову в плечи, бормоча какие-то оправдания. Истинный аристократ, в чьих жилах текла кровь многих поколений благородных предков. Привыкший повелевать и защищать тех, кого

считал своими. Мирниас съёжился даже не потому, что был ниже по положению двоюродного племянника герцога, но потому, что значительно уступал Фирниору по силе духа и прекрасно это осознавал.

Ловить хогроша Айриэ решила всё в том же лесочке за мельницей. Голубая Дэлла и красная Юдриса были видны на небе ещё до заката солнца, позже к ним присоединилась крошечная, но яркая белая Талла, так что в лесу было вполне светло, и магесса не стала использовать заклинание «ночного зрения».

Нынешним вечером к ней с романтическим визитом явился Тианор, пришлось его выставить. На любовные игры времени не оставалось, менестрель пришёл почти на закате. Тианор попросился было с ней, но не слишком настаивал. От сопровождения она отказалась: полуэльф не воин, вдобавок Айриэ пришлось бы отвлекаться на его защиту.

К одиннадцати в деревне погасли последние огни, и магесса начала действовать. Поднесла к губам тёплую, нагретую у неё за пазухой свирель и осторожно подула. Играть она действительно не умела, но волшебной вещице её умения не требовались. Где-то на самой грани слышимости в воздухе разлилась нежная, тягучая, затейливо-прекрасная мелодия. Пожалуй, обычным человеческим слухом её было не уловить, зато магия позволяла наслаждаться, не теряя разум от непреодолимого зова, казалось, пронизавшего весь мир. Свирель звучала минуты три, и Айриэ играла, пока сами собой не смолкли последние нотки. Раздался тихий звук, будто с хрустом крошились мелкие льдинки, и тростниковая свирель рассыпалась в прах прямо у магессы в руках. Задумчиво стряхнув пыль с рук, Айриэ внимательно прислушалась. Очень некстати поднялся ветер — несильный, но листва шуршала в вышине, мешая различать другие звуки.

Парочку боевых заклинаний Айриэ подготовила заранее, чтобы запустить в тварь сразу же, как та появится. А хогрош, надо сказать, появляться не спешил. Минуты текли нудно и одновременно напряжённо: приходилось вслушиваться в каждый шорох и всматриваться в каждый колеблющийся на ветру тёмный силуэт. Ветер раскачивал ветви всё яростней и пригнал с северо-запада несколько огромных лохматых туч, приглушивших сияние лун.

Прошло около получаса, а хогроша всё не было. Неужели русалочье колдовство не сработало? Или хозяин сумел почуять и нейтрализовать воздействие чужого магического зова? Её собственные заклинания маг отражал с неправдоподобной лёгкостью.

Прибыв на место, Айриэ сразу очертила магией большой сигнальный круг, при пересечении которого любым существом, будь оно живое или... не очень, к магессе посылался импульс. Однако, убедившись в талантах мага, Айриэ не спешила полагаться только на сторожевые заклинания. Иногда собственное зрение и слух надёжнее магии.

На едва слышный шорох в кустах она и отреагировала, залепив туда заготовленным файерболом, хотя раскинутый сигнальный круг по-прежнему молчал. Злобный вой и метнувшаяся влево в свете огненной вспышки косматая фигура показали магессе, что она не ошиблась. Подкинув вверх магического «светлячка», ибо скрываться больше смысла не было, магесса послала второй огненный шар и поморщилась, когда ветер швырнул в лицо мерзкий запах палёной шерсти. Первый файербол обжёт твари бок, от второго она увернулась, третий ударил точно... и огонь бессильно стёк по косматой фигуре, вместе с расплавившимся ледяным щитом, молниеносно наложенным заботливым хозяином. Когда только успел?.. Силён же, зар-р-раза проклятая... А Таллани уверяла ещё, что маг ничего не поймёт. Видимо, его связь с питомцем намного сильнее, чем предполагалось.

Айриэ помянула мохнатую орочью задницу и запустила в хогроша новым файерболом.

Задел по касательной: монстр совершил невыслышимый в своей стремительности скачок в сторону, уходя от смерти. Палёной шерстью воняло всё сильнее, хриплое дыхание твари перекрывало шум ветра. Хогрош метался по лесочку и вертелся, как уж на сковородке, но сам напасть на магессу даже не пробовал. Что ж, его хозяин умён и прекрасно знает, что «ответное проклятие» уничтожит не только тварь и его самого, но также весь род Файханасов. Неважно, наниматели они или кровные родственники мага. Да он даже «зеркалку» поставить не мог — магия посчитала бы это осознанным нападением на драконьего мага, запустив механизм «ответного проклятия». Задеть Айриэ можно было только обычным защитным заклятием, установленным «на всех подряд», что, собственно, и произошло тогда с проклятием Бакаса. Теперь же преступнику и этого не было позволено, ведь он уже знал о драконьем маге.

Все силы мага, должно быть, уходили сейчас на то, чтобы держать над тварью мощнейшие щиты, успевая накладывать новые взамен пробитых Айриэннис. Но как же он исхитряется, ведь, по идее, не должен успевать!.. Айриэ злобно сопела и выпускала одно боевое заклинание за другим, а тварь исправно уворачивалась, носясь взад-вперёд по лесочку. Файерболы с грохотом взрывались, сталкиваясь со стволами деревьев или выжигая во мху чёрные проплешины. Хорошо ещё, что Айриэ умела «договариваться» с огнём. Даже с частично заблокированной магией её файерболы не поджигали деревья, иначе тут давно бы пылал лесной пожар.

Минуты текли, чары русалочьего зова слабели, и скоро хогрош неминуемо должен был получить свободу. Магессе до смерти надоела бесплодная беготня между стволов. Она попала в тварь минимум пять раз, но щиты мага выдержали сие испытание с честью. Дело мог бы решить прицельный плевок драконьим огнём, но чего под рукой не было, того не было. Корррявое Равновесие, обойдёмся и без драконьего пламени!.. Айриэ, на какое-то время перестав обстреливать тварь, сосредоточилась и вбухала почти все остатки магического резерва в последний, самый мощный файербол, который должен был испепелить хогроша на месте.

Левой рукой послав в тварь заклинание, спутывавшее ноги, Айриэ подождала, пока хогрош с шумом рухнет в обгорелые кусты, и позволила файерболу сорваться с кончиков пальцев. Грохнуло и вспыхнуло так, что, наверное, полдеревни проснулось. В этот момент со стороны реки показалась высокая, тощая фигура, с невнятным воплем метнувшая в тварь слабенькую молнию. Айриэ, шатаясь от нахлынувшей слабости, двинулась к испепелённому хогрошу, но вдруг с изумлением увидела, как тёмная масса в кустах пошевелилась и поднялась на ноги с утробным воем. Не веря своим глазам, Айриэ дёрнулась, но не сумела ничего лучше, нежели запустить в тварь маленьким файерболом, от которого хогрош даже не почесался. Магия иссякла, под рукой был только небольшой кинжал, но хогрош и его хозяин вряд ли любезно дождутся, пока Айриэ доковыляет до твари и осуществит свои кровожадные намерения.

Одновременно с этим тощей непрошенный союзник подхватил с земли здоровенную ветку, обломанную давешней бурей, и с воинственным кличем подскочил к ещё не успевшему прийти в себя хогрошу. Айриэ узнала Мирниаса, который замахнулся и со всей дури шарахнул хогроша дубиной. Бешено взрыкнув и тряхнув башкой, монстр отмахнулся когтистой лапой, так что Мирниас отлетел назад, обливаясь кровью, хорошо заметной на его светлой рубахе. Айриэ, преодолевая слабость, от которой мутилось в голове, торопилась к твари со всей возможной скоростью, но не успела. «Зов ундины» развеялся чуть раньше,

хогрош обрёл долгожданную свободу и с воем унёсся в тёмные дали, затерявшись среди древесных стволов. На поле боя остались обгорелые кусты, выжженные пятна на земле, пошатывающаяся магесса и не подававший признаков жизни артефактор.

Айриэ от души обругала себя безмозглой дурындой и самоуверенной курицей. Опять!.. Опять она проявила непростительное легкомыслие и упустила верный шанс истребить магическую тварь. Следующая смерть, если она состоится, точно будет на её совести. Когда же она поймёт наконец, что «маг-враг» — равный по силам противник?!. Разнежилась ты, Айриэннис, привыкла к тому, что резвишься в «заповеднике» — тихом мире, где для тебя нет соперников. Об этом придётся забыть, и поскорее. Щёлкнули по носу одну излишне самоуверенную магессу, хорошо так щёлкнули... плевать хочется от досады. Да ещё вдобавок ко всему она забыла надеть свой артефактный «драконий» перстень, вот уж верх глупости!.. Может, тех трёх огненных плевков как раз и не хватило для победы.

Мирниас слабо застонал, и магесса отправилась спасать то, что от него осталось. Когти прошлись по левой щеке, скользнули по шее и располосовали грудь, но в целом это было не так страшно, как выглядело. Интересно, что молодой маг был весь мокрый с ног до головы — в реке выкупался, что ли?

— Эй, Мирниас, вы вполне себе живы, нечего притворяться умирающим.

Он обиженно распахнул глаза и хрипло буркнул:

— Я не притворяюсь!

— Шучу, — успокоила его магесса и спросила: — Вы себя исцелить в состоянии? А то я весь резерв на эпическую битву с тварью истратила, корявое Равновесие ей в глотку!

— Справлюсь, мэора, не переживайте.

— Да мне вроде бы и незачем, — усмехнулась Айриэ.

— Излишним человеколюбием вы не отягощены, я уже понял. — Артефактор негодуяще тряхнул мокрыми сосульками волос, сел и принялся стягивать с себя разодранную рубашку. Потревожив рану, не сдержался и громко застонал, но тут же до крови прикусил губу, заставляя себя замолчать.

Только когда он принялся раздирать рубашку на полосы, до магессы дошло, что он хочет сделать себе перевязку, чтобы остановить кровь.

— Эй, Мирниас, вы что, себя вылечить не можете?

— Не умею, — сухо объяснил он, продолжая сосредоточенно обматывать себя тряпками и нетерпеливо отбросив за спину болтавшийся на шее серебряный медальон на витой цепочке.

— Отвезу вас к Лунным жрицам, — постановила Айриэ. — Только отдышусь немного.

Лечить его магией она не станет, пусть жрицы поработают. Мирниас определённо испытывает к ней неприязнь, значит, нечего на него силы тратить. Всё равно не поможет.

— Спасибо, мэора Айнур, не стоит утруждаться.

— Молчать! Поспорьте мне ещё! — добродушно прикрикнула Айриэ и поинтересовалась: — Мирниас, откуда вы здесь взялись, кстати?

Сие своевременное появление выглядит крайне подозрительно, с этим трудно спорить.

— С того берега. Увидел вспышки ваших файерболов и догонялки с хогрошем, переплыл реку и решил... поучаствовать в вашей эпической битве, — съязвил он, стараясь отвлечься от боли.

Айриэ давно отобрала у него тряпки и кое-как перетянула ему рану, чтобы унять текущую кровь. Он со свистом втягивал воздух сквозь зубы и глотал окончания слов, пока

рассказывал, но терпел.

— А на том берегу вы что делали?

— Вас это никоим образом не касается, мэора Айнура. Хозяин твари — не я, поверьте.

— А кто вас знает? — задумчиво спросила небеса магесса. — Может быть, это лишь талантливо разыгранное представление, чтобы отвести от себя подозрения?

Его скулы вспыхнули, а мокрые волосы встали дыбом от возмущения:

— Мэора, да вы что? Как вы могли подумать?.. Я к русалкам ходил.

— Ах, к руса-а-алкам! Надо же, как интересно, — вкрадчиво заметила Айриэ. — А зачем именно, не поведаете?

— Мириться, — признался он неохотно, пряча глаза.

— Я смотрю, мэор Фирниор, несмотря на юный возраст, умеет быть очень убедительным, — констатировала Айриэ.

Артефактор зло сверкнул глазами, но проигнорировал упоминание о младшем Ниарасе.

— Точнее, я попытался помириться, но тут как раз вы стали гоняться за хогрошем. То есть я-то не понял, что там происходит, мне Таллани сказала. Ну, я попросил у неё позволения переплыть реку — меня ведь утопить обещали, если посмею подойти к воде.

— Как же, как же, наслышана.

— И утоплю! — мрачно пообещали со стороны реки. — Иди сюда, плюхатель косорукий! И ты, Айнура, подойди, пожалуйста!

Они перебрались на берег, к Таллани.

— Что, не получилось? — вздохнула русалка.

— Не получилось. Честно признаюсь, я глупо поступила, — покритиковала себя магесса. — Мне бы с самого начала зачаровать место, хоть какой-нибудь «болотной трясиной», к примеру. Тварь не смогла бы быстро бегать и уворачиваться, а я бы её забила файерболом. Но я и представить не могла, что её хозяин сможет так легко и быстро блокировать мои заклинания. У него щиты ставились один за другим, будто магу это вообще ничего не стоило. Представить не могу, сколько сил он потратил — и как щедро! Проклятье, да чтоб он в гномьей Кошмарной шахте потерялся! Я и сама бы не смогла, наверное, ставить щиты быстрее. В общем, не нравится мне этот противник. Ловить и давить такого, как можно скорее.

— Да помогут тебе Текучие Воды! — пожелала Таллани.

Самым скверным было то, что маг неожиданно оказался лучше подготовлен к устроенной на него ловушке, чем сама Айриэ — к нападению. Будто знал заранее... или сориентировался на месте.

— Таллани, — негромко окликнула русалку Айриэ, — ты кому-нибудь говорила про ту вещь, которую дала мне днём?

Русалка недоумённо покрутила головой; зеленоватая грива красивой волной окутала округлые белые плечики, соблазнительно прикрыла высокую упругую грудь. Мирниас заворожённо уставился на русалку и шумно сглотнул, явно забыв про все свои боевые ранения и не слыша, о чём тут говорится.

— Айнура, да зачем бы я стала кому-нибудь говорить? Фирно не в счёт, он хороший, — простодушно добавила она, заставив Айриэ мысленно простонать.

— Что? Ты говорила ему про зачарованную свирель? И когда успели, ведь он, кажется, в замок возвращался?

— Он ещё раз был у реки, разговаривал о моей Ильви и... этом плюхателе! —

неприязненно кивнула русалка на молодого мага и плеснула в того водой.

Та-а-ак, очаровательно. Всё те же, всё там же. Рассуждая теоретически, Мирниас мог почуять нападение на тварь, если как раз «выгуливал» её и управлял действиями хогроша. Или про свирель и «зов ундины» его предупредил Фирниор. Или юный Фирио сам — маг и лично управлял хогрошем.

Имелся и ещё один вариант, даже думать о котором было мерзко и тоскливо. Тианор.

Тианор, узнавший о её планах и, опять же теоретически, вполне могший успеть предупредить Файханасов о ловушке. Нет, сам менестрель никак не мог быть хозяином твари из-за отцовской крови. Эльфы неспособны к Запретной магии, даже полукровки. Но играть на стороне Файханасов он мог, как ни противно предполагать подобное развитие событий. Тианора она считала своим — пусть даже условно, временно — а своих подозревать особенно мерзко... и никуда от этого не денешься. Такая роскошь, как безоговорочное доверие, ей сейчас недоступна.

— Тьфу, кхе-кхе!.. — закашлялся и принялся отплёвываться разом очнувшийся Мирниас. — За что? Сама передо мной тут своими прелестями трясёшь, а потом злишься, что я на тебя пялюсь?

Он сердито размазывал по лицу грязь и кровь, поморщился от боли, задев рану, потом спустился к воде и осторожно умылся.

— Ну и кто здесь у нас кобель? — зло прищурилась русалка и подбоченилась. — Вспомни-ка, в чём ты мою Ильви обвинить пытался, а? Она, значит, распутница, потому что с тобой одним любиться не хочет, а ты у нас чистенький? Что ты про русалок вообще знаешь, сопляк косорукий? Ты женщину-то толком удовлетворить не можешь, судя по тому, что Ильви рассказывала, а туда же, права заявить на неё пытается! Сначала научись, потом лезь во взрослые игры играть! Кто тебе вообще позволил судить нас людскими мерками, когда мы — не люди и живём по своим законам? Да, у нас нет и не может быть одного партнёра. Иначе мы не выживем как раса! Да, нам нужно переспать со многими людьми, и не по одному разу, чтобы хоть трое-четверо из нас смогли зачать в это лето. Но тебе-то, надменный слепец, кто дал право нас осуждать?

— Никто! Я очень сильно ошибался, — побледнев для разнообразия, тихо и твёрдо ответил Мирниас, чем разом остудил гнев русалки. — Таллани, я действительно пришёл просить прощения у Ильвилы. Я понимаю, что сильно её обидел и что она не хочет меня видеть, но прошу тебя, передай, что я сожалею. Я... я приревновал тогда и наговорил глупостей, как дурак.

— Как скотина и последний негодяй, — желчно поправила его Таллани.

— Если тебе так будет легче, зови как хочешь, — одними губами улыбнулся Мирниас. — Кажется, я заслужил...

— Ильви — доверчивая девочка, а ты... Эх!.. Дурак и есть, — махнула рукой русалка и отвернулась, устав ругаться.

— Я прошу у неё прощения, — с трудом выговорил артефактор. — Я ей подарок принёс, на том берегу лежит... Возьми, пожалуйста, передай Ильви, если тебе не трудно.

— Ишь, какой умненький выискался! — снова начала заводиться русалка. — Думаешь, подарочком откупишься? Ну нет, не выйдет у тебя так легко... Эй, ты чего падаешь?..

Ослабевший от потери крови Мирниас резко осел, почти рухнул на прибрежный песок и шевельнул немеющими губами:

— Ну, не выйдет так не выйдет... А подарок возьми, это светильник зачарованный,

подводный. Будет у вас зимой своё солнце...

Магесса скептически осмотрела почти потерявшего сознание Мирниаса и велела Таллани:

— Оставь его, пожалуйста, а то он кровью истечёт, пожалуй, пока ты всласть его изругаешь.

— Туда и дорога, — пробурчала русалка, но гнев её явно остыл. — Вылечишься, приходи... продолжим разговор, плюхатель! А сейчас сплаваю, так уж и быть, за твоим подарочком.

Она кокетливо помахала рукой на прощание и скрылась под водой, вынырнув уже почти на середине реки. Айриэ свистнула коню, оставленному на лесной дороге чуть подальше, чтобы не подвергался опасности пострадать от когтей хогроша. Шоко вскоре появился, а магесса задумчиво произнесла:

— Кажется, Шоко, нам с тобой пора заказывать двухместное седло. Слишком часто в нашу компанию затёсывается этот третий лишний.

Молодой маг на подковырку не отреагировал, с трудом оставаясь в сознании. Конь надменно фыркнул, принимая на себя вес хозяйки. Магесса, резерв которой восстановился уже почти на четверть, наложила на Мирниаса заклинание левитации и притянула того к себе, заставив мага зависнуть над конём.

— Ножки раздвиньте, Мирниас, — насмешливо велела она и, когда он послушался, опустила полуобморочного юнца в седло. Он тут же вцепился в одежду магессы и навалился ей на спину.

— В следующий раз поташу его волоком или поперёк седла — как орки пленников перевозят, — мрачно пообещала себе магесса. — Он мне надоел!..

Пришедший на другой день Тианор был непривычно тих, ласков и нежен, просто котёночек прирученный. Ну или пасторальный барашек, жаль только, не белоснежный.

Прямо с порога страстно набросился, целуя куда придётся, бормоча ласковые глупости про то, как он хочет свою ненаглядную магессу прямо сейчас и сразу, всю целиком.

— Тин, ты голодный? — невинно осведомилась Айриэ. — Я чувствую себя слегка неуютно — опасаясь стать твоим обедом.

Он гордо проигнорировал язвительность любовницы и удвоил старания. Айриэ позволила себя ублажить и охотно отвечала на ласки. Только после любовных игр менестрель расспросил про её вчерашние приключения. Айриэ целенаправленно очерняла бедолагу Мирниаса, рассказывая о своих подозрениях в его адрес, якобы усилившихся после столь своевременного появления артефактора на поле битвы с тварью. Тианориннир старательно охал и возмущался в нужных местах. А может, не старательно, а вполне искренне, кто его разберёт.

Айриэ, надо сказать, с некоторых пор усомнилась в своей способности чувствовать ложь. После переполненного искренностью Фирниора, такого солнечного и сияющего... и так великолепно лгущего, что она даже не заподозрила. М-да... каждый раз, как соприкоснёшься с людьми поближе, они умудряются тебя чем-нибудь поразить, после стольких-то лет. Давно бы привыкнуть пора, а всё не получается...

Ничего, не в первый раз люди так... царапают душу и не в последний. Переживём. Если Тианор играет против неё, это неприятно и грязно даже, но не так уж и тяжело. К полуэльфу Айриэ не привязывалась, он просто ещё один знакомец, возникший на её пути и обречённый на неизбежное забвение, как только она уедет. Если бы она всех своих любовников запоминала, никакой памяти не хватило бы... даже легендарной драконьей. Но расставаться Айриэ предпочитала легко и по-доброму, не питая отрицательных эмоций (кому они нужны?..) и не посылая проклятий вслед предавшему её доверие бывшему приятелю. По прошлому опыту она помнила, как долго потом что-то ноет и тянет глубоко в душе, а тебе приходится делать вид, что всё в порядке и ты вообще бесчувственная, людские выходы тебя задеть не способны.

Нет, если кто и постоянен, так это эльфы, с которыми Айриэ, правду сказать, общалась довольно мало, но всегда к взаимному удовольствию, и гномы. Вот уж кто надёжен, как скалы. Никакое землетрясение гномью дружбу не разрушит, если сумеешь её заслужить. Честность в ответ на честность, доверие в ответ на доверие, и спину всегда прикроют, не спрашивая, насколько это выгодно. В отличие от.

Айриэннис фыркнула, подсмеиваясь больше над собственными претензиями к роду людскому. Ничего. Если подозрения в адрес Тианориннира подтвердятся, она это легко переживёт — просто окончательно причислит менестреля к людям, несмотря на всю его отцовскую кровь. И это будет приговором, до конца его долгой жизни.

Почему-то гораздо сильнее её задевало двуличие Фирниора. Может, потому что сначала он показался таким **живым, настоящим**, а потом выяснилось, что ничем он от большинства людей и не отличается. Люди такие противоречивые... но когда-нибудь Айриэ привыкнет, обязательно.

— Айнура, ты меня слушаешь? — насмешливо поинтересовался менестрель, хотя

обиженные нотки в голосе также наличествовали.

— Нет, — лениво приподняла уголки губ магесса.

— Честность украшает, не спорю. — Полуэльф с глубокомысленным видом изучал недавно побелённый потолок. — Но если тебе вдруг станет интересно, я повторю, на всякий случай. В течение ближайшего часа мне должны прислать «письмоносца», так что, если ты не возражаешь, я ещё немного позлоупотребляю твоим терпением. Но если я мешаю, ты скажи, я как раз успею уехать куда-нибудь в лес, где никто не увидит, что я получаю письмо.

— Тин, не говори глупостей.

Айриэ произнесла это спокойно, лишь самую малость обозначив голосом предупреждение остановиться. Сцен ей только не хватало и выяснения отношений. Тогда Тианор сразу же перейдёт в длинную шеренгу её «бывших мимолётных», несмотря на всю его полезность и приятность.

Менестрель был умным полукровкой и вдобавок прекрасно улавливал малейшие оттенки чувств в голосе собеседника. Он моментально заулыбался, извинился и предложил в знак раскаяния сделать массаж. Знал, как подлизаться. Айриэ это всецело одобрила, уже успев познакомиться с его умелыми, очень чуткими пальцами. Тин делал массаж просто восхитительно; каждая клеточка спины прямо-таки пела и даже мурлыкала после его волшебных рук.

— Иди сюда, Тин, я тебя тоже порадую... Ручками, ручками... я в рот что попало не тяну и тебе не советую... Вот так... и так...

Радовался Тин бурно, до громких блаженных стонов и ошалело-счастливого вида. Оценив дело рук своих, Айриэ хмыкнула и оставила полуэльфа отдыхать, а сама удалилась в мильню, прихватив полотенце и бутылёк жидкого мыла с запахом моря и солёного ветра. Закончить бы это расследование поскорее, да съездить куда-нибудь на юг Картивии, а то и вовсе к эльфам в Альтиналь — там море ещё долго будет ласковым и тёплым...

Возвращаясь обратно, Айриэ услышала доносящийся с улицы непривычный для тихого заведения Гриллода гомон. Любопытства ради выглянула во двор и с приятным удивлением обнаружила только что прибывший гномий обоз — несколько крытых повозок, запряжённых статными мохноногими тяжеловозами. Ну вот, не успела затосковать по общению с бородатymi, а они тут как тут! По двору деловито сновало десятка полтора гномов, и Айриэ принялась крутить головой, высматривая, нет ли знакомых среди прибывших. Тут же справа на неё налетел бородатый вихрь и приветственно взревел, стискивая магессу в горячих объятиях:

— Айнур-ра! Тебя ли я вижу, алмазная моя!

Висевшее на её плече полотенце едва не свалилось в лужу, но было подхвачено у самой земли и с галантным поклоном возвращено владелице. При этом заплетённая в косицу борода гнома, аккуратно заткнутая за пояс, выскользнула и едва не окунулась в ту же самую лужу, но также была вовремя поймана и водворена на место. Да, у Конхора из клана Фиархорр-Зандаг всегда была отменная реакция.

— Конхор, старый бродяга, а ты здесь что делаешь? — Магесса, улыбаясь до ушей, стиснула в ответ широкие плечи приятеля и поймала любопытный взгляд Фирниора Ниараса, разговаривавшего с одним из гномов.

Юноша вежливо поклонился магессе, продолжая слушать своего собеседника, горячо размахивавшего руками и показывавшего на одну из повозок.

— Горы-долы, Айни, тебе ли не знать, что мы ведём дела со здешним герцогом! Просто

я напросился с обозом, проветриться захотелось.

— И к копчёной свининке поближе оказаться, а? — подмигнула Айриэ.

— Не без этого! — оглушительно захохотал гном. — А ты-то здесь чем занимаешься?

— Работаю, Кон, — притворно вздохнула Айриэ. — Вечерком посидим, поговорим.

С «глушителем», а то и под «пологом тишины». Конхор понятливо кивнул, но от подколки не удержался, он всегда любил пошутить:

— Работаешь, значит? Это теперь так называется? Да у тебя же вид удовлетворённой женщины, только что бывшей с мужчиной! И опять не со мной, кстати!..

Айриэ насмешливо фыркнула и от души двинула приятеля кулаком в плечо.

— Всё-то ты заметишь, ищейка несчастная! Работа сама по себе, мужчина сам по себе.

Подняв взгляд, опять случайно заметила Фирниора. Теперь тёмно-серые глаза почему-то выражали злость, тёмные брови были сдвинуты, а нижняя губа прикушена. Впрочем, юноша тут же отвернулся, а вскоре вовсе исчез со двора.

Конхор тем временем с умилением разглядывал магессу.

— Горы-долы, ну до чего же я рад тебя встретить, Айни! Сколько это мы не виделись, а? Года два уже? Совсем нас забыла, чароплётка?

— Вас забудешь! С Бромором мы встречались не так давно, кстати.

— Он говорил, — кивнул Конхор, широкой ладонью проводя по заплетённой бороде, будто проверяя, на месте ли она.

Конхор Фиар-хорр-Зандаг был давнишним приятелем Айриэ и знал несколько её обликов. Заговорщически подмигивая, говорил, что нынешний — его самый любимый, потому что в этом случае они одного роста с магессой. Гномы редко вырастали выше пяти футов семи дюймов, Кон как раз был такого роста. Плечистый, сильный, немного задиристый, весёлый и шумный, он никогда не унывал, обожал приключения и редко сидел на одном месте. Благо что клан Фиар-хорр-Зандаг вёл дела в разных концах Аэданира. Это позволяло Неугомонному Кону, как именовали его родичи, приносить пользу клану и одновременно удовлетворять свою тягу к перемене мест.

Конхор был одет в тёмно-коричневые штаны, белую рубаху с закатанными рукавами, открывавшими мускулистые волосатые руки, и добротные башмаки. Гномьей, разумеется, работы — лёгкие, прочные, в таких даже в самую жару комфортно. Объёмное пузечко чуть выдавалось вперёд, но лишнего жира у Кона почти не имелось, в остальном он был подтянут и мускулист. Нос у него был толстоватый для человека, зато типичный для представителей его расы — короткий, с широкими ноздрями и округлым, чуть вздёрнутым кончиком, щёки — круглые и румяные, светло-голубые глаза казались маленькими из-за привычки щуриться. Нависавшие над глазами роскошные густые брови, клочковатые и рыжеватые, добавляли его облику живописности, а жёсткие прямые волосы издали напоминали медную проволоку. Говорил он на Всеобщем, как все гномы, чуточку раскатисто выговаривая «р» и твёрдо, жёстко даже — остальные согласные.

Его троюродный брат Бромор знал об Айриэ ещё больше. Он работал на Орден и хранил немало тайн, не выдавая их даже родственникам. Бромора магесса без колебаний называла своим другом, но и Конхора она тоже рада была видеть.

Вечером Кон заявился к ней, как и обещал, с бочоночком гномьего тёмного пива и несколькими косицами подкопчённого сыра, прекрасно зная вкусы подруги.

— Вы сюда надолго? — спросила Айриэ, когда они устроились за столиком и чокнулись кружками.

— На несколько дней. Наш обоз сюда обычно раз в два месяца приходит. Может, останемся на Праздник Начала Осени, тут весело празднуют.

— В этом году, Кон, веселья будет немного.

— Что так? — насторожился гном, и Айриэ рассказала всё без утайки, ему можно было доверять.

— Горы-долы, дело дрянь, — глубокомысленно заключил Конхор, выслушав рассказ.

— Если у тебя дела с Файханасами, заканчивай их поскорее, не оставляй на потом, — усмехнувшись, посоветовала магесса.

— Понял уже, алмазная моя. С кем потом нам дело иметь придётся? Нынешних-то герцогов всех... того или кто-то останется?

— От степени вины каждого зависит, Конхор, — вздохнула Айриэ. — И от решения его величества Кайнира.

— Будто он тебе указ! — фыркнул гном, делая хороший глоток из своей кружки.

— Там видно будет, Кон. Я пока слишком мало знаю о виновности каждого, тяну время... до осени.

— Я так и подумал, Айнура.

— Я бы тебе, Кон, посоветовала убраться отсюда поскорее. Заканчивайте ваши дела и уезжайте, не ждите праздника.

— Помощь тебе нужна, алмазная моя? — глядя ей в глаза, спросил гном. — Если что, я своих отправлю, а сам останусь. Ты меня знаешь, мой топор в деле видела.

— Спасибо, дружище, но я справлюсь. Мне Файханасы ничего сделать не смогут из-за «ответного проклятия». Старый герцог умён и осторожен, он не станет рисковать всем родом.

— А спину тебе кто прикрывать будет? — насупил косматые брови Кон.

— Кон, я справлюсь, — повторила она. — Ты лучше сам осторожнее будь. Не ходите по деревне в одиночку и без оружия, особенно по вечерам.

— Мы-то этому хогрошу зачем? Гном — добыча жёсткая, можно и зубы обломать, — хищно ухмыльнулся он. — Да и беременных среди нас как будто нет. И за нами — наши кланы.

— Оружие-то хоть зачарованное?

— Обижает, горы-долы! Какой порядочный гном согласится носить оружие без чар? Конечно, чары наложены, в том числе и от подземной нежити. Не хуже «лунного серебра» бьёт.

За гибель гнома мстил весь клан. Не считаясь ни с какими расходами, искали виновника и карали по-своему. Гномьи законы мести были превыше человеческих, даже на территории королевств людей. Да и попробуй, откажи гномам в их священном праве мстить за убитого родича — когда у гномов в руках тайная власть. Человеческое золото лежит в гномьих банках, люди берут у гномов в долг. Впрочем, к чести бородатого племени, они никогда своей властью не злоупотребляли, но в случае нужды могли подёргать за золотые ниточки, вынуждая человеческих владык поступать по совести, даже если те знать не знали, что это вообще такое — совесть. Учили, иногда жёстко, но всегда — по делу. У гномов честность — в крови и даже в костях, а во власти, золотой мишуре, почестях и прочей чепухе они не нуждались.

Гномы и эльфы — противовес, держащий этот мир, раз уж драконов тут не стало. Только эльфы — противовес магический, а гномы — физический, если можно так

выразиться. Сдерживающий фактор для неугомонных людей — безответственных, склочных, воинственных, легкомысленно нарушающих Равновесие неразумных созданий, которые мало задумываются о том, в каком мире будут жить их ближайшие потомки. «Люди — как те бабочки-однодневки, покружатся, нагадят и помрут, а ты расхлёбывай всё, что они натворили», — ворчали иные гномьи короли и старейшины кланов. Ворчали, но — делали, исправляли, учили и умудрялись приставить к делу даже отпетых преступников. Причём в буквальном смысле слова: гномьи кланы издавна ввели практику выкупа человеческих каторжников, платя полновесным золотом за каждого преступника, которого они мстительно заставляли работать — в шахтах или, скажем, на строительстве дорог. Убежать от гномов было невозможно, а заставить работать они умели безо всяких кнутов и надсмотрщиков. Человеческих королей эта практика устраивала: на обычной каторге преступники дохли как мухи от непосильной работы и болезней, так уж выгоднее сразу их гномам продать, хоть польза будет. Гномы ручались, что ни один преступник обратно на волю не выйдет, пока не искупит всё, что натворил. Меру вины они определяли сами, по своей гномьей справедливости. Правда, выкупали они далеко не всех, руководствуясь исключительно собственными соображениями. «Этот нам подойдёт, этот нет», — вот и весь разговор. Те, кого выбрали, наверное, могли считать себя везунчиками, получая шанс на новую жизнь в некоем отдалённом будущем. Да и условия в подобных «исправительных учреждениях» были, мягко говоря, не человеческими и даже вовсе — нечеловеческими. Гномьими они были, этим всё сказано. Чистота, удобство, относительная свобода передвижения — в рамках особого поселения, для некоторых — возможность выбрать себе занятие по душе из числа предложенных, весьма неплохие заработки, ибо гномы рабский труд не использовали. За работу платили; часть денег шла на содержание заключённого, остальным он мог распоряжаться по своему усмотрению, покупая необходимое в гномьих лавках. В общем, каторга каторге рознь...

Бромор, друг Айриэ, сейчас как раз и занимался делами фиарштадских каторжан, а раньше с ним был и его кузен. Но Конхора долго на одном месте не удержишь, неудивительно, что он нашёл себе другое занятие, на то он и Неугомонный Кон.

— Айнур-ра, а давай, мы твоего монстра приманим и прибить тебе поможем! — азартно сверкая глазами и от возбуждения говоря особенно раскатисто, предложил гном.

— Как ты себе это представляешь? — скептически спросила Айриэ. — Хочешь сам приманкой поработать? Не позволит герцог своему прикормленному магу на вас нападать, рискуя обострить отношения со всем Фиарштадом, мы же только что об этом говорили.

— А зачем тогда нам советуешь не гулять по Кайдараху в темноте?

— На всякий случай, мало ли. Если маг достаточно своеволен... или уже безумен, то герцог ему не указ. В общем, на неприкосновенность надейся, но вокруг оглядываться не забывай, тогда и цел останешься.

— Ух, какое мудрое изречение, алмазная моя, ты прямо как наши старейшины! — задиристо фыркнул гном. — Да только я осторожничать на пустом месте не привык, не по мне твой совет. Чтоб мне в Кошмарной шахте сгинуть, если я такое развлечение пропущу! В общем, так: нас тут шестнадцать морд в обозе, так восемь каждую ночь будут тварь выслеживать, остальные восемь — отсыпаться. Будем по двое в засаде сидеть в разных концах деревни, остороженько, чтоб герцогским гвардейцам глаза не мозолить. А то доложат про нас своему хозяину, а тот — колдуну, вся затея насмарку.

— Ну попробуйте, — с некоторым сомнением согласилась Айриэ. Она не слишком

верила, что придумка Кона поможет выследить хогроша, тот же не каждую ночь по деревне бегает. Когда маг посылает тварь на охоту, то делает это целенаправленно, да ещё так, чтобы косвенные улики указывали на Мирниаса. — Я вам экстренных «письмоносцев-путеводителей» дам, чтобы сразу мне сообщить и привести, если что заметите. Буду с вами в засаде сидеть, точнее, дремать рядышком. Вас, как ты совершенно справедливо заметил, шестнадцать... бородатых физиономий, а я у меня одна, мне спать когда-то тоже надо.

— Годится! — повеселел гном. — Пару наших дорожных плащей возьмёшь и выспишься в лучшем виде, пока я или кто из моих парней тебя охранять будут. Не знаю, как у этого хогроша с нюхом дело обстоит, но мы воспользуемся охотничьими амулетами, отбивающими запах, тогда точно не учует.

Айриэ про себя тихонько вздохнула. Ох уж эта давно ставшая притчей во языцех гномья активность!.. Ну да ладно, Кон дело предлагает, шансы на убийство хогроша определённо повышаются. На охоту он обязательно отправится, может, даже в сегодняшнюю ночь. Хогроша она у реки неплохо потрепала, наверняка «маг-враг» потратил немало накопленного запаса магической энергии на то, чтобы привести своего питомца в порядок. А для пополнения запасов нужны новые жертвы...

— Начнём сегодня же! — Конхор допил остатки пива и решительно отставил кружку в сторону. — Алмазная моя, я пойду своих озадачу, а ты пока тоже собирайся. Встретимся у наших повозок во дворе.

Перед выходом Айриэ наложила на гномов «отвод глаз». Теперь посторонние их заметят, только если дотронутся до скрытого заклинанием гнома или тот сам заговорит с чужим, ей же собственная магия видеть компаньонов ничуть не мешала.

— Надолго это? — спросил один из гномов, самый молодой и азартный, только что не подпрыгивавший на месте от предвкушения приключений.

— Утром само развеется, — пообещала магесса, направляясь с Конхором и его приятелем Стагиром в сторону таверны, где они и решили засесть в засаде — в том переулке, где нашли Пайпуша.

Магесса устроилась довольно удобно, подстелив на землю один гномий плащ и укрывшись вторым, благо плащи были на совесть зачарованы, защищая владельца от сырости и холода.

Ночь выдалась промозглой, напоминая о близости осени; холодная роса выпала с вечера, по земле стелился не менее холодный туман, норовя пробраться под одежду, но пасуя перед гномьей добротностью. Было примерно пол-одиннадцатого, когда магесса уже вознамерилась было вздремнуть, но заметила шедшего со стороны таверны долговязого типа. Разумеется, это был Мирниас — из местных уже никто, кажется, не рисковал выходить на улицу после наступления темноты. Маг брёл неторопливо, слегка пошатываясь — очевидно, переусердствовал с вином. Айриэ лениво следила за его извилистым передвижением, не собираясь показываться артефактору на глаза. Но потом её посетила мысль, что Мирниас прямо-таки напрашивается на то, чтобы стать следующей жертвой. А если хогрош появится, но нападёт на кого-то другого, то Мирниаса опять придётся подозревать... Сие магессе изрядно надоело, признаться, так что она решила поступить проще.

Взяла и выскочила на дорогу прямо перед носом молодого мага, одновременно снимая с себя «отвод глаз». Юнец повёл себя нервно и неприветливо, шарахнув в Айриэ молнией. Заклинание бесславно развеялось, столкнувшись с выставленным щитом — магесса подозревала подобную реакцию, защитившись заранее, а Мирниас от испуга, кажется,

протрезвел.

— Вы!.. Да чтоб вас клан бешеных орков отлюбил!.. — выпалил с перепугу Мирниас и, осознав, что и кому сказанул, испугался ещё больше: — Я...п-прошу прощения, м-мэора Айнура... Я не хотел, просто вы так внезапно вы-выскочили!..

— Приняли меня за хогроша? Ничего, бывает, особенно после посещения таверны, — едко утешила его Айриэ.

Даже в неверном лунном свете было заметно, как Мирниас покраснел.

— Я, может, и перебрал слегка, но не настолько же!..

— А если бы так в обычного человека — молнией? Нервишки у вас пошаливают, Мирниас.

— Простите, мэора... Ой!.. А «ответное проклятие»? — испуганно проблеял Мирниас. — Я ведь в вас боевым заклинанием запустил, мэора. Теперь всё?..

— Не переживайте, нервный вы наш, ничего с вами не сделается. Проклятие не сработает, потому что я знаю, что вы не конкретно мне вред причинить хотели, а просто испугались.

Мирниас с заметным облегчением вздохнул и начал успокаиваться. Рано радовался.

— Вы зачем по ночам шляетесь, а? — ласково пожурила юнца магесса. Наверное, с ласковостью получилось что-то не то: Мирниас втянул голову в плечи и обречённо зажмурился. — Кормом для магической зверушки захотелось стать? Думаете, давно у нас жертв не было?.. Это вас чтоб орочий клан отлюбил — может, после того наконец начнёте думать головой, а не её противоположностью! Если выпить захотелось, купили бы вина и сидели дома, а не ш-шас-с-стали по деревне!..

— Айнур-ра, кончай шипеть, хогроша напугаешь! — насмешливо пророкотал Конхор, и Мирниас снова вздрогнул, только сейчас заметив скрытых «отводом глаз» гномов.

Ухватив юнца за рукав, магесса оттащила его к гномам, вновь навесив на всех заклинание.

Я, Мирниас, знаете какую странность заметила? Как только вы задерживаетесь по вечерам в таверне, у нас случается новая жертва, — негромко, но выразительно сказала она.

— Мэора, вы на что намекаете?.. — голос молодого мага внезапно осип.

— На козлика я намекаю.

— Какого козлика? — вытаращился Мирниас, кажется, усомнившись в трезвости присутствующих, включая и себя.

— Жертвенного, Мирниас. Который нашему таинственному магу очень необходим, чтобы отвести от себя подозрения.

— Вы что, думаете, меня хотят подставить?..

— Ещё как думаю. Да вы и сами, надо полагать, заметили некоторые странности.

— Его светлость меня подозревает... но это не я, клянусь!

— Вот и проверим, — многозначительно заявила Айриэ. — Останетесь с нами до утра. Ради такого случая готова поделиться кусочком плаща. Ложитесь и спите, как дома на перине, Конхор и Стагир нас посторожат.

— Зачем?..

— А затем, что так я хотя бы буду точно знать, что вас планомерно подставляют. Если, конечно, сегодня хогрош опять будет охотиться... а у меня предчувствие, что таки будет. В общем, не спорьте, а послушайтесь старших, иначе я вас заклинанием угомоню.

— Это лишнее, мэора Айнура! — процедил Мирниас сквозь зубы, улёгся к ней спиной и

укрылся плащом.

Айриэ, переглянувшись с гномами, ухмыльнулась и последовала его примеру, благо вокруг царили тишина и безмолвие, даже пёс ни один не лаял. Спала она чутко, но, вот смешно, умудрилась увидеть во сне что-то смутное, о чём немедленно забыла при пробуждении. Разбудил её крик приятеля:

— Айнур-ра! От наших сигнал!..

Светящийся призрачным светом «письмоносец» тут же ткнулся ей в руку и развеялся, синей дымной струйкой указывая направление на юг. Рядом сидел и сонно хлопал глазами Мирниас, пытаюсь понять, что происходит.

— Подъём и живо за нами! Не вздумайте отстать или потеряться! — приказала ему Айриэ.

— Хорошо, мэора! — недовольно откликнулся артефактор, однако же послушно побежал сзади, сопя и топоча, как табун тяжеловозов.

Было ещё довольно темно, рассвет едва обозначился тонкой светлой полоской на востоке. Под утро стало совсем холодно, стылость пробирала до костей, но от бега они быстро согрелись. Синеватый светящийся «дымок-путеводитель» летел впереди, исправно указывая направление. Он тоже попадал под «отвод глаз», так что проехавшие по соседней улице патрульные гвардейцы не заметили ни бежавших, ни синеватый отсвет. Выбежали за деревню и свернули на дорогу, ведущую к одной из ферм. Дорога была немощёная; бежать, когда под ногами чавкает грязь, было не слишком приятно, и они пошли быстрым шагом, тем более что Мирниас совсем запыхался. Гномы и Айриэ умели держать дыхание, а молодой маг, очевидно, пренебрегал физическими упражнениями.

За поворотом, когда из-за деревьев впереди уже показалась труба фермерского дома, обнаружили двое гномов с обнажённым оружием. На обочине, густо оросив кровью пыльную придорожную траву, лицом вверх лежал человек в чёрно-зелёном мундире. Айриэ подсветила магическим «светлячком». Молодой совсем парень, не больше двадцати пяти, по-деревенски круглощёкий, ширококостный, с большими, сильными крестьянскими руками, бесполезно разметавшимися по траве в попытке удержать ускользнувшую от него жизнь.

Неподалёку бродили две осёдланные лошади, периодически нервно всхрапывая и шарахаясь от любой тени (чуть позже выяснилось, что они сильно чем-то напуганы и никого к себе не подпускают, поймать их удалось с трудом).

Гномы Лоршах и Трондаз, пока ждали их, успели деловито обследовать место преступления при свете прихваченных с собой фонарей. Теперь они делились своими выводами:

— Тварь сзади напала. Гвардейцев было двое, а тварь сидела на ветке, пропустила их вперёд и сиганула на одного сзади. Это он на траве валяется. Он даже меч вытащить не успел, так и помер, не поняв отчего. Его потом перевернули и спереди когтями добавили. Второго сбросила лошадь или сам успел спрыгнуть, но на ногах удержался — видите отпечатки глубокие? Он, похоже, один раз тварь задел — вон его меч валяется, на нём следы крови. Тела поблизости не видно. Хогрош его с собой утащил и сожрал? Или хозяину вручил?

— Скорее второе, — хмурясь, сказала Айриэ. — Живого...

— Вот мохнатая орочья задница! — ругнулся Лоршах. — А мы сидели где договорились, этих двоих видели несколько раз. Гвардейцы по одному маршруту

передвигались, примерно раз в час мимо нас проезжали. В очередной раз ждали их, даже время по часам засекали и поспорить с Троном успели на пару золотых. У нас часы точные, сама смотри, Айнура!

Гном продемонстрировал карманные часы на цепочке, магесса отмахнулась:

— Лоршах, я в гномьей работе никогда не сомневалась! Дальше что?

— Ну вот, посмотрим мы, значит, — подхватил рассказ Трондаз, — а гвардейцев всё нет и нет, на полчаса задержались, на сорок минут. Тихо было, мы же прислушивались, хотя от того места, где мы сидели, всё равно бы ничего и не услышали, далеко же. В общем, решили мы с Лорхом пойти гвардейцам навстречу, проверить на всякий случай, ну и вот... наши. Он уже больше часа как умер, когда мы его обнаружили. Мы сразу «письмоносца» тебе послали, а потом пошли следы искать.

— И ещё одно, — добавил Лоршах, вытаскивая что-то из кармана и поднимая повыше. — Смотрите, что валялось рядом с телом.

Перед глазами Айриэ закачался смутно знакомый серебряный овальный медальон на затейливой цепочке. Пока она пыталась припомнить, где уже видела эту вещицу, Мирниас вскрикнул, подтолкнув её память.

— Мирниас, ваш?

— Мой, мэора, — глухо и безнадежно подтвердил маг. — Но я не...

— Да не лепечите вы! — прикрикнула магесса. — Так, надо послать за Пауреном, сейчас отправлю ему «письмоносца».

Мирниас, не принимая участия в общей суете, ссутулился, уселся на поваленное дерево и со вкусом печалился, от расстройства совершенно забыв, что у него имеется алиби. Магесса отправила магическое послание капитану — голосовое, писать было нечем и не на чем. Потом тоже принялась за осмотр места преступления, согласившись с выводами гномов. Похоже, дело именно так и происходило. Но какая наглость! Напасть на герцогских гвардейцев?! Интересно, что скажет его светлость...

Станный выбор жертвы, что и говорить, но, возможно, магу требовалось срочно подкормить хогроша. Иначе тот мог вырваться из-под контроля хозяина и отправиться на охоту самостоятельно, а маг монстром явно дорожит и опасается потерять. Создать ещё одного так легко не получится, магу придётся расплачиваться собственной жизненной силой — и с каждым разом всё больше. Очевидно, хогрош нужен для решения некой глобальной задачи. М-да, устранение короля на такое вполне тянет, но Айриэ с трудом могла представить, что Файханасы попытаются действовать грубо и прямолинейно. Нет, сейчас на Кайнира никто не станет натравливать этого монстра, даже при помощи некоего проклятого предмета. Это всё равно что громогласно признаться в собственной виновности, ведь теперь Драконий Орден знает о хогроше, резвящемся возле Файханас-Манора. Айриэ допускала, что памятное убиение рыжего хряка вполне могло быть репетицией покушения на короля, но теперь герцог должен был отказаться от старого плана, этого требовало обычное благоразумие. Пока остаётся шанс занять трон мирно, благопристойно и якобы на законных основаниях, Рольнир Файханас будет следовать по этому пути. Меньше всего ему нужна междоусобная война в Юнгироде или клеймо убийцы короля. Знать бы ещё, для чего ему понадобился этот заговор... Только не говорите о притягательном блеске короны и заманчивой мягкости трона, это смешно. Не тот человек.

Почти совсем рассвело, хотя по-прежнему было туманно и серо. День рождался неприветливый и хмурый, грозивший серыми дождевыми тучами и резким северо-западным

ветром. Капитан Паурен появился достаточно быстро, но не один, а со своим господином. Герцог прихватил с собой молодёжь — двоюродных племянников Койдира и Фирниора. Его светлость изволил сильно гневаться, и это был гнев тяжёлый, липкий, скрытый под маской бесстрастности, однако ясно различаемый в его ледяном взгляде и застывших, крепко стиснутых губах. Герцог молча выслушал откорректированный рассказ гномов (заявивших, что они охраняли свои повозки, тем более что маршрут пары гвардейцев действительно пролегал мимо постоянного двора), а также их соображения по поводу действий хогроша и спросил отрывисто:

— Мэора Айнура, вы согласны? С выводами уважаемых гномов?

— Да, герцог. Видимо, всё примерно так и происходило, я смотрела следы. Увы, я почти уверена, что второго гвардейца живым вы больше не увидите. Думаю, хогрош унёс его в своё логово и... употребил. Тварь пристрастилась к человеческой крови.

— Да, мэора, вы предупреждали, что так и будет... Я надеялся, что вы ошибаетесь.

— Я сама на это надеялась, мэор Рольнир.

Койдир и Фирниор коротко переглянулись. Смысла этих взглядов магесса не уловила, но кузенам, кажется, сильно не нравилось то, что они видели. Гномы рассказали про найденный медальон. Стоявший рядом Мирниас сильно побледнел и часто, нервно сглатывал.

— Мэор Мирниас! — В голосе герцога перекатывалось сухое, колкое ледяное крошево. — Этот медальон — с вплетённым в него защитным заклинанием — я вручил вам в начале лета в качестве платы за ваши магические услуги. Вы это признаёте?

— Ваша светлость, медальон тот самый, я не спору. Но...

— Молчать! — рявкнул герцог, бешено раздувая ноздри. Клокотавший глубоко внутри гнев картинно прорвался наружу и готов был испепелить всех вокруг. Ну или обледенить. — Капитан Паурен, взять его!

— Подождите, герцог! — вмешалась Айриэ, повелительно выдвинув подбородок. Шагнувшие было к магу гвардейцы замерли, не дожидаясь приказа своего господина. — Мэор Мирниас никак не мог оставить здесь свой медальон — по крайней мере, нынешней ночью.

— Что? — Льда в голосе заметно прибавилось. — Объясните, пожалуйста, мэора.

— Потому что он провёл эту ночь со мной, — абсолютно честно сказала магесса.

Рыжеватые брови Койдира изогнулись домиком, щегольские светленькие усики шевельнулись, в глазах было весёлое любопытство. Юный Фирниор, напротив, брови сдвинул так, что между ними залегла глубокая вертикальная морщинка, а костяшки его стиснутых кулаков побелели. Герцог смерил артефактора несколько недоумённым взглядом, будто пытаясь отыскать в нём некие достоинства, тщательно скрытые от постороннего глаза. Потом, прищутив глаза, очень вежливо спросил:

— Мэора Айнура, вы уверены? Прошу простить мне мои сомнения, мэора, но вы с точностью можете утверждать, что мэор Мирниас находился рядом с вами в течение этой ночи? Никуда не отлучался? Или хотя бы не колдовал втайне от вас, раз уж этим хогрошем управляют на расстоянии?

— Рядом со мной, герцог, тайно колдовать невозможно. Это влечёт за собой колебания силовых магических нитей. Я непременно замечу, — с достоинством поведала магесса, глядя Файханасу прямо в его ледяные светло-голубые глаза. — И да, мэор Мирниас находился рядом начиная с половины одиннадцатого и до того момента, как нас разбудили.

Мы разделили с ним одно ложе. Это, кстати, могут подтвердить уважаемые брай Конхор и брай Стагир, которые были вместе с нами.

Гномы важно, степенно кивнули; Конхор при этом нежно обвил могучей рукой стан магессы. Молодой Койдир Файханас тихонько хмыкнул, видимо, представив себе это весёлое времяпрепровождение... квинтетом. Герцог, не сдержавшись, позволил окружающим заметить искреннее изумление, на миг проступившее на его породистом лице, и только потом нацепил привычную маску невозмутимости. А магесса успела заметить злой, с прищуром взгляд, брошенный Фирниором на злосчастного артефактора — будто последний сделал что-то, сильно нарушившее планы юного аристократа. Молодой маг после пикантного заявления магессы покраснел до корней волос — видимо, тоже нервно относился к квинтетам. Хм-м, каждый понимает в меру своей испорченности, лукаво подумала про себя Айриэ.

— Что же, мэора Айнура... — кашлянул герцог, — кхм, в таком случае, ваши показания полностью снимают подозрения с мэора Мирниаса. Но мне непонятно, как его медальон мог оказаться здесь?

— Ваша светлость, я сам не могу понять! — торопливо заявил Мирниас. — Я снял медальон вчера... то есть уже позавчера, когда переодевался, и просто забыл его надеть. Честно говоря, я не заметил, что медальона на мне нет... но я и не носил его каждый день.

— Очевидно, медальон подбросили недоброжелатели мэора Мирниаса, — вежливо внесла предположение Айриэ. Никто возражать не стал.

— Мэора Айнура, вы вновь не сможете отследить, куда исчез хогрош? — Теперь Рольнир Файханас намеренно добавил в свой голос недовольство и даже лёгкое осуждение.

— Увы, герцог, магия не всесильна, — спокойно ответила Айриэ, не собираясь ни смущаться, ни оправдываться.

— Я уже понял это, мэора, — с сарказмом ответил герцог и поджал губы.

— Капитан, — улучив момент, спросила Айриэ, пока герцог с племянниками был занят осмотром места преступления. — Почему ваши люди ездят всего по двое? Раньше же было две тройки и четвёрка.

Паурен недовольно скривился, но тут же вспомнил о необходимости держать лицо перед посторонними и ответил почти бесстрастно, успешно подражая герцогу:

— Потому что, мэора Айнура, так приказал мэр Орминд. Его светлость поручил ему это дело, а мэр Орминд рассудил, что так у гвардейцев больше шансов заметить что-то необычное. Выделить больше десятка человек его светлость не согласился — солдаты нужны в замке, нельзя ослаблять охрану.

— О, теперь понятно, благодарю, капитан!

Хм, молодой Орминд взялся командовать, но его новшество удачным не назовёшь. Будь гвардейцы втроём, они бы наверняка отбили от хогроша, а то и уничтожили бы его, ведь мечи, заговорённые Мирниасом, были у каждого, кто выезжал патрулировать Кайдарах.

Возвращаясь домой вместе с Мирниасом и гномами, магесса недовольно размышляла, есть ли смысл продолжать ночные бдения с гномами. Сегодня хогрош и его хозяин их знатно провели, хотя, скорее всего, даже не подозревали о расставленной по деревне гномьей страже. Вдобавок ко всему «маг-враг» ещё и везунчик, чтоб его корявое Равновесие на атомы расплыло! Вместе с везением.

— Мэора Айнура, я уже просто не знаю, как и чем буду с вами расплачиваться, — с нервным смешком проговорил топавший рядом Мирниас. Айриэ краем сознания уловила,

что он давно уже мнётся, вздыхает и сопит, не зная, как начать разговор, но особого внимания не обращала.

— Мирниас, я не ростовщик, долги и проценты не взимаю.

— А я не побирушка, чтобы брать в долг без возврата! — неожиданно окрысился юнец, совершенно непонятно, с какой стати.

— Вас вроде бы никто побирушкой и не именовал, — хмыкнула Айриэ, недружелюбно на него покосившись.

— Хуже, — с едкой горечью отозвался он. — Вы вообще не считаете меня достойным отблагодарить вас за помощь.

— Скажите мне сердечное спасибо и отправляйтесь домой, пообещав навеки сохранить в сердце нашу незабываемую ночь, — нетерпеливо предложила она, мечтая поскорее избавиться от назойливого артефактора. — И мы квиты!

— Мэора Айнура! — вспыхнул Мирниас. — Вы можете думать обо мне что угодно, но я не стану компрометировать вас перед вашим... мэором Тианоринниром. Он ведь теперь будет думать, что мы с вами...

— Ага, и с нами тоже! — раскатисто расхохотался Конхор, вынужденный вместе со Стагиром слушать бред, что нёс этот юнец.

Мирниас поперхнулся, уже успев позабыть о квартете.

— Мирниас, вы не переживайте, Тианор — полуэльф разумный, и, главное, взрослый. Давно уже, — снисходительно успокоила его Айриэ, и юнец не выдержал, сочтя за благо распроститься и сбежать домой как можно скорее.

Тианор, к слову, услышав о квартете, долго и искренне смеялся. И, постанывая от смеха, немедленно предложил составить квинтет.

Айриэ с Конхором сидели в таверне, потихоньку цедили пиво и вполуха слушали немудрящие песенки, что лениво напевал менестрель. Дело шло к вечеру, но посетителей у папаша Брэйдора наблюдалось совсем немного. Местным было не до веселья, да и работы на полях оставалось немало, а дни становились всё короче. Человек десять на всю таверну набралось, включая троих постояльцев Гриллода, заезжих торговцев.

Магесса сидела недовольная и толком не выспавшаяся, уже третью ночь подряд. Она бы с удовольствием провела время в обнимку с подушкой у себя в номере, но Конхор уговорил выбраться в таверну. Ему надо было доставить папаше Брэйдору заказ — несколько бочонков гномьего пива и обсудить ещё какие-то торговые дела, а магесса делала вид, что слушает треньканье Тина. Ночью на земле спалось совсем не так чудесно, как на удобной кровати в номере, да и сон был некрепкий, одно название только. После таких ночей Айриэ совсем не чувствовала себя отдохнувшей. Гномы хоть через раз нормально высыпались, а она от постоянного недосыпа становилась более злобной, чем обычно, и готова была покусать всех, кроме разве что Конхора.

Потом Кон вернулся, и они решили приятно провести время за пивом и лёгкой дружеской болтовнёй. Конхор, разумеется, выставил на столик привезённое с собой тёмное пиво, но папаша Брэйдор несколько не возражал. Наоборот, готов был с гнома пылинки сдувать — видимо, сделка была весьма выгодной. Установив «глушитель», Айриэ расспрашивала о Броморе и о фиарштадских делах, рассказывала кое-что о своих странствиях — без имён и географических названий, впрочем. Наболтавшись всласть, они уже собирались уходить, когда появился новый посетитель, случайно привлёкший внимание магессы. Точнее, внимание привлекла сказанная хозяином фраза:

— А, Чарп, здорово! Давно ты ко мне не заходил. Что, покойнички тебе работы прибавили?

— А то не знаешь, Брэйдор, — мрачновато отозвался невысокий, тощий и жилистый старик с острым красным носом. — Через день-два новые похороны, что за жизнь пошла, так её разэтак!

Старик уселся за стойкой и медленно тянул из кружки красное вино, изредка болтая с хозяином. Айриэ подумалось, уж не смотритель ли это местного кладбища, с которым она собиралась поболтать о старом семейном маге Файханасов. Подозвав Брэйдора, она задала ему вопрос и убедилась в правильности своей догадки. Попросила пригласить старика за их столик и принести то, что он закажет. Старик подошёл неторопливо, с достоинством, но в светлых мутноватых глазах любопытство цвело пышным цветом.

— Звали, мэора маг? Чарп я, смотритель кладбищенский. Чего изволит ваша милость?

— Поговорить, брай Чарп. Да вы присаживайтесь, сейчас ваш заказ принесут

— Ай, мэора маг, шутить изволите? Какой я вам брай? — захихикал старик, но видно было, что он польщён уважительным обращением. — Меня браем сроду не называли, я совсем простого роду-звания. В молодости батрачил у фермеров, потом, когда состарился, меня его светлость облагодетельствовал, место дал. Не смотрите, что старый, мэора, я ещё крепкий, могилу запросто могу в одиночку выкопать и плиту установить, хотя помощников его светлость мне выделяет, дайте ему Лунные богини здоровичка побольше!.. А, так о чём, мэора маг, вы поговорить-то хотели? Или это брай гном чего-нибудь изволит?

— Оба мы изволим, горы-долы! — подмигнул ему Конхор. — Герцогским фамильным склепом мы интересуемся. Айнура, спрашивай, я молчу-молчу, не лезу куда не просят.

Испепелив гнома неласковым взглядом, Айриэ приступила к расспросам.

— Вы, брай Чарп, помните, как прежний герцогский маг погиб? Магистр Стейриг?

— Помню, конечно, мэора, память-то у меня пока что отличная. Три года уж прошло с тех пор, шуму тогда много было.

— Помните, как магистра нашли?

— Чего ж не помнить, я его и нашёл. Ключ-то от склепа у меня хранится, да у его светлости собственный есть, само собой, — пояснил старик. — Я должен хоть раз в декаду вниз спуститься, проверить, всё ли в порядке, прибраться, опять же, если требуется — цветы там засохшие выбросить или ещё что. В тот день я и не собирался, просто обход кладбища делал, да увидел, что калитка ограды и дверь склепа приоткрыты. Непорядок же! Я взволновался да сдуру прямо в склеп и сунулся, вместо того чтоб на подмогу кого позвать. Повезло мне, дурню старому, что мэор Стейриг упыря прикончить успел, хоть и сам не выжил, а то мы бы сейчас с вами, мэора, тут не сидели.

Чарп шмыгнул остреньким носиком и передёрнулся, очевидно, заново переживая испытанный когда-то страх.

— Вы, брай Чарп, так сразу и увидели, что это маг из Файханас-Манора? — спросила Айриэ.

— Сразу, мэора, лицо ему упырь не тронул, грудь разворотил только. Когтищи у него были — во, с мою ладонь длиной, а то и побольше! Кровищи там было — ужас! Да ещё стены попорчены выжженными пятнами — это маг в упыря огненными шарами кидался, а тот, видать, уворачивался. А там внутри же стены мрамором белоснежным дорогушим облицованы, я насилу отщёпотом...

— Так чем маг упыря убил? Заклинанием? — перебил его нетерпеливый гном, не желавший обогащаться полезными сведениями об уборке в склепах.

— Нет, брай гном, кинжалом зачарованным да ядом смазанным. В сердце маг не попал, бил уже, видать, из последних сил и куда придётся. Но капитан Паурен тогда всё осмотрел и после его светлости докладывал, а я слышал. Тогда и узнал, что кинжал ещё сверх чар ядом усилили, чтоб если бить, так наверняка.

Способ отчасти спорный — иной яд и чарам может помешать правильно сработать — но для человеческих магов действенный, особенно если этот маг плохо владеет оружием. Сама Айриэ, к слову, тоже привыкла полагаться на заклинания, оставляя мечи воинам. Но без правильного оружия (лучше из «лунного серебра») магу иногда не обойтись, хотя ядами Айриэ всё-таки почти не пользовалась. Но Стейриг молодец, даже умирая, сумел добить опасную тварь и не допустил больше ничьей гибели. И неважно, защищал ли он при этом тех, кому служил, или позаботился о простых жителях Кайдараха. Интересно, кстати, а что это был за «упырь»?..

— Как он выглядел?

Старик удивлённо воззрился на магессу.

— Ну как... обыкновенно он выглядел, человек как человек, темноволосый, нестарый ещё...

— Да нет же, упырь!

— А-а-а, понял, мэора. Ну так волос у него тоже тёмный был, кожа синюшная такая просвечивала сквозь проплешины, когти длинные, я говорил уж.

— Морда вытянутая или нет? Нос длинный? Уши какие?

— Морда... ну, приплюснутая малость, нос круглый, чёрный. А уши... не помню, мэора, вроде остроконечные... а может, нет, — с сомнением пожевал губами старик. — Я ведь его недолго разглядывал, да по правде сказать, и охоты особой не было. Боялся, что мне этот упырь во сне станет сниться. Покойников я вот сроду не боялся, а тварь эту поганую — да, хоть и дохлая она была давно.

В общем, явно не классический упырь, а нечто, подозрительно напоминающее нынешнего хогроша. Возможно, первый экземпляр вырвался из-под контроля хозяина, и магистр Стейриг его уничтожил, хотя и ценой собственной жизни. Возможно также, что хозяином первого был сам маг. А нынешнего создал его ученик?.. Или обоих? А тогда Стейриг просто уничтожил опасную тварь. В этом случае откат от оборванной связи должен был ударить по хозяину...

— Брай Чарп, а не помните случайно, кто тогда кроме капитана в склепе был?

— Его светлость, понятно, был с сыном. Солдаты тоже... Они тушу упыря вынесли и сожгли по приказу герцога.

— Ага, — покивала магесса. — А может, в замке тогда болел кто-нибудь? Не припоминаете?

— А ведь и верно, мэора, — наморщив лоб, сказал Чарп. — Мэор Орминд тогда приболел. Полдекады в постели провалялся, мудрёное у него что-то было, так что и целители не сразу справились.

Но ведь оборванная связь ударяет по магу сразу, не с опозданием. Значит, Орминд не мог быть хозяином твари, чем бы он там ни болел. Совпадение, не более того.

— Брай Чарп, а кроме герцогского сына больше никто в Файханас-Маноре не чувствовал себя плохо в тот день?

— Ну да, мэора, вот вы спросили, в памяти сразу и всплыло, — торжествуя сказал старик, радуясь победе над склерозом. — Мэор Фирниор тогда тоже хворал. Он даже раньше герцогского сына слёг, ночью. И тоже вроде слабость да жар, а ничего опасного целители не нашли. Но он быстрее мэора Орминда оправился, это я точно помню.

Прелестно, опять вездесущий Фирниор. Три года назад ему было пятнадцать. Мог ли мальчишка по неопытности не справиться с ручным, но крайне опасным монстром?.. Версия не самая глупая, но как же ей это надоело, корявое Равновесие!.. У Айриэ от всех этих предположений, догадок, улик и алиби уже голова кругом шла. И как только несчастные профессиональные дознаватели всю жизнь в подобном супе варятся? Она этого решительно не понимала, но от души сочувствовала: определённо, их хлеб был нелёгок. А тут ещё вдобавок постоянно приходится напрягаться, чтобы не перепутать, кому, сколько и что именно говорить. Ну до чего же противно всё время врать, сил больше никаких нет!..

В глазах старика явственно читалось любопытство по поводу странных вопросов магессы, однако спрашивать он не решился. Вместо этого получил пару серебряных «коронков» и рассыпался в благодарностях.

— Вот ещё что, брай Чарп. Мне бы в склеп сходить, посмотреть. Говорите, ключ от него у вас?

— Ключ-то у меня, мэора, — побряхтел старик, не сразу решившись продолжить — видимо, опасался рассердить всемогущего драконьего мага. — Да только не велено мне никого туда пускать без ведома его светлости. Вы уж простите, мэора маг, но надо прежде у герцога разрешения спросить...

Чарп смотрел опасливо, будто ожидал от магессы громов и молний, и та поспешила успокоить старика, миролюбиво согласившись съездить в Файханас-Манор и просить у герцога разрешения на осмотр склепа. Она могла бы войти и так, сломав замок на двери заклинанием, но было интересно посмотреть на реакцию Рольнира Файханаса в ответ на её просьбу.

В качестве реакции магессу одарили старательным удивлением. Слишком старательным, чтобы не учуять под ним замаскированную досаду и злость. Кажется, у Айриэ опять получилось наступить герцогу на мозоль, следовательно, в склеп сходить стоило непременно. Если раньше она намеревалась сделать это больше забавы ради, в поддержание своего образа орденой ищейки, то теперь осмотреть место давнего преступления требовалось всерьёз. Интересно, почему герцог не хочет, чтобы она навестила его покойных предков?..

— Если вы, мэора Айнура, считаете, что можете обнаружить там нечто, связанное с нынешними нападениями хогроша, то, разумеется, я буду только рад вам помочь, — сказал герцог предельно вежливым тоном. Но вместо заявленной радости в голосе опять скрежетало давешнее ледяное крошево недовольства. — Мэора, вы желали бы отправиться прямо сегодня или завтра с утра?

— Лучше сегодня, герцог, ещё совсем не поздно. Да и потом, даже если возвращаться я буду уже в темноте, меня это вполне устроит. Я бы хотела, чтобы хогрош попытался на меня напасть... — мечтательно протянула она, улыбаясь несколько хищной улыбкой.

— Понимаю, мэора Айнура. Ну что же, в таком случае, я пошлю с вами моего племянника Фирниора, он покажет вам склеп и ответит на ваши вопросы, если они возникнут.

Кто бы сомневался! Айриэ подозревала нечто подобное: вряд ли герцог отпустил бы её рыскать среди могил предков без присмотра. А на роль соглядатая лучше всех годился юный Фирниор — ведь они с Айриэ почти приятельствовали, не считая того, что мальчик периодически делал попытки за ней ухаживать. Ничего, юноша ей не помешает, к тому же попутно его можно будет снабдить кое-какой ложной информацией...

Шоко и вороной Фирниора неторопливой рысцой двигались по дороге к кладбищу. Лето таяло, и зелень деревьев уже кое-где была щедро разбавлена осенней желтизной. Солнце почти совсем ускользнуло за дальний лес и окрасило всё вокруг мягким, тёплым закатным золотом. На западе клубились лёгкие облака — розовые с тёмной серо-фиолетовой оторочкой, резко выделявшейся на прозрачно-голубом фоне. Случайно взглянув в глаза спутнику, когда отвечала на его шутливую реплику, Айриэ с любопытством отметила, что цвет его радужки совпадает с фиолетовыми переливами на небе.

— Фирниор, у вас сейчас глаза цвета вон тех закатных облаков, серо-фиолетовые. Необычно.

Юноша взмахнул ресницами и бросил на магессу долгий, странный взгляд. Глаза, кажется, потемнели ещё сильнее.

— А вам, мэора Айнура, очень идут изумрудные глаза ... как в тот раз, когда вы фантом дракончика создали. У вас глаза так необычно светились, то золотом, то изумрудом. Это было очень красиво!

— Да когда вы заметить успели? Вы же дракончиком были всецело поглощены, — добродушно усмехнулась Айриэ.

— Но сначала я смотрел на вас! Я на вас часто смотрю... особенно когда вы не

замечаете, мэора Айнур. — Голос юноши чуть охрип. — А тогда, на какой-то миг вы показались такой необычной, нездешней даже!.. и свободной, неистовой... удивительно настоящей. Словно в остальное время вы носите маску... Простите, если я вас оскорбил, мэора.

— Все мы носим маски, Фирниор, разве нет? — Айриэ продолжала удерживать на губах усмешку, но смеяться ей уже не хотелось. — Без них не обойтись. Бывает, что они слетают на миг, но это неважно, это ничего не значит.

— Бывает, маски прирастают к коже, особенно если их носить слишком долго... — эхом откликнулся Фирниор.

Прирастают, ещё как. Нельзя слишком долго носить чужое лицо и примерять на себя чужую жизнь. Но что, если своей жизни — четыре дня в году, а чужой — все прочие триста шестьдесят четыре?..

Герцогский фамильный склеп снаружи был облицован дорогим угольно-чёрным мрамором, благородно поблёскивавшим в гаснущих солнечных лучах. Склеп был обнесён ажурной кованой решёткой, калитка и дверь самого склепа открывались одним ключом. Внутри во дворике душно благоухали розы, тёмно-красные, белоснежные и жёлтые. Вниз вели несколько ступеней, дверь была прочной, массивной.

Шагнув внутрь первым, Фирниор зашарил по стене справа в поисках магического светильника.

— Мэора Айнур, пожалуйста, закройте глаза и дайте мне руку! — таинственным полущёпотом попросил он, доверчиво и очень заразительно улыбнувшись.

Айриэ не стала спорить, только усмехнулась про себя, опустила ресницы и прошла вслед за ним внутрь помещения. Мысль о возможной ловушке мелькнула и, устыдившись самой себя, умчалась прочь. Угрозы Айриэ не чувствовала. Дверь за спиной захлопнулась, отрезая их от закатных солнечных лучей.

— Теперь можете открывать глаза! — В его голосе слышалось нетерпение и предвкушение, а тонкие, сильные пальцы чуть сжали её ладонь.

Зрелище, открывшееся её глазам, было поистине завораживающим. Тем неожиданней, что это должно быть место последнего упокоения усопших и скорби по ним. Но внутреннее помещение склепа изображало нечто светлое и радостное — мифический Светлолунный мир, куда после смерти якобы попадали достойно прожившие свою жизнь (и ели счастье большими ложками до скончания времён). Стены помещения были облицованы белоснежным, словно светящимся изнутри мрамором, потолок же изображал тёмное ночное небо с тысячами звёзд и пятью лунами Акротоса, в виде которых были выполнены красивые магические светильники тонкой работы — металл и хрусталь. Видимо, все светильники активировались одновременно, в том числе те, что висели на стенах и заливали склеп ярким светом, похожим на лунный. Потолок поддерживался изящными светлыми колоннами из того же мрамора, в стенных нишах стояли статуи Лунных Сестёр Скорбящих и, будто в противовес им, изображения тех же пятерых богинь, но уже радующихся, принимающих умерших в своей обители вечного счастья. Забавные у людей представления о жизни и смерти... однако же местами красивые, с этим не поспоришь.

— Фирниор, это ошеломительно красиво! — признала магесса, осмотревшись — Никогда бы не подумала, что склеп можно оформить подобным образом. Но мне нравится.

Стены, кстати, были безупречно чистыми — ни следа давнишней копоти от разорвавшихся файерболов, ни вмятинки, ни щербинки. Ну, это-то как раз понятно,

файербол средней мощности не способен поцарапать дорогой, очень прочный «снежный мрамор».

Фирниор издал удовлетворённый вздох, и его тёплое дыхание пощекотало ей волосы. Его глаза были совсем близко и казались теперь очень тёмными в псевдолунном свете. Он смотрел на Айриэ не отрываясь, в волнении лизнув пересохшие губы, но так и не отважился ни на что большее, чем ещё раз легонько пожать её пальцы и убрать руку. За попытку поцеловать её Айриэ вышвырнула бы его из склепа магическим пинком, однако инстинкт самосохранения уберёт мальчика от крупных неприятностей. Фирниор решил продолжить исполнять обязанности гида.

— Да, мэора, я и сам, когда это в первый раз увидел, был просто поражён. Здесь Файханасов хоронят последние пятьсот лет. В прежнем склепе всё в строгом соответствии с традициями: низкие потолки, мрачные голые стены из серого камня, магические светильники в виде факелов. Правда, саркофаги правивших герцогов и там сделаны из редкого «инеистого гранита», это традиция. Потому что такой саркофаг у основателя нашего рода, Эйдигира Неистового Ястреба. В этой галерее, что справа от нас, хоронят только герцогов или их совершеннолетних наследников, умерших раньше правящего герцога. Всех прочих Файханасов сжигают по обряду Лунных сестёр, а прах помещают в урны.

На каждом гранитном саркофаге, тёмно-розовом с игольчатыми светлыми узорами, имелась табличка с именем и годами жизни усопшего. Впрочем, в галереях, где на постаментах стояли урны с прахом, подобные таблички также были. Айриэ задумчиво прошлась вдоль длинного ряда, читая имена и даты. Самые древние были дальше от входа, недавно умершие располагались ближе.

— Фирниор, а почему перестали хоронить в старом склепе?

— Не знаю, мэора, — пожал он плечами. — Тогдашний герцог пожелал выстроить новый склеп, только и всего. Кажется, никаких эпохальных событий с этим не связано. Ход в древний склеп ведёт через замковые подвалы. Первые могилы появились там ещё при драконах, наш род очень древний. Ниарасы — часть рода, боковая ветвь, мы пошли от графов Мэй-Ниарас. Первым графом был второй сын второго герцога Файханас, с тех пор наши семьи так и жили рядом, лишь укрепляя узы крови и иные связи. Много лет назад один из графов Мэй-Ниарас совершил измену королю, и его наследник, носивший титул виконта Ниарас, не пожелал принять запятнанное имя. С тех пор графов Мэй-Ниарас не стало, но род остался и по-прежнему верен старшей ветви.

Магесса рассеянно кивнула и продолжила неторопливый осмотр. Она и сама не знала, что надеялась здесь обнаружить. Герцог явно не хотел, чтобы она пришла сюда, хотя его нежелание отнюдь не походило на тревогу. Видимо, здесь имелось что-то, во что Айриэ, по его мнению, совать нос не полагалось, однако Файханас, кажется, не особенно опасался, что магесса это скрытое нечто обнаружит. Ха, ради одного этого здесь надо обследовать каждую щёлку.

— Фирниор, а легенды? Страшные истории, которые принято рассказывать зимним вечером у зажжённого камина? — лениво поддразнила она. — Сейчас не зима, но уж хоть одну-то страшную историю я заслужила?

— Мэора, вам обязательны истории о герцогах или подойдут любые? — невинно поинтересовался он, обозначив ямочку на щеке.

— Ведь мы же в герцогском склепе! — резонно заметила Айриэ. — Ну же, признавайтесь, кто из ваших предков был уличён в колдовстве и употреблении девственниц?

— По прямому назначению? — Его голос подрагивал от смеха.

— По прямому — само собой, для этого колдуном быть не нужно!

— Среди Файханасов не было ни одного мага, если верить легендам. Только сам основатель рода, говорят, мог превращаться в ястреба. А ещё говорят, что Эйдигир так и не пожелал обрести покой после смерти, навсегда оставшись хранить своих потомков. И в час великой нужды он обязательно придёт на помощь, если его позвать, исполнив необходимый ритуал.

— И что же это за ритуал? — Айриэннис притворилась, что подавляет зевок, хотя на самом деле моментально насторожилась.

— Я не знаю, мэора, — покачал головой юноша. — Это известно лишь герцогам и их наследникам. Всё-таки это тайна рода. Но о том, что Эйдигир поклялся хранить своих потомков и отказался ради них от посмертия, рассказывается в древних легендах, в этом нет никакого секрета. Кстати, Эйдигир никогда не был женат, вторым герцогом стал его младший брат, от него и пошли остальные Файханасы.

Смотря что считать посмертием. Мало кому из людей известно, что после смерти тот сгусток энергии, что составлял их личность, развеивается и присоединяется к энергетической оболочке мира. Вот высшая награда и подлинное бессмертие, на самом-то деле — быть частью мира... При определённых условиях дух мог остаться неразвезанным и даже обрести некое подобие призрачной жизни, но это было дурное, вымороченное, неправильное существование. Хотя кому как. Право же, в реальной жизни встречается не так уж много приведений, которые, увидев мага, немедленно кидаются к нему и просят их упокоить. Призраки тоже ценят жизнь, хоть бы и... призрачную. Впрочем, пока они не вредят живым по собственной воле, их не трогают, так что первый Файханас тоже мог не опасаться, если он и в самом деле ждал долгие века, дабы «помочь потомкам в час нужды».

— Хм, этот ваш Эйдигир не помогал потомкам раньше?

— Дважды, мэора Айнура. Так рассказывают легенды. Первый раз — своему внучатому племяннику, четвёртому герцогу. Второй — во время войны лет восемьсот назад, когда Файханас-Манор был осаждён. Говорят, тогда у защитников замка почти не осталось шансов продержаться до прихода помощи, а единственный уцелевший из Файханасов, шестнадцатилетний юноша, оказался в смертельной опасности. Тогда на осаждающих напал сам Неистовый Ястреб — призрак, которому не могло повредить ни обычное оружие, ни заклинания магов. Наутро от вражеского войска осталась лишь жалкая горстка уцелевших, а Файханас-Манор с тех пор никто больше не решался осаждать.

— А чем тот юный герцог заплатил за помощь предка? — любопытствовала магесса.

Фирниор бросил на неё внимательный взгляд.

— Интересно, что вы об этом спрашиваете, мэора. Об этом мало где упоминается, однако в семейных хрониках сохранилась запись, сделанная рукой самого Брайнира Файханаса, а после — его тринадцатилетнего наследника. За помощь предка Брайнир должен был отдать свою жизнь — такова плата за магию, однако получил отсрочку до тридцати лет, потому что был последним в роду, не считая Ниарасов. Он успел жениться и оставить двоих сыновей, прежде чем в день своего тридцатилетия спустился в древние подземелья под замком. Брайнир ушёл к гробнице Эйдигира Неистового Ястреба и не вернулся назад. Его тела больше никто никогда не видел. В старом склепе — кенотаф.

Любопытно... Древнее заклинание магии крови, призрачный Хранитель рода, плата за вызов которого — жизнь одного из его потомков. Айриэннис доводилось слышать о

подобном, но по вполне понятным причинам подобная магия не пользовалась популярностью. Тем более что, по представлениям лунопоклонников, стать защитником рода означало навсегда пожертвовать возможностью оказаться в Светлолунном мире после смерти.

— Фирниор, получается, что это не такая уж и тайна? Раз вы знаете, чем платят за вызов Хранителя рода.

— Вообще-то тайна, — смутился юноша. — На самом деле, мэора, я не должен был видеть эти хроники, их позволялось читать только Орминду. Но я сунул в них нос из мальчишеского любопытства, мне тогда было всего двенадцать. Это получилось случайно, и я едва не попался, а то бы, наверное, занимался чисткой конюшен не меньше полугода. — Он насмешливо фыркнул. — Однако о ритуале вызова я не знаю ничего, это правда.

Да ритуал-то, в сущности, неважен, стандартный наверняка, главное — кровь. Никто не сможет вызвать Эйдигира, если он не из рода Файханасов. Призрак привязан к замку, иначе и быть не может, так что, видимо, Файханасы, решившие пожертвовать собой во имя рода (а эта жертва может быть только добровольной), спускаются к гробнице и произносят что-то вроде: «Приди на помощь своей крови, Эйдигир, как клялся некогда!» — ну и про плату, наверное, добавляют. Вот и вся великая тайна... Хранитель рода может лишь избавить от врагов, напавших на Файханас-Манор, его не вызовешь и не натравишь на неугодного тебе — скажем, на короля, находящегося в Юнгире... Впрочем, даже если бы Кайнир вдруг оказался в замке, Хранитель рода ничего бы не смог ему сделать, потому что король первым на Файханасов не нападал. Плату за вызов при этом Эйдигир взял бы, это закон магии, иначе никак. Кстати, Фирниор говорил всего о двух известных случаях обращения к Хранителю рода, но ведь их могло быть и больше, просто не все попали в общедоступные семейные хроники.

— Ну вот видите, Фирниор, страшная легенда и нашлась, — вслух произнесла Айриэ, продолжив неторопливую прогулку среди изящных урн на постаментах.

— Почему же она страшная? Брайнир поступил самоотверженно и храбро, это красивая и печальная история. На самом деле ему, наверное, было страшно жертвовать собой и своим посмертием, однако он это сделал, а значит, победил свой страх. Не знаю, впрочем, смог бы я поступить так же, — задумчиво заметил он. — Хотя в детстве я часто примерял на себя роль Брайнира и ни капли не сомневался, что если придётся, сделаю это не задумываясь — чтобы жили дядюшка Рольнир, Орминд, Юминна...

— Что-то изменилось с тех пор? — негромко спросила Айриэ.

— Я вырос, мэора, — криво улыбнулся он. — Я не оказывался в положении Брайнира, поэтому не могу сказать, хватило бы у меня смелости поступить как он... Я уже не так наивен, как в детстве, и более трезво оцениваю свои возможности. Однако я надеюсь, что если вдруг придётся, я не окажусь трусливее моего далёкого предка.

— М-да, но всё это — дела прошлого, а ведь не далее чем три года назад в этом склепе тоже произошли довольно печальные события.

— Вы о смерти магистра Стейрига, мэора? — нахмурился юноша. — Да, тогда магистр тоже поступил как настоящий герой. Он выследил страшную тварь и сумел убить, хотя потерял собственную жизнь. Очень жаль, магистр мне нравился, да и наставник он был хороший.

— Наставник?

— Да, магистр учил и Орминда, и впоследствии меня, основам магии, хотя у нас ни

капли магического дара, как он говорил. Но мы должны были знать теорию. Потом ещё учил составлению зелий, этим особенно интересовался Орминд, я как-то не слишком. И немного лекарскому делу — очищение ран, перевязки, мази и всё такое прочее.

— Понятно... А откуда взялся упырь, вы не знаете, Фирниор?

— Н-не знаю, мэора, — поколебавшись, ответил он, и тут магессе показалось, что юноша не вполне искренен. Быть может, он не знал наверняка, но мог о чём-то догадываться. Хотя было бы странно, если бы он вдруг решил сказать что-то, могущее навредить интересам Файханасов.

— Наверное, магистру пришлось тяжело. Я слышала, это была славная битва, — закинула пробный шар Айриэ.

— Да, мэора Айнура, магистр сражался очень храбро. Здесь все стены почернели от копоти, Чарп, смотритель кладбища, жаловался не переставая, когда потом отмывал мрамор. Магистр пытался убить упыря файерболлами, но тот, судя по всему, был намного быстрее и увертливее. Потом он набросился на магистра и разорвал его когтями, но магистр, уже смертельно раненный, успел достать тварь кинжалом. На кинжал было наложено некое заклинание, я не знаю точно, а лезвие — смазано ядом. Оно светилось бледно-зелёным, как будто фосфором было намазано или чем-то подобным. А на морде твари виднелась пена, тоже зеленоватая, разве что не светящаяся. Всё это случилось ночью, а наутро туша твари уже выглядела раздувшейся и быстро начала разлагаться. Ох, мэора, ну и запах тут стоял, просто кошмар! Его светлость тогда приказал быстро сжечь упыря, и того с трудом подняли шестеро солдат. Вынесли его за ограду кладбища и сожгли «лунным огнём», на всякий случай, чтобы тварь не восстала. Дядюшка Рольнир тогда специально позвал Лунных сестёр, чтобы и магистру Стейригу достойное погребение устроить, и тварь сжечь.

Юноша, увлечшись воспоминаниями, говорил живо и жестикулировал, а магессу не покидало странное ощущение. Фирниор рассказывал как очевидец тех событий. Значит, либо ему в своё время попался хороший рассказчик, описавший всё до мельчайших деталей, либо...

— Фирниор, так вы это всё своими глазами видели? — небрежно спросила Айриэ. — Ну и зрелище, должно быть!..

— Да, мэора, я тогда был тут с его светлостью. Действительно, такое раз увидишь, до конца жизни не забудешь, и... — оживлённо начал Фирниор и вдруг резко замолчал. Глаза у него расширились, вид был испуганным, как у человека, внезапно проговорившегося о чём-то важном.

— Что, Фирниор? — выждав некоторое время, спросила магесса. — Вы начали о чём-то говорить и вдруг замолчали. Что с вами?

— Нет, н-ничего, мэора, — запнувшись, через силу выговорил он, нервно утирая вспотевший лоб.

— Тогда продолжайте, прошу.

— Я... я забыл, что хотел сказать, мэора, — быстро ответил он, но прозвучала его ложь на редкость неубедительно, особенно для человека, столь виртуозно умеющего лгать.

Впрочем, Айриэ не стала настаивать, он явно ни в чём не признается, а продолжит выдумывать. Но почему он испугался? Допустим, он приходил в склеп вместе с дядюшкой и кузенком, зачем это надо было скрывать? Или всё дело в том, что Фирниор был в склепе во время битвы Стейрига с первым хогрошем?.. Ну так и говорил бы спокойно, что приходил утром вместе со всеми, не привлекая внимания к скользкому моменту. В конце концов, кто

станет проверять такие мелочи, а если даже и станет (как сама Айриэ), нагло стоять на своём. Кому поверят скорее, сыну виконта или старику смотрителю? Фирниор же не мог знать, что лично она в такой ситуации поверит именно Чарпу, даже если герцог и Орминд дружно станут утверждать, что юноша был с ними.

Айриэ вздохнула. Придётся подвергнуть риску беднягу Чарпа, при этом не ставя его в известность. Разумеется, она постарается, чтобы со старичком ничего не случилось, но если он всё-таки пострадает, совесть её загрызёт... Однако если она не сделает ничего, а хогрош снова загонит добычу для своего хозяина, будет хуже. Тварь надо уничтожить, иначе маг успеет убить ещё нескольких человек. И ладно бы просто убивал, а то ведь он копит силы для некоего масштабного злодейства. Гибель нескольких человек сама по себе трагична, но для мира в целом отнюдь не критична. Вошедший в силу чёрный маг намного, намного опаснее.

— Фирниор, — окликнула она юношу, начавшего было успокаиваться после допущенного промаха. — А старый Чарп говорил, что вас тогда в склепе не было — вы, мол, болели.

Промелькнувшее в его глазах выражение, весьма напоминавшее панику, уверило магессу, что она на правильном пути.

— Не знаю, мэора Айнура, он, наверное, запомнил, — нарочито равнодушным тоном отозвался сын виконта, но взгляд он отводил с почти виноватым видом. Будь на его месте кто другой, Айриэ, пожалуй, подумала бы, что ему крайне неприятно прибегать ко лжи.

— Всё может быть, старичок ведь, память уже не та...

— Да, мэора, — вымученно улыбнулся Фирниор.

— Наверное, магистру пришлось тяжело. Я слышала, это была славная битва, — закинула пробный шар Айриэ.

— Да, мэора Айнура, магистр сражался очень храбро. Здесь все стены почернели от копоти, Чарп, смотритель кладбища, жаловался не переставая, когда потом отмывал мрамор. Магистр пытался убить упыря файерболлами, но тот, судя по всему, был намного быстрее и увертливее. Потом он набросился на магистра и разорвал его когтями, но магистр, уже смертельно раненный, успел достать тварь кинжалом. На кинжал было наложено некое заклинание, я не знаю точно, а лезвие — смазано ядом. Оно светилось бледно-зелёным, как будто фосфором было намазано или чем-то подобным. А на морде твари виднелась пена, тоже зеленоватая, разве что не светящаяся. Всё это случилось ночью, а наутро туша твари уже выглядела раздувшейся и быстро начала разлагаться. Ох, мэора, ну и запах тут стоял, просто кошмар! Его светлость тогда приказал сжечь упыря, и того с трудом подняли шестеро солдат. Вынесли его за ограду кладбища и сожгли «лунным огнём», на всякий случай, чтобы тварь не восстала. Дядюшка Рольнир тогда специально позвал Лунных сестёр, чтобы и магистру Стейригу достойное погребение устроить, и тварь сжечь.

Юноша, увлечшись воспоминаниями, говорил живо и жестикулировал, а магессу не покидало странное ощущение. Фирниор рассказывал как очевидец тех событий. Значит, либо ему в своё время попался хороший рассказчик, описавший всё до мельчайших деталей, либо...

— Фирниор, так вы это всё своими глазами видели? — небрежно спросила Айриэ. — Ну и зрелище, должно быть!..

— Да, мэора, я тогда был тут с его светлостью. Действительно, такое раз увидишь, до конца жизни не забудешь, и... — оживлённо начал Фирниор и вдруг резко замолчал. Глаза у

него расширились, вид был испуганным, как у человека, внезапно проговорившегося о чём-то важном.

— Что, Фирниор? — выждав некоторое время, спросила магесса. — Вы начали о чём-то говорить и вдруг замолчали. Что с вами?

— Нет, н-ничего, мэора, — запнувшись, через силу выговорил он, нервно утирая вспотевший лоб.

— Тогда продолжайте, прошу.

— Я... я забыл, что хотел сказать, мэора, — быстро ответил он, но прозвучала его ложь на редкость неубедительно, особенно для человека, столь виртуозно умеющего лгать.

Впрочем, Айриэ не стала настаивать, он явно ни в чём не признается, а продолжит выдумывать. Но почему он испугался? Допустим, он приходил в склеп вместе с дядюшкой и кузеном, зачем это надо было скрывать? Или всё дело в том, что Фирниор был в склепе во время битвы Стейрига с первым хогрошем?.. Ну так и говорил бы спокойно, что приходил утром вместе со всеми, не привлекая внимания к скользкому моменту. В конце концов, кто станет проверять такие мелочи, а если даже и станет (как сама Айриэ), нагло стоять на своём. Кому поверят скорее, сыну виконта или старику смотрителю? Фирниор же не мог знать, что лично она в такой ситуации поверит именно Чарпу, даже если герцог и Орминд дружно станут утверждать, что юноша был с ними.

Айриэ вздохнула. Придётся подвергнуть риску беднягу Чарпа, при этом не ставя его в известность. Разумеется, она постарается, чтобы со старичком ничего не случилось, но если он всё-таки пострадает, совесть её загрызёт... Однако если она не сделает ничего, а хогрош снова загонит добычу для своего хозяина, будет хуже. Тварь надо уничтожать, иначе маг успеет убить ещё нескольких человек. И ладно бы просто убивал, а то ведь он копит силы для некоего масштабного злодейства. Гибель нескольких человек сама по себе трагична, но для мира в целом отнюдь не критична. Вошедший в силу чёрный маг намного, намного опаснее.

— Фирниор, — окликнула она юношу, начавшего было успокаиваться после допущенного промаха. — А старый Чарп говорил, что вас тогда в склепе не было — вы, мол, болели.

Промелькнувшее в его глазах выражение, весьма напоминавшее панику, уверило магессу, что она на правильном пути.

— Не знаю, мэора Айнура, он, наверное, запомнил, — нарочито равнодушным тоном отозвался сын виконта, но взгляд он отводил с почти виноватым видом. Будь на его месте кто другой, Айриэ, пожалуй, подумала бы, что ему крайне неприятно прибегать ко лжи.

— Всё может быть, старичок ведь, память уже не та...

— Да, мэора, — вымученно улыбнулся Фирниор.

Айриэ, играя на нервах своего спутника, продолжила неторопливую экскурсию по склепу. Если сначала Фирниор был чуть ли не по-щенячьи счастлив находиться рядом с ней, то теперь герцогское поручение явно превратилось для него в обузу. Он то и дело отставал и украдкой смахивал пот, выступавший над верхней губой. И морщился страдальчески, когда думал, что магесса его не видит — наверное, мечтал, бедняжка, о скорейшем окончании этой пытки. Однако было не похоже, чтобы он опасался открытий, которые могла сделать Айриэ, просто переживал из-за своего ляпсуса. Но раз его светлость не желал её присутствия в склепе — следовательно, рысканье среди могил (точнее, среди урн и саркофагов) надо было продолжать. Надо полагать, герцог знал об этом месте гораздо больше своего двоюродного племянника.

Айриэ очень добросовестно осмотрела едва ли не каждую урну с прахом, перечитала все таблички и прошлась до самого конца галереи с саркофагами. И не нашла абсолютно ничего, что могло бы привлечь её внимание. И только когда она уже собиралась вернуться и напоследок дочитывала табличку, стоя над саркофагом первого из Файханасов, похороненных в новом склепе, удача соизволила бросить ей подачку.

Взгляд рассеянно скользнул и зацепился за небольшое полустёртое пятнышко на «снежном» мраморе пола возле соседнего саркофага. Айриэ готова была поклясться, что она туда не вставала, да и подошвы её сапог давно уже высохли. В остальных местах полы сверкали своей белизной в свете магических светильников, ибо на пол склепа было наложено заклинание очистки, срабатывавшее, скорее всего, раз в несколько дней. Поэтому Айриэ стало любопытно, откуда здесь могла взяться грязь. Она присела на корточки и подсветила себе «светлячком». Пятнышко было бурым и сильно напоминало засохшую кровь, будто кто-то выпачкал в ней самый кончик сапога. Или краешек лапы.

— Что вы там обнаружили, мэора Айнур? — с умеренным любопытством спросил Фирниор,

Айриэ мельком взглянула на юношу и не обнаружила ни малейшего следа страха на его лице: если он и переживал, то, как уже говорилось, по поводу допущенной ранее ошибки, пятна на полу его не интересовали. Она гораздо внимательнее обследовала тёмно-розовый саркофаг, в котором, согласно табличке, покоился герцог Саймир Файханас. На светлых прожилках «иней» на углах крышки также обнаружились бурые грязноватые следы, словно кто-то брался за них мохнатой лапой и, возможно, сдвигал крышку.

— Фирниор, помогите-ка мне снять эту крышку! — решила последовать нехорошему примеру магесса.

— Мэора, не опасаетесь потревожить покой моего предка?

— А вы возражаете?

— Пожалуйста, мэора, мне не жалко! — великодушно позволил он, улыбнувшись уже по-настоящему. — Если не секрет, что вы надеетесь отыскать?

— Видите, тут следы? Похоже на засохшую кровь.

Его улыбка моментально исчезла, юноша взглянул пронзительно, эдак по-файханасовски, слегка наклонив голову к левому плечу.

— Действительно, мэора... Что это и откуда?

— Сдвинем крышку и посмотрим, — пропыхтела с натугой Айриэ. — Ну, помогите же!

Благодаря их совместным усилиям тяжёлая гранитная крышка дрогнула и отъехала в сторону. Магический «светлячок» любезно завис над саркофагом, освещая то, что лежало внутри: бесформенный, изрядно обмусоленный комок из мяса и костей, обряженный в остатки изодранного, грязного чёрно-зелёного мундира.

— Корррявое Равновесие тебе в глотку и провернуть три раза!

— Это наш пропавший гвардеец, мэора? — деревянно-скрипучим голосом спросил Фирниор и раза три-четыре нервно сглотнул, но от тошноты удержался.

Что же, ничего удивительного: в присутствии Айриэ с её нечеловеческим хладнокровием любому нормальному мужчине было бы зазорно выглядеть слабее, будь она хоть трижды боевым магом. Вот и Фирниор старался выказать такую же невозмутимость, как его спутница. И ведь неплохо получалось, надо отдать ему должное. Вырастет — какой мужчина будет!.. Если вырастет.

— Он, — хмуро подтвердила магесса. — Точнее, то, что от него осталось, — после того, как хогрош с аппетитом позавтракал. Или поужинал.

Фирниор нервно дёрнул щекой и отвёл глаза.

— Но как он здесь оказался?

— Хозяину твари виднее. Наверное, счёл кладбище и ваш фамильный склеп в частности подходящим местом для того, чтобы спрятать труп.

— А ключ откуда? Ведь склеп всё время заперт? — наморщил лоб юноша и в волнении прикусил губу. — Неужели это... кто-то из Файханас-Манора?

— Не обязательно, — медленно проговорила Айриэ, пристально глядя на младшего Ниараса. — Это могли сделать в Кайдарахе. Например, украли у старого Чарпа ключ, сделали дубликат и подбросили обратно. Он мог и не заметить. Это же не ключ от герцогской сокровищницы, в конце-то концов!

Фирниор просветлел лицом: у него явно полегчало на душе от такой возможности. Странно, вот так посмотришь — можно подумать, что он ничего не знает о маге. Или и правда не знает?.. Гоблины лысые бы побрали эти предположения, допущения и прочие версии!

— Фирниор, отправляйтесь-ка вы к его светлости, расскажите ему о нашей находке. Но оставьте мне ключ от склепа.

— Вот ключ, мэора, пожалуйста. А что вы намерены делать?

— Приготовлю ловушку для хогроша. Раз недоеденное... мясо он спрятал в саркофаге, значит, бывает здесь с хозяином. Скорее всего, вернётся сегодня ночью, чтобы доесть остатки. Это шанс покончить наконец с проклятой тварью и поймать мага! Я с друзьями гномами притаюсь внутри, а кого-нибудь попросим запереть нас снаружи, чтобы не насторожить заранее хозяина твари. Фирниор, передайте его светлости, чтобы не вздумал посылать сюда своих людей, иначе могут быть новые жертвы. Не говоря уже о том, что его гвардейцы могут просто-напросто насторожить хогроша и его хозяина, тогда опять придётся начинать всё сначала.

— Хорошо, мэора Айнур, я обязательно передам, — заверил её юноша, помогая прикрыть массивную дверь склепа.

Они вышли за ограду кладбища и разъехались в разные стороны: Фирниор повернул к замку, Айриэ — к постоялому двору, пустив Шоко галопом.

Вихрем промчавшись по деревне, Айриэ ворвалась в комнату Конхора и безжалостно растолкала только-только прикорнувшего перед ночным бдением приятеля. Объяснила, в

чём дело, и колесо завертелось. Айриэ решила брать с собой десятерых, остальные гномы остались при повозках. Вскоре с постоянного двора выехала одна гномья повозка и магесса верхом на Шоко. Все они исправно доехали до кладбища и дружную толпою устремились к склепу в сгустившихся сумерках, развеиваемых только одной золотисто-медовой Эфией. Гномы мрачно и грозно поблёскивали кольчугами и сдержанно звенели топорами, магесса гордо предводительствовала воинством, ограничившись кожаной курткой вместо доспехов. Все зашли внутрь, за исключением одного гнома, торжественно запершего ключом дверь и после вернувшегося с повозкой на постоянный двор. Шоко был рассёдлан и оставлен свободно бродить вокруг кладбища. По крайней мере, именно так всё и выглядело в глазах любого стороннего наблюдателя.

На самом же деле у входа в склеп Айриэ наложила «отвод глаз» на себя, Конхора и ещё четверых шедших вместе с ними гномов. После этого они, двигаясь максимально бесшумно, отправились к стоявшему на краю деревни дому кладбищенского смотрителя.

Если Айриэ хоть сколько-нибудь разбиралась в людях, Фирниор не станет молчать о допущенном промахе, ибо это может нанести ущерб интересам рода. Нет, магесса была уверена, что юноша расскажет всё дядюшке — возможно даже, не догадываясь, к чему это приведёт. Сложно вообразить, что восемнадцатилетнего мальчишку, да ещё и несколько сомнительного происхождения, станут подпускать к важным тайнам рода. Наследника — да, родного брата тоже, а вот Фирниора, скорее всего, использовали втёмную. Если, разумеется, не он — «маг-враг», но от одной мысли об этом хотелось взвыть тоскливой волчицей.

Вряд ли его светлость придёт в восторг, узнав, что Фирниор проговорился о том, что был в склепе, когда нашли погибшего магистра Стейрига. Почему-то это являлось важным, но в любом случае, теперь им придётся придерживаться версии Фирниора, чтобы не насторожить Айриэ. А опровергнуть слова юноши мог только старый Чарп. Паурен не в счёт, герцог прикажет ему, и капитан будет молчать о том дне, посылая магессу с расспросами к его светлости и с полным правом ссылаясь на полученный приказ сюзерена. Гвардейцев, бывших в тот день в склепе, можно отослать под благовидным предлогом — например, охранять какое-нибудь дальнее поместье. Следовательно, только старик опасен, и герцог может попытаться устранить беднягу, заодно предоставив чёрному магу новую жертву.

Именно поэтому Айриэ решила устроить засаду в доме Чарпа. Если убивать старика, то сегодня ночью, пока магесса предположительно ждёт хогроша в склепе. Если бы у Айриэ была хоть малейшая уверенность в том, что хогрош действительно придёт в склеп доедать «остатки» гвардейца, она бы нейтрализовала Фирниора на одну ночь тем или иным способом, а сама бы дождалась твари. Но увы, зная немного о повадках сотворённых магических питомцев, Айриэ могла утверждать, что хогроша еда сейчас не интересуется — он уже вылечен и сыт, а тело гвардейца спрятали в саркофаг, чтобы его не нашли.

Для того она и устроила всё это представление, чтобы Файханасы даже не сомневались, что магесса сидит в склепе и ждёт. Ну а если она всё-таки ошиблась, то пятеро вооружённых гномов вполне способны ликвидировать хогроша даже без помощи Айриэннис.

Домик смотрителя утопал в зелени лип, берёз и старых раскидистых яблонь, так что с улицы вход в дом не просматривался. Кстати, был он довольно большим для одинокого старика. Сняв «отвод глаз» и легонько стукнув в дверь дома Чарпа, магесса дождалась появления хозяина и попросила впустить гостей. Старик распахнул дверь и изумлённо выпучил глаза при виде вооружённых гномов, с деловым видом протопавших в комнату.

— Мэора маг, а... — начал он, но Айриэ сделала ему знак замолчать.

Только установив «полог тишины», сказала:

— Вот теперь, брай Чарп, и поговорить можно. Не пугайтесь и простите уж за вторжение, однако мне птичка на хвосте принесла, что на вас нынешней ночью могут напасть. Тварь на прогулку выйдет и захочет поужинать или позавтракать, уж как получится. Но непременно вами, — веско добавила она. — Если я ошибаюсь, ничего страшного, мы просто посидим здесь до утра и уйдём.

— М-мэора, а как же... Да за что?.. — жалобно проблеял перепугавшийся до полусмерти Чарп, идя за магессой в комнату.

Гномы со своей обычной непосредственностью уже расположились на старых скрипучих стульях вокруг стола и деревянном топчане у стены и теперь доставали притащенные с собой бутылки с пивом и съестные припасы. Чарп не успел рта раскрыть, как ему сунули в руки бутылку крепкого светлого и велели запить новость, сочувственно похлопав по плечу. Старик с перепугу поперхнулся и долго выкашливал пиво, попавшее не в то горло.

— Брай Чарп, вы мне заново расскажите, что в тот день увидели в склепе, когда упыря нашли. И, главное, кого, — велела Айриэ, когда старик немного успокоился и влил в себя с треть бутылки пенного успокоительного.

— Да я ж рассказал вам уже всё, мэора маг, — удивился слегка захмелевший старик. — Но если вам угодно, слушайте по второму разу.

Айриэ слушала, куда денешься, и несколько раз специально уточнила про Фирниора. Чарп твёрдо стоял на своём: из Файханасов были герцог и Орминд, Фирниор заболел ночью.

— А поправился когда, не помните?

— Ну, дня четыре он проболел точно. А мэор Орминд ещё дольше, я уж говорил вам.

Болезни Орминда её не интересовали, он не маг, как и его отец, раз оба были в склепе. Но и Фирниор, получается, тоже, раз присутствовал... Только когда? Ночью заболел, хм, а рассказывал об утренних событиях как очевидец. Ладно, допустим, побывал тайно, но зачем, зачем это скрывать?!

— Трупы в тот же день убрали? — на всякий случай уточнила магесса.

— В тот же, мэора, а как же! Не оставлять же тварь поганую рядом с благородными покойниками валяться! И магистра Стейрига сразу же сожгли да похоронили на нашем кладбище. Могу вам завтра могилку его показать, если интересуетесь, — предложил Чарп и шмыгнул покрасневшим носом, а после основательно приложился к бутылке, уверившись в чудодейственной силе гномьего снадобья от страха.

— Не интересуюсь, спасибо, — коротко отказалась Айриэ, продолжая размышлять. Может быть, всё зависит от того, с кем был юноша в склепе? Ну и кого он покрывает в таком случае? Или в склепе был под «отводом глаз» и тогда уж он точно знает, кто маг?.. Правда, сомнительно, что хозяин твари, страдающий от оборванной связи с питомцем и разом лишившийся магического резерва, смог бы наложить «отвод глаз». Ничего не понятно... — Брай Чарп, подпол у вас имеется?

— Ну да, картошку я там храню, — ответил старик и осоловело захлопал глазами, с явным трудом держа их открытыми.

— Возьмите-ка тюфяк, одеяло какое — укрыться и отправляйтесь туда спать. Нам вы только помешаете, если вдруг что. А там вы в полной безопасности выспитесь.

— Давай-давай, папаша, — подхватил один из гномов и увёл старика на кухню, где был

лаз в подпол. Засыпающий на ходу Чарп не сопротивлялся, вот и хорошо. Люк на всякий случай придавили большим ларём, чтобы хозяин не вылез без спросу и не попался случайно монстру.

Гномы быстренько убрали остатки своей трапезы и сноровисто рассредоточились по дому, занимая позиции в каждой комнате, даже там, где явно никто давно не жил. Сам Чарп, похоже, пользовался только кухней да меньшей из двух спален. Возможно, раньше старик жил не один или дом был выстроен для зрителя кладбища с большой семьёй, а Чарп его просто унаследовал вместе с должностью.

Айриэ сняла «полог», чтобы не насторожить тварь, если та хорошо чувствует магию. Гномы заранее воспользовались охотничьими амулетами, отбивавшими запах, устроились поудобнее и приготовились ждать. Ни шороха, ни скрипа, ни стука. Айриэ, в свою очередь, наметила контуры ловчего заклинания, стянув его вокруг дома, но пока не напитывая магией.

По дому сновало несколько невидимых «сторожевичков» — настолько слабых, что их наличие никто не должен был учуять. Однако любого, вошедшего в дом, они заметят и магессу предупредят. Айриэ устроилась на топчане, подстелив старое, пыльное хозяйское одеяло, и с чистой совестью подремала часа полтора. Всё легче будет, а то от бессонницы глаза слипаются и настроение портится прямо-таки стремительно. Скоро на своих бросаться начнёт, хоть бы наконец хогрош под руку подвернулся, усмехнулась про себя магесса.

Придёт, не придёт?.. Верно ли она рассчитала или никто и не думал покушаться на жалкого старика? Мало ли что он там лепечет после нескольких кружек пива... Поправив серебряный перстень с головой дракона, надетый на левую руку, в очередной раз проверила, полностью ли заряжен артефакт, хотя делала это уже дважды.

Висящие на стене кухни старенькие, ободранные ходики мерно тикали, и это было единственным, что нарушало тишину в доме. Если не знать о затаившихся гномах, то и не угадаешь, что они тут бдят. Кто-то один с комфортом устроился на хозяйской постели, пусть и лишённой тюфяка. Зато если хогрош полезет в окно спальни, увидев укутавшегося одеялом «Чарпа», его ждёт неприятный сюрприз. Гном в кольчуге — добыча не всем по зубам, иные зубки и обламываются, знаете ли...

На улице слегка шумел ветер, взлаивали-взвывали собаки, орали любовные песни коты: чья-то кошка, освободившись от докучливого потомства, снова пришла в охоту и собрала вокруг себя целый гарем голосистых красавцев. А потом всё как-то неожиданно стихло, даже распалённые любовным марафоном коты и кричавшие среди кладбищенских деревьев какие-то ночные птицы. Магесса насторожилась, бесшумно выпрямившись и потихоньку разминая мышцы. Топчан при этом пытался поскрипывать, но Айриэ приноровилась не ёрзать.

Несколько следующих минут проползли медленно и томительно, пока из спальни старика не донёсся слабый звук. Вроде бы тихонько звякнуло оконное стекло, потом всё снова стихло. От «сторожевика» пришёл слабый сигнал, и Айриэ приготовилась мгновенно активировать ловчую сеть, которая воспрепятствует кому бы то ни было покинуть дом. Вот тихо, еле уловимо скрипнула половица в спальне, потом другая: старые разошедшиеся доски отзывались, когда на них вставали, даже если вошедший старался не шуметь.

Взрыкнуло, скрежетнуло, будто чьи-то когти с силой проехали по металлу кольчуги. Айриэ, больше не скрываясь, активировала сеть и метнулась в спальню старика. Туда же устремился Конхор, прочие отстали, чтобы не мешать друг другу и поучаствовать по мере

необходимости. Крик «получи, гадина!» — и яростный рёв обиженного хогроша, метнувшегося обратно к окну. Тварь и управлявший ею хозяин, наткнувшись на засаду, мгновенно оценили обстановку и поняли, что нужно спасать волосатую шкуру хогроша. Но сеть Айриэ держала крепко, отбросив хогроша назад, прямо под топор Конхора и второго гнома — кажется, это был Трондаз или его брат Нимшир, в пылу схватки не разглядишь.

Айриэ набросила на ноги твари спутывающее заклинание, пока гномы азартно, остервенело даже, рубили монстра топорами. Гномье оружие наносило болезненные раны, ускоренная регенерация магического создания не справлялась, но когти хогроша представляли собой серьёзную угрозу. Загнанной в угол твари терять было нечего, и она бешено сопротивлялась, стараясь забрать с собой жизни своих обидчиков. Вот, страшно вскрикнув, под ударом могучей лапищи отлетел назад Нимшир; тяжело стукнувшись о стену, он остался лежать неподвижно. Рядом валялся слетевший от страшного удара рогатый шлем. Айриэ, улучив момент, залепила файерболом в открытую пасть твари, заставив хогроша подавиться собственным рёвом. Остальные гномы, метнувшись в комнату, встали рядом с Конхором и вступили в схватку.

У твари, в общем-то, не было шансов. Победный удар, кажется, нанёс всё-таки Конхор, а может, кто-то ещё. Айриэ поспособствовала скорейшему издыханию хогроша, добавив пару молний. Хрипы, бульканье и конвульсивное содрогание туши продолжалось ещё некоторое время, и гномы старательно жались к стеночкам, чтобы агонизирующий хогрош не полоснул кого-нибудь из них когтями. Айриэ поспешила помочь Трондазу, оттаскивавшему пострадавшего Нимшира подальше. Тот, к счастью, был жив, но изрядно потрёпан, и магесса послала голосового «письмоносца» гномам на постоянный двор с просьбой пригнать повозку: Нимшира надо было поскорее доставить к Лунным сёстрам.

Конхор дождался, пока хогрош перестанет содрогаться и, приблизившись, хладнокровно отрубил тому голову от тела. Не с первой попытки получилось, между прочим, хотя гномье оружие было отменным, а обращаться с топором Кон умел с сопливого детства.

— Горы-долы, Айнур-ра, ну и умаялись же мы! — вытерев широкой ладонью пот со лба, признался Конхор, а прочие согласно загудели и наперебой принялись обмениваться впечатлениями от схватки, в волнении то и дело сбиваясь с Всеобщего на гномий.

— Братцы, а ведь мы молодцы, а? — заметил Стагир, улыбаясь до ушей и теребя и без того растрепавшуюся косицу бороды. — Какую погань уделали!..

— Честь нам и хвала за сей подвиг! — полунасмешливо поддакнула Айриэ, и гномы довольно расхохотались, сбрасывая накопившее напряжение.

— Эй, хозяина кто-нибудь из подпола достаньте, пусть тоже полюбуется, — распорядился Кон. — А то он уже давно снизу в люк колотит.

Действительно, бедняга Чарп, не имевший возможности выйти, должно быть, совсем извёлся, слыша вопли и грохот над головой. Правда, вскоре выяснилось, что милосерднее было бы оставить его в неведении: увидев тушу хогроша и оценив размеры когтей, бедняга закатил глаза и рухнул в обморок.

— И это вместо благодарности за спасение жизни, — неодобрительно покачав головой, проговорил Стагир, но в голубых глазах плясали смешинки. — Слабаки эти люди!

— За тобой бы такую тварь послали, посмотрел бы я, что ты стал бы делать! — поддел его Кон.

— Как это что? Позвал бы вас на помощь! — хохотнул Стагир. — А если бы никого из наших рядом не случилось, дрался бы в одиночку.

Вообще все были довольны, перешучивались и добродушно подначивали друг друга. Для них-то всё уже закончилось, а у Айриэ основная работа только начиналась. Уничтожение хогроша — это победа, да какая, но для магессы это ещё даже не половина дела на сегодняшнюю ночь. Она отозвала приятеля в сторонку и попросила:

— Кон, слушай, опасаясь я немного за старика. Посторожите его, пока вы в Кайдарахе? Его всё же могут захотеть убрать, хотя я попытаюсь его максимально обезопасить. Прозрачно намекну его светлости, что буду весьма недовольна, если Чарпа убьют... В конце концов, Чарп мне всё рассказал, а что он может знать ещё такого важного — не представляю. Боюсь, сам он тоже понятия не имеет. В общем-то, скорее всего, герцог про Чарпа забудет, зачем ему рисковать.

— Алмазная моя, о чём речь! Приставлю я к нему пару своих парней, будут днём и ночью рядом, по очереди. Это ж ненадолго.

— Дня на три-четыре, и то больше для успокоения моей совести, — приподняла уголок рта Айриэ. — Спасибо, Кон, за мной должок!

— Сочтёмся, алмазная моя! — лукаво подмигнул гном. — Сейчас ты куда?

— В Файханас-Манор, сообщать о великой победе, — усмехнулась магесса, снова скривив уголок губ, на этот раз саркастически. — Правда, там о ней уже знают, могу ручаться.

— Отдача? — понятно откликнулся гном.

— О да! — Айриэ хищно сверкнула глазами. — Магу сейчас не до радостей жизни, он должен лежать пластом и страдать от оборванной связи и полного истощения. Думаю, на этот раз ему ещё хуже, чем тогда, три года назад. Я никогда бы не подумала, что хогрошем можно управлять так быстро и при этом так легко освобождать его от чужих заклинаний. Видимо, связь у них была предельно тесной, а значит, хозяину сейчас очень плохо. Вот и посмотрим, кто у нас сегодня ночью внезапно заболел... Думаю, чьё-то отсутствие станет достаточной уликой — для меня, даже если я не увижу заболевшего своими глазами. А я постараюсь увидеть, и плевать, что там на сей счёт думает его светлость!

— Ты поосторожнее там, Айнур-ра! — напутствовал её гном, внезапно посерьезнев. — Я, конечно, помню, про «ответное проклятье», и Файханасы о нём тоже не забывают, но всё-таки...

— Не переживай, Кон, всё будет в порядке! — заверила она приятеля.

Она не была бессмертной или неуязвимой, но для желающих покончить с драконьим магом имелось несколько неприятных сюрпризов... со смертельным исходом. Предпоследний аргумент, так сказать, хотя прибегать к нему Айриэннис не хотелось бы. Видит Равновесие, очень не хотелось бы, но если понадобится, сделает, как уже бывало раньше. Даже если потом каждый раз на душе остаётся такой мерзкий осадок...

— Хогроша во двор вынесите, — попросила она Конхора. — Пусть пока там полежит, завтра его Лунные сёстры сожгут, я не стану возиться. Да и предьявить монстра надо всем желающим, только посторожите, пока из замка гвардейцев не пришлют вам на смену.

На улице послышался скрип колёс — это прибыла повозка за раненым. Айриэ вышла и, не скрываясь, зашагала к кладбищу. Встретила патруль, коротко уведомила гвардейцев о случившемся и отправилась дальше, к склепу. Она выпустила карауливших там гномов, отправила их в дом Чарпа и оседлала Шоко.

Было довольно светло, сияли звёзды и уже четыре из пяти лун — не было видно только Юдрисы. Шоко неторопливо цокал копытами по мощёной дороге, а магесса лениво

любовалась пейзажами в лунном полусумраке и размышляла, удастся ли ей наконец выяснить личность чёрного мага.

Впереди возвышался мощный, древний, полный мрачноватых тайн Файханас-Манор, обласканный лунным светом. Магесса подъехала к подъёмному мосту и предвкушающе улыбнулась.

Что же, пришла пора учинить задуманный переполох в Файханас-Маноре. Был примерно полчетвёртого ночи (или утра, кому как), и магесса, не высыпавшаяся уже четвёртую ночь подряд, постучала в ворота замка с лёгким чувством мстительного удовлетворения. Не ей одной страдать, хотя в том, что его светлость не спит уже как минимум час, она не сомневалась. Или вообще не ложился, поскольку до сих пор не выявленный чёрный маг планировал сегодня ночью совершить очередное убийство. Убийство сорвалось благодаря совместным усилиям Айриэ и её приятелей гномов, уничтоживших монстра, созданного чёрным магом для неких гнусных целей. Ничего, теперь можно было с полным основанием надеяться на знакомство с хозяином твари...

Особого переполоха не случилось, хотя магесса честно постаралась, чтобы о её приезде узнали как можно больше обитавших в замке людей. Нет, мстительность здесь была ни при чём, просто Айриэ надо было увидеть каждого из Файханасов, чтобы проверить, а не заболел ли кто-нибудь из них внезапно. Чуть больше часа назад, если уж совсем точно.

Хогрош был очень тесно связан со своим создателем. Когда тварь уничтожили, эта оборванная связь должна была с силой хлестнуть по хозяину, лишив того физических и магических сил. Хозяин твари сейчас, по идее, лежит пластом, не в силах пошевелиться, или вовсе без сознания. Возможно, у него озноб, лихорадка, тошнота, Айриэннис не могла утверждать определённо, но точные симптомы и не важны. Главное, необходимо настоять на встрече с каждым из представителей рода Файханасов, причём женщины её не интересовали. «Маг-враг» был мужчиной, об этом недвусмысленно говорили оставленные им слабые магические следы. Жаль, что личность мага по следам было не определить, это позволило бы избежать четырёх смертей. Или пяти, если считать нерождённого ребёнка мельничихи.

В замок её впустили беспрепятственно, едва караульные разглядели, кто это. Капитан Паурен, появился очень быстро, натягивая рубаху прямо на ходу и путаясь в шнуровке ворота. Вид у него был усталый, под глазами набухли мешки, а морщины на лице казались глубокими бороздами, состарив его разом на десяток лет. Видимо, последние события в замке и окрестностях задели его очень глубоко. А если честный вояка хотя бы догадывался, кто маг, то жизнь его и близких висела на тонкой ниточке герцогской уверенности в том, что верный вассал будет молчать о делах господина, как велит вассальная клятва.

— Капитан, я к вам с хорошими новостями. Хогрош уничтожен. Мне необходимо увидеться с герцогом.

— Разумеется, мэора Айнура! Сейчас его светлости доложат, а вы, пожалуйста, подождите его в малой гостиной. Позвольте вас проводить, мэора!

Рольнир Файханас появился менее чем через четверть часа. Он был одет безупречно, как и полагалось человеку его статуса, и внезапно разбуженным совсем не выглядел, в отличие от своего капитана. Волосы герцога были влажными — он явно успел принять душ, но, кажется, эти безупречность и безмятежность больше были рассчитаны на публику, особенно на одного зрителя, самого опасного. На драконьего мага, который суёт свой нос во все подозрительные щели, а одёрнуть любопытствующего не представляется возможным.

В глазах герцога притаилось напряжение, едва уловимое, но Айриэ вглядывалась пристально, маскируя свой интерес лёгкой, почти что светской болтовнёй. Правда, темы для

разговора были выбраны вовсе не светские — убийства, уничтожение монстра, трупы в фамильном склепе, но радостный тон беседы всё компенсировал. С герцогом они виделись накануне вечером, перед её визитом в фамильный склеп Файханасов, и тогда его светлость таким напряжённым не выглядел, всего лишь раздосадованным. Похоже, гибель монстра не пришлась по вкусу семейству заговорщиков.

Герцог старательно изображал радость и облегчение от полученного известия, рассказывал, что он теперь наконец-то может вздохнуть свободно и не испытывать стыда перед подданными за то, что они не могли чувствовать себя в безопасности. Обещал пригласить Лунных сестёр, чтобы они сожгли тушу заклинаниями и очистили осквернённое тварью место ритуалами, в том числе и фамильный склеп, откуда следовало наконец забрать останки погибшего гвардейца, обнаруженные вчера вечером. Распорядился выписать магессе расписку на две сотни золотых «корон», не принимая никаких возражений — в качестве благодарности за уничтожение хогроша. А в глазах его светлости отчётливо был льдистый холодок и даже нечто, похожее на страх. О нет, не за себя, в этом магесса не сомневалась. Этот человек слишком сильный и отважный, чтобы бояться за себя. Но вот за близких, особенно за сына... Орминда герцог горячо любил, хотя и пытался быть строгим со своим несколько избалованным наследником.

Не успела магесса обдумать толком мысль о том, мог ли Орминд быть чёрным магом, как получила довольно-таки весомое опровержение. В гостиную вошёл единственный сын герцога — как всегда, легко и стремительно, будто молодой ястреб влетел. Увидел магессу, и глаза будущего герцога засияли, он неожиданно улыбнулся — так светло, что это походило на искреннюю улыбку Фирниора. Всё-таки кровное родство сказывается, сейчас он чем-то неуловимо напомнил своего кузена, невзирая на то, что внешне они были не слишком похожи. Немного непонятно, с чего это Орминд ей обрадовался, раньше он не выказывал особой приязни по отношению к Айриэ. Спросонья, должно быть... Молодой человек быстро, почти небрежно поклонился, отвёл глаза и чуть нахмурился, будто спохватившись.

— Отец, ты послал слугу разбудить меня. Что-то случилось? — изящно приподняв красивые брови, спросил он.

Айриэ между делом более чем прозрачно намекнула, что будет очень недовольна, если со старым смотрителем кладбища что-нибудь случится. Герцог с кристальной честностью в глазах заверил, что приложит все старания, дабы с Чарпом не произошло ничего дурного. Магесса с полным правом могла считать, что они с Рольниром Файханасом друг друга поняли. Пожалуй, гномью охрану можно снимать, никто старика не тронет.

Продолжая беседу с герцогом и его сыном, Айриэ раздумывала, под каким предлогом ей попросить встречи со всеми членами семьи. Спать хотелось просто до одурения, до рези в сухих глазах и путающихся мыслей. Достойных уловок не придумывалось, и Айриэ решила действовать напрямик. Да какого гоблина лысого, в конце-то концов!.. Она ненавидела увёртки, а в том, чтобы действовать прямо, имеется своё особое очарование — особенно, если уметь этим наслаждаться.

— Мэор Рольнир, я должна встретиться с членами вашей семьи. Всеми без исключения, — подчеркнула она, добавляя голосом веса своим словам.

Брови герцога приподнялись, выражая — почти безотчётно, быть может — надменность и неодобрительное недоумение. Морщины вокруг глаз обозначились резче, когда он прищурился и пронзительно глянул на магессу, как старый ястреб, опытный боец, который всё ещё оставался опасным для своих врагов.

— Мэора Айнура, разумеется, если вы этого желаете — пожалуйста. Но, прошу прощения, это необходимо делать в столь неподходящее время? — Он постарался чуть смягчить свои слова, всё-таки не с подчинённой разговаривал, но улыбка вышла жестковатой, будто герцог давно позабыл, что такое мягкость. В определённом смысле, так оно и было. Поговаривали, что после смерти любимой супруги Рольнир Файханас замкнулся, стал намного суше и жёстче, хотя трудно ждать слабости от человека, столь успешно правившего своим герцогством и державшего всё в образцовом порядке. — Возможно, лучше подождать несколько часов? Мэора, вы пока сможете отдохнуть. Для меня будет честью предложить вам своё гостеприимство.

— К сожалению, герцог, эта встреча необходима именно сейчас. Благодарю вас за предложение, но мне отдыхать некогда, хотя и хотелось бы. Поэтому, боюсь, что буду вынуждена настаивать на своей просьбе. — Извиняющаяся улыбка вышла у неё гораздо лучше, чем у герцога, но тот не обольщался. Файханас прекрасно понимал, кто сейчас хозяин положения. Хозяйка.

На открытое столкновение он не пойдёт до последнего, предпочтёт выждать, потянуть время. Ему надо выиграть несколько дней. Самое забавное, что Айриэннис это также устраивало, но не применительно к данной ситуации. Потому что за несколько часов герцог мог придумать, как скрыть пострадавшего мага, найти подходящее объяснение и поставить целый спектакль — специально для неё. Айриэ не собиралась дарить Файханасам такую возможность. Взглянув на Орминда, гораздо хуже отца скрывающего свои чувства, она поняла, что наследник испуган и слегка растерян. Он кидал на отца быстрые взгляды, будто ожидая некого знака и одновременно почти умоляя о поддержке. Герцог на сына не смотрел, занятый своими мыслями, но выхода у него не было, и потому он учтиво наклонил голову:

— Мэора Айнура, разумеется, я удовлетворю вашу просьбу. Сейчас я пошлю слуг, и вскоре всё семейство соберётся в столовой. Приглашаю вас на рассветный кофе, мэора. — Герцог вновь одарил магессу неискренней, жёсткой, почти злой улыбкой. Кажется, его нервы неслышно звенели подобно туго натянутым струнам, но он держался, потому что был настоящим воином, готовым даже после смерти сжимать зубы на горле врага. Или свой ястребиный клюв, если угодно. — Орминд, проводи, пожалуйста, нашу гостью в столовую и постарайся не дать ей скучать. Надеюсь, вы простите меня, мэора? В ближайшее время я присоединюсь к вам.

Когда они вышли из малой гостиной, им навстречу попался камердинер герцога, спешащий на зов своего господина. Айриэ, рассеянно скользнула по нему взглядом и попросила спутника:

— Мэор Орминд, если вас не затруднит, для начала я хотела бы умыться и привести себя в порядок. У меня была богатая приключениями ночь, и она, увы, оставила на мне свои следы.

— Конечно, мэора Айнура, я с удовольствием провожу вас в одну из гостевых комнат, — улыбнулся её спутник.

Любопытно, ей казалось, что от Орминда она скорее уж дождётся не учтивого ответа, а какой-нибудь «засахаренной гадости». Например, фальшивого сочувствия по поводу того, что магесса, должно быть, слишком много колдовала, перенапряглась и теперь чувствует себя неудобно, раз не может помочь себе магией. Ну или чего-нибудь в этом роде. Герцогский наследник её откровенно недолюбливал, ещё с первой встречи, а сейчас он вёл себя несколько нетипично. Находясь во власти неких смутных подозрений, Айриэ даже

скрытно проверила молодого человека своей магией на предмет наложенных иллюзий. Никаких иллюзий на ауре Орминда не обнаружилось, да и аура явно была его собственная, её магический слепок у Айриэ имелся со дня знакомства. Лезет в голову невесть что с недосыпа. Видимо, отец проинструктировал наследника, чтобы вёл себя с магессой полюбезнее — Файханасы не в том положении, чтобы вызывать недовольство представительницы Драконьего Ордена.

Подумав, Айриэ решила быстренько принять душ, чтобы хоть немного избавиться от сонливости. Вряд ли герцогское семейство соберётся в столовой раньше, чем через полчаса. Пять утра — явно не то время, когда они спускаются выпить свой утренний кофе. Впрочем, Айриэ и сама была не из ранних пташек, так что она их отлично понимала и где-то даже сочувствовала. Однако же подъём на рассвете — далеко не самое страшное, что может случиться с семейством Файханасов, и магесса готова была поручиться, что почти все они это понимают — по крайней мере, сам герцог, его сын, брат и кузены. Настаивая на встрече незамедлительно, Айриэ заодно хотела слегка выбить почву у них из-под ног, заставить подёргаться и, быть может, сделать ошибку.

Аристократическое семейство сочло «рассветный кофе» на редкость неудачной идеей и дружно дало это понять своей поистине ледяной любезностью. Безупречная вежливость, ровный холодный тон, разговоры о погоде и жемчужно-розовом рассветном небе — всё, что получила от них магесса. Ни вопросов, ни открытого возмущения ранним подъёмом, хотя об уничтожении хогроша им наверняка поведали. Все Файханасы, будто сговорившись, вели себя невозмутимо, а выглядели в это несуразное для кофепития время так, будто присутствовали на званом обеде у принца крови. Обычного человека крайне обескуражило бы подобное отношение, если не заставило бы покинуть замок, убоявшись немилости герцогского семейства, однако Айриэннис этим было не пронять. Она, втайне забавляясь, подхватила их игру и в точности копировала холодную любезность и поистине королевскую невозмутимость. Пожалуй, наименее заледеневшим выглядел Орминд, и это вновь удивило магессу. Видимо, наследник ведёт свою игру или выполняет распоряжение отца. Да ещё племянница герцога Юминна, явившаяся в столовую в зелёном костюме для верховой езды и заработавшая недовольный взгляд матери, посматривала на магессу смешливо и с беспечным любопытством: похоже, она не имела ни малейшего представления о тревогах старшего поколения. Что ж, было бы странно посвящать молодую девушку в заговор с целью захвата престола, а вот благородная мэора Альдарра, похоже, была в курсе происходящего и тревожно переглядывалась со своим супругом и кузеном Синтионом.

Итак, почти все Файханасы один за другим явились в столовую и дружно выражали ледяное неодобрение представительнице Драконьего Ордена. Последним пришёл его светлость, и только тогда Айриэ поняла, что Фирниора среди присутствующих нет и, похоже, не предвидится. Что интересно, остальные Файханасы старательно делали вид, что всё в порядке, поэтому Айриэ сочла уместным обратиться к его отцу:

— Виконт, а почему нет вашего сына?

Кузен герцога удивлённо воззрился на неё:

— Мэора, мои сыновья ещё слишком малы и должны спать в такое время.

Вот как, прелестно, а о том, что у нас имеется старшенький, мы вообще не помним, с внезапной злостью подумала Айриэ и надменно приподняла бровь.

— Я имела в виду вашего старшего сына, виконт.

— О... понимаю, мэора, но я его сегодня не видел. Его комнаты в другом крыле замка.

Спросите слуг, мэора, — безразлично посоветовал виконт и всыпал в кофе вторую ложечку сахара. Гадость какая. И виконт, и сладкий кофе.

Айриэннис поднесла к губам свою изящную тонкостенную чашечку с восхитительно крепким чёрным кофе и сделала глоток, наслаждаясь изысканной горечью.

— Фирниор неважно себя чувствует, — бесцветным тоном произнёс герцог и выдержал пристальный взгляд магессы, не шевельнув и бровью.

Наслаждение вкусом кофе исчезло без следа, горечь на языке осталась.

— С ним что-то случилось?

— Он заболел, мэора. Возможно, это какая-то болезнь или, возможно даже, проклятие, наложенное тем же магом — хозяином твари.

Неужели всё так просто и мага она нашла?.. Почему-то от этого предположения привкус горечи сделался сильнее. А жаль, если это Фирниор. Очень жаль.

Рольнир Файханас, предположив возможность проклятия, кажется, пытался отвести подозрения от своего двоюродного племянника, но вместо этого подарил Айриэ отличный предлог для посещения больного.

— Надеюсь, с ним всё будет в порядке, герцог. Я хотела бы его увидеть и проверить на всякий случай. Вдруг вы правы и недомогание вызвано магическими причинами.

Герцог на миг сжал зубы, досадуя на собственный промах, но, разумеется, ответил согласием. От его любезности также повеяло полярным холодом — наверное, на Южном Полярном материке теплее, чем этим утром в столовой Файханас-Манора. Но Айриэ не собиралась покрываться инеем или превращаться в сосульку, хотя этого ей, кажется, желали искренне и от души. Ну или хотя бы чего-то похожего.

Без всякого наслаждения допив кофе и отказавшись от третьей чашечки, Айриэ попросила отвести её к юному Фирниору Ниарасу. Его светлость был так любезен, что вызвался сделать это лично. Орминд увязался сзади, хотя его никто не звал, а Эстор Файханас уставился им вслед, вцепившись в край стола побелевшими пальцами и едва ли отдавая себе в этом отчёт.

Комнаты Фирниора были отделаны со вкусом, хотя, насколько Айриэ успела понять, в Файханас-Маноре не было ни одного безвкусно оформленного помещения, везде выдерживался благородный классический стиль. В гостиной на изящных столиках было выставлено несколько интересных заморских диковин, изготовленных чешуйчатыми руками серпентесов; на стене висела небольшая коллекция серпентесского оружия — подлинного, не подделок. Эти вещицы явно привезли из-за океана — видимо, часть материнского приданого, перешедшего к юноше по наследству.

Впрочем, Айриэ пришла сюда не обстановку рассматривать, поэтому окинула комнаты лишь поверхностным взглядом. Гораздо больше её занимал хозяин комнат и его состояние. Фирниор лежал в спальне, рядом с кроватью сидел озабоченный, нахмуренный замковый целитель и держал в тонких, чутких пальцах стакан с лечебным питьём, что-то нашёптывая. Целитель был уже немолод, лысоват, худ и выглядел измученным едва ли не более своего пациента. Фирниор, укрытый по пояс одеялом, лежал с закрытыми глазами и на вошедших не отреагировал никак, хотя его посиневшие, искусанные, растрескавшиеся губы подрагивали, будто он что-то беззвучно шептал. Золотистые волосы повлажнели от пота и липли ко лбу, нос странно истончился и заострился, делая юношу более похожим на прочих Файханасов, хотя фамильной горбинки по-прежнему не доставало для полного сходства с большинством своих родственников. Фирниор дышал тяжело, редко, будто протолкнуть

воздух внутри измученного организма было очень трудной задачей.

Герцог молча бросил на целителя отчаянный, почти умоляющий взгляд — если, конечно, этот сильный человек вообще способен был умолять хоть кого-нибудь. Целитель немедленно откликнулся, не дожидаясь вопроса:

— Ваша светлость, всё по-прежнему, изменений нет. Я бы осмелился назвать это обнадёживающим признаком. Мэор Фирниор молод и силён, его организм обязательно справится, требуется только время и полный покой.

— Брай целитель, чем вызвана болезнь юноши? — спросила Айриэ, краем глаза отметив, что Орминд чуть ли не до крови прикусил губу и сжался в ожидании ответа, а герцог напряжённо, требовательно уставился в лицо целителю, будто приговор готовился услышать.

Целитель в растерянности развёл руками:

— Мэора магесса, вынужден признаться, я в замешательстве. У мэора Фирниора сильнейшее истощение. Я бы даже сказал, по косвенным признакам, это обусловлено полным опустошением магического резерва, но такое обычно случается лишь у магов, вам ли не знать. Мэор Фирниор, насколько мне известно, магом не является, его резерв должен находиться на уровне обычного человека, то есть размер столь незначителен, что его опустошение к подобному состоянию привести никак не могло. Я теряюсь в догадках, мэора! Возможно, когда мой пациент очнётся, он сможет поведать нам больше, а пока остаётся довольствоваться предположениями.

— Его жизнь вне опасности?

— О да, как я уже говорил, молодой здоровый организм быстро оправится от последствий, дней через пять мэор Фирниор будет полностью здоров, по моим прогнозам. Необходим полный покой, никаких волнений, постельный режим, укрепляющие снадобья — и всё будет в порядке.

Герцог кивком поблагодарил целителя, но лицо его оставалось мрачным и напряжённым. Айриэ прямо-таки слышала, как внутри него вибрирует туго натянутая струна, отзываясь на смертельную опасность, нависшую над его семьёй. Айриэ ни слова не сказала про последствия от разорванной связи с хогрошем, но герцог всё знал сам и теперь всерьёз мог ожидать удара с её стороны.

Ему не могло быть известно, что Айриэ гораздо выгоднее было ждать. Да, она могла бы раскрутить тяжёлое колесо королевского правосудия прямо сейчас. Файханасы были бы арестованы уже сегодня и доставлены в столицу к королевским палачам, умеющим развязывать языки даже самым стойким. Покушение на короля — обвинение чересчур серьёзное, неприкосновенных здесь не бывает. А если она, Айриэ, своим словом представительницы Ордена подтвердит виновность герцогского семейства, то и признаний обвиняемых, в общем-то, не потребуется. И королю Кайниру этого было бы достаточно, куда уж больше доказательств.

Однако следовало задуматься и о будущем. Раскрытый заговор, казнённые заговорщики — это не такое уж редкостное событие, история всех королевств Аэданира знала немало заговорщиков, в том числе и успешных, сумевших сохранить голову и даже надеть на неё корону. Герцога Файханаса в Юнгироде любили и уважали многие, он был популярен в народе и обожаем собственными подданными. Его казнь встретят с неудовольствием, и многие станут говорить, что герцога, мол, оклеветали и казнили несправедливо. Поползут слухи, начнутся брожения, и непременно найдётся кто-нибудь, кто попытается половить

крупную рыбку в мутной водице. И вспухнут новые «узлы», а распутывать их кому?.. Айриэ не любила лишней работы. А если говорить без иронии и серьёзно, то она не любила, когда магические нити мира перепутывались ещё больше, притом что образования новых «узлов» вполне можно было избежать. Более того, нынешний запутанный «узел», нависший над герцогством Файханас, увеличивался, и его жизненно необходимо было ликвидировать аккуратно, умело, и вернуть нити в их первоначальное положение, при этом ни в коем случае их не порвать. Равновесие и обычная справедливость требовали, чтобы Файханасы расплатились за то, что совершили, за то, что «узел» распух едва ли не вдвое со времени приезда сюда Айриэннис.

Они расплатятся, дайте только дождаться Начала Осени, причём так, что все потенциальные заговорщики трижды подумают, а стоит ли затевать нечто подобное, пока юнгиродские короли дружат с Драконьим Орденом. Публичные пытки и казни — не лучший способ впечатлить нелояльных подданных, подобное лишь превращает отдельных людей — в толпу, в слипшуюся, копошащуюся массу, истекающую зловонным страхом и злорадством. Нет, не стоит приучать людей к виду чужой смерти и делать это чуть ли не обыденностью. В большинстве королевств публичные казни давно уже не практикуются, и это более чем мудро. Драконий Орден действует тоньше и... убедительнее. Возмездие, настигшее заговорщиков, никого не заставит усомниться в том, что они действительно были виновны. А для того, чтобы сделать всё как полагается, нужен особый день — день магической силы, когда Айриэннис наконец-то сможет стать собой, пусть ненадолго.

От предвкушения заныли губы, будто уже встретившиеся с холодным осенним воздухом — там, где он особенно чист и прозрачен, там, где кроме неё не бывает почти никто... Ждать, снова ждать, осталось совсем чуть-чуть...

Айриэ расправила плечи и поймала взгляд Файханаса, твёрдо сказав:

— Я желаю Фирниору скорейшего выздоровления, герцог. Это действительно болезнь, вызванная неизвестными причинами, а не последствия магического проклятия.

— Вот как, мэора? — настороженно откликнулся герцог, а Орминд удивлённо расширил глаза.

— Именно так. А теперь, мэор Рольнир, позвольте откланяться, и передайте, пожалуйста, мои извинения членам вашего семейства за то, что потревожила их в неурочный час.

Айриэ коротко кивнула наследнику, целителю и с достоинством покинула комнату, не уделив и взгляда распластанному на постели хозяину твари, юному хладнокровному лжецу и убийце. Что характерно, его светлость удерживать её не стал, даже из вежливости, и вообще производил впечатление человека, несколько дезориентированного неожиданной выходкой врага. Ничего, пусть немного поразмыслит над мотивами её поведения, всё равно не догадается.

Хогрош сдох, его хозяин проболел несколько дней, жители Кайдараха могут пока вздохнуть свободно, а она сама отправится отсыпаться. Душ и кофе ненадолго отогнали сонливость, но полноценный сон в мягкой постели ничто не заменит.

На выходе из покоев Фирниора её неожиданно догнал Орминд:

— Мэора, позвольте вас проводить! — Подозвал щелчком пальцев слугу и распорядился: — Коня мэоре Айнуре!

Слуга послушно умчался вперёд, а герцогский наследник, предложив даме руку, неторопливо двинулся к выходу. По дороге он учтиво и даже как будто с интересом

расспрашивал магессу о схватке с хогрошем. И распрощался так вежливо, будто действительно рад был повидаться, и вообще, давайте дружить домами, как говорится. Впрочем, покинув замок, Айриэ немедленно выкинула из головы невиданную любезность и прочие странности поведения молодого Файханаса, потому что глаза у неё закрывались сами собой, а голова гудела, будто в ней устроили гнездо шмели. Добравшись до своего номера, она немедленно завалилась спать, приказав служанке растолкать себя через семь часов.

Проснувшись Айриэ как раз к обеду и вознаградила организм за все лишения минувшей ночи, заодно обсудив всё случившееся с Конхором, тоже решившим подкрепиться. Повеселев, магесса медленно прихлёбывала свой любимый чай с молоком и размышляла, чем следует заняться в первую очередь. Она чудесно отдохнула, выспалась, была бодра и полна и сил. Надумала съездить в таверну за новостями и слухами: вдруг услышит что-нибудь интересное. Однако интересное нашло её само.

НазадВыйдя во двор, Айриэ попросила конюха оседлать Шоко и вдруг заметила въезжающего во двор всадника на вороном коне, чей вид (не коня, разумеется) заставил её лишиться дара речи.

Фирниор Ниарас собственной персоной. Очаровательно.

Ловко спрыгнул с коня и поспешил к ней, будто и не он несколько часов назад выглядел едва ли не умирающим. Он улыбался так заразительно, а глаза так искренне светились радостью, что губы Айриэ невольно дрогнули в ответной улыбке.

— Откуда вы здесь взялись, Фирниор? — не стараясь скрыть изумление, спросила она. — Когда я видела вас в последний раз, ваш вид был гораздо менее цветущим.

— А я приехал вас поблагодарить, мэора Айнура, за то, что вы любезно навестили меня, пока я болел. К сожалению, сам я был без сознания и не помню этого, но дядюшка и Орминд мне рассказали.

Фирниор снял с седла и вручил ей неизменную корзинку с морепродуктами и огромную густо-алую розу с тонким, благородным ароматом.

— Мне было очень приятно, мэора Айнура, что вы беспокоились о моём здоровье, — негромко сказал он, встречаясь взглядом с Айриэ. — По какой бы причине вы это ни сделали.

Да уж, причина... Айриэ подавила нервный смешок. Сегодня утром она была твёрдо убеждена, что нашла таинственного мага, а кандидат в злодеи носится как ни в чём не бывало! Это как понимать прикажете? После оборванной связи с хогрошем невозможно оправиться так быстро, тут и говорить не о чем. Даже если чёрный маг замучает жертву и напьётся дурной силы, это лишь поможет поддержать истощённый организм и чуть-чуть ускорить восстановление. Вглядевшись внутренним магическим взором в ауру Фирниора, она обнаружила, что юноша и впрямь совершенно здоров.

— Фирниор, вы себе и представить не можете, до чего я рада, что вы оправились так быстро! — задушевно сказала магесса, и юноша с изумлённой, резкой, почти обжигающей радостью рассмеялся в ответ.

А ведь она правду сказала, между прочим. Не сходились у неё концы с концами, если отталкиваться от предположения, что Фирниор — тот, кого она ищет. Гораздо вероятнее было, что семья использовала юношу там, где от него могла быть польза, но в детали его не посвящали. Нет, заговоры и убийства беременных женщин не для него, не смог бы он хладнокровно мучить беспомощных жертв. Подлость и этот мальчик рядом не уживутся.

— И что говорит целитель?

— Целитель в полном недоумении, мэора. Он не понимает, как возникла болезнь и почему она так внезапно отступила, — пожал плечами юноша. Чувствовалось, что говорить ему об этом неприятно. — Я заснул больным и слабым, а проснулся совершенно здоровым, как мне сказали.

Интересно, это был отвлекающий манёвр? Чтобы сбить её со следа, отвлечь от истинного виновника? Замечательно, могут себя поздравить, им это удалось. Все прочие Файханасы присутствовали на «рассветном кофепитии» и больными не выглядели. Айриэннис оказалась там же, где была вначале, и вновь понятия не имела, кто «маг-враг». Правда, она всё равно радовалась, что это не Фирниор, а мага она и так найдёт, дайте срок.

От несколько недовольных размышлений её отвлёл Фирниор, сообщивший:

— Мэора Айнур, а ведь не я один ночью внезапно заболел, представляете? Пострадал также мэор Мирниас, у него примерно то же самое, что у меня. — Он помялся, но всё-таки добавил неохотно: — Ну, о мэоре Тианориннере вы, наверное, и сами знаете.

— Знаю что? — насторожилась магесса.

Юноша удивился:

— А разве вам не сообщили, мэора? Он тоже заболел, наш целитель посещал обоих и говорит, что это просто эпидемия какая-то.

Да-да, эпидемия, кто бы сомневался. Придуманная специально с целью одурачивания одной настырной магессы, которой его светлость едва ли желает долгих лет жизни и великолепного настроения поутру. Наверное, «чудесно исцелившегося» Фирниора герцог специально послал предстать пред её очами, чтобы она убедилась в ошибочности собственных выводов. Тианору подсунули какое-нибудь зелье, лишшающее сил, и не исключено даже, что зелье было выпито добровольно. Айриэ почти не сомневалась, что менестрель служит его светлости. Охотно или нет — это уже другой вопрос, для неё значения не имеющий. А самое забавное, что Тин, наполовину эльф, к Запретной магии не способен в принципе. Но Файханас вряд ли об этом знает, вот и пытается с его помощью сбить магессу со следа.

Мирниасу тоже могли, скажем, подлить что-нибудь в пищу. Вдовицу его, что ли, прижать и расспросить как следует? В любом случае, молодому артефактору стоит нанести визит, именно этого от неё и ожидают. Вслух она сказала:

— Спасибо вам за новости, Фирниор. Поеду, пожалуй, навещу наших больных — вдруг я увижу больше, чем ваш целитель, если болезнь вызвана магическими причинами. Желая приятной прогулки.

Фирниор был заметно обижен и раздосадован тем, что от его присутствия так быстро избавились. Однако Айриэ некогда было выгуливать этого хорошенького щеночка, пусть развлекается самостоятельно.

Визит к Тианору оказался мучительнее, чем она ожидала, причём для обоих. Похоже, ему было так же неприятно лгать ей, как Айриэ — слушать эту ложь.

На сей раз он встретил её, сидя в пухленьком, уютном креслице, заботливо укутанный светлым пушистым пледом. Квартирная хозяйка менестреля, столкнувшись с магессой в дверях, озабоченно шепнула, что целитель не смог сказать, что за неведомая хворь напала сегодня на троих его пациентов. Оставил, мол, укрепляющее питьё, подпитанное слабенькой магией, да велел принимать каждые три часа. А если в состоянии больного что-то изменится, немедленно послать за ним.

При виде любовницы Тианор едва заметно сморщил нос, но сказал почти без укора, кротко опустив ресницы:

— Айнура, спасибо, что пришла. Хоть ты и знаешь, как мне не нравится, что ты видишь меня таким слабым.

Она с ласковой и чуть грубоватой насмешливостью посочувствовала, внимательно рассматривая полуэльфа. С его аурой всё было в относительном порядке, слабость и упадок сил никоим образом не угрожали жизни. Но выглядел он скверно, и дело было даже не в бледности и залёгших под глазами тенях, делавших его тёмно-янтарные глаза неправдоподобно огромными. Тианор боялся. Так сильно, что нервно вздрагивал при внезапном шуме на улице или у старичков за стеной, причём едва ли сам это замечал. Его пальцы то и дело комкали плед и тут же отдёргивались от него, будто обжёгшись. Временами у менестреля подёргивалось левое веко, и он со злостью тёр глаза, пытаясь избавиться от тика. И настоящей улыбки у него никак не получалось, губы кривились в жалкой гримасе, а в глазах плескался страх. Айриэ делала вид, что ничего не замечает, но Тин слишком хорошо её изучил, провести его не удалось. М-да, ситуация... Ты знаешь, что я знаю, что ты лжёшь...

Их беседы и встречи раньше проходили легко и весело, не приходилось ничего скрывать друг от друга и выверять каждое слетевшее с губ слово. Когда Тианориннир переменялся? Пожалуй, вскоре после убийства мельничихи. Тогда он начал...хм, служить его светлости, так получается? Или делал это с самого начала, не так уж важно, в конце-то концов. Жаль, что она была с менестрелем достаточно откровенна, но, с другой стороны, она и не поведала каких-то особенных тайн. Так что пусть его хозяева кушают то, что он мог им поведать, и давятся, корррявое Равновесие!.. Однако сильно же Тианора напугали, если гнева его светлости он боится больше недовольства магессы. С другой стороны, менестрель — человек (точнее, полуэльф) маленький, а грозный и почти всеильный герцог — вот он, рядом. Что захочет, то и сделает. Видимо, его светлость был крайне убедителен, раз Тианор даже не попытался искать защиты у Айриэ.

Мерзко, что Тианор всё-таки виновен перед ней в чём-то, иначе не прятал бы сейчас глаза, не ёжился неуютно и не смотрел тоскливо в окно, наверняка отсчитывая минуты до её ухода. Мерзко и противно смотреть на предавшего твоё доверие, но это можно пережить. Запить гадкий привкус предательства добрым гномьим пивом в хорошей компании, сразу и полегчает. Трагедии тут нет, фарс дешёвенький разве что. Плевать.

— Как же это с тобой случилось, непонятно? Ты ведь полуэльф, должен обладать иммунитетом к большинству человеческих болезней.

— Будь это простуда, я бы не заразился, — криво усмехнулся Тин. — Но это не заразная болезнь, хотя бедняга целитель уже, кажется, не знает, что и думать. Ты же наверняка слышала, Айнура, что я у него — уже третий такой пациент. С юным Фирниором всё обошлось, целитель счастлив, а то герцог сильно нервничал из-за болезни племянника.

— Я при этом присутствовала, только счастливое выздоровление благополучно проспала. Зато Фирниор уже успел сегодня нанести мне визит, юноша вполне себе жив и здоров. Если бы я его лично утром не видела и ауру его поблѣкшую заодно, я бы ни за что не поверила. Может быть, и ты тоже быстро поправишься?

— Не думаю, что я такой же счастливчик, — буркнул менестрель. — Кстати, а зачем это он к тебе поехал? Ухаживает, что ли?

Попытка выказать ревность прозвучала на редкость фальшиво, Тианор и сам это понял, потому что больше не пытался изображать чувства, которых и близко не испытывал. Глаз у него опять задѣргался, и Тин раздражѣнно прижал прыгающее веко пальцем.

— Нет, его светлость пожелал мне продемонстрировать, что Фирниор — не хозяин хогроша. Должна сказать, я была изумлена. Приятно.

— Рад, что хоть кому-то хорошо, — ещё более неприветливо отозвался Тианор и заѣрзал в кресле, изредка кидая вороватые взгляды на дверь.

— Мирниасу, например, тоже нехорошо, он твой товарищ по несчастью, — заметила магесса.

— Собираешься и его навестить? — непринуждѣнно поинтересовался Тианор, а в глазах читалось: «Да когда же ты наконец уйдѣшь?»

— Собираюсь, — подтвердила она. — Думаю, что его болезнь — того же происхождения, но надо убедиться. Вас с ним подставили, Тин.

— Что, и меня? — вяло и неубедительно удивился он. — Понимаю, почему артефактора, герцог ведь и раньше пытался обвинить его.

Айриэ внимательно на него посмотрела, отчего менестрель заѣрзал в кресле сильнее, пытаясь выдержать этот взгляд. Не получилось, отвѣл глаза и скривил уголок рта, безмолвно признавая поражение.

— Тианор, могу тебе посоветовать только одно: постарайся, чтобы Файханас и дальше не знал о твоей генетической неспособности к Запретной магии. Пока он пытается сделать тебя виноватым в моих глазах, ты в относительной безопасности.

— Айни, я... — хрипло начал он и осѣкся, когда она покачала головой. Хватит лжи, Тин. Надоело.

— Уезжай отсюда, — вслух сказала она.

— Я не могу пока, — глухо ответил менестрель, пряча взгляд.

— Если хочешь, я попрошу гномов взять тебя с собой. Они уезжают через пару дней и могли бы тебя вывезти. — Помолчала и добавила веско: — Гномьи повозки не досматривают.

Она давала ему шанс, и полуэльф отлично это понимал. Если он сейчас признает, что ему нужна помощь, расскажет о собственном предательстве и о том, что успел выболтать герцогу, Тианор получит возможность бежать из герцогства.

Он молчал, судорожно стискивая плед и опустив голову, так что чуть спутанные бронзовые кудри надёжно скрывали его лицо. Красивые резные деревянные часы на стене тикали то ли невпопад, то ли в такт его мыслям, кто там разберѣт... Наконец он резко, шумно выдохнул и отчаянно замотал головой, прямо-таки расплѣскивая вокруг себя море

безысходности.

— Я не могу... — повторил он, всё так же рассматривая свои колени, туго обтянутые пушистым пледом цвета топлёного молока. Наверное, узоры там были очень уж интересные.

Айриэннис кивнула, хотя менестрель на неё не смотрел, и ответила спокойно:

— Хорошо, ты давно уже большой мальчик, Тин. Ты решил. Твоё право.

Больше ничего говорить не стала, просто покинула уютные объятия пухленького кресла и направилась к двери. Остальное он прекрасно понял без слов и больше не станет пытаться искать встречи с Айриэ.

Действительно, какая тут может быть трагедия?..

На улице было тихо, безветренно и почти по-осеннему хмуро. Пока она беседовала с бывшим любовником, из-за горизонта незаметно подкрались серые, обманчиво пушистые тучи и бесцеремонно распластались по всему небу, коварно брызгая реденьким дождиком на всех, проходивших под ними. Впрочем, дождик вскоре усовестился и капать перестал, но вольготно разлэгшиеся на небе тучи уползать прочь не спешили. Было серенько и хмуренько, совсем как у неё на душе, усмехнулась про себя Айриэ.

Пересиливая себя, направила Шоко в сторону дома Мирниаса, хотя хотелось мчаться вдаль и хоть так наглотаться свежего воздуха, а то ей донельзя надоела затхлость, казалось, забившая ноздри. Хотелось неистовства и свободы, полёта среди звёзд и танца на силовых нитях мира — до сверкающих вспышек в глазах, до солоноватых губ и оставшегося далеко позади горьковатого дыма памяти...

Мирниас лежал и дрожал, в буквальном смысле слова. Укутался до самого носа одеялом и трясся мелкой дрожью. Целитель оставил ему укрепляющее питьё, но молодой маг отчего-то воздерживался прикладываться к стакану, наполненному темноватой жидкостью.

На вошедшую Айриэ юнец глянул затравленно и немедленно не сказал — проблеял, потому что голосок срывался не то от страха, не то от слабости:

— Мэора, это не я!..

— А кто? — с искренним любопытством поинтересовалась магесса. — Хотите сказать, я вижу перед собой ваш неостывший труп? Боюсь вас разочаровать, Мирниас, но выглядите вы вполне живым. И даже в зеркале отражаетесь, хотя я бы не советовала вам смотреться туда подолгу, пока не вернёте себе нормальный цвет лица. А то и правда испугаетесь.

— Тьфу на вас! — немедленно обиделся Мирниас и от негодования даже перестал трястись. — В вашем присутствии, мэора, даже болеть противно, потому что вы немедленно скажете какую-нибудь гадость, и болезнь отступит, только чтобы с вами не связываться!

— Мирниас, вы сами-то понимаете, что несёте? — насмешливо спросила она.

— Мне можно нести бред, у меня лихорадка! — Молодой маг тщетно пытался удержать смех внутри, стискивая прыгающие губы, но кончилось тем, что они с Айриэ на пару расхохотались, и неважно, что смех носил характер несколько нервический. Главное, он отлично помог обоим сбросить напряжение.

— Смерти моей хотите, мэора, — отсмеявшись, кое-как выговорил Мирниас и без сил откинулся на подушку.

— Не переживайте, вы ещё не настолько сильно мне надоели, — хмыкнула Айриэ, вытирая мокрые от выступивших слёз ресницы. — Уф, до слёз досмеялась! А что это у вас, Мирниас, снадобье без дела стоит? Опасаетесь отравления?

— Знали бы вы, мэора Айнур, какая это мерзость!.. Если выпью, точно отравлюсь.

Айриэ понюхала стакан, брезгливо скривилась от кисловатого запаха и признала

правоту Мирниаса. Впрочем, это было дело поправимое: немножечко магии и вкусовых иллюзий — и вот оно, чудодейственное снадобье, с приятным зеленоватым цветом, ароматом трав и укрепляющим эффектом, который Айриэ просто усилила вдвое, уж это сделать она была в состоянии.

— Пейте, вам выздоравливать надо, — велела она, впихивая стакан в руки артефактору.

Тот секунду поколебался, но спорить не рискнул и осторожно глотнул из стакана. Его бледное лицо постепенно порозовело, посиневшие губы приняли нормальный цвет.

— Мэора Айнура, спасибо вам, — тихо сказал он, — за... то, что верите.

— Да бросьте, Мирниас, — отмахнулась она. — Я же вам ясно сказала, я вижу, что из вас делают виновного. Ну какой из вас преступник, в конце-то концов?

— Между прочим, я начинал как уличный воришка! — не без вызова глянув на неё, поведал Мирниас.

— Надо же, а по вам и не скажешь, что у вас криминальное прошлое.

— Я был подданным Короля Нищих — побирался и подворовывал, когда меня вышвырнул на улицу сожитель матери, после её смерти.

— А, так вы родом не из Юнгирода? — В благополучном Юнгироде детишек на улицу не выбрасывают, а отдают во вполне приличные сиротские приюты, чья работа контролируется особым Попечительским Советом. Обирание и объедание сироток категорически не приветствуется.

— Из Дилиании. Просто мне повезло, я попал к очень хорошему человеку. Когда во мне проснулся магический дар, мне и семи не исполнилось. Король Нищих решил попробовать утаить меня от властей, чтобы потом иметь на службе собственного мага на коротком поводке.

— Не слишком мудрое решение.

— Не то слово, мэора. Я, естественно, совершенно не умел контролировать силу и перетрусил едва ли не до мокрых штанишек, когда Король Нищих вздумал меня запугивать в расчёте на будущее послушание. Ну и, перепугавшись, я нечаянно поджёг комнату... вместе с главой всех нищих. Он был пьян и не сумел выбраться, а я в дикой панике удрал куда глаза глядят. Страх меня и спас, а половина нищенских трущоб выгорела — теснота, скученность и отсутствие дождя сделали своё дело. Разумеется, началось дознание, меня быстро нашли бы и отправили учиться в местную Магическую Академию. Но мне повезло именно в том, что раньше на меня наткнулся магистр Найнир Сидейон. Он забрал меня, договорился с дилианскими магами и увёз к себе Юнгирод, а после усыновил, дав новое имя. Раньше меня звали просто Минс, фамилии я и не знал даже. Магистр Найнир был мне отцом, гораздо лучше кровного, — мягко улыбнулся Мирниас. — Он три года учил меня дома — я ведь был совершенно диким уличным мальчишкой, читать и писать не умел, а внезапно стал «мэором», так что пришлось учиться соответствовать новому положению. Когда мне исполнилось десять, я поступил в юнгирскую Магическую Академию. А ещё через два года магистр Найнир умер... сердце отказало. Он ведь уже был очень стар, почти три века прожил. А копить никогда не умел, так что после него немного осталось. Но я оказался единственным наследником, не считая каких-то денег, отошедших его праправнуку. До конца учёбы средств мне бы хватило, если экономить, но вот на оплату самой учёбы — нет. И мой новый опекун, тоже из магов, посоветовал задуматься о королевском контракте. Я согласился, не бросать же было академию. Магистр Найнир хотел бы, чтобы я учился дальше, и мечтал, что я стану его помощником. Он был очень талантливым артефактором, я

поэтому выбрал... Да и он учил меня кое-чему, жаль только, не успел много передать. Ну вот, потом я доучился, сдал экзамены, получил диплом и назначение в Кайдарах... Действительность меня сильно разочаровала, но тут появились вы, мэора Айнура, и перевернули с ног на голову жизнь в нашей сытой, сонной деревушке.

— Я, Мирниас? — изумилась магесса. — Да побойтесь вы Лунных богинь, я-то тут при чём? Кайдарахскую жизнь невероятно разнообразил чёрный маг, а я появилась здесь потому, что появился он.

— Вот как? — быстро спросил он. — Я так и думал, что ваш приезд сюда не случаен, несмотря на то, что вы уверяли окружающих в обратном.

— Мало ли кого я в чём уверяла, — проворчала она. — Скажем так, Орден заинтересовался происходящим в герцогстве.

— Но, мэора, вы же появились до того, как что-то случилось! Началось всё с дурацкого проклятого хряка — это маг тренировал свою тварь, насколько я понимаю. Но вы-то не могли знать... — он осёкся. — Или случилось что-то раньше... вероятно, в столице, так? Чем-то маг привлёк к себе внимание вашего Ордена, поэтому вы и приехали.

— Мирниас, — серьёзно сказала Айриэ, — вы неплохо соображаете и умеете делать выводы, но, пожалуйста, поверьте мне: есть вещи, о которых лучше не знать. Приключений на вашу голову и так хватит.

Он вспыхнул и зло сверкнул зеленоватыми глазами:

— Плевал я на приключения, что я вам, мальчишка сопливый? Я помочь хочу...

— Поможете, если будете сидеть тихо и не лезть куда не просят, — спокойно, но твёрдо ответила Айриэ, не горящая желанием получить такого «помощника». — Вы лучше занимайтесь увеличением собственного резерва и заказами клиентов, очень меня этим обяжете.

Она намеренно старалась задеть Мирниаса, чтобы он обиделся и передумал навязываться с предложениями помочь искать преступника. Кому романтика, а кому головная боль. В няньки молоденьким магам она не нанималась и даже близко пробовать не собиралась.

Проигнорировав обиженное сопение несогласного Мирниаса, она распрощалась и вышла, собираясь осуществить первоначальное намерение и погонять хорошенько Шоко.

Дождь то крапал, то переставал; стало зябко, и Айриэ даже пожалела, что не надела куртку. Но потом тучи развеялись, солнечные лучи заиграли, заискрились, отражаясь в повисших на ветвях и листве мелких прозрачных капельках, превращая те в россыпь драгоценных камешков. Рубашка магессы быстро просохла, а спину ласково гладили тёплые солнечные лучи, так что и заклинание просушки не потребовалось. Они с Шоко умчались довольно далеко от деревни и теперь повернули назад, двигаясь уже неторопливо, отдыхая от стремительной скачки.

Лес, мимо которого они проезжали, был старым, густым, раскинувшимся по обе стороны от дороги. От него веяло прохладой и запахом прели, а разбросанные тут и там пятна осенней рыжины в зелени клёнов придавали ему праздничный вид. Природа принаряжалась и готовилась встречать пылающую красками осень, а магесса — день своей свободы, день снятых масок и отброшенных чужих судеб, запутавшихся в её собственной жизни. Пусть на себя у неё должно остаться совсем немного времени, этого хватит, чтобы почувствовать себя живой. А потом она задержится в Юнгире ещё на три месяца и в день Начала Зимы уйдёт, завершив все дела. Этого времени должно хватить на то, чтобы помочь

королю разобраться с последствиями заговора, да и на своих друзьях останется. А то Бромор обидится, если она не нагрянет в гости...

Айриэ с удовольствием втянула в себя свежий, прохладный, ещё пахнувший дождём воздух и понукунула Шоко. Тот перешёл на рысь, и вдруг запрядал ушами, зафыркал, расслышав впереди ржание другой лошади. Из-за поворота показалась серая в яблоках кобылка, невысокая и изящная, нёсшая на своей спине девушку в зелёном костюме для верховой езды и в шляпке с короткой вуалью. В девушке магесса узнала племянницу герцога, юную мэори Юминну, которая радостно заулыбалась, увидев магессу, и сделалась невероятно хорошенькой — с ямочками на розовых щёчках и смешинками в живых тёмных глазах.

— Добрый день, мэора Айнура! Мы, правда, виделись сегодня, но это было так рано, что я толком не проснулась, и мне теперь кажется, что это происходило ужасно давно. Как хорошо, что я вас встретила! Вы позволите отнять немного вашего времени?

— Да пожалуйста, мэори Юминна! Я сейчас ничем не занята, просто катаюсь верхом.

— Я бы хотела с вами поговорить, мэора. Если не возражаете, тут неподалёку есть поваленное дерево, можем устроиться там, а то на ходу разговаривать не очень удобно.

Девочка из рода Файханасов хочет поговорить? Что ж, послушаем, вдруг скажет что-нибудь интересное. А не скажет, ничего страшного, задержаться в лесу в любом случае приятно. Гадая, что могло понадобиться юной мэори, Айриэ вслед за ней съехала с дороги и вскоре очутилась на небольшой мшистой полянке, перегороженной поперёк стволом рухнувшего старого клёна. Тот ещё держался за землю наполовину вывороченными корнями, до последнего цепляясь за жизнь, но на его ветвях не осталось ни единого живого листочка. В одном месте потемневший ствол с растрескавшейся корой прогнулся почти до самой земли, образуя удобное сидение, которое и заняла Юминна, жестом пригласив магессу присесть рядом. Но Айриэ устроилась чуть выше, непринуждённо оперевшись спиной на толстый сук и поставив ногу на ствол.

— Я вас слушаю, мэори.

— Пожалуйста, зовите меня Юминной, — улыбнулась девушка.

— Тогда и вы зовите меня по имени, договорились? Итак, о чём же вы хотели поговорить, Юминна?

Девушка чуть куснула нижнюю губку сахарно-белыми зубками и легонечко наморщила лобик, очевидно, собираясь с духом.

— Понимаете, Айнура, я даже не знаю, как начать... чтобы не выглядеть совсем уж глупо. — Она бросила на магессу лукавый взгляд и, получив в ответ поощрительную улыбку, продолжила: — Я бы хотела с вами посоветоваться. Я понимаю, что мы с вами едва знакомы, и с моей стороны, наверное, слишком дерзко докучать вам своими проблемами...

— Но чужому человеку гораздо проще рассказать, что вас тревожит — именно потому, что я посторонняя и к тому же скоро уеду отсюда, увозя вашу тайну, — подхватила магесса, чуть добавив в голос иронии — ровно настолько, чтобы дать понять, что их разговор полусутоливый и его не стоит воспринимать слишком уж серьёзно, но и насмешничать она не собирается.

Девушка прыснула и затрепетала пушистыми ресницами, кидая на магессу быстрые, смешливые взгляды.

— Вы разгадали моё коварство, Айнура! Мне действительно проще посоветоваться с чужим человеком, нежели обращаться к кому-то из родных или знакомых. Они бы меня не

одобрили, а вы, думаю, не осудите в другой женщине стремление к независимости.

— Действительно, не вижу в этом ничего дурного, — заметила Айриэ. — Я же не мужчина, который хочет, чтобы от него зависело слабое, трепетное, глупенькое существо, на фоне которого так легко казаться сильным и мужественным. Сделать слабым того, кто рядом, намного проще, чем изменить себя к лучшему, потому что это происходит гораздо чаще — так часто, что, в общем-то, почитается за естественный порядок вещей. В нём немало хорошего, полагаю, этого вы отрицать не станете.

— О да, естественный порядок вещей — основа всех основ, — согласилась девушка, но голос зазвенел, выдавая внутреннее напряжение. — Айнура, а что делать, подскажите, если вы не чувствуете в себе склонности следовать этому порядку?

— Или подчиниться, или взбунтоваться, — пожалала плечами Айриэннис.

— Звучит просто.

— Сделать сложнее, — кивнула магесса. — Но выбирать необходимо самостоятельно, как и следовать выбранному пути. Не могу сказать, какой путь будет легче для вас, потому что я вас не знаю, Юминна. Но могу предполагать, что если выберете подчинение традициям, перегорите. В вас, пожалуй, чересчур силён дух независимости, чтобы вы смогли безропотно подчиняться. Я слышала, вас сватают за одного из Сэйбаонов?

— Боюсь, это уже отброшенный вариант, — пробормотала девушка, поморщившись. — Мне приходится делать вид, что я недовольна несостоявшейся помолвкой, хотя на самом деле мне хочется прыгать от радости.

— Не хотите замуж?

— Так — не хочу! — отрезала она, потрянув головкой, отчего её тёмные локоны запрыгали по плечам, а шляпка едва не слетела.

— А как хотите?

— Пока никак. Но кто станет меня слушать? Отец или дядюшка подыщут мне подходящего мужа, девушка из нашего рода не может остаться старой девой. К двадцати пяти я должна буду выйти замуж, это крайний срок. Мне ещё повезло, что меня до сих пор не просватали, но это потому, что дядюшка надеялся выдать меня за Кайнира. К счастью, его величество подобного желания не проявил, он видит во мне скорее младшую сестрёнку или хотя бы кузину, но уж никак не супругу.

Король вряд ли стал бы вызывать недовольство двух других герцогских родов, Сэйбаонов и Торбианов, женитьбой на племяннице Файханаса. В Юнгироде принято женить королей на иностранных принцессах либо на ком-то из менее знатных родов, дочери какого-нибудь маркиза или графа. Из благоразумного желания сохранить относительное равновесие политических сил и не допустить усиления одного из герцогских родов и недовольства двух оставшихся. Странно, что Рольнир Файханас мог надеяться на нарушение королём этой традиции. Рассчитывал на страстную любовь или просто на доброе отношение Кайнира к Файханасам? Или усыплял бдительность двух других герцогов, уже давно задумав заговор?

— Значит, не хотите быть королевой, Юминна? — с понимающей усмешкой полюбопытствовала Айриэ.

— Вот уж нет! — дёрнула плечиком девушка. — Даже племянницей герцога быть нелегко, если, конечно, ты не наслаждаешься всей этой мишурой, нарядами, балами и кавалерами. Ни шага в сторону от подобающей тебе модели поведения, никаких неподходящих знакомств и интересов. А мне хочется жить!.. По-настоящему!..

Ох, милая девочка, сколько вас, таких бунтарок — во всех мирах и во все времена.

Единицам удаётся что-то изменить, большинство смиряется и проживает свою жизнь «как подобает». Не ты первая, девочка, не ты последняя... Вы говорите примерно одни и те же слова, бунтуете всерьёз или понарошку, надеясь, что в последний момент явится кто-то сильный, благоразумный и пресечёт этот бунт. Вы и сами порой толком не знаете, нужна ли вам эта свобода, о которой вы грезите, или это просто красивый фантом, в погоне за которым так легко испортить жизнь себе и окружающим.

— А как вы себе это представляете, Юминна?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

От спокойного, отрезвляющего тона магессы девушка вспыхнула и вновь тряхнула головкой, на сей раз почти гневно:

— Вы думаете, Айнура, я просто фантазёрка, глупая девчонка, которая сама не знает чего хочет?.. — И вдруг сникла: — Да, в общем-то, вы не так уж далеки от истины. Я точно знаю, чего я **не хочу**, а вот как это осуществить... Я **не хочу** замуж за «выгодного и подходящего» человека, с которым, быть может, даже подружиться-то не удастся, не то что полюбить! И не хочу становиться матерью семейства, думать о воспитании детей и ведении домашнего хозяйства, всю жизнь играть чужую, навязанную мне роль. Не хочу! В жизни столько интересного, а я вынуждена смотреть на неё сквозь позолоченные прутья клетки... В которой мне придётся задыхаться до конца дней!.. Если, конечно, я не решусь что-нибудь изменить. Знаете, Айнура, я сейчас как раз и пытаюсь решиться, поэтому и хотела посоветоваться. Вы — сильная, но не мужеподобная, вы независимая, носите что нравится, говорите что хотите и выбираете себе мужчин, не оглядываясь на глупые условности! Я отчаянно вам завидую, вы представить себе не можете как!.. И как бы я хотела иметь смелость походить на вас!..

— Ну, быть собой тоже не так уж плохо, зачем походить на кого-то, — осторожно сказала Айриэ. — А за свободу всегда приходится чем-то платить.

— Думаете, я этого не знаю? — криво улыбнулась Юминна и, схватив какой-то прутик, принялась нервно отламывать от него по кусочку. — Может, я и хотела бы заплатить, но не знаю толком, что мне нужно.

— Может, для начала попробуем перейти к конкретике? Что вы предполагаете сделать? Бежать из дома? Вам придётся порвать с семьёй, друзьями и привычным укладом жизни, это вы, думаю, понимаете.

— Понимаю и даже принять готова... почти готова, — поправилась она под скептическим взглядом собеседницы.

— Итак, Юминна, чем бы вы хотели заниматься в жизни? Пробовали разложить всё по полочкам?

— Пробовала, но не очень получается. Я не знаю... глупо, да?

— У независимой женщины не такой уж большой выбор. Можно податься в наёмницы. Грубость, грязь, кровь, смерть. Походная жизнь, холод и жара, скудное нерегулярное питание, невозможность нормально вымыться. Подходит?

— Наверное, не очень, — брезгливо передёрнувшись, ответила девушка. — Я... оранжерейный цветочек, у меня хватает ума это понять. Я немного училась фехтовать вместе с кузенами, но это была игра.

— Понятно. Может, что-нибудь поспокойнее? Скажем, место экономки в богатом доме?

— Ох, нет, что вы! То же домашнее хозяйство и ещё более подчинённое положение, чем

у жены.

— Ага, ясненько, — покивала Айриэ, забавляясь. — Рискну предположить, должность гувернантки вам подходит ещё менее? Ну, я так и подумала. Науками заниматься не жаждете? Могли бы, например, поступить в Королевский Университет. Скандал будет, но не такой уж громкий.

— Нет, Айнура, спасибо, что-то не хочется, — вздохнула Юминна. — Это всё не моё. Мне бы приключений, можно даже опасных... В крайнем случае, подамся в наёмницы, но меня угнетает сама мысль о том, что, возможно, придётся кого-то убивать за деньги. Я понимаю, звучит как блажь избалованной девочки, да, наверное, я она самая и есть... Мне свободы хочется. Магия — она ведь даёт такую свободу, правда? Вы и защитить себя в состоянии, и на жизнь заработать, вдобавок условностями и традициями не связаны по рукам и ногам. Потому я вам и завидую, по-доброму, конечно.

— У вас ведь нет магического дара?

— Совсем нет, — уныло кивнула девушка. — А как бы я хотела!.. Ведь даже самый слабенький дар можно развить, если упорно работать!

— В целом вы правы, Юминна. Правда, времени на это порой уходит несоразмерно много.

— Ну и пускай! Ведь магия — это так увлекательно... — мечтательно протянула она. — Может быть, я идеализирую, и для вас это давно рутина, но ведь раньше-то наверняка было иначе? Ну, когда ваш дар только проявился?

— Магия — часть меня, я с ней родилась. Она была со мной всегда, это так же естественно, как дышать.

— Повезло вам, Айнура... Эх, ну почему у меня нет дара!..

— В вашем семействе магов не рождается? — небрежно поинтересовалась Айриэ.

— Про Эйдигира Неистового Ястреба вы слышали? Говорят, он умел превращаться в ястреба, потому и герб такой себе взял, и отказался от посмертия. Если бы не обладал магическим даром, у него бы не получилось стать Хранителем рода?

— Вполне возможно, он владел магическим даром, — согласилась Айриэ — что ей, жалко, что ли? — И больше никто?

Юминна поколебалась, теребя в руках остатки разломанной веточки.

— Айнура, это, собственно, тайна, но... знаете, у нас в роду было как минимум двое магов. Об этом не рассказывают, потому что история довольно тёмная — что с одним, что с другим. Эти знания из тех, которые доступны главе рода и его наследнику. Я читала, но совсем немного.

— Только не говорите, что вы тоже тайком пробрались в комнату с секретными документами и приобшились к не предназначенным для вас сведениям! — насмешливо закатила глаза магесса.

— Почему тоже?.. Но я тогда начала собирать сведения о магии и всяком таком, хотела точно знать, бывали в нашем роду маги, поэтому подговорила Орминда дать мне почитать тайные хроники. Он согласился, но не бесплатно, а за несколько поцелуев — настоящих, взасос, между прочим! — покраснела она и смущённо засмеялась: — Мне было пятнадцать. С тех пор я терпеть не могу целоваться с Орминдом, хотя он иногда пытается... У него в деревне полно подружек, вот пусть с ними и целуется!

Да, повезло Фирниору, что вопрос с чтением тайных хроник он решил самостоятельно. Вряд ли Орминд согласился бы взять с него плату поцелуями.

Юминна в задумчивости покусала раскрасневшуюся, уже чуть припухшую от столь безжалостного обращения нижнюю губку и внезапно решила спросить о том, что задевало её по-настоящему. У неё даже голос сделался глуховатым от затаённого волнения, а тонкие пальчики принялись безжалостно терзать кружевной платочек, ибо веточка была окончательно доломана.

— Айнура, скажите, ваш Орден... в нём ведь не обычные маги, самые сильные, так? Говорят, вы знаете много старинных заклинаний и даже магией Ушедших владеете, ведь не зря же вы зовётесь драконьими магами. Так вот, я хотела спросить...мало ли, вдруг... Вы... вы не знаете средства или заклинания, которое могло бы сделать обычного человека магом?..

— Увы, это невозможно, Юминна. Магический дар не приобретается. Вы с ним рождаетесь либо нет. Он может быть скрытым, спящим, но если он имеется, то непременно проявится после определённых заклинаний. Вас же проверяли, насколько я понимаю? Магистр Стейриг, очевидно?

— Да, проверяли, и дара не нашли, но... я надеялась, что вы знаете, как... — Девушка оборвала себя и умолкла, не желая выглядеть жалкой и несчастной. Она гордо расправила плечи и вздёрнула подбородок, но ресницы предательски подрагивали и увлажнились.

— Если хотите, для очистки совести я проверю вас своей магией, но я бы на вашем месте не надеялась. Пожалуйста, посидите спокойно, неприятных ощущений не будет.

Айриэ перешла на магическое зрение и потянулась к мерзкому, уродливо разбухшему «узлу», вытащив оттуда длинный кусок нити. Уже привычно очистила его собственным внутренним огнём, обрадованно взметнувшись ввысь от возможности плотнуть свободы. Налипшая грязно-серая мерзость с бессильным шуршанием осыпалась пеплом, а нить засверкала первозданной чистотой. Айриэ направила нить к девушке, видевшейся совсем не так, как в реальном мире: аура её полыхала яркими красками любопытства и робкой надежды на чудо, но физического тела за этим сверканием было не разглядеть. Хотя если бы Айриэннис понадобилось, она бы видела Юминну почти такой же, как в реальности: собственная магическая сила могла менять восприятие оболочки мира так, как это удобно смотрящему.

Сверкающая силовая нить пронеслась сквозь ауру девушки, чуть-чуть исправляя мелкие неполадки, вроде начинающейся головной боли и вскакивающего на шее прыщика. Вспышка, видимая только магическим зрением — и ничего больше, кроме лёгкой ряби, пробежавшей по ауре.

— Щекотно! — с нервным смешком заметила Юминна и, не удержавшись, потёрла живот — жестом, не совсем подобающим благовоспитанной девице.

Её испытующий взор впился в магессу, и та вынуждена была покачать головой. Увы, бедная девочка: мечта промчалась совсем рядом, магия коснулась её самым краешком, но дара не было. Крохотная искорка, как у обычного человека. Таковую не разожжёшь до настоящего пламени.

— Юминна, мне жаль, но — ничего.

— Спасибо вам, Айнура, — уныло отозвалась она, поникнув. — По крайней мере, теперь я буду знать точно, что магом мне не бывать...

Она яростно заморгала и отвернулась, тихонько и совсем неизящно шмыгая носиком. Помолчали. Айриэ не лезла с утешениями, девочка сама справится. Юминна подождала, пока желание плакать утихнет само собой, и сказала упрямо:

— А я всё равно уеду.

— А стоит ли? Я не отговариваю, просто спросите себя хорошенько, а нужно ли отказываться от комфорта и привилегий, даруемых вашим положением?

— Стоит! — вскинула она голову. — Теперь ещё больше, чем раньше. У меня есть немного денег на личном счету в гномьем банке, но это на чёрный день. Ещё есть всякие побрякушки — из тех, что дарили родители и дядюшка Рольнир. Хватит на первое время, а потом... Я, наверное, на Стайфарр хочу попасть. Наймусь на гномий океанский корабль — хоть жалким секретарём, хоть кем, лишь бы взяли! Я слышала, женщин туда берут на некоторые должности и... там безопасно для женщины, у гномов строжайшая дисциплина, хоть экипаж состоит в основном из людей.

Значит, у фантазёрки имеется определённый план, и не такой уж глупый, надо сказать. Будь эта девочка менее изнеженной и «домашней», Айриэ первая сказала бы, что путешествие через океан — отличный выход для бурлящей в девушке жажды приключений. К тому же следовало помнить ещё об одном факторе: вскоре Файханасы безвозвратно потеряют своё положение. Юминна не могла об этом знать, но ей грозят такие потрясения, что воображаемый побег из дома померкнет на фоне разоблачения заговорщиков. Женщин король вряд ли тронет, хотя безопасности ради, скорее всего, отправит их в какую-нибудь отдалённую крепость, где им предстоит обитать до конца жизни. Был ещё вариант, что король наградит кого-то из своих верных вассалов герцогским титулом и женит его на этой самой Юминне, как наиболее подходящей кандидатуре. Тогда формально род не прервётся, если супруг примет фамилию жены и войдёт в род Файханасов. Но саму девочку это вряд ли обрадует, она не смирится и будет несчастной всю жизнь. Айриэ не станет диктовать Кайниру, как поступать, но если помочь Юминне бежать сейчас, до раскрытия заговора (к которому она вдобавок не имеет ни малейшего отношения), то за океаном король её не достанет. И отпустит девушку, особенно если Айриэ его об этом попросит. В конце концов, у старшей сестры Юминны есть почти взрослая дочь, ровесница Фирниора, королю для его целей она также вполне подойдёт. Впрочем, если бы Юминна не обратилась к магессе за советом, та и не подумала бы что-то менять в чужой судьбе, теперь же совсем другое дело.

— Насчёт порядка и безопасности на корабле вы абсолютно правы, Юминна. Но сам Стайфарр — место опасное, — предупредила магесса. — Серпентесы — очень воинственная раса, там масса раздробленных племён, постоянно воюющих друг с другом. Отдельные племена соблюдают перемирие с гномами, поэтому те рискуют забираться вглубь материка за экзотическими товарами. Торговля со Стайфарром — дело прибыльное и довольно надёжное, особенно если вы числитесь гномьим компаньоном. У меня есть друзья среди гномов, если хотите, я могла бы помочь вам вложить ваши деньги в океанскую торговлю. Вы будете получать небольшую, но стабильную прибыль и сможете уехать отсюда, жить там, где вам понравится.

— Нет, Айнура, я бы хотела сама побывать на Стайфарре! И даже, наверное, решусь именно на вылазку вглубь материка, не ради возможной прибыли, а потому что хочу сделать в жизни что-то настоящее, понимаете? — Она раскраснелась и в волнении вскочила со ствола, начав расхаживать взад-вперёд по полянке. — Это мой шанс! Обрести самоуважение, если хотите, хоть и звучит как-то пафосно.

— Хорошо, я договорюсь с гномами. Сейчас в Кайдарахе находятся мои друзья, они послезавтра уезжают в Фиарштад и могут взять вас с собой. Из Фиарштада регулярно ходят караваны в Бранг, а это гномье королевство, как вы помните, расположено на восточном

побережье Аэданира и оттуда уходят корабли на Стайфарр. А дальше уже от вас зависит, Юминна.

— Спасибо, спасибо вам, Айнура! — порывисто вскричала девушка и от восторга покружилась по полянке, едва не встретившись лбом со стволом ясеня. Суший ребёнок... — Вы и представить себе не можете, как я вам благодарна!

— Тогда едем сейчас на постоялый двор, я познакомлю вас с Конхором из клана Фиархорр-Зандаг. Он доставит вас в Фиаршгад. Могу посоветовать взять с собой все ваши драгоценности, практичную дорожную одежду и всякие необходимые мелочи вроде гребня, мыла и зубной щётки. Всё это, разумеется, можно будет купить, но помните, что у вас не скоро появятся лишние деньги. Бальные платья лучше оставить дома, — насмешливо посоветовала Айриэ, и девушка фыркнула в ответ. — Парочку приличных разве что возьмите, но хорошая кожаная куртка и дорожные брюки вам будут гораздо нужнее. Подумайте, как вы сможете незаметно вынести всё это из замка, хотя на вашем месте я бы завтра днём послала слугу с собранной сумкой на постоялый двор под каким-нибудь предлогом. Например, скажете слуге, чтобы передал сумку мне, надеюсь, никто не станет проверять, что вы там мне даровали. А я отдам ваши вещи гномам. Ну а послезавтра вы налегке выедете на прогулку, одевшись как обычно, вот хоть в этот зелёный костюм, никто ничего и не заподозрит. Условитесь встретиться с гномами в определённом месте, а там уж они вас прикроют, если что.

— Спасибо вам огромное! Ох, сколько мелочей, о которых я бы и не догадалась подумать, — вздохнула девушка, отвязывая свою кобылку и садясь в седло. — Всё-таки я, наверное, очень глупая...

— Это просто неопытность, быстро проходит, — успокоила её Айриэ. — Сами не заметите, как станете опытной путешественницей, стоит только войти во вкус.

Они некоторое время молча ехали бок о бок по дороге. Шоко пытался заигрывать с серой в яблоках, но красавицу совсем не впечатлило саврасое недоразумение, которое она видела. Айриэ легонько двинула распалившемуся коню каблуками по бокам и дёрнула поводья, приводя в чувство. Шоко гневно фыркнул, но успокоился, а Юминна, рассеянно потрепав свою кобылку по шее, спросила смущённо:

— Айнура, вы только не обижайтесь, пожалуйста, мне просто любопытно: почему вы мне помогаете? Если это не секрет, конечно...

— Вы попросили драконьего мага о помощи, вот и весь секрет.

— Что, так просто? — с некоторым сомнением уточнила девушка, подозревая подвох. — А в чём ваша выгода? То есть я заплачу, конечно, сколько скажете, но зачем же вам эти хлопоты? И ссориться с моим дядей, наверное, невыгодно даже вашему Ордену...

— Боюсь, дело обстоит с точностью до наоборот: это герцогу невыгодно ссориться с Орденом, — хмыкнула Айриэ. — Но дело не в вас даже, Юминна, и не в деньгах, братья которые с вас я не собираюсь.

— А в чём же тогда?

— Скажем так, Драконьему Ордену выгодно, если человек — вы в данном случае — сможет исполнить свою мечту и пойти по выбранному, а не навязанному пути. Для мира в целом это полезнее.

— О-о-о, — протянула ошеломлённая девушка, — боюсь, так масштабно я не мыслю... Но всё равно спасибо, я всегда буду вспоминать вас добром.

— Даже если разочаруетесь в жизни, полной приключений? — поддразнила её магесса.

Юминна рассмеялась и задорно потрянула головой:

— Даже тогда! В конце концов, это же я хотела перемен, мне и отвечать за последствия.

Такой она и осталась в памяти Айриэ: юной, звонко хохочущей девочкой с растрепавшимися локонами, смешливыми ямочками на щёчках и горящими от предвкушения глазами. Девочкой, стоящей на самом пороге приоткрывшейся двери в огромный, красочный и полный опасностей мир.

На следующий день слуга привёз вещи Юминны, не подозревая, что помогает осуществить побег герцогской племяннице. А скандал разразится нешуточный, но из крепких гномьих рук беглянку вырвать никому не удастся.

Вечером Айриэ попрощалась с уезжающими завтра на рассвете гномами. Конхор зашёл напоследок выпить по кружке гномьего тёмного пива, а после торжественного распития, утерев усы и бороду, облапил магессу от души, до хруста в плечах:

— Ну, алмазная моя, не скучай тут без нас и гуляй с оглядкой. Непокойно мне, я бы лучше с тобой остался, спину тебе прикрывать. Зря не соглашаешься!

— Кон, я злая, а ещё жёсткая и невкусная. Врагам не по зубам, — отшутилась магесса.

Конхор не всё о ней знает и, пожалуй, даже хорошо, что на равноденствие его уже здесь не будет. Чем меньше народу посвящено в тайну, тем она сохраннее. Хотя если кто и заслуживает доверия, так это старина Кон. Магесса стиснула в ответ широченные плечи и добавила, чтобы успокоить встревоженного приятеля:

— Кон, я в «драконий» день непобедима. Почти.

— Вот я и говорю, Айнур-ра, будь осторожнее. А то понадеешься на своё «почти», тут-то тебя и подловят.

— Не каркай, старый ты ворон!

— Это кто ещё старый? — делано обиделся гном. — Я хорошо выдержанный, как южное вино! Мне всего-то сто с небольшим, помладше некоторых буду, между прочим!

— Твоя правда! — расхохоталась магесса. — Ну так признай наконец, что у меня опыта побольше будет и я знаю, что делаю.

— Горы-долы, да с тобой спорить — только время терять, — махнул рукой гном, — ты ж упрямая, как... дракон какой. Они, говорят, таким же мерзким норовом обладали, а вы в своём Ордене драконьего духа, небось, набираетесь!

— Что есть, то есть, Кон! — насмешливо фыркнула магесса, не уточняя, насколько она «пропитана драконьим духом». И уже серьёзно попросила: — Пригляди за девочкой, Конхор.

— Пригляжу, конечно. Эх, самому, что ли, на Стайфарр податься?.. А что, — воодушевился Неугомонный Кон, — может, и рвану за океан как-нибудь... Говорят, серпентесы наших на прочность испытывают. Завёлся у них там молодой королёк, сильный, но глупый, вот и лезет воевать, не доверяя опыту старших. Мол, я там самый могучий, а коротышки эти бородатые — тьфу и разотри, а не соперник.

— Глупый, — согласилась магесса. — Ничего, повоюет немного с вашими, поумнеет... если жив останется.

— Вот-вот, — поддакнул Кон. — Этот великий воитель воцарился в том племени, с которым мы издавна торговые дела вели, у них там лучшие сорта кофе растут. Так что таких партнёров терять невыгодно, проще уж молодого гупца уничтожить. А то сам не живёт спокойно и честным гномам не даёт, я уж не говорю про его собственных подданных.

— Так серпентесы же воевать любят, для них это самое интересное занятие.

— Не для всех, алмазная моя, то-то и оно! Это племя, Зиаланташ-Шайраг... Клаг Зеленочешуйчатых, если на Всеобщем, довольно мирное, мы уже лет двести с ними торгуем, и всё в порядке было. А тут нате вам, пожалуйста, королю придурошному повоевать

захотелось — и вся торговля, все договоры насмарку.

— Безобразие, — серьёзно согласилась Айриэ. — Форменное. Слушай, Кон, мне тут его светлость расписочку подарил на две сотни золотых — за уничтожение хогроша. Давай-ка я с вами поделюсь, вы мне крепко помогли. Так что это будет справедливо.

— Нет, Айнур-ра! — рыкнул гном, раздражённо дёрнув себя за бороду. — Из наших эти деньги никто не возьмёт! Во-первых, мы не ради денег старались, а во-вторых, брать кровавое золото от этого... шпайдах-брув-джадарт!.. — это себя не уважать.

Насколько Айриэ поняла, его светлость обозвали... нехорошим человеком. За дело, в общем.

— Разделяю твоё мнение, — согласилась она. — А знаешь, Кон, давай мы тогда эти денежки отдадим Юминне, ей пригодятся. У тебя гномья гербовая бумага с собой?

— Конечно, сейчас принесу!

Конхор исчез ненадолго и вскоре появился с листом так называемой «гномьей гербовой» бумаги, зачарованной, разумеется. Айриэ написала, что передаёт полученные ею от герцога Файханас двести золотых «корон» в дар Юминне Файханас, и приложила к бумаге ладонь. Лист засветился золотистым светом, считывая информацию о личности Айриэ и удостоверяя законность сделки. Вскоре дело было сделано, и Айриэ с чистой совестью вручила бумаги приятелю, чтобы тот уже в Фиарштаде отдал их в местный гномий банк. Приятно иметь дело с честными разумными существами, просто сердце радуется и душа отдыхает...

Кон спрятал бумаги за пазуху и заботливо напомнил:

— А ты не забудь, подружка, что обещалась в гости нагрянуть.

— Нагряну непременно, как только с делами разберусь.

— Ну, бывай тогда, алмазная моя! — Конхор ещё разок стиснул её в объятиях — на счастье, как он выразился.

Гномы уехали на рассвете, собираясь встретиться с Юминной в десяти милях отсюда, на перекрёстке трёх дорог. Но днём от них прилетел «письмоносец» с сообщением о том, что Юминна не появилась на месте встречи, и караван, прождав несколько часов, двинулся дальше. Если что, мол, пусть догоняет, гружёные повозки двигаются медленнее верховой лошади.

Айриэ тревожилась за девчонку. Что её могло задержать? Побег раскрылся и Юминну заперли? Это казалось наиболее вероятным объяснением. Надо будет потом разузнать осторожно, что там произошло. Самой магессе, разумеется, ничего не грозило в силу её высокого положения, даже если бы открылось, что она оказывала помощь в подготовке дерзкого побега из дома герцогской племянницы. Вообще-то говоря, формально Юминна давно совершеннолетняя и может распоряжаться собой по собственному усмотрению, но в аристократических семьях подобное свободомыслие категорически не приветствуется. Дочери и сёстры всегда были слишком ценным товаром, кто же их просто так отпустит? Пусть пользу роду приносят, укрепляя связи между знатными семействами...

Ближе к вечеру к Айриэ постучалась служанка с сообщением, что прибыл капитан Паурен и просит дозволения подняться к ней для разговора. Магесса сие дозволение даровала, и капитан вскоре появился. Увидев его, Айриэ поразились: на командире герцогских гвардейцев лица не было. Бледный как смерть, глаза испещрены сеточками лопнувших сосудов, морщины глубокие — как у семидесятилетнего старика, даже плечи ссутулились, хотя капитан всегда отличался истинно военной выправкой.

— Капитан, что-то случилось? — участливо спросила Айриэ, жестом приглашая его сесть.

Паурен тяжело осел на стул и медленно вытолкнул из себя, будто ему было больно говорить и каждое слово ранило язык до крови:

— Мэора Айнура... его светлость просил... соблюдать строжайшую тайну. — Поднёс руку к губам, будто вытереть воображаемую кровь, и магесса с изумлением отметила, что пальцы его заметно дрожали. — Сегодня нашли мэори Юминну... Она мертва, мэора. Убита.

— Корррявое Равновесие!.. Кто? — рявкнула Айриэ, давясь самой грязной руганью... если б она, ругань, могла тут помочь!.. Никуда ты, выходит, не поплывёшь, девочка, и Стайфарра не увидишь...

— Если бы я знал точно, мэора, я бы... — Капитан глянул лютым волком и продолжать не стал.

— Подозреваете кого?

— Мэора Айнура!.. Я вассальную присягу давал!.. — выкрикнул он с силой и вдруг притих, закончив едва ли не шёпотом: — Я не рассказываю посторонним о делах моего господина. Лично его светлость передо мной ничем не провинился — и я перед ним не стану.

Подозревает, но опасается сказать лишнее. За себя он не боится, капитан не трус и не подлец...

— К тому же у вас жена и дети, — негромко закончила за него Айриэ. — Хорошо, капитан, не будем о ваших умозаклечениях, расскажите мне только факты. Что передал герцог?

— Просил вас приехать, мэора. Он потому меня и послал, что не хочет посторонних посвящать, кроме королевских дознавателей. За ними пошлют, но только если мы не справимся своими силами. Его светлость, как властитель герцогства, может сам судить и карать, вы же знаете, мэора. Поэтому сначала он попробует разобраться сам. Это... семейное дело.

— Где это случилось, капитан?

— Её в замке нашли, мэора, — ответил он, отводя глаза.

Добавлять, что это кто-то из своих, он не стал, и так понятно.

— Как она убита?

— Увидите, мэора, увидите... так его, перетак и разэтак!.. Ножом... изрезали... Вот вы, мэора, говорили, что тварь, как крови человеческой напьётся, будет убивать снова и снова. А только, сдаётся мне, этот чёрный колдун — выродок похлеще той своей твари, что вы убили, мэора. Я ведь мэори Юминну вот такой крошкой знал... Она же никому никогда зла не желала... — Голос его дрогнул, и капитан отвернулся, яростно мазнув по лицу ладонью.

Айриэ решила плеснуть ему с четверть стакана «Южного янтаря» — очень крепкого лостренского вина, которое под настроение любил выпить Тин. Полбутылки ещё оставалось, вот и пригодилось. Капитан молча проглотил, даже не поморщившись, и кашлянул, сипло сказав:

— Спасибо, мэора Айнура. Ну что, едемте? Я, прошу прощения за вольность, попросил там, чтобы вашу лошадь оседлали. Знал, что вы не откажетесь...

— Ну и правильно, — одобрила магесса, прицепляя к поясу кинжал и надевая куртку — на улице было холодно, хотя временами даже солнечно. Всё дело портил резкий, сильный,

ледяной северо-западный ветер, гнавший с океана очередное ненастье. — Сейчас, погодите немного, только «письмоносца» отправлю, и можем ехать.

Она черкнула пару строк Конхору, что ждать ему больше некого, и обещала позже написать подробнее.

Герцог выглядел даже хуже своего капитана. Айриэ впервые видела его непричёсанным и без дублета, в одной мятой рубашке. Нос у него сильно заострился, делая герцога похожим на хищную птицу с его герба — так что казалось, будто этот старый ястреб вот-вот набросится на своих врагов с яростным клёкотом. Взгляд у него был застывший, какой-то неживой, будто смерть племянницы вытянула из него желание жить. Может быть, так оно и было, но Рольнир Файханас сейчас также очень напоминал человека, загнанного в угол, и в застывшем светло-голубом взгляде стыла твёрдая, как глыба льда, решимость.

— Мэора Айнура, благодарю, что откликнулись на просьбу прийти. — Его губы, казалось, двигались механически, произнося нужные слова, в которые сам герцог даже не вслушивался. Голос его звучал глухо и даже надтреснуто, словно где-то глубоко внутри него лопнула некая струна и сейчас фальшиво, бессильно дребезжала, искажая сам смысл сказанного.

— Где тело девушки? — Айриэ хотелось поскорее покончить с очередным фарсом, горчившим на языке жжёной, сухой коркой. Нет желания выслушивать гневные герцогские речи и обещания найти и покарать. Гибель племянницы его глубоко задела, но мага он продолжает выгораживать даже сейчас. Значит, это член семьи. Тот, кто дороже Юминны — из-за родственных ли чувств или же в силу полезности для рода, Айриэ не знала.

— Внизу... в старых подвалах, мэора. Я сам провожу вас. Я не хочу, чтобы кто-нибудь её видел... не сейчас.

— А когда? Герцог, вы же понимаете, что сохранить всё в тайне не получится?

— Нет, мэора Айнура, вы не так меня поняли, — покачал головой Файханас. — Я не собираюсь скрывать смерть Юминны, я просто не хочу, чтобы её видели — такой. Вы сами поймёте... Если её мать, Альдарра, увидит это... да и Эстор тоже — они этого не переживут. Я хочу, чтобы вы осмотрели тело, потом приглашу Лунных сестёр, они... займутся телом и исправят что можно.

Сейчас он точно не лгал. Герцог не хотел, чтобы родители увидели Юминну. Паурен сказал: «ножом изрезали». Значит, маг опять провёл ритуал, вытягивая магическую энергию из мучений жертвы. Видимо, тело выглядит страшно, и это зрелище, безусловно, не для глаз её родителей. Герцог, скорее всего, опасается, что они после такого имя мага скрывать не станут. Уж Эстор, как минимум, в курсе, кто маг, а может, и его достойная супруга также. Значит, надо будет переговорить с ними вдали от ястребиных очей Рольнира Файханаса и прозрачно намекнуть, что смерть их дочери — дело рук хозяина покойного хогроша. Весьма вероятно, что они перестанут покрывать преступника. Да и вообще, внести разлад в ряды врагов — это всегда выгодно. Пусть Файханасы перегрызутся между собой и приструнят, наконец, своего выродка, кто бы он ни был!..

Но за что убили девушку? Неужели за попытку побега? Да нет, это уж слишком бредово. Если бы Юминна попалась, её бы попросту посадили под домашний арест и поскорее попытались найти ей жениха. Нет, тут что-то другое. Вряд ли маг настолько обезумел, чтобы бросаться на своих, даже если ему срочно требовалась магическая сила для поддержания ослабевшего организма. Понятно, что маг пытается восстановиться, но для этого можно было бы убить, скажем, простого слугу или того же гвардейца, зачем же трогать племянницу

герцога, смерть которой неизбежно наделает много шума? Кто станет искать пропавшего слугу, если пустить слух, что тот сбежал из замка с какими-нибудь ценностями? Поищут для очистки совести, никого не найдут и успокоятся. Юминна — иное дело, её смерть просто так не скроешь... Злая насмешка судьбы: догадывайся герцог о намерении племянницы бежать из дома, тело, скорее всего, не нашли бы ещё долго. Кстати, послушаем, а как герцог объяснит обнаружение тела — всё-таки вряд ли посетители толпами ходят в замковые подвалы.

— Тело нашёл я, мэора, — сказал герцог, отводя глаза. — Это было... потрясением даже для меня, хотя я в молодости повоевал с орками на картивианской границе, в Союзническом Легионе, и насмотрелся всякого. Мой отец счёл, что его сыновья должны повоевать, чтобы зваться настоящими мужчинами. Поэтому сначала я прослужил в Легионе год, потом мне на смену туда отправился Эстор... Возможно, будь у меня хотя бы двое сыновей, я бы тоже так сделал... Но Орминд — единственный наследник, я не могу им рисковать.

— Да, это было бы неразумно, — покивала Айриэ и напомнила: — Итак, мэори Юминну нашли вы, герцог. Как именно?

— Да, мэора, простите, отвлёкся. Я спустился в подвалы, в лаборатории покойного магистра Стейрига. Там всё осталось в прежнем виде, магистр любил на досуге проводить магические опыты, а Орминд немного интересовался составлением зелий. Хотя не магу сложно добиться в этом деле серьёзных успехов, но для Орминда интересен сам процесс. Мой сын увлекается алхимией на любительском уровне и порой проводит внизу целые часы напролёт. Ну а я решил посетить лаборатории, ибо мне вдруг почему-то подумалось, что я смогу найти там некий след, зацепку... сам не знаю, мэора. Видимо, это было предчувствие. В лабораториях я ничего не нашёл, но увидел приоткрытую дверь в соседнее помещение. Меня это насторожило, такого не должно быть. Я вошёл, чтобы проверить, и... Она лежала у стены, в остатках изрезанного платья...

Герцог сдавленно кашлянул и умолк, избегая смотреть на Айриэ. У неё мелькнула мысль, что рассказ звучит не слишком убедительно и заставил бы её усомниться в правдивости и невинности Файханасов, даже если бы раньше она почему-то им верила.

— Герцог, вы же понимаете, что это кто-то из обитателей замка? Вряд ли у посторонних была возможность попасть в подвалы.

— Мэора Айнура, если можно, я не хотел бы сейчас об этом говорить. Мне слишком тяжело... Я надеюсь на вас и ваше обещание поймать преступника. Кем бы он ни был, — отчеканил он с железной решимостью. — Назовите мне имя, до тех пор я воздержусь от подозрений. Это... страшно, думать, что кто-то из твоих родных мог... Надеюсь, вы меня понимаете.

— Безусловно, мэор Рольнир, я вас понимаю, — заверила магесса, опять ощутив на губах привкус горького пепла. — Пожалуйста, проводите меня к месту, где вы нашли тело мэори Юминны.

В этой части замка магессе бывать ещё не доводилось. Очевидно, здесь давно никто не жил, комнаты стояли пустые — лишь поддерживался минимальный порядок, да и то по большей части с помощью бытового заклинания уборки, активировавшегося через определённый промежуток времени. Пустые, гулкие коридоры, серый камень стен — без картин и прочих украшений, минимум магических светильников. Это крыло имело вид аскетичный, старинный и таинственный, навевавший мысли об оживших страшноватых

легендах. Вот здесь, пожалуй, фамильные призраки смотрелись бы весьма уместно, особенно в подвальной части, куда вела узкая длинная лестница с выщербленными и вытертыми ступенями, что явственно указывало на человеческий новодел. Основная часть замка, в том числе и подвалы, были построены гномами, с вплетённым в стены заклинанием прочности. Лестницу же явно делали позже — возможно, взамен разрушенной. Иные боевые заклинания могли побороть даже гномью строительную магию.

Пройдя под довольно низкими арочными сводами, они вскоре очутились в той части подземелий, где некогда располагалась тюрьма. По обе стороны широкого коридора имелись камеры — клетушки с решётчатой или сплошной дверью. Некоторые из заброшенных камер сейчас использовались как кладовые для хранения неприкосновенного запаса продуктов, защищённых заклинаниями свежести. В других стояли бочки с вином, хотя основные винные погреба вряд ли располагались в бывшей тюрьме. Уж для вин, подаваемых к герцогскому столу, наверняка имелись специальные винные погреба, а здесь хранились припасы на случай непредвиденной осады. И неважно, что последняя осада замка, если верить рассказам Фирниора, была восемьсот лет назад. В конце концов, неурожай и голод случались даже в таком богатом краю, тогда эти припасы могли раздаваться нуждающимся подданным его светлости. Разумно, и если всё организовать правильно, избавляет от голодных бунтов и общего недовольства подданных.

Герцог остановился перед одной из дверей и загремел массивным ключом, с трудом проворачивая его в замке. Ещё на двери имелся огромный засов, правда, сейчас он не был задвинут.

— А где лаборатории магистра? — любопытствовала Айриэ, потому что до конца помещения оставалась лишь одна дверь.

— Дальше, мэора, — неопределённо махнул рукой Файханас, — если хотите, потом можете осмотреть их. А сейчас прошу! И, простите меня, мэора, но я с вами не пойду. Я за дверью подожду. Не хочу снова видеть девочку такой...

Он с силой провёл ладонью по лбу, будто стирая налипшую грязь, и отступил в сторону от распахнутой двери, пропуская магессу внутрь просторной комнаты. Возможно, бывшая допросная или даже пыточная, сейчас она пустовала, лишь у дальней стены были свалены какие-то мешки. Мимоходом отметив, что дверь с внутренней стороны почему-то была покрыта толстым слоем какой-то засохшей грязи, Айриэ прошла в комнату.

Юминна в светло-голубом, покрытом бурыми пятнами, висящем лохмотьями платье лежала на полу ничком почти в центре комнаты. Создавалось нехорошее впечатление, что как её сбросили, так она и лежала. Её, как и предыдущих жертв, наверняка перенесли сюда из логова мага, он же з-затейник, не где попало убивает, а в специально оборудованном помещении... корррявое Равновесие!

Подойдя, Айриэ перевернула мёртвую девушку на спину и убедилась, что пол под ней сухой и относительно чистый. По крайней мере, следы засохшей крови были только на разрезанном в нескольких местах платье. Лицо Юминны маг не тронул, но изо рта девушки, мучительно искривлённого, вытекла тонкая струйка крови и застыла, присохла бурой неопрятной полоской. Юминну перед смертью мучили, это несомненно, но, пожалуй, совсем немного — по сравнению с предыдущими жертвами. К мельничихе Зари маг был куда безжалостней. Может, дело было в том, что убить хорошо знакомую тебе девушку, родную по крови, гораздо сложнее?.. Трепетный какой, скажите пожалуйста...

Дверь за спиной магессы внезапно с силой захлопнулась, да так, что по комнате низкий

гул прошёл: дверь, как и все прочие, ведущие в камеры, была окована железом. Сразу же раздался скрежет: похоже, массивный засов вдвинули в пазы. Отчётливо проскрежетал ключ в замке, и всё стихло.

Очаровательно.

Его светлость всё-таки начал войну.

Корррявое Равновесие тебе в глотку и провернуть три раза!..

Активировав хороший, мощный щит, магесса подошла к двери и для очистки совести толкнула её. Дверь, естественно не шелохнулась, а Айриэ пристально разглядывала слой грязи. Охваченная неприятным подозрением, она ковырнула корку в нескольких местах и обнаружила под ней блестящую решётку из антимагиора — сплав, блокирующего магию. Очевидно, эта комната когда-то использовалась для содержания или допросов арестованных магов, а решёточку на двери специально замазали грязью, чтобы Айриэ не увидела её и не насторожилась раньше времени.

Хмыкнув про себя, магесса отошла от двери и немного постояла молча, прислушиваясь. Снаружи не доносилось ни звука. Но если от неё ждут глупых воплей с гневными требованиями немедленно выпустить, то им придётся разочароваться. Она не видела смысла зря тратить силы. Уж изображать равнодушие Айриэ научилась мастерски, а маска невозмутимости давным-давно приросла к коже, став вторым лицом. Она не обычный беззащитный человек, её магия при ней, пока не надели наручников из антимагиора. Кинжал, опять же, при ней, хотя это не оружие, а так, дополнительный шанс. Значит, можно спокойно подождать и поразмыслить, что затеял Файханас — за неимением других занятий.

Её заперли, скорее всего, чтобы нейтрализовать, потому что она подобралась к магу опасно близко. У герцога сдали нервы. Но на что он рассчитывает? Уморить её голодом? Глупо, «ответное проклятие» таким способом не обойти, он наверняка об этом знает. Тогда что он затеял? Ну, если ему что-то от неё надо, сам придёт и скажет, зло усмехнулась Айриэ. Она подождёт, ей спешить некуда...

Айриэ решила оттащить тело Юминны в дальний угол и накрыть его старой тряпкой, сдёрнутой с мешков. Её не коробило, что придётся делить одно помещение с мёртвым телом, уж покойники её никогда не пугали. Но при одном взгляде на убитую девушку хотелось выть от бессильной злости. Когда Айриэ волокла тело по полу, откуда-то из складок платья выпал нож необычной формы. Лезвие было волнистым, из синеватой стали, и покрыто засохшей кровью, а короткая толстая рукоять украшена тёмно-зелёным прозрачным камнем. Похоже на некое ритуальное оружие серпентесов. Из коллекции Фирниора позаимствовано?.. Убивали Юминну этим ножом, то-то разрезы на коже такие странные.

Бедная девочка...

В мешках обнаружили съестные припасы — хлеб, сыр и копчёное мясо, а также несколько бочонков с водой. Всё под заклинанием свежести, вполне годное к употреблению; ядов и прочих посторонних веществ магией не выявилось. Значит, голодом морить её пока что не собираются. Что ж, она не гордая, поест, когда проголодается — если просидит тут достаточно долго.

Она проверила стены на предмет скрытых глазков, обычных или магических, каких не обнаружилось. К ней никто не рвался с беседами и предложениями. Заперли и заперли, прямо-таки обычное дело. Желаете поиграть на нервах попавшейся в вашу ловушку магессы? Ну-ну, ещё неизвестно, кто у кого играть будет...

Она спокойно уселась на пол неподалёку от двери, у стены и прислонилась к ней

спиной. Сквозь зачарованную куртку холод камней совсем не ощущался. Хорошо, что погода сегодня выдалась противная, и она надела куртку. Вытянув ноги и устроившись поудобнее, Айриэ прикрыла глаза и опёрлась затылком о стену. На всякий случай, если за ней всё же наблюдают, Айриэ состроила самую благостную физиономию, будто не было для неё ничего желаннее, чем сидеть в запертой тюремной камере и ждать неизвестно чего. Щит она с себя не снимала, хотя это мощное заклинание пожирало немало магических сил. Ничего, резерв у неё всё равно восстанавливается быстрее.

Так прошло несколько часов. Айриэ периодически вставала, прохаживаясь по камере с таким видом, будто любит дивными картинами на стенах. Воображаемыми, да. Она заставляла себя оставаться спокойной, потому что злиться, рвать и метать смысла не было. Глупейшая ситуация, в которой она оказалась, вызывала досаду, но не страх. Опасаться следовало, дрожать — нет. Интересно, её удостоят беседы или решат просто запереть здесь на неопределённое время? Герцог не знает, но времени у него совсем немного. Сегодня двадцать восьмое число третьего Летника, осталось ещё два дня лета и Канун Осени. А если она вдруг просидит здесь до самого дня равноденствия, то его же светлости хуже. Айриэ попросту вышибет паршивую дверь своей магией, и никакие антимагиоры ей не помешают...

Это соображение весьма скрасило магессе её пребывание в запертой камере. Стены тут слишком толстые, заклинанием их не пробьёшь — разве что особо мощным, но тогда и её саму размажет по стенам, никакой щит не спасёт. «Письмоносца» отсюда не отправишь, сквозь такие стены они проходить не способны. В общем, самым разумным было спокойно ждать, раз уж предпринять ничего нельзя. Ну и, разумеется, назло врагам следовало сидеть и не терзаться — не дождётесь, дорогой герцог, не дождётесь...

Шум за дверью послышался, когда, по её ощущениям, было уже не меньше девяти вечера. Заскрежетало, лязгнула задвижка, и в верхней части двери открылось небольшое окошко, забранное снаружи толстой решёткой. Изнутри на железную решётку была наложена ещё одна, антимагиоровая. Захочешь запустить заклинанием, антимагический сплав не пропустит ни файербол, ни молнию, ни что-либо другое, так что его светлость мог чувствовать себя в полной безопасности. До поры.

Айриэ неторопливо поднялась на ноги и грациозно потянулась, подняв руки над головой. Непринуждённо покрутила шеей, разминая затёкшие мышцы, сунула руки в карманы куртки и устремила на герцога безмятежный взгляд. Тот молча стоял и смотрел на пленницу; его лицо было хорошо освещено — наверное, дополнительный светильник с собой принёс, раньше в коридоре было темнее. Файханас выглядел уставшим и осунувшимся, с набрякшими мешками под глазами, но магессу отчего-то не тянуло ему сочувствовать. И ледяной взгляд с прищуром по-файханасовски на неё не действовал. Герцог быстро это понял и заговорил первым, роня слова веско и равнодушно. Он не упивался тем, что Айриэ вроде бы оказалась в его власти, но и раскаиваться в содеянном не спешил, вопреки извинениям, формальным и насквозь фальшивым.

— Прежде всего, мэора Айнур, позвольте принести вам мои извинения за причинённые вам неудобства.

— О, — восхитилась Айриэ со злой весёлостью, — это теперь так называется?

— Называйте как вам будет угодно, мэора, — великодушно позволил герцог. — Суть от этого не изменится. Это именно неудобства, не более. Это ни в коем случае не враждебные действия с моей стороны и не нанесение вам физического вреда. Следовательно, я могу

рассчитывать, что «ответному проклятию» пока незачем просыпаться. Я прав, мэора?

— Пока что, — многозначительно подчеркнула она.

— Надеюсь, это положение не изменится, мэора. На вас не нападали и не собираются, у вас есть свет, воздух, вода и еда...

— ... чудесный труп в качестве молчаливого сотоварища по заключению, — подхватила она.

Герцог брезгливо поморщился.

— Мэора Айнура, прошу вас... Я крайне сожалею, что вынужден пока оставить тело Юминны без погребения, но ведь бедняжке уже всё равно. Не имеет никакого значения, похоронят её днём раньше или позже. А роль приманки она сыграла превосходно, признайте. Я мог бы заманить вас и каким-либо другим способом, но раз уж всё случилось именно так, пусть будет.

— Герцог, а на что вы, собственно, рассчитываете? — любопытствовала магесса, надменно приподняв левую бровь и выдвинув вперёд подбородок.

Файханаса сии гримасы не впечатлили, он и внимания, кажется, не обратил.

— Мэора, я не хотел бы ссориться с Драконьим Орденом.

— Однако вы это делаете, — заметила Айриэ.

— Надеюсь, что нет, мэора, — раздвинул он губы в быстрой улыбке, не коснувшейся глаз. — Как я уже отметил, вреда вам причинено не было. Максимум, могло пострадать ваше самолюбие, но умный человек на таких вещах не заикливается, не правда ли? Видите ли, мэора Айнура, вы просто мне... мешаете, прошу прощения за солдатскую прямооту. Мне требуется время, поэтому, увы, вам придётся... хм, сделать то, что вы первоначально делать не намеревались, скажем так. Но это пойдёт на пользу вашему расследованию.

— И как же вы надеетесь добиться от меня... уступчивости?

— Мирными переговорами, мэора. Исключительно мирными переговорами.

— Приступайте, — милостиво кивнула она. — Послушаю.

Её язвительный тон, кажется, нисколько не задевал герцога. Очевидно, перед разговором с ней он предусмотрительно запасся большой дозой терпения. Скажите пожалуйста, время ему требуется... Неужели он настолько наивен, что и впрямь надеется сохранить хорошие отношения с Орденом после подобной выходки? Это если не принимать в расчёт такую мелочишку, как покушение на короля.

— Мэора Айнура, как я уже сказал, я ни в коем случае не предприму против вас враждебных действий. Просто вы — ваша деятельность, точнее, — угрожает тем, кто мне дорог, поэтому я и принял меры по их защите. Через эту дверь вы не выйдете, решётка из антимагиора не позволит вам это сделать. Вы можете сидеть здесь, мне, в общем-то, этого достаточно. — Он неприятно усмехнулся и помедлил, ожидая ответной реплики. Не дождавшись, продолжил: — Из этой камеры есть и другой путь.

— О, вот как? — довольно равнодушно спросила Айриэ.

— Отсюда открывается потайной ход в древние катакомбы под замком. Вы узнаете, как туда войти, мэора. Более того, я дам вам проводника.

— Зачем, скажите на милость, мне туда идти?

— А вот здесь-то и начинается самое интересное, мэора. Там, в катакомбах, вы сможете найти логово мага, которого вы искали так долго. Доказательства его преступной деятельности и прочее.

— А вам какая корысть, герцог?

— Мэора, мой долг — помочь отыскать виновника ужасных злодеяний! — вскинул голову Рольнир Файханас, тряхнув благородными сединами. — Как вы можете в этом сомневаться!

— Действительно, как? — Скрыть сарказм в голосе Айриэ не потрудились, но её собеседник по-прежнему не собирался на это реагировать.

— Видите ли, мэора, об убежище мага мне стало известно недавно. — Он сказал это с такой честностью в глазах, что впору было самой устыдиться собственной недоверчивости. — Там наверняка имеются магические ловушки, но вы же сильный маг, вы справитесь! Из катакомб есть и другой выход, наружу. Найти его вполне несложно. Вы покинете мой замок, хм, кружным путём, позволив мне завершить необходимые дела.

Вот теперь и он не удержался, добавил в голос немного издёвки: похоже, гордому герцогу надоело молча сносить почти оскорбительный тон магессы, захотелось куснуть в ответ.

— Не опасаетесь, что я найду вашего мага? — негромко спросила она, пытаясь отыскать хоть тень страха в ледяных глазах Файханаса.

— Я надеюсь, что вы его отыщете!

Интересно. Ожидает, что она отправится по его прихоти блуждать в катакомбах и столкнётся там с чёрным магом? И обратно уже не выйдет? Или выйдет, но задержавшись, дав герцогу время... на что, кстати? Зачем ему всё это? Смерть Юминны дала недостающую энергию, и теперь маг готов повторить попытку покушения? А что, весьма вероятно... Значит, ей не стоит рассиживаться в камере, а нужно принять предложение его светлости и как можно скорее выбраться отсюда, чтобы быть в курсе происходящего. В конце концов, местные катакомбы не могут быть слишком обширными, здесь же не большой город, а следовательно, можно надеяться быстро отыскать выход.

Но на всякий случай надо изобразить нежелание туда идти, пусть-ка герцог её поугаваривает... Проверим, насколько сильно ему надо, чтобы она ушла через катакомбы, и действительно ли ему безразлично, если Айриэ останется в камере.

— Знаете, герцог, — светским тоном поведала магесса, — я подумала и решила, что мне тут у вас нравится. Прохлада, тишина, и всё необходимое для жизни имеется, как вы любезно заметили. Ну не станете же вы держать меня здесь долго? Это было бы неразумно. Раз уж, по вашим словам, вы так дорожите хорошим отношением Ордена.

— О, не беспокойтесь, мэора, надолго вы здесь не останетесь, — снова улыбнулся Файханас — улыбкой, похожей на хищный оскал. А ведь он заметно раздосадован. Будет подталкивать её к принятию нужного ему решения?.. — Что ж, остаться здесь — ваше право, отдыхайте, в таком случае. Можете не опасаться, вас никто не потревожит, мэора!

Яду в голос он добавил щедро. Не страшно, но на всякий случай магесса спокойно напомнила:

— Попытка «забыть» меня здесь или уморить голодом и жаждой пробудит «ответное проклятие». Пострадают все ваши кровные родственники.

— Ну что вы, мэора, ни один из ныне живущих Файханасов вас и пальцем не тронет, клянусь честью!

Честью он дорожит и попусту бросаться такой клятвой не станет, но это не значит, что Айриэ нечего опасаться.

— Наёмники — тоже не выход, — подчеркнула она и зевнула, деликатно прикрыв рот рукой.

— Ах, в самом деле, время уже позднее, мэора, вам нужно отдыхать, — с издевательской заботливостью отреагировал герцог на её зевок. — Счастливо оставаться. А мне, увы, предстоит ещё много работы. Необходимо закончить допрос преступника. Возможно, вам будет интересно узнать, что появились новые улики, и указали они на одного конкретного человека. Вы уже неоднократно вмешивались, мэора, — о, конечно же, исключительно из стремления к справедливости, я понимаю! Вы не позволяли допросить этого человека как полагается, но теперь, когда открылись новые обстоятельства, я просто не имею права пренебречь ими.

— Герцог, оставьте Мирниаса в покое, — сузив глаза, угрожающе процедила магесса. — Вы прекрасно знаете, что он невиновен.

— О нет, мэора, не знаю, — издевательски ответил Файханас, — откуда же я могу это знать? Допрос предполагаемого преступника ведётся, с ним никто не станет церемониться. Если он виновен, то признается в своих злодеяниях. Подпишет признание, а дальше его ждёт королевский суд. Я даже не стану судить его лично, чтобы меня не обвинили в пристрастности. Но за гибель моих людей и особенно дочери моего брата кто-то должен ответить!

— А если он невиновен, то сознается в чужих злодеяниях?..

— Мы стремимся установить истину, мэора, — надменно вскинул брови герцог.

Айриэ хотелось ответить: «Истину, нужную Файханасам», — но она сдержалась усилием воли. Бедняге Мирниасу не выжить, если она сейчас окончательно разругается с герцогом и открытым текстом обвинит его и семейство. Надо хотя бы попытаться выторговать жизнь молодого мага, бросить Мирниаса — подлость. Поэтому она гордо расправила плечи и шагнула ближе к двери, добавив в голос угрожающих ноток, уж этому она давно выучилась — так, чтобы дрожью пробрало даже отменного храбреца:

— Файханас, вы сейчас же отдадите приказ привести Мирниаса сюда!

Герцог невольно отодвинулся от решётки, но тут же спохватился и подавил страх. Да, он опасался её непонятной, пугающей магии, но держался хорошо, в трусости его не обвинишь.

— Вы не в том положении, чтобы чего-то требовать, мэора.

— Тогда поторгуюсь? — зло, резко улыбнулась она. — Если вам нужно, чтобы я полезла в ваши катакомбы, я это сделаю.

— Я бы не сказал, что так уж сильно нужно, — проговорил он медленно, но его выдавала легонько подёргивающаяся щека и бешено бьющаяся жилка у основания шеи. Он был взволнован, но играл осторожно — чтобы выиграть наверняка. Ей это не нравилось, но, в любом случае, лучше уж и сделать и сожалеть потом, чем терзаться о несделанном.

— В таком случае, мне не настолько уж сильно нужно, чтобы вы привели Мирниаса ко мне, — хмыкнула она. — Но вы его приведёте. В катакомбы я пойду с ним — или не пойду вовсе.

Герцог молчал какое-то время, очевидно, прикидывая, как ему будет выгоднее поступить. Потом всё-таки сдался:

— Хорошо, мэора магесса, извольте. Вы получите этого жалкого мальчишку, но я сомневаюсь, что он будет в состоянии куда-то идти. Его ещё не успели искалечить, только поугали, но ему и этого хватило. И не говорите потом, что я вас не предупредил!

— Это уже не ваша забота, герцог, — процедила она, стиснув зубы от ярости. «Не успели искалечить!..» Ваше счастье, если не успели...

— Неужели этот неумный мальчишка вам так дорог? — с удивлением поинтересовался Файханас, глядя на её исказившееся от гнева лицо. Кажется, он и вправду пребывал в недоумении. — Право, решительно не понимаю, чем он вам приглянулся. Впрочем, это меня никоим образом не касается.

Вот именно. Айриэ мнение герцога не волновало, тем более Мирниас вовсе не был ей так уж дорог. Просто жаль было талантливого артефактора, влипшего в неприятности потому, что у милейшего герцога не нашлось иной идеи, кроме как оклеветать невинного.

Его светлость кивнул на прощание и удалился, захлопнув окошко, а она отстранённо подумала, как, интересно, он собирается впустить в камеру Мирниаса. Ясно, что антимагиоровую дверь не откроют, опасаясь (весьма справедливо, к слову), что Айриэ воспользуется боевыми заклинаниями. Это на неё нападать нельзя, а она сама ничем не ограничена. Но поскольку намеревался же герцог как-то впустить проводника, он явно всё продумал заранее. Потайной ход, вероятнее всего.

Она почти угадала. Это оказался потайной люк в потолке. Айриэ подозревала, что там должно быть некое помещение — они спустились в подземелья на глубину, раза в два превышающую высоту потолка её камеры.

Примерно через полчаса герцог вновь появился у двери и сообщил:

— Мэора Айнура, выполняю вашу просьбу. Получайте вашего Мирниаса, его спустят сверху, через люк. Но я настоятельно прошу вас проявить благоразумие. Пожалуйста, отойдите к дальней стене напротив двери и встаньте, раскинув руки. Можете опереться на стену, только не двигайтесь, мэора. Вашего приятеля пристрелят из арбалета, если вы попытаетесь шевельнуться. Вы вольны им пожертвовать, если хотите, но предупреждаю, что выбраться из камеры вы не успеете, даже если владеете левитацией. Люк захлопнут раньше.

Айриэ пожалала плечами и встала так, как её просили. Она гораздо лучше левитировала посторонние объекты, себя — не очень. Если только совсем недолго и невысоко. Чтобы летать, нужны крылья...

Мирниаса обвязали верёвкой и спустили, не слишком заботясь о его удобстве. Едва его ноги коснулись пола, верёвку сбросили вниз, а люк захлопнули. Молодой маг на ногах не держался и завалился набок, ткнувшись лицом в пол, вскрикнул и затих. Выглядел он страшновато — пока его спускали, Айриэ успела заметить заплывший правый глаз, разбитые губы и ободранные, окровавленные пальцы, которыми он рефлекторно вцепился в верёвку. Сейчас он лежал так, что разодранная, вымазанная в крови рубаха сползала с его плеча, открывая глазу вспухшие кровавые рубцы, оставленные плетью.

Айриэ подошла, остановившись над Мирниасом, и зло взглянула на Файханаса:

— Будем считать, что вы действительно исполнили мою просьбу. Вам зачтётся, герцог. Что теперь?

— Теперь, я надеюсь, что вы, мэора, исполните ваше обещание.

— Прямо сейчас или подождём до утра? — скривила уголок рта магесса.

— О, конечно же, мэора, в спешке нет никакой нужды, но тот, кого я дал вам в проводники, уже готов и ждёт.

— Утром, — безапелляционно решила магесса. — Я желаю отдохнуть. Жду вас в семь.

— Что же, в таком случае, приятного отдыха, мэора! — прозвучало издевательски напоследок.

Айриэ не удостоила мерзавца ответом, мрачно рассматривая полумёртвого Мирниаса и попутно отвязывая от него верёвку. Что же, могло быть и хуже. Она оторвала кусок старой тряпки, очистила заклинанием, и смочила лоскут водой из жбана. Осторожно смыла кровь с лица и рук; ругнулась, увидев распухшие, посиневшие пальцы артефактора. Вроде бы не сломаны, уже хорошо. На запястьях широкие красные полосы, будто кожа обожжена — следы браслетов, блокирующих магию. Если ему внутри ничего не отбили, то не так уж страшно. Заживёт, дайте срок, особенно если магией полечить. Сам он лечиться не умеет, а она не станет здесь, на глазах у возможных соглядатаев. Позже в катакомбах можно попробовать, особенно если удастся избавиться от навязанного проводника. И если Мирниас сумеет откопать в себе хоть немного добрых чувств по отношению к магессе, из-за которой он, по большому счёту, и попал в эту переделку...

Айриэ попыталась осторожно повернуть Мирниаса так, чтобы заняться его спиной. Он

пришёл в себя и сдавленно простонал, уставившись на магессу диким взором. Зрачки его были расширены так, что почти скрывали радужку, а губы задрожали, когда он попытался сипло выговорить:

— В-вы, мэора?.. Или мерещитесь? А я по-прежнему в лапах герцогского сынка...

— Я, Мирниас, — вздохнула магесса. — Пытаюсь вас отмыть. Не бойтесь, кажется, от дальнейших пыток я вас избавила. Выкарабкаемся. Вы как?

— Паршиво, — буркнул он, опираясь на локоть. — Можно мне воды? Спасибо...

Он жадно присосался к подставленному кранику — бочонок Айриэ держала в руках — и закашлялся, забрызгивая пол розоватыми от крови каплями.

— Кровь откуда? Зубы у вас хоть целы?

Он откашлялся, отдышался немного и утвердительно затряс головой:

— Да... Меня по лицу пару раз приложили, а сейчас на губе ранка снова лопнула.

— Ещё что с вами делали?

— Мэора, ну вот зачем вам подробности? — болезненно поморщился он, глядя в пол. Передёрнулся, содрогнувшись всем телом: — Думаете, мне приятно... вспоминать такое?

— Ничего, разок вспомните пережитое, поделитесь, легче будет выкинуть из головы эту дрянь, — нарочито равнодушно сказала Айриэ и уселась на пол рядом с ним, обхватив руками колени.

— Ну наслаждайтесь, сами просили! — зло зыркнул он одним светло-зелёным глазом, потому что второй казался узкой щелкой с чёрным блестящим зрачком. — Меня, как выразился герцогский наследничек, ласково предупредили и дали время подумать над своим положением. А также о том, что лучше бы мне признаться в своих злодеяниях сразу. Дескать, меньше мороки им и мучений — мне. Подпишу признание, и мне позволят умереть легко и быстро. Мне проклятые антимагиоровые браслеты нагревали раскалёнными прутьями так, чтобы они кожу обожгли. Обещали сжечь руки до мяса... Пальцы в каких-то жутких тисках зажимали, обещали раздробить... медленно. Плетей десяток дали — вполсилы, опять же, как мне любезно объяснили. Просто чтобы я проникся... Могут торжествовать, я проникся, о да. Орал я как резаный и понятия не имею, как долго я бы продержался. Я бы им в чём угодно признался... Так что можете презирать меня, мэора, мне нечем гордиться... Дерьмовая мохнатая орочь задница!..

Он умолк и тяжело, со всхлипами дыша, вытянулся на полу. По телу его пробегала нервная дрожь, рёбра ходили ходуном.

— Знаете, Мирниас, — скучающим тоном поведала магесса, — несгибаемые, гордо молчащие герои встречаются обычно только в книгах. Патриотизменных, героизменных и пропагандизменных, да. Ну, в сказках ещё. А в жизни обычные люди ведут себя согласно нормальным физиологическим реакциям. Если нервные окончания раздражать определённым образом, кричать от боли совершенно естественно. Не вы первый, не вы последний.

Она наткнулась на странный, слегка ошалелый взгляд артефактора и удовлетворённо умолкла.

— Я так и знал, что вы скажете какую-нибудь гадость, — медленно произнёс он, не сводя с неё глаз. — Как ни странно, после ваших гадостей становится легче. Вот почему так, а, мэора Айнура?

— Вам лучше знать, — хмыкнула она. — Реакции-то ваши. Дайте-ка я вам спину осмотрю и промою заодно.

— Почему мы с вами... с-с-с... здесь сидим, мэора? — Спросил он, кривясь и с шипением втягивая воздух сквозь зубы — она приступила к обмыванию рубцов от плети.

Айриэ коротко рассказала о планах герцога.

— Зачем ему нужно, чтобы вы в катакомбы отправились?

— Не имею представления.

— Может, лучше здесь отсидеться?.. — неуверенно предложил он, поморщился от боли и сел, кое-как натягивая на плечи обрывки рубахи. Распухшие пальцы слушались плохо, и вообще его заметно потряхивало от озноба. Не то нервное, не то лихорадит от боли и слабости. — Вам-то они ничего не сделают.

— А вам?.. — приподняла брови магесса.

— А меня так и так... — Он не договорил.

— Я вас для чего сюда вытащила?.. Чтобы тут убили? Охота была стараться... К тому же, я пошла с герцогом на сделку.

— И что, станете выполнять обещание, данное этому?.. — Он проглотил ругательство.

Айриэ фыркнула:

— Мирниас, с чего вы взяли, что я должна терять уважение к себе из-за очередного встретившегося мне лжеца или подлеца? Самоуважение у меня одно, его за деньги не купишь.

— Резонно, — пробормотал он, зябко обхватив себя руками.

— Почему вас трясёт? Жар?

— Из меня магию вытянули...

— И вы молчите? — возмутилась Айриэ очередной глупостью юнца. — Вы же завтра идти не сможете. Давайте немного пополню резерв.

— Не надо!.. — шархнулся он, когда магесса потянулась к его губам.

— Пожеманьтесь мне ещё! — рывкнула она, потеряв терпение, и дёрнула его за волосы, притянув к себе.

От злости влила в него чуть ли не треть собственного запаса сил и только тогда догадалась проверить ауру Мирниаса.

— Корррявое Равновесие!.. — Айриэ ошеломлённо увидела, что аура как была бледной, еле видимой, так и осталась. — Мирниас, вы куда силы деваете?

— В смысле? — захлопал он ресницами и поморщился, машинально пощупав фингал.

— Всё, что я вам передала, бесследно исчезло. Ну-ка, посмотрим... Ах, вот оно что... — зловеще протянула она, обнаружив тоненький, едва заметный канал, по которому уходила энергия. — Моей силы насосаться решил, тварь!.. Ну, жри, не подавись только!..

Ухватив чужую нить, послала по ней простой, но эффективный импульс. Магу прилетит по ушам, в буквальном смысле. Не оглохнет, разве что на время, но брать силу без спросу долго не сможет.

— Украденное у меня впрок не пойдёт! — злорадно сверкнула глазами Айриэ. — Не люблю воров.

— Вы о ком?.. — испугался долговязый маг.

— Не о вас, успокойтесь.

Айриэннис выждала некоторое время и, натянув чужую нить, оборвала её, только гул пошёл. Не в реальном мире, а здесь, среди силовых нитей, где магия посверкивала цветными вспышками, рождая на небе всполохи, подобные полярному сиянию. Мирниас что-то почувствовал и попытался понять суть происходящего, не умея видеть и ориентироваться

здесь, но силёнок ему не хватило.

— Что это, мэора Айнура?

— На вас «маг-враг» нить повесил, чтобы силу тянуть. Мало сволочи убийства Юминны, не насосался ещё!..

— Меня в убийстве мэори Юминны обвинили... — сознался Мирниас тихо, с опаской, будто ждал, что Айриэ тоже поддержит эти обвинения.

— Файханас своего мага покрывает. Я же предупреждала, что из вас будут делать козлика. Но ничего, не переживайте я не позволю увеличить «узел» вашей гибелью... Я имею в виду, не позволю вас замучить, прихоть у меня такая!..

Мирниас покосился на неё и уточнять не рискнул, просто выдавил из себя «спасибо».

— Давайте, я вас снова подпитаю. Теперь уж сила точно вам достанется.

— А вы, мэора?

— Мой резерв к утру восстановится полностью.

Раньше, только незачем об этом распространяться. Она опять прижалась ко рту Мирниаса, потихоньку вливая в него энергию. Он застыл — напряжённый, каменный, шевельнуться боялся. И покраснел, вот же трепетное создание!..

— Всё, свободны, — наконец сообщила магесса, и он с облегчением в глазах отодвинулся. — Если хотите поесть, вон там хлеб и копчёное мясо. В углу — дыра в полу, это здесь туалет такой. В другом углу — труп, не наступите спросонья.

— Там — что?.. — его голос сорвался, изобразив некий взвизг.

— Ой, и кто ж меня за язык тянул!.. — досадливо возвела глаза к потолку Айриэ. — Труп. Юминны. Меня сюда осмотреть место преступления пригласили, так я и попалась.

— И вы так спокойно об этом говорите? — с ужасом воззрился он на магессу. — Там лежит убитая девушка, а вы...

— Убитой девушке вы уже ничем помочь не сможете. А я смогу заставить заплатить за всё её убийцу, но это, увы, единственное утешение. Поэтому поешьте и давайте спать, без истерик.

— Вы циничны. — Его передёрнуло.

— Практична всего лишь.

— Неужели вы, мэора, настолько бесчувственны?.. — тихо спросил он.

— Думайте что хотите, — безразлично ответила она.

Не настолько. Но вопли и стенания не помогут. Там, глубоко внутри, саднит и ноет, стоит только вспомнить жизнерадостную девочку, мечтавшую переплыть океан — и жить, и дышать горько-солонюватым воздухом свободы от навязанных правил. И легче не станет, даже когда её убийца сдохнет в муках, разве что чувство вины уползёт, поджав хвост, в самую глубокую нору памяти.

Айриэ сняла с себя куртку, решив, что простуженный спутник ей нужен ещё меньше побитого. Нашла пару мешков помягче, вместо подушек, и улеглась рядом с мрачно сопящим Мирниасом, щедро выделив тому краешек куртки — укрыться.

— Спасибо, мэора... и простите, я...

— Да спите вы уже! — с досадой оборвала его Айриэ. — И не отъезжайте от меня, прижмитесь боком, теплее же будет. Думаете, мне ночью мёрзнуть приятно?

Она немного лукавила, согреться можно было и магией, но зачем зря тратить резерв, когда рядом сопит живая грелка?

«Грелка», к слову, оказалась слегка бракованной. Мирниас, пока не заснул, кажется,

даже дышать старался через раз, но лучше бы не засыпал вовсе! Не успела магесса уплыть в мягкие, ласковые, пуховые объятия сна, как сотоварищ по заключению (если не сказать хуже — сокамерник) громко застонал во сне, потом и вовсе закричал, потому что ему снился кошмар, а проснуться не получалось. Айриэ потрясла его за плечо, но, видно, задела воспалившийся рубец, потому что Мирниас заорал, уже проснувшись. Правда, придя в себя, извинился и попытался отодвинуться, но был схвачен за драную рубаху и водворён на место.

Подобное повторялось ещё несколько раз за ночь: очевидно, бедняге артефактору снилось его пребывание в пыточной и вспоминалась испытанная боль, усугубляемая общим скверным самочувствием. Его трясло, он то и дело прикладывался к кранику, смачивая губы водой, и ёрзал, пытаясь устроиться поудобнее. Лежать на спине он не мог, а жёсткий, холодный каменный пол был плохой заменой тюфяку. Ну а когда он засыпал, повторялись кошмары и громкие стоны, а то и крики.

Айриэ умела уплывать в сон быстро и на любом ложе, но толку, если тебя будят, едва ты успеешь заснуть? Она стойко боролась с нечестивым желанием придушить Мирниаса, он даже слова упрёка от неё не услышал. Оба промучились большую часть ночи и уснули только под утро, а там и внутренние часы магессы сработали, дав понять, что времени примерно шесть утра. Айриэ, морщась и растирая нившие бока и спину, поднялась на ноги, чувствуя себя не на полтора века, а на полтора тысячелетия. Мирниас спал, хрипло и редко дыша, уткнувшись носом в согнутую в локте руку. Кажется, ему за ночь стало хуже, и Айриэ всерьёз задумалась, сможет ли молодой маг идти. Впрочем, если не сможет, она его потащит на себе, но как же магессе не хотелось попробовать себя в роли Шоко!..

— Сглазили меня, не иначе, — неслышно пробормотала она себе под нос, направляясь к дыре в полу. — Да ещё так заковыристо, что и сглаза не разглядишь. Почему я всё время должна сажать себе на шею этого недотёпу?..

Его светлость был пунктуален, явившись ровно в семь (по ощущениям Айриэ). Она к тому времени успела собрать мешок с припасами и облегчила его вес заклинанием. На всякий случай прихватила с собой и серпентесский ритуальный нож. Растолкала Мирниаса и заставила поест, хотя долговязый маг вяло протестовал. Сама она позавтракала с аппетитом, который не могли испортить никакие подозрения насчёт мотивов герцога отправить её неизвестно куда неизвестно зачем. Она не верила, что Файханас сдаст ей своего мага, но, может, надеется, что она «потеряется» в катакомбах с помощью навязанного проводника? Глупо, это тоже грозит «ответным проклятием». Интересно, про убежище мага он упомянул просто чтобы заманить её в катакомбы или «маг-враг» действительно обосновался где-то там?.. Скорее второе, место подходящее, уединённое и криков жертв никто не услышит, даже если «полог тишины» не ставить. Вполне возможно, что логово в катакомбах, надо будет поискать.

Его светлость был хмур, но выглядел отдохнувшим и посвежевшим, в отличие от магессы.

— Мэора Айнура, — вежливо склонил голову так, будто они находились на великосветском приёме.

Мирниаса он не удостоил и взглядом, чему молодой маг, кажется, только порадовался. Мирниас сидел, съёжившись у стены, и старался не привлекать к себе внимания.

— Не рада вас видеть, герцог, — небрежно кивнула Айриэ в ответ, — уж не обессудьте. Итак, я жду вашего проводника.

— Отрадно видеть, что ваши планы не изменились, мэора, — всё так же вежливо и

холодно сказал герцог. — Проводник сейчас присоединится к вам, но я хотел бы вначале предупредить вас кое-о-чём.

— Слушаю вас.

— Во-первых, мэора, хочу сообщить, что вы знакомы с человеком, который будет сопровождать вас. Это Фирниор. Во-вторых, я хотел бы попросить вас не совершать никаких опрометчивых поступков. Например, не пытаться взять Фирниора в заложники и шантажировать меня. Я не поддамся на шантаж, предупреждаю сразу.

Фирниор... Эта новость неприятно царапнула. Совершенно иррационально Айриэ не хотелось, чтобы юноша оказался замешан в грязные дела своей семьи. Но, разумеется, глупо было бы рассчитывать на это. Вслух же она сказала:

— Вот как, герцог? А вы рискуете... не собой, правда. Что, если я всё-таки захочу это сделать? Или просто избавлюсь от него в катакомбах?

— Значит, придётся рискнуть, — не выказывая возмущения, ответил он. — Мне будет жаль, мэора, если с Фирниором что-то случится. Но я учёл это заранее и решил, что риск оправдан.

— А ваш племянник знает, что вы так легко размениваете его — как медную монетку? — полюбопытствовала магесса, сузив глаза. Её ноздри затрепетали от гнева, и она постаралась успокоиться, не желая чересчур явно показывать свои эмоции.

Герцог промолчал. Не похоже было, что этот вопрос хоть как-нибудь задел его. Да, заботливый дядюшка у Фирниора... Впрочем, ей подобное только на руку. Если Фирниор ни о чём не знает, она попозже охотно его просветит касаясь родственных чувств, питаемых к нему двоюродным дядюшкой.

В потолке открыли люк и спустили туда Фирниора. Юноша не был обвязан, а повис на руках, держась за широкую жёсткую петлю. Верёвку мгновенно подняли обратно, а Фирниор, отряхнувшись, отвесил магессе безупречный поклон. Заметил Мирниаса и уставился на него с изумлением, сквозь которое явно проступал испуг пополам с сочувствием. Артефактор презрительно скривился и сухо кивнул, после уставившись в стену с деланным безразличием.

Айриэннис одарила герцогского племянника недружелюбным взглядом, заставившим Фирниора едва заметно сдвинуть брови. Вид у юноши сделался чрезвычайно упрямым, будто он поставил перед собой некую сложнейшую задачу и вознамерился непременно её решить. Вообще выглядел Фирниор усталым и каким-то потускневшим, от его обычной жизнерадостности и следа не осталось. Сейчас, пожалуй, его кузен Орминд смотрелся бы моложе, несмотря на разницу в пять лет. С собой у него был заплечный мешок, в ножнах на боку висел тонкий, недлинный и лёгкий меч, а одет юноша был в такую же «наёмническую» кожаную куртку, как у магессы, разве что серебряных заклёпок и накладок там было побольше.

— Если вы, рингир Ниарас, готовы, можем выступать, — высокомерно цедя слова, сообщила Айриэ. — Впрочем, я бы рекомендовала прежде попрощаться с телом вашей кузины, поскольку неизвестно, успеете ли вы вернуться до похорон.

Она с какой-то злобной радостью, от которой першило в горле и губы немели, подошла и сдёрнула ткань с тела девушки.

— Юминна лежит здесь? — Его глаза сделались просто огромными. — Но... Да, благодарю вас, мэора, я последую вашему совету...

Его побелевшие губы машинально произносили нужные слова, и он, как сомнамбула,

медленно приблизился. Метнул на герцога странный взгляд и тут же отвернулся к кухне. Усевшись на пол, он провёл кончиками пальцев по застывшей щеке Юминны и что-то беззвучно шептал, а глаза его потемнели, как море перед штормом, словно внутри у него ярился ветер — из тех, что с пугающей лёгкостью топят корабли, а на суше сносят целые дома и вырывают с корнем деревья.

Цепляясь за стену и пошатываясь, подошёл Мирниас и тоже что-то неслышно произнёс, прощаясь. Губы у него дрожали, взгляд был отчаянный и больной.

Фирниор на миг прикрыл глаза и поднялся на ноги, потом вернул ткань на место, укутывая кухню от посторонних взглядов. Ни на кого не глядя, он направился к тому месту, где на стене, слева от входа, примерно в футах от пола один из камней чуть выдавался. Отсчитав от него несколько шгук влево и вверх, Фирниор надавил на нужный камень. Часть стены со скрежетом отъехала в сторону. Пахнуло затхлостью и стылостью, а ещё магесса уловила отголосок гномьей магии. Потайной ход явно делали гномы. Фирниор вытащил переносной магический фонарь и вопросительно оглянулся на спутников.

— Мы можем отправляться, мэора, — хрипловато произнёс он. — Ваша светлость, я выполню ваше поручение, можете быть спокойны.

— Я на это рассчитываю, Фирниор, — только и сказал на прощание герцог и обратился к магессе: — На всякий случай предупреждаю вас, мэора, что ход за вами закроет Фирниор, а я отсюда заблокирую его так, чтобы с той стороны его нельзя было открыть.

— Возвращаться я и не собиралась, — уведомила его магесса и подхватила свой мешок. — Мирниас, вперёд! Опирайтесь на меня, не переживайте, справлюсь. Я, конечно, не Шоко, но почему-то мне тоже всё время приходится таскать вас на себе. Прямо-таки недобрая традиция какая-то. Это не вы меня сглазили случайно... по простоте душевной?

Мирниас покрылся красными пятнами и попытался гордо идти сам, но сия попытка бесславно провалилась. Айриэ запустила магический «светлячок», зависший над её макушкой, и почти затащила долговязого мага внутрь потайного хода. Фирниор нажал изнутри на несколько камней, и кусок стены медленно вернулся на своё законное место, отрезая их от камеры. Они прошли немного вперёд и остановились у первой развилки.

— Надеюсь, вы знаете, куда идти, рингир Ниарас, — сказала Айриэ, поймав странный, какой-то растерянный взгляд Фирниора.

— Я знаю, куда идти, мэора, — подтвердил он, всё так же глядя на магессу. — Но я хотел бы... Впрочем, простите, сейчас не время.

Он оборвал сам себя и тряхнул головой, будто прогоняя лишние мысли. Посмотрел на шатающегося Мирниаса, тяжело навалившегося на плечо магессы, и шагнул ближе.

— Мэор Мирниас, думаю, будет лучше, если я стану поддерживать вас, чтобы не обременять мэору Айнуру.

Маг дёрнулся всем телом и рефлекторно стиснул пальцы на плече Айриэ, так что она даже поморщилась.

— Ни от кого от вашего семейства я помощи не приму! — выдохнул он. — У вас ещё хватает цинизма предлагать мне...

Дыхание у него сорвалось, и фразу маг не закончил. Фирниор же смотрел абсолютно непонимающе; ресницы недоумённо трепетали, как крылья бабочки, устроившейся на цветке.

— Боюсь, я не совсем понимаю, о чём вы, мэор. Точнее, совсем не понимаю, — честно признался озадаченный юноша. — Что с вами вообще случилось, отчего вы в таком

состоянии?

Определённо, мальчика не во все семейные развлечения посвящают, удивился он искренне. Но Мирниас не поверил:

— Прекратите притворяться, мэор Фирниор! Можно подумать, вы не знали, что герцог приказал арестовать меня и притащить в пыточный подвал!

Лицо Фирниора словно окаменело.

— Что вы сказали?.. Но ведь его светлость точно знал, что вы невиновны... — медленно, хрипловато выговорил юноша. — Он не мог приказать пытать вас...

Мирниас зло скривился и сплюнул на пол.

— Только не говорите мне, что вы и правда не знали! Потрясающая наивность, не ожидал даже. Ваш разлюбленный дядюшка приказал, а его сыночек лично мной занялся. Я бы сказал, даже с удовольствием, чтоб его орки отлюбили раз двадцать да без нежности!..

Фирниор побледнел до молочной белизны с жутковатым синеватым отливом.

— Вы лжёте!.. — с силой выкрикнул он. — Орминд не мог! Он не способен на подобную гнусность!

— Ах, не способен!.. — прошипел Мирниас яростно. — По-вашему, наследничек чист и светел, как Лунный жрец перед посвящением? Ну, так я вас разочарую, мэор! Ваш кузен Орминд пытал меня сам, своими собственными руками, ничуть не боясь их замарать! И тиски сдавливал, едва не переломав мне пальцы, и плетью поработал — нате, любуйтесь!

Мирниас в бешенстве задрал рубаху и повернулся, демонстрируя рубцы на спине. От резкого движения едва поджившие корочки лопнули и вновь закровоточили, а молодой маг покачнулся и сел на пол, от слабости низко опустив голову. Оба — и он, и Фирниор тяжело, рвано и прерывисто дышали и нервно вздрагивали, хоть и по разным причинам. Мирниаса потряхивало от гнева, Фирниора... наверное, от рушившегося представления о мирке, в котором он жил до сих пор. Точнее, о людях, которые этот мирок заполняли и, пожалуй, казались незыблемыми опорами. Айриэ помнила, как он рассказывал о своём отце — с горечью, но давно с этим смирившись. Герцога же и Орминда он искренне любил, так что теперь ему нелегко было вынести падение своих кумиров с пьедестала.

Фирниор обвёл взглядом пол и стены потайного хода, будто отыскивая там выход из охватившего его душного отчаяния, и встретился глазами с Айриэ. Она даже вздрогнула от неожиданности — столько горечи и недоумённой обиды там отражалось. Магесса отвела взгляд, ей отчего-то стало неловко. А Фирниор откашлялся несколько раз, но вышло всё равно очень сипло, хотя, кажется, от чистого сердца:

— Мэор Мирниас, у меня с собой есть мазь для скорейшего заживления ран. Пожалуйста, позвольте вам её предложить.

— Я не думаю, что... — ершисто вскинул голову артефактор, но был безжалостно прерван.

— Мирниас хочет сказать вам большое спасибо, Фи... рингир Ниарас! — с нажимом произнесла Айриэ, и оба юнца сочли за благо промолчать.

Фирниор покопался в своём мешке и достал небольшую баночку с лечебной мазью. Магесса протянула за ней руку и молча принялась наносить на рубцы зеленатоватую, вязкую и тягучую мазь с резковатым, приятным запахом тимьяна, розмарина и ещё каких-то трав. Мирниас вздрагивал, но терпел, а потом сказал «спасибо», не оборачиваясь. Ну, будем считать, что поблагодарил обоих, усмехнулась магесса и вернула баночку владельцу.

— Мирниас, погодите, не надевайте ваши обноски, — остановила она артефактора,

попытавшегося закутаться в обрывки рубахи. — Я её вам сейчас магией почищу. Или вы сами умеете?

— Умею, мэора Айнура, но сейчас не могу. Резерв не увеличивается, — неохотно признался долговязый маг. — Я лучше пока воздержусь от заклинаний, а то вам опять придётся на меня тратиться.

Айриэ нахмурилась. Странно, за ночь резерв должен был начать потихоньку восстанавливаться.

— Мирниас, у вас с какой скоростью обычно резерв восстанавливается?

— Гораздо быстрее, чем сейчас.

Они понимающе переглянулись, одинаково опасаясь, что присосавшийся к Мирниасу «маг-враг» нанёс гораздо больше вреда, чем казалось поначалу.

— Он же меня не... «выпил»? — тихо, напряжённо спросил Мирниас. — Магия восстановится? Как вы думаете, мэора?..

— Думаю, что всё с вами будет в порядке, Мирниас! — бодро ответила Айриэ, честно стараясь не фальшивить. — Отоспитесь, отлежитесь, когда всё закончится, магия непременно вернётся. Кстати, вы не заметили ничего странного, когда из вас силу тянули? Может, понятно стало, к кому эта сила ушла?

— Мне в пыточной немного не до того было, — медленно произнёс Мирниас, поведя глазами в сторону Фирниора. — Но кое-что странное показалось, да. Настолько странное, что мне наверняка просто померещилось... от боли.

Магессе показалось, что артефактор и хотел бы что-то поведать, но не станет делать этого при Фирниоре. Ну что же, разумно, поговорить можно позже, если удастся избавиться от навязанного спутника хотя бы ненадолго. Мирниас глубоко вздохнул и поднялся на ноги, опираясь о стену.

— Держите свою одежду. — Айриэ как раз закончила чаровать и полюбовалась почти безупречной работой, заодно запустив очищающее заклинание. Пятна крови немедленно испарились. Мирниас с благодарностью принял рубаху и оделся.

Фирниор подошёл и молча подставил плечо, избегая смотреть магу в глаза. Тот поколебался, оглянулся было на Айриэ, но всё-таки опёрся на младшего Ниараса, хоть и вздёрнул презрительно нос. Мирниас, худой и встрёпанный, забавно возвышался над стройным, изящным Фирниором, но всё равно, вместе они смотрелись куда более гармонично, чем, как подозревала Айриэ, она сама — рядом с высоченным артефактором.

— Ну что, нам направо или налево? — поинтересовалась она у проводника.

— Налево, мэора, а потом прямо, до третьего поворота направо.

— Тогда вперёд!

Выстроенные гномами тоннели были ровными, сухими, в меру широкими и высокими. От основного коридора часто отходили какие-то боковые узкие ходы, то влево, то вправо. Айриэ гадала про себя, зачем предки Файханасов решили построить целую систему ходов, прямо-таки некий подземный город. Не так уж часто Файханас-Манор осаждали, это вам не на границе с орочьими степями жить. Столетия назад неоднократно случалось, что морские разбойники с севера Дилиании разоряли прибрежные селения, принадлежащие Файханасам, но до замка они обычно не добирались. Морские разбойники не бросали свои корабли, а судоходной реки, по которой можно было бы подняться от устья до замка, поблизости не было.

Айриэ подвесила второго «светлячка» над головами шедших — точнее, ковылявших — впереди неё юнцов, так что путь освещался достаточно хорошо. Хотя было бы на что смотреть: однообразные серые стены, кое-где в пятнах сырости, да сомнительного вида узкие боковые щели, в одну из которых им пришлось вскоре протиснуться. Впрочем, скоро ход расширился, и в нём опять можно было идти по двое, а то последние несколько минут взмокший от напряжения Фирниор тащил за собой еле перебиравшего ногами Мирниаса. Которому, кажется, было уже всё равно, что спутники видят его слабость, а на то, чтобы бодриться, сил не оставалось совсем. Дыхание молодого мага сделалось сипящим, неровным, а рядом с ним упрямо, как ёжик, пыхтел Фирниор, не выразивший ни слова недовольства, хотя вскоре ему пришлось ещё хуже. Ноги Мирниаса волочились по полу, а его верхнюю часть Фирниор взвалил себе на спину. Заплечный мешок болтался на одной лямке и наверняка нещадно оттягивал младшему Ниарасу правое плечо.

Полубовавшись некоторое время дивной картиной, Айриэ всё-таки позволила пробудиться в себе искорке милосердия. Если вначале она намеревалась дать Фирниору испить чашу до дна, то потом, по здравом размышлении, решила, что если проводник от усталости перестанет соображать и свернёт не туда, то ей же первой страдать. Хотя заклинание левитации отнимет немало сил, зато Фирниор успеет передохнуть, иначе у Айриэ на руках окажутся два полуобморочных юнца.

Почувствовав, что вес молодого мага перестал давить ему на спину. Фирниор от неожиданности дёрнулся и споткнулся. Обернувшись, он остановился, сипя, пытаясь отдышаться, и вопросительно уставился на магессу.

— Мэора Айнура... это вы сделали?.. Спасибо...

Мирниас завис в паре дюймов над полом, кажется, даже не осознавая этого. Его лицо приобрело зеленоватый цвет — изысканного оттенка нежной молодой плесени, что делало мага похожим на некую потустороннюю сущность. Казалось, ещё немного — и его силуэт начнёт просвечивать насквозь, как у настоящего призрака. Глаза у него были мутные, взгляд расфокусированный, а голова всё время норовила склониться на грудь, потому что сил держать её ровно не оставалось.

— Я не ради вас стараюсь, рингир Ниарас, — безразлично повела плечом Айриэ. — Мне нужно быстрее выбраться из ваших фамильных катакомб.

Младший Ниарас медленно кивнул и отвёл глаза.

— Простите, мэора...

Два слова канули тяжёленькими камешками в тёмные извивы коридоров и отразились

от стен странным беззвучным эхом, различимым где-то на самой границе восприятия. Звук вибрировал и нарастал, порождая неясное гнетущее чувство. Смесь вины, отчаянной безнадёжности и горькой обречённости поднялась мутной волной и обволокла Айриэ, мешая нормально дышать. Глаза резало и жгло, но ни слезинки не выдавилось, потому что — *нельзя, не перед ней... Глотай то, что поднесли тебе к губам в треснутом кубке обстоятельства, долг перед родом и злая прихоть судьбы, делающая тебя предателем перед...*

Айриэннис моргнула и потрясла головой, избавляясь от непонятно откуда взявшихся чувств и обрывков мыслей. Чужих. Будто и правда, эхо отразилось от стен и было услышано ею, только не обычным слухом. Странно. Почему её накрыло?.. Айриэ никогда не была телепатом. Точнее, если она бралась читать чужие ощущения, то делала это сознательно, к тому же это было настолько тяжело, что, право же, не стоило затраченных усилий. Вдобавок это было хуже воровства — лезть без спроса не в свои чувства. Мерзко и подло.

Айриэ не открывалась, не делала ни единого шага навстречу, не пыталась проникнуть в чужие мысли, к тому же **здесь и сейчас** ей это было недоступно. Так почему же её едва не залило той мутной пеной, что плескалась в эти мгновения у Фирниора в душе?..

Он догадался, непонятно как, вопреки логике и всем физическим и магическим законам, что Айриэ обожгло каплями **его горечи** — и кровь отхлынула у него от лица, а зрачки расширились, залив радужку пугающей чернотой. Он отчаянно замотал головой и, кажется, даже застонал тихонько, будто стараясь защититься от проникновения в его внутренний мир. Айриэ первой отвела глаза, давая понять, что не собирается ничего обсуждать. Не было ничего, и точка. Пригрезилось. Понял Фирниор или нет, её не слишком заботило, она злилась на себя и непонятно откуда взявшуюся чувствительность. Непрошеную, нежеланную, ненужную. Айриэ ненавидела копаться в чужих душах и впускать посторонних — в свою. Она и позволяла-то подобное, пожалуй, одному только Саэдрэ, да и то очень редко...

Фирниор молча двинулся вперёд и, несмотря на то, что Мирниас теперь плыл за ним по воздуху, удерживаемый за руки, казалось, что идти юноше стало намного тяжелее — не физически, разумеется. Айриэ держала заклинание, пока не истощила половину резерва, после чего, коротко предупредив Фирниора, вернула Мирниаса на землю. Молодой маг какое-то время шёл сам, только опираясь на плечо вымотанного Фирниора, потом опять впал в забытье, и его пришлось тащить волоком.

Фирниор вёл их очень странным, извилистым маршрутом, часто сворачивая в боковые ходы и вновь возвращаясь к широким коридорам. Или к основному коридору, если предположить, что он тут такой один. Тогда непонятно, к чему эти повороты направо-налево, запутанные петли и кружение по тесным, узким ходам, казавшимся втрое длиннее из-за медленного передвижения. Направление Айриэ даже под землёй чуяла неплохо и могла бы, пожалуй, довольно точно указать, где север, но запомнить дорогу не представлялось никакой возможности. Тогда она стала периодически оставлять на стенах магические метки — крошечные, видимые только ей.

Примерно в полдень сделали привал. Последние полчаса Фирниор передвигал ноги, кажется, исключительно из гордости, ибо физических сил явно не доставало. Что и говорить, долговязый маг был тяжёлым, несмотря на свою худобу, это Айриэ отлично помнила по прошлому разу. Сам артефактор даже не осознал, что его сгрузили на пол у стены, как мешок картошки, и глаз не открыл. Дышал он всё так же хрипло, редко и тяжело.

Айриэ развязала свой мешок, доставая воду и припасы, но Фирниору предлагать не стала, давая тем самым понять, что делить хлеб с тем, кому не доверяет, она не станет. Он сидел с окаменевшим лицом, взгляд отводил в сторону, а есть, кажется, не собирался. Только воды выпил из своей фляги, вытянулся на полу у стены и прикрыл глаза, сунув одну руку под голову. Айриэ неторопливо поела, прогулялась по своей надобности в узкий боковой коридорчик, примеченный по пути, и после убрала всё заклинанием очистки.

Мирниас всё так же сидел, скорчившись у стены, и магесса принялась выводить его из усталого оцепенения, похлопав по щекам. Никакого эффекта это не возымело, и тогда Айриэ, приглядевшись к тусклой ауре Мирниаса, решила его подпитать. Собственная магия вернулась уже на две трети от обычного резерва, а после еды и отдыха будет прибывать ещё быстрее. Так что Айриэ уже привычно ухватила за вихры артефактора и прижалась к его губам.

Определённо, иных спящих красавцев стоит будить поцелуями. Мирниас подскочил и быстренько ожил, хотя вырваться не пытался, по горькому опыту зная, что ему же будет хуже. Покорно вытерпев процесс подпитки резерва, Мирниас ожидаемо запунцовел и хрипло поблагодарил. Кажется, ему стало немного полегче. Айриэ отвернулась от мага, нащупывая мешок, и перехватила взгляд Фирниора. В глазах у него опять клубились тёмно-фиолетовые облака и бушевал вихрь непонятных чувств, а губа была прикушена до крови. Фирниор машинально слизнул красную капельку и тяжело сглотнул, отворачиваясь и скривив уголок рта в горьковатой усмешке.

— Мирниас, вам надо поесть, — добавив в голос строгости, велела Айриэ. — Резерв и так не пополняется, а если вы ещё и голодать будете, свалитесь намного раньше вечера.

— Да меня и так всю дорогу тащить приходится, — опустил голову Мирниас, послушно беря протянутый кусок хлеба с мясом. — Я для вас обуза, мэора...

Фирниор, кажется, окончательно расхотел спать и, пробормотав, что намеревается разведать дорогу, ушёл вперёд, в темноту. Фонарь, впрочем, он с собой взял, хотя мешок оставил.

Айриэ проводила его довольным взглядом и повернулась к своему спутнику:

— Рингир Ниарас покинул нас очень кстати. Мирниас, пока его нет, выкладывайте-ка, что вам показалось необычным в пыточной.

Молодой маг невольно поёжился при упоминании пыточного подвала, но послушно ответил:

— Мэора Айнура, я теперь и сам не пойму, не почудилось ли мне... Я говорил вам, герцогский сынок откровенно наслаждался моими криками. Он... будто слизывал мою боль, понимаете? Ну, как дети мороженое языком лижут или там леденец на палочке. Но, разумеется, он не жёстами это делал, только у меня впечатление похожее возникло. У Орминда просто лицо такое было... он наслаждался — каждым своим движением, причиняющим боль. Причём его даже не собственно причинение боли волновало, а то, что он мог посредством пыток из меня вытащить и... взять себе. Конечно, мэора, вы можете сказать, что мне тогда не до того было, чтобы такие вещи замечать, но я просто пытался удержаться... не рухнуть в страх, не поддаться сразу. Вот у меня мозг и цеплялся за всякие мелочи, чтобы отвлечься... А потом я почувствовал ужасную слабость и понял, что из меня вдобавок силу тянут. Ну и... мне снова показалось, что это к Орминду всё уходило. Только я к тому времени так одурел от боли, что и сам себе не поверил, — вполголоса закончил он. — За последнее я никак ручаться не могу.

Айриэ, прищурившись, смотрела в темноту коридора перед ними. Вот оно как интересно получается... Разумеется, Мирниасу действительно могло привидеться и почудиться, место и обстановка не располагали к вдумчивому изучению окружающего пространства. А если — не показалось?..

Додумывать она не стала — времени у них оставалось мало, вряд ли Фирниор ушёл надолго.

— Мирниас, я сейчас попробую вас полечить, — со вздохом сообщила она. — Только, понимаете, я могу исцелять при определённых обстоятельствах. Вы выпьете немного моей крови, не кривитесь так. Мне надо, чтобы пациент испытывал ко мне добрые чувства, иначе ничего не выйдет. Слушайте, Мирниас, я вас душевно прошу, постарайтесь забыть о вашей неприязни и вспомнить что-нибудь хорошее — обо мне, естественно.

Мирниас молча смотрел на неё, застыв, только светло-зелёные глаза распахивались всё шире и шире и проявлялось в них некое странное выражение, не поддающееся расшифровке. Должно быть, маг и сам бы затруднился с ответом, спроси его сейчас, что за противоречивые чувства его раздирают.

— Мэора Айнура... — наконец выговорил он хрипло и приглушённо. — Я... Вы ошибаетесь, мэора!.. Как я могу испытывать неприязнь — к вам?.. Я... я бы в вас влюбиться мог!..

Выпалил — и сам испугался; лицо пошло красными пятнами, а взгляд метался заполошной птицей. Ишь ты, влюбиться он бы мог. Начинается... На Айриэ повеяло старой-престарой тоской, пыльной и затхлой, от которой чуть саднило в горле. Тоска на сей раз была не чужой — собственной. Вот так прячешься-прячешься за нарочито неприметными личинами, выбираешь что-то относительно серое и скучное, но ведь непременно отыщется кто-нибудь не в меру глазастый. Не умеющий ни смотреть, ни видеть, на самом-то деле. Мирниас, да и Фирниор, кажется, тоже, безошибочно чуяли в ней нездешнюю экзотику, сверкающую и оттого почти непреодолимую притягательность иных миров, иных лиц и судеб, иных лун и чудес.

Таким вот глазастым удавалось поддеть краешек её маски — и заглянуть поглубже, и вдохнуть аромат невиданных под этим небом тайн... Беда в том, что они не видели под маской — её, Айриэннис. Настоящую. Зато влюблённость не мешала таким глазастеньким начать вести себя чересчур вольно, будто из-за своего чувства они получали право на её личность и внутреннюю свободу. Начинались просьбы и уговоры, претензии и обиды, да ещё с таким видом, будто они своей глупой любовью одолжение ей делали. А хоть кто-нибудь из них поинтересовался, зачем ей — любовь человека?.. Зачем пытаться сочетать несочетаемое? Пусть люди живут друг с другом, создают пары, разводят (ну или заводят) детей и делят быт. Пусть живут, пусть будут счастливы, ей же не жалко. Это замечательно, это правильно, это нужно — им. Но не ей, Айриэ, в этом-то всё дело. Зачем ей приземлённость, когда ей навстречу распахивается целый мир? Миры... и звёзды, и крылья, и свобода.

Нет, молодой маг пока не сказал и не сделал ничего, что могло бы расцениваться, как попытка набросить узду — на дракона. Мирниас едва ли осмелился бы что-то просить для себя, пока она не дала повода думать, что готова позволить ему приблизиться. Но если не задушить вовремя этот глупый, ненужный и такой прекрасный порыв, Айриэ в пятисотый или даже в тысячный раз придётся избавляться от чужой, надоевшей до скрежета зубовного и почти всегда одинаковой назойливости влюблённого. До чего же проще было с

Тианором... Он не требовал ответных чувств, потому что сам их не испытывал, а она нуждалась именно в игре, приятной и необременительной.

Люди живут так мало и быстро, что не успевают понять... Не стоит привязываться к ним по-настоящему.

Она не хотела прикасаться к чужим душам.

И сейчас она бы с радостью рывкнула грубо, зло и насмешливо на беднягу артефактора, чтобы смертельно ужалить едва зарождавшееся чувство. Но пока не могла. Ей нужно было его доброе отношение, а значит, придётся временно оставить всё как есть. Не страшно, впрочем, мальчик не успеет надеть глупостей, а скоро она уедет и забудет обоих надоедливых юнцов. К тому же второй вряд ли уцелеет...

Неслышно вздохнув, Айриэ сказала миролюбиво:

— Спасибо на добром слове, Мирниас, но не надо таких жертв. Вы лучше сейчас улыбнитесь мне, хорошо? Вспомните, например, как я на вас дивно шипела и язвила, когда нам случалось повздорить... ну или ещё что-нибудь столь же приятное!

Он не выдержал и рассмеялся, чем Айриэ тут же воспользовалась. Надрезала запястье своим кинжалом, справедливо полагая, что крови понадобится не так уж мало. Глаза Мирниаса изумлённо округлились — видимо, он не принял всерьёз её слова о необходимости выпить её крови. Айриэ поднесла запястье к его губам и велела непререкаемо:

— Быстро пейте, ещё не хватало зря кровь изводить на ваше дурацкое жеманство! Я знаю что делаю, не в первый раз лечу.

Мирниас с неожиданным благоговением обхватил её запястье и сказал церемонно:

— Мэора Айнур, это честь для меня. — После чего осторожно приник губами к ранке и принялся слизывать кровь, слегка щекоча кожу языком. Может, он пытался этой нехитрой лаской отблагодарить её, а может, случайно получалось, неважно.

Айриэ чуть вздохнула, вспомнив другие руки, загорелые, с изящными, но сильными пальцами. Чьи прикосновения порождали гораздо больше приятнейших эротических ощущений. Саэдрэ, друг верный, лучший мужчина из всех, что у неё были... Айриэ затопило волнами редко посещавших её нежности и ностальгии, и губы сами собой растянулись в улыбке. Она подозревала, что со стороны выглядит на редкость глупо, что косвенно подтвердил появившийся совершенно бесшумно Фирниор. Подняв глаза, Айриэ вдруг обнаружила, что юноша стоит на границе света и темноты и смотрит на них с Мирниасом диким, отчаянным взглядом, и скулы у него побелели, а губы снова закушены до крови. Фирниор медленно сделал шаг назад, потом другой, третий, пока не скрылся во тьме коридора. Фонарь он погасил.

Ну разумеется, и этот туда же. Айриэ неслышно выдохнула сквозь зубы, чтобы не спугнуть ничего не заметившего Мирниаса. Фирниор не мог подумать ничего иного, кроме того, что видит перед собой двух влюблённых. Один нежно обцеловывает запястье дамы, вторая взирает на это с идиотски-блаженной улыбкой. И млеет, да. Корррявое Равновесие, ну и глупо же получилось. С другой стороны, просто великолепно, хмыкнула про себя Айриэ. Потому что Фирниору вовсе незачем знать, как именно она лечит.

У неё ещё мелькнула мысль, что Фирниор теперь наверняка затаит зло если не на них обоих, то уж на Мирниаса точно. Надо будет приглядеть за мальчишкой. За обоими, хоть и по разным причинам...

Артефактор попытался было прервать процесс, но Айриэ не позволила. Ранка на

запястье небольшая, кровь уже едва сочится, а исцеляющее заклинание к этому времени залечило ему чуть больше половины повреждений.

— Маловато вы ещё моей кровушки выпили, Мирниас, — насмешливо сообщила она и взъерошила ему волосы на затылке. — Продолжайте, не стесняйтесь. Я скажу, когда хватит.

Он невольно рассмеялся, и плечи затряслись от смеха, а губы заходили ходуном, скользя по её коже, мокрой от крови и слюны.

Когда исцеляющее заклинание закончило работу, ни единого шрама, ни царапинки не осталось. Айриэ лично проверила, задрав ему рубаху на спине, отчего Мирниас снова залился краской смущения.

— Мэора Айнура!.. Спасибо вам!.. — выдохнул он благодарно и уставился на неё взором, полным немого обожания.

Айриэ мысленно покривилась и спокойно велела ему поесть, чтобы сбить романтический настрой вещами приземлёнными и обыденными. И уже опробованный коридорчик порекомендовала. Кажется, слегка помогло, долговязый маг перестал взирать на неё так, будто видел перед собой пятерых Лунных богинь разом. Он теперь мог передвигаться самостоятельно, хотя его и пошатывало порой. Но резерв так и не пополнился, более того, даже, кажется, уменьшился, хотя молодой маг не пользовался никакими заклинаниями.

Фирниор вернулся, когда артефактор был в боковом коридорчике. Не глядя на Айриэ, юноша достал флягу, глотнул, смочил губы и поморщился от боли, слизнув розоватые капли. Он был бледен и выглядел непривычно... погасшим, что ли — с застывшим лицом, стиснутыми зубами и ровным, холодным серым взглядом. А ещё — от него так и веяло угрюмой, мрачноватой решимостью, и хотела бы Айриэ знать, на что он там решился.

— Мэора Айнура, мы можем продолжать путь. Полагаю, мэор Мирниас скоро вернётся?

— Да, — кивнула магесса и наконец задала вопрос, который давно намеревалась озвучить. Раз уж сам проводник об этом не соизволил упомянуть ни разу. — Рингир Ниарас, мне отчего-то стало интересно: а куда вы, собственно, нас ведёте?

— Вперёд, мэора, всегда вперёд, — без малейшего намёка на улыбку ответил он.

— О... Этого трудно было не заметить, — с сарказмом отметила Айриэ.

— Прошу прощения, мэора, я не могу ответить на этот вопрос. Я дал слово.

Дядюшке любезному, разумеется. Айриэ зло прищурилась и поинтересовалась, не меняя тона:

— И что же, будете молчать, даже если вас будут пытаться?

— Я ведь уже молчу, — одними губами усмехнулся он.

Отвечать ей почему-то не захотелось.

Мирниас недолго шёл самостоятельно, быстро устал и начал отставать. Айриэ уже собиралась предложить свою помощь, хотя подозревала, что юнец станет хорохориться. Однако Фирниор её опередил и опять поддерживал артефактора, хотя сам устал едва ли не больше.

Почему молодого мага терзала такая слабость, хотя он теперь был вылечен от последствий пыток, магесса не понимала. Происходящее ей крайне не нравилось, и она в десятый раз изучила ауру Мирниаса на предмет проклятия, сглаза или чего-то подобного. Ни отпечатка гнусной Запретной магии, ни тёмного пятнышка на бледной ауре, ни следа на одежде. Почему медленно, но неотвратимо таял магический резерв Мирниаса, было решительно непонятно.

Так они тащились ещё около полутора часов, и Айриэ со смесью недовольства и некоего смутного уважения наблюдала, как спотыкающийся, тяжело дышащий Фирниор упрямо продолжает тащить на себе...хм, того, кого он полагал счастливым соперником.

И всё бы ничего, но коридоры и повороты стали казаться пугающе знакомыми. А потом Айриэ наткнулась на собственную магическую метку, поставленную здесь несколько часов назад.

— Рингир Ниарас, — начала она ровным, зловещим, ледяным тоном, — позвольте осведомиться, зачем вы водите нас кругами?

Юноша резко остановился, будто споткнувшись, и застыл, не поворачиваясь к ней. Спина его окаменела. Мирниас отпустил его плечо, прошёл чуть вперёд и привалился к стене, встав так, чтобы видеть лица обоих спутников. Он растерянно переводил взгляд с магессы на Фирниора. Неизвестно, что видел маг на лице проводника, но за себя Айриэ готова была ручаться: её душила ярость, и хотелось плевать драконьим пламенем, чтобы сжечь всю накопившуюся в этом месте гнусность, пачкающую даже тех, к кому грязь не должна бы липнуть...

— Оправдываться будете?

Он резко повернулся и с вызовом взглянул на магессу — напряжённый, истерзанный противоречивыми чувствами, но решивший идти до конца.

— Незачем, мэора.

— Что так? — презрительно скривила губы она.

— Потому что вы правы.

— Отрадно слышать, что ложью вы себя унижать не стали.

— Не привык, — шевельнул он побелевшими губами.

Айриэ резко выдохнула, стараясь сдержать гнев. Получалось плохо, оттого её голос даже ей самой казался колючим, царапающим горло и язык.

— Итак, повторяю свой вопрос: зачем?

Младший Ниарас упрямо сжал губы и молчал. Смотрел он куда-то поверх головы магессы, в невидимые в темноте проходы и коридоры файханасовских древних подземных лабиринтов.

— Не желаете отвечать? Могу сделать это за вас. Вам приказал герцог, это и так понятно. Он упоминал, что желает избавиться от меня на некоторое время, чтобы успеть сделать нечто запланированное. Новое убийство, быть может?

Фирниор судорожно дёрнулся, но продолжал молчать.

— Главным чудовищем, прикормленным вашим дядюшкой, был не хогрош, о нет. Его хозяин, — негромко проговорила Айриэ. — Могу предположить, что вы знаете или догадываетесь, кто этот выродок, убивший Зари и вашу кузину.

— Я не знаю, мэора, — надтреснутым голосом выдавил из себя Фирниор.

— Неужели? Позвольте усомниться. Это кто-то из вашей семьи, кто-то, кого его светлость готов защищать любой ценой и оправдывать любые его гнусности.

— Нет! Это не он! — выкрикнул Фирниор с силой и закашлялся.

Потом он вдруг странно захрипел и вцепился ногтями себе в горло, будто пытался протолкнуть внутрь немного воздуха, а тот никак не желал проходить сквозь стиснутое спазмом горло. Лицо юноши уже посинело от нехватки воздуха, когда всё закончилось так же неожиданно, как и началось. Юноша пошатнулся, но был вовремя подхвачен Мирниасом, в качестве ответной любезности, и потому удержался на ногах.

— Что с вами, Фирниор? — встревоженно спрашивал артефактор, вглядываясь ему в лицо, но ответа не добился.

Фирниор тяжело дышал, держа у горла напряжённую ладонь, будто ожидая в любой момент повторения странного приступа.

— Магическая клятва у него, — нехотя пояснила Айриэ. — Оставьте его в покое, Мирниас, сейчас он придёт в себя.

— Магическая клятва? — недоумённо нахмурился артефактор.

— Вы вообще чему-нибудь, кроме артефакторства, в своей Академии учились? — раздражённо поинтересовалась магесса. — Или раздел, посвящённый магическим клятвам и последствиям их нарушения, вы пропустили?

— Наверстаю, — мрачно пообещал Мирниас.

— Ну-ну, похвально, — ядовито одобрила Айриэ. — Итак, у нас здесь почти классический случай едва не нарушенной магической клятвы. Правда, отличается от классики тем, что магия была применена Запретная. Рингира Ниараса едва не убил сторожевое заклинание, призванное охранять принесённую им магическую клятву о неразглашении неких сведений. Юноша скончался бы в муках у нас на глазах, мы бы и ахнуть не успели, но, к счастью для него, фраза была построена так, что «удавка» только сжалась слегка, предупреждая. Если бы он попытался назвать имя, он был бы уже мёртв.

Фирниор раздражённо дёрнул плечом, но ясно было видно, насколько ему не по себе. Видимо, представил в красках, что случилось бы, нарушь он клятву. Не сознательно, но нечаянно проговорившись о том, что поклялся хранить в тайне.

Айриэ не то чтобы ему сочувствовала, просто многое для неё теперь стало понятно. Магическая клятва не позволит выдать тайну ни случайно, ни под пытками, ни тем более добровольно. По вполне понятным причинам её редко приносили, поскольку последствия её нарушения были самыми плачевными. Эту клятву не обойдёшь, не обманешь уловками, она приносится на крови и за нарушение берёт в уплату жизнь клятвopеступника.

— Давно вы давали клятву? — спросила она у Фирниора.

— Пять... лет... — прохрипел он, потому что голос всё ещё ему не повиновался — видимо, магическая «удавка» сдавила горло слишком сильно.

— Корявое Равновесие ему в глотку! — зло пожелала Айриэ и любезно пояснила, поймав недоумевающий взгляд Фирниора: — Герцогу вашему дражайшему! За то, что ловит тринадцатилетних мальчишек на любви к романтике и приключениям. Могу предположить, всё было обставлено как торжественная — почти «взрослая»! — клятва верности роду Файханас. Причащение к великим тайнам, желание быть достойным своих славных предков, возможность доказать, что в вас течёт та же благородная кровь, несмотря на утверждения вашего папочки, и всё такое прочее.

Она угадала, разумеется. Фирниор вспыхнул и яростно глянул на Айриэ, потом отвернулся, уставившись в стену. Губы его подрагивали и беззвучно шевелились. Мирниас с сочувствием похлопал его по плечу и предложил флягу с водой, за неимением чего-нибудь покрепче.

Магесса почувствовала себя неловко, почти сожалея о своей неделикатности. Возможно, следовало быть сдержаннее, но этот верный щеночек Файханасов сейчас пожинает плоды собственного легкомыслия. Впрочем, родню не выбирают, и он не мог сейчас предать род, даже если бы не был связан магической клятвой. Он будет верен герцогу и кузену до последнего, потому что не может по-другому. Такой уж, видно, уродился... Он

перестанет их поддерживать, только если убедится в их подлости.

— Мирниас, перейдите на магическое зрение и взгляните вот сюда, — велела она долговязому, давая время Фирниору прийти в себя. — Видите вон ту гаснущую нить, коричневатую? Да, именно эту. Так вот, это след магической «удавки», наложенной нашим затейником талантливый. Если бы клятва была нарушена, жизненная сила рингира Ниараса устремилась бы по этому каналу напрямик к чёрному магу. А вы, рингир Ниарас, молчите и не дёргайтесь. Вспомните, что ваш протестующий выкрик спровоцировал активацию «удавки». Мне ваш труп не нужен, толку-то с него. Поэтому требовать выдать тайну я не стану, а вам бы порекомендовала старательно обходить даже в мыслях то, о чём вы поклялись молчать. И выдать тайну, доверив её бумаге, тоже не пробуйте, если не хотите лишиться руки. Как минимум.

— С чего вы взяли, мэора, что я вообще попытаюсь выдать вам, абсолютно постороннему человеку, тайны, касающиеся лишь Файханасов? — оскорблённо вскинул голову Фирниор. — Моя верность роду пока что никем не поставлена под сомнение!

— Тайны, касающиеся Файханасов, принадлежали им ровно до тех пор, пока один из Файханасов не начал убивать ни в чём не повинных людей, а прочие — покрывать его преступления! — резко напомнила Айриэ.

Юноша побелел и со сдавленным возгласом отшатнулся. Айриэ и сама ощутила, как что-то опять царапнуло изнутри, будто уловила далёкий отголосок его боли. Мирниас несмело тронул её за рукав:

— Мэора Айнур, не надо, пожалуйста... Ему и так тяжело.

— Сам виноват! — рывкнула магесса, злясь уже на себя. Сделала несколько глубоких вдохов, успокаиваясь, и сказала, чтобы отвлечься: — Ладно, Мирниас, пользуйтесь случаем, продолжим урок. Видите, «удавка» сейчас тоже гаснет. Это скрытое заклинание, в неактивном состоянии не обнаруживается.

— Вот эта синеватая широкая полоса на шее? — недоверчиво, с затаённым страхом спросил Мирниас, магическим зрением глядя на светящийся след на шее Фирниора. К слову, на коже юноши также проявился сине-багровый след «удавки». На магов он не смотрел, тяжело дыша и тоже стараясь успокоиться.

— Именно эта. «Удавка» сожмётся в любой момент, стоит только близко подойти к возможности нарушения клятвы, пусть даже невольно, как рингир Ниарас. Мерзкая штука, скажу я вам, но иногда без магической клятвы не обойтись. Жизнь — пёстрое лоскутное одеяло, люди и обстоятельства бывают разные... Если кто-нибудь завладел вашей тайной и вы знаете, что он её не сохранит, но убивать вам этого типа не хочется, вынудите его молчать с помощью магической клятвы. Но вообще-то прибегайте к ней пореже, Мирниас, мой вам совет. Для мира полезнее.

— Надеюсь, и не придётся! — поёжился молодой маг. — Действительно, мерзость, особенно в исполнении чёрного мага. Надо же, собственного родственника не постеснялся бы «высосать»!

— Ну, «выпил» же он Юминну, — пожала плечами магесса. — Угрызения совести его давным-давно не мучают.

— Нет!.. — опять с болью крикнул Фирниор, не уточняя, что именно «нет».

Однако «удавка» всё-таки решила напомнить о себе, сжавшись пусть не так сильно, как в прошлый раз, но всё равно довольно чувствительно. Фирниор, кашляя и задыхаясь, рухнул на четвереньки и свесил голову, будто его мучительно выворачивало наизнанку.

— Мэора, неужели ничего нельзя сделать? — с сочувствием спросил Мирниас тихонько. — Он же не виноват, что у него такая родня. По-моему, его просто использовали, да ещё и «втёмную». Фирниор всегда мне казался самым приличным из всех Файханасов, он и... мэори Юминна.

Он сглотнул и отвернулся. Айриэннис вздохнула:

— Что здесь поделаешь... Хотя, если подумать, хм... Ну-ка, Фирниор, посидите спокойно, не крутите головой.

Она бесцеремонно ухватила юношу за подбородок, в запале назвав его по имени, хотя мстительно собиралась использовать только отстранённое «рингир Ниарас» — потому что видела, что его чуть ли не передёргивает от холодного обращения.

— Что вы собираетесь делать, мэора Айнура? — Мирниас даже шею вытянул от любопытства.

— Смотрите внимательно, может, и поймёте.

Айриэ ухватила обрывок силовой нити из «узла». Как всегда, взяла кончик уже оборванной нити — все целые следовало осторожно распутать и вернуть на место, но этим она займётся в день равноденствия. А пока сделала то, что было доступно уже сейчас: сожгла грязную магию, запачкавшую нить, и осторожно обернула вокруг шеи Фирниора, подсунув нить под всё ещё видимую «удавку». Связала кончики нити крепким узлом и тихонько подула, наполняя собственной силой. Сверкающее кольцо под удавкой стало плоским, мягко облекая его шею. Теперь следовало убедиться, что всё действует как надо.

Она осторожно обхватила ладонями его шею с боков. Забавно, кожа у него была совсем гладкая, нежная, как у девушки, а мышцы шеи довольно сильные. Юноша застыл и спросил очень напряжённо:

— Мэора?.. Что вы делаете?..

— Фирниор, сейчас проведём эксперимент. Попробуем защитить вас хотя бы от случайного удушения. Слушайте внимательно, как я уже сказала, мне ваш труп без надобности, в этой истории их и так предостаточно. Поэтому сейчас, когда я скажу, вы осторожно подумаете о том, о чём вспомнили в тот момент, когда сжалась «удавка».

— Я уже подумал, — сообщил он. — Простите.

— М-да, могла бы догадаться, — досадливо фыркнула магесса. — Скажи «не думай о зелёном таракане» — и кто тут же заполнит твои мысли?.. Стада зелёных тараканов, то-то и оно. Ну да ладно, неважно. Продолжим экспериментировать. Произнесите вслух: «нет, это не он!».

Фирниор послушно повторил, но без должного накала.

— Опять никакой реакции? М-да. Придётся рискнуть. Повторите то же самое, только по-настоящему, рингир Ниарас. С чувством. И сделайте вид, что собираетесь, произнести имя вслух, только остановитесь в последний момент.

— А если не останавливаться?.. — с какой-то странной полуулыбкой произнёс он. — Если я успею произнести первую букву, «удавка» меня задушит. Но вы услышите и поймёте, кто это. Не задумывались, мэора, что это намного проще?

— Не для меня, — равнодушно ответила она. — Лёгкий и быстрый путь — не значит самый простой. Да и потом, разве вы вдруг собрались рассказать мне то, о чём собирались умолчать?

— Я всего лишь предположил.

— Вот пусть это в области предположений и останется. Ну что, готовы? Тогда начали.

Лицо Фирниора посуровело — очевидно, он настраивался на нужный лад. Вспомнил о тогдашних словах магессы, собственном неверии в это — и выкрик получился очень натуральным. Фирниор **почти** начал произносить чьё-то имя, губы шевельнулись — и тут «удавка» наконец ожила. Айриэ едва не закричала, когда её ладони с тыльной стороны неожиданно обожгло невыносимой болью. «Удавка» сжималась и, кажется, прожигала ей руки до кости, и терпеть было почти невозможно, но приходилось. Сквозь застилавшую сознание пелену Айриэ всё же ухитрилась сообразить, что себя она вылечит без проблем, а вот если она сейчас позволит ему узнать, какую боль испытывает, то Фирниор из глупого благородства сбросит её руки и не факт, что выживет после этого.

А потом она осознала, что защитная полоска её заклинания, проложенная под «удавкой», прекрасно работает и защищает Фирниора от удушья лучше её собственных рук. Полоса из сверкающей силовой нити не позволяла «удавке» сжиматься слишком плотно и сдавить его горло. Драконья магия оказалась посильнее чёрной, и можно было считать, что эксперимент удался. Айриэ осторожно вытащила руки из-под «удавки», и защитная полоска вспыхнула ярче, стойко сопротивляясь попыткам сторожевого заклятия теснее обвиться вокруг шеи юноши.

Глаза Фирниора сейчас казались сумрачными, серо-лиловыми, над верхней губой выступили мельчайшие капельки пота, а жилка на горле пульсировала в безумном ритме. Он мелко подрагивал, но держался неплохо, сумев подняться выше своего страха.

— Что же, рингир Ниарас, могу вам сказать, что в ближайшее время смерть от сторожевого заклинания вам не грозит, если не нарушите клятву сознательно. Тогда моя страховка не выдержит, в остальных же случаях она защитит вас от ваших же порывов, — сообщила Айриэ нарочито спокойно, но, видит Равновесие, ей стоило немалых трудов выдержать ровный тон.

Он молчал, неотрывно глядя на её руки, где отпечатались широкие красные полосы. Кожа была сильно обожжена и уже покрылась пузырями. В запале отрешившись от боли, сейчас Айриэ в полной мере прочувствовала прелести последствий своей неразумности. Руки жгло и дёргало, но это ерунда, пережить можно. Криво усмехнувшись, чтобы не шипеть от боли и не напугать ещё сильнее обоих юнцов, в глазах которых сейчас отражался прямо-таки мистический ужас, Айриэ осторожно лизнула ожоги. С помощью её собственной слюны исцеляющее заклинание действовало лучше и быстрее. Через минуту от ожогов не осталось и крохотного следа.

— А теперь, рингир Ниарас, продолжим нашу беседу. Мы остановились на том, что ваш двоюродный дядюшка приказал водить нас кругами по вашим фамильным катакомбам. Как долго? Пока я не замечу? Ну так я заметила. Имею привычку оставлять на стенах метки, знаете ли. Дальше что предполагаете делать?

Его скулы порозовели, чёткие брови сдвинулись, обозначив глубокую вертикальную черту над переносицей.

— Я не собираюсь обсуждать это ни с кем, кроме герцога, мэора, — ровно ответил он.

— Побегите назад — посоветоваться с родичем? — поинтересовалась магесса.

Мирниас не выдержал, нервно хохотнул и засмутился, получив испепеляющий взгляд

— Да нет, мэора, думаю, не стоит терять времени, — не остался в долгу Фирниор, хотя иронизировал он с мрачным видом.

— Ответите вы наконец, куда там нас велено было завести? — устало спросила Айриэ, которой надоело язвить. И вообще всё надоело. Завтра тридцатое число, ещё Канун — и

всё... скорее бы!

Ответа ожидаемо не последовало.

Ну не пытаться же его, в самом деле.

Раздражённо выдохнув, Айриэ порылась в мешке и вцепилась зубами в ломтик копчёного мяса. Жуя на ходу, решительно двинулась вперёд, нимало не заботясь, следуют ли за ней спутники. Впрочем, помня о слабости Мирниаса, взяла не слишком быстрый темп. За спиной исправно топали и сопели, значит, вполне за ней успевали. Мирниас немного ожил и шёл без поддержки — давно бы пора, учитывая, сколько крови Айриэ он выпил. Она сжевала мясо, потом взялась за сыр: ей самой тоже надо было восстанавливаться, а еда и ещё крепкий сон — лучшее средство.

Айриэ для начала решила пойти по самому широкому ходу и вскоре вышла на него, ориентируясь по оставленным меткам. Вскоре она убедилась, что Фирниор действительно кружил вокруг основного коридора: при выходе из боковых узких проходов Айриэ порой обнаруживала свои метки. Что ж, пришла пора узнать, куда ведёт главный коридор, ведь не зря он здесь проложен. Вероятно, узкие боковые ходы тоже вели куда-то, но Фирниор ни разу не дал им пройти до самого конца, сворачивая раньше и закладывая причудливые петли в катакомбах.

Однако планы Айриэ совершенно неожиданно изменились, когда она почувствовала отголосок некоего странного зова, донёсшегося из очень узкого коридора, отходящего влево от главного. Это не был зов в прямом смысле слова, но нечто, уловленное десятым магическим нюхом. Или двадцатым. Смутное, слегка притягательное, расположенное где-то там вдалеке за тёмными извилами хода. Почему он не был прямым, непонятно, но коридор извивался, как змея. И вёл туда, где, как говорило её чутьё, находилось нечто интересное, притягательное и... знакомое? Хм.

Айриэ милостиво подождала чуть отставших спутников и протиснулась в узковатый коридор. Идти тут можно было только друг за другом.

— Мэора Айнура, куда мы идём? — спросил Мирниас, пыхтя и нависая где-то над её затылком. Он едва не наступал ей на пятки.

— Своего приятеля спросите, — посоветовала магесса. — Он в фамильных катакомбах прекрасно ориентируется, как я заметила.

Фирниор промолчал, ничего не ответив на выпад. Однако, когда коридор через некоторое время расширился и опять можно было идти свободно, юноша нагнал Айриэ и сказал негромко:

— Этот коридор, мэора, ведёт к древней сокровищнице Файханасов. Я понимаю, что, увидев эту дверь, вы непременно захотите войти, но... Мэора, она защищена мощными заклинаниями. Пожалуйста, не пытайтесь их взломать. Это настоящие боевые заклятия, они бьют на поражение. Они настроены лишь на правящего герцога и его наследника. Я был в сокровищнице лишь трижды, меня водил... Орминд. Поверьте, мэора, там нет ничего интересного... для вашего расследования. Вас же не ограбление герцогской фамильной сокровищницы интересует, верно?

— Не беспокойтесь, рингир Ниарас, я сама решу, что меня интересует, — нелюбезно ответила Айриэ и зашагала быстрее.

Коридор скоро закончился массивной дверью, которая прямо-таки сверкала от наложенных на неё заклинаний, видимых, разумеется, только магическим зрением.

— Мирниас, взгляните, любопытства ради, — позвала она артефактора.

— Ого! — уважительно заметил Мирниас. — Вот это плетения! Да, похоже, Фирниор прав, нам сюда соваться не стоит, да и незачем. Не станете же вы, в самом деле, в отместку грабить его светлость!

— Как сказать, — хмыкнула Айриэ, и Мирниас, тут же прекратив смеяться, с подозрением уставился на неё. Он уже успел убедиться на собственном печальном опыте, что драконьи маги крайне сумасбродны, а страдать от этого их спутникам.

— Мэора, что вы... — начал он и осёкся, подавившись собственными словами.

Айриэннис спокойно протянула руку и раздвинула изящное, густое плетение защитных заклинаний. Ощупав кончиками пальцев дверь, чуть-чуть потеплевшую при её прикосновении, магесса окончательно убедилась в собственной догадке. Ещё бы отголосок магии не показался ей знакомым и притягательным!..

— Мирниас, не смотрите на меня такими круглыми глазами, вы не филин, в конце-то концов!

По правде говоря, испуганно смотрели оба юнца, хотя Фирниор, разумеется, не мог видеть силовых нитей. Зато ему было достаточно, что она коснулась защищённой двери и каким-то чудом осталась жива.

— Мэора, как?..

— Мэора Айнура, это невозможно! Силовые линии защитных заклинаний нельзя отвести в сторону без вреда для себя!

— А я люблю творить невозможное, — несколько раздражённо отмахнулась Айриэ и повернулась обратно к двери. — Отвяжитесь от меня оба и помолчите хоть немного!

Разумеется, заклинания — на крови. Герцога и наследника, да и её собственная вполне подойдёт, но, видит Равновесие, встретить подобное здесь она не ожидала. Хотя, если подумать, удивляться нечему, замок-то построен ещё при драконах, следовательно, основатель рода вполне мог нанять их для обустройства фамильной сокровищницы. Надёжно, ни один вор не взломает, драконья магия посильнее любой прочей. Правда, для самих драконов эти заклинания тоже помехой не являются, но ни один уважающий себя дракон не опустится до воровства ценностей из чужих сокровищниц.

В очередной раз порезав себе палец (на эти заклинания никакой крови не напасёшься!..), Айриэ коснулась им силовых нитей. Те засветились нежно-зелёным, и двери приветливо распахнулись, а в помещении зажглись магические светильники. Рты у юнцов тоже изумлённо пооткрывались, когда магесса, оглянувшись, жестом позвала их за собой.

— Да вы, оказывается, просто идеальная грабительница, мэора Айнура, — слабым голосом заметил Мирниас, пытаясь прийти в себя.

— Кто это вам сказал, что я собираюсь взять отсюда хоть камешек? — надменно приподняла брови магесса. — И вам обоим не позволю, хоть рингир Ниарас с хозяевами сокровищ и в родстве.

— Я и не собирался!.. — тут же вскинулся Мирниас и смущённо сник, увидев усмешку магессы. — А, вы опять надо мной смеётесь, мэора... Ну, я сам виноват, вольно же мне каждый раз попадаться.

Фирниор делал вид, что происходящее его не касается, однако пальцы у него до сих пор подрагивали от волнения. Заметив это, он досадливо сжал кулаки и засунул их в карманы куртки, решительно проходя вперёд, в помещение сокровищницы. Айриэ наскоро проверила помещение магическим зрением на предмет ловушек, но ни явных, ни скрытых вроде бы не обнаружилось. Да и смысла в них не было, по правде говоря — если уж заклинание тебя

пропустило, значит, имеешь право здесь находиться. Ну или хотя бы тебе подчиняется магия создателей заклинаний... А если она тебе подчиняется, то пачкать себя воровством ты уж точно не будешь.

Помещение было довольно просторным, а все ценности хранились очень аккуратно. Нигде не было видно ни пылинки — следовательно, периодически активировалось заклинание уборки. Оружие висело на стенах, драгоценности и разные интересные вещицы были разложены на столах, застеленных бархатом. По сути, это был большой музей рода Файханас, где каждый экспонат был снабжён пояснительной табличкой, а рядом лежал свиток, где была записана история, связанная с данной вещью.

— О-о-о, просто дух захватывает! — уважительно протянул Мирниас, крутя головой по сторонам. — Фирниор, ваши предки собрали внушительную коллекцию ценностей!

— Здесь сокровищ не так уж много, но зато они самые дорогие — не по стоимости даже, но по ценности для рода, — пояснил Фирниор. — Здесь хранятся реликвии рода. Например, меч Эйдигира Неистового Ястреба — вон на той стене, видите, Мирниас? Правда, это не его любимый меч — с тем Эйдигира похоронили, как и полагается. Но это настоящее боевое оружие, Эйдигир сражался им не в одном бою. А вон там лежит ожерелье супруги младшего брата Эйдигира, подаренное ей на свадьбу кем-то из драконов.

Айриэ, любопытствуя, осторожно коснулась изящной вещицы из лунного серебра и драгоценнейших «звёздных камней». Камни словно мягко светились изнутри неярким сиянием, которое постепенно стало изумрудно-зелёным, хотя первоначально было серебристым. Действительно, магия Ушедших, пронесённая сквозь века. Ожерелье даровало своей первой обладательнице здоровье, долгую молодость и счастье в любви, хотя все прочие, кто носил его после, тоже получали крохи первоначального волшебства.

— Это ожерелье традиционно надевает на свадьбу невеста герцога или его наследника, — пояснил подошедший совсем близко Фирниор. — Говорят, мэора, что камни меняют цвет в зависимости от цвета глаз той, что носит ожерелье, но сам я ни разу этого не видел. Интересно, почему камни стали зелёными, когда их коснулись вы? Я помню, однажды ваши глаза казались то изумрудными, то золотыми попеременно... а сейчас, смотрите, мэора, камни становятся похожими на золотистые топазы. Не означает ли это, что на самом деле...

— Не означает, — ровно ответила она, не поворачиваясь к собеседнику. Догадливый какой. Драконьей магии драконьи же иллюзии нипочём, камни видят сквозь все маски... Только незачем Фирниору об этом знать.

— Что же, мэора Айнура, все имеют право на тайны, — негромко произнёс Фирниор. — Пожалуйста, не беспокойтесь, я буду хранить вашу.

— Хм, да мне и беспокоиться не с чего, — чуть насмешливо заметила магесса.

— Вот и замечательно, — заключил он и направился к Мирниасу, рассматривавшему что-то у дальней стены сокровищницы.

Айриэ пожала плечами и принялась осматривать сокровищницу, пытаясь уловить, что тут ещё такого интересного. Некое смутное чутьё подсказывало, что здесь имеется нечто скрытое. Почудилось, что ли? Странно. Ни простым, ни магическим зрением она не обнаружила ничего примечательного, не считая собранных сокровищ. Ну да, было тут с десяток интересных магических вещиц, но ничего сверхвыдающегося, а к Запретной магии отношения вещицы не имели. Мирниас тоже восхищался артефактами — точнее, наложенным на них плетением, но посматривал недоумённо: мол, для чего мы здесь?.. Если

бы Айриэ сама знала!..

Только посмотрев в пятый раз на портрет основателя рода, Айриэ заметила крошечный кончик чужого, не драконьего плетения, замаскированный под защитные чары. Портрет был огромный и, как пояснил Фирниор, неканонический и единственный прижизненный. То есть Эйдигир выглядел на нём жёстче, резче, надменней и злей, чем на изображениях более поздних. Те портреты, мол, изображали благородного и светлого Основателя рода, а Эйдигир был жестоким воином, не щадившим ни себя, ни других.

Айриэ характер и внешность первого Файханаса не интересовали вовсе, но она притворилась, что слушает рассказ, а сама в это время внимательно рассматривала плетения. Сокровищница была выстроена с помощью драконьей магии, но коридор, ведущий к ней — тот, извилистый — был делом рук человеческих. При этом основной ход прорыли гномы. Но, судя по всему, драконы были здесь раньше гномов — следовательно, к сокровищнице когда-то вёл и другой ход, драконий. И, похоже, именно он сейчас был скрыт за портретом Эйдигира и человеческим заклинанием.

Магический почерк Айриэ узнала. Работал всё он же, «маг-враг», пусть даже на первый взгляд заклинание было обычным классическим. Зато сила, в него вложенная — грязная; насильно отнятые у кого-то капли жизни.

— Ну-ка, молодые люди, снимите-ка портрет со стены и отставьте его в сторону. За ним находится потайной ход. Рингир Ниарас, что-нибудь знаете об этом?

— Нет, мэора, ничего, — покачал головой Фирниор. — Я никогда не слышал, чтобы в древнюю сокровищницу вёл другой ход.

— Его строили драконы. Гномий ход из замка, я так понимаю, был выстроен позднее. Вам лучше знать.

— Наверное, его светлость знает об этом, а мне не говорили.

Когда портрет убрали, Айриэ сняла чужую иллюзию со стены. Заклинание поддалось не сразу, пришлось вложить неоправданно много силы — так, что на белоснежной стене даже появилось выжженное пятно. Контуры двери проявились постепенно, а защитное заклинание на неё было наложено совсем простенькое. Айриэ лишь «дунула» легонько собственной силой, оно тут же рассыпалось.

Коридор за дверью был прямой, высотой семь футов, шириной — примерно четыре. Айриэ устремилась вперёд, не дожидаясь спутников. В стены были вделаны магические светильники, зажигавшиеся по мере приближения к ним, так что свои «светлячки» магесса пока погасила. Она рассчитывала, что этот ход ведёт наружу — да и куда бы ещё он мог вести? Если на дверях заклинания, то они тоже драконьи, следовательно, проблемой не станут. Ей категорически не нравилось действовать по плану его светлости. Мало ли что он там задумал, нечего зря врагов радовать исполнением их желаний, ха.

Они шли, пока коридор не вывел их в небольшой круглый зал. В стенах имелись ниши, в которых стояли каменные скамьи, а больше ничего примечательного здесь не нашлось. Но на стенах и потолке были древние, однако прекрасно сохранившиеся благодаря магии фрески — с изображением драконов в их крылатой ипостаси. Серебристые, золотые, чёрные, густо-фиолетовые и зелёные драконы танцевали в солнечных лучах или под светом звёзд, над зелёными лесами или пронзительно-синими морскими далями. Айриэ хмуро глянула на них и отвернулась, а вот спутники, похоже, застряли надолго. Особенно Фирниор, так и прикипевший к фрескам. Он застыл, не сводя тоскливого, жадного взора с крылатых созданий.

Айриэ коротко выдохнула и почти упала на одну из скамей. У неё заныли стиснутые губы и кончики пальцев, напряжённо вцепившихся в край сидения. Вдоль позвоночника словно острой, иззубренной стрелой провели — так почти физической болью отозвалась острая тоска и невозможность освободиться прямо сейчас, сию секунду, чтобы рвануться вперёд и вверх — позабыв о рутине, спутавшей по рукам и ногам...

— Мэора?.. Мэора Айнура?.. Что случилось?

Сквозь застилавший сознание туман назойливо пробивались встревоженные голоса юнцов, и Айриэ заставила себя усмехнуться онемевшими губами:

— Не переживайте, мэоры, со мной всё в порядке. Будет.

Артефактор успокоился, Фирниор же упорно не сводил с неё встревоженных глаз. Вот же прицепился, какое ему дело до её состояния. Айриэ не любила выглядеть слабой или уязвимой, и ещё менее — заострять на этом внимание.

— Но почему вы так внезапно...

— Неважно, рингир Ниарас. Сменим тему. Советую воспользоваться этим временем для отдыха и ужина. Потом мы пойдём дальше — полагаю, ход вскоре выведет нас на поверхность.

— Хорошо бы, — мечтательно вздохнул Мирниас, извлекая из мешка припасы.

Они неторопливо поели, потом Фирниор угостил их плитками тёмного горького шоколада — судя по клейму, от лучшего столичного кондитера. Мирниас обрадованно вцепился в угощение, заметив, что целый год такого не видел, а Айриэ сухо отказалась.

— Не желаете делить пищу с врагом? — скривил уголок рта Фирниор. Отказ магессь задел его сильнее, чем можно было предположить. Лицо застыло потемневшей, неподвижной маской, голос звучал — будто песок сухой, шершавый сыпался.

— Именно, — жёстко усмехнулась она и поднесла к губам флягу с водой.

Они посидели, отдыхая, ещё с четверть часа. Камень скамей казался тёплым на ощупь — видимо, из-за заклипания; сидеть было приятно, не то что на обычных холодных камнях.

Они уже собирались отправиться дальше, когда из коридора впереди послышался вначале слабый шорох, вскоре превратившийся в ясно различимое шарканье нескольких пар ног. Будто кто-то тащился по коридору, по-старчески подволакивая ноги, однако приближались они слишком резко для утомлённых жизнью старцев.

Айриэ, насторожившись, некоторое время вслушивалась в звуки шагов, и услышанное ей не нравилось. Обычные люди так не ходят. И здесь — не ходят. Она быстро передала Мирниасу серпентесский нож — какое ни есть, а оружие, и навесила на юнца магический щит. Активировала свой и приготовила парочку файерболов, чтобы мгновенно метнуть их, если понадобится. Фирниор уже стоял с обнажённым мечом, ненавязчиво выдвинувшись вперёд и закрывая магессу от возможной опасности. Ухмыльнувшись — защитничек нашёлся! — Айриэ потеснила его плечом и встала рядом, уставившись на тёмный коридор. Ей не нравилось, что светильники не активировались, хотя шаркающие неизвестные были уже совсем рядом. Это точно не люди. Не живые, по крайней мере. Поколебалась, но всё-таки в последнее мгновение набросила щит и на Фирниора, хотя тратиться было неразумно. Держать три щита и при этом сражаться, если понадобится...

Ещё как понадобится. Из коридора в зал выкатились странные существа — приземистые, не выше четырёх футов, на коротких толстых ножках, больше похожие на неровно слепленные комки земли с торчащими лохмотьями корней, каких-то веточек и палочек. Было их одиннадцать, и, несмотря на забавный и даже нелепый вид, они казались

опасными. Внушительная голова-котёл, два круглых, горящих красным глаза, нос как бугристая картофелина вроде бы не внушали особого опасения, но всё дело портила огромная пасть, полная острых зубов, и хищное выражение морд, явственно различаемое, хотя мимика этих существ совсем не походила на человеческую. От них нестерпимо воняло тухлым мясом и чем-то вроде гнилой капусты, да так, что глаза в первый момент заслезились. Потом ничего, притерпелись, хотя смрад как раз был меньшим из зол.

Существа, не рассуждая и не колеблясь, бросились на людей. Вспоенные кровью, они жаждали только её — сейчас, здесь, любой ценой, не задумываясь об опасности. Думать им было нечем, к слову, но жуткий, потусторонний голод управлял ими лучше любого рассудка. Айриэ вспомнила наконец, что подобные существа водятся в одном из Нижних миров. Кхайгаши, или земляные демоны. Неразумные, жестокие, вечно голодные, они питались кровью представителей разумных рас, и могли подчиняться чёрному магу, вызвавшему их в свой мир, если маг хорошо и регулярно кормил своих «союзников».

Магесса метнула в кхайгашей файерболы с обеих рук одновременно, и два лохматых комка вспыхнули с жутким воем. Прочие шарахнулись в сторону и засветились мертвенно-синим светом, активируя антимагическую защиту. Теперь тварей так просто заклинаниями не убьёшь, скверно, а всего хуже, что их царапины ядовиты, особенно для людей, и яд так просто из крови не выведешь. А резерв у неё не бесконечен, и придётся пока вложиться в защиту.

Айриэ влила силы во все три щита, одновременно отступая назад, за спины спутников.

— Убивайте их оружием, я обеспечу защиту! — крикнула она. — Мирниас, метьте в глаза, но осторожно, когти кхайгашей ядовиты. Пока я держу щиты, вас не поранят, но убивайте быстрее, моего резерва надолго не хватит.

Фирниор уже яростно кромсал мечом неподатливую, чересчур подвижную тварь-колоду, первой бросившуюся на него. Он отбросил носком сапога второго кхайгаша, и тот отлетел назад, роняя ещё двоих сородичей, но первый уже успел вцепиться зубами ему в левый рукав. Зачарованная куртка не поддавалась, а щит Айриэ не позволял страшным зубам вонзиться в тело, поэтому кхайгаш только тряс башкой и мусолил руку, не понимая, что не способен прокусить её. Фирниор нанёс несколько ударов по корпусу, пока до него не дошло, что это неэффективно: несколько отломанных корешков не в счёт, а туловище твари мечом не пробивалось. Тогда он догадался обрушить страшный удар сверху, и голова твари раскололась, как гнилая колода, а наружу хлынула странная, вонючая, полупрозрачная слизь.

На юношу тут же набросились трое других, и он едва не рухнул на пол, пошатнувшись от мощного толчка. Айриэ, прятавшаяся за его спиной, высунулась, улучив момент, и вонзила свой кинжал в глаз одного из противников. Тварь утробно взвыла и, мотнув башкой, едва не вывернула кисть Айриэ, намертво вцепившейся в оружие. Фирниор опять пнул одного из земляных демонов и отрубил голову другому, а Айриэ повернулась к Мирниасу и увидела, что артефактора повалили на пол и треплют — сразу четверо, больше мешая друг другу. Туши тварей были тяжёленькими, так что Мирниаса вполне могли и придушить ненароком. Хорошо ещё, что твари безмозглые, не то бы людям пришлось солоно.

Магесса бросилась на выручку долговязому недотёпе, одновременно вливая сил в его истончившийся щит. Если бы он хоть сам мог держать свои щиты, было бы куда легче, а так её резерв скоро иссякнет. Айриэ подскочила к одному из кхайгашей и, оттянув его голову назад, вонзила кинжал в глаз не ожидавшей нападения твари. Остальные трое, временно оставив свою жертву, накинулись на новую противницу. Кинжал Айриэ удержать не сумела,

спасая руку от перелома или вывиха, и сама свалилась под тяжестью трёх вонючих колод, щёлкавших зубами у самого горла. Они рычали и отпихивали друг друга, борясь за право первыми вцепиться в желанную добычу, но магесса таковой становиться не собиралась. Подтянув колени к груди, она резко выпрямила ноги, заставив одного из земляных демонов отлететь к стене. Тот шарахнулся о стену головой — да так, что слизь во все стороны брызнула, а сам кхайгаш тяжело осел на пол. Двое других обрадованно вцепились в куртку Айриэ и трепали её, стараясь добраться до тела и не понимая, что этому препятствует.

Подскочивший Фирниор обезглавил сначала одного кхайгаша, потом ударил по голове второго, но меч застрял. Пока Фирниор отчаянно дёргал его, стараясь вытащить, к нему подкатился один из двух уцелевших кхайгашей, а магесса поняла, что резерв исчерпан — и с ним их защита.

— Фиор, сзади! — рывкнула она, вскакивая на ноги и пиная тварь. — Щиты истончились, сейчас исчезнут!

— Понял! — отозвался он, обрушивая удар наконец высвободившегося меча на предпоследнего земляного демона.

Последний, внезапно поняв, что добыча чересчур опасна для него, одинокого сиротинушки, юркнул обратно в коридор, из которого явился. Фирниор ринулся было сзади, но Айриэ ему запретила.

— Щиты не действуют, Фирниор, а если кхайгаш оцарапает, то вытащить вас будет очень сложно. Подождите, никуда эта тварь от нас не денется. Мы всё равно пойдём туда, только отдохнём немного. У меня резерв быстро восстановится, — тяжело дыша, объяснила она.

Юноша согласно кивнул и, обернувшись, поискал глазами Мирниаса. Артефактор так и валялся на полу, не подавая признаков жизни, хотя Айриэ видела, что он просто без сознания. Наверное, твари его всё-таки слегка помяли, да и вообще, Мирниас был пока слишком слаб для таких схваток. Фирниор плеснул ему в лицо водой из фляги, и сие действие привело молодого мага в чувство.

Айриэ подошла поискать свой кинжал, и Мирниас смущённо выдавил:

— Простите, мэора... Я вам только обуза...

— Мирниас, в том, что вас пытали, вы уж точно не виноваты, так что перестаньте страдать ерундой, — посоветовала магесса. — Жаль, конечно, что ваш резерв не восстанавливается, но это вина едва не выпившего вас чёрного мага.

Фирниор делал вид, что не слышит, хотя потемнел при упоминании пыток и чёрного мага. Он с преувеличенным вниманием рассматривал трупик земляного демона и даже брезгливо перевернул его носком сапога. Вдруг юноша издал удивлённое восклицание и быстро нагнулся, подняв с пола серпентесский ритуальный нож с волнистым лезвием, обронённый Мирниасом.

— Откуда он здесь?..

— Ваш? — любопытствовала магесса.

— Мой, — подтвердил он. — Дед моей матери привёз его со Стайфарра, это часть приданого мамы, которое я унаследовал.

— Я видела в ваших комнатах коллекцию серпентесского оружия. В последний раз вы видели этот нож там?

— Нет, — медленно ответил Фирниор, нахмурившись. — На днях у меня его попросил Орминд, на время.

— О, вот как? Возможно, вам будет интересно узнать, что этим оружием была убита Юминна?

Нож со звоном упал на каменный пол. Фирниор расширившимися глазами смотрел на магессу и пытался что-то сказать, но побелевшие губы отказывались слушаться.

— Только не пытайтесь снова убеждать меня, что «это не он», — устало попросила магесса, плюхаясь на ближайшую скамью. — Вы ведь и тогда подумали об Орминде, я поняла. Не говорите ничего, «удавка» проснётся. Я одного не понимаю, как он умудрился выглядеть здоровым после уничтожения его хогроша...

— Может, это не Орминд? — тихонько спросил Мирниас, садясь рядом и покосившись на Фирниора. Тот опустил голову прямо на пол и привалился к стене, глядя перед собой немигающим взглядом.

— Выберусь из катакомб — узнаю точно, — хмуро пообещала Айриэ. — Отдохнём с полчасика и пойдём дальше.

— Что это вообще такое было, мэора Айнура? Я о подобных тварях и не слышал никогда.

— Земляные демоны из Нижних миров, кхайгаши. Их призвал наш «маг-враг» и держал где-то здесь. Эти твари питаются кровью разумных, а уж где её маг брал, ему виднее.

— В прошлом году в герцогстве пропало семь человек. Шестерых так и не нашли, — безжизненно сообщил Фирниор. — Седьмой просто утонул, как выяснилось впоследствии.

— Кто-то из них вполне мог стать пищей для этих существ, — предположила магесса. — Тварей можно кормить раз в два-три месяца, остальное время они пребывают в спячке. А трупы — хранить в магическом холодильном шкафу. Будут как свеженькие.

Молодых людей явственно передёрнуло. Трепетные какие. Не занимались они некромантией, сразу видно. Айриэ вот доводилось, правда, почти полтора века назад. И не здесь. Саэдрэ её натаскивал, даже побудил прослушать курс лекций на факультете некромантии в одной из магических академий для обычных людей... Весёлое было времечко.

Немного придя в себя после схватки, они отправились дальше. Мирниас снова завладел серпентесским ножом, Фирниор не возражал. Айриэ пополнила резерв, сжевав пару ломтей копчёного мяса, и теперь могла опять поддерживать три щита одновременно. Вперёд она пустила Фирниора, имевшего преимущество благодаря мечу. Юноша не возражал, он вообще, кажется, был рад избежать сочувственных взглядов, что то и дело бросал на него Мирниас. Фирниор был непривычно мрачен и напряжён, а о возможном нападении оставшегося кхайгаша думал менее всего.

Коридор вскоре закончился, упёршись в лестницу, которая вела на поверхность. Увы, вся она была завалена какими-то обломками — камни, куски дерева, всякий мусор вперемешку с глиной и песком. Подняться по лестнице было решительно невозможно, её очертания едва угадывались под завалами. Завал был недавний, грязь ещё не успела просохнуть, а поработали тут, скорее всего, земляные демоны по приказу мага.

О последнем кхайгаше они совершенно забыли, уныло разглядывая то, что осталось от лестницы. Так что, когда прятаясь среди груды обломков угол тварь бросилась на Мирниаса, артефактор только дёрнулся от неожиданности и, растерявшись, не сообразил ударить ножом. Зато у Фирниора рефлексы сработали как надо, и обезглавленная тварь миг спустя уже билась на полу, суча короткими толстыми ногами.

— С-спасибо, Фирниор, — выдавил из себя побледневший маг.

— Не за что. Обращайся, — коротко ответил младший Ниарас, вытирая меч об убитую тварь.

— М-да, этот путь для нас закрыт, — констатировала очевидное магесса.

— Что будем теперь делать, мэора? — уныло спросил артефактор.

— Вернёмся в зал, почистим там немного, чтобы не воняло гнилью, и заночуем. Это самое разумное, что мы можем предпринять. Лично я устала как собака.

— А завал магией убрать не получится?

Айриэ отрицательно покачала головой, мрачно глядя на груды обломков. Значит, придётся всё-таки пойти путём, намеченным для неё герцогом. Жаль, не хотелось бы... А ведь завал и кхайгашей, пожалуй, специально для неё приготовили. Файханас мог предположить, что она заметит кружение Фирниора по катакомбам и отправится искать выход самостоятельно. Дверь, на которую наложено столько заклинаний, неплохо фонила и неизбежно должна была привлечь внимание магессы, если бы она прошла поблизости — как, собственно, и случилось. Его светлость в магии немного разбирается, благодаря своему ручному магу, следовательно, мог предположить, что для драконьего мага заклинания Ушедших препятствием не станут. Ну а в сокровищнице найти скрытый проход было делом техники.

Безусловно, герцог и его маг могли рассчитывать, что кхайгаши разберутся с ненавистной магессой и сделают за них то, на что сами они не могут отважиться из-за «ответного проклятия». Надо признать, здесь они ничем не рисковали. Магессу в сокровищницу никто специально не заманивал — вон, Фирниор честно пытался отговорить Айриэ лезть сюда, потому что понятия не имел о кхайгашах, это очевидно. Изящно разыграно, надо признать откровенно. О земляных демонах и тем более их ядовитости мало кто знает, они ведь не из этого мира. Если бы не привычка Айриэ забивать голову массой нужных и ненужных сведений, всё могло бы закончиться гораздо печальнее — для её спутников. Айриэ-то выжила бы так или иначе. М-да, скорее «иначе»... а это вариант не самый желанный.

А мальчишкой, выходит, и правда пожертвовали.

Сообщать об этом Айриэ пока что не собиралась, но Фирниор ведь далеко не глупец, сам может сообразить. А если он уже знает?.. Знал с самого начала и согласился рискнуть собой — скажем, во имя оч-чень благородной цели, во имя интересов рода и всё такое прочее?.. Мешок пафоса прилагается.

Так или иначе, но вариант с кхайгашами явно был запасным. Герцог мог надеяться, что это сработает, но не быть уверенным на все сто процентов. Тогда, спрашивается, что у него припасено в качестве основного блюда? Можно предположить, что это нечто не менее... изысканное, и надо быть осторожнее. Файханасы могли рассчитывать обойти «ответное проклятие»? Вполне могли, а следовательно, нужно выверять каждый шаг и не расслабляться.

Переночевали спокойно, положившись на сторожевое заклинание Айриэ. У Фирниора в мешке нашёлся тонкий, но очень тёплый походный плащ, прекрасно заменивший одеяло. Магесса устроилась в середине и уложила юнцов по бокам от себя, из них получились отличные грелки. Если бы ещё Мирниас не метался и не стонал, очевидно, мучимый кошмарами, было бы совсем расчудесно.

Проснувшись магесса около восьми утра. Утомлённый ночными кошмарами Мирниас тихонько сопел справа от неё, а Фирниор беспечно спал, самым бесцеремонным образом обняв магессу и притянув её к себе. Маленький наглец, наверняка с какой-нибудь своей любовницей перепутал во сне. Айриэ безжалостно отпихнула его в сторону, сбрасывая с себя чужую тяжёленькую руку, и юноша недоумённо распахнул глаза. Вздрогнул, отодвигаясь, и забормотал извинения, но Айриэ слушать не стала. Швырнула в юнцов заклинанием чистоты, почистилась сама, за неимением возможности нормально вымыться, и немного прогулялась по коридорчику в сторону завала.

Когда с утренними очистительными процедурами и с завтраком было покончено, Айриэ неприветливо осведомилась у проводника:

— Ну, Фирниор, теперь наконец соизволите сказать, куда вы нас поведёте?

Юноша опустил глаза и куснул губу.

— Вперёд по основному коридору, мэора, — наконец сообщил он. — Коридор ведёт наружу, на поверхность. Большого я не могу сказать... я дал слово.

— Надеюсь, ваш дядюшка подавится завтраком! — любезно пожелала магесса, но этим пока и ограничилась. Неприятности его светлости так и так обеспечены, что там завтрак...

По главному ходу шли примерно полчаса, пока Фирниор не попросил остановиться. От основного хода влево уходил широкий коридор, не уступающий главному.

— Мэора Айнура, Мирниас, у меня к вам просьба. — Он глубоко вздохнул, взъерошил волосы растопыренными пальцами левой руки и продолжил: — Мне нужно отлучиться, это семейные дела... Примерно на час. Пожалуйста, оставайтесь здесь, не ходите за мной, хорошо? Обещаете?

Айриэ не собиралась ничего обещать, но ей неожиданно помог Мирниас.

— Конечно, обещаем, иди, раз тебе нужно. Мы подождём, Фирио.

Фирниор, поколебавшись, взглянул на магессу, но, видимо, удовлетворился словами мага. Потрясающая наивность и доверчивость, она лично ничего не обещала. Айриэ не нравилось выражение его лица. С такой физиономией обычно ввязываются в крупные неприятности, причём чаще всего по собственной глупости. Бледный, нижняя губа прикушена, взгляд бегающий, левая рука то и дело ерошит волосы, отчего они торчат в разные стороны, напоминая развалившуюся копну сена.

Он скинул на пол мешок и попытался улыбнуться, однако гримаса вышла странноватая, на улыбку похожая весьма отдалённо. Хотел что-то сказать, но передумал и молча ушёл, пытаясь рассеять светом фонаря недружелюбную темноту хода.

Выждав некоторое время, Айриэ негромко сообщила:

— Я за ним. А вы оставайтесь, Мирниас, раз обещали.

Молодой маг возмущённо дёрнулся.

— Мэора, вы же...

— Тихо! — оборвала его пыхтение Айриэ. — Я, к слову, за себя говорю — и обещаю — сама, помощники не требуются. Всё, ждите здесь, Мирниас. Щит на вас я навесила, но и сами не зевайте.

Она зажгла крошечный «светлячок», только-только дорогу освещать, и отправилась по следу ушедшего Фирниора. Двигалась быстро и по возможности бесшумно, и вскоре увидела впереди свет магического фонаря. Идти оказалось недалеко, вскоре Фирниор остановился. В луче жёлтого света виднелась поблёскивавшая металлическая дверь, перегородившая коридор. Айриэ погасила «светлячок», могущий её выдать, если Фирниор вдруг обернётся, и принялась наблюдать.

Юноша поставил фонарь на пол и принялся шарить по карманам — в поисках складного ножа, как оказалось. Он этим ножичком хлеб за завтраком нарезал, а теперь чиркнул ножом по левой ладони и приложил ту к двери. По металлу пробежались вертикальные красноватые линии, то вспыхивая, то угасая. Раздался негромкий щелчок, и Фирниор толкнул дверь, которая без труда распахнулась внутрь. Даже петли не заскрипели: то ли их регулярно смазывали, то ли здесь имелось заклятие сохранныости.

Интересно, и тут охранное заклинание на крови. В отличие от сокровищницы, наверняка настроено на любого Файханаса — не на одного же Фирниора оно рассчитано, слишком расточительно. И что же находится за дверью?

Айриэ, ступая ещё более осторожно, приблизилась и заглянула внутрь помещения. Склеп. Типичный склеп с каменными саркофагами — очевидно, старый фамильный, о котором рассказывал Фирниор. Он говорил, здесь Файханасов не хоронят уже лет пятьсот. Спрашивается, что ему могло тут понадобиться, да ещё именно сейчас?

Юноши не было видно, он ушёл дальше по проходу, с двух сторон уставленному урнами и саркофагами предков. Склеп освещали магические светильники, искусно выполненные в виде факелов. Даже несильный жар ощущался, если поднести к ним руку, а ещё они негромко потрескивали, и пламя изгибалось, как настоящее, отчего на стенах плясали неровные тени. Этакие марионетки в неумелых руках. Или кукольник слишком стар, руки плохо гнутся...

На всякий случай набросив на себя «отвод глаз», Айриэ бесшумно зашагала вперёд, скользя взглядом по рядам серых саркофагов, то и дело разбавленных тёмно-розовым «инеистым» гранитом. Эти гробы из ценного камня давали последнее пристанище герцогам из рода Файханас или их совершеннолетним наследникам, как припомнилось Айриэ со слов Фирниора.

Юношу магесса заметила в самом конце прохода, где виднелась новая дверь, украшенная чеканкой и вставками из золота и серебра. Скрещённые мечи на чёрном поле и над ними — золотой ястреб, парящий в серебряных облаках.

Фирниор вновь провёл ножом по ладони — видимо, первая царапина перестала кровоточить, а очередное охранное заклинание требовало свою порцию крови. Приложил руку к двери, открыл, но вошёл не сразу. На некоторое время замер на пороге, словно раздумывая, не повернуть ли назад. Или у Айриэ просто сложилось такое впечатление, а на самом деле она ошибалась.

В комнате — погребальной камере, точнее — в самом центре имелось небольшое возвышение. На возвышении стоял саркофаг, тёмно-розовый, испещрённый серебристо-беловатыми прожилками, совсем простой и ничем более не украшенный, кроме естественных узоров камня. Только в центре крышки была белоснежная роза, вырезанная с

немалым изяществом и мастерством. Издали было не разглядеть точно, но Айриэ показалось, что роза сделана из баснословно дорогого «лунного» мрамора, который светился под сиянием любой из пяти лун. Он также был прекрасным накопителем магической энергии, что объясняло присутствие подобной вещицы в гробнице человека, ставшего после смерти Хранителем рода.

Стены украшали фрески со сценами битв с участием Эйдигира, а напротив двери висел огромный портрет основателя — стоявшего в горделивой позе; руки опираются на длинный меч, губы иронично, зло улыбаются, а в глазах — торжество победителя. Очевидно, портрет написан уже после смерти Неистового Ястреба, раз виденный ими в древней сокровищнице — единственный прижизненный, как утверждал Фирниор. Выглядел здесь Эйдигир хищником отнюдь не прирученным, но свободным и опасным. Смертельно опасным для всех, кто рядом, свои они или чужие — неважно.

Айриэ стояла у самой двери, чуть скрываясь за косяком, хотя благодаря «отводу глаз» Фирниор её не увидит, даже если посмотрит в упор. Он и не смотрел, а подошёл к саркофагу и осторожно тронул пальцами белоснежную розу. Отдёрнул пальцы, будто обжёгшись, сжал руку в кулак и в задумчивости несколько раз легонько стукнул по левой ладони. Фирниор стоял к магессе в профиль, и она видела, что юноша хмурится и покусывает губы, неотрывно глядя на розу. Потом он наконец решился и в третий раз чиркнул ножом по руке, да так, что сам поморщился. Зачем ладонь трогать, а если опять сражаться придётся?.. Надрезал бы осторожно запястье, чтобы не задеть вены; сама Айриэ так всегда и делала по привычке, хотя её ранки заживают быстро, у неё регенерация получше человеческой будет...

Он держал ладонь лодочкой, дав крови время накопиться, потом медленно поднёс руку к розе. Белоснежные лепестки окрасились красным и вспыхнули зловещим багровым свечением. Фирниор отступил на шаг и вздрогнул, когда перед ним неожиданно возник мужчина в старинных парадных доспехах. Ни меча, ни шлема при воине не было, а сквозь фигуру явственно просвечивали отблески пламени магического факела на стене напротив. По резкому, хищному профилю и надменному виду магесса без труда узнала легендарного Эйдигира. Впрочем, кого ещё, собственно, было ожидать, кроме хозяина гробницы?..

Ещё когда Фирниор только собрался полить мраморную розу своей кровью, Айриэ колебалась, не остановить ли юношу сразу, но решила подождать. Ей надо было точно знать, насколько далеко способен зайти герцог — и Фирниор по его приказу. Убрать её руками призрачного Хранителя рода? Неразумно...

Кстати, если Айриэ хоть что-нибудь понимала в магии, это было мало похоже на торжественный вызов Хранителя с просьбой спасти род от гибели. Тут бы, по идее, не розу на саркофаге надо кровью поливать, а вон ту чашу на треножнике, что стоит под портретом. И, главное, жертвуя кровью и обращаясь к Хранителю, надо произнести ритуальные слова — с просьбой о помощи и о собственной готовности заплатить жизнью за магию Хранителя. Нет, это не вызов, но что тогда?..

— Очередной потомок, которому зачем-то понадобился Хранитель рода, — неприязненно оглядев Фирниора с ног до головы, отметил Эйдигир.

— Приветствую доблестного предка, — ответил юноша — без особой радости и, похоже, не испытывая трепета перед потусторонней сущностью.

Любопытная реакция. Кажется, основателю тоже так показалось. Он приподнял правую бровь, хмыкнул и сказал миролюбиво:

— Слушаю. Излагай.

— За мою кровь, отданную розе добровольно — правдивые ответы и подчинение мне, здесь и сейчас.

— Грамотный, — скривился Эйдигир.

— Научили, мэр.

— Ну да, герцогу и его наследнику я по условиям моего нынешнего существования и так подчиняюсь... в разумных пределах, конечно. А ты — боковая ветвь, да ещё не самый удачный плод на этой ветви, — насмешливо заметил Эйдигир. — Не удивляйся, я слежу за делами рода, только проявиться не могу... пока не позовут. Ну, так что ты хотел?

— Для начала, мэр Эйдигир, я хотел бы ответов на некоторые вопросы.

— На все подряд не отвечу.

— Я понимаю, мэр. Но надеюсь узнать некоторые тайны, — улыбнулся краешком губ Фирниор. — Я любознателен.

— Не все тайны безопасны, но ладно уж, не буду уподобляться седовласому старцу и сыпать во все стороны мудрыми изречениями. В конце концов, я умер достаточно молодым и до сих пор себя стариком не считаю, хоть и поумнел с тех пор изрядно. Наблюдая за вами, потомками, можно многому научиться, — подмигнул призрак, отчего по его лицу прошла рябь — по крайней мере, на половине, видимой магессе. — Спрашивай, мальчик, и давай уж на «ты», я при жизни был человеком простым, так что и сейчас церемонии разводить мне не с руки.

— Хорошо, Эйдигир, — кивнул юноша. — Я читал в хрониках, что ты родился в незнатной семье. Это так?

— Папаша у меня был разорившимся дворянином, не богаче его собственных арендаторов. Но мне дома было тесно. Я сбежал в десять лет, и мне повезло, что я случайно попал к драконам. Меня не прогнали, приютили, дали образование и научили обращению с оружием. Герцогство я потом добыл собственным клинком.

— Ты верно служил королю и тебя наградили за доблесть?

— Ага, верно... аж почти до самого конца верно.

— А в конце? Что-то произошло? Официальные хроники молчат, но есть же тайные... Я не читал, мне не положено, а хотелось бы знать точно. И кто знает лучше, чем ты? Расскажи, пожалуйста.

Эйдигир поморщился.

— И зачем тебе, потомок?

— Я же говорил, что я любознательный. А тут такой случай, поговорить с самим основателем рода. Вряд ли мне когда-нибудь ещё представится возможность встретиться с живым прошлым.

— Неживым, мальчик. Это не жизнь.

— Но ты же выбрал сам? — недоумённо приподнял брови Фирниор.

Эйдигир зло расхохотался, откидывая голову назад:

— Сам?.. Да орка лысого я бы это выбрал, так его разэтак и с перетаком!.. Я бы предпочёл сдохнуть, как положено, и получить заслуженное небытие, но не в тридцать лет, а много позже. Меня вынудили отказаться от посмертия, сам виноват. Глупо я поступил тогда... и ещё более глупо попался.

— Расскажи! — Глаза Фирниора светились живым любопытством. Видно было, что эта тема его сильно увлекает.

— Ну, слушай тогда, раз тебе приспичило, — недовольно ответил Эйдигир. Он особого

желания говорить не испытывал, но, видимо, не мог не подчиниться, ведь условием Фирниора были правдивые ответы на его вопросы. Законы магии приходится соблюдать даже потусторонним сущностям, особенно им. — Всё дело в женщине. Её звали Тиаллина. Может, она и не была такой уж красивой, но для меня она была всем. И не только для меня. В Тиаллину был влюблён мой младший брат. Брата я забрал к себе, когда ему было четырнадцать, с тех пор он всегда сопровождал меня. Вот и вышло, что оба мы влюбились в одну и ту же женщину, но соперничать не желали и предоставили право Тиаллине решать самой. А она не хотела ссорить нас с братом, а потом попала на глаза моему покровителю-дракону. И тот влюбился, представляешь? Драконы в людей всерьёз не влюбляются, а этот — влюбился. Или вообразил, что любит. Тиаллина дрогнула... А я потерял голову от ревности и злости. Говорю же, я был глупцом.

Эйдигир хмыкнул и помолчал немного. Фирниор с непонятым выражением смотрел на предка, но ясно было, что рассказ его по-настоящему задел.

— В общем, не буду вдаваться в подробности, тебя они не касаются. Скажу только, что я задумал свергнуть короля и сам сесть на трон. Подумал по глупости, что уж если герцог Тиаллине нехорош, то короля-то она не отвергнет. К счастью, ума у меня хватило не втягивать в это брата. Заговор раскрыли, конечно, я тогда действовал очень уж... бесхитростно. Мой покровитель-дракон и раскрыл. Король даже не знал ни о чём. В общем, дракон предложил мне выбор, из великодушия, конечно, но я его за это люто возненавидел. Или умереть на плахе, или стать Хранителем рода, навечно привязав себя к этому замку и этому роду. Я спросил, зачем ему это, а дракон ответил — чтобы я вечно хранил от бед потомков Тиаллины. Потому что пока я занимался заговорами, наша женщина наконец поняла, кого любит по-настоящему. Ей оказались не нужны ни я с моим герцогским титулом, ни дракон с его обещанием продлить молодость возлюбленной лет на двести. Тиаллина хотела просто прожить обычную человеческую жизнь со своим любимым. Я согласился на предложение дракона, ведь я её любил, и брата, конечно, тоже. Он стал вторым герцогом, а Тиаллине дракон подарил к свадьбе то самое знаменитое ожерелье из «звёздных» камней и лунного серебра. Теперь его принято надевать на свадьбу невесте герцога или его наследника. Верят, что ожерелье дарует счастье в любви... Тиаллине даровало, об этом дракон позаботился, а вот насчёт прочих сомневаюсь. Всякое я за эти столетия повидал, но пары счастливее, чем мой брат и Тиаллина, пожалуй, не видел.

— Красивая история... и печальная, — негромко заметил Фирниор. — Спасибо за рассказ. Теперь мне многое понятно...

— Ну вот и прекрасно, — сварливо отозвался Эйдигир. — Давай, говори дальше. Зачем ты меня пробудил?

Фирниор опять запустил в волосы растопыренные пальцы, окончательно портя многострадальную причёску. Сказал, волнуясь, но старательно скрывая и волнение, и неуверенность, и страх:

— Спасибо, Эйдигир, что откликнулся на зов и рассказал свою историю. Собственно, это всё. Ты можешь уйти.

— Что? — насмешливо и недоверчиво переспросил Хранитель рода.

— Я сказал, что мне от тебя больше ничего не нужно. — Взгляд Фирниора сделался острым, пронзительным и до забавного похожим на взгляд предка. — Ты что-то имеешь против?

— Мальчик, я понимаю, что тебя научили, как со мной разговаривать, но либо ты не

усвоил урок, либо тебе рассказали не всё.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не собачка, которую можно позвать, а потом приказать убираться на место. Это магия крови, мальчик. За всё надо платить.

— Но это же не вызов Хранителя род, так мне сказали. Ты не должен требовать жизнь в уплату! — Голос Фирниора чуть дрогнул, а рука бессознательно вцепилась в рукоять меча, будто обычное оружие могло защитить его от призрачного предка.

— Твою — не требую, — согласился Эйдигир, зло искривив рот. — Тебе сказали правильно, вызов Хранителя проводится по-другому. И в дело вступают иные законы, и мне становятся доступны иные силы. Ты же всего лишь пробудил меня ото сна и позволил проявиться в этом мире. Каждый, кто Файханас по крови, может раз в жизни проделать подобное.

— Раз в жизни, говоришь?.. — медленно переспросил Фирниор, не выпуская из стиснутых пальцев рукоять меча. — Кажется, Эйдигир, ты прав. Меня неверно информировали. И... что же ты потребуешь от меня в уплату?

— От тебя — ничего, ты уже заплатил, напоив розу кровью. Но за моё пробуждение я беру жизнь любого из чужаков, что находятся поблизости. По правилам я должен выбрать того, кто наиболее опасен для рода, и выпить его жизненные силы. Когда ритуал вызова Хранителя рода свершится в следующий раз, я буду сильнее. Всё связано.

— Вот как?.. Об этом мне забыли рассказать, — сузил глаза Фирниор. Он выглядел злым и одновременно растерянным. Наверное, до сих пор не мог поверить в коварство обожаемого дядюшки. — И что? Ты... выбрал?

— Да. Она здесь, совсем рядом. Эта женщина опасна, она несёт гибель роду.

— Ты не тронешь Айнуру!!!

Отчаянный выкрик Фирниора прокатился по подземелью, эхом отражаясь от стен, болезненно резанув уши. Магесса поморщилась. Ну зачем же так кричать?..

— Не тебе меня останавливать, — спокойно заметил основатель.

— Но я попробую тебя переубедить! — Бледный, тяжело дышащий Фирниор едва ли не с ненавистью уставился на великого предка. — Почему ты выбрал именно её?

— Потому что она опасна, — повторил Эйдигир. — Эта магесса задумала злое, она погубит всех вас, моих потомков. Уж такие вещи я чувствую, я же Хранитель рода. Значит, она должна умереть.

Вот спасибо-то. Да, она оценила изящество задумки. Очевидно, его светлости рассчитывал, что так можно будет обойти «ответное проклятие». В общем-то, уже можно было бы вмешаться и посмотреть, чья магия окажется сильнее... но Айриэ медлила. Ей было интересно, как быстро Фирниор согласится с необходимостью пожертвовать одной-единственной жизнью чужой ему магессы ради спасения Великого Рода Файханасов.

— А ты не думал, что чёрный маг для рода гораздо опаснее?.. Почему бы тебе не взять его жизнь... если он виновен во всех этих убийствах.

— Потому что я не убиваю своих потомков. И никогда не причиню вред ни герцогу, ни его наследнику. Только ритуал вызова Хранителя отнимает их жизни, и то, это можно отсрочить, если остался последний в роду герцог. А убийства... подумаешь, человеком больше, человеком меньше, — довольно равнодушно заметил призрачный основатель. — Они — наши вассалы и должны быть счастливы, что им довелось умереть во имя величия рода Файханасов.

— Значит, это всё-таки он... — едва слышно пробормотал юноша с тоскливой обречённостью — А я не верил... до последнего не верил. Как бы я хотел ошибиться... Значит, его ты не тронешь? Тогда я убью его сам. Или это сделает Айнура, у неё лучше получится. Во имя справедливости, если его вина будет доказана.

— Не тебе, сопляк, решать судьбу Орминда. Он всегда под моим покровительством, а ты — только до поры, не забывай об этом! — оскалился Эйдигир.

— Ты не тронешь Айнуру! — твёрдо повторил Фирниор. — Я не позволю. Ты всё ещё подчиняешься мне — здесь и сейчас.

— Всего лишь до определённого момента, мальчик, — злорадно заметил великий предок. — Даже если бы я захотел, я бы не смог нарушить законы магии и законы крови. Я возьму жизнь этой женщины, возражаешь ты или нет.

— А другую жизнь ты согласишься принять в оплату?..

— Ещё чего, — скривился Эйдигир. — Да и кого ты предлагаешь? Этого слабого мага, твоего приятеля артефактора?.. Или кого-то из слуг в замке?

— Ты не понял! — вскинул голову Фирниор. — Их жизнями я не распоряжаюсь. Но своей собственной — да.

— Что ты несёшь, глупец?

— Если тебе нужна чья-то жизнь, возьми мою! — с мрачной решимостью заявил Фирниор. — Тем более, я теперь не принадлежу к роду Файханасов. Я лишён родового имени. Я больше не Ниарас. И, кажется, теперь-то я наконец понимаю, зачем его светлость попросил меня принести эту жертву во имя рода... А я взял и согласился стать безродным, потому что герцог поклялся, что так я сослужу службу лучше, чем если буду продолжать зваться старшим сыном и наследником виконта Ниараса... Действительно, глупец я редкостный.

Что есть, то есть. Хотя, пожалуй, восемнадцатилетнему мальчику это простительно, особенно если он чувствует себя обязанным дядюшке и кузену за человеческое отношение. А герцог весьма умело на этом чувстве сыграл... Молод ещё Фирниор со старым интриганом соревноваться в хитрости, да и чист слишком для подобного. К счастью.

Его светлость, выходит, задумал вызвать Хранителя и натравить на неё — чужими руками, не запачкавшись самому. И то, что формально Фирниор лишён родового имени, дало герцогу основание надеяться, что он нашёл прекрасный выход. Ещё один глупец. И сволочь к тому же.

— А мне всё равно, лишён ты имени или нет, — заметил Эйдигир. — Важна кровь. Ты сумел меня вызвать, значит, ты Файханас, а как ты теперь зовёшься в глазах людей, неважно. Для магии — неважно.

Вот. Даже призрак это понимает. А герцог сильно просчитался... даже дважды, кажется. Потому что Фирниор — не послушная марионетка. Он не станет сознательно делать подлости. А то, что он пытается сделать сейчас, называется дуростью. Надо бы это пресечь, но Айриэ хотела знать точно. Он действительно собирается отдать собственную жизнь?.. Чтобы спасти — её?.. С ума сойти.

Айриэ, честно признаться, пребывала в растерянности. Весьма несвойственное и непривычное ей ощущение. Разве можно, скажите на милость, так бездумно распоряжаться собственной жизнью, а?..

— Эйдигир, я не уступлю. Айнура будет жить. Ты не заберёшь её жизнь, я не позволю. Ты мне подчиняешься — здесь и сейчас, напоминаю! Пусть я не могу приказать тебе уйти

обратно, но предложить собственную жизнь в качестве платы я в состоянии.

Мальчишка говорил без пафоса и надрыва, до жути спокойно и так, будто бы ничего разумнее и придумать нельзя. Айриэ покусать его захотелось. В прямом и переносном смысле.

— Ты глупец, — хмуро повторил Эйдигир. — Но ты в своём праве, потомок.

— Тогда бери, — криво улыбнулся Фирниор. — Нет смысла тянуть.

Он боялся того, что собирался сделать, но отступить, кажется, и не думал. Наоборот, выпрямился во весь рост, гордо вскинул голову, всем своим видом выражая решимость.

Эйдигир пожал плечами и молча подошёл вплотную к неразумному потомку. Он был чуть выше, да и фигура у него была помощнее, так что смотрелся он гораздо внушительнее. Протянул руки и положил их Фирниору на грудь — видимо, чтобы удобнее было тянуть жизненную силу.

— Прощай тогда, потомок, — проявил вежливость основатель рода.

— Счастливо оставаться, — с лёгкой иронией ответил Фирниор, но щека у него дёрнулась.

Айриэ всё медлила, сама толком не понимая зачем. А основатель чуть шевельнул руками, и только тогда, уловив дуновение чужой холодной силы, магесса очнулась. Злясь на себя, Хранителя рода, герцога и пуще всего — на глупого мальчишку, Айриэ рванула вперёд, сбрасывая «отвод глаз». Фирниор вздрогнул и взглянул с испугом и отчаянием, призрачный основатель среагировал быстро и послал в неожиданную противницу ступок своей холодной магии, только её щит выдержал.

Айриэ ударила в ответ волной чистой силы, потому что кидаться в призрака заклинаниями было бесполезно. А её магия — сродни той, что питает Эйдигира и удерживает эту потустороннюю сущность в материальном мире. От злости Айриэннис ударила чересчур сильно, да так, что бедного Эйдигира буквально вышвырнуло из этой реальности. Кажется, род Файханас навсегда лишился своего призрачного Хранителя. Портрет, защищённый магией, уцелел, а чаша под ним расплавилась и растеклась лужицей. Роза из «лунного» мрамора раскрошилась в пыль, однако саркофаг остался невредимым. Стены погребальной камеры загудели, светильники кое-где сорвало со стен, а Фирниор отлетел назад и чувствительно приложился спиной об пол.

Магессу потряхивало от ярости и, когда она нависла над силящимся подняться Фирниором, её голос чуть ли не срывался от злости и запоздалого страха:

— Самоубиться захотел, благородный глупец?.. С собой решил пожертвовать?.. А меня для начала спросил, надо ли мне подобное счастье? Я ненавижу долги и ненавижу оставаться у кого-то в долгу! И только посмей ещё раз выкинуть что-нибудь подобное, я тебя сама убью!..

Глаза Фирниора делались всё больше и больше, а потом он неожиданно улыбнулся — широко и радостно, будто ничего приятнее в жизни не слышал.

— Айнура, вы что... правда за меня испугались?..

Кто о чём, а этот опять о своём. Айриэ устало махнула рукой и повторила:

— Я ненавижу, когда оказываюсь должна кому-то.

— Мне вы ничего не должны, — сказал он и наконец поднялся с пола, морщась и потирая спину.

— Не вам, так миру. Равновесию.

— Корявому? — серьёзно-серьёзно спросил он, но губы чуть подрагивали от

сдерживаемой улыбки.

— Корявым оно станет, если его регулярно нарушать, — хмыкнула Айриэ, внезапно ощущая навалившуюся усталость.

Она тряхнула головой, пытаясь развеять муть, плясавшую перед глазами. Затылок отозвался болью, казалось, ввинчивающейся в мозг. Кончики пальцев мелко, противно дрожали, а сами руки стали тяжёлыми, неподъёмными, точно в кости залили свинец. Раскалённый.

— Айнура, вам нехорошо?

Глазастый какой. Айриэ посмотрела недобро и буркнула:

— Пройдёт. Всё из-за вашего Эйдигира. Слишком много силы вложила в удар. И вообще, от Файханасов одни проблемы. Как же они мне надоели, кто бы знал! Что призрачные, что живые.

— Я тоже мешаю? — без улыбки спросил Фирниор.

— Да вы же теперь к этому роду не принадлежите? — вздёрнула бровь Айриэ. — Так что я не о вас говорила.

— Вы... слышали?

— Подслушивала. Нагло.

— Я этого не утверждал.

— Знаю. Я шучу.

Он коротко вздохнул, показывая, что ему не до шуток. Теперь понятно, почему он со вчерашнего дня такой смурной ходил. Надо же додуматься, лишить мальчишку родового имени, будто он что-то позорное совершил. Ведь самое противное, что во всём Юнгироде так и станут думать, сколько ни отрицай. Разве что сам король возьмёт Фирниора на службу, тогда другое дело. Ну или вернёт право зваться родовым именем... Хотя, если разобраться, может быть, для него лучше будет не иметь ничего общего с семейством заговорщиков. Теперь-то уже точно ясно, что Фирниора использовали, а значит, она, Айриэ, из простого чувства справедливости должна позаботиться о том, чтобы его не таскали в королевскую допросную. Он невиновен в заговоре против короля, поэтому надо позаботиться, чтобы Кайнир в этом даже не сомневался.

А Рольнир Файханас — сволочь. Сынка, значит, выгораживает?.. Понять-то его можно, а вот прощения за всё, что наворотили Файханасы, нет и быть не может.

А вслух она сказала:

— Не расстраивайтесь, Фирниор, король не поддержит решение вашего герцога. Он вернёт вам право зваться Ниарасом. Я позабочусь.

Она, чувствуя, что от слабости уже и ноги начали подрагивать, непочтительно уселась прямо на саркофаг, за неимением лучшего сидения. Ничего, покойному Эйдигиру всё равно, а ей легче. Надо немного передохнуть, прежде чем возвращаться к Мирниасу.

— Спасибо вам, Айнура, но... наверное, не стоит. Зачем?.. Вы же не можете считать, что должны мне хоть что-то. Наоборот, это вы меня спасли от Эйдигира, — смущённо усмехнулся он. — Глупо получилось...

— Я оценила порыв, — заверила его магесса без тени насмешки. — Это главное. Поэтому мне не хочется оставаться в долгу даже на самую малость.

— А что для вас — быть чьей-то должницей, Айнура? — помолчав, спросил он.

— Зависимость. Несвобода, — не задумываясь, ответила Айриэ. — То, что для меня неприемлемо.

— Вы... боитесь зависеть от кого-нибудь?

— Не боюсь. Мне просто это противно. Долги или обязательства перед кем-то мешают... летать свободно. Тянут к земле.

— Длительные и прочные привязанности — тоже? — полувопросительно сказал он. — Магия и возможность идти куда захочется для вас дороже. Говорят, маги не любят постоянства и прочности.

— Маги бывают разные, поверьте. Что касается меня, то я постоянна — в любви к свободе.

Как и всё её сородичи, к слову. Но об этом она говорить не стала.

— Понимаю...

Вряд ли он действительно понимал, однако со свойственной ему чуткостью уловил её нежелание продолжать разговор на подобную тему. К тому же он осознавал, что Айриэ плохо себя чувствует, но не собирается демонстрировать слабость или обсуждать это. Поэтому он молча пристроился рядом, справедливо рассудив, что сидение на пустом саркофаге покойного предка никоим образом оскорбить не может.

Позволив себе несколько минут отдыха, Айриэ решительно поднялась и распорядилась:

— Возвращаемся к Мирниасу. Он там, наверное, совсем извёлся.

Слабость не отпускала, в голове по-прежнему шумело, вдобавок накатила едва преодолимая вялость и сонливость. Видимо, резкий выброс магических сил даром не прошёл. Не надо было столько магии тратить, а то теперь даже резерв не желал восстанавливаться с обычной скоростью. Отсюда и упадок сил. Айриэ заставляла себя переставлять ноги и шагать ровно, не спотыкаясь, хотя с каждым пройденным ярдом это становилось трудней. Фирниор шёл рядом, чутко отслеживая её состояние, и был готов в любой момент поддержать, если потребуется. Огрызнуться и отогнать юношу сил не было, все уходило на то, чтобы удержаться на ногах.

Дошла она самостоятельно. Отмахнувшись от Мирниаса, буркнула:

— Я — спать. Не будите, пока сама не проснусь.

Пристроив тяжёлую, гудящую от перенапряжения голову на мешок, магесса мгновенно провалилась в липкий, гасящий все ощущения, мысли и воспоминания сон.

— Думаешь, это нормально?

— Она ведь сказала — не будить, Мирниас. Айнуре нужно восстановить силы.

— Но спать так долго... Это странно.

Спутники тихо переговаривались у неё над ухом. Глаза открывать не хотелось, но не из-за скверного состояния, а исключительно от лени. Она лежала на твёрдом полу, однако укрытая тёплым мягким плащом. И сапоги с неё сняли, ну спасибо за заботу. Айриэ ощущала себя разомлевшей со сна, но прекрасно отдохнувшей. Вот только чувство времени не работало спросонья.

— Ну и сколько? — Всё-таки разлепила ресницы она и уставилась на Мирниаса.

— Что — сколько? — не понял он.

Фирниор сообразил быстрее:

— Вы проспали до следующего утра, Айнура. Сегодня Канун Осени. С вами всё в порядке?

— М-да, хорошо поспала, — фыркнула Айриэ, потягиваясь по-кошачьи томно. — В порядке, Фирниор. В полном.

Действительно, организм использовал время отдыха с толком. Резерв полностью восстановился, от противной слабости не осталось и следа. На смену ей явился зверский голод, и Айриэ вцепилась в изрядно отошавший мешок с припасами. Даже мышцы, чуть нывшие от долгого лежания на полу, быстро размялись, и вскоре лёгкая скованность движений исчезла. Самочувствие было прекрасным, настроение, пожалуй, тоже.

— Фирниор, мы скоро на поверхность выйдем? — спросила она, набив рот сыром и хлебом.

— Да. Здесь идти час, даже если не торопиться.

— Герцог приказал привести нас к склепам, но кружным путём?

Юноша вспыхнул и опустил глаза:

— Айнура, если бы я только мог предположить, что это ловушка на вас, я бы отказался. Проклятье, гоблины лысые, да я бы лучше умер, чем привёл вас сюда!..

Он саданул кулаком по левой ладони и умолк, тяжело дыша.

— Я верю, не переживайте. Любящий дядюшка вас использовал, бывает. Вам-то откуда было знать планы этого старого интригана? Вы верили своим родным, это вполне естественно.

— Будь оно всё проклято!.. — хрипло выговорил он и с отчаянием посмотрел на магессу. — Айнура, что... что теперь с ними случится?

— Драконья справедливость с ними случится, — проворчала Айриэ. — Сами увидите.

Дальше расспрашивать он не решился... а может, не хотел знать.

— Я думал, пробуждение Эйдигира — это просто так, чтобы вас отвлечь, задержать в катакомбах на день-другой. Это нужно герцогу, он говорил... Но такого я и предположить не мог. Чтобы за ответы на вопросы вместо тебя платил кто-то другой!.. Это... подло. — Его передёрнуло.

— Возможно, вас утешит, что великий предок всегда был вынужден выбирать среди тех, кто на тот момент представлял наибольшую угрозу для рода Файханасов. Из находящихся в замке, естественно, или в подземельях — пояснила магесса. — Какой-нибудь

проворовавшийся управляющий или лакей, а то и младший братец, не унаследовавший титула и замысливший избавиться от старшего. Всякое бывает.

— Бывает... — эхом откликнулся юноша, не выходя из мрачной задумчивости.

— Кстати, Фирниор, мне тут герцог говорил что-то о том, что я могу найти в катакомбах логово мага. Вы что-нибудь об этом знаете? Но если это касается вашей магической клятвы, то лучше промолчите.

Он неопределённо пожал плечами.

— В детстве мы тут всё облазали. Его светлость даже настаивал, чтобы мы хорошо ориентировались в катакомбах, и заставлял наизусть учить планы подземелий. Правда, я здесь не бывал лет с пятнадцати, но могу предположить, где...

«Удавка» предостерегающе сжалась, и Фирниор закашлялся.

— Всё, молчите, — велела магесса. — Сейчас приведу себя и вас в порядок, и отправимся... туда, куда собирались.

— Буду думать исключительно о зелёных тараканах, — угрюмо пообещал Фирниор, отдышавшись.

Айриэ запустила очищающее заклинание — сначала для себя, потом для спутников.

— Спасибо, мэора Айнура, я скоро уже сам смогу. У меня резерв начал восстанавливаться, — довольно сообщил молодой маг. — Только медленно очень.

— Ну и чудно. Восстановится скоро, не переживайте.

Фирниор теперь снова шёл впереди. Пару раз он сворачивал в боковые ходы, но почему, не объяснял, ибо опасался очередного напоминания от «удавки». Айриэ на всякий случай оставляла магические метки, хотя искренне надеялась, что они не понадобятся. Скорее бы уже выбраться на поверхность. Подземелья она недолюбливала. Клаустрофобией не страдала, но и страстного восторга от столь длительного нахождения под землёй не испытывала, мягко говоря.

На поверхности сейчас, наверное, светит солнце... да хоть бы и дождь проливной шёл, это гораздо лучше тесных коридоров со спёртым воздухом и скудным освещением. Почти трое суток провести под землёй, не видя неба — тяжело для неё. Хотелось вдохнуть свежий осенний воздух, с лёгким горьковатым ароматом умирающей листвы и... просто встретить осень.

Наверху все заняты приятными хлопотами, ведь сегодня Канун Осени, и люди готовятся к вечерним кострам, которые станут пылать до утра. В такой костёр, разжигаемый в честь прихода осени, принято бросать кусок свежеспеченного хлеба, горсть красных блестящих ягод и выливать в огонь несколько глотков светлого пива. А потом веселиться до утра, угощаясь жареным мясом с можжевельным запахом и особым осенним хлебом — оранжевым, с ароматными травами и помидорами. Запивают это и пивом, и красным терпким вином, и лёгким золотистым — с едва уловимым привкусом мёда и яркого осеннего солнца. Конечно, к празднику готовят много других яств. Главное, чтобы было весело, сытно, тепло и светло — порадовать осень, чтобы она была щедра к людям, а собранный урожай хранился без потерь.

Айриэ предвкушающе облизнулась, погрузившись в приятные грёзы, но помечтать ей не дали. Внезапно Фирниор резко остановился и крикнул:

— Стойте! Смотрите, там... живые мертвецы!..

Магесса метнулась вперёд, и увидела, как из-за очередного поворота вываливается премерзкая компания из десяти свеженьких зомби. Трупы ещё не начали разлагаться,

подняли их, скорее всего, сразу после смерти. Хуже всего было то, что Айриэ узнала троих посетителей таверны папаши Брэйдора, а Фирниор и Мирниас, судя по сдавленным возгласам, были знакомы и с остальными покойниками. Зомби передвигались весьма резво, глаза отсвечивали ядовито-зелёным в свете магического «светлячка», а на мордах явственно читалось желание убивать. Скулы, туго обтянутые кожей, были грязно-жёлтыми, как дешёвые сальные свечи, из-под краёв синеватых губ торчали удлинившиеся клыки, а пальцы обзавелись длинными кривоватыми когтями.

— Учтите, это уже не люди, — сообщила Айриэ. — Не ваши знакомые, те мертвы. А этих тварей уничтожать безо всякой жалости! Мирниас, держать щиты себе и Фиору! Сил хватит?

— Сделаю! — решительно откликнулся артефактор.

— В драку не лезьте, без вас разберёмся. У меня заклинания против нежити с эффектом «лунного серебра». Фиор, осторожно, не давайте себя повалить — задавят, — предупредила магесса, выпуская первый огненный шар. Зомби, сволочи, успели прыснуть в разные стороны, только ближайших чуть обуглило. Двигаться им это не помешало. — Щиты спасут от ран, но лучше покончить с зомби быстрее! Шинкуйте тварей на ломтики, как мясную нарезку!

Фирниор буркнул что-то согласное и последовал её совету. Ничего, юнцы держались, хоть и побледнели оба. Айриэ опасалась, что растеряются, смутятся — убивать хорошо знакомых тебе людей куда сложнее, чем абстрактных врагов — но обошлось, выстояли, не дрогнули. Мирниас вливал силы в два щита; Фирниор ожесточённо, с какой-то отчаянной злостью кромсал, иначе и не скажешь, живых мертвецов. Айриэннис спалила файерболом сразу двоих зомби, коридор заволкло удушливым дымом и вонью горелого протухшего мяса.

Раскашлялись все трое — до саднящего горла, жжения в лёгких и слезящихся глаз. Зомби же дым был нипочём, они с глухими, зловещими завываниями лезли вперёд и недоумённо клацали зубами над потенциальными жертвами, не будучи в силах пробить невидимые щиты.

Айриэ не рискнула бить файерболом подошедших вплотную живых мертвецов — это грозило ожогами её спутникам, несмотря ни на какие щиты. Попробовала молнию, но на одного зомби приходилось тратить штук пять слабеньких, потому что мощную, опять же, использовать было нельзя. И тут её осенило. Айриэ создала под самым потолком водяной пузырь и обрушила его на зомби. Потoki ледяной воды хлынули сверху, щедро окатив не только зомби, но и обоих юнцов. Щиты Мирниаса наивно не сочли водичку угрозой и легко её пропустили. Магесса осталась совершенно сухой, наглядно демонстрируя превосходство в магическом мастерстве.

Мирниас с Фирниором невольно отскочили назад, отфыркиваясь и отплёвываясь от неожиданного сюрприза. Айриэ воспользовалась и ударила силовой волной, отбрасывая зомби прочь. Тут же призвала мощную молнию и шарахнула в мокрых зомби, одновременно выставив качественный щит для спутников. Вода подействовала как нужно, всех зомби прошило молнией насквозь и обуглило до черноты. Файерболы довершили дело, и через пару минут всё было кончено. Фирниор помог добить последнего и принялся яростно оттирать меч от слизи и гнилой крови комком из обгорелой тряпки, бывшей одеждой одного из убитых. Мирниас обвёл поле битвы диковатым взором и медленно осел на пол.

— Мохнатая орочья задница! — обрисовала Айриэ своё отношение к происходящему и

устало вздохнула. — Опять он истощил резерв.

Уже привычно прижалась к холодным сухим губам и влила в Мирниаса немного силы. Лицо у него порозовело, но в сознание молодой маг не пришёл.

— Сейчас сама передохну минут пять, потом продолжу, — пояснила она в ответ на вопросительный взгляд Фирниора.

— Вы так силой с ним делитесь?

— Нет, страстно целуюсь от большой озабоченности, — огрызнулась Айриэ.

— Кажется, впору пожалеть о том, что я не маг, — пробормотал он, отворачиваясь.

— Жалеть стоит, если перестаёшь быть собой.

Он только усмехнулся невесело. Мирниас вдруг что-то промычал и открыл мутные глаза. Айриэ прислушалась к себе и подумала, что может поделиться ещё капелькой сил. Артефактор быстрее придёт в себя, и они продолжат путь.

— Фирниор, где там ваш шоколад? — спросила она после, ощущая мелкую, противную дрожь во всём теле и усмехнулась через силу. — Если не передумали меня угощать, конечно.

— Я не передумую. Никогда, — ровным голосом отозвался он, и непонятно было, то ли обижается, то ли, наоборот, доволен.

Мирниас со священным ужасом таращился на них и содрогнулся, когда ему предложили принять участие в поедании горьковатого лакомства:

— Нет уж, спасибо. Б-р-р, как вы можете есть в обществе... трупов?

Айриэ с Фирниром переглянулись и подавили улыбки, не желая травмировать чувствительную психику артефактора ещё больше.

— Трупам всё равно, — философски заметила Айриэ. — Главное, чтобы впереди не оказалось других зомби.

— Если только в старых винных погребах, мы сейчас дойдём до них, — сообщил Фирниор. — Это совсем рядом. А оттуда есть тайный выход в комнаты, примыкающие к старой алхимической лаборатории магистра Стейрига. Мы там часто занимались, а Орминд и сейчас...

«Удавка» проснулась в очередной раз — с некоторым опозданием, но сжималась сильно, не помогало страховочное кольцо, оставленное магессой. Пришлось вновь с усилием проталкивать руки под обжигающую удавку — обжигающую несмотря на то, что на сей раз Айриэ позаботилась о защите от ожогов.

— Фиор, только не дёргайся! — велела она юноше, который послушно застыл, почувствовав, что снова может дышать. Он глухо кашлял, не разжимая губ, его шея была сильно напряжена, и жилы вздувались узлами. Айриэ с запредельным усилием пыталась чуть развести руки, удерживая «удавку», которая, казалось, пыталась раздробить ей пальцы. Так и произошло бы, не будь её щита — мощного и надёжного, способного удержать скалу, не то что паршивую силовую нить грязной Запретной магии. От злости Айриэ «пыхнула» на удавку силой, будто истинным драконьим пламенем — в магической реальности, разумеется, не в материальном мире. Как ни странно, помогло: синеватая широкая «удавка» потускнела и исчезла, будто ей отличную колыбельную спели.

— Айнура, спасибо... — хрипло выдавил из себя Фирниор, осторожно ощупывая горло. Потом вдруг схватил её руку и бережно, почти благоговейно поцеловал, выражая благодарность.

— Лучше ничего больше не говори, — устало посоветовала Айриэ, закидывая в рот последний кусочек шоколада. Пришлось подбирать его с пола и очищать магией. — Пойдём

прямо, я впереди. Если не туда свернём, нам не сообщай, но сам иди куда нужно. Мирниас присмотрит, пусть идёт сзади за тобой.

— Богини Лунные, да когда же это кончится, мэора? — испуганно и сочувственно поинтересовался молодой маг. — Вы точно ничего не можете сделать с «удавкой»?

— Что могла — сделала. Всё прочее исчезнет со смертью того, кто накладывал заклинание.

— Или с моей, — равнодушно дополнил Фирниор.

— Без неё прекрасно обойдёмся, — хмуро заметила магесса. — А сейчас сидим молодые люди, отдыхаем. Проклятые подземелья, скорее бы уже выбраться!

— Я тоже на воздух хочу, к солнцу, — вздохнул Мирниас. — И праздник же сегодня. Мы хоть успеем выйти к вечеру?

— На праздник попадём, гарантирую, — фыркнула Айриэ. После наступления полуночи она будет в силах пробить выход наружу хоть прямо из этого коридора. Только была охота сидеть здесь без дела до полуночи, к тому же она теперь была уверена, что герцог не солгал насчёт убежища мага.

Скорее всего, искомое находилось рядом с алхимической лабораторией Стейрига. А что, прикрытые вполне хорошее: наследник герцога любит на досуге побаловаться составлением зелий, что тут такого странного. Магии для этого не требуется, если заниматься алхимией на любительском уровне. Никто и не заподозрит, чем там юный мэор Орминд занят на самом деле. Следует навестить эти лаборатории и проверить, при этом постараться не подвергнуть риску Фирниора.

— Мэора Айнура, а они? — указал подбородком на обгорелых зомби Мирниас. — Ведь это же наши знакомые, деревенские. Я с ними сколько раз у папаши Брэйдора пиво пил... За что он их так?

Понятно было, что он спрашивает не о хозяине «Свиной головы».

— Не «за что», а «для чего», — уточнила Айриэ. — Понадобилось нашему талантливому охрану в подземельях поставить... От меня, скорее всего, но якобы случайно — чтобы обойти «ответное проклятие». Выходит, не сильно он на великого предка понадеялся. Или просто так подстраховался.

— Десятерых — просто так? — Голос Мирниаса дрогнул.

— Этот выродок будет лить чужую кровь как водицу. Чем дальше — тем больше. Если его не остановить, разумеется.

Послышался короткий, судорожный вздох Фирниора, но он сдержался и промолчал.

— Когда с беднягами это случилось, мэора Айнура?

— Скорее всего, вчера вечером, Мирниас. Маг их убил — отравил, вероятно, — а потом поднял.

— Вот мерзость... Не думал, что когда-нибудь настоящих зомби увижу.

— Мирниас, а не вы ли при нашей первой встрече жаловались на слишком тихую деревенскую жизнь? — поддела его магесса.

— С тех пор я научился ценить уют и покой, — немного смущённо признал артефактор. — Впрочем, о нынешних приключениях будет приятно вспомнить когда-нибудь потом, за кружечкой пива... Было бы приятно, если бы не жертвы. Многовато их, на мой взгляд.

— Путь любого, способного к Запретной магии, пропитан кровью и страданиями его жертв. Вот поэтому выявленных чёрных магов уничтожают — без вариантов.

— Даже превентивно?

— Именно, Мирниас.

— Жестоко... если маг не успел ничего совершить.

— Жестоко позволить им что-нибудь совершить, — отрезала Айриэ. — Лучше их жертв пожалейте.

— Вы правы, наверное, — вздохнул Мирниас, не настроенный спорить.

Фирниор участия в беседе не принимал, сидел угрюмый и насупившийся, как сычик. Так же молча поднялся и пошёл вслед за магессой, когда они возобновили движение. Айриэ шла прямо, и очередной боковой ход справа не привлёк бы её внимания, если бы Фирниор вдруг не дёрнул её за полу куртки. Наткнувшись на его нарочито бесстрастный взгляд, Айриэ сообразила и повернула направо, но проворчала недовольно:

— Рискуете, Фирниор.

Он только хмыкнул, мальчишка беспечный.

Вскоре они упёрлись в массивную дверь, запёртую на парочку хитроумных заклинаний. Не настроенная нежничать магесса попросту выжгла заклинания, пользуясь тем, что её магия сильнее человеческой. Войдя, обнаружили неожиданно пыльную комнатёнку, заваленную каким-то хламом, вроде старого тряпья, разломанных стульев и стеклянных колб с остатками засохших зелий. В одном углу виднелась небольшая узкая дверка, которая открылась от лёгкого толчка, явив взгляду ещё одно обширное помещение.

Спас щит, который Айриэ не опускала. В лицо магессе устремилось боевое заклинание, срикошетившее от её защиты и врезавшееся в противоположную стену. Стене-то что, она каменная, а вот стойку со свисающими с верхней перекладины наручниками изрядно обуглило. Можно даже сказать, она стала вовсе негодной к употреблению. Больше магических сюрпризов вроде бы не обнаружилось, но Айриэ окружила щитами и спутников, не надеясь в этом плане на Мирниаса, опять ходившего с почти нулевым резервом.

Помещение оказалось чем-то вроде пыточной, где развлекался палач-любитель. Пожалуй, Айриэ теперь была уверена, что знает его имя. Орудия пытки не изобиловали разнообразием, но, видимо, для развлечений з-затейнику хватало. Если уж он Мирниаса лично пытал, значит, опыт в этом деле имеется. Чёрному магу надо вытягивать силу и жизнь из жертв через боль, иначе никак, так что это, видимо, и есть то самое логово, где погибли мельничиха Зари, пьянчужка Пайпуш и прочие. В центре комнаты имелся большой стол с мраморной столешницей и с наручниками для фиксации жертвы. Хотя маг способен обездвиживать жертв и магией, и некими зельями, зависит от личных предпочтений. Столешница была плохо отмыта от пятен засохшей крови и содержимого кишечника жертв; по бокам стола имелись желобки для стока крови, а внизу стояли две каменные чаши с засохшими буроватыми лужицами на дне.

Мирниаса бурно вытошнило, и он брезгливо отплёвывался, перемежая плевки с отборной уличной руганью. Фирниор опять до крови искусал губы и изо всех сил стискивал кулаки, чтобы удержать рвущиеся наружу слова. Ладно бы просто ругательные, а то ведь опять «удавка» среагирует...

— Нечего здесь задерживаться, идём дальше, — мрачно сказала магесса.

— Мэора Айнур, это здесь он их убивал? — сипло спросил Мирниас, кивнув на стол и кривясь от отвращения.

— Вероятно. Место уединённое, а если отсюда есть укромный выход наружу, через который мог пробираться хогрош...

— Есть, — подтвердил Фирниор. — За той дверью — алхимические лаборатории магистра Стейрига и лестница наверх. Выходит в лесок, а снаружи выход укрыт каким-то заклинанием.

— «Отводом глаз», наверное, — предположила Айриэ. Какая, в сущности, разница?

Она осторожно толкнула другую дверь, что вела в помещение справа от них. Вернее, попыталась толкнуть. Там стояла такая заковыристая магическая защита, что Айриэ побоялась её ломать. Было слишком похоже на сейфовые заклинания, которые в случае опасности выжигали содержимое, оставляя взломщикам горстку пепла. Что-то же ценное «маг-враг» там прятал, так что стоило попробовать аккуратно разобраться с защитой.

Приткнувшийся сбоку Мирниас восхищённо присвистнул и принялся разбирать чужое затейливое плетение, бормоча себе под нос комментарии. Дорвался до любимого дела. Увидев, что он машинально потянулся к силовым нитям, Айриэ саркастически поинтересовалась:

— Мирниас, вы уверены, что хотите быть размазанным о противоположную стену? И это ещё в лучшем случае.

Он ойкнул, спохватившись, и отдернул руку, но восхищения в глазах меньше не стало. А, что с такого возьмёшь, энтузиаст увлечённый...

Айриэннис сама склонилась ближе к плетению, оттеснив Мирниаса в сторонку. Так, если потянуть за этот кончик... вот сюда вдохнуть капельку силы и перенастроить этот участок на себя... потом ещё кусочек... Линии вспыхивали и гасли, узор менялся, повинуюсь желанию магессы, пусть и не очень охотно.

Заклинание сдалось после четверти часа увлечённых манипуляций. Ласково мурлыкнуло (фигурально выражаясь) напоследок и растворилось в магической оболочке мира. Артефактор сладострастно застонал от восторга и недостижимости подобного уровня работы с силовыми нитями. Но всё равно, он был очень талантлив для человека, раз сумел рассмотреть, что Айриэ сделала. Или это её кровь поспособствовала?.. Может, потом когда-нибудь и научится, он упорный парень... и от своей деревенской хандры, кажется, полностью излечился. И то сказать, нынче Кайдарах сонным болотцем не назовёшь.

— А теперь отойдите-ка оба подальше, — велела она, устало потягиваясь.

Фирниор несогласно мотнул головой:

— Айнура, предлагаете оставить вас наедине с возможными ловушками? Прятаться за вас?

— Один очень прочный щит эффективнее трёх менее мощных, — заметила она. Защитничек нашёлся непрошенный.

Он недовольно нахмурился, но признал правоту старших и молча отступил куда велено, вслед за Мирниасом. Айриэ осторожно открыла дверь и прошла внутрь комнаты с ослепительно белыми стенами, залитой светом многочисленных магических светильников. Тут маг и работал, и отдыхал, причём бывал часто, судя по всему. Два светло-кремовых кресла с высокими вычурными спинками, овальный столик с толстой, потрёпанной книгой по магии, бутылка золотистого вина и недопитый бокал, небрежно брошенная куртка на одном из кресел. На стенах имелись полки с книгами, тоже преимущественно с трудами по магии, в одном углу стоял массивный письменный стол с бумагой и набором гномьих чернильных «самописок», в другом — диван с пухлыми подушками. Мирный рабочий кабинет, да и только, если не помнить, что находится в соседнем помещении.

Тщательно осмотревшись, Айриэ охранных заклинаний вроде бы не обнаружила и

сделала спутникам знак заходить. Мирниас с любопытством осматривался, Фирниор убито смотрел на куртку: одежду он, похоже, узнал. Куртка была приметная, из мягкой светлой кожи, «наёмнического» фасона с затейливым узором из серебряных заклёпок. Магесса хотела что-то сказать по этому поводу и уже открыла рот, но тут все мысли о герцогском сынке вылетели у неё из головы. Потому что силовые нити за спиной угрожающе завибрировали и, молниеносно обернувшись, Айриэ увидела, как из стены напротив входа — точнее, из открывшейся в ней потайной дверцы — выдвигается небольшой круглый столик. На столике находился артефакт, переливавшийся чёрно-багровым от вложенной в него силы и намотанных плетений. Внешне он выглядел как изящный чёрный голубь, держащий в клюве чёрный же конверт с кроваво-красной печатью, но у Айриэ даже зубы заныли от угрожающей магии, расходящейся от него волнами во все стороны. Чутьё на опасность выло дурным голосом, и, ещё не понимая, что же такого страшного может быть в обычном, казалось бы, «письмоносце», Айриэ уже лихорадочно исследовала плетения на голубке.

Течение времени не то замедлилось до невозможности, не то вовсе исчезло. Первый удар по натянутым струнам нервов: печать на конверте с каплей крови короля Кайнира. Второй: голубок, как и положено нормальным «письмоносцам», самонаводящийся. Третий: если в него запустить заклинанием, артефакт не уничтожится — активируется и до капли заберёт её, Айриэннис, магическую силу, чтобы после отнести королю смерть. Четвёртый: артефакт уже активируется независимо от её действий, потому что настроен на приход мага, любого мага, а тут оказалось сразу два. Пятый: времени нет совсем, и неважно, с какой скоростью оно течёт сейчас и здесь. Времени нет, а решение нужно принимать незамедлительно.

Всё-таки Кайниру повезло с выбором союзников. Позже Айриэ осознала, что никто из живущих ныне в Акротосе не смог бы справиться с этим гениальным злодейством, воплощённым в «Чёрном Вестнике». Она-то смогла исключительно в силу своей расовой принадлежности и особых взаимоотношениях её сородичей с Вселенной, и никаких личных заслуг тут не имеется.

Натянутая силовая нить, по которой «письмоносец» безошибочно устремится к своей жертве, вспыхнула, и у Айриэ остался крошечный миг, чтобы воззвать к собственному защитному амулету, который король должен был носить не снимая. «Драконий» амулет защищал лишь от заклинаний Запретной магии, а «Чёрный Вестник»пил собственную магическую энергию Айриэ, и уже этой силой ударил бы по Кайниру — смертельно. Амулет ответил на зов своей хозяйки, и магесса сделала то единственное, что могла в подобной ситуации — «дёрнула» в сторону нить, ведущую к королю, и одновременно послала от амулета волну встречной силы. Амулет при этом сгорел, но Кайниру он уже, скорее всего, не понадобится. Если что, Айриэ завтра сделает новый, не страшно.

Чёрный голубок с шипением, слышным лишь в магической оболочке мира, проехался по силовым нитям, срываясь в свой смертоносный полёт. Но тут же столкнулся с прилетевшим от «драконьего» амулета импульсом, содрогнулся и сильно отклонился от намеченного курса. Должен был лететь на юго-восток — в летнюю королевскую резиденцию, а устремился куда-то на северо-восток, в Дилианию. Привязка к королю сгорела, безвозвратно сбив настройки несущего смерть «письмоносца».

Айриэ могла только надеяться, что «Чёрный Вестник» дотянет до моря и мирно затонет там, когда у него закончится магическая энергия. Ну или хотя бы свалится где-то в необитаемых местах, потому что в противном случае проклятый артефакт, взорвавшись при

падении, заберёт жизни тех, кто окажется поблизости. Сделать Айриэ уже ничего не могла, но юнгиродского короля она всё-таки защитила, как обещала. Вопрос в том, во что обойдётся эта защита миру... Что ж, Драконий Орден позаботится о пострадавших, если они будут, а другого утешения тут не предусмотрено... корррявое Равновесие!..

Всё это проносилось в голове Айриэ, пока она лежала на полу, придавленная сверху кое-кем не в меру заботливым. В момент активации «Чёрного Вестника», когда он вспорхнул вверх, ввинтившись в узкое вентиляционное отверстие под самым потолком, Фирниор налетел на магессу сзади и повалил её на пол, самоотверженно укрыв собственным телом. В этом имелся некий смысл, ибо пронёсся голубок в том месте, где за миг до того стояла магесса, но нанести вред «письмоносец» не смог бы, поскольку был сейчас под завязку накачан собственной магией Айриэ. А вот если бы Фирниор вздумал спасти её чуть раньше и тем самым помешать сбить голубка с первоначального курса...

Айриэ злобно взвилась, сбрасывая с себя юношу, и зашипела:

— Вас кто просил это делать, хотелось бы поинтересоваться? Вы, юный мэор, отдаёте себе отчёт в том, что едва не помешали мне спасти короля от этого поганого голубка?

Глаза Фирниора испуганно расширились, и он попытался отползти прочь, а Мирниас, тоже благоразумно бросившийся на пол, издал придушенный хрип.

— Фирниор, если вы ещё раз когда-нибудь посмеете помешать работающему магу, я вас прибью! Собственными руками! Проклятье, ну надо же додуматься соваться под руку в такой момент, что за щенячья привычка! Ни-ког-да — слышите меня — никогда! Не пытайтесь! Меня! Спасать! У меня защита и возможности, какие вам не снились, а ваше идиотское вмешательство могло дорого обойтись всему королевству, если уж на то пошло! Я понятно объяснила?..

— Более чем, — тихо, напряжённо ответил он. На скулах у него горел румянец, многострадальная нижняя губа опять кровоточила. — Я... приношу свои искренние извинения, мэора Айнура, за... глупое и щенячье вмешательство, и...

— Молчать, — ласково и проникновенно посоветовала Айриэ, и он благоразумно внял. — Я ценю прекрасные порывы, поверьте... теоретически, но если они мешают делу, то порывы эти — идиотские, хотите вы того или нет. А извиняться сквозь зубы не надо, не насилуйте себя. Мне от ваших извинений ни жарко, ни холодно.

Он упрямо сдвинул брови и по привычке залез в волосы растопыренными пальцами левой руки. Совсем не аристократическая привычка, но смотрелась довольно мило и естественно.

— До чего же с вами... непросто, Айнура, — вздохнул он. — Я честно пытаюсь извиниться. Я не знал... то есть, не подумал, что у мага вашего уровня есть защита. И что мешать вам строить заклинание нельзя. В общем, я всё осознал, простите, больше не повторится. Я... просто сильно испугался... за вас.

Последнюю фразу он произнёс совсем тихо, но прозвучало так искренне, что ругаться на него совершенно расхотелось. Тем более что ничего непоправимого не произошло. А вдобавок ко всему Айриэ начало потряхивать от слабости — организм наконец осознал, что силы из него выпили порядочно. Мирниаса, к примеру, с его невеликим резервом, проклятый артефакт осушил бы до дна, Айриэ же просто ощущала сильнейшую слабость.

Фирниор заботливо помог ей подняться на ноги и почти дотащил до кресла. Айриэ мешком свалилась на светло-кремовую обивку и блаженно откинулась на удобную спинку. Сил хватило, чтобы проверить вино на яды, после чего она попросила Фирниора подать ей

бутылку. Недопитым вином в бокале она побрезговала. Допивать после чёрного мага... гадость какая. Руки у неё, смешно сказать, тряслись от слабости, и юноша терпеливо помогал удерживать бутылку у губ, пока Айриэ подкрепляла силы. Выпив половину того, что оставалось в бутылке, Айриэ щедрым жестом поделилась со спутниками:

— Допивайте, мальчики.

Мирниас добрался до второго кресла и уселся, пренебрежительно скинув чужую куртку на пол. Фирниор пристроился на подлокотнике кресла магессы и, сделав несколько глотков из горлышка, передал бутылку приятелю.

— И что это было, мэора? — спросил Мирниас, прикончив вино и отправляя пустую бутылку туда, где уже валялась куртка.

— Очередное покушение на короля, которое чудом удалось предотвратить, — устало ответила Айриэ и прикрыла глаза. — Но на вашем месте, молодые люди, я бы постаралась об этом забыть как можно скорее.

— Я-то что, могу и забыть, мне не трудно, — покладисто согласился артефактор. — Не интересуюсь политикой. А Фирио как быть прикажете? Он-то против короля не злоумышлял, но люди, с которыми он связан кровными узами...

Раздавшийся рядом прерывистый вздох и напряжённое: «Перестань, Мирниас...» — вынудили магессу приоткрыть один глаз и сказать почти сочувственно:

— Я понимаю, что родственные чувства — это святое, но я бы на вашем месте не стала сильно переживать о судьбе людей, которые так легко вами пожертвовали.

— Вам-то откуда знать, легко или не очень? — жёстко усмехнулся Фирниор.

— Да хоть бы и с рыданиями, но ведь пожертвовали, — пожалала плечами Айриэ. — Вдобавок я лично разговаривала с его светлостью, и у меня отнюдь не сложилось впечатления, что он опасается за вашу жизнь. А ведь он, между прочим, сам отправил вас... дракону в пасть.

— Хорошо, что дракон оказался так благороден и добр, — совершенно серьёзно ответил Фирниор и вновь поцеловал ей руку.

— Вот только не надо приписывать мне несуществующих достоинств, — досадливо поморщилась магесса и прикрыла глаз, мечтая поспать хоть немного. От слабости в сон клонило неудержимо.

— Несуществующих — ни в коем случае. Только настоящие. — По голосу было понятно, что он наконец улыбается.

— Вы лучше подумайте об истинном отношении к вам герцога и его сына, — проворчала она.

— Знали бы вы, Айнура, сколько я за эти последние дни передумал... — Его голос опять звучал тоскливо и очень устало. — Они мои родные, я их люблю, но если они... сделали то, что сделали, то честь требует от меня выступить против них. Точнее, за короля. Я дворянин, мои предки клялись юнгиродским королям в верности. Ради моих предков и их чести я должен помочь покарать их потомков, забывших о клятвах. Не скажу, что смогу в решительный момент поднять оружие...

— Вам не придётся, обещаю, — прервала его Айриэ. — Вы уже помогли мне, король это учтёт и...

— Не хватало ещё награду получить! — Его будто пружиной подбросило с подлокотника.

Пришлось всё-таки открывать глаза, посему Айриэ заявила с изрядным недовольством:

— О награде речь не идёт, разумеется. Только о том, что король оценит участие каждого по заслугам. А пока вы оба дайте мне слово, что, выйдя на поверхность, не попытаетесь ничего предпринимать против Файханасов. До завтрашнего полудня, скажем, потом уже неважно.

— А как же... — начал было Мирниас.

— Никак! — отрезала Айриэ. — Это дело Драконьего Ордена и моё лично. Ваш возможное вмешательство мне сильно мешает, понимаете? Потому и прошу как разумных людей.

— Хорошо, Айнура, я даю слово. Я вам доверяю, — твёрдо сказал Фирниор. — Но если нужно, располагайте мною, не надо меня щадить. Я выдержу.

Мирниасу ничего не оставалось, как последовать его примеру, но, надо сказать, он особо и не сопротивлялся.

— Выйдем на поверхность, отправимся праздновать. Я позабочусь, чтобы нас не узнали. В конце концов, почтить осень просто необходимо, чтобы она была к нам добра, — усмехнулась магесса. — Так, а теперь помогите-ка мне перебраться на диван, Фирниор! Благодарю вас. Разбудите меня часа через три, договорились? Восстановлю резерв, поем, тогда уже пойдём. Надеюсь, больше сюрпризов мы не встретим. Сдаётся мне, это был основной, ради чёрного голубка всё и задумывалось... Силы в него было вложено очень много.

— Мэора Айнура, вы хотите сказать, из-за этого поганого голубка умерли все жертвы чёрного мага?.. — с дрожью в голосе спросил молодой маг. — Но это же...

— Мерзость это редкостная, как и всё, что имеет отношение к Запретной магии... Мерзость, Мирниас. Меня только одно радует: магу точно сейчас намного хуже, чем мне, и прийти сюда с проверкой он не в состоянии. Его расчудесный артефакт хлебнул моей силы, но ещё больше — энергии своего создателя.

— Почему? Из-за того, что вы сбили настройки «письмоносца»? — с профессиональным любопытством поинтересовался Мирниас.

— Вот именно. «Маг-враг» держал артефакт под контролем, и вообще там всё управление было завязано на его кровь и жизненную силу. Активация была настроена на приход в комнату любого, обладающего магическим даром, кроме самого создателя артефакта, и, подозреваю, наш противник имел все основания надеяться, что это окажусь я. Расчёт был на то, что при активации «Чёрный Вестник» выпьет меня досуха — и, не будь я драконьим магом, так бы и случилось. И вас бы, Мирниас, тоже высушило. Так что сейчас чёрный маг свято верит, что я погибла, раз голубок улетел. В общем-то, всё это изящно задумано, но бездарно исполнено. Умри я здесь, замок разрушило бы до основания, а всех кровных родственников Файханасов убило бы проклятие, и нашего затейника задело бы первым.

— Мэора Айнура, Фирнио надо защитить от происков его родни! — решительно выпалил Мирниас. — Ещё не хватало, чтобы он пострадал ни за что. Пожалуйста, мэора, помогите ему!

Фирниор болезненно поморщился, но смолчал, только отвернулся в сторону, пряча взгляд.

— Я сделаю лучше, — пообещала магесса. — Завтра узнаете... А сейчас, умоляю, дайте же мне наконец поспать!

Выбрались наружу они под вечер, окунувшись в солнечный, золотой, уже отчётливо пахнувший осенью день. Казалось, прошло гораздо больше времени, не каких-то три дня: таким резким показался переход из лета в осень. Деревья, повинувшись приближающемуся новому сезону, послушно сменили свои зелёные наряды на более приличествующие случаю: зелень была щедро разбавлена золотистым, коричневым и багряным. Тона осеннего бала — праздника свежего, горьковатого и медвяного, пахнущего дымком и пронизанного светлой грустинкой.

Айриэ и её спутники шли под щитами, с боевым заклинанием «удушливого дыма» наготове — на случай, если бы на выходе их поджидала засада. Но это было перестраховкой, никто их не встречал, конечно же. Разумно: нападать на живого драконьего мага по-прежнему было нельзя, а покойников ждать и вовсе ни к чему. У Фирниора, не обладающего магическим даром, были все шансы уцелеть при активации «Чёрного Вестника», ну так его светлость рассчитывал, что юноша сам придёт с докладом, куда ему деваться? Торопить события герцог не станет, тем более что его обожаемый сын опять лежит пластом после очередной магической плюхи, и любящего отца сейчас терзают иные заботы.

Ещё при выходе из подземелий Айриэ наложила на спутников качественную иллюзию, которая без труда продержится часов двенадцать, больше и не понадобится. Рост и телосложение менять почти не стала, пусть двигаются как привыкли. Мирниас стал красавчиком-брюнетом, черноглазым, с тонкими холёными усиками над красивым, ярким, чётко очерченным ртом. Фирниор превратился в огненно-рыжего, зеленоглазого, остролицего «лиса», с лукавой улыбкой и ямочками на щеках. Оба были одеты как небогатые дворяне, прибывшие на милый деревенский праздник: приличные штаны и рубашки, чуточку потёртые, но качественно сшитые, из дорогих тканей, а сверху расшитые кожаные жилетки. Всё без особой вычурности, но вполне прилично. Одежда самой Айриэ выглядела примерно так же: не то разбогатевшая наёмница, не то небогатая дворянка, увязавшаяся на праздник вслед за «кузенами». А вот внешность Айриэ вернула себе настоящую, разве что чуть приглушив иллюзией, особенно глаза. Которые с вертикальными зрачками, и сияют то изумрудным, то золотым цветом. Не стоит шокировать окружающих и отягощать их излишними знаниями...

Если бы здесь было зеркало, Айриэ непременно бы в него посмотрелась, а то с этими масками скоро забудешь, как выглядишь на самом деле. Впрочем, она и без зеркала знала, кого видят её спутники. Себе она вернула настоящий рост, все свои шесть футов без двух дюймов. Рослая, худощавая, подвижная, с гармонично развитыми, но не выпирающими мускулами, длинноногая, с тонкой талией и упругими острыми грудками, натянувшими тонкий светлый шёлк рубашки. Лицо чуточку слишком вытянутое, подбородок слегка заострённый, скулы высокие, брови чёткие, высокомерно изогнутые, губы светло-розовые — верхняя чуть тоньше нижней. Глаза большие, с вытянутыми к вискам уголками, тёмно-изумрудные с золотыми искорками, появляющимися произвольно, но сейчас спрятанными иллюзией, а ресницы густые, стрелчатые, чёрные с золотистыми «капельками» на кончиках. Причёску Айриэннис оставила прежнюю — так полюбившиеся ей задорные «пёрышки», только теперь жгуче-чёрные прядки перемежались с золотыми. Её родная масть, между прочим, отцовская. А глаза — от матери, её цветов. Нездешняя внешность,

экзотическая, а уж если снять иллюзию полностью...

Задумавшись, Айриэ не сразу уловила, что её спутники, до того весело хихикавшие и рассказывавшие друг другу (за неимением зеркала), какие изменения претерпела их внешность, вдруг примолкли. Подняв глаза, обнаружила, что оба благоговейно таращатся на неё, будто узрели нечто невообразимо прекрасное. А ведь ничего такого уж выдающегося и в помине нет. Вот же любители экзотики на её голову...

— Мэора Айнура, какая шикарная иллюзия! — первым отмер Мирниас. — Вы затмите всех местных красавиц на празднике.

— Потому что в вас горит огонь, не испепеляющий, а настоящий, живой. Согревающий, но не дающийся в руки, гордый и непокорный... — добавил Фирниор хрипловатым голосом. Айриэ показалось, он каким-то невероятным образом догадался, что видит не иллюзию, а настоящий облик. Ну, или почти настоящий. Один из двух, к слову, хотя об этом Фирниор точно не мог знать.

— Спасибо, мэоры, на добром слове, но отныне никаких имён, пока мы не одни! Для деревенских мы — кузены, приехали из Торбиана и гостим у... кто тут ещё поблизости живёт из дворянских семейств?

— Рингиры Вайширы, например, — подсказал Фирниор. — У них полно родни, всех они и сами, наверное, не знают. Они живут в Свэндире, это поместье к югу от Файханас-Манора.

— Ну и отлично, тогда мы — кузены этих Вайширов. А вообще, поменьше болтайте с деревенскими о себе, переводите разговор или отшучивайтесь, сами сообразите. Ладно, заглянем-ка для начала в таверну и расспросим хозяина.

— Если он жив, — мрачно добавил артефактор, и Айриэ мысленно с ним согласилась.

Таверна встретила их пустотой, хотя за стойкой находилась жена папаши Брэйдора. Посетителей не было, что неудивительно: на праздник выпивку принято покупать вскладчину, бочонками, а встречают приход осени под открытым небом. Четыре главных акротосских праздника, к слову, крайне редко омрачались ненастьем, обычно небо в дни смены сезонов оставалось чистым. Айриэ, если бы её кто-нибудь спросил, объяснила это особым расположением магических потоков и активным излучением, исходящим от силовых нитей мира, что в совокупности и разгоняло облака над обитаемыми землями.

— А где ваш супруг, брайя? — поздоровавшись, спросила Айриэ.

Немолодая, полная и обычно добродушная женщина сейчас смотрела настороженно, если не сказать зло. И ещё она явственно чего-то боялась, а чужаки явно вызывали у неё недоверие.

— Уехал Брэйдор, к родне вот пришлось срочно, там наследство небольшое нам светит, если подсуетиться вовремя. А зачем он вам, мэора, я его заменить могу, не сомневайтесь! Пиво у нас отменное, гномье ещё осталось, и тёмное, и светлое, есть небольшие бочонки. Так что, если желаете...

О муже она солгала, даже голос чуть изменился. Бойтся за него, похоже.

— Желаем, брайя, праздник ведь, осень встретить требуется! — подмигнула Айриэ, и женщина малость подобрела. — Нам два бочонка гномьего, тёмного и светлого, а ещё один — местного, медового.

Увидев деньги, жена хозяина сразу успокоилась и заулыбалась, хлопоча. Бочонки стояли тут же, в кладовке, примыкавшей к общему залу, и Айриэ послала спутников подтащить добычу к дверям. А сама надела на себя образ Айнуры, и женщина тихонько вскрикнула,

узнав магессу. Впрочем, в восклицании слышался не испуг, а скорее облегчение.

— Это я, брайя, пришлось вот под личиной скрываться. Молодые люди со мной. Орденские дела, знаете ли, — значительно объявила магесса, и хозяйка понятиливо закивала. — Ваш муж где? Только на этот раз честно ответьте. И не бойтесь, ему с моей стороны ничего не грозит, если он невиновен.

— Ох, мэора Айнура, да как вы могли подумать, что мой Брэддор может тёмными делишками заниматься? — всплеснула руками женщина. — Он ни в чём не виноват!

— А я и не обвиняю, кстати. Знаете, брайя, я подозреваю, что папаша Брэддор никуда не уезжал. Я права?

— Д-да, мэора, — кивнула женщина, нервно комкая передник. — Здесь он, прячется... Мне не говорит, от кого и почему, но я же вижу... Узнал он что-то, чего не должен был, вот теперь за жизнь свою боится...

— Ничего, брайя, не переживайте, я сумею его защитить. Позовите-ка мужа, а мы пока дверь закрём, чтобы сюда никто не вломился.

Откуда-то из глубин дома явился бледный, осунувшийся и трясущийся Брэддор. Пригласил её в парадную гостиную, спутники остались в общем зале: Айриэ хотела поговорить с хозяином «Свиной головы» наедине. Вначале он мялся и отнекивался, но потом всё же поверил обещанию Ордена его защитить. В общем, по его рассказу выходило, что бедняга уцелел чудом.

— Понимаете, мэора, мы с женой в тот день к дочке в гости пошли, а в таверне я помощника оставил, Байда. Клиентов всё одно немного, да и ему не впервой было, справлялся. Ну, мы у Тайры с Гриллодом поужинали, поболтали по-родственному, потом жена моя решила остаться и заночевать у них, чтоб всласть с дочкой пошпугаться о своём, о баб... женском то есть. А я сюда вернулся, чтоб помощника отпустить. Поздно уж было, ну да с тех пор, как вы чудище это прикончили, всё ж по деревне ходить стало безопасней, да и гвардейцы ещё улицы патрулируют, его светлость так повелел. Прихожу это я сюда, смотрю, светильники в зале вроде как не потушены, дверь не закрыта. Ну, думаю, клиенты ещё разойтись не успели, так мне же лучше, деньги-то не лишние. Зашёл в зал — а там они... мёртвые. Байд, Трон, Жвар Носатый и ещё несколько наших, деревенских... — Папаша Брэддор передёрнулся и утёр рукавом рубахи вспотевшую от волнения лысину. Руки у него заметно тряслись. — И как-то я так сразу подумал, что они отравлены: перед каждым кружка с недопитым пивом стоит, у кого опрокинута на пол, кто сам на полу в корчах помер, кто прямо так, за столом... Страшно они выглядели, мэора, и видно было, что в муках померли. И губы у них синие были, а лица искажённые, будто от боли. Я чуть сам там не помер со страху, мэора. А ещё подумал, что меня обвинят в содеянном, что, мол, это я их отравил, ну и... побоялся за стражей бежать. Тут мне шум во дворе послышался, я забился с перепугу в подвал. То есть не в сам подвал, на лестнице за дверью я стоять остался. Ну, поэтому и уцелел — не иначе, как богини Лунные меня надоумили. Потому как в таверну пришёл...

Брэддор умолк, нервно обернулся, будто ожидал, что в небольшой комнате кроме них с магессой окажется вдруг ещё кто-то. Потом наклонился к самому уху Айриэ и просипел свистящим шёпотом:

— ...мэор Орминд. Я б вам, мэора, ничего и не сказал бы, честно признаюсь — вы-то уедете, а мне здесь жить. И дочке моей с семьёй. Куда мы против герцога-то, сами ж, небось, понимаете. Да только есть на свете такие злодейства, молчать про которые никак нельзя.

Вот потому слушайте дальше, мэора магесса, я вам расскажу, чего видел и слышал. Герцогский-то наследник в таверну пришёл не просто так, знал он, что мертвецов тут найдёт. Я за ним в глазок подглядывал, он проверчен в двери, ведущей в подвал — на всякий случай. Подвал-то задуман и как убежище, если вдруг доведётся от каких лихих людей укрываться. Вон оно и пригодилося... Так вот, мэор Орминд, значит, спокойно так мертвецов осмотрел, а потом вдруг достал из кармана склянку и кисть, да и принялся рисовать на лбу у покойников какой-то знак. Да не простой краской, мэора! Показалось мне, что это кровь была...

Разумеется, кровь, что же ещё. Иначе покойника не поднимешь. Кровь требуется человеческая, и честные некроманты в таких случаях пользуются своей собственной. Но молодой Орминд явно привык резвиться за чужой счёт. Айриэ, которой Брэддор забрызгал слюной всё ухо, чуть отодвинулась, но продолжала изображать напряжённое внимание к рассказу.

— Ну вот, мэора, знаки он нарисовал, потом как-то по особому так рукой взмахнул да прочитал заклятье на каком-то тарабарском языке, я ничегошеньки не понял. Только такая меня жуть пробрала, оттого что голос у мэора Орминда сделался на себя непохожим, рычащим, да сила в нём звучала злая, чёрная. Такой силе попадись, враз перемелет, не помилует. Я там и дышать боялся, а как увидел, что покойники шевелиться начали, глаза открыли — так и вовсе окаменел. Смотрел на злодейство чёрное да молился богиням, чтоб меня не заметили. А мэор Орминд прямо упивался своей властью над мертвяками, мэора... Не зря про него поговаривали потихоньку, что он жесток не в меру, порой даже готов палаческие обязанности на себя взять. И девок любит мучить, когда их пользуется. Никто, понятно, вслух не жаловался, да и его светлость вовремя целителям платил и пострадавшим, чтоб, значит, никаких обид... А выходит, не наговоры это, истинная правда, теперь-то я верю...

Что ж, виновность Орминда окончательно подтвердилась. Случись это на пару декад раньше, Айриэннис радовалась бы, а сейчас было просто тоскливо и муторно. Потому что жертв могло быть меньше... но она не сумела раскрыть чёрного мага, чтобы предотвратить хотя бы убийство Юминны.

— А ещё, мне жена говорила, будто этих мертвяков и не ищут пока, потому как из замка, мол, предупредили, будто наших деревенских его светлость по какому-то делу срочно услал. Ловко, конечно, придумано, да только родня их скоро беспокоиться начнёт...

Будто герцога волнуют подобные мелочи, ха! У него тут убийство короля запланировано, а попутно — устранение драконьего мага. И где бы её предполагаемое убийство ни произошло, Айриэ была уверена, что «Чёрный Вестник» при этом непременно активировался бы. В конце концов, смерть мага такой силы долго заставила бы возмущаться и вибрировать силовые нити. Так что Файханасы намеревались сбить двух уток одной стрелой.

Брэддор ещё что-то говорил, но Айриэ почти не слушала, уйдя в свои мрачные мысли. Потом заставила себя встряхнуться. Так или иначе, но уже нынешней ночью Орминд заплатит за всё. А теперь — хватит терзаний. Мёртвые — мертвы, ничего уже не исправишь...

До прихода осени осталось около четырёх часов. Тогда она на целые сутки сможет стать собой... И пусть эти сутки будут заняты делами, но уж несколько часов на себя она выделит обязательно. Магесса улыбнулась с предвкушением. Заверила Брэддора, что завтра ему уже

нечего будет опасаться, а пока пусть спрячется, и покинула таверну. Спутников она потащила на постоянный двор, почувствовав, что ей прямо-таки нестерпимо хочется вымыться. Очистка магией — это немного не то, живая, настоящая вода гораздо лучше. Бочоночки с пивом она облегчила заклинанием, хотя они и так были невелики, всего-то пинт двадцать объёмом. Пиво требовалось, чтобы потом органично влиться в деревенский праздник, угостив всех присутствующих. Народ нынче подозрительный, однако угощение и вовремя упомянутые мнимые родственники заставят местных забыть, что они в Кайдарахе чужаки.

На постоялом дворе тоже никого не было, все уже ушли праздновать — в рощу за деревней, где традиционно жгли праздничные костры. Сторожить оставили старого конюха, которому магесса показала в образе Айнуры, чтобы войти беспрепятственно. Кстати, узнала заодно, что Шоко привёл герцогский слуга на другой же день, якобы по поручению самой Айриэ, оставшейся гостить в замке. Рольнир Файханас предусмотрителен даже в мелочах...

Айриэ, оказавшись в своей комнате, первым делом написала королю, коротко сообщив Кайниру о подтвердившейся виновности Файханасов и своих ближайших планах. Попросила, чтобы гвардейцы, которые должны будут захватить замок и арестовать заговорщиков, ждали её в условленном месте после двух ночи.

Отправив «письмоносца», Айриэ порылась в собственных запасах. Она держала у себя пару-тройку бутылок жидкого мыла с мужскими ароматами. В конце концов, иного мужчину перед употреблением следует отмыть, да и совместное участие в разных авантюрах, вроде нынешней, порой случается.

Выдав спутникам по бутылку жидкого мыла из своих запасов, Айриэ сама отправилась в мыльню и всласть поплескалась, смывая все гадкие воспоминания о подземельях.

Когда она вышла, спутники уже дожидались её у выхода — посвежевшие, повеселевшие и оживлённо болтающие. От Мирниаса пахло морем, солью и свежестью, от Фириниора — тёплой, чуть дымной зеленью ветивера и лёгкой горчинкой.

— Сейчас отправимся, я только за вином в погреб схожу, — сообщила Айриэ.

Погреб был заперт, но магия-то на что? Айриэ уже успела узнать, где что у Гриллода стоит, и прихватила с полки пару бутылок игристого вина, оставив взамен две золотые «короны», чтобы потом не забыть отдать и не остаться в долгу.

— Вот теперь идём веселиться! — скомандовала она, увлекая юнцов за собой.

Радостное предвкушение свободы будоражило кровь получше игристого, заставляя ненадолго забыть обо всех проблемах и трагических событиях. Потом, всё потом, осень не любит надутых и плаксивых, уместна лишь светлая грусть, да и то совсем немного.

Деревенское веселье было незатейливым, но искренним — как раз то, что требовалось, чтобы отогреться душой после катакомб. Все трое без проблем влились в толпу празднующих кайдарахцев, прибившись к большой и шумной компании. Гномье пиво вызвало бурное одобрение, и вскоре «кузены Вайширов» стали практически своими. Тем более, что они не чинились перед деревенскими и не задирали носы, а весело лопали мясо с дымком и пахнувший травами томатный хлеб. Причём перед этим, как положено, почтили осень, скормив осеннему костру по ломтю хлеба, горсти ягод и глотку пива.

— Восхитительно! — авторитетно заключила Айриэ, с наслаждением впиваясь в толстый, мягкий ломоть оранжевого хлеба с горьковатым ароматом эстрагона, иссопа и майорана. — Лучший хлеб из всех, что я пробовала здесь — это ритуальный осенний.

— Угу! — согласно промычал Мирниас с полным ртом, а Фирниор просто кивнул, отдавая должное и хлебу, и мясу, и прочим нехитрым, но таким вкусным деревенским угощениям, выставленным на общие столы.

Утолив голод, они попробовали местный хмельной медовый напиток, а потом распили припасённую Айриэ бутылку игристого. Послушали песни и игру местных (хорошо, что Тианора не было — в замок, надо полагать, пригласили работать). Поплясали немного, пошутили с местными, поболтали и послушали всякие байки.

Но каждой клеточкой своего существа Айриэ чуяла приближение заветного мига. Она подрагивала от предвкушения, так что Фирниор, мгновенно почуяв её настроение, тревожно посматривал, но с расспросами не лез. Вот ведь глазастый, с неожиданным теплом подумалось магессе.

Праздновать она собиралась по-своему. Ей нужен был мужчина — даже не ради собственно любовных игр, а чтобы дать выход накопившемуся напряжению и одновременно облегчить переход от связанного, спелёнатого состояния к почти полной свободе. Резкий переход, который кружит голову и сдирает все маски. Восторг. Полёт. Крылья. Возвращение к себе.

Ещё четверть часа — и можно наконец встретиться с собой настоящей.

Айриэ подозвала к себе Мирниаса, с интересом посматривавшего на хорошенькую светловолосую девушку из деревенских, и весело посоветовала перейти от взглядов к делу.

— А вы с Фирио? — чуть неуверенно спросил артефактор, с сожалением оглядываясь на девушку.

— А мы тоже уходим праздновать.

— Правда? — искренне обрадовался долговязый маг. — Здорово, рад за вас!

И, недолго думая, устремился на охоту, быстренько избавившись от лишних ухажёров светловолоски. Похоже, облик заезжего дворянина придал ему уверенности в своих силах.

Айриэ обернулась к Фирниору — застывшему, напряжённому, как струна. Кажется, он до сих пор боялся поверить в то, что слышал. Магесса молча улыбнулась и потянула его за собой в лес. Идти пешком Айриэ не собиралась, равно как и устраиваться поблизости от таких же парочек, уже занявших все удобные полянки поблизости. Она просто завела спутника за деревья, чтобы их не было видно с поляны, зажгла «светлячок» и стала дожидаться наступления полуночи. Сняла с него иллюзию: рыженький юноша, конечно, смотрелся мило, но сегодня — ночь сброшенных масок и настоящих лиц.

Фирниора из них двоих она выбрала не задумываясь. Мирниас — отличный парень, но Фирниор — более тонко чувствующий, открытый и светлый. Пусть получит эту ночь в подарок, он заслужил немного волшебства. Ну и заклинание забвения ещё никто не отменял. Правда, существовала опасность, что мальчик привяжется к ней слишком сильно, но, с другой стороны, Айриэ всё равно уедет отсюда, вряд ли они вообще когда-нибудь встретятся. Забудет, в его-то возрасте привязанности вспыхивают легко и ещё быстрее гаснут...

Фирниор, сначала неуверенно, потом всё смелей притянул её к себе и заглянул в глаза. Теперь, когда они оказались почти одного роста, это было значительно удобнее сделать. Айриэ не знала, что он там разглядел, только его собственные глаза вновь стали тёмно-лилово-серыми, как и всегда, если что-то его глубоко задевало. Шершавые, искусанные губы прижались к её собственным, осторожно изучая и лаская. У поцелуя оказался чуть солоноватый привкус крови — опять у Фирниора открылась ранка на губе.

Целоваться он умел — спасибо русалкам, наверное. Айриэ оставалось надеяться, что и в

остальном он разбирается, а если что, научим в процессе. Мальчик чуткий и умненький, такого и поучить приятно.

Две минуты... минута... Полночь!.. Айриэ чуть отстранила партнёра, провела пальцем по его истерзанным губам, исцеляя. Улыбнулась медленно и загадочно, сняла с себя все оставшиеся иллюзии — и он застыл, зачарованный драконьим взглядом. Сказала с насмешливой ласковостью:

— А вот теперь давай знакомиться. Моё настоящее имя — Айриэннис. Айриэ, если хочешь.

— Айриэннис... — повторил он, будто пробуя имя на вкус. И сократил, делая ударение на первом слоге: — Айрэ...

Можно и так, ей было не жалко. Вон, Саэдрэ её вовсе Риэни зовёт...

Она легко, наслаждаясь высвободившейся, но послушной ей силой, открыла портал — наугад, просто пожелав увидеть на выходе поляну в лесу, не далее трёх миль отсюда. Фиор послушно прошёл за ней в портал, будто делал это по сто раз на дню. Кажется, он был не намерен удивляться чудесам, творимым его дамой. Потому что сама дама, её настроение и желания волновали его гораздо больше, и такое отношение оказалось на удивление приятным.

Магия не подвела, полянка оказалась ровной, сухой, окружённой высокими деревьями. Айриэ прошлась, убирая лишние кустарники и создавая по контуру глухую завесу, чтобы ничьи случайные взгляды им не помешали. Наложила «полог тишины», раскидала сторожевички по кустам, развесила в воздухе несколько золотистых «светлячков», а в центре поляны сотворила удобное ложе из огромного вороха опавших, разноцветных, глянцево-поблёскивавших листьев. Сделала листья чистыми, тёплыми и шелковистыми на ощупь — не на грязных же, холодных, скользких и царапучих кувырках?..

— Фиор, ты когда-нибудь занимался любовью на опавших листьях? — задорно улыбнулась она.

— Айрэ, с тобой — где угодно! — хрипловато ответил он и шагнул было к ней, но был остановлен жестом магессы.

— Мы всё ещё не познакомились по-настоящему. Смотри!

Она на миг опустила ресницы, перестраивая зрение и позволяя телу скользнуть в привычную, родную пелену мгновенной смены ипостаси. Спустя секунду-другую на лужайке стоял серебристо-изумрудный дракон. Раза в четыре больше обычной лошади, с изящной длинной шеей и гордо посаженной головой, крепкими, сильными лапами и шипастым хвостом. Вдоль спины, от затылка до кончика хвоста шёл серебристый прочный гребень. Айриэ кокетливо изогнула шею и взмахнула крыльями — кожистыми, тонкими, но очень прочными. Крылья хлопнули, поднимая ветер и ероша золотистые волосы Фирниора, в немом восхищении застывшего посреди лужайки.

— Ну как тебе? — чуть насмешливо спросила Айриэ, зная, что драконья морда прекрасно отображает все эмоции — прежде всего, благодаря очень выразительным глазам, золотым с вертикальными зрачками. Голос у неё благодаря магии остался таким же, как в бескрылой ипостаси.

— Корявое Равновесие!.. — выдал Фирниор её любимое присловье, выходя из ступора. И заключил с трогательной убеждёностью: — Айрэ, ты прекрасна! Это... это же не фантом?

— Это я.

— Дракон? — Счастливо улыбаясь, Фирниор оказался рядом и осторожно, почти невесомо тронул рукой чешую на передней лапе.

— Дракон, — подтвердила она. — Драконна, если угодно.

— Так драконы, получается, не ушли?

— Да нет, я единственная на весь ваш Акротос. Я здесь по делам и относительно ненадолго. Этот мир слишком хрупок для драконов. Несколько моих сородичей могут полностью разрушить магическую оболочку мира, поэтому мы здесь гостим поодиночке.

— Айрэ, ты вдобавок ко всему из другого мира? — Брови Фирниора взлетели вверх.

— Драконы — стражи миров. Мы лечим ваш мир, присматриваем за порядком, иногда вмешиваемся в дела других рас... если без нашего вмешательства будет хуже.

— А Драконий Орден?

— Его основал дракон, — усмехнулась Айриэ. — Но состоят в нём человеческие маги.

— Айрэ, тебе не будет неприятно, если я тебя потрогаю?

— Да трогай, не бойся, я не возражаю, — фыркнула она и провокационно наклонила голову. — Можешь даже поцеловать.

Фирниор, из деликатности едва решавшийся коснуться дракона кончиками пальцев, радостно воспользовался разрешением. Благоговейно обхватил руками огромную драконью голову и принялся нежно касаться губами чешуек на щеках, и век, и губ. Хм, неожиданно, пожалуй, но приятно — доверчивость и искреннее восхищение в его глазах отозвались тёплым чувством где-то глубоко внутри. Драконна засмеялась и легонько оттолкнула его, сказав:

— Фиор, мне, конечно, понравилось, но целоваться удобнее в бескрылой ипостаси.

— Ты хочешь принять человеческий облик?

— Я хочу принять драконий облик! — шутливо возмутилась она. — У драконов две ипостаси — крылатая и бескрылая. Смею напомнить, драконы появились во Вселенной гораздо раньше людей. Это люди похожи на бескрылую драконью ипостась, а не драконы — на людей.

— А ведь и правда, — чуть растерянно рассмеялся юноша. — Люди любят важничать, да?

— Лишь бы гадостей поменьше делали, а то нам работы прибавится, — проворчала Айриэ, возвращая себе двуногий облик.

Фирниор грустно вздохнул, сожалея, но быстро утешился, обнимая её и целуя. Прикасался благоговейно и бережно, как к хрустальной фигурке, так что пришлось показывать, что она не такая хрупкая, как он себе вообразил.

Они опустились на ложе из листьев, вполне отлично себя зарекомендовавшее. Благодаря магии получалось мягко, упруго и очень необычно. И уютно, потому что магесса окружила ложе пологом из тёплого воздуха.

Айриэ порой ненавязчиво подсказывала Фиору, как именно и где следует её ласкать, но в целом он прекрасно справился, несмотря на свою юность. Общение с русалками пошло ему на пользу, но главное, Фирниор прежде всего заботился о том, чтобы сделать приятное ей, а потом уже думал о своих желаниях. Что ж, порадовать он её сумел. За это мальчик был обласкан как следует — до радостной ошалелости, до острых вспышек удовольствия, долго сотрясавших его тело.

— Айрэ... Айрэ... я люблю тебя, Айрэ... — бессвязно шептал он, благодарно уткнувшись ей в шею и пытаясь выровнять сбившееся дыхание. От него волнами исходило

счастье, острое, чистое, радостное, светлое, и Айриэ молча впитывала эти эмоции, раскрывшись совсем чуть-чуть — ровно настолько, чтобы собрать необходимые ей ощущения. Они нужны, потому что всю оставшуюся ночь ей предстоит заниматься делами далеко не радостными, и этот комочек чистого счастья сделает её задачу намного легче.

Отдышавшись и уняв бешеный стук сердца, Фиор решился спросить:

— Почему я, Айрэ? Я думал, тебе нравится Мирниас... Ты его целовала и так смотрела... я же видел.

— Не целовала, а делилась силой.

— Но смотрела по-особенному...

— В тот момент я думала совсем о другом человеке... не человеке, — усмехнулась она.

— О драконе? Которого ты любишь?..

— Не люблю, но он мне дорог. Очень.

Саэдрэ, милый, бесконечно дорогой Саэдрэ. Он, кажется, лелеял мечты пригласить её на Танец Жизни, но сама Айриэннис не чувствовала к этому ни малейшей склонности. Может, через пару-тройку столетий она и сумеет отыскать в себе подобные желания, но не сейчас.

— А всё-таки, почему я?.. — тихо, задумчиво повторил он.

— Может, потому что, даже считая Мирниаса соперником, ты ему помогал? Без скрытой неприязни, без зависти, без ревности. Вот это мне и понравилось, — улыбнулась она, проводя кончиками пальцев по его щеке.

Он поймал её пальцы и прижался губами.

— Мирниаса я в любом случае рад назвать своим другом. А если бы ты выбрала его... значит, он достоин, не мне же судить о твоём выборе.

Славный мальчик. Чистый, как вода из горного ручья — хрустально-прозрачный, звенящий поток... Даже немного жаль, что она не может уделить ему больше времени.

Айриэ лениво потянулась и села. Пришло время выпить хмельного «драконьего» вина. Ей оно просто добавит бодрости, хотя ей не нужен никакой отдых, когда магия и свобода радостно бурлят в крови, призывая к действию. А Фиор, выпив этот бокал, забудет о её сегодняшних откровениях. Она добавит магии забвения, и мальчик будет помнить только, что ему было фантастически хорошо с Айриэ. Он забудет о том, что видел дракона и услышал много такого, что ему знать ни к чему.

Айриэ не слишком нравилось прибегать к подобным средствам, но так будет лучше. Для самого Фиора, прежде всего.

Тут он взглянул на неё так доверчиво и открыто, что совесть безжалостно прошла по сердцу когтистой лапкой. Такому напиток забвения подносить — всё равно что яд подсунуть. Яд, пожалуй, честнее.

А, Равновесие с ним, с напитком!.. Иначе совесть её загрызёт. Обойдёмся простым заклятием забвения, оно более щадящее. Мальчик будет думать, что ему снился волшебный сон, а в реальности он просто занимался любовью с магессой, на другой день магесса уехала. Конец истории.

— Айрэ, а в Акротосе постоянно присутствует кто-то из драконов? — полюбопытствовал Фирниор.

— Да нет, время от времени. Мы приходим, только если возникает нужда.

— А... ты давно здесь?

— Со дня летнего солнцестояния. Я прибыла в Юнгир по просьбе Кайнира.

— Я тебя не встречал... жаль.

— Ну, я тоже тебя не видела, — пожалала она плечами, не уточняя, что тогда вообще была под другой личиной. — Я не общалась с бывающими при дворе. У меня орденских дел полно было.

— А раньше? Айрэ, ты бывала в Акротосе раньше или это впервые? Просто ты так хорошо во всём ориентируешься, ведёшь себя как уроженка нашего мира... По тебе и не скажешь, что ты дракон.

— Много ли ты драконов до меня видел? — усмехнулась Айриэ. — А вообще-то, приходя в любой из миров, мы пользуемся... как бы это сказать... родовой памятью. Или памятью расы, если угодно. Драконы могут объединять сознание, назовём это так, со своими сородичами и даже с теми, кто жил за тысячелетия до того. В общем, перед переходом в какой-либо мир мы магически получаем полный объём сведений о мире, о расах и народах, его населяющих, о языках, обычаях, истории. А в Акротосе я не впервые, мне уже приходилось бывать здесь. Впрочем, долгое время этот мир был без драконьего присмотра. Мы ушли и забыли о нём, потому что нашим предкам было больно вспоминать о покинутом доме. И потому что драконов мало, а миров — бесконечное множество, и в каждом свои проблемы...

— А сколько тебе лет? Прости за бесцеремонность, но мне кажется, ты же не человеческая кокетка, чтобы всячески скрывать возраст...

— Больше ста пятидесяти по вашему счёту. У нас год длиннее, и сами сутки — тоже.

— Да это же совсем мало! — плутовски улыбнулся он, сверкнув зубами. — Я-то думал, не меньше тысячи...

— Ах ты, юный нахал! — рассмеялась она, бросая в него пригоршню зачарованных листьев.

— А как называется ваш мир? — Глаза Фиора прямо-таки горели от любопытства.

— Драконниар. Ну как, я удовлетворила твою тягу к знаниям?

— Более чем. — И добавил уже серьёзно, проникновенно так: — Спасибо тебе, Айрэ... За то, что ты есть. Здесь и сейчас.

Фиор тоже сел и принялся скользить губами и языком по её чувствительной спине, отчего Айриэ готова была замурлыкать. Определённо, мальчик заслуживает дополнительной награды... Все природные ощущения она усилила магией, так что Фирниор, кажется, едва сознания не лишился от пронзительного, острого блаженства. После чего успел только вновь прошептать слова благодарности и вытянулся на ложе, закрыв глаза.

Выждав минут пять для верности, она убедилась, что заласканный юноша крепко спит. Поднявшись, оделась — драконы сохраняли одежду при трансформации, но если превратиться обнажённой, то при возвращении в бескрылую ипостась одежды на ней также не будет.

— Айрэ?.. Что ты делаешь?..

Ведь спал же — так нет, каким-то образом даже сквозь сон почуял неладное. Смотрел тревожно, между бровей появилась вертикальная морщинка. Он мгновенно вскочил на ноги и приблизился вплотную, пытаясь прочесть ответ на её лице.

— Почему ты уходишь?

— Потому что мне пора. — Она слабо улыбнулась и положила руки ему на плечи в почти неосознанном жесте утешения.

— О чём ты?.. — Он непонимающе вглядывался в её глаза, отчаянно и неотрывно,

словно пытаясь удержать её своим взглядом и уже понимая, что попытка была изначально обречена на неудачу.

Айриэ поцеловала его в лоб, одновременно насылая заклятие забвения.

— Спасибо, Фиор, твои чувства помогут мне сегодня творить справедливость. А теперь забудь!

В его потемневших глазах вспыхнуло упрямство, он отступил на шаг, будто защищаясь от драконьего колдовства. Но Айриэннис уже не интересовалась происходящим на поляне, для неё это был приятный эпизод из прошлого.

Смена ипостаси, острое ощущение вернувшейся силы и свободы. Взмах крыльями — и долгожданный полёт. Земля уходит вниз, крылья трепещут от ветра, ласкающего серебристо-изумрудную чешую. Ветер шепчет, кружит голову, соблазняет поиграть с ним — и Айриэ уступает, потому что слишком долго ждала этого. Потому что только ради полёта и стоит жить. Ради полёта и ради свободы.

Снизу ещё доносится чей-то крик: «Айрэ!.. Подожди!..» — но разве может бескрылый стать привлекательнее ветра? Кто он, этот человечек внизу, зачем он? Есть небо, звёзды, облака, к которым она сегодня не полетит, но однажды...

Холодный, горьковатый и пахнувший дымком осенний ветер танцевал, сжимая в объятиях изумрудного дракона с золотыми глазами.

Вот она, жизнь.

Драконна позволила себе примерно час свободы и шального танца с ветром, потом пришлось возвращаться к делам земным. Что ж, сама взяла на себя обязательства, сама их и выполнит.

Глубоко вдохнув холодный ночной воздух, Айриэ повернула к Файханас-Манору. Стремительный полёт, и через десять минут она уже сидела на крепостной стене, заглядывая во внутренний двор замка, где сегодня по случаю Праздника Осени горели костры, стояли столы с угощением и веселились люди, славя приход нового сезона. Его светлость с наследником и кузенами, разумеется, присутствовали, изображая полнейшую беззаботность — в эту ночь принято веселиться до рассвета. Наследник, к слову, что-то слишком быстро оправился от упадка сил, должен был в постели валяться...

Драконна подлетела к замку, прикрывшись «отводом глаз», но сейчас сняла заклинание и осветила себя, чтобы её видели все. Снизу раздались первые крики — кто-то глазастый первым заметил диво-дивное, восседающее на крепостной стене. Да, драконов здесь не видели со времён Ухода... Что ж, нынешнее зрелище люди запомнят надолго, даже если подумают, что это фантом. И над Файханас-Манором прозвучали слова драконьего проклятия, тяжёлыми, ледяными камнями падающие на обречённый род.

— Во имя справедливости и Равновесия драконы обвиняют! Орминд Файханас, ты применял Запретную магию и виновен в убийстве нескольких людей. Ты находился в сговоре со своими родственниками и дважды покушался на короля Кайнира. Ты пачкаешь этот мир своим присутствием. Сделал зло — плати. Причинил боль — пусть её причинят тебе. Кровью, болью и смертью всех, загубленных тобой, взываю к закону Равновесия и проклиная тебя, Орминд Файханас! Ты виновен и будешь умирать в муках, чтобы исправить зло, причинённое тобой миру. Все из рода Файханасов и их приближённые, кто принимал участие в заговоре против короля и помогал чёрному магу, да будут прокляты! Король находится под защитой Драконьего Ордена! Драконье проклятие несмываемое, и оно сбудется, если виновные — виновны.

Сила взвихрилась вокруг неё, сияющие, искрящиеся потоки потянулись к уродливому «узлу» и влились в него. «Узел» неожиданно полыхнул багровым, а потом из него потянулись тонкие витые нити, обманчиво непрочные, однако порвать их уже никому не удастся. Сами угаснут, когда выполнят своё предназначение. Нити драконьего проклятия медленно потянулись к обречённым.

Драконна выпустила перед собой струю пламени для пущего эффекта и взлетела, сделав круг над внутренним двором замка. Люди кричали и суетились, кто-то даже пытался стрелять в неё из арбалетов, но болты отскакивали от драконьей чешуи. Рольнир Файханас и его сын, застыв, неотрывно смотрели в небо, а потом вдруг повалились на землю, корчась от боли. Сумятица и паника усилились, когда Файханасов одного за другим начало поражать драконье проклятие. И тогда Айриэ наслала на всех людей в замке магический сон. Он продлится примерно час и поможет предотвратить ненужное кровопролитие.

Вассалы Файханасов ещё не поняли, но им больше некого защищать. Если сами они невиновны в заговоре, то проклятие их не затронет. Им будет дан шанс присягнуть на верность королю и новому владельцу Файханас-Манора.

Когда в замке воцарилась тишина, и люди попадали на землю прямо там, где стояли,

драконна опустилась на землю и сменила ипостась. Накинула на себя знакомый приближённым короля облик Айнуры, потом прямо во дворе открыла портал в заранее условленное место, возле казарм королевской гвардии в Юнгире.

Встречал её капитан королевской гвардии Динмор Тианжер — невысокий, сухощавый, подтянутый, полностью седой, хотя ему не было и полувека. Воин, не раз доказывавший королю свою преданность, и бывший одним из самых доверенных людей Кайнира. Капитан намеревался лично возглавить сотню гвардейцев, которые должны были арестовать Файханасов.

Поздоровавшись, Айриэ спросила:

— Король в Малом кабинете?

— Да, мэора, его величество ждёт вас.

— Замечательно, я сейчас к нему. А вы и ваши люди можете приступать к операции. Все в замке погружены в сон, он развеется примерно через час. Портал продержится трое суток, пользуйтесь смело. Перед тем, как самоуничтожиться, портал начнёт светиться красным и перестанет пропускать людей.

— Благодарю вас, мэора! — Капитан вежливо поклонился и первым шагнул в портал, скомандовав своим гвардейцам следовать за ним.

Из-за спин гвардейцев вперёд вышел Багиор, королевский камердинер — высоченный, широкоплечий, плотный. Его частенько принимали за телохранителя короля и, скорее всего, не без оснований. Впрочем, сам Кайнир ценил камердинера прежде всего за преданность, умение молчать и сообразительность.

— Мэора магесса, прошу вас, следуйте за мной. — Голос у Багиора тоже был внушительный — густой, бархатистый, мягко рокочущий бас, чуть напоминавший гномий говорок. — Его величество вас ожидает.

Они добрались до любимого рабочего кабинета короля гораздо быстрее, чем если бы шли через парадный вход: Багиор вёл её некими боковыми ходами и узкими лестницами. От охраны Айриэ удаивалась лишь коротких бдительных взглядов. В лицо её знали, разумеется, не все гвардейцы, но Багиор был доверенным лицом короля и мог водить к нему посетителей, особенно если требовалось сохранить визит в тайне. Впрочем, магессу и так в любое время беспрепятственно пропустили бы во дворец, стоило ей назваться, только ждать встречи пришлось бы чуть дольше.

Багиор с поклоном пропустил магессу к королю, сам оставшись снаружи. Айриэ немедленно вернула себе истинный облик, не хотелось носить иллюзию дольше необходимого. Смешно, но без иллюзии ей как будто дышалось легче.

Малый кабинет был относительно небольшой, по дворцовым меркам, комнатой, отделанной в малахитовых тонах с вкраплениями золотисто-коричневого. Мебель была классической и строгой, все предметы — немного потёртыми, с богатой историей, король лично подбирал любимые вещицы. Не вычурно, уютно и даже как-то душевно — неудивительно, что Кайнир предпочитал проводить время здесь. В парадном кабинете, где от позолоты и пышности рябило в глазах, король принимал министров, послов и просителей, там всё было нарочито и напоказ. Серьёзные дела вершились в уютной тиши Малого кабинета.

Кайнир стоял у окна и бездумно смотрел в ночной сад, по случаю праздника украшенный разноцветными фонариками. В саду резвились фрейлины принцессы Эглианы, тётки короля, придворные и гвардейцы из тех, кто был свободен от дежурства. Они играли в

милые придворные игры и разбивались на парочки, чтобы уединиться в дворцовом парке, где зелень была повыше и погуще, а уединённых уголков — великое множество. По случаю Начала Осени весь дворец не спал, отовсюду слышались звуки музыки и весёлые возгласы, шутки, смех. Только в кабинете Кайнира было сумрачно и тихо, поскольку король активировал глушащий звуки амулет и погрузился в чёрную меланхолию.

Кайнир медленно повернулся и измученно взглянул на магессу. Выглядел он каким-то потухшим. В обычное время король был жизнерадостным, его взгляд светился умом, лёгкой насмешливостью и добродушной лукавинкой, а высокомерие и надменность он оставлял для врагов и неприятных лично ему людей. Кайнир не был красавцем: лицо слишком узкое и худое, нос длинноват, глаза глубоко посаженные, серые с редкими светлыми ресницами. Но его добродушие и сердечность с лихвой искупали лёгкие недостатки внешности, и король был искренне любим своими подданными, особенно вызывая умиление у дам. Впрочем, фавориток его величество выбирал более осмотрительно, чем даже друзей, и дамы, охочие до подарков и титулов, покидали королевскую постель очень быстро.

Кайнир с юности привык быть правителем жёстким и даже жестоким, если понадобится, но власть никогда не кружила ему голову, а корона не вытравила из него совесть и душевное благородство. Таких королей и такие королевства надо беречь, хмыкнула про себя Айриэ. Чем она, собственно, и занимается...

— Зря я настаивал на убедительных доказательствах вины, Айриэннис. Вы были правы, разумеется, а я со своим доверием дождался худшего. Надо было ещё три месяца назад... — он не договорил и махнул рукой, по-стариковски ссутулившись.

— Доверие к своим — не самая плохая черта, — негромко сказала драконна.

— Надо же, я-то думал, герцог Файханас предать меня не способен. Кто угодно, только не он! — горько рассмеялся король. — Нет, доверие — это роскошь, королям почти недоступная.

— Вы, Кайнир, всё-таки постарайтесь эту роскошь себе позволять, — искренне посоветовала Айриэ. — Не в ущерб здравому смыслу, разумеется, но по возможности чаще. Не очерствейте душой, как многие правители до вас, хотя это не самый лёгкий путь.

Кайнир вздохнул и устало потёр руками виски.

— Голова разболелась от этого праздничного шума, — невнятно пожаловался он, хотя понятно было, что шум здесь ни при чём. А вот подтвердившееся предательство второго отца ударило по нему больно.

Айриэ подошла и осторожно отвела его руки от висков, посылая волну исцеляющей силы. Сегодня, когда её магия с ней, лечить было так просто. Впрочем, это относилось только к лёгким недомоганиям, драконы никогда не были уж очень хорошими целителями. Лучше всего у них получалось лечить себя и своих любимых, прочих — не слишком.

Король благодарно кивнул и жестом пригласил магессу сесть в кресло. На низком столике дождалась бутылка драгоценного эльфийского вина и два бокала. Кайнир сам наполнил бокалы и сказал, криво улыбнувшись:

— Почтим осень, Айриэннис. Хотя праздник для меня сегодня получился грустный...

Золотое, тягучее, неуловимо медовое с легчайшей горчинкой «Сердце Осени» ласкало язык и мягко лилось в горло. Отличное вино, эльфы создали достойнейший праздничный напиток. Это вино поистине не имело цены, ибо эльфы его не продавали, однако могли подарить. Кайниру, видимо, прислали подарок из Альтиналя.

— Пусть осень будет к нам добра и щедра! — в свою очередь, пожелала Айриэ.

Они молча, наслаждаясь тонким букетом, выпили по второму бокалу, после чего Кайнир попросил рассказать ему о случившемся в Файханас-Маноре. Айриэ кратко пересказала королю события последних дней и собственные выводы.

— Одного не понимаю, зачем?.. — судорожно выдохнул Кайнир и шарахнул кулаком по подлокотнику кресла. — Я же верил ему!..

— Спросите его сами, Кайнир, — посоветовала Айриэ, пожав плечами.

— Спрошу! — мрачно и решительно ответил молодой король. — Я приказал оставить его... их обоих там. Айриэннис, я прошу вас сопровождать меня, потому что я собираюсь отправиться в Файханас-Манор. Прочих виновных сегодня же отправят в тюрьму, пусть подышают там, раз заслужили. Кто не умрёт до тех пор, через декаду отправится на каторгу, когда соберётся тюремный караван.

— Вряд ли кто-то доживёт... однако это решать Равновесию. Оно возьмёт ровно столько, сколько заслужили виновные.

— Пусть будет так.

Кайнир смотрел жёстко, безжалостно. Он был готов судить и карать виновных лично, хотя бы это рвало ему душу в клочья. К счастью, от подобного короля можно было избавиться, да и демонстрация возможностей, устроенная от имени Ордена, была в политическом смысле выгодней, чем обычная казнь заговорщиков.

— Вы уже решили, что будет с герцогством? — спросила Айриэ.

— Решил. Титул получит Сэйдир Хайден. Он всего лишь третий сын барона, зато верен и честен. Он двадцать лет прослужил в Союзническом Легионе и зарекомендовал себя как храбрый воин и превосходный командир, заботящийся о своих людях. Хайден давно заслуживает награды и, смею надеяться, окажется вернее своего предшественника, — криво усмехнулся король. — Выдам за него Зиоллию Байнифор, внучку Эстора Файханаса. Из старший сын будет носить фамилию Файханас и унаследует герцогский титул от отца, младшие будут Хайденами. Хочу сохранить род Файханас, он всегда верно служил Юнгироду и его королям...

Что ж, Айриэ примерно так и предполагала. Разумное решение, всё-таки герцогство Файханас — это треть королевства. Кому попало его не отдашь, но если Кайнир считает, что этот Сэйдир Хайден заслуживает подобной чести, ему виднее. Это его королевство и его люди, Кайниру и нести за них ответственность. Айриэ только решила подсказать ненавязчиво:

— Я бы на вашем месте, Кайнир, посоветовала новому герцогу вносить поменьше изменений, особенно в экономическую политику герцогства. Рольнир Файханас управлял своими землями весьма разумно, благо я имела возможность наблюдать это изнутри. Мне очень понравилось жить там, и было бы очень жаль, если Файханас перестал быть столь уютным местом для жизни.

— Спасибо, Айриэннис, я обязательно порекомендую Хайдену не увольнять прежних управляющих и прислушиваться к их советам. Хайден — прежде всего воин, он далёк от экономики, но я постараюсь найти ему хороших помощников. Королевству выгодно, чтобы Файханас по-прежнему оставался процветающим.

Кайнир говорил чуть отстранённо, а мыслями явно уже был в Файханас-Маноре, настраиваясь на нелёгкую встречу. Что ни говори, но это мужество — посмотреть в глаза тому, кто тебя предал, и спросить: за что? Это ведь почти-отец, задумавший убить своего почти-сына... Если Кайнир не встретится с ним сейчас, он до конца жизни будет терзаться.

Это слишком личное, дознавателям и палачам такое не поручишь.

Айриэ оставалось сделать только одно, чтобы поставить точку в этом деле. Она обещала себе позаботиться о том, чтобы король узнал, что Фирниор не замешан в заговоре.

Приручила щеночка — теперь изволь нести ответственность. Крылатой ипостаси, рвущейся с привязи в небо, Фиор был не особенно важен — подумаешь, ещё один человек попался на её долгой, почти бесконечной дороге. Настоящей, цельной Айриэннис обычное чувство порядочности нашёптывало позаботиться о мальчишке, и не имеет значения, что он об этом не узнает. Ему и не нужно. Главное, она сама будет знать и сможет с чистой совестью забыть об этом деле.

Хорошо, что он остался в лесу и не будет вертеться под ногами. Пока Фиор доберётся до замка, главное веселье уже завершится, выявленных заговорщиков доставят в Юнбир. Мальчишку не должны тронуть, особенно если предупредить людей короля. Только Кайнир был настроен действовать безо всякого снисхождения к представителям опального рода, и Айриэ, поразмыслив, решила на него не давить, чтобы не сделать хуже. Она начала издалека:

— Кайнир, а как вы намерены поступить с теми, кого проклятие не заденет? Напомню, я проклинала не всех Файханасов без разбора, а только принимавших участие в заговоре и помогавших чёрному магу.

Король с горечью улыбнулся:

— Думаете, будут такие, кого проклятие не тронет? Кроме женщин, разве что, но я не о них.

— Я знаю по крайней мере одного такого человека, — твёрдо ответила магесса. — Мне бы хотелось, чтобы он сохранил имя и своё положение.

Король долго молчал, упрямо сдвинув брови и сосредоточенно что-то обдумывая.

— Айриэннис, давайте сделаем так. Вы знаете, как я благодарен вам за помощь в этом деле, и я вдобавок обязан вам жизнью. Я этого никогда не забуду, поверьте, и если есть что-то, что я могу для вас сделать, то с радостью приложу все усилия, чтобы хоть частично отдать вам долг. Но с Файханасами мне бы не хотелось... быть милосердным. Они милосердия не заслуживают. Однако если кто-то из них действительно останется цел и невредим, то он невиновен, это понятно. Тогда я... позволю ему беспрепятственно покинуть моё королевство. Я даже готов выплатить ему некую сумму в качестве компенсации, только я желаю, чтобы представители этого рода больше не появлялись в Юнбире. Новые Файханасы начнутся с Сэйдира Хайдена. И разумеется, этот ваш уцелевший никогда не сможет претендовать на титул герцога, это не обсуждается. Мне не нужны проблемы в будущем, надеюсь, вы меня поймёте и простите, Айриэннис. Мне действительно очень жаль, что я не могу выполнить вашу просьбу, но...

— Я понимаю, Кайнир, и не беспокойтесь, я не затаила зла, — с лёгкой улыбкой заверила его драконна. — Сделаем так, как вы хотите.

Кайнир был по-своему прав, хотя сама Айриэ считала, что из Фирниора мог бы получиться замечательный герцог. Он с детства учился заниматься делами герцогства, как и любой из Файханасов, вдобавок юноша честен и благороден, а юность — недостаток прощительный. Ладно, пусть не герцог, раз уж король упорствует, но сохранить для него хотя бы титул виконта было бы справедливо. Можно было настоять на своём прямо сейчас и заставить Кайнира передумать, но Айриэ пока что решила подождать и не называть имени Фирниора. Лучше потом предъявить королю живого и здорового юношу, не пострадавшего от проклятия, так выйдет нагляднее, пожалуй. Да и Кайнир немного успокоится, а то он

сейчас не прислушивается к голосу разума. Боль от предательства близкого человека заставила короля быть безжалостным даже к невиновным.

— Тогда давайте отправимся в Файханас-Манор, — предложил король. — Надеюсь, Динмор Тианжер уже успел навести там порядок. Багиор, мой камердинер, будет нас сопровождать. Я полностью ему доверяю.

— Тогда позовите его сюда, Кайнир, я открою портал из вашего кабинета. Только сначала навешу на вас магический щит, а то мало ли что... Сегодня можно не экономить силы, магии хватит с избытком.

— Несправедливо, что вы можете быть полноценным драконом только четыре дня в году, — заметил король.

— В жизни много несправедливого, эта — не самая большая, — с усмешкой ответила Айриэ. — Зато каждый драконий день — настоящий праздник. Для разнообразия иногда можно побыть простым магом, тем приятнее потом бывает получить свободу.

— У вас, Айриэннис, эта свобода хотя бы четыре раза в год наступает, а вот от короны освободиться просто так не получится, — грустно улыбнулся Кайнир и позвонил в серебряный колокольчик, зовя Багиора.

Айриэ в последний момент вспомнила и вернула на место личину Айнуры. Потом открыла портал во двор замка, примерно рядом с предыдущим, и предупредила:

— На вас хороший щит, Кайнир, но я на всякий случай пойду первой. Пройдёте — развею портал, чтобы никто не надумал заскочить к вам в гости непрошеным, пока вас нет дома.

Кайнир усмехнулся и без споров отступил, пропуская даму вперёд.

В замке действительно успели навести порядок. Пока герцогские гвардейцы были погружены в магический сон, люди капитана Тианжера разнесли их по казармам, где заперли, предварительно разоружив. Прочих закрыли в помещениях для слуг, выставив охрану. Динмор Тианжер доложил, что затронутых проклятием уже доставили в королевскую тюрьму. Хотя Айриэ знала, что на самом деле нужды в подобной мере не было, разве что для устрашения прочих. Проклятые уже не могли передвигаться самостоятельно. Они обессилели и медленно умирали, испытывая сильную боль, потому что драконье проклятие было привязано к «узлу», созданному их действиями. И было только справедливо, что виновные расплатятся за причинённое зло.

Жизнь под «узлом» грозит людям постепенными, но неизбежными изменениями к худшему. В их душах будут уютно себя чувствовать злоба, зависть, равнодушие, отсутствие истинной доброты. Каждое новое поколение шагнёт ещё дальше по дороге душевной чёрствости, покроется пылью безразличия и хлебнёт ядовитого зелья алчности.

«Узел» необходимо уничтожить, и самым справедливым — с драконьей точки зрения — в этом случае было заставить распутывать его тех, кто это зло породил. Ценой их жизни, да. Но ведь и они не жалели возможных жертв, когда затевали свои жестокие игры с короной и тронном.

— Капитан Тианжер, доложите, кто ещё затронут проклятием, кроме герцога и его наследника. — Король говорил отрывисто и сухо, лицо его в предрассветных сумерках и бликах магических фонарей выглядело застывшим и оледеневшим, будто тронутым первым осенним заморозком.

— Ваше величество, от проклятия пострадали все Файханасы, кроме супруг мэора Синтиона и виконта Нэрбиса Ниараса. Мэора Альдарра умерла примерно через час после

появления фантомного дракона, созданного магией Ордена, и произнесённого проклятия.

Знали бы вы, что это за фантом, любезный капитан, усмехнулась про себя Айриэ, хотя лицо её не отразило иных чувств, кроме вежливого любопытства.

Выходит, мать Юминны знала об Орминде. Но знала немного, раз проклятие обошлось с ней так милосердно. Быстрая смерть... Главному виновнику подобной милости не дожидаться.

— Ещё умерли младшие сыновья виконта Ниараса, Тордис и Йоран, — с запинкой сообщил Тианжер и метнул быстрый взгляд на магессу. — Почти сразу же после того, как Файханасов прокляли.

То, о чём было не по чину спрашивать капитану королевской гвардии, самому королю, разумеется, было дозволено.

— Мэора Айнура, разве ваше проклятие должно быть настолько... безжалостным? Мне казалось, вы говорили, что оно затронет лишь виновных.

Кайнир смотрел очень серьёзно, напряжённо ожидая ответа. Мысль о возможном убийстве детей ему сильно не понравилась, что лишний раз говорило о его порядочности. Иные правители в такой ситуации пожелали бы известить весь род заговорщиков, включая женщин и детей — чтобы потом мстить было некому. Очень разумно с политической точки зрения, кто бы спорил... только Кайниру, к счастью, на эту точку зрения плевать.

— Правильно казалось, ваше величество. Проклятие не тронуло бы этих детей, даже если бы они видели чёрного мага в момент совершения им убийств, — Айриэ произнесла это спокойно, ровным голосом, хотя внутри у неё всё кипело от злости. Злилась она не на собеседников, разумеется, а на герцогского сыночка. Она чуяла, что без него здесь не обошлось. — Я почти уверена, что моя магия здесь ни при чём, но надо смотреть на месте. Где тела мальчиков, капитан?

— В одной из гостиных внизу. С ними их мать, и она...э-э-э, не в себе, — осторожно предупредил Тианжер. — Если желаете, я провожу вас, мэора магесса.

— Вы хотите понять причину смерти мальчиков прямо сейчас, мэора? — не слишком довольно поинтересовался Кайнир. Он уже явно настроился на разговор с герцогом, а тут возникла непредвиденная задержка. Король ещё во дворце благоразумно пообещал, что станет говорить с Файханасами только в присутствии Айриэ — мало ли, вдруг у Орминда найдутся силы ужалить напоследок. Лучше перестраховаться.

— Да, ваше величество, потому что хочу точно знать, какие вопросы задавать молодому Орминду. У меня к нему их много накопилось, — сузив глаза, почти прорычала драконна.

— Хорошо, тогда я иду с вами, — решил король. — Капитан, проводите нас!

Тианжер, прихватив двоих гвардейцев для сопровождения, привёл короля и магессу в одну из малых гостиных, обставленную очень роскошно. Нежно-голубое и солнечно-золотое плоховато сочеталось со смертью, и мёртвые дети смотрелись на редкость неуместно среди парчи и шелков. Мальчиков положили на изящную софу; их лица были искажены от боли, глаза распахнуты. Виконтесса Ниарас, сторбившись, сидела на стуле и неотрывно смотрела на своих сыновей. Она не плакала, и глаза были сухи, но застывшее в них отчаянное выражение говорило о её горе куда больше потоков слёз.

Мэора Эльдия подняла взгляд на вошедших, и её обезумевшие от боли глаза мгновенно выделили из всех присутствующих магессу.

— Вы!.. Убийца! Вы и ваш Орден — сборище подлых убийц!.. — с силой выкрикнула несчастная мать и, вскочив, бросилась к Айриэ с намерением покарать виновницу, как

Эльдия уже уверила себя, гибели её сыновей.

Айриэ и сама бы прекрасно справилась, но двое гвардейцев успели раньше, крепко ухватив виконтессу за руки и силой усадив её обратно на стул. Багиор ненавязчиво выдвинулся вперёд, заслонив собой короля.

— Тихо, тихо, мэора, успокойтесь! — решительно вмешался король. — Вы поспешили с выводами.

Женщина безразлично глянула на него, как на нечто, не заслуживающее внимания, и вновь с ненавистью уставилась на магессу:

— Если вы и ваш хвалёный Орден позволяете себе позволяете себе карать невинных детей за то, что совершили их отец и старший брат, то будьте и вы все прокляты! Материнское проклятие тоже не смывается!.. И вам придётся заплатить!

— Не придётся, — спокойно ответила драконна. В самом деле, какой смысл злиться на неразумную человечку? К тому же Эльдия просто не могла предположить иного. Проклятие произнесено — и её дети сразу же умирают, что тут ещё подумаешь? — Моё проклятие не трогало ваших детей. Они слишком малы, чтобы магия могла счесть их виновными во взрослых преступлениях.

— Лжёте! Но я не верю вашим жалким оправданиям!..

— Это ваши обвинения — жалкие, — буркнула Айриэ, подходя к софе и склоняясь над телами мальчиков. — А я и оправдываться-то не собираюсь. Всего лишь разобраться.

— Не смейте трогать моих сыновей! — Несчастливая мать забилась в руках державших её гвардейцев, пытаясь освободиться.

— Если вы, мэора, хотите узнать правду, будьте любезны посидеть тихо и не мешать! — посоветовала Айриэ таким тоном, что наконец-то подействовало. Эльдия замолчала.

Айриэ сосредоточенно осмотрела тела, нащупывая остатки Запретной магии. И нашла, разумеется. Перехватила мрачный взгляд Кайнира и кивнула:

— Орминд. Похоже, мальчишки были его страховкой на всякий случай. Эткими живыми вместилищами силы. Он заранее навесил на мальчиков свои метки, а когда почувствовал, что его затронуло моим проклятием, попытался откупиться жизнями детей.

— Вы лжёте!.. — задыхаясь, повторила виконтесса, но её голос дрогнул от сомнения.

— В последнее время ваши дети плохо спали ночами? И часто болели? В последний месяц примерно, так? — почти утверждая, спросила драконна.

— Декады две приблизительно, — ответила мэора Эльдия и всхлипнула сухо, без слёз, обмякнув на стуле. — Неужели он мог?.. Я убью его своими руками!..

— Он уже мёртв. Только умирать будет примерно с декаду, — зло усмехнулась Айриэ. — Столько, сколько заслужил.

Вот же мразь... Орминда и двадцать «живых сосудов» не спасли бы. Драконье проклятие не отменишь, не обманешь и на другого не перекинешь. Мальчишки умерли совершенно зря.

— Капитан Тианжер, распорядитесь послать за Лунными жрицами, — приказал король. — Пусть проведут необходимые ритуалы и сожгут тела. Их и Альдарру.

Он был бледен и, кажется, еле сдерживался, чтобы не рычать от бессильной злости. Всё-таки эта семья ему не чужая, оттого и больно вдвойне... И ведь вряд ли он собирался быть суровым с этими детьми. Скорее всего, нашёл бы Элдии подходящего, верного трону супруга и поручил бы воспитание младших Ниарасов ему. Король с детьми не воюет.

— Будет исполнено, ваше величество!

Кайнир кивнул и сказал:

— Мэора Эльдия, Тордис и Йоран будут последними из старого рода, кого похоронят в фамильном склепе. Тела остальных умерших преступников сожгут, а прах развеют по ветру. Мэора Эльдия, вы можете присутствовать на похоронах, а затем я повелеваю вам отправиться порталом в столичный особняк Файханасов вместе с мэорой Виллидой. Там вы будете дожидаться решения вашей участи. Впрочем, если граф Кальфарас согласен взять на себя ответственность за вас, то вы можете вернуться в родовое имение вашего отца.

— Благодарю за милость, ваше величество, — безжизненно произнесла эта некогда статная, величественная женщина, теперь словно бы съёжившаяся, поблёкшая и разом постаревшая на десяток лет. — Я уверена, отец согласится принять меня, так что я воспользуюсь вашим великодушным предложением и вернусь домой.

Поскольку её по-прежнему удерживали гвардейцы, виконтесса не могла встать и сделать положенный реверанс, ограничившись вежливым наклоном головы. Впрочем, короля соблюдение этикета волновало крайне мало.

— Мэоре Виллиде тоже будет предложено вернуться к брату, — добавил король и жестом распорядился отпустить женщину. — И ещё, вы можете беспрепятственно забрать свои личные вещи и драгоценности.

Эльдия Ниарас, кажется, не услышала. Вместо этого она непонимающе взглянула на магессу и спросила мёртвым голосом:

— Почему? Почему именно мои мальчики?..

— Потому что на маленьких детей чёрному магу проще навесить метку и вытянуть жизненную энергию, в случае чего, — неохотно объяснила магесса. — Будь они старше десяти лет, потребовался бы целый ритуал нанесения метки и добровольное согласие, а на подобное будущая жертва вряд ли согласится. И потом, «живые сосуды» должны быть рядом в критический момент, иначе жизненную энергию не вытащишь.

— Жаль, — всё так же безо всякого выражения заметила виконтесса. — Если бы Орминд использовал моего пасынка, всем было бы лучше.

Своих детей ей жалко, чужих — нет, прелестно. Айриэ открыла было рот, чтобы высказаться, но передумала. Охота была спорить. Таким что-либо доказывать — себя не уважать. Кайнир тоже наградил виконтессу долгим взглядом и отвернулся, молча покинув комнату.

Динмор Тианжер прекрасно знал, что королю не свойственна мелочность и злобность, а унижение Файханаса доставило бы Кайниру больше неприятных ощущений, чем самому арестованному. Поэтому герцога отнесли в его покои и приставили охрану. Орминда поместили в соседние комнаты, которые некогда занимала его мать.

— Сначала к Орминду, — сквозь зубы велел капитану Кайнир и позволил себе глубоко вздохнуть, набираясь решимости перед трудным разговором. — И пошлите за Сэйдиром Хайденом, пусть прибудет сюда.

Верный Багиор, незаметной тенью скользивший за королём, отошёл в сторону, повинаясь знаку своего господина. Первым в комнату вошёл Тианжер, оценив обстановку, потом — Айриэ, жестом велел Кайниру задержаться за дверью. Наскоро проверила магические потоки и ауру чёрного мага, теперь ясно видимую драконьим зрением. Это бы зрение ей с месяц назад применить... но Равновесие нельзя нарушать, Акротос чересчур хрупок.

Нити драконьего проклятия уже прочно переплелись с жизнью Орминда, и теперь никто, даже сама Айриэннис, не смог бы освободить молодого Файханаса, не убив его при этом. Впрочем, у Айриэ желания избавить Орминда от проклятия никогда бы и не возникло. Это было бы подло по отношению к его жертвам и к заболевшему по его вине миру. Ладно, пусть заболел не весь Акротос, а только герцогство Файханас, но подобная отравка быстро распространяется и поражает людей.

Глаза Орминда были закрыты, лицо искажено от боли, фамильный высокий лоб покрыт крупными каплями пота, а скрюченные пальцы намертво вцепились в шерстяное одеяло, которым он был укрыт до пояса. Праздничная рубашка из когда-то белоснежного «паутинного» шёлка измялась и была покрыта пятнами грязи: герцогский наследник после произнесения проклятия повалился на землю вниз лицом. Он полусидел, тяжело навалившись спиной на подушки. Только когда вошёл Кайнир, Орминд открыл глаза.

— Что, явился полюбоваться на побеждённого? — неприятно улыбнулся он. Голос был хриплый и слабый, но яда в нём хватило бы на десятерых. — О, и наша магесса здесь, кто бы мог подумать! А я так надеялся, что милые кхайгаши или хотя бы мои зомби вас поцарапают. Но увидел на крепостной стене этого фантомного дракона и понял, что вы целы. Искренне сожалею, что мне не удалось вас убить, я об этом мечтал.

— Ничего страшного, не все мечты сбываются, — невозмутимо ответила Айриэ.

— Капитан, пожалуйста, оставьте нас и заберите своих людей, — отрывисто приказал король.

Охранники моментально вышли, но сам Динмор Тианжер медлил, опасаясь за короля, и магессе пришлось добавить:

— Я ручаюсь за безопасность его величества. Здесь ему ничего не грозит.

— Идите же, Тианжер! — нетерпеливо повторил Кайнир, и верный служака наконец подчинился.

— А жаль... что ты в безопасности, Кайнир, — чуть задыхаясь, проговорил Орминд: его тело сотрясала очередная судорога. — Тебя я тоже хотел убить...

— Зачем? — устало поинтересовался Кайнир, рассматривая сына герцога с каким-то странным выражением — отвращение пополам с брезгливой жалостью, невольной и

непрощеной.

— Да какая теперь разница... Но я был бы лучшим королём, чем ты! — с вызовом ответил Орминд. — Ты слишком мягок и не умеешь по-настоящему пользоваться доставшейся тебе властью. Впрочем, это уже неважно...

— Ну, мне всё-таки интересно, почему доселе верный род вдруг начинает строить заговоры и мечтает занять мой трон, — жёстко усмехнулся король, на самом деле никакого веселья не испытывавший.

— У моего отца поинтересуйся, он тебе всё расскажет... в подробностях. А я не хочу.

Орминд чувствовал пронзительную боль всякий раз, как через его тело прокатывались силовые нити, запачканные грязной энергией узла. Наружу они выходили очищенными, подпитываясь жизненной силой человека. Это Орминду предстояло испытывать примерно декаду, пока его тело в буквальном смысле не истает. От него даже праха не останется. Вообще ничего.

Это Айриэннис и объяснила королю. Сам проклятый тоже вынужденно слушал — драконна не видела ни малейшего смысла скрывать что-нибудь. Это тоже — заслуженная кара.

— Драконья справедливость... неотвратима и безжалостна, как смерть, — чуть поёжился король. — Но она — справедливость.

— Тебе бы такую справедливость, — злобно искривил губы Орминд и закашлялся, потом выругался грубо, по-простецки.

— Думаешь, королевское правосудие милосерднее? — поинтересовался Кайнир. — Или ты действительно надеялся остаться безнаказанным за свои преступления?

— Я ни о чём не жалею и ни в чём не раскаиваюсь, чтоб ты знал. Только жаль, что не удалось убить тебя и твою орденскую ищейку.

— Ты столько убил, просто чтобы накачаться магией и творить зло с её помощью. Их тебе не жаль?

— Было бы кого жалеть! — презрительно отозвался молодой Файханас. — Уродина мельничиха, чересчур много о себе возомнившая, жалкий пьянчужка, чья жизнь всё равно закончилась бы в грязной луже, и гвардейцы, чья задача — отдать жизнь за своего господина. Они и отдали. Ну и несколько крестьян, сидевших в таверне, потому что мне понадобились свеженькие, сильные зомби.

— Сущие мелочи, — с непроницаемым видом заметила драконна.

— Вот именно, — саркастически подтвердил Орминд. — Ах, эта моя прелестная задумка с зомби, которым я приказал болтаться в катакомбах. Ничего более, оцените, мэора магесса! Признайте, неплохо придумано, а? Вашему «ответному проклятию» не за что уцепиться.

— Зато с Эйдигиром вы промахнулись. Если бы я пострадала, проклятие задело весь род. Вас — первого.

— А это не моя идея, отцовская, — поморщился Орминд. — Я не был от неё в восторге, хотя и согласился. Увы, драконьи маги — чересчур живучие, как оказалось.

Айриэ только усмехнулась, не ответив на выпад. Она вообще не видела особого смысла в разговоре с Орминдом, но королю, разумеется, это было необходимо — чтобы увериться в том, что поступил правильно. Не каждый день тебе приходится уничтожать свою, по сути, вторую семью. Тяжело, больно и муторно. И неизбежно пачкает душу, так что потом хочется отскрести её добела. Самой Айриэ было жаль тратить драгоценное время драконьего дня на

этого... недочеловека Орминда. Оставалось утешаться тем, что это время было также потрачено на Кайнира — уже почти друга, пожалуй.

— А Юминна? — негромко спросил Кайнир, и глаза его полыхнули ненавистью. — Юминну за что? Чем эта девочка тебе помешала, мразь?

Герцогский сын скривился, как от зубной боли.

— Не собирался я её трогать. Эта дурёха сама сунулась ко мне и увидела то, что ей видеть не полагалось. Она поняла, что я маг... Молчать она бы не стала, хотя её мать молчала. Пришлось кузину обездвигить и тащить ко мне в подвал. Не пропадать же было даром её жизненной силе, тем более она была девственницей. Но я не хотел её мучить, честно! — будто оправдываясь, заявил Орминд. — Был вынужден так поступить, она сама виновата! Ведь говорили ей никогда не лезть ко мне без спроса...

— Какая же ты мразь... — повторил Кайнир, глядя на Орминда. Король выглядел почти больным от горя. Наверное, хоронил сейчас того мальчика, с которым вместе рос и которого считал своим кузеном. — Как мы проглядели, во что ты превратился?..

— Не терзайте себя, Кайнир, — вмешалась Айриэ. — Запретная магия неизбежно меняет человека к худшему. Закон Вселенной. Поэтому таких магов уничтожают сразу после выявления.

— Ах, как вы милосердны и человечны, — желчно произнёс Орминд. — Ну да ладно, с вашим разлюбезным Орденом у нас всё равно бы отношения не задались. Ненавижу наглецов, вмешивающихся в дела управления государством. Ты, Кайнир, делаешь большую ошибку. Ты уже сейчас смотришь в рот этой магессе и танцуешь под её дудочку, как дрессированный пёсик. А дальше станешь обычной марионеткой. Править Юнгиродом будет Драконий Орден, а не король. Твоим детям, если они у тебя появятся, достанется картонная корона и бугафорский трон.

— Что, Орминд, вы так ничего и не поняли? Орден не интересуется властью. Совсем. Нам всего лишь нужно, чтобы магические нити мира были в порядке, тогда и нам хорошо. Вы-то с силовыми нитями работать так и не научились. Вам лишь бы чужой болью питаться и силу воровать. Какой из вас маг, название одно, тьфу!

Орминда даже перекосило от бешенства, но он вынужден был смолчать, потому что от «узла» как раз подошла новая порция нитей. После этого он уже кусал губы от боли, не желая доставлять радость врагам своими стонами.

— Впрочем, ваша идея с этим «Чёрным Вестником» была просто великолепной, — признала Айриэ. — Изящно и остроумно, хотя с точки зрения морали — грязно и жестоко.

— Ничего, мэора, я испачкаться никогда не боялся. Главное, конечная цель была заманчивая.

— Неужели? Я так понимаю, вы убили стольких из-за него?

— Именно. Весьма энергоёмкий артефакт получился. В него пришлось вложить очень много силы и горячей крови, выкачанной из жертв. Зато мой голубок получился просто великолепным. Если бы всё пошло, как задумано, от тебя, Кайнир, осталась бы кучка пепла. Ну и от Летнего дворца заодно, — неприятно улыбнулся Орминд, словно бравируя собственным злодейством. Впрочем, возможно, так оно и было. Раскаяния испытывать он явно не собирался.

— Вовремя я вмешалась, — спокойно сказала драконна. — В последнюю секунду, можно сказать.

Орминда перекосило от злости, а может, от новой волны боли, но он промолчал.

— Когда вы проклинали хряка, вы просто тренировались или преследовали иную цель? — решила кое-что прояснить для себя Айриэ.

— И репетировал, и развлекался, — охотно подтвердил Орминд. Кажется, ему доставляло удовольствие рассказывать о своих магических задумках. Ну ещё бы, он столько лет был вынужден всё скрывать, так хоть напоследок получить внимательных слушателей. — Скажите, мэора, разве это не забавно — хряк в фате невесты? Давно я так не веселился. Гнилые веночки мне безумно понравились. Сначала я накладывал на них проклятие, чтобы оно поразило всякого, кто дотронется до венка. Потом уже оставлял их просто так, вроде моей личной подписи. Мне нравилось думать, что вы, мэора, будете ломать голову над вопросом, безумен ли я или просто шучу?

— Я предполагала, что безумия и извращённого чувства юмора в вас примерно поровну. А почему вы выбрали объектом своих... шуточек именно Нарваса и его семью? Чем они вам досадили-то?

— Да просто под руку подвернулись, — повёл плечом Орминд. — Я собирался проклясть мальчишку. Он был непозволительно дерзок со мной однажды... А из него можно было вытянуть немало силы. Ещё мне необходимо было научиться хорошо управлять своим вторым хогрошем. С первым я не справился...

— Это стоило жизни магистру Стейригу?

— Да. Жаль, он был неплохим наставником, с ним было интересно. И он служил нам верно, благодаря магической клятве. Он защищал меня до последнего, потому что мой хогрош взбесился. Вышел из-под контроля и напал на меня. Нового я смог создать лишь через три года. Зато он получился намного совершеннее первого.

— Рада за вас, — буркнула Айриэ. — Одного не пойму: когда хогрошей убили, как вы умудрились обойти последствия оборванной связи?

Герцогский сын рассмеялся, не скрывая злорадного удовольствия:

— Мэора, вы же такая могущественная магесса! Попробуйте догадаться сами!

— Делать мне больше нечего, — равнодушно ответила драконна. Играть в загадки она не собиралась. Не хочет говорить, и не надо.

Орминд презрительно скривился и хотел что-то сказать, но вскрикнул от острой боли и обхватил себя руками, будто стараясь защититься от пронзающих его раз за разом силовых нитей. Нити видела лишь Айриэ, но королю зрелище пусть даже тысячу раз заслуженных Орминдом мучений радости тоже не доставляло.

— Ну и что, стоило оно того? — спросил Кайнир безжизненно. — Прежних Файханасов в Юнгироде больше не будет. Ты погубил весь род, Орминд. Даже детей не пожалел...

— Мальчишки были моей страховкой... на чёрный день... Я не собирался их убивать... — через силу выговорил Орминд и с трудом поднял руку, чтобы вытереть пот со лба. Кажется, ему с каждой минутой становилось хуже, и слабость только увеличивалась. Он подумал и всё-таки спросил, не глядя на Кайнира: — А... ещё кто умер?

— Мэора Альдарра. Остальные тоже задеты проклятием, кроме виконтессы и жены Синтиона.

— И что, все обречены?.. — Он нервно потрогал пальцами горбинку на носу. — Что теперь будет с герцогством?

— Титул получит верный мне человек, выдам за него внуку Эстора. Их старший сын будет Файханасом.

— Хорошо, что я не доживу, — натужно пошутил Орминд. — А со мной что? Бросишь в

тюрьму или...

— Зачем? — пожал плечами Кайнир и с силой провёл рукой по лицу. — Умирать ты будешь здесь. Прощай, Орминд. Сочувствую, что ты когда-то давно выбрал путь зла, но в своём нынешнем состоянии повинен ты сам.

— Не буду желать тебе удачи, Кайнир, не обессудь. И уж всего менее — вам, мэора. Я бы вас тоже с удовольствием проклял, если бы не знал, что это бесполезно. Надеюсь, вы свернёте себе шею самостоятельно, и как можно скорее!

Он скорчился от очередного приступа боли и зашёлся кашлем. Король отвернулся и вышел за дверь, ничего более не сказав. Ему предстоял гораздо более трудный разговор, и Айриэ взяла его за руку, посылая слабенькую, но довольно эффективную волну спокойствия. Король благодарно кивнул и решительно распахнул дверь в покои герцога.

Охранников заботливый Тианжер заранее отправил в коридор, и теперь вышел сам, повинуясь кивку Кайнира. Багиор вновь остался снаружи.

Комната была отделана в тёмных тонах, поэтому казалась чересчур мрачной. Ничего лишнего, только необходимое. Почти казарма, хотя высочайшее качество предметов обстановки скрашивало подобное впечатление. И ещё здесь висел большой портрет молодой женщины в кремовом платье — очевидно, покойной супруги Рольнира Файханаса. Женщина улыбалась так светло и чуточку лукаво, что, казалось, освещала мрачноватую комнату не хуже солнечных лучей или ярчайшего магического светильника.

Герцог встретил их сидя в массивном кресле из тёмного дерева с высокой спинкой. Он выглядел безупречно, как и всегда — истинный аристократ, потомок благородных предков. Смотрел прямо и высоко держал голову, готовый отвечать за свои действия и своих людей, как делал всю жизнь. Состояние его выдавали только расширенные от боли зрачки, излишняя бледность и впившиеся в подлокотники кресла пальцы.

— Приветствую ваше величество и вас, мэора, — вежливо склонил голову он. — Сожалею, что слабость не позволяет мне встретить вас как подобает. Впрочем, я полагаю, мэора Айнура знает, как действует её проклятие и не осудит меня за то, что я не встал ей навстречу.

Айриэ в ответ наклонила голову, признавая его умение держаться с достоинством, даже проиграв всё. Герцог вежливо указал им на кресла напротив, и король, чуть помедлив, сел. Айриэ последовала его примеру, предчувствуя, что разговор со старым Файханасом будет долгим. И королю он обойдётся недёшево, хотя это необходимо. Чтобы увериться в своей пусть горькой, но правоте.

— Я ждал и надеялся, что вы придёте, ваше величество.

— Вы неплохо меня знаете, герцог. Я не мог не прийти. Мне нужно было посмотреть вам в глаза и спросить: зачем? Однако теперь, кажется, этот вопрос меня не так сильно интересует. После встречи с вашим сыном меня преследует желание покончить со всем как можно скорее... и вымыться дочиста.

— Как Орминд? Он... сильно страдает? — с усилием спросил герцог, страшась услышать ответ.

— Сильнее вас, — ответила Айриэ. — И это справедливо.

— Справедливо? — Файханас сверкнул глазами, но загнал свой гнев обратно, понимая, что не в его положении демонстрировать фамильный нор. — Мой мальчик просто запутался... Он не хотел ничего дурного, он вынужден был защищать свою жизнь! Виновен я, а он... Ваше величество, для себя я ничего не прошу, но молю о снисхождении для моего

сына... в память о прошлом.

Кайнир сдвинул брови.

— О каком снисхождении вы просите, герцог? Для кого? Для хладнокровного убийцы, который запытал до смерти нескольких человек?

— Нет, — на миг опустил глаза Рольнир Файханас. — Для моего сына. Для мальчика, которого вы, Кайнир, когда-то звали своим кузенком...

— Поздно спохватились, — бесцветным голосом заметил король. — Тот мальчик мёртв и, похоже, уже давно. Только никто не заметил. А нынешний — чудовище, которое полностью заслуживает то, что с ним происходит сейчас.

— Раньше вы не были таким жестоким, мой король.

— Раньше меня не предавал тот, кого я звал вторым отцом.

Рольнир Файханас снова опустил взгляд и замолчал, только дышал тяжело.

Молчал и Кайнир, безразлично рассматривая обстановку не раз виденной им комнаты. Потом спросил всё-таки, делая над собой усилие:

— Итак, зачем?

Старый герцог медленно поднял голову, ловя взгляд короля.

— Мне пришлось выбирать. Прости. Либо ты, либо он. Ты был мне почти сыном, верно. Но Орминд — настоящий. Единственный.

— Объясните! — Это прозвучало резче и громче, чем Кайниру хотелось бы, и он сжал губы, досадуя на себя за излишнюю эмоциональность. В разговоре с врагом щитов не опускают, и король хотел выглядеть более бесстрастным, чем был на самом деле. Но даже Айриэ, не слишком хорошо его знавшая, не обманывалась этим напускным равнодушием, что уж говорить о герцоге.

— Орминд — единственное, что осталось мне от покойной жены, ты знаешь. Я никогда не думал жениться вторично, чтобы не огорчать моего мальчика появлением в доме мачехи. Когда Орминду было девять, у него впервые открылся магический дар. Он поджёг скатерть взглядом. К счастью, это случилось при мне и Эсторе, больше никто не знал. От нашего прежнего семейного мага пробудившийся дар мальчика удалось скрыть, а вскоре я придумал благовидный предлог, наградил мага за верную службу и нанял магистра Стейрига. Он был честолюбив и с радостью ухватился за возможность служить герцогам Файханасам. Я вначале заставил его принести мне и наследнику магическую клятву верности, и Стейриг согласился. А потом он уже не смог бы никому выдать тайну Орминда, даже если бы захотел.

— Для чего было скрывать магический дар Орминда? — недоумеая, спросил король.

— Ты разве не понял, Кайнир? Моего сына забрали бы учиться магии — обязательные пять лет Академии, или, точнее, десять, ведь не мог же Файханас стать магическим недоучкой!.. А мне не требовался маг, его проще нанять. Мне был нужен мой сын, мой наследник, которому надлежало расти дома и учиться управлять герцогством, которое однажды будет принадлежать ему. Я не мог расстаться с Орминдом на десять лет, и после получить человека, которому не интересны дела рода и который думает лишь о заклинаниях!

— Герцог, закон об обязательном обучении управлению магическим даром придуман не зря, — сказала Айриэ.

— Я знаю, мэора, необученный маг опасен — прежде всего, для себя самого. Я для этого нанял Орминду учителя, и Стейриг научил моего сына скрывать свои способности от окружающих. Это было первостепенной задачей, а потом Орминд сам многому научился. Он

талантливый и сильный маг, ведь он настоящий Файханас!

Удивительно, но в голосе герцога прозвучала истинная гордость, и Айриэ в очередной раз поразилась тому, насколько слепой может быть родительская любовь. Люди порой готовы простить своим ненаглядным деточкам самые чудовищные преступления. Более того, иная мать со страстью будет кричать: «Да я!.. Да ради моего ребёнка я с радостью украду или убью!..» — и не увидит в этом ничего ужасного. Но стоит только чьей-то чужой матери поступить так по отношению к её драгоценному чаду, возмущению и негодованию не будет конца. Принцип «поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой» их почему-то не устраивает. Остаётся только руками развести.

— А то, что он своей магией насильно вытаскивал из людей жизненную силу — это, по-вашему, нормально? — не сдержавшись, ядовито поинтересовалась драконна. — Несущественное обстоятельство?

— Это несчастье Орминда, — устало ответил герцог. — Мой мальчик не виноват, что может существовать лишь за счёт других. Я всегда старался... компенсировать семьям убитых потерю, но чаще мы брали безвестных бродяг, чьё исчезновение никого не озаботит. Напротив, герцогству это лишь на пользу, нам здесь не нужны пришлые воры и побирушки. И потом, всё это началось лишь в последние три — четыре года, до того Орминду не требовалась чужая жизненная сила.

— Просто ваш мальчик, как вы его называете, вошёл во вкус! Поймите наконец, герцог, Запретная магия **всегда** меняет мага. Разве вы не замечали, как изменился ваш сын? Он лично выполнял обязанности палача и находил в этом удовольствие. Он запытал до смерти, как минимум, двоих беременных, не считая остальных жертв. Юминну — тоже. Вы и после этого станете его оправдывать?

— Юминна — несчастный случай, — отвёл глаза Рольнир Файханас. — Орминд никогда бы её не тронул, если бы бедная девочка сама не...

Он не договорил, а драконне в очередной раз хотелось плевать от досады. Драконьим пламенем, да.

— Орминд безжалостностью пошёл в Эйдигира Неистового Ястреба. Иногда он чуть слишком суров, чем требуется, но я слежу за этим, и с годами это пройдёт... Прошло бы...

Герцог осёкся и тяжело обмяк в кресле. Король молча смотрел на него и, наверное, не узнавал того человека, которого звал своим вторым отцом.

— Рольнир, вы просто слепец. И, наверное, слегка безумны из-за этой своей отцовской любви, — с горечью констатировал Кайнир. — Жаль, я не догадался, хотя видел, что вы изменились и что в Файханас-Маноре меня встречают с каким-то затаённым напряжением, а сердечность и искренность навсегда ушли из наших отношений.

— Я боялся. Я очень сильно боялся, что Орминд нечаянно выдаст себя. Сколько раз я благодарил Лунных богинь за то, что они надоумили меня скрыть магические способности Орминда. Будь он обычным магом, это грозило ему всего лишь десятью годами отсутствия дома. Но то, что он оказался способным на более сильные, более редкие заклинания, которые ханжи вроде вас именуют Запретной магией, подписывало Орминду смертный приговор. Разве нет, мэора? Магический Купол забрал бы моего сына и казнил ни за что. Невинного ребёнка, который никому не причинил зла!..

Старый герцог почти прокричал это магессе в лицо, сделавшись как никогда похожим на атакующего ястреба. Она же осталась спокойной, с лёгким сожалением глядя на Файханаса. Сильный и умный человек, которого слепая родительская любовь превращала в

чудовище под стать его сыну. Трагедию старого герцога можно понять, но не простить. Проклятие он заслужил, но мучиться будет вдвое меньше, чем Орминд... и, наверное, вдвое сильнее, потому что душевные страдания из-за сына тяжелее физических.

— В первый раз применив свою магию против разумного существа, Орминд перестал быть невинным ребёнком, — заметила Айриэ. — Когда это случилось, герцог? В девять лет? Двенадцать? Позже?

— В четырнадцать, — неохотно признался Рольнир Файханас — Тогда он впервые убил... случайно, просто не справившись с собственной магией, он ведь только учился!.. Мальчик очень испугался, и магистр тоже. Но Стейриг справился с опасной ситуацией, они вдвоём с Орминдом изучали старинные труды по магии и поняли, как сдержать эту силу, чтобы она не убила моего сына и, главное, не выдала его тайну непосвящённым. О Запретной магии не знал никто, кроме Стейрига, даже мой брат. Эстор думал, что Орминд — обычный маг, и понимал мотивы, побудившие меня скрывать это от Магического Купола. К тому же брат всегда считал, что для рода полезно иметь собственного никому не известного мага, вдобавок такого могущественного.

— Вы что, хотите сказать, что в вашей библиотеке имеются труды по Запретной магии? — приподняла брови Айриэ. Если это так, книги следует изъять и уничтожить. А то ещё кто-нибудь талантливый вот так... научится.

— У нас древняя и очень богатая библиотека, — с гордостью подтвердил Файханас. — Стейриг нашёл один старинный фолиант... Сам открыть не смог, но сыну это удалось!.. Я же говорил, мой мальчик очень талантлив. Он сумел приручить древнюю, убивавшую непосвящённых книгу, подарив ей свою кровь и немного жизненной силы. А ещё у нас имеются труды по некромантии, по ним Орминд тоже учился.

— Только силу и кровь брал не свои, чужие, — заметила Айриэ — В отличие от честных некромантов.

— Кровь Файханасов слишком ценна, чтобы проливать её по пустякам.

— А чужую не жалко, понятно, — кивнула драконна. — Дело житейское.

— Зря иронизируете, мэора. Хотя вы в своём праве — праве победителей.

— Не прибедняйтесь, герцог. Всё происшедшее с вами закономерно и проистекает из ваших собственных деяний. Ваш сын — чудовище, монстр, лишь внешне похожий на прежнего мальчика. Право, лучше бы вы отдали сына в Магическую Академию — имелся шанс, что Орминд остался бы обычным магом. Его способности к Запретной магии могли и не пробудиться, научись он самоконтролю, как полагается. Ваш Стейриг, может, и был хорошим магом, но преподаватель из него вышел никудышный.

— Зато благодаря ему Орминд до сих пор жил полноценной жизнью и ничем не отличался от молодых дворян, своих ровесников.

— Скажите это его жертвам.

— Мне жаль некоторых — жену мельника, например, или моих гвардейцев. Но их родным я честно выплатил компенсацию. На Орминда я гневался по-настоящему лишь из-за попытки проклясть дочку капитана Паурена. Я ничего не знал, всё открылось неожиданно. Вы при этом присутствовали, мэора, помните? Я сильно испугался, что Орминд выдаст себя чем-нибудь и отправил его чистить конюшни, притворившись, что просто сержусь за то, что сын не доложил мне о случившемся. Он, кстати, действительно попытался от меня это скрыть, но я как следует его потом отчитал. За всё. Мальчик чересчур увлёкся магическими экспериментами и забыл о главном: своих людей надо беречь. Паурен всегда был верен

нашему роду, делать его врагом, напав на его дочь — глупость и недальновидность. Надеюсь, Орминд запомнил нашу беседу надолго, — усмехнулся герцог. — Как я уже говорил, мой мальчик — талантливый и увлекающийся, но ему требуется твёрдая рука, чтобы удерживать от совершения юношеских глупостей.

Айриэ спорить не хотелось. Он не видит и не понимает. Умрёт, так и не осознав, какое чудовище взрастил. Она только повторила:

— Лучше бы вы поступили по закону и отдали сына в Академию, герцог. А сами женились бы вторично и обзавелись другими сыновьями. Теперь же из-за одного бракованного щенка и вашей болезненной любви к нему погибнет весь род.

Файханас дёрнулся, как от пощёчины, но промолчал, тяжело сглотнув. Тут же выгнулся от боли и корчился пару минут, стиснув зубы. Потом сидел, коротко и с хрипом дыша, часто вздрагивая и пытаясь прийти в себя после приступа.

Кайнир посмотрел на герцога долгим взглядом и тоскливо спросил:

— А всё-таки, Рольнир, зачем вам понадобился этот нелепый заговор? Неужели захотелось власти?

— Я был вынужден. Я бы не стал, Кайнир, если бы мог иначе... Ты ведь меня знаешь, ради короны я бы честью и клятвами не поступился. Орминд... всё чаще срывался, его сила временами выходила из-под контроля. Он старался сдерживаться, но магия есть магия. И обнаружение того, что он маг, было лишь вопросом времени, а это для моего мальчика стало бы смертным приговором. Только корона могла защитить моего сына...

Король криво усмехнулся, кашлянул и сказал с хрипотцой:

— Я наивно думал, что вы не зря звали меня вторым сыном, Рольнир... Я до последнего надеялся, что это Торбианы или Сэйбаоны.

Герцог отвёл глаза:

— Мне было больно выбирать между тобой и Орминдом. Но иного выхода судьба мне не предоставила.

— По-вашему, затеять смуту — замечательный выход? — Кайнир издал горький смешок.

— Я бы постарался взять власть сразу. И убедить дворянство, что мой сын и я в качестве его советника — это лучший вариант в сложившейся ситуации. Принцесса Эглиана — бездетная вдова и прав на престол в любом случае не имеет, а остальные... У Файханасов немало союзников, добровольных и не очень. На некоторых я бы надавил, прочих убедил, но смуты не допустил.

— Ну спасибо хоть за это. Несомненно, если вдруг Светлолунный мир существует, и я бы в него попал, то взирал бы на вашу деятельность с умиротворением и даже с умилением, — зло бросил король и отвернулся, стараясь успокоиться.

Айриэ вмешалась, давая Кайниру время прийти в себя:

— Королевская корона чёрного мага не защитила бы. Вы забыли о Драконьем Ордене, герцог.

— Я всё время о нём помнил, особенно с тех пор, как вы появились в моих землях, мэора, — усмехнулся уголком рта Файханас. — Я знал, что вы опасны, но, к сожалению, не смог уберечь свой род...

— Дело не во мне. Даже если бы вам удалось меня убить и при этом обойти «ответное проклятие» — а это почти невозможно, уверяю вас — Орден никогда не пошёл бы на переговоры с вами.

— Уверены, мэора? Все продаются и покупаются, — равнодушно заметил герцог. — Всё зависит от цены.

— И какова же ваша? — не скрывая насмешки, поинтересовалась Айриэ.

— Мы бы договорились. Я был готов отдать многое — земли, деньги, привилегии — только не Орминда. Безопасность для него я выторговал бы. Умные люди могут сосуществовать мирно и сотрудничать ко взаимной выгоде.

— Орден никогда не станет сотрудничать с человеком, применившим Запретную магию.

— Вы излагаете собственные предположения или всё-таки можете ручаться за всех членов вашего Ордена, в том числе и за его главу? — Герцог тоже решил понасмешничать напоследок.

— За его главу — особенно. И даже за основателя. И за каждого драконьего мага. Нас немного, но мы не продаёмся.

— И что в вас такого особенного?

— Умение чувствовать мир, хотя бы. Видеть силовые нити мира. И понимать, что чёрный маг — любой чёрный маг — разрушает магическую оболочку Акротоса. Злодеев на свете много, они вредят миру, но всё это поправимо и вписывается в закон вселенского Равновесия. Абсолютного зла и абсолютного добра не существует. Есть лишь те, от кого надо избавляться ради поддержания Равновесия. Напрямую разрушать мир способны только чёрные маги. Как ваш сын. Поэтому никто и никогда не станет с ним договариваться. Не о чем, герцог. Да и вы сами вскоре поняли бы, что от вашего сына осталась лишь оболочка. Того мальчика, которого вы любили, больше нет.

— Позвольте мне судить об этом самому, мэора, — холодно ответил герцог. — Очевидно, вам незнакомы родительские чувства, иначе вы бы меня поняли.

— В том смысле, в каком понимаете их вы — к счастью, нет, не знакомы.

Да убержёт её судьба от таких деточек, которых надо растить аж два десятка лет, прежде чем из них получится что-нибудь путное. Ужас. Бедные люди. К счастью, у драконов этот процесс проходит гораздо быстрее и, пожалуй, легче. Хотя не исключено, что многим людям он тоже показался бы невыносимо тяжёлым. Дело вкуса, что называется.

Файханас изучал магессу с неким исследовательским интересом — очевидно, стараясь хоть таким образом отвлечься от боли как физической, так и душевной. Айриэ видела, что в старом герцоге, в отличие от его сына, совесть сохранилась, не позволяя легко списать в расход бывшего воспитанника и не испытывать при этом стыда. Он спросил:

— Мэора, я вот пытаюсь определить, не в родстве ли вы с эльфами? Раз уж вы столь неподкупны. Впрочем, о чём это я? Мы-то с вами знаем, что полуэльфы тоже продаются — главное, цену назначить правильную.

Герцог жёстко усмехнулся и явно ждал реакции магессы на этот укол. Айриэ его разочаровала, заметив вполне добродушно:

— Собственная жизнь — цена правильная, я согласна. Вы угрожали Тианору смертью, а ваш наследник, очевидно, вновь с удовольствием выполнил палаческие обязанности. Мне было рассказано о случайном падении с лестницы, но ведь это вы потрепали беднягу менестреля? Я правильно догадалась?

— Мэора, ваш... друг оказался довольно трусливым. Стоило лишь чуть-чуть поработать с ним в пыточной, как он на всё согласился. И шпионить за вами, и докладывать о ваших действиях, и рассказывать о ваших догадках и предположениях касаясь личности мага. Мне

показалось забавным подбрасывать улики и против него тоже, чтобы сбить вас со следа.

— Бывает, что и любовники предают. Ничего, я это пережила. А вообще-то, герцог, по моему, больше всего вы старались очернить в моих глазах Мирниаса.

— Этот типчик показался мне самой подходящей кандидатурой, — подтвердил Рольнир Файханас. — Я надеялся, что вы поверите в его виновность.

— Боюсь, я не настолько легковерна.

— А жаль. Но всё-таки, признайтесь, нам в течение месяца вполне успешно удавалось водить вас за нос.

— И всё это неизбежно закончилось бы в драконий день. Да, я только в катакомбах окончательно поняла, что чёрный маг — ваш Орминд, но сегодня, в день равноденствия, мне достаточно лишь взгляда на его ауру. Потому что я смотрю истинным зрением.

— И что в этом дне такого особенного? Магические потоки действительно движутся как-то иначе?

— И законы магии позволяют нам больше. Герцог, вы с самого начала были обречены на поражение. Потому что играли против дракона.

Айриэннис сняла иллюзию с глаз. Файханас поражённо всматривался в неё и, кажется, поверил её словам сразу.

— Да-а-а, мэора, я вас недооценил, — медленно проговорил он. — Кайнир, поздравляю, ты обзавёлся могущественными союзниками.

— Айриэннис дважды спасала мне жизнь. Кроме неё, этого не смог бы никто, так что у вас был шанс выиграть, — сказал король и снова невесело усмехнулся. — Не устаю благодарить судьбу за то, что я не унаследовал отцовские взгляды на отношения с Орденом.

— Айриэннис? — приподнял брови Рольнир Файханас. — Мне мэора представилась по-другому, но это неважно, в сущности. И что, получается, весь Орден состоит из... драконов?

— Нет, герцог, я такая одна. Основатель Саэбран — тоже дракон. Но он давно не появлялся в этом мире.

— А я-то наивно думал, что сумею вас купить, — пробормотал Файханас. — Я понимаю, что выгляжу смешно в глазах представительницы Старшей расы. Но... если все прочие — люди, почему вы в них столь уверены? В их преданности и неподкупности? Магическая клятва верности?

— Строгий отбор членов Ордена, — коротко объяснила драконна, не желая пускаться в долгие объяснения. — И простая человеческая совесть.

— Кто бы мог подумать... Вас, мэора, я не предусмотрел, — искривил уголок рта старый герцог. — Иметь во врагах дракона оказалось весьма невыгодно... Проклятие — как оно действует? И для чего оно? Ведь с нами могли поступить так, как принято с обычными заговорщиками.

— Согласитесь, герцог, зато вышло нагляднее. И страшнее. Все потенциальные заговорщики трижды подумают, прежде чем строить заговоры против короля, который в дружбе с магами Ордена.

— Тут вы правы, мэора. Как политик, не могу не одобрить подобный ход, — хрипло, натужно рассмеялся Файханас.

Айриэ вкратце рассказала про «узел» и последствия для его родного герцогства. Ей подумалось, что раз уж Файханас умирает от проклятия, пусть хотя бы знает — за что.

— Вы проживёте ещё дней пять, и всё это время через вас будут проходить силовые

нити, очищаясь за счёт вашей жизни. Так вы исправите зло, причинённое миру. Ваша казнь не исправила бы ничего, только породила новые потоки грязной энергии. Ваша физическая оболочка не будет испытывать никаких потребностей. Ни пищи, ни воды, ни сна вам уже не понадобится.

Герцог провёл рукой по щеке. Пальцы его подрагивали.

— Мой брат и кузены — тоже так?..

— Все, кого задело проклятием. Просто одни будут умирать дольше, другие — почти сразу, как жена вашего брата. Зависит от степени виновности.

— Жаль, что всё так вышло... Я сожалею, Кайнир. Просить прощения и каяться бессмысленно, но я хочу, чтобы ты знал... Ладно, не стоит. А то чересчур пафосно и даже вроде бы слезливо выходит. Всегда ненавидел пафос. Просто я...

— Я вас понял, Рольнир, — прервал его король утомлённо. Ему было сильно не по себе, и его нервы, наверное, были напряжены до предела, как туго натянутые струны. Вот-вот оборвутся. Беседа с Файханасами, кажется, вытянула из Кайнира все силы. — Что ж, мне пора, пожалуй... Я узнал, что хотел.

— Подожди! — Герцог порывисто протянул к королю руку, будто пытаясь удержать. — Если я могу попросить... и вас, мэора, в особенности... Если это возможно, позвольте Орминду умереть быстро. Я готов взять на себя его вину, только пусть мой сын не мучается больше. Если вам, мэора, нужна чья-то боль, пускай будет моя.

— Вы ничего не поняли, герцог, — с некоторой грустью отметила драконна. — Ваш сын давно уже взрослый и должен нести ответственность за содеянное. Сам. А закон Равновесия решит, когда плата будет достаточной.

Герцог опустил голову и, наверное, впервые в жизни почувствовал себя окончательно, безоговорочно, безнадёжно побеждённым. И старым. В нём будто погас огонь, с рождения горевший в этом сильном и незаурядном человеке.

— Драконы не знают жалости. Первого Файханаса осудил дракон, последнего — тоже...

— И чья в этом вина? — тихо спросил Кайнир. — Суд был справедлив. Орминд виновен в том, что Файханасов больше не станет. А вы, Рольнир, пошли по неверному пути.

— Что теперь будет?.. — с трудом выговорил Файханас.

Король понял и назвал имя того, кто станет новым герцогом.

— Надеюсь, он сумеет позаботиться о моих людях и моих землях, раз уж я не сумел, — чуть задыхаясь, хрипло сказал Файханас. — Окажи мне последнюю милость, Кайнир. Позволь нам с Орминдом быть вместе до конца. Прикажи перенести моего мальчика ко мне.

— Уверены, что вам это нужно, Рольнир?

— Да, — твёрдо ответил старый ястреб.

— Ну что ж, я распоряжусь. Прощайте...

Герцог молча склонил голову, прощаясь без слов. Всё уже было сказано.

Тяжело и хочется плотнуть свежего воздуха. И взлететь, сбрасывая с себя всю накопившуюся липкую мерзость. Как же люди любят эти выматывающие, долгие беседы по душам... Зачем они? У драконов проще. Проклял — и забыл, к чему травить душу ненужными сожалениями, даже если проклятый был тебе дорог?..

Кайнир выглядел совсем больным после этих проклятых бесед по душам. Не стесняясь присутствия капитана Тианжера и его гвардейцев, Айриэ опять принялась колдовать над королём. Гвардейцы то и дело бросали на неё любопытные взгляды, будто никогда не видели мага за работой. Укрепляющее силы заклинание сделало своё дело, на безжизненное лицо Кайнира потихоньку вернулись краски, и он даже сумел улыбнуться:

— Благодарю вас, Айри... Айнура, мне уже легче.

Тут только, спохватившись, Айриэ вернула иллюзию, пряча свои драконьи глаза. А она-то ещё недоумевала, почему гвардейцы и Динмор так странно на неё косятся. Ну да ладно, спишут на волшебство и причуды магов, ничего страшного.

Верный Багиор достал откуда-то из кармана пузырёк с зельем и с поклоном протянул его величеству. Айриэ перехватила руку камердинера — не потому, что не доверяла, а просто чтобы узнать свойства зелья. Одобрительно кивнула, распознав успокаивающие травы, и усилила эффект, добавив собственной магии.

Выпив зелье, Кайнир заметно взбодрился и приказал:

— Динмор, распорядитесь вывести во двор всех задержанных людей Файханасов. Пусть те, кто готов, принесут мне клятву верности. Кто не желает, пусть убирается из моего королевства на все четыре стороны; сроку им декада, иначе — каменоломни.

Очувтившись на улице, Айриэ жадно втянула в себя холодный чистый воздух, стараясь избавиться от муторного осадка, оставшегося после разговора с Файханасами. И не сразу осознала, что мерзкое чувство вызвано не только выяснившимися подробностями этого грязного дела. Сосущее, противное ощущение глубоко внутри в большинстве случаев означало, что случилось что-то скверное. Если не с ней, то с кем-то из тех, кого она, фигурально выражаясь, относила к своему ближнему кругу. Чувство это Айриэ искренне ненавидела, особенно когда оно оправдывалось — невозможность что-либо изменить злила и выворачивала душу наизнанку. Всё уже случилось, а ей оставалось только бессильно дожидаться известий. Одна радость, что это дурацкое чутьё далеко не всегда срабатывало. Опасность драконна чувствовала гораздо лучше.

Сгрудившиеся во дворе люди посматривали хмуро и настороженно, но королю и его сопровождающим почтительно кланялись. Узнав о клятве, согласились все, отказавшихся не было. Последними привели из казарм запертых там гвардейцев во главе с капитаном Пауреном. Его Айриэ посоветовала оставить на прежней должности, и король обещал передать это новому герцогу. Паурен очень серьёзно поклялся королю в верности. Этот не предаст. Признаться, Айриэ была рада, что не ошиблась в капитане. Раз проклятие его не тронуло, значит, точно чист. Пусть по-прежнему служит в замке и охраняет новых герцогов.

Кайнир, пожалуй, мудро придумал с этой клятвой верности лично ему, и хорошо, что заставил клясться всю челядь в замке, а не только солдат. У нового герцога будет куда меньше проблем со старыми слугами. К тому же солдаты гарнизона позже ещё принесут присягу лично Хайдену, как своему новому господину.

— Мэора Айнура! — окликнули магессу, когда король чуть отошёл в сторону, выслушать доклад подчинённого Тианжера, вынырнувшего из портала. Это Паурен воспользовался случаем и благодарно поклонился: — Спасибо вам за то, что замолвили за меня словечко.

— Пустое, капитан, мне не сложно, а всем это только на пользу. Вы здесь на своём месте, — улыбнулась магесса.

— Я буду служить новому герцогу верно, пока он сам будет верен своим людям, мэора, — пообещал Паурен и, помрачнев, сказал: — Я видел, что с мэором Орминдом что-то неладно, но и подумать не мог... Я полагал, он просто слишком жестокий человек и опасался, что всем его подданным придётся несладко, когда он унаследует титул. Но чёрный маг!..

Капитан вполголоса выругался, но тут же извинился, смутившись. И сообщил:

— Мэора Айнура, а вы знаете, у мэора Орминда было несколько наёмников, подчинявшихся только ему и его светлости, разумеется. Я над ними власти не имел, хотя они в казармах солдатских жили и формально были к гарнизону замковому приписаны. Ну и бандитские же рожи, доложу я вам!.. Мне эти молодчики сразу не понравились, а теперь, по всему выходит, они чёрному магу помогали. Потому что слегли от вашего проклятия, прямо в казармах, где им его светлость велел сидеть и праздновать отдельно от остальной челяди. Их тоже в столицу уже забрали, как остальных...

В этот момент из портала появился человек, одетый в тёмное, совсем не по праздничному. Не похоже, что его выдернули с осенней вечеринки, скорее уж из казармы. По виду ему было около сорока. Плотный, полуседой шатен среднего роста; лицо загорелое и обветренное, у глаз — веера морщинок от привычки часто щуриться. Двигался он плавно, мягко и легко, как гибкий и опасный хищник. Воин, с немалым боевым опытом за плечами. Он приблизился к королю и поприветствовал его, как полагается военному: правая ладонь прижата к сердцу, голова учтиво наклонена. Айриэ предположила, что это и есть новый герцог, и не ошиблась.

Король представил Сэйдира Хайдена и сообщил его новым подданным о своём решении. Пожалуй, новоиспечённый герцог выглядел самым изумлённым из всех присутствующих. Чуть запинаясь от неловкости, он хриловато поблагодарил короля и поклялся в вечной преданности. Звучало чуть высокопарно, но говорил Хайден, кажется, от души.

Вообще новый герцог Айриэннис скорее понравился, чем нет. Грубоватый вояка, пропылённый степной пылью и закалённый злыми ветрами с запахом горьких трав; человек, лишённый придворного лоска, зато искренний и честный. С Пауреном они точно сойдутся, а что до остальных, то куда им деваться, приспособятся.

Его величество пожелал лично сообщить жителям Кайдараха о случившемся и попросил Айриэ открыть портал в деревню. Вспомнив примерные магические координаты рощи, где жгли праздничные костры, Айриэ без малейших усилий сотворила портал, чем вызвала восхищённые шепотки присутствующих. Драконна грустно усмехнулась про себя: было бы чем восхищаться, эта способность её расе даётся от рождения. Но в мире, где обычные маги не могут перемещаться сквозь пространство, подобное кажется запредельным чудом... Да, сегодня создание порталов для Айриэ не сложнее, чем щелчок пальцами, тем тяжелее придётся потом. В остальные дни этой возможности быстро перемещаться ей, наверное, не хватало больше всего, не считая полётов.

В роще оставалась примерно половина от первоначально пришедших на праздник, в основном, те, кто постарше. Молодёжь давно разбилась на парочки и играла в любовь где-нибудь на лесных полянках вокруг деревни, а дети со стариками уже отправились спать. Взрослые же традиционно дожидались первого осеннего рассвета, загадывая на щедрую

осень.

Без сомнения, появление короля в праздничной роще произвело на кайдарахцев неизгладимое впечатление. Кайнир, конечно, и раньше гостил в Файханас-Маноре, но вряд ли когда-нибудь вот так запросто являлся на праздник и сообщал столь... ошеломительные новости.

Кайнир представил кайдарахцам их нового герцога. Жители деревни громко радоваться не спешили и настороженно приглядывались к Хайдену, хотя здравицы в честь короля кричали охотно и от души. Подобные жесты подданным нравятся — в конце концов, король мог послать герольдов, а не приходить к каким-то там простолюдинам и лично сообщать им о переменах в их жизни. Однако же пришёл и сообщил, а из таких мелких, казалось бы, поступков, и рождается искренняя верность подданных.

Молодого короля его подданные любили, но роду Файханасов жители герцогства были преданы всей душой. По крайней мере, Рольнира Файханаса искренне уважали, и его падение никого обрадовать не могло. Угрюмое недоверие тлело в глазах кайдарахцев, однако загасло после известия о драконьем проклятии, поразившем замысливший измену род. В Акротосе — по меньшей мере, во всех королевствах материка Аэданир, ещё сохранились легенды и предания об Ушедших и о силе их справедливого проклятия. Теперь эти древние легенды получили страшное подтверждение, а Драконий Орден в очередной раз продемонстрировал своё могущество.

Айриэ ловила на себе боязливые взгляды и шепотки кайдарахцев, пока король говорил. Однако особой неприязни она не уловила, а знакомцы, вроде Нарваса, кивали ей либо кланялись без особого пиетета.

После его величество не погнушался выпить кубок золотистого вина и съесть ломоть «осеннего» хлеба с мясом, чем окончательно завоевал сердца кайдарахцев. Счастливицу Долзиру, чья жена испекла тот хлеб, что отведал и похвалил Кайнир, наверное, предстояло до конца дней гордиться сим эпохальным событием. Будет потом в таверне рассказывать, мол, а моя-то жена печёт такой хлеб, что самому королю по вкусу пришёлся...

Айриэ отошла в сторонку, сообщить Гриллоду, что съезжает, и пообещала после заскочить за вещами и расплатиться. Усмехнувшись, посоветовала навестить тестя и сообщить, что опасность миновала и что Брэддору больше не нужно прятаться.

— Спасибо, мэора Айнура, сейчас же пойду! — заторопился Гриллод, а его жена просияла от радости — видимо, переживала за отца, хотя вряд ли Брэддор сообщил, по какой причине скрывается.

— Только скажите, чтобы сегодня сходил в замок и рассказал кому-нибудь из дознавателей всё, чему был свидетелем в тот вечер. Пусть на меня сошлётся, если что.

Гриллод с жаром закивал и удалился, а Айриэ кто-то легонько тронул за локоть. Обернувшись, она секунду непонимающе таращилась на усатого брюнета, пока до неё не дошло, что это же личина, которую она собственноручно сотворила для Мирниаса.

— А, это вы, Мирниас. Я вас не узнала, даром что сама же и заколдовала, — хмыкнула она.

— Извините, мэора Айнура, если я вас отвлекаю... — нерешительно начал он и замаялся.

— Опять вы мямлите?

— Просто вы, мэора, такая важная особа, с королём на дружеской ноге... — несмело улыбнулся он. — Побоялся к вам подступиться. Мэора Айнура, это правда? Ну, что вы прокляли Файханасов? Это же не «ответное проклятие»?

— С профессиональной точки зрения интересуетесь? Нет, проклятие самостоятельное. Драконье. Да, магам Ордена иногда доступны заклинания Ушедших, — сказала она, предвосхищая следующий вопрос долговязого мага. И, в общем-то, не соврала, просто недоговорила.

— А кто он, этот новый герцог?

— Человек, преданный его величеству. Что до остального, время покажет. Я с Хайденом познакомилась только что, и что он за человек, мне не известно.

— Понятно, — вздохнул артефактор и попросил: — Мэора Айнура, вас не затруднило бы снять с меня личину? А то меня квартирная хозяйка домой не пустит. Вы сказали, иллюзия сама развеется, но ждать не хочется...

— Извольте.

Иллюзия легко стекла с его лица и развеялась, явив миру привычно встрёпанного Мирниаса со смущённой физиономией. У того усатого брюнетика, к слову, причёска была аккуратной, волосок к волоску, но тут с природой не поспоришь. Кажется, Мирниас вознамерился проходить всю жизнь лохматым и взъерошенным...

— Спасибо, мэора! За то, что выгащили и вообще за всё!.. — сбивчиво и пылко начал Мирниас, но был бесцеремонно прерван.

— Мирниас, если вы мне действительно благодарны — умолкните! — Айриэ говорила вполне добродушно, так что молодой маг даже не обиделся. А напротив, посмотрел участливо, изломив брови домиком.

— Вы простите, мэора, что я надоедаю... Я просто поблагодарить хотел. Прощайте, мэора Айнура, я пойду, пожалуй.

Надо же, какие нынче бескорыстные люди пошли. Знаком с влиятельной магессой и даже не подумал выклянчить что-то, хотя прозябание в деревне ему явно не по вкусу. Айриэ снова хмыкнула, на сей раз одобрительно, и успела поймать юнца за рукав, пока не удрал.

— Идёмте-ка, я вас с новым герцогом познакомлю. Жалованье-то он вам теперь выплачивать будет, да заказы подбрасывать.

— Н-не надо...

— Спрашивать вас буду! — усмехнулась драконна и потащила Мирниаса к portalу, котором уже исчез король и его сопровождающие.

Жестом велев троем оставшимся гвардейцам пройти обратно в замок, Айриэ провела спутника и уничтожила временный портал. Не дав долговязому магу опомниться и всё так же волоча его за собой на буксире, высмотрела во дворе замка седоватую голову Хайдена, окружённого его новыми гвардейцами, и направилась туда.

Гвардейцы моментально расступились и почтительно замерли в сторонке. Сэйдир Хайден вопросительно приподнял брови.

— Герцог Файханас, позвольте вам представить Мирниаса Сидейона. Маг, служит в Кайдарахе по королевскому контракту. Исключительно талантливый артефактор, рекомендую.

На обветренном лице нового герцога явственно читалось сомнение и лёгкое недоверие. Похоже, он привык составлять мнение о людях по их делам, а не рекомендациям неизвестных магов, будь они хоть сто раз драконьими.

— Хайден, если мэора Айнура кого-то рекомендует, вы можете мне поверить, что это человек незаурядный, — слышался голос подошедшего незаметно Кайнира.

Мирниас, лицо которого и так уже пошло красными пятнами от волнения и смущения,

поспешно и неловко поклонился. Выглядел он презабавно, а светло-русые волосы встопорщились, как колючки у стриженного дикобраза. Айриэ подавила ухмылку и подтвердила:

— Его величество совершенно прав. Я рекомендациями просто так не разбрасываюсь, а мечи, зачарованные Мирниасом, видела лично и могу свидетельствовать: отменная работа.

— Ваше величество, я и не сомневался в словах мэоры магессы, — поклонился Хайден и чуть раздвинул сухие губы в скупой улыбке, внимательно взглянув на молодого мага. — Магистр Мирниас, рад знакомству.

— Взаимно, ваша светлость, но я пока не магистр. Это звание будет присвоено мне после окончания контракта, через четыре года, — смущённо поправил его Мирниас.

— Хорошо, мэор Мирниас, думаю, мы с вами вскоре встретимся и обсудим вашу работу, — кивнул новый герцог. — Зачарованные мечи — это крайне интересно.

Король и новый герцог двинулись дальше, обсуждая насущные дела. Мирниас начал было говорить:

— Мэора Айнур, а Фирио...

Но тут магессу окликнул Кайнир, попросив сопровождать его, и Айриэ удалилась, не дослушав молодого мага. Порталом прибыл отец Зиоллии Байнифор, невесты нового герцога, и Кайнир тихонько попросил драконну оценить этого человека. Нашёл кого просить... В людях хорошо разбираются только люди, а Айриэннис всё больше по догадке, исходя из накопленного опыта. Ауру она ему проверила, ничего тёмного, скверного не обнаружила, но жить-то Хайдену не с тестем предстоит — с супругой. Вряд ли восемнадцатилетняя девочка обрадуется сорокалетнему мужу, которого впервые в жизни увидит через декаду, на свадьбе, но кто же её будет спрашивать. Байнифорам впору радоваться, что заговор их никак иначе не коснулся, а видеть дочь герцогиней Файханас — не самый плохой вариант. Напротив, это отличная партия, один из трёх самых завидных женихов Юнгирода — не считая самого короля.

Муж старшей дочери Эстора Файханаса смотрел хмуро и напряжённо, явно не испытывая особого восторга по поводу предстоящей свадьбы, тем более что он был всего-то лет на пять старше своего будущего зятя. Однако королевские приказы не оспаривают, да и не в том положении был Байнифор, чтобы возражать. Отец Кайнира, к примеру, не постеснялся бы выразить немилость Байнифорам лишь за одно родство с заговорщиками, так что Зиоллии ещё повезло. К тому же король даровал девушке поместье с условием, что впоследствии оно перейдёт к её второму сыну.

Уже совсем рассвело, крепостные стены и хозяйственные помещения были затянуты белёсым, лениво колыхавшимся туманом, а пронзительно-холодный, пропитанный влагой воздух напоминал о вступившей в свои права осени. Айриэ рассеянно рассматривала мутновато-голубое небо с редкими клочками облаков, дожидаясь, пока король закончит беседу и пожелает вернуться в столицу.

— Айнур... — хриловато произнесли за спиной.

Менестреля Айриэ заметила ещё во время принесения клятвы королю. Тианор ничем не выдвинулся, клясться не отказался. Проклятие его не тронуло, значит, виновен лишь в трусости, да и то перед самим собой. Вот пусть с собой и разбирается. Повернулась, равнодушно скользнула по Тианору взглядом. Ни сожаления, ни интереса он не вызвал.

Её настроение Тианор всегда улавливал превосходно. Вот и сейчас он сник, поняв, что лучше бы вовсе не заговаривал с магессой.

— Напрасно я подошёл, да? — кашлянув, спросил он.

— Напрасно.

— Прости. Просто я подумал, что ты... э-э-э, могла бы замолвить за меня словечко... в знак наших прежних хороших отношений.

Айриэ вздёрнула левую бровь, поразившись сей счастливой наглости.

— Хорошими они были до того, как ты меня не то продал, не то предал.

— Мне угрожали мучительной смертью... из-за тебя, Айнура, между прочим. Меня бы никто не тронул, если бы я с тобой не спал. Я хочу сказать, мы квиты. Я не выдвигаю претензий, не подумай... Я перед тобой очень виноват, но, согласишься, что твоя вина тоже имеется.

— Спать со мной тебя никто не заставлял, насколько я помню, — холодно напомнила драконна. — Ты сам решил... приблизиться.

Менестрель уныло вздохнул.

— Если бы я знал, к чему это приведёт... Я служу роду Сэйбаон. Меня послали следить за Файханасами и, если получится, найти что-то, свидетельствующее об их причастности к тому покушению на короля, которое случилось в начале лета. Мы росли вместе с наследником Сэйбаонов, и мой отец тоже с ними дружен, вот и...

— А я здесь при чём? — неприветливо прервала его откровения Айриэ. — Уж извини, но мне глубоко фиолетово, кому ты служишь.

— Айнура, ты не могла бы сказать людям короля, что я ни в чём не виноват? Меня всего лишь заставили шпионить за тобой, но против его величества я не злоумышлял, совсем наоборот! Сэйбаоны хотели найти истинного виновника, а я им помогал.

— Вот об этом ты и расскажешь дознавателям. Тебе ничего не грозит, кроме допроса, — безразлично заметила она. — Если бы ты был виновен, проклятие тебя не миновало бы.

Тианор поёжился и даже обхватил себя руками, выдавая собственную нервозность.

— Ты злопамятна.

— Всего лишь справедлива.

По-драконьи. Она «вычеркнула» Тианора ещё тогда, в их последнюю встречу — из своей жизни, памяти, мыслей и сферы сиюминутных интересов. Не она предавала — он. Айриэ спокойно отвернулась и направилась было к королю, но спокойно дойти ей не позволили. На пути снова возник Мирниас — ещё более встрёпанный, будто он нарочно сотворил из своей причёски грачиное гнездо, бледный и взволнованный — зрачки расширены так, что не видно было светло-зелёной радужки.

— Что это с вами, Мирниас? — удивилась драконна. — С фамильным файханасовским призраком встретились? Так я вроде последнего извела...

Молодому магу было не до шуток, и он даже не пытался изобразить улыбку. Он попросил тихо и очень серьёзно:

— Мэора Айнура, мне нужно вам кое-что сообщить. Только не здесь, это не для чужих ушей.

Айриэ с лёгкой досадой сморщила нос и оглянулась на короля. Кайнир кивнул в знак того, что готов возвращаться.

— Погодите немного, Мирниас, сейчас я его величество во дворец верну, а после мы с вами поговорим.

— Да, конечно, я подожду. — Артефактор послушно отступил.

Драконна открыла портал в королевский кабинет, и Багиор, как хороший телохранитель, прошёл первым, вежливо, но непреклонно отодвинув монарха в сторонку.

— Ваше величество, я прибуду позже, прямо в Малый кабинет, если не возражаете.

— Нет, что вы, мэора, нисколько не возражаю, — вымученно улыбнулся Кайнир — похоже, державшийся из последних сил. — Напротив, я буду ждать вас.

Развев портал после ухода короля, Айриэ вернулась к Мирниасу. Они зашли в боковую дверь, за которой оказалась кладовая, и магесса активировала «глушитель».

— Что вы хотели мне сказать?

— Мэора Айнура, король говорил, что вы проклиjali только тех, кто был виновен в заговоре и помогал Орминду? Именно так?

— Да, а что? — полюбопытствовала Айриэ.

Мирниас прикусил губу и на миг прикрыл глаза.

— И всё равно я не поверю! — с отчаянной решимостью заявил он.

— Во что?

Молодой маг провёл рукой по лбу и длинно вздохнул.

— Мэора Айнура, вы только не злитесь, но я считаю, вы где-то ошиблись.

— Мирниас, умоляю, выражайтесь яснее, если хотите, чтобы собеседники вас понимали.

— Простите, мэора. Я хочу сказать, вы ошиблись с Фирио. Он же не виноват!

— А что, кто-то в этом сомневается? — слегка насторожилась драконна.

— Выходит, вы ничего не знаете, — убито сказал Мирниас. — Мэора Айнура, Фирио... задело вашим проклятием.

— Что?.. — Где-то глубоко внутри стала разливаться медленная, тупая боль. — Мирниас, что вы несёте? Его не могло затронуть!..

— Не верите мне, спросите у людей короля, — грустно сказал артефактор. — Я хотел узнать, кто из Файханасов уцелел, и мне ответили, потому что слышали, как вы меня рекомендовали... Так вот, Фирниор пришёл в замок недавно. Как мне сказали, вы с королём в это время были у старого герцога. Фирио стало плохо сразу, едва он вошёл в ворота. Он упал, у него начались сильные судороги, и королевские гвардейцы отправили его через портал в столицу, как остальных его родственников. Но это же неправда, мэора! Он не участвовал в заговоре! Или его задело из-за той магической клятвы?

— Не должно было, — ровно ответила Айриэ, хотя внутри всё ныло и тянуло от тоскливого недоумения.

Фиор невиновен, уж в этом она не сомневалась. Она мальчишку драконьими глазами видела. Почему же проклятие сработало?.. Магическая клятва тут точно ни при чём. Так почему? Что пошло не так?..

— Мэора, пожалуйста, сделайте что-нибудь, — жалобно попросил Мирниас.

— Драконье проклятие обратного хода не имеет, — произнесла она онемевшими губами, бездумно глядя в угол, где стояли какие-то тощие мешки, обвешанные пыльными обрывками паутины.

— И оно смертельное... Сколько ему осталось?

— Корррявое Равновесие, да откуда мне знать! — рывкнула драконна, но Мирниас и не подумал обижаться.

— Мэора Айнура, но вы же попытаетесь ему помочь?

— А куда я денусь? Попроtaюсь, разумеется, только я бы вам не советовала надеяться на

что-то хорошее.

— Мэора, что же ему теперь, умирать по ошибке? — скривил уголок рта Мирниас.

— Бывают в жизни трагические случайности, знаете ли... Ах, да отвяжитесь вы от меня! — с досадой прикрикнула она на молодого мага, хотя он-то ни в чём не был виноват. Неожиданно разболелась голова, в затылок стрельнуло болью от резкого движения. Айриэ добавила спокойнее: — Мирниас, я посмотрю, что смогу сделать, но шансов на отмену проклятия нет. Не стройте напрасных иллюзий. Всё, мне пора. Вы со мной?

Айриэ открыла портал к воротам постоянного двора Гриллода, намереваясь забрать Шоко и свои вещи. Мирниас прошёл с ней, ибо оттуда до его дома было ближе добираться, чем из замка, и грустно распрощался у ворот. Айриэ напоследок посоветовала ему после окончания контракта обратиться в Драконий Орден, сославшись на её рекомендацию. Она предчувствовала, что из этого долговязого юнца вырастет талантливейший артефактор, а такие Ордену всегда нужны. Мирниас вяло пообещал, но драконна, впрочем, сомневалась, что он воспользуется её советом. Кажется, Мирниас был по горло сыт драконьими магами и их тайнами.

Расплатившись с Гриллодом, Айриэ отправилась в столицу. Выйдя вместе с конём из портала возле казарм королевской гвардии, драконна заставила находившихся там гвардейцев шарахнуть в стороны и схватиться за мечи от неожиданности. Впрочем, магессу сразу узнали и извинились. Вручив повод первому попавшемуся гвардейцу, Айриэ велела отвести Шоко в королевские конюшни. Сняла наконец со своего шоколадного красавца надоевшую иллюзию, и гвардейцы восхищённо зацокали языками и заспорили, обсуждая статью и прочие достоинства коня. Лошадники, что с них возьмёшь.

Айриэ же переместилась в Малый кабинет, где её дожидался Кайнир. Перед ним на столике стояла начатая бутылка золотистого эльфийского вина и полный бокал. Кайнир рассматривал вино с таким видом, будто узрел нечто невероятно интересное, хотя на самом деле едва ли осознавал, что видит. Наверное, король смотрел в собственное прошлое — где ещё не было предательства второго отца, где все были живы, а доверие не втапывалось безжалостно в грязно-красное месиво нелепой борьбы за корону.

— А вы ошиблись, Айриэннис, — медленно произнёс король, переводя взгляд с бокала на появившуюся драконну. — Из Файханасов проклятие никого не миновало. Значит, они все причастны. Кстати, мне сообщили, что умер сын Синтиона, да и сам он так плох, что долго не протянет, наверное. Все заговорщики скоро умрут...

— Что же, значит, ошиблась, — очень ровным голосом ответила Айриэ, чтобы не рычать от бессильной злости.

Не стоило взваливать на Кайнира ещё и известие о том, что с Фирниором непогрешимая драконья справедливость где-то оплошала, хотя это было против всех законов магии. Королю от этого знания легче не станет, он и так едва держится.

— Хотел напиться, но не тянет почему-то, — выдавив из себя невесёлый смешок, сообщил Кайнир.

— Не поможет.

— Вот и я о том же...

— Выспаться вам надо хорошенько, Кайнир. В этом я могу помочь.

— А королевские обязанности? От них не убежишь...

— Плюньте вы на них! — просто и незатейливо посоветовала драконна. — Потерпят ваши обязанности. Я вам сейчас магическое зелье создам, вон хоть на основе этого вина.

Через пять минут заснёте, как убаюканный младенец.

— Ну, если только не очень долго... — с сомнением согласился Кайнир.

— К полудню проснётесь отлично выспавшимся, гарантирую. Вам действительно надо отдохнуть, не спорьте.

Поколдовав над бокалом, Айриэ протянула зелье королю. Вызванный Багиор получил приказание отвести короля в спальню и бдительно охранять его сон, заворачивая прочь всех просителей и посетителей.

Если бы все проблемы решались так легко и быстро...

Первый осенний месяц в этом году выдался скучным на золото листвы и синеву неба — всего-то с декаду и простояла хорошая погода, а потом монотонной, унылой цепочкой потянулись хмурые, серые дни с холодными ветрами с моря. Тяжёлые, низкие тучи накатывали одна за другой и с наводящим тоску усердием поливали размякшую землю. Все немощёные дороги превратились в жидкий, чавкающий кисель, в котором вязли колёса повозок и утопали копыта лошадей.

Путешествовать в такое время — удовольствие ниже среднего: висящая в воздухе серая хмарь и мелкий, нудный, холодный дождь способны испортить настроение даже самому стойкому оптимисту. Если уж злая нужда погнала в дорогу, то помимо хорошо зачарованной от промокания одежды следовало запастись терпением и невозмутимостью. Всего этого добра у Айриэ имелось с избытком, но к концу четвёртого дня путешествия она чувствовала почти непреодолимое желание придушить кого-нибудь, кто подвернётся под руку. Вот жалость, что разбойников в Юнгироде давно всех повывели, а если какие и заводились, до лиходействовали на дорогах недолго. А то бы Айриэ с большим удовольствием уничтожила бы пяток-другой душегубов — просто для поднятия настроения.

Надо сказать, настроение у неё было гнусным, и, разумеется, не только из-за погоды. Что там дождь, льющий за шиворот, если сосущее чувство вины доставляет гораздо больше неприятных ощущений.

Фирниор был жив. Пока. Драконна не стала обращаться к королю с просьбой пересмотреть приговор в отношении юноши или доказывать его невиновность, тем более что и доказательств никаких не было. Были её собственные впечатления и уверенность в том, что магия где-то дала сбой. Король, наверное, не отказал бы Айриэ в просьбе, но остался уверенным в том, что отпустил на волю преступника, заговорщика, покушавшегося на его трон. Доверие к драконне и всему Ордену оказалось бы слегка подорванным, отношения неизбежно если не испортились, то охладели бы. Что не пошло бы на пользу ни самому Кайниру, ни всему Юнгироду. Не было смысла действовать столь... прямолинейно ради умирающего юноши, которому и жить-то, скорее всего, осталось совсем немного.

В пользу неведомого магического сбоя говорило то, что проклятие сработало весьма странно. Сама Айриэннис тюрьму, где содержали заговорщиков, не посещала, но заплатила одному из тюремщиков за информацию.

Встретились они в тёмной, продымлённой и пропахшей каким-то прокисшим варевом таверне, находившейся в одном из бедняцких кварталов столицы. Айриэ набросила на себя облик рослой, грудастой наёмницы с толстенной золотистой косой до лопаток. Тюремщик был полненьким, гладеньким и лоснящимся. Хитроватые глазки то и дело перебегали с лица «наёмницы» на её выдающийся бюст, и это, кажется, несколько отвлекало мужчину от разговора. Впрочем, полученная в качестве аванса золотая «корона» заставила толстячка забыть о прелестях собеседницы и вспомнить, зачем его вообще попросили о встрече.

— Кто из Файханасов ещё жив, спрашиваете, брайя наёмница? Так трое их и осталось. Брат герцогский, да кузен Синтион, но тот, наверно, помрёт сегодня ночью — уж больно плох. А ещё мальчишка Ниарас, но с тем вообще странное дело творится.

— Что там может быть странного? — нарочито равнодушно спросила Айриэ и закинула в рот солёный орешек.

Пиво, стоявшее перед ней в кружке, она понюхала, но пробовать не решилась. Толстяк, впрочем, тоже последовал её примеру — видимо, не питал никаких иллюзий по поводу качества здешних напитков. Место встречи, к слову, выбирал он.

— Так проклятие-то его хоть и задело, но наполовину.

— Это как же?

— А вот так! Правая сторона тела у него вообще не тронута, зато левая — ужас, смотреть невозможно. Сам я не видел, приятель рассказывал, — поспешил уточнить толстячок.

— Ну а чего ещё интересного там приключилось? Ты рассказывай, рассказывай, а я послушаю. Будешь складно говорить, получишь ещё три «короны».

— А откуда мне знать, что вам, брайя, услышать интересно? Я и хотел бы угодить, да не знаю как, — хитренько ухмыльнулся толстячок и вцепился желтоватыми, неровными зубами в бок сушёной воблы, отдирая полоску мяса и выплёвывая чешую. — Тьфу ты, зубы об эту рыбищу обломать можно! Ну чисто доска!

Он ругнулся и в доказательство постучал твёрдой, пересушенной рыбиной о край стола.

— Ты мне скажи, что там тебе приятель любопытного поведал?

— Про молодого Ниараса-то? — уточнил тюремщик. — Ну так... лежит он в камере, как остальные заговорщики, шевельнуться не может. То есть это левая сторона тела у него навроде как отнялась, а ещё язвами всякими да нарывами покрылась. Приятель мой видел, так, говорит, чуть не блеванул со страху да от омерзения. А справа у парня всё чисто, не тронута, оттого ещё страшней смотрится. Сил у него совсем нет, жар мучит, тошнота, а есть-пить не может. Пытались насильно кормить, да без толку. Воды разве что влить в него удаётся изредка. Чудно как-то. Остальных заговорщиков целиком поразило, а этого — наполовину.

— Чудно, — задумчиво отозвалась Айриэ и выплатила толстячку обещанный «гонорар».

Драконна в жизни не слышала, чтобы проклятие срабатывало подобным образом. Так не должно быть, но так было. Странно и непонятно. По какой причине это произошло, Айриэ не имела ни малейшего понятия, но надеялась разобраться. Подозревала, что просмотрела что-то — возможно, на Фирниоре висели остатки какого-нибудь Запретного заклятия или что-то в этом роде. В любом случае, вину за случившееся она ощущала, поэтому и взялась действовать по-своему.

Признаться, тогда, после разговора с тюремщиком она подумала, что Фирниор умрёт, но прошло пять дней, десять, а он ещё был жив. И когда наконец собрался тюремный караван, юношу отправили с ним в каменоломни, хотя никто не сомневался, что живым он не доедет. А если вдруг и доедет, то всё равно долго не протянет. Но король сказал своё слово, а дело подданных было выполнять, не рассуждая.

Тюремный караван, доставлявший на каторгу осуждённых преступников, собрался и выехал из столицы на юго-восток. Там, в герцогстве Сэйбаон, неподалёку от границы с гномьим Фиарштадом, находился небольшой городок Страйкан, куда и направлялся караван. В Страйкане традиционно проходила встреча с гномами, занимавшимися выкупом заключённых. Отобранных по каким-то особым приметам каторжников гномы забирали с собой в Фиарштад, выплачивая королю вознаграждение за каждого.

Страйкан оказался маленьким и грязноватым городишкой с кривыми улицами и сиротливо жмущимися друг к другу облупленными домами. Единственным прилично выглядящим зданием во всём городе был так называемый Гномий Двор, он же филиал

Гномьего банка, он же гостиница для останавливающихся в Страйкане гномов и их друзей. От Гномьего Двора начиналась лучшая в городе улица — прямая, чистая, старательно выложенная ровно обтёсанными камнями. Улица плавно перетекала в Фиарштадский тракт, и поговаривали, что мостили дорогу те самые выкупленные каторжники — под бдительным гномьим надзором, разумеется.

Из-за ненастной погоды и задержавших её в столице орденских дел Айриэ прибыла в Страйкан позже, чем намеревалась. Однако и тюремный караван, как выяснилось чуть погодя, пришёл в город только накануне.

Когда Айриэ сворачивала к Гномьему Двору, дождь хлестал так сильно, что соседние здания было не разглядеть за мутной пеленой. Массивные ворота были наглухо заперты, однако стоило Айриэ несколько раз стукнуть дверным молотом, как они приветливо распахнулись. Драконну ждали, ибо за несколько часов езды от Страйкана она послала «письмоносца» Бромору, надеясь, что старый друг уже прибыл.

Привратник, на редкость пухлый, но резвый гном напоминал крепенький, румяный боровичок, вдобавок на голове у него была шляпа с очень широкими полями для защиты от дождя. Он деловито поинтересовался именем посетительницы (драконна назвалась Айнурой, потому что снова носила эту личину), но только после того, как они оказались под крышей и стряхнули с непромокаемой одежды капли воды.

— Бромор Фиар-хорр-Зандаг ждёт вас. Прошу пожаловать за мной, — важно провозгласил привратник. — О лошадке вашей не беспокойтесь, мэора, о ней позаботятся.

Он окликнул слугу — человеческого, кстати, мальчишку и велел ему заняться конём, а сам повёл Айриэ вглубь здания. Точнее, Гномий Двор состоял из нескольких зданий, соединённых между собой крытыми галереями, да и наверняка дополнительно потайными подземными ходами, как это водится у гномов.

Здания были деревянными, ладными и аккуратными. Дерево пропитали бесцветным защитным составом, сохранив фактуру, и тёплые, золотистые стены смотрелись просто, но при этом очень благородно. Впрочем, гномы даже каменные помещения умудрялись сделать уютными, лёгкими и воздушными, не давящими тяжёлой мрачностью, как это частенько бывало в людских каменных зданиях. В Гномьем Дворе нижние подвальные помещения были каменными, однако стены в них были обшиты светлыми деревянными панелями, а на полу в коридоре были постелены пёстрые домотканые половички явно человеческой работы. Смотрелось это неожиданно и довольно мило. Судя по тому, что на них не оставалось ни малейшего следа от мокрых, заляпанных сапог, половички были на совесть зачарованы от грязи.

Провожатый провёл драконну мимо массивных железных дверей, за которыми, судя по всему, скрывалось помещение банка, и углубился в хитросплетения коридоров нижнего уровня. Здесь половичков и панелей на стенах коридоров уже не наблюдалось, однако потолки были высокими и на магические светильники гномы не скупались, так что впечатления мрачных подземелий не возникало.

— Айнурра! — разнёсся по коридору могучий приветственный рык, эхом отражаясь от стен, и магессу стиснул в объятиях невысокий даже для гнома, но широкоплечий Бромор.

Он неожиданно выскочил из-за узкой, неприметной боковой дверцы, почти сливавшейся со стеной, так что Айриэ даже вздрогнула, хотя вроде и была готова в любой момент увидеть старого друга. Водилась за Бромором такая особенность — выскакивать непонятно откуда, таким деловитым вихрем налетать на собеседника, выпаливая

заготовленную загодя фразу или скороговоркой раздавая поручения, и нестись дальше. Несчастный замороченный собеседник оставался позади — хлопать глазами и пытаться понять, а что это вообще такое было. Бромору, видите ли, было некогда.

Впрочем, с драконной старина Бро разговаривал более обстоятельно и не торопясь, никогда не бросая посередине разговора и не уносясь в светлые дали, как он частенько поступал со своими подчинёнными. Однако наскокивать — наскокивал, более чем неожиданно, хотя Айриэ давно привыкла к этой особенности. За его троюродным кузеном Конхором водилась примерно такая же привычка, хотя и не была столь... ошеломительной для его собеседников.

Бромор отличался ещё одной весьма нехарактерной для его племени чертой: он не носил бороды. Айриэ знавала миры, где гномам брили бороду только в знак великого бесчестья, однако в Акротосе этот обычай не был распространён. Желаеться — брейся или иди к магу, избавляйся от бороды заклинанием, никто и слова не скажет. Бромора уважали за его дела, а если за глаза и именовали чужаком, то его деловой репутации это никак не мешало. Свои косились немного поначалу, но давно привыкли, а на мнение чужаков Бро никогда особого внимания не обращал. Он только упрямо выдвигал вперёд свой широкий, квадратный подбородок и гордо нёсся по жизни, не обращая внимания на помехи.

— Айнура, сколько же я тебя не видел! — радостно улыбаясь, пророкотал Бромор и тут же, грозно нахмурившись, напустился на её провожатого: — Ты почему, гриб червивый, мэору магессу сюда привёл, а не в мои комнаты, как тебе было сказано?

Привратник, ничуть не обидевшись на «гриба», спокойно возразил:

— Ты, Бромор, прежде чем кипятиться и булькать, что твой котелок над огнём, лучше научись говорить чётко и без спешки. Горы-долы, ты ж сначала выпаливаешь на ходу обрывок фразы, вроде «отвести магессу ко мне», а после вдруг выясняется, что я должен был догадаться, что речь шла не про тебя, а про твои комнаты.

— Ой, да ладно тебе, не ворчи, Транг, — добродушно отмахнулся друг. — Ты лучше распорядись-ка там, чтоб нам пива какого-нибудь тёмного принесли, вот хоть «Чёрную пещеру», что ли, да с закуской.

— Тебе прямо сюда принести, — ядовито уточнил Транг, — или всё-таки в твои комнаты?

— Да я-то «Пещеру» и прямо посреди коридора готов пить, — не растерялся Бромор, — только вот гостя моего большего комфорта заслуживает.

— Ну тогда конечно, — фыркнул привратник и уже без насмешки поклонился магессе: — Моё почтение, мэора.

«Чёрная пещера» была отменно хороша. Хотя плохого пива гномы не варили вовсе, а уж за разбавление недобросовестными людьми любимого гномьего напитка могли с полным правом засудить преступника, лишив того имущества и пустив по миру. Своих обидчиков бородатое племя искало въедливо и дотошно, а обиды могло помнить не то что годами — веками, так что с ними редко связывались. Тем более что человеческие власти перед гномами не то чтобы лебезили (этого бородатые крепко не любили), но, скажем так, всегда помнили, у кого в этом мире больше всего золота и тайных возможностей подёргать за нужные ниточки.

Настроение у Айриэ слегка повысилось, что даже Бро отметил — вскользь, в разговоре, не торопясь лезть с расспросами. Драконна и сама всё ему рассказала чуть позже.

— Горы-долы, я уж думал, мы опять не увидимся. Хорошо, что ты выбралась старого

приятеля навестить, — хитровато улыбнулся Бромор и прищурил свои и без того маленькие зеленовато-голубоватые глазки. — Хотя Кон и говорил, что ты обещала заглянуть...

— Обещала — вот и делаю, хотя и совмещаю приятное с полезным, — усмехнулась в ответ Айриэ.

— Полезное — это всегда хорошо, — согласился Бро, отхлёбывая из своей кружки и деликатно причмокивая от удовольствия.

— А Конхор, кстати, где, что подельывает?

— Ты не поверишь, Айриэ, Кон за море рванул! — хохотнул Бромор и покачал головой. — Вот уж и правда Неугомонный! Хотя я ему даже позавидовать немного готов. За морем я ещё не бывал, а на Стайфарре столько всего неизведанного!..

Он по давно водившейся за ним привычке погладил ладонью свой гладкий подбородок и мечтательно вздохнул, хотя Бромор и мечтательность сочетались плоховато. Он скорее играл — отчасти для себя, отчасти для подруги — чем действительно жалел о том, что не отплыл вместе с кузеном. В конце концов, если бы Бромор по-настоящему хотел побывать на Стайфарре, он бы туда отправился, невзирая ни на какие препятствия.

Айриэ рассказала гному про свои кайдарахские приключения.

— А после? Ты лечила мир?

— Всё оставшееся время «драконьего дня», — кисло подтвердила Айриэ.

Она вспомнила бесконечное скольжение по запутанным силовым нитям мира — скольжение в драконьем облике, на магическом уровне реальности. Нудно, выматывающе, холодно, скучно, пусто, но необходимо. Больше-то некому. Осторожно, касаясь крыльями спутанных нитей, мягко заставляя их расправиться и лечь так, как полагается. Где-то гасить в зародыше вспухающие «узлы», где-то дохнуть драконьим огнём на почерневшие нити, очищая их от налипшей дряни. Это совсем не то, что настоящий, свободный полёт, но пользы для мира от него гораздо больше. Только этим и остаётся утешаться, мысленно усмехнулась она.

Разумеется, за неполные сутки весь Акротос на крыльях не облетишь, но сколько смогла — сделала. Ещё Айриэ успела понять, что ситуация с магической оболочкой сейчас гораздо лучше, чем когда состоялся приснопамятный уход драконов из этого мира. Как ни странно, уход пошёл Акротосу на пользу — по меньшей мере, помог предотвратить магическую катастрофу, это уж точно. Однако наблюдателей оставить стоило бы, Саэдрэ был прав.

— Подумать только, до знакомства с тобой я и не знал, как вы, драконы, нужны Акротосу, — задумчиво заметил Бромор

Айриэ досадливо поморщилась.

— По-хорошему, мы не должны бросать без присмотра ни один мир. Только нас маловато, на все не хватает. Видела я такие «брошенные» миры — не наяву, моей расе туда хода почти нет. Саэбран показывал в магических зеркалах — давно, ещё когда он только взялся меня опекать. Так вот, миры без магии — зрелище ужасающее, поверь мне, Бро, особенно если эти миры ещё и технические. Люди и прочие им подобные расы умудряются так испакостить дом, в котором живут, что просто диву даёшься.

— Ох, да, за людьми постоянный присмотр нужен, — тяжело вздохнул гном и почесал кончик своего мясистого, толстенького носа. — Правда, есть у них немало превосходных качеств, потому я с ними и вожусь.

— Аналогично, Бро.

Друзья переглянулись, хмыкнули и в полном согласии направились в сторону кухни.

Было самое время поужинать.

На следующий день мелкая, холодная морось продолжала сыпаться с неба, добавляя грязи на улицах Страйкана. Ровные же камни гномьей дороги маслянисто блестели; вода впитывалась в песчаную «подушку» и уходила в землю. Контраст сильно бросался в глаза, особенно после того, как пришлось свернуть на немощёную «человеческую» улицу. Драконна, не утерпев, выехала навстречу Бромору, которому пора уже было возвращаться после осмотра заключённых. Метаться без дела по комнатам Гномьего Двора сил уже никаких не было, хотя Шоко прогулкой был недоволен. Ещё бы, тёплая и сухая конюшня гораздо приятнее чавкающей грязи под копытами, но неугомонной хозяйке разве это объяснишь?..

Приговорённых к каторге держали в дощатых, кое-как слепленных бараках на окраине города. Бараки были обнесены высоченным каменным забором, который наверняка был дополнительно усилен заклинаниями, предотвращавшими побег заключённых. Обычно тюремный караван задерживался в Страйкане дней на пять — этого времени гномам хватало на то, чтобы осмотреть всех каторжников и отобрать тех, кого они намеревались выкупить.

Слухов про выкупленных среди людей ходило немало — как хороших, так и плохих. Многие кривились презрительно: мол, гномы себе рабов покупают, чтобы потом использовать на самых чёрных работах. Однако Айриэ доподлинно знала, что жили эти «рабы» получше многих свободных людей. Ели досыта, спали в нормальных кроватях, а не на голых досках или вонючей, гнилой соломе, как на человеческой каторге. Работали много, но непосильных трудов от них никто не требовал. Со временем обретали свободу, причём успевали скопить денег на дальнейшую жизнь — начать своё дело или ещё как-то устроиться. К слову, трудились гномы наравне со своими «рабами», много и без усталости, просто им были необходимы обученные рабочие для определённого вида работ, не требовавших магии. Самых-то гномов было мало по сравнению с людьми, а объём работ, за которые брались бородатые — внушительным. Одна прокладка приличных дорог чего стоила. Но зато и стояли такие дороги не века даже, а тысячелетия, требуя разве что подновления наложенных на них чар, да и то редко.

Нахохлившийся Бромор, надвинувший капюшон плаща на самый нос, попался Айриэ навстречу почти возле самых бараков. Гном ехал верхом на невысокой, мохнатенькой, толстоногой лошадке горской породы.

— И чего тебе под крышей не сидится? — недовольно спросил он. — Погода мерзкая, я, кажется, простуду подхватил — придётся к Джамору за настойкой идти, а они у нашего целителя гадостные на вкус.

Бромор шумно высморкался в огромный платок и наотрез отказался разговаривать под дождём. Пришлось возвращаться на Гномий Двор, терпеливо дожидаться, пока друг сходит к целителю, выпьет снадобье, отплюётся и наворчитя всласть. Только после этого Бромор согласился поговорить о том, что интересовало драконну.

— Ну видел я твоего приятеля. А-апчхи!.. — мрачно чихнул гном. — По-моему, не жилец. Непонятно, как он до сих пор не умер. Сдаётся мне, его твоя магия искалечила, но она же его в этом мире держит и не даёт уйти окончательно.

— Думаешь, лучше добить, чтоб не мучился? — не менее мрачно поинтересовалась магесса. — Будь здоров!

— Спасибочки. А-апчхи!.. Да нет, раз уж он столько прожил, протянет и ещё немного, я думаю. Может, ты что-то сумеешь сделать.

Он опять тронул подбородок. Жест со стороны смотрелся довольно забавно: будто гном в очередной раз желал убедиться в отсутствии там всякой растительности.

— С собственным проклятием? Сомневаюсь. Вот если только... — она прикусила язык, потому что озвучивать эту возможность не хотелось. Может, не придётся прибегать к этому последнему средству или оно всё равно Фирниору не поможет... Ладно, надо сначала посмотреть, как у него обстоит дело с магическими потоками. Вот окажется юноша на Гномьем Дворе, тогда и будет время разобраться.

— Я тебя завтра в бараки проведу, как мою помощницу, так что сама посмотришь на месте, — сказал Бромор. — Только хорошо б ты иллюзию другую на лицо надела, на всякий случай. И коня своего приметного замаскируй.

— Мальчишку выкупить надо, а не в бараках оставлять.

— А вот это сложней. Сама же понимаешь, осуждённые за преступления против короны не выкупаются. Им дорога только на человеческую каторгу, медленно подыхать в каменоломнях.

Об этом Айриэ знала, но она полагала, что будет несложно подкупить какого-нибудь человеческого чиновника, чтобы тот закрыл глаза на исчезновение государственного преступника. Подумаешь, запишут Фиора как умершего, его смерть никого удивить не должна, скорее уж наоборот — её должны ожидать в любой день. Кажется, начальник тюремного каравана отвечает только за доставку каторжников к гномам и показ «товара», а вот оформлением бумаг и передачей людей уже занимается какой-то местный чиновник, из Страйкана. Кажется, имеет смысл со взяткой подкатываться именно к нему.

— Я и сам думал поговорить с нужным человеком, но его сегодня не было. Дочка, что ли, у него сильно болеет, не знаю толком. А его заместитель мне, кстати, не понравился. Крыса подлая, — припечатал гном и в знак подтверждения оглушительно чихнул. — Если договариваться, то с самим браем Грейниром, причём так, чтобы его заместитель ни о чём не пронюхал.

— Договоримся. Заплачу сколько скажет, — равнодушно сказала Айриэ. Что ей деньги — если надо, ещё заработает, да и вообще на её счету уже должно быть немало золота. Вон, один только Кайнир весьма высоко оценил её помощь в деле Файханасов, пришлось даже просить короля быть менее щедрым. Зачем ей столько местного золота, если она скоро отсюда уйдёт и неизвестно, когда в следующий раз вернётся в Акротос?.. — И вообще, я бы лучше подождала, пока Фирниора привезут сюда, тогда уже и посмотрела, что с ним.

— А ты уверена, что он доживёт? Лично я — нет. А-апчхи!

— Да будь ты уже здоров! — искренне пожелала драконна и, как ни странно, Бромор больше не чихал. То ли снадобье наконец подействовало, то ли она друга «сглазила наоборот». С драконами иногда такое случается. — Ладно, уговорил, поеду завтра с тобой и внешность поменяю, разумно говоришь.

На следующее утро Айриэ нацепила на себя облик той грудастой наёмницы с косой и отправилась с Бромором в бараки. Встретившиеся в коридорах Гномьего Двора соплеменники Бро смотрели на неизвестно откуда появившуюся чужачку спокойно, больше интересуясь её бюстом и кокетливо распушенной шнуровкой ворота рубашки. С Бромором пошли ещё пятеро его помощников, нагруженных ларчиками с магическими браслетами подчинения.

В бараки они попали беспрепятственно, охрана нисколько не возражала. Подумаешь, понадобилось уважаемому браю гному зачем-то с собой ещё и человеческую наёмницу

привести — главное, он за неё поручился.

Будущих каторжников перед встречей с гномами явно постарались привести в порядок и хотя бы отмыть после стольких дней пути по раскисшим от грязи дорогам. Получилось это у тюремных властей плоховато. Бараки пропахли едким дешёвым мылом, а заодно запахом усталой безнадёжности и скрытого отчаяния. По крайней мере, для Айриэ эти эмоции пахли именно так: кисловато, затхло, временами резко и очень навязчиво — не сразу избавишься.

Люди сидели в тесных, тёмных клетушках по четверо; вместо обычных дверей и стен были решётчатые, из толстых железных прутьев. Всё на виду, только дыру в полу — для отправления естественных потребностей — прикрывала дощатая перегородка высотой фута четыре. В бараках и мужчины, и женщины встречались вперемешку, но внутри клетушек людей хотя бы разделили по половому признаку. Женщин было заметно меньше; на каторге их ждала нелёгкая работа портних, прачек и поварих, обшивавших, обстирывавших и кормивших прочих каторжан.

Охранники выводили заключённых по одному и объявляли, за что и на какой срок человек был осуждён. Бромор сосредоточенно осматривал каторжников, иногда задавал какие-нибудь вопросы. После либо просил вернуть человека в клетушку, либо говорил одному из своих помощников надеть на правую руку каторжника магический браслет подчинения, помогавший гномам управлять своими буйными работничками. После чего отобранного каторжника охрана сноровисто уводила в отдельный барак, где все прочие «счастливики» обречённо дожидались, когда их заберут гномы. Впрочем, выбранные реагировали по-разному. Кто-то откровенно боялся, кто-то начинал дерзить или сыпать ругательствами, в чьих-то глазах читалось облегчение, смешанное с робкой надеждой. В основном люди в клетушках угрюмо молчали — очевидно, опасаясь наказания, и только провожали гномов глазами, но кто-то и распускал язычок. Начальник тюремного каравана сопел, потел и угрожающе хмурился, но при гномах карами заключённых не страшал. Или, скорее уж, страшал молча.

Айриэ с самого начала приняла скучающий вид, позёвывала, на заключённых посматривала с лёгкой брезгливостью, а на похотливые взгляды охранников реагировала нагловатой ухмылочкой. Во втором бараке она нарочито скучала и, «потеряв терпение», попросила у брая гнома разрешения посидеть в сторонке, отдохнуть, «раз я вам пока не нужна, а то мне ночью выспаться не удалось». Бромор важно кивнул, и Айриэ, позаимствовав скрипучий табурет в комнатке охранников, устроилась недалеко от входной двери, привалившись спиной к стене. Она прикрыла глаза и сделала вид, что дремала всё то время, пока Бромор занимался отбором.

Они с Бро заранее договорились, что третьим осмотренным бараком будет тот, где содержали Фирниора. Гном примерно объяснил, где находился лежащий в забытьи юноша. Больных держали в дальнем закутке, отделив от прочих каторжников, хотя в настоящий момент там находился только Фирниор, прочие считались здоровыми.

После осмотра второго барака Бромор важно заявил, что намеревается посетить вон тот, самый дальний.

— Брай Бромор, так ведь вы его вчера уже осматривали, — подобострастно улыбаясь, напомнил начальник тюремного каравана.

Поскольку ему полагался процент от каждого выкупа за каторжника, желание всячески угождать Бромору с помощниками было вполне объяснимым.

— Осматривал, но не до конца, — недовольно заметил Бромор. — Простудился я вчера

и плохо себя чувствовал.

— Ох, брай, погода сейчас такая отвратная, что немудрено насморк подхватить! — сочувственно закивал начальник, отчего его полноватые щёки заколыхались, как плохо застывшее желе. — Надеюсь, целители вам помогли и вашему здоровью ничто более не угрожает?

— Спасибо, не жалуясь, — важно ответил гном и решительно направился к указанному барaku, вынудив свиту последовать за собой.

Барак был самым маленьким из всех и таким щелястым, что наверняка насквозь продувался холодным ветром. Самое лучшее место для заболевших, кто бы сомневался. Вдобавок внутри имелись всего три жалких масляных лампы, не способных толком разогнать мрак. Несмотря на сквозняки, отчётливо воняло прогорклым жиром, чадом от ламп, какой-то кислятиной и подстилкой из крысиных гнёзд. Мрачно, сыро и безнадёжно, как в склепе.

Клетушки здесь были расположены как-то бестолково — не двумя длинными рядами вдоль стен, как в прочих бараках, а поперёк, образуя короткие боковые проходы. Заключённых здесь было немного — очевидно, те, кто не поместился в большие бараки. Бромор принялся их осматривать — неторопливо, задавая вопросы почти каждому и после что-то вполголоса обсуждая с помощниками на гномьем языке. Прочие почтительно внимали, не понимая ни слова. В общем, Бромор всячески тянул время, как было условлено.

Айриэ опять «отпросилась у нанимателя» и, лениво покачивая иллюзорным бюстом, плавно проплыла мимо тоже заскучавших охранников. У входа стояла небольшая скамейка — очевидно, на ней сидели дежурившие в бараке караульные. Драконна аккуратно сотворила фантом — точную копию наёмницы, а на себя одновременно с этим набросила мощный «отвод глаз» и отступила в сторону. Иллюзия уселась на лавочку и прикрыла глаза. Охрана глазела на задремавшую наёмницу, но Бромор быстро их отвлек, решив проверить всех заключённых в бараке заново. Мол, вдруг он вчера из-за плохого самочувствия кого-то пропустил. Начальник тюремного каравана взвёл глаза к потолку с мученическим видом (пользуясь тем, что Бро смотрел в другую сторону), однако беспрекословно приказал охранникам выводить каторжников по одному для осмотра. Наверняка считал это въедливой гномьей дотошностью, но заодно и слабо надеялся, что Бромор выберет ещё каторжников и тем самым увеличит его, начальника, заработок.

Айриэ медленно и осторожно пробиралась по проходу, аккуратно миновав столпившихся в боковом коридорчике гномов и людей. «Отвод глаз» работал превосходно — ещё бы, сил в это заклинание магесса вложила немало. Резерв опустел почти наполовину, зато чужие взгляды исправно скользили мимо. Драконну никто не замечал, а полумрак, царивший в этом тесном, вонючем бараке, только помогал. Припомнив пояснения Бро, Айриэ с некоторым усилием (плечи у наёмницы были по-мужски широкими), протиснулась в узкий проход между двумя клетушками — к счастью, пустыми, иначе тут никакой «отвод глаз» не помог бы.

Клетушки загораживали собой железную дверь, отделяющую остальной барак от помещения «тюремного лазарета». Дверь находилась правее центрального коридора и от входа не просматривалась. Обернувшись и убедившись, что её никто не видит, Айриэ подступила к двери. На ней висело совсем простенькое охранное заклинание — на дверях баракон плетения куда серьёзней и сложней. Поскольку караулить беспомощного Фирниора нужды не было, охранников к лазарету не приставили, так что Айриэ беспрепятственно

проникла внутрь, придержав рукой и одновременно своей магией массивную дверь, чтобы та не лязгнула.

В этом тесном помещении лампа была всего одна, крысами пахло ещё отчётливей, а холод и сырость так и норовили пробраться под запахнутую куртку и ворот рубахи, заставляя ёжиться от неуютного ощущения. Каково же здесь приходится бедным больным?..

Драконна зло, почти беззвучно фыркнула и двинулась вперёд — к тому месту, где стояла лампа, а на низком топчане лежал кто-то, укрытый небрежно наброшенным тонким драным одеялом.

В неровном, слабом свете коптящей лампы юноша выглядел скверно и напоминал умирающего — каковым, собственно, и являлся. Дышал он слабо, хрипло; правая сторона лица, не тронутая магией, позволяла понять, насколько сильно он исхудал.

Айриэ рассматривала лежащего без сознания Фиора и кляла себя последними словами. Надо, надо было напоить мальчишку собственной кровью в ту ночь. Мелькала у неё такая мысль, но драконна опасалась излишней привязки. Люди так легко влюбляются... а потом проблем с этими их любовями не оберёшься.

Подумаешь, как влюбился бы, так и разлюбил, не видя предмета страсти. Айриэннис вздохнула покаянно. Зато её кровь дала бы нужную защиту от этого... криво наложенного проклятия, тьфу! Докатилась, называется, проклясть и то как следует не смогла. Ведь подумывала, что стоит Фиора защитить на всякий случай, вот и надо было сделать.

Юноша действительно оказался наполовину искалеченным. Внутренние органы не были затронуты, иначе Фирниор до этого дня не дожил бы. Зато левую половину тела у него парализовало, лицо было перекошено, а левый глаз видел плохо или вообще ослеп, по ауре было не понять. И странные незаживающие язвочки на коже — при том, что правая сторона не была затронута вообще. Смотрелось действительно жутковато, хотя у драконны не было времени на страхи и ужасы.

Айриэ пробовала что-то исправить, но магические нити, туго сплетшиеся вокруг его ауры, не поддавались никакому воздействию. Её собственная магия странно и неправильно свилась в запутанный клубок, отторгавший любые воздействия. Если через всех проклятых Файханасов проходили грязные нити из «узла», то к Фирниору, кажется, просто с самого начала прилипло несколько нитей, непонятным, невероятным образом перемешавшихся с драконьим проклятием. Больше с тем «узлом» (кстати, уже почти рассосавшимся) Фирниор никак не был связан. Всё было уродливо и просто до отчаяния неверно!..

Ладно, плевать на причину, тут бы просто хоть как-то улучшить ситуацию, но и того не получалось. Фирниор не поддавался никакому магическому воздействию. Все заклинания словно отскакивали от непроницаемого щита, которым стали спутавшиеся силовые нити вокруг ауры юноши.

Ни простое вливание силы, ни осторожно направленное лечебное заклинание не возымели никакого эффекта. Айриэ, сосредоточенно нахмурившись, пристально вглядывалась магическим зрением в спутанный, неровный кокон с торчащими обрывками нитей, будто сплавившихся от жара или склеившихся между собой. Ничего это не дало, кроме сильной рези в глазах, которой и быть-то, к слову, не должно, раз она не обычным зрением пользовалась.

Надрезав палец ножом, Айриэ попыталась разжать плотно сомкнутые губы юноши. Удалось с изрядным трудом, но немного драконьей крови попало ему в рот. Не то чтобы Айриэ надеялась, что это поможет, но вдруг хоть как-то улучшит ситуацию. А то от чувства бессилия скулы сводило и хотелось кусаться, яростно и злобно.

Фиор неожиданно шевельнул потемневшими, потрескавшимися губами и хрипло простонал, не приходя в сознание:

— Айрэ... ненавижу...

Ну-ну. Замечательно и, главное, очень вовремя. Вот тебе и доброе отношение пациента.

Кровь ему на пользу не пойдёт, зря старалась.

Нет, Айриэ понимала, что Фирниор, по идее, должен чувствовать себя преданным, а потому его ненависть вполне объяснима и оправданна. Драконна ведь обещала ему защиту, в том числе и перед королём, а в итоге он пострадал от её же проклятия. И как осуждённый преступник приговорён к пожизненной каторге. Прекрасная защита, что и говорить. Айриэ досадливо поморщилась. Её вина, как ни крути. Ей, следовательно, и исправлять. А то, что цена высоковата, так самоуважение — оно всегда дороже...

Тут Айриэ совершенно неожиданно для себя поняла, что за ней кто-то наблюдает. Уловила она это магическим чутьём, и только тогда вспомнила, что не проверила помещение, растяпа, поглощённая размышлениями о состоянии Фиора. Нет, целителей (ха-ха) или хотя бы тюремщиков здесь не имелось — какой смысл дополнительно охранять беспомощного умирающего человека? Да и вряд ли бы они стали молча прятаться по тёмным углам, давно бы тревогу подняли. Тогда кто же это здесь может быть?

Она принялась незаметно осматриваться, делая вид, что по-прежнему поглощена осмотром Фирниора. Краем глаза она уловила слабое шевеление справа, в тёмном углу, и стрелой метнулась туда. Руки схватили слабо пискнувший комок тряпья, внутри которого, как выяснилось чуть погодя, сидело человеческое существо. Айриэ безжалостно выволокла свою добычу на свет и трянула, прошипев зло, дабы не выбиваться из образа грубоватой наёмницы:

— Ты ещё кто, отвечай немедленно! И почему таишься по углам, тварь?

— Не трогай меня!.. Ай, больно, пуссти! — прохныкал в ответ тощий подросток, замотанный в грязное, воняющее затхлою плесенью покрывало.

Он был очень коротко стриженный, можно даже сказать — бритоголовый, с едва начавшим отрастать ёжиком светлых волос. Худющий, руки как спички, плечо под рукой острое, костлявое, лицо было покрыто уже начавшими желтеть синяками, а губы были как две уродливые лепёшки багрового цвета.

— Чего пялишься!.. Пусти!.. — Он рванулся и безуспешно задёргался в руках «наёмницы», через каждые два слова вставляя грязные уличные ругательства.

— Язык не распускай, укорочу, — грозно пообещала Айриэ и чуть ослабила хватку, поняв, что причиняет мальчишке боль. Если у него всё лицо так разукрашено, то и под одеждой, наверное, синяков немало. Похоже, кто-то бедолагу крепко избил. — Отвечай, если спрашивают! А уличных девок и чужие гениталии будешь поминать со своим троюродным прадедушкой! Я понятно объясняю?

— Угу, — угрюмо набычился парнишка. — Больной я, не видно, что ли? Вот и сижу тут.

— Так синяки твои уже не первой свежести, но вчера тебя тут не было.

— Это тебя вчера тут не было, а мне было велено от гномов спрятаться, вот я и прятался! — огрызнулся мальчишка и шмыгнул распухшим носом. — Ты-то сама тут чего шарисься тайком? Думаешь, ценное чего прячут? Обломись! Тут только этот задохлик, на кой он тебе сдался? Всё равно скоро концы отдаст.

— А вот это не твоего ума дело! — спокойно, с прищуром ответила Айриэ, но мальчишка пугливо поёжился от невысказанной угрозы.

— Я молчу-молчу! Никому не скажу, что тебя видел, не боись. Я вообще вылезать не собирался, как ты меня углядела?

— Всё тебе скажи, — лениво протянула Айриэ и отпустила пленника — всё равно ему отсюда не сбежать. — Почему тебе от гномов велели прятаться?

— Так каторжник я, а начальство наше ой как хочет перед бородатými выслужиться. Каторжников велено было всех помыть, почистить, чтоб, значит, выглядели прилично, а мою рожу ты видела? Боялись, что начнут спрашивать, тут-то и выяснится недосмотр.

Мальчишка снова длинно, затейливо выругался и сплюнул на пол.

— Это драка-то — недосмотр? — делано удивилась магесса. — Не смеши, у вас тут что, пансион благородных девиц?

— А тебе-то что? — хмуро отозвался подросток. — Шла бы ты отсюда, пока не застукали. Я уж вижу, что ты из наших, так промолчу, что тебя видал. Здесь нечем поживиться. У этого парня если что и было ценное, так тюремщики давно сняли, ещё в столице, небось.

— Из каких это ваших? Воров, что ли? — спросила Айриэ. Мило, вот её уже и в воровки записали, дожила. — Тебя за кражу осудили?

— Ну. А то ты, можно подумать, чистенькая, — презрительно скривился он, — если запертые двери магической отмычкой вскрываешь так, что она и не звякнула. Не заливай, что не из наших, сноровка у тебя имеется. У меня глаз намётанный, я таких навидался.

— Разговорился ты, я гляжу. Не боишься, что шею сверну, как курёнку?

Драконна добавила в голос угрожающих ноток, но мальчишка не сильно впечатлился. Отступил опасливо назад, да поглядывал настороженно, но и только.

Айриэ всмотрелась в него пристальней. Ей показалось, мальчишка что-то скрывал, и Айриэ хотелось понять, чем его зацепить. Фирниора надо отсюда забирать сегодняшней же ночью, иначе не дотянет до своего последнего шанса. Но если его тощий сосед будет находиться в лазарете, то придётся думать, как заставить подростка замолчать. Да и вообще, если он проговорится тюремному начальству, что видел здесь гномью наёмницу, проверить операцию бесшумно не удастся. А этого Айриэ никак не хотелось. Подкупить его, что ли?..

Магесса взялась за его плечо и начала говорить: «Слушай, парень, ты...» — но, видимо, опять нечаянно причинила боль, потому что подросток взвыл и шарахнулся в сторону. От рывка его покрывало слетело на пол, открыв драную, замаранную подсохшей кровью рубаху. Из прорехи выглядывали небольшие, но совсем не мальчишечьи грудки.

— Ого! Так ты у нас девица?.. — удивилась драконна.

— Уже год как не девица!.. И вообще, не твоё собачье дело!.. Чего хватаешь, корова, у меня плечо вывихнуто!.. — она добавила крепкое словцо и яростно утёрла выступившие на глазах слёзы. — Проваливай уже отсюда, нет тебе здесь никакой поживы!

— Тебя что, изнасиловать пытались? — миролюбиво спросила Айриэ, пропустив мимо ушей базарную ругань.

— Почему это — пытались? — яростно оскалилась девчонка. — Что хотели, то и получили... так их!.. Это мне, дуре, надо было не сопротивляться, а покорно ножки раздвинуть... тогда бы и досталось не так сильно... Всё равно итог один... А на каторге вообще придётся всех подряд обслуживать... Днём обстирывать, ночью постельку согревать!..

Давясь руганью и злыми слезами, девчонка отвернулась и шумно задышала, стараясь успокоиться.

— Тебе шестнадцать хоть есть? — нахмурилась драконна. — Непохоже что-то, больно ты тощая и мелкая. По закону на каторгу нельзя отправлять, если шестнадцати не исполнилось.

— Засунь себе свой закон!.. — почти проорала девчонка. — Скажи о нём тому

барончику, в чьём доме меня сцапали! Я говорила, что мне шестнадцать зимой только стукнет, а этот хлыщ расфуфыренный обозлился, что я ему какую-то вазу раскокала, когда удрать пыталась. И сказал, что лично позаботится, чтоб меня на каторгу отправили!.. Меня на десять лет осудили!.. Я подохну раньше, а если доживу, так старухой буду выглядеть!..

— Вот видишь, воровство до добра не доводит, — наставительно изрекла драконна, вызвав новый поток грязной брани, прямо-таки хлынувшей из подросткового ротика.

Айриэ поморщилась досадливо. Теперь, хочешь — не хочешь, придётся принять некоторое участие в судьбе юной воровки. Потому что если уйти и забыть, это будет подло, а драконам подлость не к лицу и даже не к морде. Всех на свете обездоленных не осчастливишь, но тем, кого судьба вот так вот швырнула тебе под ноги, надо хотя бы предоставить шанс. Захочет — выкарабкается.

— А ну цыц! — прикрикнула Айриэ на девчонку. — Гномий браслет получить хочешь? Девчонка сощурилась и глянула недобро, с подозрением, однако её сипловатый голосок подрагивал от затаённой надежды.

— Думаешь, куплюсь? Чего мне за корысть с того браслета? Не один ли... под каторжников ложиться или под коротышек бородатых?

— Дурочка малолетняя, — беззлобно обозвала её Айриэ. — Гномы — мужчины, и себя уважать умеют, в отличие от тех выроdkов-недоделков, которые тебя насильовали. Хм, кстати о выроdkах... Ну-ка, дай мне твои руки и постой спокойно. Не бойся, не бойся, давай, ничего я тебе не сделаю.

Независимо вздёрнув свой распухший нос в знак того, что и не думала бояться, девчонка с лёгкой опаской протянула руки магессе. Та перешла на магическое зрение и увидела уродливые, разбухшие, спутанные чёрные нити, тянущиеся от девчонки куда-то в темноту. Пятеро, значит. Ну ничего, теперь вы до конца жизни заречётесь малолеток и вообще женщин трогать... Зло усмехнувшись, Айриэ оторвала нити от жертвы, посылая их обратно к насильникам и добавила чуть-чуть собственной магии, чтобы усилить эффект. Получилось нечто вроде «обратного проклятия» — всё за счёт сотворивших гнусность. Очищать испакощенную нить собственной жизненной силой — человеку тяжело и очень больно. Прочувствуют на собственной шкуре. Нечего было мир загаживать, никто не заставлял. А то можно и дракону под горячую руку подвернуться...

— Ну и чего это было? — спросила девчонка подозрительно, не дождавшись никаких эффектов.

— Ты не станешь бояться прикосновений мужчин. А те пятеро больше не будут тебе вспоминаться.

— Откуда ты знаешь про?..

— Вижу.

— Колдунья, что ли?

— Магесса. Неважно. Так что там насчёт гномьего браслета? Хочешь его надеть? — И честно предупредила: — Придётся работать, и как следует, а воровать тебя, девочка, отучат. Гномы воров не любят, да и сама теперь должна понимать, что по кривой дорожке далеко не уйдёшь. Если ты не дурочка и хочешь выбраться из ямы, то это — твой шанс. Другого не будет.

Девчонка молчала и сосредоточенно сопела уставившись в пол. Потом спросила, не поднимая головы:

— А сделать чего надо за это? Не бесплатно ж ты такая добренькая?

Айриэ хотела уже ответить, что именно «забесплатно», но потом вдруг подумала, что доставшееся даром ценится куда меньше того, из-за чего пришлось покрутиться и попотеть.

— Ему сиделкой будешь, — кивнула она на Фирниора.

— Чего-о?.. — округлила глаза девчонка. — До он же сдох... помрёт скоро. И кто он тебе, что ты так об нём печёшься?

— Умрёт или нет, ещё неизвестно, а уход и присмотр за ним нужен. Приятель он мне, ясно? Случайно попавший в беду приятель.

— А чего ж про него толкуют, будто он проклятый? На короля покушался, а маги на него за это колданули. На весь род герцогский, так что у них все перемёрли, кроме дальней родни.

— Ты неосторожна, — заметила Айриэ спокойно. — На твоём месте я бы не стала рисковать, выдавая свою осведомлённость.

— Думаешь, зря я тут перед тобой языком треплю? — Она невесело хохотнула, опять шмыгнула носом и зябко повела плечами. — Я боюсь, что он-то так и так концы отдаст, а скажут, что я недосмотрела. Может, ещё хуже выйдет, чем на каторге-то.

— Не хуже. Гномы гораздо человечнее людей, если ты понимаешь, о чём я.

То, что люди вкладывают в понятие «человечность», присуще не только им. Иногда даже думаешь, что только не им... когда с некоторыми человеческими деяниями сталкиваешься. Вон, одного только Орминда как вспомнишь — так вздрогнешь. Или тех пятерых выроdkов.

— Ну... может, и понимаю, — призналась девчонка. — Про бородатых много чего рассказывают. Или врут, откуда мне знать-то? Им что, взаправду рабы нужны?

— Всего лишь рабочие. Которым, учти, платят за их труд. Сама увидишь. Слушай, да с какой стати я вообще тебя уговариваю?.. — потеряла терпение драконна. — К тому же уходить пора, пока меня здесь не застали. Гном-наниматель меня, конечно, прикроет и выгородит, если что, но лучше на глаза никому не попадаться. Ну так что, насыпать мне на тебя заклинание сна и забвения или согласна на браслет?

— А не боишься, что обману? Скажу, что согласна, а сама на тебя донесу? — прищурилась девчонка.

Вот задиристый воробей.

— Не советую, — пожалала плечами Айриэ. — Иначе с тобой случится примерно то же, что с теми пятерыми.

— А чего с ними-то стряслось?..

— А ты поинтересуйся при случае. Ничего хорошего, поверь мне. Ну так что, уговор?

Айриэ не собиралась применять к девчонке никаких суровых мер, просто припугнула, чтобы та действительно не вздумала вдруг их выдать. В этом случае неизбежно поднялся бы шум, а драконне не хотелось раскрывать как своё собственное, так и орденское участие в этом деле. Она оставила это на самый крайний случай, только если не удастся тихо переправить Фирниора к гномам.

Воровка поскребла стриженный затылок, подумала и решилась:

— Уговор. Не выдам я тебя — мне же хуже будет, потому что велено было не высываться.

— Ну и замечательно. Тогда вот что, я сейчас уйду, а ты жди прихода гномов и вылезай сразу, не прячься. Тебя выкупят.

— А... когда? — как-то очень несмело спросила девчонка, вдруг перестав хорохориться.

Позволила себе поверить в возможность чего-то лучшего?..

— Сегодня. Совсем скоро, жди. И попробуй пока напоить его водой, только осторожно, по капельке, иначе он может захлебнуться. Вот, возьми этот платок, намочи и выжимай понемногу, ясно?

Девчонка скривилась:

— К нему и прикасаться-то страшно. Хотя и жалко его...

— Он не заразный, — сквозь зубы заметила драконна. — Делай, что тебе сказано.

Воровка угрюмо кивнула и под села к Фирниору, а драконна, предварительно прислушавшись, бесшумно выскользнула за дверь.

Возвращение прошло благополучно, отвод глаз сработал как положено. Айриэ развеяла фантом и со скучающим видом подошла к гномам — мол, надоело дремать. Через пару минут, послушав распоряжения Бромора, с безразличным видом произнесла на гномьем языке, зная, что никто из присутствующих людей её не поймёт:

— Выкупи девчонку в лазарете. Сейчас.

Последнее слово она нарочно повторила ещё раз с вопросительной интонацией, чтобы казалось, будто она хочет что-то узнать у гнома. Бромор, умница, посмотрел на «наёмницу» неласково, страдальчески закатил глаза и сварливо попросил:

— Вы, брайя Нурра, лучше никогда больше не пытайтесь так безжалостно коверкать наш красивый, чёткий, чеканный язык. Ваш акцент чудовищен, поверьте мне. Если я правильно понял, вы пытались узнать, когда я закончу осмотр заключённых? Когда осмотрю всех, кого намеревался, разумеется. Смею напомнить, вас нанимали сопровождать меня, вот и сопровождайте. Столько, сколько понадобится. В конце концов, вам за это платят.

Айриэ фыркнула и отвернулась, пробурчав вполголоса — так, чтобы слышали окружающие люди:

— Вот же зануда безбородый на мою голову! Чудовищный акцент, подумашь! До сих пор его соплеменники меня понимали и не особо жаловались, а этот...

— Так ведь важная шишка, вот нос и дерёт, — тихонько, сочувственно сказал один из охранников, явно надеясь на продолжение знакомства с приглянувшейся ему наёмницей.

— А ну его в болото носом! — отозвалась Айриэ. — Если б не те деньги, что он мне посулил...

Тут Бромор обернулся и бросил на «наёмницу» нарочито строгий взгляд. Айриэ сделала вид, что вняла, и умолкла.

— Что, брая Грейнира опять нет на месте? — недовольно поинтересовался Бромор. — Мне необходимо с ним поговорить насчёт бумаг.

— Его помощник может... — заикнулся было начальник тюремного каравана.

— Мне нужен сам брай Грейнир, — непререкаемо заявил гном. — Придётся съездить к нему сегодня же, не люблю терять время попусту. Выделите мне провожатого до его дома, пожалуйста. Вы, брайя Нурра, поедете со мной. А теперь я желал бы пройти в тюремный лазарет. Если я правильно помню, он в той стороне?

— Ох, брай Бромор, да ведь вы его уже вчера осматривали. Стоит ли снова?.. — обречённо спросил несчастный начальник каравана, впрочем, уже смирившийся с неизбежным. Борьба с гномьим занудством — себе дороже.

— Если берёшься что-то делать, следует приложить максимум усилий, дабы достичь превосходного результата, — наставительно заметил гном, заставив собеседника скрежетать зубами в бессильной тоске.

Айриэ почему-то показалось, что Фирниор выглядит чуть получше, чем полчаса назад, но, вполне возможно, дело просто было в освещении. Один из охранников заботливо и предупредительно носил с собой магический светильник, чтобы начальству было лучше видно. При более ярком освещении казалось, что губы и правая щека юноши чуть порозовели да и дыхание, кажется, стало более ровным. А может, Айриэ просто-напросто выдавала желаемое за действительное. Не хотелось ей думать о «драконьем камне», но чувство обострённой справедливости, свойственное всей её расе, требовало ликвидировать последствия совершённых промахов, даже если способ дракону не нравится. Собственные ошибки нужно исправлять.

Ожидаемо обнаружив в лазарете неучтённую каторжницу, гном разразился длинной тирадой на тему нерадивости человеческих тюремных надзирателей и чиновников вообще. Начальник каравана, в чей огород летели увесистые камешки, позеленел от злости и, наверное, стёр себе эмаль на зубах, пытаясь молча проглотить не особо скрываемые намёки Бромора на его некомпетентность. Гном бурчал и ворчал, пока не высказал всё, что думает по поводу такого вопиющего нарушения, после чего хмуро спросил у охранника со списком заключённых имя девчонки.

— Байза Белобрыска я, — сиплым голосом сообщила девчонка вперёд охранника. — Десять лет каторги за кражу.

— Возраст? — всё так же сумрачно поинтересовался гном, с подозрением оглядывая девчонку.

— Шестнадцать исполнится только этой зимой, — с вызовом ответила юная воровка.

— Да врёт она! — не выдержал начальник тюремного каравана. — Девки вроде неё что угодно расскажут, лишь бы слушателей разжалобить и...

— Разберёмся, — веско уронил гном и кивнул помощнику: — Браслет ей надевай. Мы её выкупаем. Если виновна — отработает, если приговорена к каторге незаконно, мы это выясним и пересмотрим срок наказания. В Фиарштаде, сейчас нет времени этим заниматься. Внесите каторжницу в списки выкупленных.

Начальник замер, боясь поверить своему счастью. Он явно ожидал, что гном начнёт расследование прямо сейчас и не прекратит, пока не выяснит всё до мельчайших подробностей. Намерение Бромора разобраться с делом Белобрыски позже человека приятно порадовало, а ещё одна выкупленная каторжница увеличивала его доход, так что начальник тюремного каравана заулыбался и подобрел. Он терпеливо и кротко сносил все гномьи выкрутасы, и ничто уже не могло поколебать его благостного настроения, даже бесконечное брюзжание Бромора. Тот, кажется, нарочно испытывал человеческое терпение, а может быть, просто настроение испортилось, кто его знает. Но даже Айриэннис гном своим ворчанием изрядно надоел, что же говорить о бедных окружающих? Ладно ещё помощники Бромора, они к своему начальству давно привыкли, а людям, наверное, пришлось несладко. В общем, когда гном наконец заявил, что осмотр на сегодня закончен, драконна вздохнула с искренним облегчением и явственно услышала, как ей вторит большинство окружающих.

Бромор получил обещанного провожатого и отправился к чиновнику Грейниру. По дороге они с Айриэ поговорить не могли, но гном отпустил провожатого, добравшись до дома Грейнира. Пока они стучали дверным молотком и дожидались ответа, гном вполголоса сказал:

— Я пойду к нему, а ты пока продолжай играть роль наёмницы. А то я же его буду уговаривать совершить должностное преступление. Хотя люди, конечно, к этому проще

относятся, но всё-таки...

— Действуй, Бро, — кивнула магесса и с видом полнейшей преданности нанимателю послушно осталась за дверьми рабочего кабинета, куда привёл их хозяин дома.

Чиновник выглядел бледным, расстроенным и озабоченным. Чувствовалось, что визит гнома он воспринял как досадную помеху, отвлекающую от чего-то более важного. Однако Грейнир держался безупречно вежливо, хотя и слушал Бромора с несколько рассеянным видом.

Разговор с Грейниром не продлился и десяти минут. Дверь, украшенная резными завитушками, внезапно распахнулась, оттуда выкатился сумрачный друг, а чиновник остался в кабинете. По тому, с какой силой гном захлопнул за собой дверь, Айриэ поняла, что Бро крепко раздосадован.

— Ты как хочешь, а я в этом не участвую! — заявил он изумлённой такой непоследовательностью подруге. Увидев, что драконна ничего не поняла, соизволил пояснить, понизив голос: — Айриэ, хоть злись, хоть нет, а я не стану уговаривать честного человека становиться взяточником! Горы-долы, да мне совесть не позволит. Грейнир — действительно честный и совестливый человек, представляешь? В кои-то веки раз повезло наткнуться на такую редкость — и чтобы я сам, своими руками, можно сказать, толкал его на преступление?.. Чтоб мне провалиться, если я это сделаю!.. Хочешь — сама его уговаривай, а я не стану.

Гном засопел, яростно наглаживая бритый подбородок, будто это помогло бы ему избавиться от праведного возмущения. Что же поделаешь, нелюбовь к обману и воровству у гномов в крови. Сами они взяток не дают и не берут, Бромор только по большой дружбе согласился помочь. Смешно, действительно, вот уж повезло наткнуться на чиновника — не мздоимца. Таких надо беречь, холить и лелеять, а не... растлевать. Драконна вздохнула и решительно взялась за ручку двери. Ладно, с честным человеком и разговор будет соответствующий.

Чиновник сидел за столом и безразлично взглянул на вошедшую «наёмницу». Его худое, вытянутое лицо выражало уныние и, пожалуй, усталую покорность — как у человека, заранее смирившегося со своим несчастьем, хотя оно ещё не произошло.

— Ваш хозяин что-то забыл? — спросил он тусклым голосом.

Айриэ чуть не передёрнуло от повеявшей на неё ледяной, чёрной безнадежности, окутывавшей человека. Ощущение было почти физическим, хотелось поёжиться и поплотнее запахнуть куртку.

— Я бы хотела с вами поговорить, брай Грейнир.

В глазах человека промелькнуло что-то вроде раздражения, но тоже тусклого, унылого и тягучего. Ненастоящего. Ничего такого он не чувствовал — лишь заставлял себя, быть может, чтобы отвлечься от того, что его терзало.

— Я ведь уже сказал браю гному, что не стану... — начал чиновник.

— Прошу прощения, брай, но я надеюсь, что вы измените свою точку зрения, — твёрдо заявила Айриэ, прерывая его. Она избавилась от облика наёмницы и надела личину Айнуры.

— О... — чуть растерянно прокомментировал Грейнир сие преобразование и холодно поинтересовался: — С кем имею честь? Вы маг, насколько я понимаю?

— Именно, брай Грейнир. Магесса из Драконьего Ордена Айнура.

Он приподнял брови, но ничего не сказал, ожидая дальнейших слов собеседницы. Однако тусклый, почти мёртвый взгляд наконец-то озарился робкой искоркой живого интереса.

— Орден крайне заинтересован в том, чтобы одного из заключённых записали как умершего, поэтому мы обратились к вам, брай Грейнир.

— Из того, что я слышал о вашем Ордене, у меня сложилось впечатление, что вы выступаете за законность и справедливость, а не наоборот, — заметил чиновник. — Или я ошибаюсь?

— Именно за справедливость я ратую и сейчас.

— Хм, любопытно. Брай Бромор говорил мне о человеке, причастном к заговору Файханасов, когда пытался меня... подкупить. До нашего захоlustья столичные слухи тоже докатываются, мэора магесса. Мне казалось, Орден выступал в этом деле на стороне его величества Кайнира. Почему же вы просите за человека, участвовавшего в заговоре? Ваши действия идут вразрез с намерениями ваших... хм, соратников? Прошу меня извинить, мэора, но у меня возникли определённые сомнения в вашем праве говорить от имени Драконьего Ордена.

Драконна усмехнулась. Честен и смел. Ему бы промолчать, взять предложенные деньги и успокоить растревоженную совесть тем, что не просто совершил должностное преступление, но действовал по поручению таинственного Драконьего Ордена. Ан нет, Грейнир настырно пытается докопаться до истины, рискуя нарваться на крупные неприятности, если драконий маг — «поддельный». То ли Грейнир всегда такой, то ли пытается отвлечься от собственных горестей, но в любом случае его позиция достойна уважения.

— Брай Грейнир, поверьте, я имею полное право говорить от имени Ордена, — чуть насмешливо заявила Айриэ и продемонстрировала иллюзию серебряного перстня с

драконом. Настоящий валялся где-то в её сумках на Гномьем Дворе, драконна не предполагала, что он сегодня может понадобиться.

— Сам перстень ещё ничего не доказывает, мэора, — неуступчиво сказал чиновник и сурово посмотрел на собеседницу. — Насколько мне известно, Орден не занимается тёмными делишками, но ваши действия заставляют меня предположить обратное.

— Ох, брай, — вздохнула Айриэ, — вы удивительный человек. Я вами восхищаюсь, серьёзно. Вы можете мне не верить, но я всего лишь стремлюсь восстановить справедливость. Драконий Орден не всегда действует... скажем так, чересчур прямолинейно. Порой требуется проявить определённую гибкость и искать обходные пути. Я вам даю моё честное слово — слово драконьего мага — что Фирниор Ниарас пострадал случайно, по недоразумению. В конце концов, кому и знать, как не мне — ведь проклятие на Файханасов я сама и накладывала.

— Вы что, действительно... та самая магесса? — спросил Грейнир.

Кажется, он чуточку оттаял, и настороженность постепенно уходила из глаз. Всё же репутация Ордена — великая вещь, надо и дальше поддерживать её на должном уровне. Тем более что в Акротосе, похоже, придётся задержаться...

— Та самая. Клянусь моей магией и кровью, что помогаю восстановить справедливость в отношении невинно осуждённого! — донельзя торжественно заявила драконна, и чиновник, похоже, поверил окончательно. Даже он, явно далёкий от магии, знал, что клятва собственной силой для мага — это очень серьёзно, просто так не нарушишь.

. — Но, мэора, я всё-таки не понял, зачем вам моё содействие? И... почему вы выбрали столь... необычный путь? Прошу прощения за бесцеремонность, но ведь вы могли бы обратиться с просьбой к его величеству...

— Брай Грейнир, видите ли, нам не хотелось бы зря тревожить его величество. В заговоре принимали участие весьма близкие королю люди, как вы знаете, — значительным тоном напомнила Айриэ, и чиновник понимающе закивал. — Его величество Кайнир весьма болезненно воспринимает всё, что связано с этой темой, и заявить, что кто-то пострадал безвинно, из-за некоего магического сбоя... вы понимаете, о чём я?..

— Да, мэора магесса... думаю, что да. — Грейнир даже чуть порозовел от волнения при мысли о причастности к столь значительным тайнам. — Вы хотите сказать, произошла ошибка?

— Иногда и такое случается, увы. Магия несовершенна. Если честно, я сама ещё не до конца разобралась с происшедшим, но надеюсь понять. Но главное, я чувствую себя обязанной попытаться исправить невольное зло, причинённое рингиру Ниарасу, а для этого мне требуется, чтобы он для начала оказался на свободе.

— О, вот как, — пробормотал он.

— Именно, брай Грейнир. То, что я прошу вас совершить, в общем-то, и не преступление — по законам высшей справедливости. Да, в глазах закона вы будете виновны, но Орден и я лично клянёмся, что если у вас возникнут проблемы, мы за вас вступимся и заявим, что вы действовали по нашему поручению. Даю слово.

— Я вам верю, мэора, — сказал Грейнир и быстро, нервно дёрнул уголками губ, будто хотел улыбнуться, но в последний момент передумал. — Вот только заступничество Ордена не спасёт меня от потери места, а у меня на руках тяжело больная дочь и жена. Нет-нет, денег мне не предлагайте, их я точно не возьму, иначе буду чувствовать себя... продажной шкуркой, уж простите. Можете считать меня дураком, но иначе я не могу.

Он гордо выпрямился и говорил, чуть волнуясь, но достаточно твёрдо — худой, нескладный, измученный человек, почему-то совсем не вызывавший желания смеяться или называть его глупцом.

— Нет, брай Грейнир, я считаю вас человеком, заслуживающим уважения, — искренне призналась Айриэ. — Орден постарается помочь вам другим способом. Вы говорите, ваша дочь серьёзно больна?..

Чиновник сразу как-то съёжился и потух, уступив мучившему его отчаянию, которое он так старался загнать подальше.

— Она умирает, — просто ответил Грейнир, и по комнате снова прокатилась ледяная волна отчаяния, ощутимая почти физически.

Драконна поёжилась от неприятного ощущения. Она осторожно попыталась утешить человека, одновременно опасаясь обнадёжить зря:

— Брай Грейнир, в Ордене очень сильные целители. Пусть они сначала осмотрят вашу дочь и выскажут своё мнение.

— Не думаю, что это поможет, мэора, — грустно улыбнулся он. Улыбка вышла кривой и жалкой. — Но я очень тронут вашим участием, поверьте! Я, конечно же, не могу лишиться мою бедную Ладди этого крошечного шанса, поэтому с благодарностью принимаю ваше предложение помочь. Даже если за это мне придётся перестать считать себя порядочным человеком...

Его губы подрагивали, и Грейнир часто моргал, но глаза его оставались сухими. Сколько человек на его месте в подобной ситуации испытывали бы угрызения совести?.. Айриэ подозревала, что второго такого же пришлось бы искать долго. Но пока остаются люди, подобные ему, Акротос получит защиту, чего бы это драконам ни стоило. Самое несправедливое, что такие, как Грейнир, всю жизнь живут очень небогато, и радостей знают мало — кроме чистой совести, пожалуй. И признания, и благодарности добиваются редко, разве что после смерти, да и то иногда. Но их деятельность неоценима — для самого мира и для окружающих их людей. Они поступили по совести — и очистили мир вокруг себя, даже если этого никто не заметил. А потом у живущих рядом с Грейниром, к примеру, не случится в доме пожар, не заболеют дети или упавшее во время бури дерево не заденет главного кормильца семьи. Никто не будет знать, что несчастья обошли их стороной потому, что маленький, незаметный человек, живущий по соседству, поступил честно и справедливо — и тем самым отвёл несчастья в сторону. Смешно и печально, потому что самому Грейниру подобная совестливость в жизни принесёт больше огорчений, чем радости.

Незаметно вздохнув, Айриэ поклялась себе, что если понадобится, она для дочери Грейнира сделает то же, что для Фиора. Где сто, там и двести. Плевать.

Девчонка, лет двенадцати-тринадцати, оказалась некрасивой, смуглой, длиннолицей и длинноносой, но зато в ней горел такой тёплый, ровный, светлый внутренний огонь, что драконна о своём решении ничуть не пожалела. У этой девочки были большущие живые глаза и ещё более огромное желание выжить вопреки всему. В ней был талант творца и возможность делать мир вокруг себя чище и светлее. Наверное, она заслуживала жизни как никто другой, и Айриэ была рада, что сможет помочь. К счастью, даже на её неопытный в целительстве взгляд этой девочке не требовалось такого радикального средства, как «сердце дракона». Но если бы понадобилось, Айриэ заплатила не раздумывая.

У дочери Грейнира было редкое заболевание крови, и человеческие маги-целители подобное не лечили. Могли замедлить течение болезни, но не уничтожить совсем. Зато

эльфы способны с лёгкостью исцелить подобное, о чём Айриэ и сообщила измученным родителям девочки.

— Мэора, но ведь эльфы не лечат людей, — заметил чиновник осторожно, и голос его заметно подрагивал от опасения поверить, что их семье достался увесистый кусочек чуда.

— По просьбе Ордена эльфы помогут вашей дочери, брай, не переживайте, даже если вы откажетесь мне посодействовать. Здоровье девочки от вашего решения не зависит, — сообщила Айриэ, усмехнувшись. Не хватало бы ей ещё шантажировать несчастного отца, не по-драконьи это.

Чиновник побледнел от волнения и твёрдо сказал, что не может поступить столь неблагодарно. Разумеется, он поможет.

— Лучше совершить служебное преступление ради невинно осуждённого, чем чувствовать себя неблагодарной тварью, мэора! — заявил он.

Что ж, это было приятно, тем более что следовало действовать быстро, состояние Фирниора не позволяло медлить. А то Айриэ уже начала подумывать о лихом, совершенно наглom налёте на тюрьму. Роль освободителей сыграли бы гномы под личинами разбойников-людей, м-да... Драконна усмирила расшалившееся воображение и принялась объяснять Грейниру, что от него требовалось.

Этой же ночью Фирниора тайно перевезли на Гномий Двор. Разбойники — не разбойники, но помогали Айриэ гномы под личинами тюремных охранников-людей. Грейнир помог проникнуть за ограду, а настоящих охранников драконна усыпила заклинанием.

Каторжники же видели, как охранники в сопровождении Грейнира выносят зашитый в мешок труп заключённого. То, что труп пока был вполне себе живым, а охранники — фальшивыми, никто знать не мог. По документам Фирниора Ниараса записали как умершего, и никого эта смерть не удивила. А на городском кладбище захоронили тело другого заключённого, умершего как раз нынешним вечером. Если драконна правильно поняла, это был один из обидчиков той девчонки, Байзы Белобрыски. Если бы он не умер сам, Айриэ ему в этом помогла, смерть насильник заслужил. Остальные четверо, к слову, тяжело заболели и тоже могли умереть в любой момент. Впрочем, выживут они или нет, Айриэ уже нисколько не волновало. А того умершего каторжника внесли в документы как выкупленного гномами, так что Фирниор формально отправился к гномам под его именем.

Вытащить Фиора из тюрьмы оказалось простым делом, как и отблагодарить Грейнира за помощь. Его жена и больная дочь отправятся в столицу через день, вместе с гномами, вёзшими товары в Юнгир. Сам Грейнир собирался поехать туда чуть позже, когда получит отставку и уладит все прочие дела. Он больше не намеревался оставаться на прежнем месте, тем более что умный Бромор быстро предложил Грейниру переехать в Фиарштад и работать на клан Фиар-хорр-Зандаг. Честному человеку, как сказал гном, всегда найдётся достойное место. Айриэ снабдила Грейнира рекомендательными письмами и вдобавок послала магического «письмоносца» в Орден, чтобы семейство чиновника встретили и обеспечили всем необходимым. И, разумеется, нашли бы кого-то из живущих в Юнгире эльфов, чтобы тот помог девочке.

— А твой приятель? — поинтересовался Бромор. — С ним что будешь делать?

Айриэ сумрачно посмотрела на друга и неохотно призналась:

— Глупость я буду делать, Бро. Иначе никак.

— Ну, тебе, конечно, виднее. Раз надо — делай свою глупость, — не стал протестовать

гном. — Только уж, будь добра, объясни поточнее, что ты имеешь в виду.

— Бромор, я сейчас уеду до вечера. Мне нужно, скажем так, провести один обряд... что-то вроде того. Позже объясню. Мне требуется быть подальше от чужих глаз.

— А здесь тебе чем плохо? — удивился гном. — Только скажи, уединение обеспечим, никто тебя не потревожит.

— Да нет, Бро, мне для этого нужно побыть на природе, вдали от гномов, людей и прочих разумных, — вздохнула драконна. — Лучше в лесу, так проще с миром... хм, пообщаться.

— Чудные вы существа — драконы, — только и сказал друг.

— Бро, ты найди ту девчонку из лазарета и заставь её с Фирниором сидеть. Пусть присматривает, поит, кормит и всё прочее.

Бромор нахмурился.

— Не самая лучшая сиделка из тех, кого я видел. Ну да ладно, пусть работает, только и за ней самой присматривать станут. Вообще жалко мне её, хотя воров, сама знаешь, недолюбливаю. Ладно, постараемся сделать из неё что-то приличное, ещё не так поздно за воспитание браться, — хмыкнул Бромор. — Ей сильно досталось, хотя наш целитель уже Байзу подлечил. Ты знала, что её насиловали? В один вечер сразу трое, на следующий — двое других, а на каторге они собирались продолжать свои милые развлечения. Люди, тьфу!..

Гном яростно ругнулся и стремительно умчался по своим делам. Драконна последовала его примеру, покинув Гномий Двор под личиной наёмницы. Она отъехала от Страйкана миль на пять, углубилась в лес и не спешила, пока Шоко мог продираться сквозь чащобу.

Она оставила коня для надёжности привязанным к дереву, чтобы не увязался сзади. Айриэннис отошла подальше в чащу, отмахиваясь от колючих еловых лап, норовивших хлестнуть по лицу, и отплёвываясь от липнущих к губам серебристых паутинок, щедро раскиданных по кустам. Денёк выдался тихий и солнечный, в лесу было замечательно, и в другое время драконна просто наслаждалась бы прогулкой. Сегодня же ей было не до удовольствий. Внутри всё звенело от напряжения, и Айриэ то и дело ловила себя на том, что принимается кусать губы — привычка, от которой она, казалось бы, избавилась давным-давно.

То, что она собиралась сделать, было для неё впервые. Выбрав место — солнечную прогалинку с растущей в одиночестве могучей старой осиной, Айриэ уселась прямо на блестящие, желтоватые, округлые листья с горьковато-свежим ароматом, щедро рассыпанные вокруг. Она прислонилась спиной к твёрдому, шершавому, морщинистому стволу и глубоко вздохнула, настраиваясь на то, что предстояло сделать.

Зачарованный ещё в Драконниаре рубин был у неё с собой — по совету Саэдрэ она возила с собой несколько штук, хотя до сих пор ни разу не использовала. И сейчас бы не хотелось, да что поделаешь, раз уж судьба сыграла именно в такую игру...

Рубин каплевидной формы на цепочке из лунного серебра, нагретый теплом её тела, посверкивал на левой ладони. Дорогой, благородный камень, а вскоре станет поистине бесценным. Но принесёт пользу только одному-единственному человеку, для которого он будет предназначен.

Над лесом силовые магические нити были чистыми и сверкающими, не запачканными никакой грязью. Если здесь когда-либо и творились злые дела, так светлая энергия деревьев уже давно её очистила. Как раз то, что нужно. Ну всё, хватит тянуть. Решила — сделает, сожалеет смысла нет.

Айриэ неловко провела лезвием ножа по правой ладони, не выпуская из левой руки зажатый в ней камень. Подождала, пока крови скопится достаточно, и опустила туда рубин, накрыв его сверху рукой. Камень ощутимо нагрелся и, кажется, пульсировал в такт ударам её сердца.

Она раскрыла ладони и сконцентрировалась, призывая к себе силовые нити и заставляя их втягиваться внутрь камня. Магия послушно текла в камень, наполняя его и обволакивая тёмным, постепенно застывающим облачком. Вокруг взвихрились потоки силы, сталкиваясь и бушуя, но возле Айриэ всё оставалось спокойным. Любому, находящемуся поблизости, пришлось бы несладко, даже Шоко, не говоря уж о людях, которые могли лишиться рассудка, а то и жизни. Слишком велика была концентрация магии вокруг, хотя самой драконне она не причиняла вреда.

Осталось добавить последний штрих. Айриэ извлекла из-за пазухи припасённую склянку с несколькими каплями крови Фирниора и побрызгала на зачарованный рубин. Кровь медленно впиталась внутрь, а тёмное «облачко» вокруг камня начало стремительно отвердевать.

Всё заняло не больше четверти часа. Вскоре на ладони драконны лежала тёмная, гладкая и тёплая на ощупь, застывшая «капля» с рубиново-красной искрой внутри. Легендарный «драконий камень» из полузабытых преданий. Такие ещё называют «сердце дракона», и никто по-настоящему не верит в их существование. Камень, способный выполнить одно, самое заветное желание своего владельца.

— Ты принесла ему — что?..

Гном явно подумал, что ослышался, и даже потряс головой, не в силах поверить в услышанное. Они сидели в комнате, где устроили Фирниора, выставив прочь всех сиделок и помощников.

— Его последний шанс, Бромор. Если уж «драконий камень» ему не поможет, то и ничто другое не способно.

— Ох. Чтоб мне в Кошмарную шахту провалиться! Горы-долы мои родненькие! Жила рудная, жизнь многотрудная!..

После чего гном перешёл на родной язык и с чувством высказался, давая выход охватившему его изумлению.

Айриэ терпеливо ждала, не понимая и половины сказанного. Гномьи ругательства заковыристые, ехидные и редко касаются половой жизни собеседника. Впрочем, Бромор говорил в общем, не затрагивая личных качеств подруги и разумности её поступка.

— Айриэ, ты что, влюбилась? — с некоторым испугом предположил гном, наконец перейдя на Всеобщий язык.

— С ума сошёл! — искренне ужаснулась драконна и даже содрогнулась.

— А-а, — успокоился друг, — а то я уж было подумал... Но зачем тогда? Не слишком ли высока цена?

— Моя ошибка — мне и платить. А цена... да к гоблинам лысым эту цену!..

Гном с сомнением покосился на лежавшего без сознания юношу, будто пытался определить степень его ценности.

— Хм, может, ты и права. Спокойная совесть дороже, это да. Но не знаю, решился бы я на твоём месте сделать подобное. Мне трудно представить, я же не дракон.

— Драконы не делают долгов, Бро. А если делают, стараются как можно скорее расплатиться. Как ни крути, я этому мальчишке жизнь исковеркала, вдобавок ни за что. Так

что всё честно.

— Если говорить обо мне, то я даже рад, мы же будем теперь чаще видаться, надеюсь, — усмехнулся гном и потёр свой гладкий подбородок. — Но тебе-то каково придётся?

— Привыкну, — довольно равнодушно откликнулась она. Что ей ещё остаётся?..

— Покажи мне его, что ли, вряд ли ещё когда доведётся увидеть подобное, — снова усмехнулся Бромор, на сей раз чуточку смущённо. — А потрогать можно?..

На утвердительный кивок Айриэ гном осторожно взял камень и благоговейно осмотрел со всех сторон. Он блаженно улыбался и ласково гладил зачарованный рубин кончиками пальцев. Бромор прямо-таки весь светился от восхищения и, кажется, забыл про всё на свете, в буквальном смысле прикоснувшись к чуду. Много ли гному надо для полного счастья?..

— Вот это вещичка!.. — выдохнул Бромор и неохотно вернул камень подруге. Нет, гном не возжаждал получить чужое сокровище, он просто наслаждался возможностью подержать в руках полузабытую легенду.

— С драконами поведёшься, ещё и не такое увидишь, — фыркнула Айриэ, возвращая замечтавшегося друга к реальности.

— Чудные вы существа!..

— Да и вы тоже.

Оба ухмыльнулись в полном согласии. Потом Бромор спросил:

— Думаешь, твоему Фирниору «сердце дракона» поможет?

— Надеюсь, Бро. Как бы то ни было, я буду знать, что сделала всё, что могла. Забери мальчишку в Фиарштад. Если выживет и вылечится, помоги ему как-то устроиться в жизни, хорошо? Я оставлю расписку на получение денег, надо не забыть сходить к вашим банкирам.

— Забудешь — пришлешь потом «письмоносца» с распоряжением, подумаешь. Этого достаточно, «письмоносца» от твоего имени никто кроме тебя не пришлёт. Сама же знаешь, магия не позволит, — ворчливо напомнил гном. — А с камнем что делать? Ведь владелец должен сам высказать то, что он желает получить, а твой приятель, вон, в сознание не приходит. Как лежал бревно-бревном, так и лежит

— Нужно надеть ему камень на шею, магия поддержит владельца, чтобы у него появилась возможность высказать желание. По крайней мере, в теории так должно быть, — вздохнула драконна.

— А если умрёт? Тебе всё равно придётся не покидать Акротос в течение ста лет?

— А какая разница, Бро? Камень ведь уже сотворён, и магии в него вложено немало. Я останусь и буду платить этому миру, как у нас полагается

— Что же это за закон такой? Сурово...

— Мы сами себе закон, Бро. И сами так решили. Если уж забираем столько магии на одно-единственное чужое желание, то мы должны отдать миру то, что взяли. Собственной магией и присмотром за этим самым миром. А сто лет — это, может, и многовато, но зато отлично спасает от соблазнов. Драконы не любят надолго задерживаться в чужих мирах, и тут именно что сто раз подумаешь, прежде чем решишься.

— Наверное, тот, для кого делаешь подобное, должен быть очень дорог... — помолчав, сказал гном.

— Не всегда, Бромор, поверь. Мой случай это доказывает, — пожал плечами Айриэ. — Хотя дрянному человеку я бы «драконий камень» не подарила, это да.

Айриэ приподняла голову Фиора и надела цепочку ему на шею. Всё, теперь никто,

кроме самого владельца, этот камень не снимет, даже с мёртвого. Показалось или нет, но юноша вроде бы сразу задышал ровнее. Кажется, камень начал потихоньку вливать в Фирниора силу. Может, и очнётся...

— Скажи ему, что перед тем, как озвучить желание, надо смочить камень собственной кровью, хотя бы капелькой. Это неременное условие, так проснётся магия, заключённая в камень.

— Сама бы осталась и проследила за всем, неугомонная, — сварливо сказал гном.

— Делать мне больше нечего! У него сиделка есть. А я в Дилианию, пожалуй, съезжу. Непокойно мне, Бро. Какое-то там нехорошее магическое возмущение наблюдается, отголоски аж до Юнгира донеслись. «Чёрный Вестник», скорее всего, свалился где-то в необитаемых местах, в противном случае мы бы уже услышали о взрыве артефакта и многочисленных жертвах, — заметила магесса. — Хочу попробовать поискать то место, по возмущениям магического поля. Проверить надо, что этот паскудный голубок натворил. Боюсь, не мог он так просто самоуничтожиться, не напакостив напоследок.

— Я тебе «письмоносца» пришлю сообщить, что с твоим приятелем.

— Да не обязательно, Бромор. Дальше пусть будет что будет. Не могу же я помнить о каждом человеке, с которым когда-либо имела дело. Я о них забываю почти сразу, как расстанусь, — честно призналась драконна. — А то на всех никакой памяти не хватит.

— Как прикажешь, подруга, мне-то без разницы. Сним точно всё, ничего больше не надо сделать? — кивнул гном на юношу.

Айриэннис в сомнении оглядела больного.

— А знаешь, Бро, дам-ка я ему ещё своей крови, для верности, — внезапно решила она. — Не то чтобы это ему сильно помогло, но предыдущее «вливание» Фиора вроде бы поддержало. А может, мне показалось, не знаю. Но ладно уж, нескольких капель мне не жалко.

Совпало так или нет, но после смачивания губ драконьей кровью Фиор внезапно открыл глаза. Впрочем, они были мутные и ничего не выражающие, однако глотал юноша самостоятельно. Расщедрившись, драконна влила в него примерно с полстакана драгоценной во всех смыслах жидкости и сочла свой долг по отношению к Фирниору выполненным с лихвой.

На следующее утро Айриэннис отправилась в Дилианию, искать место падения «Чёрного Вестника».

Всё оказалось намного хуже самых мрачных предположений.

«Чёрный Вестник» упал в безлюдной болотистой местности на севере Дилиании, но это так и осталось единственной относительно хорошей новостью. Больше их не было, зато скверные поступали одна за другой. Гнусное изделие проклятого и прОклятого Орминда Файханаса прорвало магическую оболочку Акротоса и создало стационарный портал в Нижние миры, откуда волной хлынула нечисть. Никем не контролируемая, голодная и вечно жаждущая крови разумных. Людей в тех краях жило немного, уничтожения нескольких затерянных в лесах деревенок поначалу просто не заметили. Выживших в них не осталось, и поведать о внезапном нападении жутковатых монстров было некому. Когда ошалевшая от свободы и вседозволенности нечисть добралась до более густонаселённых мест, о монстрах узнали. Только было уже поздно, твари из Нижних миров жрали в три глотки и плодились быстрее крыс. Земляные демоны, кхайгаши, были ещё не самыми опасными среди них. На Акротос напали никогда не виданные здесь монстры и хотели они лишь крови и боли разумных.

Деревни и городки, где имелись свои боевые маги, продержались чуть дольше прочих, но все неизбежно подвергались опустошению. Из жителей уцелели единицы, и то случайно. Пока власти спохватились, пока узнали о прорыве и попытались организовать какую-то защиту от нападений, погибло множество людей, а нечисть всё шла через портал и вдобавок размножалась на месте.

Драконий Орден направил в Дилианию своих представителей, но тамошний король вместо благодарности только шипел сквозь зубы и порывался объявить вообще всех магов вне закона. Мол, это из-за их колдовских штучек случилось подобное. Короля быстро урезонили его же собственные советники, но зло на Орден он затаил. Впрочем, драконьих магов неприязнь дилианского короля волновала меньше всего — имелись проблемы и посерьёзнее.

Прорыв нечисти создал угрозу для всего Акротоса, и действовать следовало незамедлительно. Прежде всего необходимо было уничтожить портал, чтобы остановить приток новой нечисти, однако до него оказалось почти невозможно добраться. Айриэ пробовала лично — и еле унесла ноги.

Когда драконна пересекла границу Дилиании, о монстрах как раз только узнали. У Ордена имелись глаза и уши в каждом королевстве, поэтому о прорыве там слышали одними из первых. С Айриэ связались с помощью магических «письмоносцев», сообщив о внезапно возникшей угрозе, и драконна с самого начала почти не сомневалась, кто виновник этого кошмара. Файханасов надо было уничтожить сразу, не сомневаясь и не уступая просьбе Кайнира. Король поступил недальновидно для правителя и естественно — для нормального человека. Но она, Айриэ, всё-таки должна была настоять на жёстком варианте. Расслабилась... подумала, что уютный мирок, «заповедник» — место, где плохого почти не случается. Вот и получила сюрприз. Не стал бы теперь Акротос заповедником монстров...

Здесьние маги не имеют боевого опыта, и сколько их ещё стинет ни за что, пока научатся... При одной мысли об этом становилось муторно. По совету драконны Орден разослал своим магам нечто вроде письменного руководства с кратким описанием обитателей Нижних миров и их уязвимых точек. Но книжные знания одно, опыт — совсем

иное. Часто его приобретение оплачивается потом, кровью... и хорошо, если не жизнью.

Да и монстров в Акротос прорвалось чересчур много. Что говорить, эти твари представляли нешуточную угрозу даже для дракона — правда, для дракона в бескрылой ипостаси и не имеющего доступа ко всей своей силе. Но портал-то следовало уничтожить как можно скорее, а добраться до него не получилось. Айриэ направилась в Болотный Край — примерно туда, где монстров, по слухам, было больше всего. Приблизившись на достаточное расстояние, она сумела установить точное место нахождения портала. Запустила «поисковик» и следила за ним, скользя сознанием по магическим нитям мира. Увидела всё, что требовалось, но физическое тело просто так по силовым нитям не проведёшь. Чтобы закрыть портал, до него сначала надо было добраться. Вот только чем дальше на север, тем чаще встречались твари. Сначала одиночки — сильные, сытые, но вследствие этого же слегка ленивые и неповоротливые. С такими драконна расправлялась без особого труда. Потом монстры пошли стаями, голодные, озлобленные и очень опасные. Пусть Айриэ точно знала, кого и какими именно заклинаниями следует убивать, в одиночку ей было не справиться. Чутьё на разумных у изголодавшейся нечисти было великолепным, и пробраться к portalу тайком было невозможно. А уничтожать всех сбегаящих к ней чудовищ Айриэннис сейчас сил бы не хватило. Здесь требовались крылья и драконье пламя. Значит, нужно было дожидаться Начала Зимы и не думать о том, сколько людей погибнет до тех пор, пока драконна не уничтожит портал.

В общем, в какой-то момент Айриэ сдалась и повернула назад, поняв, что ещё день-другой — и её, и так уже измотанную до предела, банально сожрут, задавив числом. Под конец они с Шоко удирали из последних сил, и Айриэ не знала, на что тратить скудно пополнявшийся магический резерв: на вливание энергии в почти что загнанного коня или на слабо отгоняющие нечисть заклинания. Потому что на уничтожение многочисленных монстров магии уже не оставалось. Айриэ могла сделать только одно: послать «письмоносца» своим, после чего привела стаи монстров к старой крепости Доггор, стоявшей на берегу моря на самой границе с Юнгиродом.

Они с Шоко добрались до Доггора живыми, а там их уже ждала подмога. Пять орденских магов и двое эльфов, на совесть заговоривших крепостные стены. Крепость взяли в кольцо, ибо оголодавшие монстры чуяли укрывшихся за стенами разумных, а все окрестные деревни опустели. Людей предупредили, и большинство успело уйти в Доггор, а кто не внял голосу рассудка и пожалел нажитое добро — стал пищей для монстров. Осада города продлилась недолго, впрочем. Проспав почти сутки мертвецким сном и восстановив резерв, Айриэ показала своим недавним преследователям, что не всякая добыча сладка и желанна. О драконью шкуру можно и зубки обломать.

Тут-то и выяснилось ценнейшая вещь: оказалось, что капля драконьей крови в сплаве со здешней эльфийской магией способна создать преграду, которую физически не может переступить ни один из обитателей Нижних миров. Именно от крепости Доггор через всю Дилианию на восток потянулась Заграда. Невидимая обычным зрением и неосязаемая граница, буквально прочерченная драконьей кровью и эльфийской магией. К счастью, крови требовалось не так уж много, но о времени установления Заграды Айриэ вспоминать не любила. Она шла тогда пешком через всё королевство, почти непрерывно творя магию и подыхая от тяжёлой, мутной усталости. Эльфы меняли друг друга, но дракон-то в Акротосе имелся всего один, и силы его были не безграничны. Айриэ спала пару часов в сутки, да и то урывками, но выдержала. Все они выдержали, хоть это и казалось порой невозможным.

Заграду поставили примерно за две декады, но это был успех, обжигающий едкой горечью.

Для охраны ставящих Заграду собрали крупный отряд воинов и магов, уничтожавших монстров, пытающихся добраться до добычи. Впрочем, иной раз выдавались удивительно спокойные дни, когда им не встречалось ни единого монстра. Эльфы с драконной обнесли заслоном столицу королевства Хойброк и двинулись дальше на восток, до Сайгары. Потом заслон пошёл на северо-восток, по границе с Сайгарой — и так до самого моря. Очертили громадный кусок, весь так называемый Болотный Край, запирая монстров внутри. Оставшихся за Заградой людей выводили посланные отряды магов, а некоторые счастливчики выбирались сами. Спасшихся и спасённых было немного, но они были, да и не такое уж большое число людей жило в болотах. Те твари, что прорвались дальше, будут уничтожены позже, постепенно. Да, они представляли огромную опасность, и вылавливать их предстояло, наверное, не одно десятилетие, но теперь хотя бы нечисть не шла непрерывным потоком. От неё уже можно было защитить людей, и для этого годился любой маг, владевший боевыми заклинаниями, и даже воины, защищённые специальными амулетами, и вооружённые заговорёнными мечами. Оставалось ждать драконьего дня, когда Айриэ долетит до портала и уничтожит его, восстановив прорванную магическую оболочку мира.

После Заграды Айриэ без сил провалялась несколько дней: так плохо ей ещё никогда не было. Даже резерв восстанавливался скудно и медленно, хотя драконна только и делала, что ела и отсыпалась. Бледной она оставалась ещё долго, но крови хватило на установку заслона, а это главное.

Слегка придя в себя и вернувшись, так сказать, в мир живых, драконна узнала новую чёрную весть. Погиб Бромор.

Её давний друг, узнав о прорыве, конечно же, не усидел в своём безопасном Фиарштаде и ринулся в самую гущу событий. Боевой отряд гномов в сопровождении драконьего мага занимался уничтожением нечисти и эвакуацией уцелевших людей. Отряд совершал всё новые и новые походы в Болотный Край, но однажды наткнулся на огромную стаю голодных монстров. Из всего отряда выжило трое — два гнома и маг, который навсегда остался искалеченным, лишившись руки.

Конец осени драконна провела, делая вылазки в Болотный Край, через Заграду, и уничтожая монстров. Может, в метаниях и не было большой пользы, потому что за один «драконий день» Айриэ успеет сделать больше, чем за весь предыдущий месяц. Зато это помогало отвлечься от мрачных, тяжёлых мыслей. Если бы она ничего не делала, то, наверное, свихнулась от безделья и глухой тоски. Подобрал себе десяток соратников — орденских магов и воинов, драконна с остервенением уничтожала проклятых тварей везде, где только встречала. Когда становилось совсем опасно, отряд уходил через Заграду, оставляя стаи монстров тупо биться о невидимую преграду и рычать от бессильной ярости.

Погода вдобавок стояла гнусная, почти каждый день шли дожди вперемешку с размякшей снежной крупой, и всё вокруг было мокрым, осклизлым и стылым. Даже лишайники на сырых потемневших стволах деревьев выглядели какими-то разлезшимися от влаги. От всепроникающей сырости не спасали ни гномьи, ни эльфийские плащи, ни даже заклинания. Впрочем, резерв у Айриэ был почти всё время на низком уровне, и позволить себе такую роскошь, как согреться заклинаниями, она не могла. Лучше уж парочку-другую монстров прикончить, это хотя бы приносило чувство мстительного удовлетворения.

Под конец месяца задул резкий северный ветер, ударили морозы и лёг снег — пока

неглубокий, но надёжно замаскировавший грязь раскисших дорог. За несколько дней до наступления зимы Айриэ увела своих измотанных людей в ближайший городок, где имелся филиал гномьего банка. Магесса, не скупясь, расплатилась с соратниками и распустила отряд, напоследок посоветовав заняться охотой на прорвавшихся за границу Дилиании монстров. По слухам, нападения тварей уже случались и в Юнгироде, и в Сайгаре, и в Эстиссе, что лежала на юг от Дилиании.

Айриэ предчувствовала, что в ближайшие сто лет ей будет, чем заняться... корррявое Равновесие!.. Придётся создавать отряды охотников и посылать их истреблять тварей. Впрочем, уже сейчас Драконий Орден объявил весомую награду за убитых монстров — при предъявлении ушей, рогов или иных частей тела, разумеется. Имелось одно довольно простое заклинание, которое позволяло безошибочно определить выходца из Нижних миров, так что мошенники могли не надеяться поживиться за счёт Ордена. Впрочем, дураков обманывать могущественных магов и не нашлось бы, особенно теперь.

В Канун Зимы разыгралась метель, исхлеставшая ветром и колючим снегом всех редких безумцев, отважившихся высунуть нос на улицу. Айриэ благоразумно осталась в своём номере на захудалом постоялом дворе, велев принести побольше дров и подогретого вина с пахучими чесночными колбасками. Больше ей ничего не было нужно, только бы день прошёл поскорее.

После полуночи Айриэ собиралась открыть портал в Болотный Край, до того места, куда она добралась в прошлый раз и вынуждена была повернуть, удирая от преследовавших её тварей. Однако в миг, когда её сила проснулась, позволяя дышать свободно и стать собой, в комнату из взвихрившейся пустоты портала шагнул Саэдрэ.

Назад

1234

Вперед

Назад

1234

Вперед

Поджарый, узкобёдрый, гибкий, стройный, опасный; порывистый и умеющий выжидать, вспыльчивый и терпеливый, противоречивый и свободолюбивый — как все драконы. Торсаэдранир, лучший друг и терпеливый наставник, взявший когда-то под свою опеку юную драконну, прожившую свой первый год и отметившую начало взрослой жизни. Драконы приходят в мир полностью разумными, в своём истинном облике. У них нет периода детства в понимании остальных рас, но первый год жизни родившийся дракон проводит с родителями, почти не расставаясь с ними, перенимая опыт и память предыдущих поколений, обучаясь летать и владеть своей магией. После кто-то из взрослых драконов принимал под своё крылышко неопытного юнца и увозил его в путешествие по иным мирам, обучая и тренируя. А родители, отдавшие два года жизни и почти все силы, отправлялись отдыхать и приходить в себя.

Драконы рождаются трудно, долго, но и завораживающе прекрасно... если смотреть со стороны. Пара, решившаяся обзавестись потомством, целый год без перерыва танцует так называемый Танец Жизни. Им не требуется еда или время на сон, пара находится в магической оболочке Драконниара, вытанцовывая — иначе и не скажешь — нового дракона. Двое в своей крылатой ипостаси кружатся среди вспыхивающих силовых нитей, сплетают тела и энергию, смешивают свои сути — чтобы в мир пришёл молодой дракон. Родители

создают сферу, состоящую из взвихряющихся и сталкивающихся поток энергии — защитный кокон, внутри которого спит будущий дракон. Сфера раскрывается через год, выпуская в мир новорождённого.

Айриэ всегда будет признательна Саэдрэ за терпение и чуткость, с какими он пестовал неопытную девчонку, едва научившуюся летать — в прямом и переносном смысле. Саэдран — друг, брат, наставник, первый мужчина, и вообще, пожалуй, самый близкий во всех мирах. Но...

Он молча обнял, а она с благодарностью прижалась и стала передавать свои воспоминания и частично эмоции, не раскрываясь, впрочем, до конца. Даже Саэдрану не стоит открываться полностью, потому что драконы, в общем-то, одиночки и редко впускают в свою душу кого-то другого. Не настолько близко, не настолько тесно... иначе становится трудно дышать и жить.

Поделившись воспоминаниями, Айриэ чуть отстранилась и принялась рассматривать друга. Похудел больше обычного, щёки ввалились, и явно чем-то расстроен, хотя старательно это скрывает. Не знаешь — не заметишь, но она-то изучила Саэдрэ достаточно хорошо. Когда он счастлив, улыбается совсем по-другому. И глаза... У него светлеют от радости, а когда они такие тёмные, сине-зелёные, как море — Саэдрэ чем-то глубоко задет.

Не сговариваясь, оба одновременно установили «полог тишины», и дракон вопросительно приподнял брови, пытливно глядя на подругу.

— Ты расстроена, Риэни.

— Ты тоже. — Она с наслаждением перешла на родной язык, отдыхая душой и телом от чужого мира и чужой жизни.

— Сначала ты расскажи, — предложил он, сочувственно улыбнувшись краешком губ.

— У меня друг погиб.

Айриэ поделилась ещё кусочком воспоминаний, и Саэдрэ накрыл её руку своей, молча сопереживая.

— Я не ожидала, что ты придёшь сюда.

— Мог ли я не прийти, Риэни?

— Услышав о сделанной мной глупости? — усмехнулась она.

— Глупости ты делаешь редко. И не в этот раз, Риэни. Не слишком счастливое стечение обстоятельств, и ты попала в ловушку. Тут никто не виноват. Я бы тоже сделал так... если тебя это утешит.

— Ладно, пускай нечаянная ловушка, плевать, я уже свыклась. Почти, Саэ.

— Я останусь с тобой, — предложил дракон, глядя ей в глаза, и сердце Айриэ сначала радостно трепыхнулось... а потом отозвалось тоскливым беззвучным стоном.

Иметь рядом близкого, сородича, друга — равного во всех отношениях, того, кто понимает тебя едва ли не лучше, чем ты сама. Заманчиво, очень. Мир выдержит двоих драконов, но...

Не выйдет из этого ничего хорошего. Саэдран не заслужил такого. Потому что он на редкость привязчив для дракона. Потому что хочет постоянно быть рядом и делить с ней жизнь, а ей, Айриэ, подобное — хуже удавки. Она привыкла летать свободно, и даже замечательный во всех отношениях Саэдран станет её стеснять. На расстоянии Айриэ любила его больше, чем когда он всё время был рядом. Без него дышалось легче, чем с ним, вот и вся правда.

Но самое главное, то, что для неё было всего лишь источником раздражения, для него

— боль. Пусть он не подаст виду, не упрекнёт ни взглядом, ни словом, но она-то чувствует, что с ним творится. Боль Саэдрана она понимала, только избавиться от неё не могла. Иначе придётся ломать саму себя, а это хлестнёт по обоим сильнее, чем просто её отказ приблизиться. И нечестно заставляя его довольствоваться ролью друга, водить на коротком поводке, не позволяя ни уйти, ни быть рядом так, как хотелось ему.

— Я не меняюсь, Саэдрэ, — негромко ответила она, твёрдо выдержав его взгляд.

Он понял, конечно же — он всегда понимал её лучше других. Покачал головой, принимая ответ, но не смиряясь. Саэдран ведь тоже не менялся.

— Тогда буду изредка навещать тебя в здешние «драконьи дни», Риэни.

— А вот за это отдельное спасибо, — благодарно обняла она друга. Если не видеть сородичей, можно и забыть, что ты дракон. А если не видеться с Саэдраном, забудешь себя настоящую. Он, как никто другой, дарил восхитительное чувство надёжности в любом зыбком болоте дурных воспоминаний. — Только... не приходи слишком часто, хорошо? Мне будет легче... справляться.

Смешно... И с ним плохо, и без него. Он опять точно уловил её настроение и кивнул, бросив быстрый, внимательный взгляд из-под полуопущенных век. Насквозь видит. И вопреки всему продолжает ждать. Ох, милый Саэдрэ...

Она встряхнулась, отогнав лишние мысли и вспомнив об ожидавшей её нудной охоте. Потому что это действительно было скучновато: летать над Болотным Краем, выискивать драконьим зрением магический след чуждых этому миру тварей и уничтожать их прицельными огненными плевками. В арсенале драконов имелось несколько различных видов пламени, в том числе такое, которое выжигало только нечисть и не задевало то, что находилось рядом. Удобно, что можно было не бояться задеть своих или поджечь лес... но скучно. Впрочем, охотиться вдвоём будет веселее, да и мир потом потребуется подлечить, потому что над Дилианией вспухали новые чёрные «узлы». С сородичем это получится быстрее и легче.

— Мне пора, времени мало... Ты со мной, Саэ?

— С тобой, — снова кивнул он и придержал Айриэ, собравшуюся открыть портал в Болотный Край. — Подожди, Риэни. Я хотел предупредить... будь осторожнее, не повторяй моей ошибки. Не привязывайся к этому миру и его обитателям слишком сильно... если у тебя получится, конечно. Мир тебя зацепил, Риэни... Потом будет больнее рвать все связи, я-то помню. До сих пор шрамы побаливают.

— Да не так уж сильно Акротос меня зацепил, — повела она плечом. — Тебе показалось, Саэдран. Я не испытываю к здешним обитателям какой-то особой привязанности. Друзья у меня, пожалуй, остались в каждом из посещённых миров, но расставания для дракона — обычное дело. Я давно привыкла, не беспокойся. К тому же эта проблема будет неактуальна ещё целый век, ты разве забыл?

Он не отозвался на шутку, только грустно улыбнулся. Мудрый-мудрый, прозорливый, зоркий Торсаэдранир. Иногда от его мудрости становится тоскливо и муторно, как сейчас. Потому что он редко ошибается, вот что самое печальное.

Через несколько минут комната опустела, а над заснеженными, скованными ледком дилианскими болотами в небо поднялись два дракона — изумрудный с серебром и чёрный, с чешуёй, отливавшей благородным старым золотом.

Конец первой книги

